

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 5

Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 5

Москва Издательство «Алгоритм» 2005

ББК 13.5.1
О 80

О 80 От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 5. — М.: Изд-во «Алгоритм», 2005. — 608 с.

ISBN 5-9265-0187-3

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в 2003—2004 годах в рамках целевой программы Академии исторических наук. В томе представлены воспоминания 50 ветеранов войны в авторской редакции.

Книга послужит источником для научных исследований историков, для создания новых учебников, литературных произведений, а также может быть полезна интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием, и первые 650 экземпляров каждого тома предназначены для распространения по установленному Академией перечню: 50 — ветеранам-авторам статей, 50 — их помощникам-студентам, 50 — преподавателям. По четыре экземпляра бесплатно передается в каждый регион России, по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Кроме этого, предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек руководителей государств и зарубежных университетов.

Все тома размещаются на Web-странице www.ainros.ru Академии исторических наук, доступной пользователям сети Интернет, для бесплатного чтения и копирования из любого места земного шара, в том числе в школе, университете, войсковой части, офисе или квартире.

В издании тома оказал помощь Благотворительный фонд “Вольное Дело”

ББК 13.5.1

ISBN 5-9265-0187-3

© Академия исторических наук, 2005
© ООО «Алгоритм-Книга», 2005

*Посвящается величию
Подвига Солдата
Великой Отечественной войны*

Дорогой читатель!

Перед Вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарниц величайших сражений, народ назвал их Солдатами Победы.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

СОДЕРЖАНИЕ

1	Андреева (Васильева) Татьяна Николаевна	
	Нам же, медикам, строго запрещалось...	14
2	Баклажец Юрий Александрович	
	Военные годы моей жизни	32
3	Баловнев Георгий Григорьевич	
	Пулеметчик	35
4	Боцман Владимир Гаврилович	
	На перевалах Кавказского хребта	40
5	Брусницын Николай Александрович	
	Связь с Верховным	52
6	Вислобоков Иван Емельянович	
	Аэрофоторазведка	90
7	Власенко Николай Михайлович	
	Моя военная молодость	108
8	Горчаков Николай Михайлович	
	По дороге к Берлину!	111
9	Горшков Тимофей Васильевич	
	Случай в разведке	115
10	Гришин Николай Кузьмич	
	В партизанском отряде	119
11	Гусев Георгий Сергеевич	
	На шести фронтах!	123
12	Данелия Александра Дмитриевна	
	В Петрозаводске	152
13	Добровольская (Гусева) Зоя Ивановна	
	Как я на коне выехала на передовую	155
14	Дьяков Игорь Николаевич	
	Ратный труд	194
15	Егоров Виктор Петрович	
	Воспоминания музыканта-автоматчика	201
16	Егоров Владимир Николаевич	
	Мне пришлось в течение 10 дней учиться на танкиста	203
17	Заварухин Павел Филиппович	
	Солдат пяти войн	208
18	Загайнов Анатолий Кириллович	
	Две войны	267
19	Загородников Борис Иванович	
	От Алексина до Германии	272

20	Заполь Михаил Юделевич	
	В военно-дорожном отряде	291
21	Иванникова Анна Алексеевна	
	Война мне до сих пор снится	297
22	Иванов Юрий Сергеевич	
	В конце апреля 45-го	302
23	Игнатов Иван Иванович	
	Под Сталинградом	307
24	Измайлов Владимир Петрович	
	Всегда в строю, всегда впереди	317
25	Каменев Федор Алексеевич	
	Я служил разведчиком отряда	322
26	Карягин Дмитрий Иванович	
	Четырежды горевший в танке	326
27	Каторгина Мария Сергеевна	
	Эпизоды войны	333
28	Кашкин Иван Тимофеевич	
	В бою под Одессой	336
29	Кравцов Борис Васильевич	
	Вызываю огонь на себя	347
30	Лобковская Нина Алексеевна	
	Была такая рота... ..	359
31	Миронов Александр Ильич	
	Дотянуть до своих... ..	383
32	Никитин Иван Петрович	
	Время — детство	390
33	Никифоров Константин Степанович	
	На Черноморском флоте	403
34	Оборина Мария Наумовна	
	Детство, опаленное войной	408
35	Отставнов Виктор Александрович	
	Авиационный механик	412
36	Павлов Вячеслав Николаевич	
	Сапер ошибается один раз	423
37	Паночек Сергей Ксенофонтович	
	В Русских Бродах	440
38	Пирогова Мэри Иосифовна	
	Операцию заканчивали в лесу	456
39	Пичков Борис Петрович	
	Дорога к Победе	460
40	Пономарев Михаил Евгеньевич	
	Воспоминания фронтовика-танкиста	465
41	Раздольский Роман Григорьевич	
	Из восемнадцати в живых осталось только двое	471

42	Резаков Константин Тимофеевич	
	Командир противотанковой группы	486
43	Романов Михаил Яковлевич	
	Штурмовики над Карпатами	496
44	Рыбальченко Алексей Федорович	
	Воспоминания инвалида Великой Отечественной войны	512
45	Сафонова Анна Григорьевна	
	На санитарной службе	516
46	Сволоков Анатолий Иванович	
	Был трижды в окружении	520
47	Семенов Виктор Николаевич	
	Великая Отечественная война	524
48	Семенов Виктор Семенович	
	Задержать противника хотя бы на несколько дней	529
49	Сенюрин Борис Архипович	
	Пять суток без сна и отдыха	532
50	Сергеев Артем Федорович	
	«Это, выходит, опять вас? Это, выходит, как замороженный!»	537

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над Рейхстагом, освободил Прагу и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать — урок недругам, заряжающим на чужие земли. Победа — это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленный маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали появляться лишь в последнее

десятилетие. Крайне редко издаются солдатские мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя — без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они — носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких, как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, героизма, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них — ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

В преддверии 60-летия Великой Победы еще более ощутимым стал недостаток в солдатских мемуарах. Стала явной и насущной потребность собрать, сохранить и издать воспоминания всех участников боевых действий.

Редуют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны продолжена работа по созданию многотомной серии воспоминаний всех участников боевых действий Второй мировой войны — от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций каждый том предполагается издавать минимум в 850 экземпляров, первые 100 из которых передаются ветеранам и студентам, а остальные 550 экземпляров направляются в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и глав исполнительной власти всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии, Московского комитета ветеранов войны в целом и факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003—2004 годах факультетами и кафедрами военного обучения еще одиннадцати российских высших учебных заведений:

- Московского авиационно-технологического университета,
- Московского государственного горного университета,
- Московского государственного лингвистического университета,
- Московского государственного строительного университета,
- Московского государственного технического университета им. А. Н. Косыгина,
- Московского государственного университета природоустройства,
- Московского инженерно-физического института (государственного университета),
- Московского энергетического института (технического университета),
- Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова,

- Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского,
- Московского государственного агроинженерного университета им. В.П. Горячкина.

В результате этой работы, кроме изданных и настоящего, подготовлены материалы воспоминаний еще для семи томов.

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института начата работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов превзошла все ожидания: за один осенний семестр подготовлены материалы 70 ветеранов. Приобретенный опыт уже используется университетами и молодежными организациями Московской и Смоленской областей и Краснодарского края. Это вселяет уверенность в реальности девиза создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» — «Никто не забыт, ничто не забыто».

Шоль Евгений Иванович
Президент Академии исторических наук

Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской
танковой армии, генерал-майор в отставке

ПРЕДИСЛОВИЕ К 5-му ТОМУ

Академия исторических наук и Московский городской комитет ветеранов войны задумали и осуществляют большое и полезное дело патриотической, воспитательной направленности. Изданы первые тома воспоминаний участников Великой Отечественной войны «От солдата до генерала» — уникальной книги, содержащей живые свидетельства живущих ныне ветеранов.

В преддверии 60-летнего юбилея Великой Победы советского народа над фашистской Германией правдивые рассказы рядовых участников войны как нельзя лучше отвечают на вопросы ныне живущих поколений, в чем заключалась та сила, которая сумела одолеть вероломного, коварного врага, насколько крепко сплотился весь советский народ ради решения одной-единственной задачи — дать отпор фашизму и стереть его с лица земли.

Воспоминания ставят заслон всевозможным измышлениям очернителей и хулителей прошлого, восстанавливают историческую справедливость, правду о великом подвиге как в целом всех, кто воевал на фронтах Великой Отечественной войны, так и каждого солдата и офицера в отдельности.

С этой точки зрения публикуемые воспоминания ветеранов о войне, будь то рассказы об отдельных эпизодах или более развернутых картинах боев, лично пережитых каждым автором, являются ценным источником для изучения историками и в целом поколениями тех, кто ныне отдаленно знает о войне. И, конечно же, они сослужат добрую службу составителям учебников, писателям, всем, кто по-настоящему интересуется историей Родины.

В Совете Всероссийской организации ветеранов особенно высоко оценивается методика написания воспоминаний. Закрепление за каждым участником войны, пожелавшим поделиться пережитым, студента университета, учащегося профтехучилища, вообще молодого человека для помощи в изложении материала, его литературной обработке — большая находка авторского коллектива.

На деле осуществляется тезис о преемственности поколений. Каждый молодой человек становится как бы участником событий многолетней давности, пропускает их через свое сердце и, конечно же, становится носителем правды о войне, о героическом прошлом

нашего народа, становится проводником патриотического воспитания в своей молодой среде. Кроме того, для многих из них это первая проба пера, что также имеет немаловажное значение и в житейском плане пригодится каждому.

Презентация первых томов мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» с вручением соответствующего тома каждому автору и его молодому помощнику, задуманная и осуществляемая ныне рассылка книг по субъектам Российской Федерации получают большой положительный резонанс. Нам известно, что в ряде ветеранских организаций страны внимательно изучается опыт москвичей, определяются базовые учебные заведения, студентов и учащихся которых по примеру Московского авиационного института можно привлечь к обработке воспоминаний ветеранов.

Надеемся, что эта работа будет продолжена, что она охватит все регионы страны, а мемуары солдат Великой Отечественной войны будут долго жить, воспитывать у новых поколений граждан России чувство любви к своей Родине, умение защищать ее рубежи.

С пожеланиями доброго пути книге

Трунов Михаил Петрович
Председатель Совета Всероссийской организации
ветеранов (пенсионеров) войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Дорогие читатели, ветераны и молодые люди!

Пятый том серии «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» выходит в канун великой даты для нашего народа — 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. Для нашего Благотворительного фонда «Вольное Дело» большая честь — от всей души присоединяясь к звучащим в эти дни многочисленным поздравлениям и наилучшим пожеланиям ветеранам, внести свой вклад в сохранение священной памяти тех далеких военных лет. Для нас особенно важно, что со страниц этого издания звучат подлинные голоса очевидцев — участников войны, доносящие до нас ничем не приукрашенную окопную правду.

Одна из главных задач нашего Фонда сегодня — это социальная поддержка всех ветеранов — бывших бойцов Великой Отечественной войны и их вдов, тружеников тыла и инвалидов. В частности, в этом направлении мы участвуем в восстановлении и поддержании в надлежащем порядке мемориалов и захоронений павших героев, поддерживаем нуждающихся ветеранов и их организации, содействуем в издании свидетельств, воспоминаний, помогаем в лечении, участвуем в нравственно-воспитательной работе с молодежью.

Хотелось бы в этом плане особенно выделить наше участие в двух последних программах, связанных с подготовкой к празднованию 60-летия Победы: оказание помощи вдовам павших солдат из разных регионов России в рамках акции «Вдовы Великой Отечественной войны» и финансирование Межрегионального фестиваля молодежи и студентов Юга России «Патриотизм и современность: не оборвать связующую нить».

Участие в проекте «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» потому и заинтересовало нас, что в подготовке воспоминаний ветеранов приняли непосредственное заинтересованное участие молодые люди — достойные наследники своих отцов и дедов, делающие все, чтобы сохранить священную память героев. Для них, для всех нас — это настоящая школа патриотизма.

Благотворительный фонд «Вольное Дело»

**Андреева
(Васильева)
Татьяна
Николаевна**

НАМ ЖЕ, МЕДИКАМ, СТРОГО ЗАПРЕЩАЛОСЬ...

Я русская, родилась 14 января 1924 года в селе Яблоново Задонского района Орловской области в многодетной крестьянской семье. С 1933 года живу в Москве. Училась в бабушкинской школе №6, тогда это был Мытищинский район Московской области. В 1939 году вступила в комсомол.

Помню комсомольские собрания с докладами о международном положении, где с тревогой говорили о триумфальном шествии немецкого фашизма по Европе, его приближении к нашим границам и необходимости готовить себя к защите Родины. В газетах и по радио постоянно говорили о непобедимости нашей армии и о уничтожении врага в случае войны на его территории и мы, школьники, верили, что именно так и будет. Я, как и многие мои сверстники, тоже хотела быть полезной своей стране. Предвоенный фильм «Фронтовые подруги» затмил воображение. Я была величайшим патриотом своей Родины. Ходила в Московский дом пионеров в пулеметный кружок, стала «Ворошиловским стрелком», окончила курсы по гражданской обороне, но этого было недостаточно. По всей стране в это время прославлялись наши знаменитые летчики Чкалов, Беляков, Байдуков. На меня особое впечатление произвел беспосадочный перелет на Дальний Восток самолета «Родина» с его знаменитым экипажем в составе Марины Расковой, Валентины Гризоду-

бовой и Полины Осипенко. Я тоже очень хотела быть летчицей. Неоднократно подавала заявления в Мытищинский аэроклуб, но мне отказывали, так как я была слишком молода. Тогда я записалась в планерный кружок при аэроклубе, надеялась в дальнейшем перейти в аэроклуб. Все это не мешало мне хорошо учиться.

В 1941 году окончила девятый класс средней школы. Начало войны застало меня на планеродроме, где я ночевала, т.к. полеты начинались в 5 часов утра. Для меня не стоял вопрос — идти или не идти на фронт. Вместе с моими подругами-одноклассницами Верой Корсунской и Леной Волковой 23 июня 1941 года мы обратились в Мытищинский горвоенкомат с просьбой отправить нас на фронт. Нас сразу направили в районную больницу, где мы провели всего одну ночь и дежурный врач учила нас, как правильно держать бинты в руках, делать перевязки, накладывать шины из подручных средств, считать пульс, мерить АД, менять белье раненым и т.д. На следующий день мы уже занимались строевой подготовкой в военкомате, а с 26 июня находились на казарменном положении.

Работа на военно-санитарном поезде

Нас направили санитарными дружинницами на военно-санитарный поезд №95, где мы приняли военную присягу.

Сначала надо было подготовить поезд к приему раненых. Несколько дней весь персонал поезда, и я в том числе, мыли, чистили вагоны, накрывали постели, готовили посуду, из которой надо было кормить раненых.

7 июля 1941 года мы приняли первых раненых в г. Великие Луки. Все это происходило под бомбежкой. Осколком разорвавшейся бомбы были ранены наша медсестра и санитар, но несмотря на это я не ощутила страха, лишь отметила, что звук немецких самолетов отличался от звука наших. Он был какой-то прерывистый, толкающий. Чувство страха пришло ко мне позже, когда мы уже с ранеными далеко отъехали от Великих Лук.

Тяжело раненных я размещала на нижних полках, легко раненных — на верхних. Через два часа мы уже отправились в обратный рейс, в тыл. Я помню свое отношение к раненым — это было высокое, святое чувство любви и сострадания. Во время

всего пути следования я день и ночь ухаживала за ними: давала таблетки от боли и от кашля, подбинтовывала промокшие повязки, поправляла шины, переворачивала тяжело раненных на другой бок, давала пить, носила утки и судна... Носила пищу из вагона-кухни три раза в день в двух ведрах и раздавала ее, мыла посуду. Кормила тех, кто из-за ранения не мог есть самостоятельно. А когда оставалось хоть несколько минут свободного времени, читала им вслух либо Пушкина, либо Лермонтова или Чехова...

Все это я делала с удовольствием. Недаром даже в раннем детстве (когда мне было пять лет) я испытала первую радость от своего труда, когда помогла маме прополоть на своем огороде просо. Я видела, как она после молилась и благодарила Бога за то, что он услышал ее молитву. Она тогда работала в колхозе, и у нее не было времени сделать это самой.

Первых раненых мы выгрузили в г. Ногинске. Я помню, как один тяжелораненый боец хотел со мной попрощаться, искал меня глазами, просил санитаря позвать меня, но я постеснялась и не подошла к нему.

После рейса собирала грязное белье и отправляла в прачечные в городах по пути следования поезда, а оттуда получала чистое белье, но оно зачастую было рваное. Тогда последовал приказ не сдавать белье, а стирать его самостоятельно. На обратном пути я уже стирала в туалете в раковине 160 простыней, по 80 наволочек и полотенец, сушила их и заправляла постели. Свой вагон я содержала в строжайшей чистоте. Часто, где только было возможно, после выгрузки раненых я на себе носила 80 матрацев и 80 одеял в дезкамеру, получала их и снова накрывала постели, чтобы в любую минуту быть готовой принять новых раненых. В свободные часы комиссар поезда собирал нас и читал лекции о международном положении.

В начале войны раненых возили в г. Москву и ближайшее Подмосковье, а по мере приближения фронта к Москве, возили дальше — Владимир, Ковров, Гусь-Хрустальный и многие другие города. Помню, на станции Вязьма раненые поступали к нам прямо с поля боя, без первичной медицинской обработки и тогда я водила тех, кто мог ходить, в вагон-операционную. Единственный на весь поезд врач, Борис Николаевич Румянцев, делал им первичную хирургическую обработку. Работы у него было настолько много, что он практически не выходил из операционной. Весь пер-

сонал поезда работал на пределе человеческих возможностей, без смен и достаточного отдыха, под постоянной угрозой бомбежек и обстрелов. Во время бомбежки поезд останавливался. Ходячие раненые могли покидать его и скрываться в укрытиях. Нам же, медикам, строго запрещалось покидать тяжело раненых. Мы должны были находиться рядом с ними.

Вспоминается рейс, когда в конце августа 1941 года мы возили раненых из Ленинграда. По пути следования на какой-то маленькой станции весь персонал поезда был размещен в лесу, так как впереди железнодорожное полотно было разбито, а станция каждую ночь подвергалась бомбардировке. Нервы у всех были напряжены до предела. Вдруг зам. начальника поезда заметил огонек и приказал прекратить курение, но кто-то, непослушный, продолжал курить и курить. Тогда он выхватил пистолет и бегом бросился к тому месту. Оказалось, что это был не человек, а гнилой пенек издавал свечение. Раздался хохот. Было жутко, когда на фоне гула самолетов и разрывов бомб лес содрогался от хохота. Люди, обливаясь слезами, хохотали до рассвета, не могли остановиться. Это была групповая невротическая реакция на фоне прифронтовой ситуации.

В Ленинграде под бомбежкой погрузили раненых из урологической клиники, т. е. с ранениями мочеполовых органов. Все они были с трубочками и бутылочками. Я размещала их не только на первых и вторых полках, но и на третьих, в проходах и в коридорах. Через два часа отправились в обратный рейс на Москву через станции Мга и Волховстрой. Этот рейс превратился в сплошной кошмар. Я не знала, как подойти к таким раненым. Раненые сами учили меня, как за ними ухаживать. Мы долго ехали из Ленинграда, больше стояли, чем ехали, из-за бомбежки, обстрела или разбитых путей. Но все-таки выскочили. Думала, что выгрузим их где-то вблизи Москвы или в самой Москве, а пришлось везти их в г. Тюмень. Через несколько дней эта дорога была полностью перерезана и наступила полная блокада Ленинграда. Мы ехали в Сибирь, а навстречу нам шли поезда с живой силой и техникой.

Несмотря на экстремальные условия работы, тяжесть состояния раненых и специфический уход, я довезла всех благополучно, при этом сама многому научилась.

В начале сентября 1941 года мы отправились за ранеными в г. Орел. Под вечер, как только поезд вошел на станцию, всю пе-

реполненную эшелонами, началась страшная бомбежка, которая продолжалась до рассвета. Вражеские самолеты волнами накатывались на станцию, сбрасывали свой смертоносный груз, а через 15—20 минут вновь возвращались обратно. В промежутках между налетами я и мои подруги собирали раненых на станции и приводили или приносили их в наш 17-й вагон-операционную, где ни на одну минуту не прекращались операции. В момент бомбежки я сидела на полу в вагоне-операционной, слышала толкающий гул немецких самолетов, свист множества бомб и их разрывы. В эти минуты я вспоминала маму, сожалела, что не успела написать ей ни одного письма. Было страшно и очень обидно, что ни одного нашего самолета не появилось.

С рассветом было прямое попадание бомбы в вагон с дымовыми шашками. Станцию заволокло черным дымом. Возможно, это и спасло нас. Бомбежка прекратилась. Утром, нечаянно взглянув в зеркальную дверь операционной, я не узнала себя. Это была не 17-летняя девчонка, а почти старая женщина в изодранном сарафане, вся испачканная кровью. Нам тогда еще не успели выдать обмундирование. Возвратившись в свой вагон, где мы тогда жили, увидела, что весь наш поезд был изрешечен осколками, причем осколки пробивали стальные стены навывлет, и лишь случайно 17-й вагон-операционная остался невредим. Позднее мы часто попадали под бомбежки, но такой страшной бомбежки, как в Орле, я не помню.

Из Орла через Брянск нас отправили в г. Гомель, откуда, погрузив раненых, по каким-то окольным дорогам поехали в г. Кисловодск.

Вероятно, это были первые эшелоны с ранеными, т.к. в Ессентуках нас пришло встречать население, но поезд здесь не остановился. Тут местные жители начали бросать пакеты с фруктами в разбитые окна и двери. Мне так хотелось попробовать первый раз в жизни персик, но я этого не могла себе позволить, так как фрукты предназначались раненым.

Были и смешные случаи. Однажды мы порожняком шли в Москву, а в это время на город был налет вражеской авиации. Разрывы зенитных снарядов, падающих бомб, грохот вагона слились в сплошной звук. Сотни прожекторов освещали небо. Вдруг недалеко от поезда разорвалась бомба. В этот момент один из наших бойцов от неожиданности присел и оказался под юбкой медицинской сестры. Мы долго потом над ним подшучивали.

После рейса мы выпускали боевые листки на основании тех заметок, которые оставляли раненые. Я была редактором этих боевых листков. Соревновались за чистоту и лучшее обслуживание раненых. Часто красный флажок присуждался моему вагону. И так девять месяцев в непрерывном движении и в труде.

После разгрома немцев под Москвой наш поезд из военно-санитарного перевели в тыловой, в связи с чем я ушла из него с надеждой попасть на фронт. Комиссар поезда долго уговаривал меня не уходить, говорил, что меня непременно убьют, когда я буду выносить раненого с поля боя. Я была непреклонна, хотела туда, где труднее, хотела на фронт.

По прибытии в Москву 8 апреля 1942 года я ушла с поезда. Москва была затемненная, вся в ежах и надолбах. На ночь поднимали в небо аэростаты заграждения. На каждом шагу проверяли документы. Во время двухнедельного пребывания медсостава в резерве я два раза навещала родителей.

Из резерва была направлена в город Калугу, а оттуда через военкомат 26 апреля 1942 года попала в полевой подвижной госпиталь №588 первой линии белорусского формирования, который входил в состав 50-й армии Западного фронта.

Работа в полевом госпитале

Госпиталь располагался в лесу в окрестностях города Смоленска недалеко от деревни Воронино. Я вместе со всеми рыла землянки, ставила палатки для раненых и персонала. Рыла ровики для туалетов.

На фронте в этот период было затишье. Раненых было мало, а поступали главным образом больные. Госпиталь имел два отделения: хирургическое и терапевтическое. Я попала в терапевтическое отделение к врачу Беру-Эльзовичу Мееровичу Левину, а попросту его все называли Борис Ильич. Доктор узнал, что я умею читать латинский шрифт, т.к. в школе учила немецкий язык. Он мне предложил стать ответственной медицинской сестрой у него в отделении. Я отказывалась, говорила, что у меня нет медицинского образования, но он успокаивал меня, объясняя, что он всему меня научит. Я должна была отвечать за работу отделения, составлять графики работы мед сестер, выписывать требования в аптеку на лекарства. Чтобы научить меня пра-

вильно выписывать лекарства, доктор четко выписывал рецепты на полях историй болезни. По этим рецептам я выписывала требования в аптеку, получала лекарства и раздавала так, как указано в истории болезни.

Доктор Левин, этот замечательный человек, был доцентом Минского медицинского института, и он обращался со мной как профессиональный преподаватель. Он учил меня основам асептики и антисептики, правилам проведения различных инъекций и определению группы крови, давал слушать сердце и легкие, пальпировать органы брюшной полости. Я была любознательна, все схватывала на лету, стремилась научиться всему, чему только можно. Он обязал меня присутствовать на патологоанатомических вскрытиях, когда в госпиталь приезжал патологоанатом.

Позднее к нам в госпиталь пришла работать студентка третьего курса Ленинградского медицинского института Лохмытова Антонина Васильевна — Тося. Мы подружились, и эта дружба прошла через всю нашу жизнь. Тося принесла с собой медицинскую книгу профессора Мясникова «Пропедевтика внутренних болезней», и я эту книгу сразу всю прочитала. Много мне было непонятно. Я просила Тосю и доктора Левина объяснить непонятные термины, и они терпеливо объясняли. По истории болезни я видела, что один и тот же диагноз имеют несколько больных, а выглядят они совершенно по-разному. Я задавала вопросы доктору, почему это происходит. Если было свободное время, доктор усаживал меня где-нибудь на пенечке и рассказывал о причинах возникновения болезни, о строении внутренних органов и сути патологического процесса. Не прошло и четырех месяцев, как между мной и дипломированными медсестрами не было никакой разницы, и все забыли, что у меня не было специального образования. Так я стала медицинской сестрой.

В самом конце августа 1942 года нас выстроили на лесной поляне, зачитали приказ Верховного Главнокомандующего №227, в котором говорилось, что в связи с наступлением немцев и потерей большей части советской территории, нельзя отступать ни шагу назад, иначе — расстрел.

На душе было тревожно и с каждым сообщением о сдаче наших городов и населенных пунктов мне становилось просто страшно за нашу Родину. Вскоре нам объявили, что наш госпиталь передается 1-й гвардейской армии.

Нас привезли в товарном вагоне на какую-то маленькую станцию в Сталинградской области, быстро разгрузились и пошли пешком по пересеченной оврагами местности. Мы влились в многокилометровую колонну, которая, как гигантская гусеница, то поднималась в гору, то снова опускалась в овраг. У меня было ощущение чего-то нереального, как в кино.

Я помню, что наш госпиталь короткое время был на Юго-Восточном, а потом на Донском фронтах, а с 5 декабря 1942 года вместе с 1-й гвардейской армией вошел в состав Юго-Западного фронта и принял участие в контрнаступлении под Сталинградом. С 1-й гвардейской армией я прошла весь боевой путь от Сталинграда через всю Украину, Польшу и Чехословакию.

Госпиталь долго работал в городе Калаче-на-Дону. Я помню огромное количество снега и раненых, за которыми надо было ухаживать. Я не выпускала шприц из рук, делала обезболивающие уколы для облегчения их страданий, много переливала крови. После оказания необходимой помощи я с санитарями грузила раненых на попутные машины для эвакуации в тыловые госпитали. Я работала день и ночь, без смен, без отпусков, без перерывов на обед, до тех пор пока не падала без сознания от усталости.

В Калаче-на-Дону замкнулось второе кольцо окружения немцев под Сталинградом. После этого новые раненые поступали с оптимистическим настроением, говорили, что немцам уже не вырваться...

В результате победы под Сталинградом из войны была выведена 8-я итальянская армия. Мне было приказано оказать медицинскую помощь пленным итальянским солдатам. Я взяла 2 санитарные сумки с перевязочным материалом и 2 наволочки с дезинфицирующими растворами и мазями и отправилась в соседнюю деревню, где находились пленные. Они лежали в нетопленных хатах на полу, на соломе. Спертый зловонный воздух, ощущение голода и безысходности чувствовалось повсюду. У большинства из них были обморожены конечности. Я перевязывала тех, у кого были промокшие повязки, и так, работая, переходила из одной хаты в другую, пока не кончился перевязочный материал. Стало темнеть, когда я отправилась в обратный путь. Пройдя примерно половину пути, я оглянулась и увидела, что со стороны деревни появились собаки. Они не бежали и не лаяли, а как-то ползком стремительно приближались ко мне. Я поняла,

что это очень опасно, т.к. собаки были голодные и могли меня разорвать. Я остановилась и стала кружиться на месте, размахивая наволочками с пустыми бутылками. Собаки замедлили движение, но не остановились. Когда две собаки вцепились в мои ватные брюки, я стала громко кричать. Часовой нашего госпиталя услышал и стал стрелять на крик. Собаки постепенно отстали и я благополучно добралась до госпиталя. Спустя два дня после этого случая я видела, как вели пленных итальянцев в тыл. Был ясный морозный день, снег хрустел под ногами. Итальянцы брели, поддерживая друг друга, очень плохо одетые, обмотанные какими-то тряпками вокруг шеи и головы, оборванные, голодные, почти не охраняемые. Они производили жалкое впечатление. Я смотрела на них и думала, что их никто не звал в наши заснеженные, морозные степи из их теплой Италии. Это была величайшая авантюра, которую они должны будут запомнить на всю жизнь.

В период наступательных операций наш госпиталь, рассчитанный на 200 коек, принимал до 1000 раненых и более. Больные в этот период времени почти не поступали. В наше отделение клали послеоперационных нетранспортабельных раненых, которых я выхаживала и доводила до транспортабельного состояния.

Иногда к нам привозили кровь, которую сразу же надо было перелить нуждающимся раненым, т.к. хранить ее было негде. Холодильников не было. Кровь переливали в послеоперационных палатах. При переливании я соблюдала стерильность, определяла групповую принадлежность и проводила биологические пробы, но все-таки иногда получала тяжелые реакции после переливания с повышением температуры тела до 39-40°C и ознобом. Это мы в госпитале объясняли разбалтыванием крови при ее доставке по фронтовым дорогам. В тот период медицинская наука еще не знала о резус-факторе, т. е. белковой совместимости крови, который стал известен уже после войны. Когда крови не было, а раненому было необходимо переливание по тяжести состояния, производилось прямое переливание крови от здорового человека раненому. Такими здоровыми людьми считались медицинские сестры, между которыми шло негласное соревнование, кто больше сдаст крови. Я сама, когда необходима была кровь, а ее не было в наличии, неоднократно сдавала по 400 мл крови, не требуя за это ни дополнительного питания, ни отдыха, ни денежного вознаграждения, ни справок, которые пригодились бы в наше время.

Я не уходила ни от какой работы. Работая в послеоперационных палатах раненых с газовой гангреной, в специальной операционной мне приходилось часто давать хлорэтиловый наркоз, ассистировать при ампутации конечностей. Не все раненые могли смириться с потерей ноги или руки, некоторые очень тяжело это переживали, не хотели жить. Помню, как в 1944 году в местечке Бережаны мне пришлось вынуть из петли молодого бойца с ампутированной ногой. Когда с коптилкой в руках я вошла в комнату, он был уже без сознания и прерывисто хрипел. Я подоспела вовремя, и мне удалось вернуть его к жизни.

Приходилось работать и в приемно-сортировочном отделении, определять очередность операций по тяжести состояния. Часто разгружала машины с ранеными вместе с шофером или санитарями. На носилках мы несли раненых в палатку или сразу в операционную.

Огнестрельные ранения все без исключения были инфицированные. Во время войны антибиотиков не было в природе, а сульфаниламидные препараты, главным образом сульфидин, стали появляться лишь к концу 1944 года. Основными лекарственными средствами были мазь Вишневского, йод, перекись водорода, красный и белый стрептоцид, риваноль, физиологический раствор и кровозаменяющие жидкости. Для дезинфекции применялись хлорная известь и растворы сулемы.

Порой не хватало перевязочного материала — бинтов, тогда вместо них стали употреблять лигнин, т.е. пористую бумагу, которая быстро промокала. Непосредственно на рану накладывали марлевые салфетки, вату, а вместо бинтов — лигнин. Тогда поступила команда не разрезать ранее наложенные бинты, а аккуратно снимать и стирать их. И я стирала окровавленные и гнойные бинты в таком количестве, что ими, наверно, можно было обмотать весь шар земной. Так сумели отойти от лигнина.

Даже у нас, в армейском госпитале, в непосредственной близости от передовой, оказывалась не только квалифицированная, но и специализированная помощь, что имело решающее значение в сохранении жизни тяжелораненым бойцам и офицерам. В этом случае к нашему госпиталю прикомандировывалась особая рота медицинского усиления — ОРМУ во главе с теми или иными специалистами. Тогда наш госпиталь становился специализированным. Все зависело от преобладания ранений в ту или иную часть тела. За период войны у нас побывали ОРМУ

полостных хирургов, нейрохирургов, офтальмологов, челюстно-лицевых хирургов и других. Например, если раненных в живот не прооперировать в первые часы после ранения, то все они были обречены на смерть от воспаления брюшины — перитонита. Работая в специализированных послеоперационных палатах, я научилась уходу и выхаживанию и этой категории раненых.

Своего транспорта для эвакуации раненых у нас не было. Мне часто приходилось ловить машины на фронтовых дорогах, заворачивать их в госпиталь для эвакуации раненых. Был такой приказ, и все шоферы повиновались ему. Иногда же приходилось эвакуировать на лошадях или даже на быках. Госпиталь в течение одного-двух часов должен был свернуться или развернуться, чтобы следовать за наступающей армией. На новом месте я находила сено или солому, набивала ими подушки и матрацы, из подручных средств устраивала нары, чтобы не класть раненых на пол. Это было очень важно, т.к. я часто работала в послеоперационных палатах. Летом 1943 года где-то на Украине, возможно, в Харьковской области, мы работали в палатках на открытой местности. Шли тяжелые бои, поступало очень много раненых. Я несколько суток не отходила от них, почти не спала. На передовой стоял грохот от разрывов тяжелых снарядов, ночами весь горизонт озарялся заревом пожарищ. Раненые в грудь и живот лежали на полу и все время кричали, звали сестру. Над головой все время слышался звук немецких самолетов, который очень надоел мне. Я распахнула двери палатки и вышла на улицу, и тут со мной что-то произошло. Я пошла от своей палатки и всем встречавшимся мне людям говорила, что им нужно спать. Заходила в операционную, на пищеблок, в караульное помещение и всем говорила то же самое. Потом я набрела на свою палатку, и крики раненых привели меня в чувство. Оказалось, что я отсутствовала около двух часов. Итак, два часа с измененным сознанием я оставалась на ногах. Наутро начальник госпиталя майор Дедов, отправил меня спать. Я долго лежала с открытыми глазами, а потом, спала или нет, не помню. Думаю, что это была реакция самозащиты организма на сильное переутомление.

Иногда меня посылали эвакуировать раненых, которых представляли медсанбаты, уходя вперед за наступающими войсками. Так было на Украине, когда осенью 1943 года под вечер меня вызвал начальник госпиталя майор Дедов и приказал поехать в

деревню Евецкая Николаевка и переправить к нам в госпиталь раненых, оставленных медсанбатом. Я немедленно отправилась выполнять приказание. Была уже ночь, когда я добралась на попутной машине до какого-то населенного пункта, отстоящего от нужной мне деревни километра на четыре. Я решила добраться до места обязательно в тот день, переночевать и наутро начать эвакуацию. Мне пришлось идти по разъезженной дороге, на которой валялись неубранные трупы, дымилась подбитая техника. Светила полная луна, и было все призрачно, страшно. Я прошла уже довольно большое расстояние, когда меня догнала машина. Это был бензовоз. Рядом с шофером сидел какой-то офицер. Машина притормозила, но не остановилась. Шофер испуганно окликнул меня, кто я и куда иду. Я объяснила, что иду в деревню для эвакуации раненых. Мужчины переглянулись и предложили подвезти меня на подножке машины. Я согласилась. В деревне офицер пригласил меня переждать до рассвета на его складе. Деваться мне было некуда, и я пошла. Это была деревенская двухкомнатная изба с русской печкой посередине, окна были закрыты ставнями, было темно. Офицер предложил мне прилечь на кровать, а сам лег в другой комнате. Ситуация была щекотливой. Нервы мои были напряжены до предела. Я легла на кровать, не раздеваясь. Через некоторое время офицер зашел в мою комнату, потихоньку прилег рядом и попытался обнять меня. Ничего не говоря, я словно кошка перепрыгнула через спинку кровати и очутилась на печке. Схватив в руки скалку, которая оказалась там, в угрожающей позе я просидела на печке до рассвета. Когда забрезжил рассвет, я вышла из избы на улицу. Шофер с лукавой ухмылкой смотрел на меня, а мне было безразлично. Я обошла все дома, где находились раненые, вышла на дорогу и стала заворачивать пустые машины. Грузила раненых и отправляла их в госпиталь. Через три дня ко мне в госпиталь приехал тот самый офицер с шофером и еще двумя военными. Они смущенно протягивали мне бумажки со своими адресами, просили писать и приезжать к ним после войны.

В том же 1943 году наш госпиталь стоял на окраине г. Изюма в местечке Пески. Готовилось наступление нашей армии, поэтому госпиталь был выдвинут на линию дивизионного медицинского пункта — медсанбата. Работали в полуразрушенной церквушке. Когда началось наступление, основной поток раненых прямо с передовой пошел к нам. В алтаре была операцион-

ная. Всем раненым без исключения вводили противостолбнячную и противогангренозную сыворотки. Операционная работала непрерывно. Я накладывала гипсовые лангеты и шины различной степени сложности.

Здесь я впервые увидела работу похоронной команды, которая производила захоронение убитых в братской могиле. Внутри церковной ограды, где размещался наш госпиталь, вокруг церкви вырыли ров, потом сюда стали привозить убитых на передовой бойцов. С них снимали сапоги и ремни, изымали медальоны, которые содержали сведения о погибших. У кого не было этих медальонов, они становились неизвестными солдатами. Погибших осторожно опускали на дно рва, укладывали «валетом» в два ряда и засыпали землей. Потом землю срывали, как будто здесь ничего не было. Это захоронение в братской могиле произвело на меня неизгладимое впечатление. Я думала тогда, что придет время, церковь будет восстановлена, сюда будут приходить люди, не зная, что у них под ногами находится братская могила. Эта мысль не давала мне покоя. Уже, будучи на пенсии, своими воспоминаниями и тревогами я поделилась с неравнодушным человеком — Андреем Яковлевичем Павленко, который оказался жителем города Изюма. Он в тот же день связался с Изюмским горвоенкоматом и к 50-летию Победы получил оттуда письмо, где говорилось, что в Песках работал ППГ №588 и что из этой братской могилы произведено перезахоронение. Теперь в центре города Изюма им воздвигнут монумент.

Раненых, умерших в госпитале, хоронили в отдельных могилах, на которых был указан только номер. Родственникам же отправляли извещение о смерти с указанием населенного пункта, места захоронения и номера могилы.

Меня один раз посылали поправлять эти могилы. Я не только их поправляла, но и старалась посадить на них голубые бесмертники, которые росли неподалеку.

В течение всей войны, иногда даже по два-три раза в день, в районе дислокации госпиталя с оркестром, под звуки траурного марша, хоронили офицеров, убитых на передовой. Музыка разрывала мое сердце. Все это тяжелым психологическим грузом ложилось на плечи всех людей, находящихся в госпитале.

Санитаров катастрофически не хватало. И всю тяжесть работы в своем отделении я брала на себя вместе со своими прямыми обязанностями.

Начиная с 1943 года, часть легкораненых не хотели эвакуироваться дальше в тыл, а оставались у нас до полного выздоровления и возвращались обратно в свои части. Они охотно выполняли функции санитаров, осуществляя уход за тяжелоранеными. Таких санитаров я учила технике по уходу за больными и ранеными.

Единственное, чего я не делала на фронте, так это операций. Но я всегда внимательно следила за каждым движением хирурга и мысленно все могла сделать сама. Это мне пригодилось во время врачебной практики после четвертого курса медицинского института, в сельской Рождественской больнице, в 1951 году. Мне удалось спасти обреченную на смерть женщину, у которой разошлись швы после операции, и я смогла ушить брюшную полость, не повредив кишечник.

Осенью 1944 года наш госпиталь развернулся в Прикарпатье, в г. Ходоров, в местной больнице, но раненых почти не было. И мы стали выходить в горы с полной выкладкой, учиться выносить раненых в условиях горной местности. Поднимаясь в горы, в кустарнике я увидела ярко-красные ягоды, нарвала их и съела только одну горсточку. Пока поднималась на вершину, я почти полностью ослепла. По голосу я узнала начальника госпиталя майора Дедова, подошла к нему и сказала, что ничего не вижу. Он выяснил, что я съела какие-то красные ягоды, и приказал вызвать рвоту. Я заупрямилась. Тогда он с силой разжал мне рот, засунул свои два пальца и вызвал рвоту. Всем приказал в срочном порядке спуститься с вершины. У подножия горы из ручья я пила воду и вызывала рвоту. К этому времени все предметы казались мне черными, я перестала узнавать людей, а перед глазами мелькали светящиеся искры. Меня посадили на лошадь и придерживая быстро повезли в деревню, где мне давали молоко и продолжали вызывать рвоту.

Я проснулась тогда, когда почувствовала, что на меня кто-то смотрит. По голосу я узнала начальника госпиталя и пожаловалась ему на боль в спине, тогда как вчера этого ничего не было. Он мне ответил, что «твое вчера было десять дней назад». Тогда-то я и ощутила на себе, что значило не повернуть раненого на другой бок. Майор похвалил меня и сказал, что теперь я еще лучше буду ухаживать за ранеными. В течение месяца ко мне постепенно вернулось зрение. От местных жителей мы узнали, что это были «волчьи ягоды». Надо сказать, что в течение

всей войны раненых и сотрудников кормили вполне достаточно, но фруктов никогда не давали. Вот почему, увидев такие красивые ягоды, я их съела. В 1944—1945 годах раненым стали выдавать шоколад. В знак благодарности за внимание и заботу они старались незаметно положить в карман моего халата шоколадку. Отнекиваться было бесполезно, это вызывало обиду. Я возвращала этот шоколад на место, когда раненый засыпал. Я никогда себе не позволяла воспользоваться случаем и съесть хотя бы кусочек.

Карпаты мы переходили по Русскому перевалу. Наш госпиталь работал в палатках у подножия горной реки. Помню непролазную грязь и огромное количество раненых, которых надо было выхаживать. Иногда, по приказу командования, нас посылали в батальоны на передовую для установления причин обморожения солдат.

На польскую землю наш госпиталь вступил в сентябре 1944 года в г. Санок, который был разделен на две половины рекой Сан. Одна половина принадлежала нам, другая — Польше. Перейдя реку, мы остановились в пустующей школе. Всю ночь шел интенсивный артиллерийский обстрел, рвались снаряды, свистели осколки, но в нас не попало. Наутро я наблюдала страшную картину. Неподалеку от города был виден лес, где засели немцы. Наши пытались их выбить оттуда, для чего понадобился корректировщик огня. Для этого наблюдателя подняли на воздушном шаре, который охраняли два наших истребителя. На какой-то миг они скрылись из виду, и в этот трагический момент внезапно появился немецкий самолет, расстрелял воздушный шар и корректировщика, успевшего выпрыгнуть с парашютом. Тут снова появились наши истребители, но охранять было уже некого.

Чехословацкую границу пересекли в районе города Ужгорода. Работали в местечке Гуменне, было много раненых. Как и всю войну, я чаще всего работала в послеоперационном отделении. В Польше и Чехословакии мы работали в основном не в населенных пунктах, а в лесной местности в палатках. Очень часто переезжали с места на место. С местным населением почти не встречались.

9 мая 1945 года — День Победы застал меня в лесу где-то в Чехословакии. Около 11 часов дня к нам приехал представитель штаба армии и сообщил о победе. Я работала в отделении для раненых с газовой гангреной. Все они были нетранспортабель-

ные. Когда я с офицером зашла в палатку, где лежали эти несчастные раненые, и он поздравил их с победой, со слезами на глазах они начали крепко ругаться. Я пулей вылетела из палатки. Поразмыслив, я поняла и даже не обиделась, так как многие из них в последние дни или даже часы войны теряли руки и ноги, становились инвалидами на всю жизнь. Они ругали свою судьбу. В течение всей войны, работая на военно-санитарном поезде и в полевом армейском госпитале, я никогда не слышала нецензурной брани. Превозмогая страдания, порой находясь между жизнью и смертью, раненые никогда не ругались в нашем присутствии. И лишь в День Победы не сдержались.

В течение всей войны я никогда не получала денежного довольствия, а все отдавала в фонд обороны Родины.

Во время кратковременного отдыха участвовала в художественной самодеятельности. Говорили, что я хорошо читала стихи.

Особое слово надо сказать о советских дорогах в период войны. Их практически не было, не считая дорог общесоюзного значения. Нам с нашим госпиталем почти всегда приходилось передвигаться по проселочным дорогам, по бездорожью. Хорошо, что у нас был небольшой обоз и только одна машина, которую использовали для подвоза продовольствия. Если же изредка при передислокации мне приходилось ехать в кузове этой машины, то это было тяжелое испытание. В любой момент можно было перевернуться на ухабах и колдобинах. Чаще всего машина намертво застревала в грязи и ее никакими подручными средствами сдвинуть с места было невозможно. Тогда приходилось ее просто поднимать руками. И так было до тех пор пока мы не оказались за рубежом, на дорогах Польши и Чехословакии.

Спустя два месяца после окончания войны госпиталь реформировали, и отправили нас поездом в г. Лигницы (Северная группа войск — Польша), а оттуда 11 августа 1945 года меня направили на работу в санаторий «Ландек» №3012, который находился в трех километрах от чехословацкой границы в Татрах. Работа в санатории не прошла для меня даром. Я сумела закончить 10-й класс советской средней школы, которая находилась недалеко, в г. Вальденбурге.

В 1947 году получила аттестат зрелости, демобилизовалась, приехала в Москву и сразу поступила во 2-й Московский медицинский институт им. И. В. Сталина, который окончила в 1953 году. В 1959 году окончила клиническую ординатуру. Работала вра-

чом-терапевтом до 75 лет в различных лечебных учреждениях Москвы и Московской области.

С 1979 года занята на общественной работе в Московском городском комитете ветеранов войны. Вырастила и воспитала одна двух хороших детей. Дочь — Ермакова Елена Владимировна, кандидат медицинских наук, сын — Андреев Борис Владимирович, врач, подполковник милиции, награжден орденом Мужества. Имею трех внуков.

Я никогда не забуду своих фронтовых подруг, с которыми делила все тяготы фронтовой жизни: Лохмытову Антонину Васильевну и Трефилову Веру Сергеевну. Для меня они были просто Тося и Вера. Тося появилась в нашем госпитале весной 1942 года в городе Борисоглебске, куда была эвакуирована из Ленинграда. Добровольно пришла к нам работать. У нее была открытая форма туберкулеза легких, часто дававшая легочные кровотечения, почти всегда она работала с повышенной температурой. Уговорить ее лежать было невозможно. Я жила вместе с ней и часто согревала ее своим теплом, так как в хатах, где мы жили, было не топлено. Под конец войны ее перевели в другой госпиталь, где она работала лаборанткой. Несмотря на тяжелую болезнь, она прошла всю войну до конца. После войны окончила Ленинградский медицинский институт. Работала главным врачом туберкулезной больницы в Кингисеппском районе Ленинградской области. Стала заслуженным врачом Российской Федерации. Умерла в 1998 году.

Красавица москвичка Вера, была направлена в наш госпиталь летом 1942 года. Мы жили вместе и, очень подружились, а весной 1943 года в г. Сватово, на Украине, она умерла у меня на руках от гематогенной формы остеомиелита и последующего сепсиса.

Хочется теплыми словами вспомнить начальника нашего госпиталя майора медицинской службы Дедова (имени-отчества не помню, т. к. к нему мы всегда обращались по званию). Он был отличным руководителем. Дисциплину в госпитале держал строжайшую. Ему я обязана жизнью. Он спас меня при отравлении в Карпатах. Спасибо ему!

Войну я закончила старшим сержантом медицинской службы. В настоящее время имею воинское звание майор медицинской службы. Врач высшей категории.

Награды

1. Орден Отечественной войны II степени №2162906. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1985 г.

2. Орден Красной Звезды №1882539. Приказ №075-Н от 13 мая 1945 г. по 1-й гвардейской армии.

3. Медаль «За боевые заслуги» № 1030487. Приказ №038-Н от 7 октября 1944 г. по 1-й гвардейской армии.

4. Знак «Отличник санитарной службы». Приказ по санитарной службе от 21 февраля 1944 г. по 1-й гвардейской армии.

5. Благодарность Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И.В.Сталина от 18 октября 1944 г. «За участие в боевых действиях по преодолению Карпатского хребта».

6. Медаль «За оборону Москвы» и еще 16 медалей, в том числе 3 иностранные («За освобождение Украины», «За освобождение Чехословакии», медаль Словацкого национального восстания).

Имею знак «Фронтовик».

Участвовала в двух парадах Победы (1995 и 2000 гг.).

В газете «Московский ветеран» от февраля 2004 года за №3-4 (121-122) опубликована моя статья «О службе медицинских работников в армейских госпиталях».

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь внучка Т. Н. Андреевой **Ермакова Татьяна Борисовна**, научный сотрудник Института физической химии Российской академии наук (ИФХ РАН), лаборатории тонких слоев жидкостей.

**Баклажец
Юрий
Александрович**

ВОЕННЫЕ ГОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

Я родился 18 марта 1925 г., г. Москва, русский, неверующий, член ВКП(б)-КПСС с 1944 г., член ВЛКСМ с 1940 г.

Окончил 9 классов средней школы в 1941 г., в 1957 г. — 10 классов, в 1963 г. — ВЮЗИ (юридический заочный).

О начале войны узнал 22 июня 1941 г., в 12.00 после выхода из кинотеатра в г. Москве, в 1942 г. работал токарем на одном из предприятий г. Москвы.

По призыву ушел в армию в январе 1943 г. (Винницкое военно-пехотное училище в г. Суздале (Владимирская обл.)) — курсант. 19 июня 1943 г. после расформирования училища направлен в г. Дмитров в воздушно-десантные войска в качестве пулеметчика (98 дивизия ВДВ, ефрейтор); командир 2-го батальона 19-й бригады (затем 299-й полк) капитан Крайнов.

Первое боевое крещение принял 21 июня 1944 г. В сражении при форсировании реки Свири в районе г. Лодейное Поле, Ленинградская обл., дивизия прошла по лесам и болотам Карелии, овладела многими населенными пунктами и освободила г. Олонец, выведя Финляндию из состояния войны (Свирско-Петрозаводская операция).

В январе 1945 г. 37-й корпус ВДВ (воздушно-десантные войска) был передислоцирован в Польшу на Сандомирский

плацдарм, но в связи с изменением обстановки в районе озера Балатон в Венгрии 9-я гвардейская армия ВДВ была подчинена командующему 3-м Украинским фронтом.

Наша армия приняла участие в разгроме 30 отборных дивизий СС «Адольф Гитлер», «Мертвая голова» и другие. 9 армия прошла с боями почти всю Венгрию, освободив 13 крупных городов, в том числе Мор, Веспрем, Варпалота, Секешфехервар и тысячу населенных пунктов. Затем приняла участие в Венской наступательной операции, а 12 мая 1945 г. завершила бой под Прагой, одновременно разгромив оставшиеся банды власовцев и бандеровцев.

Закончил боевые действия в звании рядового после завершившегося окружения крупного соединения генерала-фельдмаршала Шернера, которое отказалось от капитуляции.

Все это время нами командовал генерал-лейтенант Миرون П.В., Герой Советского Союза.

Возвращался с войны через всю Россию, остановившись на несколько месяцев в г. Муроме, а затем военная часть переехала в г. Ворошилов-Уссурийск (ныне г. Уссурийск Приморского края). Дивизия (98-я гвардейская) удостоена орденов Красного Знамени и Кутузова, и ей присвоено почетное наименование имени 70-летия Октября (послевоенный период).

Демобилизовался из Уссурийска в марте 1949 г., а в апреле этого же года прибыл в Москву по месту жительства. Трудоустроен инспектором в Управление благоустройства при Мосгорисполкоме, затем райком партии направил меня на работу в органы МВД СССР, где я проработал 32 года, дослужившись до звания полковника.

Эпизоды войны в деталях вспомнить нелегко, но, например, на Карельском фронте при форсировании реки Свирь трое моих однополчан — Алиев, Елюшин и Чухраев — получили звание Героя Советского Союза.

Награжден орденами:

Отечественной войны 1 степени № 562135, дата вручения 11 марта 1985г.;

Красной Звезды № 209965, дата вручения 23 мая 1947г.;

а также 16 медалями за войну и трудовую деятельность:

медаль «Участнику разгрома танковой группы немцев юго-западнее Будапешта», приказ № 306 от 24 марта 1945 г. Верховного Главнокомандующего Советского Союза тов. Сталина;

медаль «За взятие Вены» 13 апреля 1945 г., дата вручения 28 апреля 1976 г.;

медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», дата вручения 8 апреля 1946 г.

Легко ранен в июне 1944 г. и контужен в апреле 1945 г.

В войне погибли дядя Баклажец Юлиан Феликсович (кавалер Георгиевского креста) в 1942 г. и двоюродный брат Килейко Владимир Викентьевич в 1942 г.

Отец и мать остались живы (умерли соответственно в 1955 и 1972 гг.)

Публикаций никаких не было.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Любавин Егор Игоревич**, курсант 2-го курса строительного факультета/кафедры военного обучения Московского государственного университета природообустройства

**Баловнев
Георгий
Григорьевич**

ПУЛЕМЕТЧИК

Я родился в небольшом старинном городке Данкове, стоящем на реке Дон, на севере Липецкой области, 9 октября 1922 года. В 1939 году поступил в Московский автодорожный институт и к 1941 году закончил два курса. В июне, закончив производственную практику, я уехал к родным на каникулы, но они были непродолжительными. В воскресенье 22 июня меня рано утром разбудили и сообщили — началась война, немецко-фашистские войска вступили на нашу землю, самолеты бомбят Львов, Минск, Киев.

Вскоре всех студентов отозвали с каникул в Москву, семестр начался в августе. Дела на фронте шли плохо, и немецкие полчища продвигались в глубь страны, оккупируя наши западные земли. К середине октября создалось угрожающее положение под Москвой. Передовые части фашистов подошли к городу на 30 км и готовились к штурму нашей столицы. Правительство всеми силами решило отстоять город. Партийные и комсомольские организации призвали москвичей на оборону города. Было сформировано несколько дивизий из московских добровольцев для непосредственной обороны города и уличных боев. В Москве тогда было 25 районов, и каждый из них должен был сформировать по батальону. Эти батальоны потом были сведены в 3-ю Московскую коммунистическую стрелковую дивизию (ЗМКСД).

В нее вступали разные жители, московские студенты и даже ученики старших классов, седовласые профессора, много было рабочих московских заводов. В эти дни поэт Михаил Матусовский написал в стихотворении, посвященном москвичам-добровольцам:

Москва посылала лучших людей,
На смертную битву встав,
От всех переулков и площадей,
От славных своих застав.

По призыву Коминтерновского РК ВЛКСМ группа студентов МАДИ вступила в батальон этого района под командованием капитана Верстака (имя и отчество не помню). 15 октября 1941 года мы явились на Трубную площадь, где во дворе бывшего «Дома крестьянина» построились бойцы Коминтерновского батальона. После обычных команд вперед вышел молодой коренастый лейтенант и спросил: «Кто хочет быть отважным пулеметчиком? Два шага вперед». И все наши студенты (а из МАДИ было около 40 человек) не сговариваясь шагнули вперед. Так появился «студенческий» взвод в нашей пулеметной роте под командованием лейтенанта Хачатряна, ставший впоследствии известным по всей дивизии.

Вообще студентов в дивизии было много, в том числе и студентов МИМЭСХ, как тогда назывался наш институт (нынешнее название — МГАУ). Но они входили в 1-й полк, а мы во 2-й, поэтому контакты были, но мимолетные. Командиром нашего полка был капитан Довнар (имя и отчество не помню). Уже после войны, придя работать в МИМЭСХ, я познакомился с двумя ветеранами ЗМКСД. Это были Беднякова Александра Васильевна, доцент кафедры эксплуатации машинно-тракторного парка, и Желтоводов Петр Иванович, преподаватель кафедры черчения.

В нашем батальоне было немало отважных бойцов, но о двух необходимо сказать особо. Это были две девушки — снайперы, прикомандированные к нашему подразделению, Наташа Ковшова и Маша Поливанова. Их имена золотыми буквами вписаны в историю нашей дивизии. Каждая из них уничтожила более двухсот фашистских солдат и офицеров. В одном из боев девушки не могли продолжать стрельбу. Окруженные врагами, они взорвали гранаты, погибнув сами и унеся с собой жизни десятков окруживших их врагов. Посмертно Наташе Ковшовой и Маше Поливановой были присвоены звания Героев Советского Союза. Их именами названы улицы в Москве, школы и корабли флота.

Боевой путь дивизии начался под Москвой, в боях за освобождение Солнечногорска, Наро-Фоминска, Клина и многих других населенных пунктов. В начале 1942 года дивизия получила номер 130 и была направлена на Северо-западный фронт.

В декабре 1941 года до нашего батальона дошло известие о воинах 316-й стрелковой дивизии, героически сражавшихся под командованием генерал-майора Панфилова в Московской битве. 28 героев-панфиловцев во главе с политруком В.Г. Ключковым в четырехчасовом бою недалеко от Волоколамска подбили 18 танков противника, почти все погибли, но не пропустили врага. Их подвиг служил примером для бойцов нашего батальона. Мы понимали, что под Москвой решается судьба всей страны.

Как известно, морозы зимой 1941/42 года стояли жестокие. Плохо приходилось и нам и фашистам. Морозный воздух обжигал легкие, иней мгновенно вырастал на бровях, сосульки свисали с усов и бород бойцов. Но несмотря на это бойцы должны были отогревать кострами, долбить промерзшую землю, строить укрепления, т.к. зачастую от надежности укрепления зависела наша собственная жизнь и жизнь страны. Белоснежная пелена снега то тут, то там была запятнана следами от взрывов снарядов. Эти воронки мы тоже использовали как укрытия. Патроны приходилось экономить, поэтому очередями стреляли редко, по возможности старались стрелять короткими очередями.

Даже молодому парню было трудно передвигаться по глубокому снегу в тяжелых, негнущихся валенках, ватнике и шинели, завязанной шапке-ушанке, рукавицах, да еще тащить на себе тяжелый «максим» с патронами, хотя при переходах он и разбирался на два узла (станок и ствол), каждый из которых весил 60 кг. Вообще за орудием было закреплено 8 человек: №1 — стрелок (солдат Николаев), №2 и подносчики, в обязанности которых входила своевременная доставка патронов к пулемету. Я был вторым номером. Помимо того, что мне приходилось носить пулемет, в мои обязанности входила также настройка подачи ленты. Все эти 8 человек составляли одно отделение, хотя возможно, что по штату положено и больше.

В феврале 1942 года наше подразделение в составе 1-й Ударной армии участвовало в боях на Демянском плацдарме, освободив Павлово, Свиридово и еще несколько населенных пунктов. Первым из них был хорошо укрепленный немецкий узел — село Новая Русса.

Бой был ночью. Через поляну мы пытались подойти к селу, которое находилось на холме. На самой вершине этого холма была колокольня, в которой занял позицию немецкий пулеметчик. Долго мы пытались его сбить, но безрезультатно. Вскоре подошла артиллерия. Буквально с пары выстрелов вражеский пулеметчик был уничтожен, после чего нам удалось войти в деревню. На фоне почерневших от старости деревянных домов наши белые маскировочные халаты очень выделялись. В деревне пулемет не применялся, поскольку для его установки необходимо было оборудовать специальную точку. Мы оставили свой пулемет и, взяв винтовки, продолжали бой. И вот здесь мы с приятелем попали под прицельный огонь фашиста, в результате чего мой друг получил ранение в грудь, а я — в ногу. Судя по количеству и точности выстрелов, в нас стрелял немецкий снайпер. Это было мое первое ранение. Оно было не сильным, поэтому вскоре я снова оказался в строю.

На войне случаи бывали разные: и героические, и трагические, и смешные, но об одном невероятном случае я хотел бы рассказать особо. Был у меня один приятель — тоже студент. В одном из мест, которые мы проходили на своем боевом пути, он остановился переночевать в деревенском доме. Внезапно началась авиационная бомбежка. Одна из авиационных бомб, пробив крышу и разрушив по сути весь дом, но не разорвавшись, упала рядом с моим товарищем, при этом повредив ему ногу стабилизатором. Парень остался жив и даже впоследствии вернулся в строй. Он был очень дружен с девушками снайперами Наташей Ковшовой и Машей Поливановой. Сейчас, к сожалению, его уже нет в живых.

Упорные бои развернулись в районе опорных пунктов Павлово, Сидорово и др. В боях на этом направлении было истреблено несколько тысяч гитлеровцев. Весной 1942 года в сражении за село Сидорово я получил тяжелое ранение в грудь. Несколько часов пролежал в воронке среди убитых товарищей. Очнувшись на рассвете, я попытался остановить кровотечение и, преодолевая боль, пошел к своим. Зашел в какой-то дом, где меня и подобрали санитары. Санитары пришли ночью, помогли мне добраться до повозки и отвезли в медсанбат, где меня лечили около двух недель. Затем я был переведен в эвакогоспиталь в городе Старая Русса, потом — в Москву и Ульяновский эвакогоспиталь, из которого был отправлен в госпиталь по месту жи-

тельства, т.е. в Москву. В Москве был признан не годным к службе и демобилизован из армии.

Между тем в декабре 1942 года наша дивизия была преобразована в 53-ю гвардейскую стрелковую. Она успешно воевала на Рижском и Тартусском направлениях и получила название 53-я гвардейская Краснознаменная Московско-Тартусская стрелковая дивизия.

После излечения я вернулся в институт и в 1947 году закончил МАДИ с отличием. На следующий год поступил на работу на кафедру сопротивления материалов бывшего МИМЭСХ и уже более 55 лет работаю на этой кафедре, в том числе 25 лет заведующим кафедрой, а сейчас — профессором. За участие в Великой Отечественной войне награжден:

орденом Великой Отечественной войны (№5154628),
медалью «За боевые заслуги»,
юбилейной медалью «100 лет со дня рождения В.И.Ленина»;
«60 лет обороны Москвы» и др.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Бакалов Кирилл Сергеевич**, студент IV курса факультета военного обучения Московского государственного агроинженерного университета имени В.П. Горячкина.

**Боцман
Владимир
Гаврилович**

НА ПЕРЕВАЛАХ КАВКАЗСКОГО ХРЕБТА

Родился я 5 июля 1926 года в городе Армавире Краснодарского края. В первый класс пошел в 1934 году, когда мне было 8 лет. Учился я неплохо, даже получал похвальные грамоты за окончание начальной школы и 7-го класса.

Шел 1941 год, на страну надвигалась угроза войны. Уже сточились законы, за прогул на рабочем месте устанавливалось уголовное наказание. Отец, как офицер запаса, был призван в пограничные войска и уехал служить в Ахалцихский погранотряд, где стал пограничником 1-й высокогорной заставы.

Незаметно подкралось 21 июня 1941 года. Начало войны не вызвало каких-либо особых перемен в жизни. Война шла далеко от родных мест и проявлялась только большими скоплениями людей у военкоматов, где проходили призывы резервистов в армию. Но очень скоро и мы почувствовали дыхание военной угрозы. На новый год враг захватил город Ростов-на-Дону, а это всего в 300 км от Армавира. Правда, очень скоро Ростов освободили и фронт стабилизировался по реке Миус у Таганрога. Но это было совсем близко от нас, и мы стали испытывать систематические налеты вражеской авиации на город. Со временем эти налеты усилились.

Бомбоубежище от нашего дома было далеко, но во дворе жильцы вырыли щели, и мачехе с маленьким братиком приходилось по несколько раз в день бегать во двор и отсиживаться в укрытиях. В школе тоже по несколько раз на день прерывались занятия и нас выводили в укрытия. По этой причине занятия в школе окончились раньше, чем обычно начинались каникулы, и старшеклассников стали готовить для отправки в сельские районы для оказания помощи в проведении сельскохозяйственных работ. А я по совету товарищей, которые бросили школу в 5—6 классах, поступил на завод «Армалит» учеником токаря. Благо завод не так далеко находился от дома.

Наша квартира превратилась в подобие подсобного помещения. Зимой центральное отопление уже не работало, и мы поставили в одной из комнат печку-буржуйку, а трубу вывели в форточку. Это позволяло кое-как обогреться.

Цех, в котором я работал, выпускал болванки для мины 82-мм миномета. Мой учитель всего на два года старше меня очень быстро, за два-три дня научил меня обрабатывать деталь (это была трубка для стабилизатора мины) и поставил работать у станка, а сам забирался на стружки под станок и спал. Мастер цеха заметил эти хитрости моего учителя и поставил меня за свободный станок для выполнения самостоятельной работы. И так учеником я был всего несколько дней. На работе я очень уставал, да оно и немудрено. Работал завод по 12 часов, с 7.00 до 19.00 или с 19.00 до 7.00. Одну неделю в ночную смену, другую в дневную.

Приходя домой, я мылся и, пока приготовят завтрак, ложился на диван и засыпал так крепко, что разбудить меня было невозможно. Вспоминаю случай, когда я, придя домой с работы, крепко заснул, а в это время объявили воздушную тревогу. Меня пытались разбудить, но ничего не получилось, и тогда, взяв в руки ребенка, мать побежала в укрытие а я остался в квартире. Во время бомбежки одна из бомб упала и разорвалась на дороге напротив наших окон. Осколками были выбиты все стекла, разбиты аквариумы для рыбок, которые стояли на подоконнике, а я ничего не слышал и продолжал спать.

Мы часто наблюдали с ребятами, как огромные армады бомбардировщиков в строгом строю пролетали над городом и направлялись на восток бомбить нефтяные районы (Грозный,

Баку). Очень часто десятки «юнкерсов» выстраивались над городом в хоровод и, поочередно пикируя, сбрасывали бомбы на железнодорожную станцию или центр города.

В это время я не видел хотя бы один сбитый самолет. ПВО не было ни видно ни слышно. Вероятно сказывались просчеты наших Верховного Главнокомандования и Генштаба, сосредоточивших основные силы для обороны Москвы и оголившегося фланга, т.е. юга фронта. Хотя в военно-исторической литературе упоминается о том, что на летнюю кампанию 1942 года немцы планировали нанесение основного удара на юге, но наше командование не учло это обстоятельство, а может быть, просто нечем было прикрыть.

В это время нам в дом принесли чемодан, в котором были вещи моего отца. По рассказу человека, принесшего чемодан, он подобрал его на переезде через полотно железной дороги. Чемодан выбросили из вагона проходившего без остановки воинского эшелона. На нем был адрес, куда надо доставить чемодан. Как впоследствии выяснилось, это был один из эшелонов сформированного на базе Закавказского пограничного округа 21-го пограничного полка, влившегося впоследствии в 9-ю СД ВВ НКВД. В этот полк попал и мой отец, который и выбросил чемодан из вагона, узнав что эшелон пройдет станцию без остановки.

Наступил август 1942 года. Месяц назад мне исполнилось 16 лет. Завод, где я работал токарем, готовился к эвакуации. Время было тревожное. Враг прорвал нашу оборону в районе Ростова-на-Дону, и его танковая армада устремилась на просторы Кубани. Город Армавир, где я жил, непрерывно бомбили. Каждый рабочий завода дал подписку об эвакуации вместе с заводом, но обстановка не позволила осуществить этот план. Мне пришлось примкнуть к отступающим подразделениям 21-го пограничного полка. Добрые солдатские души в одночасье приодели меня в форму, и началась моя долгая, растянувшаяся почти на 46 лет служба во Внутренних войсках.

Не помню, где, кто и как остановил наш полк на пути его позорного отступления. Подразделения полка возвратились назад, вышли к реке Белой и заняли оборону на левом гористом берегу в районе станицы Ханской.

При занятии обороны мне преподали предметный урок старослужащие. Я выбрал позицию для отрывки окопа вблизи со станковым пулеметом, но товарищи посоветовали мне отойти подальше от пулемета, утверждая, что первая вражеская мина залетит именно на это место. Так оно и случилось.

На правом берегу Белой через станицу проходило шоссе Белореченская — Майкоп. Видно было как по нему проходил транспорт с пехотой противника. Нередко машины останавливались и разгружались. Отдельные группы солдат перебежками приближались к реке и занимали оборону. С нашей стороны открывался огонь из всех видов оружия. Форсировать реку они не пытались, да и наши оборонительные линии были настолько удачливыми (водный рубеж перед линией обороны, высоты на которых проходили первые оборонительные порядки), что это дает основание предположить что противник не ставил перед собой цель прорвать нашу оборону, а только пытался сковать наши силы в этом месте.

Через три-четыре дня поползли слухи, что мы находимся в окружении, что на самом деле так и было. Дело в том, что враг овладел станицей Апшеронской, которая находилась у нас в тылу. Полк оставил свои позиции и по бездорожью, в обход населенных пунктов начал отходить на юг. Мы долго находились в окружении потому, что противник продвигался вперед на юг, а мы все время оставались сзади.

Остановили наступление противника только на перевалах Главного Кавказского хребта. Несмотря на то, что стянули сюда несколько специально обученных альпийских дивизий, водрузили на Эльбрус знамя со свастикой, овладели перевалами, их наступление захлебнулось, хотя для непосредственного выхода к морю оставалось 20—30 км. В наших руках оставалась узкая полоска земли вдоль побережья Черного моря. Немцы разбрасывали листовки, в которых предлагалось переходить на их сторону; в противном случае грозили утопить всех в море.

В это же время появился приказ Сталина №227, вошедший в историю под девизом «ни шагу назад». Личному составу попавших в окружение частей и подразделений ставилась задача обязательно выходить из окружения и присоединяться к обороняющимся войскам. Здесь же впервые появилось требование

создавать рейдовые отряды для ведения боевых действий в тылу врага, на пути отступающих войск выставять заградительные отряды и много других конкретных мер по ведению боевых действий. Здесь же давалось право командирам расстреливать на месте за невыполнение приказа или распространение панических настроений. В открытых публикациях об этом, обычно, стыдливо умалчивают, хотя я считаю, что в той обстановке эти меры были необходимы.

В этот период случились события, которые до сих пор остаются в памяти. Полк разделился на батальоны (так легче было продвигаться в условиях резко пересеченной местности). Меня так захватили события и непривычная обстановка, что расставание меня мало беспокоило и осталось почти незамеченным. Более сильное воздействие оказывали обстановка, постоянное чувство опасности.

Батальон подходил к станице Даховская. Разведка доложила, что в станице находится батальон немцев. Чтобы выйти на горную дорогу, ведущую на перевалы, надо было пройти через станицу. Обходной путь закрывали ущелья. Командиры приняли решение внезапно атаковать и с ходу пройти станицу и выйти на горную дорогу. Здесь со мной произошел случай, который оставил глубокий след в памяти на всю жизнь. С началом атаки впереди цепи бойцов бежала цепь перепуганных гусей, овец и коров, которые паслись на лугу. Это обстоятельство спасло жизнь многим бойцам батальона.

Батальон сходу проходил станицу, а мне мой командир приказал забросать гранатами глубокий овраг, проходивший рядом. Приказ я выполнил, но немного отстал от бежавшей цепи наших воинов. И чтобы сократить путь и догнать наступающих, решил бежать через задние дворы, где столкнулся с немцем, который второпях взбирался по лестнице на чердак сарая. Я что-то закричал, немец оглянулся и стал торопливо стягивать со спины автомат, а я нажал на спусковой крючок и выпустил длинную очередь из автомата. Немец открыл рот и начал медленно ползти по лестнице вниз, пока не оказался на земле. Этот здоровый, рыжий человек с открытым ртом преследовал меня в период коротких минут отдыха на привалах. Я даже старался не задремать, когда это было можно, т.к. боялся этих кошмарных видений.

Выйдя на дорогу, ведущую в горы, мы прошли несколько километров, и в это время разведчики доложили, что навстречу нам движется колонна, состоящая из большого количества военнопленных и немецких конвоиров. Командиры решили уничтожить конвой, освободить пленных и продолжать движение к перевалам.

Дорога, по которой мы двигались, была очень узкой: справа поднималась отвесная стена, а слева проходило глубокое ущелье. Пройдя некоторое расстояние нашли небольшое уширение дороги, поросшее лесом. Здесь и решено было сделать засаду. Бой был коротким. Конвой был уничтожен, а пленные разбежались. В колонне двигались полевые кухни, запряженные огромными полуослами-полулошадьми. Это были мулы, которые состояли на вооружении в альпийских горно-стрелковых дивизиях. Эти огромные животные внешне были похожи на огромных лошадей, а голова с длинными ушами напоминала голову осла или ишака.

В котлах полевых кухонь готовилась еда. Голодные солдаты голыми руками прямо из котлов выхватывали куски мяса и тут же на ходу их съедали.

Дальнейшее наше продвижение на юг ничем особенным и примечательным более не отличалось. Питались мы, в основном, дикими грушами, каштанами и другой пищей, которой был так богат южный край. Иногда удавалось подстрелить горного козла или кабана, но приготовить их как надо не было никаких условий. Поэтому всегда это было полусырое жесткое мясо, которое я не ел. Хлеба не было совсем. Воду пили только ранним утром солдатскими ложками из углублений на земле. Обильные ранние росы позволяли утолить жажду.

Наши попытки перейти Главный Кавказский хребет через перевалы не имели успеха, т.к. Умпырский, Сангаро и Марухский перевалы были заняты крупными силами противника. Мы вынуждены были продвигаться на юго-восток, пытаться найти не занятые немцами проходы через горы к побережью. По случайности мы вышли на туристскую маршрутную тропу протяженностью 103 км, которая проходила по живописной местности главного Кавказского заповедника. Через каждые 15—20 км попадались жилые постройки, где до войны останавливались туристы на ночлег. В одном из этих домов я под одобрителный

хохот солдат написал на стене непристойные слова в адрес тех туристов, которые ранее проходили по этому маршруту.

В конце концов мы вышли в населенный пункт, не занятый немцами. Это был конечный пункт маршрутной тропы. Поселок в 40 км от Адлера, назывался Красная Поляна (не путать с Ясной Поляной). Нас накормили, выстирали и высушили наши вещи, мы впервые выпалились. После отдыха мы на попутном транспорте отправились в Адлер.

Нас осталась горстка солдат во главе с командиром 9-й роты старшим лейтенантом. К сожалению, его фамилию я не запомнил. Помню, что это был молодой, энергичный, смелый командир.

Мы расположились на пляже, наш командир пошел в комендатуру и установил, что в Дагомысе под Сочи дислоцируется 24-я отдельная пограничная комендатура, куда мы вскоре и направились. Приняли нас радушно, поставили на котловое довольствие и совершенно не привлекали ни к каким-либо работам, ни к службе. Расположились мы в сарае на сеновале. Обилие в окружающих садах различных фруктов: груш, яблок, персиков, инжира позволяли нам чувствовать себя на вершине блаженства.

Северо-Кавказский фронт практически прекратил существовать. На побережье вела бои Черноморская группа войск, а на востоке организовался Закавказский фронт, которым командовал бывший заместитель наркома НКВД генерал-полковник Масленников. Наше благополучие длилось совсем не долго. Приехал наш командир, и мы направились в «Зубову щель» где располагался штаб 277 СП ВВ НКВД со штабными подразделениями и одним стрелковым батальоном. Два батальона полка выполняли задачу в заградительных отрядах в горах. Нашу небольшую группу построили, вышел командир полка и в течение нескольких минут распределил всех по подразделениям. Командиром полка был майор (на петлицах две шпалы) Жданов. Подойдя ко мне, он на минуту задумался (видимо, сказался мой не внушительный мальчишеский вид) и сказал: «В роту связи». Так мгновенно решилась моя военная профессия, растянувшаяся почти на 45 лет.

В роте связи людей почти не было. Батальоны полка находились в заградотрядах (выполняли приказ Сталина №227), а связисты из роты связи были приданы стрелковым подразделе-

ниям, хотя офицерами рота была укомплектована полностью и у них было много свободного времени. Командир радиовзвода взял надо мной шефство. Ежедневно утром он брал с собой зуммер и телеграфный ключ, мы уходили в дальние комнаты, и там до обеда он обучал меня азбуке Морзе. Я с большим желанием воспринимал эти занятия и через месяц кое-как мог принимать и передавать знаки азбуки.

Наш полк получил приказ выйти в район станицы Фанагорской, что западнее Туапсе и сменить основательно потрепанную бригаду морской пехоты. В это время я был назначен радистом маломощной радиостанции 6-ПК. Эту радиостанцию сегодня можно встретить только в музее. Движение на передовую проходило в пешем строю, и можно только догадываться, как тяжело было нести упаковку питания радиостанции (около 16 кг), личные вещи, да в придачу еще и катушку с телефонным кабелем, которую телефонисты, из-за их малочисленности, не в состоянии были взять. Не только я, все солдаты роты были нагружены техникой и имуществом так, что в голову приходила крамольная мысль: когда же налетит авиация противника и прозвучит приказ командира: «воздух» и можно будет несколько минут передохнуть.

Тылы полка, а также незначительное количество подвижной техники оставалось далеко за перевалом.

По прибытии на место мы с начальником радиостанции развернули рацию и попытались установить связь со вторым эшелоном, однако через несколько минут начался сильный артиллерийско-минометный обстрел. Офицеры морской бригады приказали нам прекратить работать на передачу, а начальнику штаба полка посоветовали убрать радиостанцию. Нам подыскали в 1,5 км от штаба заброшенный блиндаж, где мы и расположились. Правда, в блиндаже можно было передвигаться только в полусогнутом состоянии, зато верх был оборудован несколькими накатами бревен, что, однако, не спасало от прямого попадания снаряда.

Здесь же в Туапсе на собрании меня приняли в комсомол. До сих пор удивляюсь этому установившемуся ритуалу партийных и комсомольских собраний, которые мне пришлось посещать почти пятьдесят лет.

Следует отметить, что по некоторым элементам радиоэлектронной борьбы противник значительно превосходил наши возможности, особенно там, где войска оборонялись на определенных рубежах продолжительное время. И не случайно в годы войны был издан приказ за подписью Сталина о «радиобоязни» отдельных высоких военачальников. Справедливости ради следует заметить, что эта «боязнь» была обоснованна. Ну а мы спасались от обстрелов либо сокращением времени на передачу, либо частой сменой частот, иногда и не разрешенных для передачи.

Связь с подразделениями полка осуществлялась только по телефону. По этой причине значительные потери несли телефонисты, так как им приходилось устранять повреждения телефонных линий под огнем противника.

Однажды меня и самого пожилого солдата роты (1905 г. рождения) Березовского вызвали в штаб полка и начальник связи (он же командир роты связи) поставил задачу отправляться во второй эшелон и приступить к выполнению обязанностей радистов на полковой автомобильной радиостанции РСБ-СР, которая поддерживала связь со штабом внутренних войск, дислоцированным в Лазаревской.

Радиостанция была развернута на южном склоне и частые обстрелы не приносили особенного вреда, тем более что автомобиль располагался в глубоком капонире, а рядом были вырыты щели для личного состава. Экипаж состоял из 7 человек: начальник радиостанции, два старших радиста, два радиста, старший электромеханик-водитель и электромеханик-водитель. Режим работы: круглосуточно на приеме. Автомобиль ГАЗ-3А полутонный, трехосный. Весь состав экипажа постоянно находился в кузове автомобиля, другого помещения для проживания не было, особенно тяжело было ночью, когда один дежурил, а остальные ложились спать.

Здесь отшлифовалось мое профессиональное мастерство. Этому способствовало то обстоятельство, что мои старшие товарищи имели тесные связи с заведующим продовольственным складом и иногда получали сверх нормы (высокогорная норма — 100 граммов спирта) спиртное и устраивали застолье, а меня как самого молодого сажали на дежурство за радиостанцию.

Попытки радиста главной радиостанции согнать меня с ключа не приносили успеха, и ему не оставалось другого выхода как терпеливо продолжать работать со мной, что с каждым днем повышало мои профессиональные навыки. В конечном итоге, я стал полноправным членом экипажа и нередко, когда условия радиосвязи значительно ухудшались (атмосферные разряды, сильные радиопомехи и другое) уже меня приглашали для ведения радиообмена.

За все время службы рядовым, сержантом, старшиной я никогда не испытывал от более старших по возрасту товарищей насмешек, оскорбления, унижения, а тем более физического насилия по отношению ко мне. Хотя в ряде случаев разница в возрасте была значительной. Наоборот, они всегда помогали мне словом и делом, и я с благодарностью вспоминаю каждого из встретившихся на моем жизненном пути старших товарищей, в каком бы звании он ни был.

В скором времени наш полк переместился на другой участок фронта, а в начале января началось наступление наших войск. Приятно было слышать в сводках Информбюро о том, что подразделения подполковника Жданова (это наш командир полка) освободили город-курорт Горячий ключ. Затем был освобожден город Краснодар, и в районе станицы (сейчас город) Крымской перешли к обороне. Здесь враг оказал нашим войскам упорное сопротивление. Глубоко эшелонированную оборонительную линию на Таманском полуострове противник назвал «Голубой линией».

Почему-то в официальной литературе почти не встречаются данные о количестве частей и соединений внутренних войск НКВД, действующих на этом участке фронта. А ведь даже мне, совсем молодому солдату внутренних войск, было известно о том, что в состав фронта входили 9МСД, 11МСД и, наконец, 2-я дивизия ОМСДОН, которой командовал, тогда еще полковник, будущий командир московской ОМСДОН им. Дзержинского генерал Пияшев. А в этой дивизии старшим помощником начальника связи дивизии воевал капитан Алексей Андреевич Клевцов, проживающий сейчас в городе Киеве. Вот уж кто мог бы поведать о делах связистов внутренних войск на фронте.

К лету 1943 года наш полк вывели из состава готовящихся к наступлению войск и направили в г. Майкоп для ликвидации бандформирований на территории Адыгейской автономной об-

ласти. Радиостанция была развернута на окраине города, как обычно далеко от штаба полка, а мы жили в частном доме у местного жителя. Все еще сказывался синдром «радиобоязни». Часто прослушивая эфир, случайно попадали на частоту управления воздушным боем немецкой авиации и слышали немецкую речь — предупреждение летчиков о появлении в воздухе самолета Покрышкина.

В 1944 году в городе Сарны для всех радистов Украинского округа ВВ НКВД была организована сдача на классную квалификацию. Экзамены принимались индивидуально представительной комиссией. Группа радистов из нашего полка в количестве четырех человек выдержала строгие экзамены. Выдержавшим экзамены независимо от занимаемой должности присваивалось специальное воинское звание: «старшина-радист первого класса», «старшина-радист второго класса» и т.д. Кроме того, радистам первого класса доплачивалось к денежному содержанию 75 рублей.

В начале марта 1944 года полк погрузился в эшелон и начал движение на Западную Украину. Рота связи размещалась в теплушке, а мы по привычке — в радиостанции, которая была развернута на открытой платформе. И как всегда, круглосуточно поддерживалась связь со штабом 9МСД, который остался в Краснодаре.

Во время движения эшелона работать на ключе и записывать принимаемые криптограммы было почти невозможно. Кроме того, до Донбасса связь была крайне неустойчивой и у нас скопилось большое количество переданных криптограмм. На одной из остановок эшелона начальник радиостанции старшина Гаджалиев взял все переданные радиогаммы, а, вернувшись, сказал, что все передано по телефону адресату, о чем расписался в журнале. Позднее выяснилось что радиогаммы не были вручены адресату. Нашего начальника суд военного трибунала приговорил к 10 годам с заменой на штрафной батальон. С выходом эшелона на Украину связь со штабом дивизии улучшилась и не прекращалась, но регулярно нас стала бомбить авиация противника.

Разгружались наши эшелоны на станции Киверцы Львовской ж.д. недалеко от линии фронта. Штаб полка разместился в районном центре Цумань Волынской области, а усиленные подразделения становились гарнизонами в назначенных населенных пунктах. Причем в этих населенных пунктах хозяйничали бандеровцы. Приходилось с боем овладевать этими селами. На-

чалась ежедневная изнуряющая борьба с бандитами, часто с потерями личного состава. В одном бою я был тяжело ранен и лежал на излечении в эвакогоспитале города Ровно и возвратился в полк только в 1945 году. Близились окончание Великой Отечественной войны, но борьба с бандитизмом была в самом разгаре. Полк передислоцировался в областной центр Волынской области г. Луцк, и я стал задумываться о возможности поступления в училище.

Из наградного листа: за отличное обеспечение радиосвязью всех операций батальона ефрейтор Боцман достоин представления к правительственной награде — медаль «За боевые заслуги». Командир 277сп ВВ подполковник Жданов, 1943 г. Орден Красной Звезды. №3753839 от 30.04.1975 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Якушин Иван Вячеславович**, курсант 3-го курса Московского государственного университета природообустройства.

**Брусницын
Николай
Александрович**

СВЯЗЬ С ВЕРХОВНЫМ

Я генерал-лейтенант в отставке, кандидат военных наук, академик Международной академии информатизации, лауреат премии Совета Министров СССР. Шифровальщик переговоров с Верховным.

Родился 23 ноября 1921 года в деревне Ручьи Шимского района Новгородской области в семье хлебороба и солдата отчества. Семья наша жила в маленькой деревушке Ручьи, около древнего знаменитого села Коростынь, что на берегу озера Ильмень, на месте, где была битва Великого князя Ивана III с новгородцами за единство Руси. Мой пращур, по рассказам прадеда Леонтия и деда Василия, а я их помню обоих, воевал еще под началом Потемкина с турками. Прапрадед Тимофей погиб на войне с Наполеоном. Отец мой Брусницын Александр Васильевич с 1914 года дрался с немцами в I мировую войну, с иностранными интервентами и белыми — в Гражданскую. На Гражданской войне стал инвалидом: остался без глаза и о пяти пальцах на двух руках.

После многократных обсуждений, долгих, иногда целыми ночами, споров, отец в 1928 году организовал в деревне Ручьи Старорусского района колхоз. Кулаки в него дважды стреляли

из ружья, а один раз при разделе земли между колхозом и единоличниками чуть не убили топором. Старорусские врачи его выходили, и он продолжал руководить колхозом, в который потом вступила вся деревня. В 1940 году он был избран секретарем сельского совета. Я в 1935 году закончил Коростынскую неполную среднюю школу и поступил в Ленинграде в техникум. В 1938 году на комсомольском собрании нами было принято решение: всем, кто пройдет медицинскую комиссию, идти учиться в военные училища. Об этом я написал отцу. Он мне ответил: «Все равно в ближайшее время будет война с немцами, а на войне лучше быть обученным солдатом, чем неучем. Правильно решили». Так я поступил в Ленинградское училище связи.

В училище памятным осталось то, что за один 1938 год было арестовано два начальника училища; за что, про что — никто не знал. У моей тетки в это время арестовали мужа генерала, правда, в 41-м выпустили, и он погиб на фронте. Отец, будучи членом ВКП(б) с 1924 года (ленинского призыва), посоветовал мне доложить об этом своему командиру, чтобы не сказали, что скрываю. Так я и сделал. Командир роты старший лейтенант Арбузов молча выслушал мой доклад и тихо сказал: «Забудь все. Ты ничего не знаешь и никому ничего не говорил. И сам никогда об этом не вспоминай». С большим облегчением я до сих пор следовал совету своего мудрого командира. В 1939 году был переведен в Киевское Краснознаменное военное училище связи, по окончании которого в 1940 году лейтенантом был направлен в 17-й отдельный полк связи Прибалтийского особого военного округа командиром взвода. Командиром полка и первым моим наставником был полковник Семенихин П.Ф., опытный командир, участник войны с Финляндией в 1939 году. Командир сурово встретил юного лейтенанта, объявив, что вверяет мне взвод одногодичников (курсанты с высшим образованием, призванные на один год и должны сдать экзамен на звание младшего лейтенанта запаса), на котором у меня должен получиться толк или я сверну себе шею. Командир требовал от нас, взводных, больше проводить практических занятий в поле по установлению связи на реальные расстояния. Во всех своих выступлениях перед офицерами предупреждал, что надо учиться воевать. Войны с фашистами не миновать и несмотря на разные заявления к ней надо серьезно готовиться. Мы, молодые лейтенанты, головой это понимали, а до сердца как-то это не доходило.

В Прибалтике обстановка была сложная. Немцы переселялись в Германию. Распродавали свои пожитки. Латыши, кроме фашиствующих ульмановцев, к русским относились благожелательно. Однако офицерский состав по приказу наркома обороны Тимошенко С.К. обязан был находиться в казарме с подразделениями ежедневно с подъема (6.00) до отбоя (23.00) и проводить занятия с личным составом.

В это время в полку мы активно изучали технику, новые радиостанции и аппаратуру связи. Полк за зиму 1940/41 года несколько раз обеспечивал полевые учения войск округа. Мне впервые пришлось в полевых условиях самостоятельно командовать подчиненным подразделением и выполнять задачи по обеспечению связи и настройке аппаратуры связи. Действия в полевой обстановке способствовали быстрому ориентированию на местности, правильному разворачиванию линий связи и ориентированию антенных устройств радиостанций, а главное, выработке у нас, командиров подразделений, и у солдат индивидуальной личной ответственности за свои действия. Офицеры вырабатывали чувство абсолютной ответственности за обеспечение связи и управление войсками, передачу команд, боевых распоряжений, приему докладов, просьб и оперативно-разведывательных донесений подчиненных частей, когда от работы одного подчиненного солдата-связиста зависит успех выполнения боевой задачи всего подразделения. А главное — успех управления командира соединения (части) своими подчиненными в бою.

Все полевые учения, как правило, проходили в реальной обстановке со штабами соединений округа под руководством его командующего генерал-полковника Ф.П. Кузнецова. Мы, связисты, действовали своими подразделениями под руководством управления связи округа, начальником которого был полковник Курочкин Петр Михайлович, впоследствии начальник войск связи Северо-западного фронта, генерал-лейтенант. Во время Демьянской операции СЗФ Петр Михайлович был тяжело ранен, долго лечился в госпитале. После войны он преподавал в Академии имени М.В. Фрунзе в Москве, был начальником кафедры связи, окончил военную докторантуру при Академии наук СССР, стал доктором военных наук. Это был прекрасно образованный человек, владевший французским и немецким языками. Был весьма начитан и прекрасно знал не только русскую классическую, но советскую и французскую литературу.

Первого мая мы, по традиции, участвовали в параде войск округа в Риге. Командующий войсками в приветственной речи на параде обратил внимание войск на необходимость подготовки к маневренным действиям с широким применением танков и авиации. В повседневных требованиях начальник войск связи П.М. Курочкин особое внимание уделял освоению новейшей радиостанции, предназначенной для работы телеграфом, с аппаратурой засекречивания передаваемого текста. Мне это особо запомнилось, так как эту аппаратуру мы получили только в мае 1941 года, в училище ее изучали лишь теоретически по описанию. Полковник Курочкин не один раз приходил на радиостанцию проверить, как идет ее освоение. Обучали нас работе на новой радиостанции сами конструкторы завода-изготовителя.

После очередных полевых учений 18 июня 1941 года я заступил на дежурство в штабе округа. В ночь на 19 июня из штаба округа в Москву в Генеральный штаб мы непрерывно передавали разведывательные донесения. В них докладывалось о положении на границе, выдвижении и развертывании немецких войск, показаниях перебежчиков, а главное, о том, что немцы нападут с рассветом 22 июня по всему фронту. Передавались в Москву также сообщения пограничников о развертывании танков и артиллерии на берегу реки Неман. Из Москвы в адрес начальника штаба округа принимались оперативные шифровки.

По сдаче дежурства вечером я встретился со своей знакомой девушкой. Она окончила школу и сдавала экзамены. Сходили в кино и договорились: если все-таки будет война, она пойдет в санитарки. Утром 20 июня меня срочно вызвали в штаб полка. Получил приказ принять сформированное подразделение для обеспечения связи выдвигающегося в район учения на границу с Восточной Пруссией механизированного соединения. Принял радиостанцию РСБ, кабельное, телефонное и телеграфное имущество, личный состав, в основном из курсантов моего и других взводов полковой школы, и, став неожиданно ротным командиром, по приказу командира полка отправился на учения в район Таураге (фольварк Наумейтис) на реке Неман в 4 км северо-восточнее Тильзита. Мое подразделение передавалось в распоряжение полковника И.П. Селькова с задачей установить связь соединения по радио и проводными средствами с командным пунктом округа в районе Паневежис и штабом округа в Риге.

В отличие от предыдущих учений мне было приказано получить и раздать личному составу патроны и гранаты. К утру

21 июня мы прибыли на указанное место, развернули средства связи и установили связь в соответствии с распоряжением по связи. На границе, которая находилась в 2-3 километрах, кипела напряженная работа. Инженерно-строительный батальон возводил долговременные укрепления вдоль реки Неман, строились железобетонные ДОТы. Других войсковых частей не было. Мы оборудовали аппарели для радиостанции и замаскировали другие автомашины, расположив их в роще около фольварка. Работа шла споро, все были в нервном напряжении, считали, что война, но что она грянет завтра, все-таки не думали, да и не хотели верить.

Прибыл полковник Сельков. Доложил ему, что узел связи развернут, связь установлена, но штабных командиров еще нет на месте. Полковник поговорил по телефону с Паневежисом и убыл, приказав следить за бесперебойной работой связи. Личный состав подразделения без напоминания был предельно собран, дисциплинирован, и все работы исполнялись четко. Всех интересовало, что делают за Неманом немцы. Они же маскировали установленные в аппаратах танки, подкатывали и устанавливали на боевые позиции артиллерийские орудия.

В момент очередной проверки связи на рассвете около 4 часов утра 22 июня внезапно вдоль всей границы раздалась артиллерийская канонада. В небе завывали «юнкерсы», в расположении инженерно-саперного батальона загремели взрывы бомб. Ощутили первый страх, что будет с нами под бомбами и снарядами, но чувство ответственности за работу связи, которая вот-вот внезапно может прекратиться, заставило преодолеть страх. Я тут же бросился к аппарату. Доложил об обстреле и бомбежке, просил указаний. Полковник П.М. Курочкин, начальник войск связи Прибалтийского особого военного округа из Паневежиса, приказал срочно свернуть узел связи и направиться в распоряжение майора В.В. Звенигородского в город Рокишкис. Встреча на почте... Закончил указания полковник словами: «Постарайтесь выехать полевыми дорогами, не выезжая на основную дорогу». Я сначала не понял, зачем ехать плохим, более длинным путем. Но когда увидел, что творится на шоссе, где «мессершмитты» гоняются за каждой машиной отходящих с границы инженерно-строительных подразделений, мне стало не по себе, и до меня дошло предупреждение опытного начальника.

К утру 23 июня по лесным дорогам мы вышли к Рокишкису, где по указанию начальника оперативного отдела управления

связи округа майора В.В. Звенигородского развернули свои средства и установили связь телеграфом для находящегося здесь штаба с Ригой и по радио с полевым командным пунктом округа, который уже ответил не из Паневежиса, а из другого пункта. В это время уже гремели ожесточенные сражения вдоль всей границы нашей Родины. Штаб и майор Звенигородский, получив какие-то указания из Риги, быстро убыли, приказав мне держать связь с Ригой и Двинском до последней возможности. Линия от бомбежки часто повреждалась, нам приходилось ее непрерывно восстанавливать под бомбами и обстрелом с воздуха. В это время по немецкому радио мы слышали, что литовцы отказываются воевать и их наши якобы разоружили. Тогда срочно взял отделение солдат и поехал в казарму литовского полка, в которой оставался только караул. Заместитель командира полка по тылу ничего о происходящем не знал и на мой вопрос, какое оружие есть у него в полку, ответил, что с десятков чешских ручников, немного патронов к ним да несколько десятков немецких ручных гранат. С тем чтобы хоть как то защититься от низко летающих самолетов, мы забрали на складе полка 15 пулеметов «школа», несколько ящиков патронов к ним и ручные гранаты. Однако вечером из Риги младший лейтенант Уткин Р.В. передал приказ начальства свернуться, так как штаб округа эвакуируется, и следовать в Двинск на почту; в чье распоряжение — не сказал. Собрав имущество, в ночь мы двинулись на Двинск. В пути назначил на каждой из шести машин наблюдателя за воздухом и местностью. Занял место в головной машине и дал команду двигаться за мной. Через какое-то время пути проснулся от боли в виске. Проснулся, машина была в канаве на боку. Все машины стоят за моей машиной, а в машинах абсолютно все спят. Выхватил пистолет и выстрелил в воздух. С перепугу приказал всех наблюдателей построить и расстрелять на месте. Старшина старший сержант Николаев, участник финской войны, шепчет мне на ухо: «Надо разведать местность вокруг». Дал команду накормить людей, а сам с сержантом решил посмотреть, что же вокруг нас. Отошли на обочину, а там на поляне, метрах в трехстах немецкий мотоциклетный батальон расположился на отдых, видимо, еще вчера, и все спят. Вдруг из-за куста поднимается немец и шарит на расстегнутом поясе пистолет. Я почти в упор выстрелил, немец рухнул. Это был мой первый фриц, который часто появлялся мне во сне, весь растерянный и перепуг-

ганный. Забрал его «вальтер» и документы, быстро вернулись к машинам, и поскольку передняя машина уже стояла на колесах, дал команду «по машинам и быстро за мной». Так мы учились действовать на войне.

На подъезде к Двинску впереди на дороге мы заметили немецкие танки. Развернул колонну на север в направлении Екабпилса, там переехали на восточную сторону Двины и направились в Двинск. Недалеко от почты в Двинске наши машины обстреляли из автоматов. Погиб командир телеграфного отделения младший сержант Иванов Н.С. Нам пришлось открыть пулеметный огонь по крышам домов справа и слева. На телеграфе в Двинске никого не было. Аппаратура была вся снята. Решил поискать, может, кто есть в городе. На окраине мы нашли командование 27-й армии. Мой доклад о полученной задаче действия не имел. Командующий 27А приказал: машины и все имущество связи направить в город Режицу, а с подразделением (у меня без шоферов оставалось 64 человека) поступить в распоряжение командира пехотного полка, готовящего оборону Двинска. Пехота уже была измотана в боях с противником. Командир обрадовался свежему пополнению. Это были до предела озлобленные люди, самоотверженно дравшиеся с фашистами. Они отчаянно сражались, но понесли огромные потери и вынуждены были отступить под давлением танков противника. Нам поручили оборонять участок старой двинской крепости непосредственно по берегу реки. Мы оборудовали окопы полного профиля, установили ручные пулеметы. Вот здесь-то они нам и пригодились. В течение последней недели июня мы вели бои на берегу Двины. Днем многократно отбивали попытки немцев переправиться через реку. В этих боях мы узнали настоящую пользу ручных пулеметов. Когда пьяные фрицы на надувных лодках, оцетинившихся сплошным автоматным огнем, мчались к нашему берегу, мы в упор их расстреливали из пулеметов. И так по несколько раз в день. В ответ мы получали страшный минометный и ураганный артиллерийский огонь, от которого защищали нас крепостные развалины да добротные окопы. Выход на мост в первый день защищала батарея противотанковых орудий, затем саперы его взорвали.

В ночь на 27 июня мне как знакомому с местностью на противоположном берегу было приказано добыть «языка». Ребята были молодые, почувствовали, как фрицы бежали под пулемет-

ным огнем при попытке переправы через Двину, всем хотелось в разведку. Сережа Жгутов, сейчас полковник в отставке, тащил за собой веревку, к которой была привязана небольшая лодчонка. Этой веревкой мы ее подтащили к берегу. Долго ползали, высматривая фрицев в тех местах, где видели их днем, но кругом было тихо. Лишь в районе разрушенного моста изредка вспыхивала осветительная ракета. Немцы спали. В начале войны они ночью не воевали, это мы их научили потом воевать и ночью. Вдруг что-то брякнуло, и мы увидели грузного ефрейтора, идущего с ведром. Жгутов прыгнул из-за куста и ударил его по голове прикладом. Фриц упал, а я про себя зло выругался, решив, что притащим труп вместо «языка». Связав ефрейтора, положили его в лодку и быстро поплыли на свою сторону. Когда преодолели примерно три четверти реки, вспыхнула ракета и по лодке ударила автоматная очередь. К счастью, пленного не задело, нас тоже. На берегу нас с нетерпением ждали. Сдали пленного командиру. Немец что-то бормотал, держась за голову.

Наутро нас выбили из города. Под вечер мы снова контратаковали, однако закрепиться снова в городе не смогли. В этих боях мы понесли значительные потери от бомбежки и артиллерийского огня. Только из моего подразделения погибло шесть связистов, в том числе командир кабельного взвода младший лейтенант Кужарин С.Н. По ночам было обычно тихо, но мы хотя и были измучены, уснуть, как следует, не могли. В голове прокручивалась короткая жизнь, на сердце давил комок яркой ненависти к фашистам и бесконечные думы о будущем, что будет завтра. Это сейчас просто об этом пишут, а тогда в голове шальные мысли и злоба на отсутствие наших самолетов в воздухе. «Юнкерсы» не давали нам пошевелиться даже в траншеях, бомбы и снаряды, казалось, сыпались на нас непрерывно.

Ночью 30 июня поступил приказ: летчикам, танкистам, саперам и связистам убыть в свои части. Пехотные командиры просили оставить им ручные пулеметы. Я, понимая их просьбу безоговорочно согласился и приказал передать пулеметы пехоте. На 45-м километре в лесу у шоссе Двинск — Резекне мы обнаружили свои машины с имуществом. Сержант Николаев (бывший мой замкомвзвода), оставшийся старшим, сразу не поехал в Режицу, решил ожидать нас до последней возможности. Отходить никто не хотел. Настроение было подавленное. Не могли забыть погибших товарищей. Но даже в этой страшной неразберихе

начала войны ни кто из нас не сомневался в нашей победе и каждый готов был равно идти в бой, в разведку или как связист ползти под огнем, чтобы исправить поврежденный кабель и обеспечить связь для управления боем. Только на привале мой бывший одноклассник рядовой Петров В.Г., кандидат технических наук, доцент Ленинградского политехнического института, лучший пулеметчик, уничтоживший десятки фрицев под Двинском, как и я, закончивший войну капитаном, спрашивал меня: «Товарищ лейтенант, а как наш теперешний маневр называется?» Отступление, Петров, отступление. Но, думаю, это ненадолго. Ведь когда я с ними изучал тактику и боевой устав пехоты, то отступления мы не изучали, его в нашем уставе не значилось. К сожалению, мои размышления о кратковременности нашего отступления не оправдались.

После этого не менее тяжелые бои и ратный труд были под Псковом, на реке Шелонь и при обороне Новгорода. Можно описать много отмеченных и не отмеченных наградами солдатских подвигов на войне. В основном они остаются не отмеченными, ибо каждый солдат и офицер идет в бой, не думая о наградах. Его ведет в бой сознание долга перед Родиной, ответственность перед товарищами, которые так же, как и он, рискуют жизнью в любом бою.

Той же ночью мы прибыли в Резекне, где располагался штаб СЗ фронта. Полковник Семенихин П.Ф. уже командир 32-го отдельного полка связи, считал, что мы все погибли, очень обрадовался нашему возвращению, да еще с сохраненной аппаратурой связи. Мы сразу же получили приказ развернуть узел связи северо-западнее Пскова.

Несмотря на приказ Ставки Главного командования, задержать противника на рубеже Западной Двины не удалось. Войска от рубежа к рубежу отходили на старую границу. Днем 2 июля мы прибыли во Псков на телеграф, чтобы подсоединиться к линии на Ленинград. Город бомбили немецкие самолеты. Телеграф горел. Взвод лейтенанта Большакова Г.С., нашего сослуживца, вытаскивал из огня аппаратуру. Мы помогли товарищам и, проследив необходимую линию, за городом подсоединились к ней. При строительстве линии нас бомбили немецкие самолеты. Впереди нас, боясь бомбежки, остановились две полуторки с эвакуированными детьми, из кузовов вылезали дети. Фрицы расстреливали их на бреющем полете. Мы прекратили работу и

начали залпами палить по самолетам. Один так и не вышел из пике врезался в землю. Затем собрали раненых и убитых детей еле разъяснили насмерть перепуганным женщинам и шоферам чтобы в таких случаях не останавливались, а мчались как можно быстрее вперед.

Связь на командном пункте установили, развернув аппаратуру в палатке. Только наладили связь по всем направлениям, вновь прибывший начальник штаба генерал-лейтенант Ватутин Н.Ф. начал переговоры по телеграфу с начальником Генерального штаба. Снова началась бомбежка. Лес загорелся пламя охватило палатку. Пришлось аппаратуру вытаскивать и развертывать прямо под открытым небом. Так под перманентными бомбежками мы проработали несколько дней. В ночь на 8 июля поступил приказ свернуться и перебазироваться в Новгород. Рано утром мы прибыли на гражданский телеграф в Новгороде. Каково же было наше удивление, когда на телеграфе мы обнаружили основных работников штаба и самого начальника, ведущего переговоры с Генеральным штабом.

Мы с ходу приступили к развертыванию полевого узла связи фронта. Затем выяснилось, что за нас так успешно сработали гражданские связисты во главе с начальником Новгородского телеграфа К.И. Шафровым. Он по распоряжению начальника войск связи фронта полковника П.М. Курочкина временно прервал все гражданские связи и установил связь на необходимых для штаба фронта направлениях. За аппаратами работали новгородские женщины, линии связи, часто повреждаемые авиацией противника, обслуживались и восстанавливались бригадами гражданских линейных надсмотрщиков. Как писал позже генерал П.М. Курочкин: «Генерал Ватутин был крайне удивлен, что при полном отсутствии военных полевых средств связь для штаба фронта была обеспечена. Он тут же отдал распоряжение разместить основных работников оперативного и разведывательного управлений в помещении конторы связи».

Связистам работать приходилось в трудных условиях. Штабы всех командных инстанций в первые дни войны перемещались бессистемно, неорганизованно и весьма часто. Расстояния между штабами зачастую были гораздо больше, чем имелось средств связи для их перекрытия. Выручали в этих случаях гражданские связисты. За счет псковских и новгородских связистов были пополнены поредевшие в боях подразделения нашего полка свя-

зи. Из гражданских специалистов-линейщиков были созданы линейные бригады, впоследствии составившие основу линейно-строительных частей фронта. Эти бригады в тяжелейших условиях восстанавливали повреждения и поддерживали в рабочем состоянии линии связи. Такие бригады были созданы в Пскове, Острове, Медведе, Шимске, Старой Руссе, Дне, Новгороде и др. Эти бригады самоотверженно работали днем и ночью. Один из таких тружеников — линейщик из Медведа Михаил Георгиевич Востряков был смертельно ранен, когда он сращивал провода, стоя на когтях на телеграфном столбе. По представлению начальника войск связи фронта за свой подвиг он был удостоен ордена Красная Звезда.

Начальник Шимской конторы связи Максим Гордеевич Загороднюк круглыми сутками работал, обеспечивал восстановление повреждаемых противником линий связи. Его сестра Аня Загороднюк бесменно дежурила на коммутаторе. Они оба среди десятков других были награждены орденами Родины. В сложных условиях частой смены пунктов управления и повреждения линий связи большим искусством было быстро составить обходную линию. Большими мастерами в этом были младший лейтенант Уткин Р.В, после войны полковник, доктор технических наук, начальник кафедры Военной академии связи, и механик рядовой Петров В.Г, курсант взвода одногодичников. Они на память знали прохождение линии на местности и своими приборами определяли так точно место повреждения линии, что линейные команды к месту повреждения выходили не по линии, а кратчайшим путем, связь в этом случае восстанавливалась гораздо быстрее. Из Генерального штаба часто поступали запросы о положении и действиях войск. Генерал Ватутин подолгу просиживал у телеграфных аппаратов с картой, затем, получив доклады из корпусов и армий, докладывал обстановку генералу Антонову или генералу Василевскому. Очень часто начальник штаба, разложив карту на приставном к телеграфному аппарату столе, лично считывал с телеграфной ленты обстановку и сам наносил ее на карту. Всякий раз, когда в результате бомбежки или обстрела повреждалась связь и мы, связисты, нервничали, налаживая ее в присутствии начальника штаба, генерал Ватутин был предельно спокоен и вежлив, видя наше волнение, не единожды, сидя за столом, склонившись над картой, тихо призывал «не нервничать, спокойно работать». Это вселяло уверенность, и, казалось, связь быстрее восстанавливалась.

Однажды в мое дежурство из Генерального штаба к аппарату потребовали командующего войсками фронта генерала Собенникова и предупредили: связь передаем в переговорную товарища Сталина. Немедленно доложил об этом полковнику Курочкину.

С приходом командующего сел за аппарат. Пальцы, привычные к работе, едва слушались. С трудом доложил, что у аппарата командующий. Через минуту, длившуюся для меня очень долго, на аппарате защелкало: «У аппарата товарищ Сталин, здравствуйте, товарищ Собенников. Доложите о действиях и положении первого механизированного корпуса». Командующий доложил. Сталин потребовал более свежих данных. Но в это время связь с корпусом у нас отсутствовала, о чем командующий, глядя строго на присутствовавшего при переговорах начальника связи и доложил. Товарищ Сталин потребовал принять все меры для установления связи с корпусом, добавив, что его действия имеют большое значение. Командующий ушел. Через несколько минут все основные офицеры управления связи фронта были на узле связи и давали команды на все вспомогательные узлы связи по розыску штаба корпуса. Некоторыми узлами были найдены командиры соединений и штаба корпуса. Они разрозненно доложили обстановку. Позднее связь с корпусом была восстановлена. 12 июля от нас срочно потребовали итоговые данные по работе связи. Как потом выяснилось, прибывшие в штаб главком Северо-западного направления маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов и член военного совета А.А.Жданов, разбирались с организацией управления войсками фронта и заслушивали начальника войск связи полковника Курочкина по вопросам организации и работы связи. В ходе заслушивания тов. Ворошилов отметил, что командование фронта очень далеко находится от войск, и рекомендовал на направлении главного удара иметь ближе к войскам передовой командный пункт.

В этот же день заместитель начальника войск связи фронта полковник П. С. Матвеев поставил полку задачу развернуть в Шимске узел связи передового командного пункта. Нам на командном пункте поставлена задача поддерживать связь с передовым командным пунктом и обеспечивать его связь с Генеральным штабом и Северным фронтом, а при необходимости и с армиями, ибо с ними он установил связь непосредственно. 14 июля

11-я армия нанесла контрудар по моторизованному корпусу Манштейна. Управление войсками в период контрудара командующий фронта осуществлял с передового командного пункта в районе Шимска.

В конце июля связистам был зачитан приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. В нем указывалось, что связь является основным средством управления войсками, потеря связи неизбежно ведет к потере управления войсками, а потеря управления войсками приводит к поражению. Таким образом, мы, связисты, чувствовали, что в неудачах на фронте, в отступлении и поражении наших войск значительная вина ложится на связистов. Это подтянуло многих, работа связистов становилась организованней, результативней.

Командный пункт фронта перешел в район Валдая. Там связь установила вторая половина нашего полка. Мы свернули средства связи и двинулись на Валдай. Мы подъезжали к железнодорожному переезду в момент, когда станцию бомбили немцы. Раздался стук по кабине автомобиля. Это был сигнал наблюдателя остановить машину. В недоумении я выскочил из кабины. И тут же у меня на груди повисла моя подруга Тамара Бузанова, с которой мы расстались в Риге. Мы не успели обмолвиться даже словом, как тело девушки обмякло, потяжелело, ладонью ощутил липкую теплоту. То была кровь. Уложили Тамару в кабину и погнали машину в центр города, где располагался госпиталь. По дороге Тамара скончалась, острый осколок авиабомбы ударил ей под левую лопатку. Подразделение продолжило свой путь, а мы с бывшим моим ординарцем Сережей Жгутовым похоронили Тамару в братской могиле в центре города как солдата, ценою своей гибели спасшего жизнь командира. Всякий раз, когда приходится проезжать через Валдай прихожу на братскую могилу, и мое сердце возвращается к временам нашей тревожной, трагической боевой юности. После войны мне удалось в Риге встретиться со старшей сестрой Тамары. По ее рассказу, отец не отпускал Тамару в эвакуацию, сказал, что если уйдет, то он проклянет ее. Самого его немцы расстреляли за какую-то дерзость или неподчинение, а мать умерла во время оккупации.

Через несколько дней мне с группой товарищей снова пришлось возвращаться в Новгород. Было поручено развернуть узел связи передового командного пункта в полуподвальном церков-

ном помещении на восточном берегу реки Волхов на территории новгородского педагогического института. Как только мы установили связь с Генеральным штабом, на телеграф прибыл генерал Ватутин. С этого командного пункта генерал Ватутин лично руководил войсками оперативной группы, оборонявшей город. Особо свирепствовала авиация противника. Ежедневно проводились бомбардировки мостов через Волхов и Мсту, которые никак не могли разбить долгое время, в городе бомбили буквально каждый дом и двор, где было замечено хоть какое-то движение людей. Город был весь в огне и развалинах. Население и все ценности эвакуировались. Оборона шла по земляному валу западной стороны. В результате обстрела и бомбежки часто повреждались линии связи, особенно на подходе к узлу связи. Для связи с командиром 28-й танковой дивизии Черняховского, которая обороняла город, мы проложили две линии: одну через пешеходный мост у кремля, другую через реку. Сам полковник Черняховский с пулеметом в руках защищал город, танков в дивизии уже не было, они сгорели в боях на подступах к городу.

Памятник «Тысячелетие России» в Новгородском кремле был обнесен двумя деревянными срубами, чтобы защитить его от бомб и снарядов. Пространство до первого сруба было засыпано песком, а между срубами булыжником. Противник обошел город с севера и несколько раз пытался переправиться со стороны пивоваренного завода. Мы быстро по тревоге занимали окопы непосредственно на берегу Волхова и отбивали атаку за атакой фашистов, пытавшихся на лодках с моторами захватить командный пункт. Лодки с автоматчиками неслись в нашу сторону, мы их залпами расстреливали почти в упор. Генерал Ватутин продолжал руководить обороной города.

В конце сентября нам поступил приказ перенести узел связи группы (позднее группа Коровникова) в район Новоселицы юго-восточнее Новгорода. Здесь мы расположились в блиндажах. При одной из бомбежек я получил осколочное ранение. Попал в полевой госпиталь. Вспомнилось о родителях, младшем брате и сестренках. Где они и что с ними — неизвестно, а территория нашего района под немцами. По выписке из госпиталя получил свою первую боевую награду, медаль «За боевые заслуги», и предписание в Москву — получить новую шифровальную аппаратуру для связи по радио Бодо. До этого мы использовали шифрующую аппаратуру на фотоэлементах, механические шифраторы. Это была принци-

пиально новая аппаратура, построенная по принципу наложения шифрующей гаммы на передаваемый текст. Ее создателем являлся замечательный изобретатель, ученый, подполковник Дудкин А.А. Он в кратчайшие сроки, в условиях военной неустроенности, подготовил группу офицеров по применению этой аппаратуры в полевых условиях. Использование этой аппаратуры обеспечило необходимую скрытность и безопасность управления войсками. Немцы, как ни старались, так и не смогли расшифровать за всю войну ни одного переговора командования фронтов с Москвой и оперативных документов, передаваемых по радио Бодо. После получения этой аппаратуры я был назначен в другую часть — 119-й отдельный полк связи Южного фронта. Получил звание старшего лейтенанта и должность инженера военно-телеграфной станции. В Москве, перед отъездом на фронт, в почтовом ящике пустой, закрытой квартиры сестры (они были с заводом эвакуированы) нашел письмо мамы с адресом на Урале, куда их эвакуировали, и убыл по назначению. Снова тяжелые бои под Лисками, Харьковом, на Дону, где немцы буквально подавили нас своим превосходством в авиации, танках и артиллерии. В результате немцам уже в августе удалось подойти к предгорьям Кавказа. Под давлением превосходящих сил противника, как ни было горько, мы снова вынуждены были отступать. В ходе отступления от Ростова колонна батальона шла параллельно с немецкими танками: танки шли по дороге, а мы — по степным балкам, так как, пока мы свернули технику, немцы обогнали нас. При отступлении у всех было тяжелейшее настроение, охватывала беспредельная злость на немцев, на нашу немощь, но при всей горечи нам верилось, что мы выстоим, мы победим.

Колонну в пути по радио завернули в Краснодар, развернули узел на окраине города. Уже как инженер телеграфа наладил работу новой аппаратуры шифрования («селектор») с Москвой. К аппарату сразу же потребовали маршала Буденного. Связь была с переговорной Верховного, определил это потому, что аппаратуру в Москве настраивал капитан Пономарев Н. В. — начальник переговорной Верховного. Семен Михайлович, войдя в блиндаж, причесал свои усы, поставил стул к аппарату и стал на него коленями. «У аппарата Буденный». Через некоторое время из Москвы ответили: «У аппарата товарищ Сталин. Здравствуйте, Семен Михайлович». В ответ: «Здравствуйте, това-

рищ Сталин». Разговор продолжался больше часа. Маршал докладывал о формировании новых армий, просил артиллерии и танков, самолетов. Сталин приказал обходиться своими ресурсами, налаживать в Закавказье производство артиллерии; танков и самолетов обещал по возможности выделить. Благодаря шифрованию переговоров Верховного главнокомандующего с командующими фронтами и армией были сохранены тысячи и тысячи жизней советских солдат, выиграны сотни малых и больших сражений. В этом главная заслуга шифрования связи и сохранения секретности оперативных решений командования. Обстановка продолжала усложняться. Немцы прорвали фронт на направлении Ростов — Батайск. Ночью 28 июля Буденный несколько раз вел переговоры с Москвой. Пальцы деревенели от непрерывной работы на клавиатуре. Все вконец измотались. От бомбежки обвалился блиндаж, еле спасли аппаратуру. И снова отступление. Под моим командованием оказалась половина батальона. Наш телефонно-телеграфный батальон перманентно находился в движении. Когда одна половина работала, другая во главе с командиром капитаном Шулежко П.С. перемещалась на новое место расположения командного пункта. И наоборот, когда командование переходило на новый КП, я, как заместитель командира батальона, руководил свертыванием аппаратуры связи и затем вел колонну к указанному месту последующего командного пункта. Под Армавиром разбомбило две машины. Погибли люди и аппарат Бодо. Привезли новый, такого никто у нас не видел и не знал устройства. Мы двое суток не спали, пытаюсь наладить связь. То нет линии, то разбило радиостанцию, то аппаратуру повредило. Проводную связь с Москвой иногда настраивали целыми сутками. Выручало в таких случаях только радио. Как только установили связь, новый начальник штаба фронта генерал Антонов А.И. пришел на переговоры с Москвой, а после переговоров пошли шифровки. Только бомбежки не прекращались, после каждой бомбежки хоронили по несколько человек. Произошла очередная смена КП. Приказ переместиться в Белореченскую, но и там долго не задержались. Через несколько дней штаб убыл в район Туапсе, а мы получили приказ двигаться на Майкоп. В Майкопе поступило распоряжение следовать на станцию Лазаревская, для погрузки в эшелон. Перед самым отправлением эшелона прибыл капитан Михайлов, адъютант генерал-лейтенанта Королева И.Ф., начальника войск

связи Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта, с приказом «дела сдать и прибыть в управление связи». Командование сдал моему заместителю — инженеру телеграфной станции. Сам вместе с адъютантом двинулся в путь. Прибыли в Гезель-Дере, что расположено в ущелье, спускающемся к морю в 5 километрах от Туапсе. Генерал Королев встретил меня приветливо. Разговор начал о необходимости срочно обеспечить скрытый разговор с Москвой. Необходимо наладить работу аппаратуры засекречивания, которая в группе повреждена и инженер, ответственный за ее работу, ранен, его увезли в госпиталь. Без промедления приступил к делу. Аппаратуру удалось отремонтировать быстро.

Генерал-лейтенант Королев был замечательным командиром, обладал широкими организаторскими способностями. В 1943 году он был назначен начальником Радиотехнических войск противовоздушной обороны СССР. Много сделал для создания и организации работы этих войск. Умер внезапно от инфаркта в 1949 году в звании генерал-полковника, когда работали еще по сталинскому ночному распорядку дня. Он в 4 часа утра вышел из кабинета подышать свежим воздухом на Фрунзенскую набережную, облокотился на парапет и упал замертво.

Генерал перевел меня в 40-й отдельный полк связи на ту же должность: заместителя командира телефонно-телеграфного батальона. Командиров и техников в полку почти не осталось, кто погиб, кто ранен. Офицерские должности замещали сержанты. Мы быстро наладили так необходимую связь с Москвой. В этой сложнейшей обстановке, когда тяжелейший удар советским войскам был нанесен предательством руководителей некоторых северокавказских народов, она была нужна как воздух и как назло пропала. Пошел сам на радиостанцию, и когда поднимался на площадку, где был развернут радиопередатчик, снова появились в воздухе «юнкерсы». Одной из бомб разнесло всю радиостанцию, погибли четыре радиста экипажа, в том числе начальник радиостанции старший лейтенант Бриль Володя. Меня взрывной волной сбросило с кручи, оглушило, когда падал, ударился позвонком и сломал правую руку. В медсанбате наложили шину на руку. Об уничтожении радиостанции через Тбилиси доложили в Москву. Из Москвы последовало распоряжение в Тбилиси направить нам другую радиостанцию РАТ. Это радиостанция с излучаемой мощностью один киловатт. Состоит из трех аппаратных машин: передающей, приемной и электро-

питающей. Машины между собой соединяются специальными кабелями, а приемная и передающая станции, развертываемые примерно в одном-двух километрах от телеграфа, соединяются с ним тоже линиями связи. До прибытия станции сделали попытку установить связь с помощью американской станции, полученной по лендлизу. Однако ничего не получилось, так как американская радиостанция СЦР была не пригодна для работы буквопечатанием, пришлось ждать прибытия станции из Тбилиси. Еще раз убедились в универсальности нашей техники и ограниченности помощи союзников. Однако в последние годы находятся «специалисты» преувеличивающие вклад союзников в нашу победу над фашизмом и принижающие достижения нашей промышленности в годы Великой Отечественной войны.

Радиостанция РАТ через несколько дней своим ходом прибыла в полк с новым начальником лейтенантом Ерохиным А.К. За это время несколько оклемался от контузии. Больше времени уделял направлениям связи с соединениями, входящими в армию. На узле связи практически не бывало и минуты, чтобы не было кого-то из офицеров штаба. Офицеры штаба — направленные за соединениями непрерывно следят за выполнением последними боевых приказов, передают их или уточняют задачи, собирают оперативные и разведывательные сводки, донесения или просьбы соединений. В промежутки между переговорами передаются заявки служб на обеспечение боевой деятельности войск боеприпасами, горюче-смазочными материалами, продовольствием и другими материальными и техническими средствами. Непрерывная работа связи — залог боевого успеха войск. Телеграфисты, телефонисты, радисты на узле связи в течение смены буквально не имеют минуты, свободной от работы, каждый отвечает за свое направление, непрерывно работает на своей аппаратуре. Отчетливо видно было, как кто справляется со своими обязанностями, трусит он при бомбежке или обстреле или спокойно с выдержкой продолжает работу. В соответствии с указанием командира полка подполковника Якимова В.Ф. мы вместе с командирами рот капитаном Задорожным П.Н. и капитаном Трубниковым П.Н. (третьего ротного не было) представили лучших сержантов к присвоению звания младший лейтенант. Лучшие телеграфисты — Суворов А.В., Индисов И. И., Филипович Б.И., Долинский А.В. — стали техниками телеграфной аппаратуры. Они, как говорится, с закрытыми глазами раз-

бирались в любом телеграфном аппарате и настраивали его на любой линии. Головей Н.А. стал командиром роты, начальником смены. Усатый И.Б. и Конев В.П. — командирами взводов, начальниками смены. Специалиста по шифрующей аппаратуре нам прислали с курсов — младшего лейтенанта Пландина А.И. Конев В.П. после войны закончил академию связи, получил назначение на узел связи Генерального штаба Советской Армии, вырос там, как прекрасный специалист до его начальника и уволился в отставку в звании генерала. Долинский А.В. после войны стал доктором технических наук, заведующим кафедрой Киевского университета.

В начале 1943 года из нашего телефонно-телеграфного батальона забрали в войска НКВД командира телефонной роты старшего лейтенанта Козлова Г.П., командира взвода и нескольких лучших телефонистов. В штабе группы создавалась станция правительственной ВЧ связи. С этого момента командующий при наличии проводной связи мог уже разговаривать с Москвой не только по телеграфу, но и по ВЧ телефону. В армейских частях связи аппаратуры высокочастотного телефонирования еще не было и армейские части дальнюю телефонную связь организовать не могли. Появление ВЧ связи как средства оперативного управления войсками в стратегическом и оперативном звене управления было колоссальным достижением советских связистов. Оперативность, безопасность и надежность управления в ходе подготовки и ведения операций существенно улучшилась. Результативность оперативно-боевой деятельности войск повысилась. Мы это поняли позже, а тогда лишь заметили, что лично сам командующий реже стал приходить на телеграф для переговоров с Москвой.

Радисты, прибывшие из Тбилиси, быстро развернули радиостанцию, провели ее профилактику после долгой дороги и установили связь с Москвой. Сразу же связь передали в переговорную Верховного Главнокомандующего. На переговоры прибыло руководство: командующий Черноморской группой войск, прославившийся в обороне Севастополя генерал Петров И.Е., командующий Черноморским флотом адмирал Исаков... и Ярославский, Каганович, Игнатов, которые недавно прибыли из Москвы. Переговоры были краткими: Ярославский доложил о выполнении поручения, сказав, что подробности изложит в шифровке. Из содержания переговоров просматривалось, что речь шла об испы-

таниях нового морского реактивного оружия. После переговоров началась работа по передаче в обе стороны накопившихся за время отсутствия связи оперативных документов. Определением очередности передачи телеграмм занимался введенный недавно в штат узла связи политконтролер капитан Цхвариашвили О.Д. В обязанности политконтролеров входило следить за тем, чтобы в открытые каналы связи не передавались телеграммы, содержащие военную тайну, они же определяли очередность передачи телеграмм, какие статьи принимать от военных корреспондентов газет и в какой очередности передавать их в центр, а то их так было много, что приходилось отправлять в мешках самолетом, и они опаздывали в редакции.

Как только радиостанция начала работать, ее снова засекли немецкие пеленгаторы, и снова начались систематические бомбежки. Немцы не могли расшифровать советские шифрограммы, и поэтому их авиация буквально гонялась за каждой мощной радиостанцией, поддерживающей связь с Москвой. Советские дешифровщики раскрыли многие немецкие донесения и читали десятки тысяч оперативных документов высших немецких штабов. Как-то по дороге недалеко от радиостанции проходила легковая машина. Несколько бомб одна за другой упали на дорогу. Одна из бомб сильно повредила машину. К ней подбежали линейщики, исправлявшие линию от радиостанции к телеграфу. В машине на переднем сиденье находился тяжело раненный в правую ногу адмирал Исаков, на заднем сиденье Каганович, с правого плеча которого тоже текла кровь. К счастью с линейщиками была фельдшер нашего батальона Саша Маслова. Она наложила жгут на ногу адмирала и тем самым спасла жизнь прославленного флотоводца. С поста доложили о случившемся в штаб. Через несколько минут на дорогу приземлился У-2 и увез истекающего кровью адмирала. Подошедшие машины увезли искалеченную «эмку», раненых шофера и Кагановича. Как известно, адмирал Исаков тогда все-таки лишился ноги. Однако продолжал работать, но уже не командующим, а в Главном штабе Военно-морского флота СССР. Мне позднее рассказывали моряки, как-то Рузвельт якобы спросил у Сталина, почему начальник Главного штаба ВМФ СССР без ноги. Сталин ему ответил: «Зато с головой».

В октябре пришел приказ Верховного Главнокомандующего о введении полного единоначалия. Все мы строевые команди-

ры, были очень довольны появлением этого приказа Верховного. В то же время надо отметить, что бывшие комиссары, теперь заместители командиров по политической части, в основном преподаватели школ, умеющие найти подход к людям, много и плодотворно помогали нам, командирам, в работе с личным составом, особенно в трудные минуты напряженной работы или неудач на фронте. Бои под Новороссийском, на подступах к Сочи и Туапсе усилились. Мы получили приказ развернуть вспомогательный пункт управления в горной станице Анастасиевка. Во время работы по оборудованию связи погиб новый командир нашего батальона капитан Уралов Н.Н., мой земляк из Пскова. Где-то в оккупации у него осталась жена и пятеро детей. В минуты затишья он часто сокрушался о них, мы вместе гадали, как-то они там мучаются в немецком тылу и останутся ли в живых. Похоронили его в Гезель-Дере. В районе расположения узла связи. В то же время погибли три офицера штаба, в том числе подполковник Морозов из управления связи. Узел связи оборудовали в блиндажах в лесу, а на противоположной стороне ущелья на горе появились передовые немецкие части, к счастью, их наша пехота с горы сбила.

На плацдарме севернее Новороссийска потребовалось усилить подразделение связи, получил команду командира полка подполковника Якимова В.Ф. сформировать команду и подобрать необходимые средства связи. Погрузились в Геленджике на судно и затемно вышли в море. Буквально через час ходу судно подорвалось на mine. Из моей команды живыми были подобраны в море лишь одна треть людей, а взятая техника вся погибла. Спаслись только те, кто не спустился в трюм, так как мы грузились последними. Нас подобрали сопровождавшие транспорт катера. Лично я спасся только благодаря обломку доски, попавшему мне в море. Повторно нас в эту команду не назначили. Командир сказал: на войне дважды судьбу не испытывают и назначил другую команду. С очередной группой в десант была направлена радиостанция с экипажем во главе с сержантом Ведьминым Е.В. Вся группа связистов высадилась успешно, лишь Ведьмин был легко ранен. Мы с ним до сих пор часто перезваниваемся, так как встречи даются все труднее и труднее. С новым командиром батальона майором Гавриловым Г.П. мы поочередно выезжали на рекогносцировку местности при смене пункта управления и выборе места для узла связи, а потом вели колон-

ну для развертывания узла связи на новом месте. После очередного перемещения на КП Группы пропала связь с 18-й армией. Начальник войск связи группы генерал Гончаренко Ф.К. приказал мне, как находящемуся на новом узле связи, ближе расположенном к армии разобраться, в чем дело, ибо линия к армии работала исправно. На месте выяснилось, что в горах под Новороссийском очень трудно оборудовать качественное заземление. Связисты подполковника Липатова в 18А сделали заземление в заболоченной цементной яме, и оно, как оказалось, имело сопротивление в несколько сотен раз выше допустимого для работы телеграфом. И только оборудовав заземление в месте с приличным поверхностным слоем земли, нам удалось установить связь. Еще раз убедились, что в любых условиях техника требует соблюдения определенных технических нормативов и ими нельзя пренебрегать даже на войне.

Мы продолжали работать на ВПУ. Неожиданно потребовали к аппарату Петрова, доложили, что он выехал в дивизию, из дивизии докладывают, что более часа назад уехал на ВПУ. Езды до нас максимум 20—30 минут. Дали команду по всем постам искать командующего. Через некоторое время выяснилось, что «виллис» командующего сломался, он пешком дошел до ближайшего поста на линии связи и в настоящее время ужинает вместе с солдатами на посту. Похвалил солдат за хорошее оборудование поста, за поддержание линии в исправности. В это время на пост выехал полковник Бурлин В.Д., бывший в то время заместителем начальника связи группы по ВПУ. Это беспрдельно храбрый офицер, который в критические минуты сам вместе с рядовыми солдатами под артиллерийским обстрелом не один раз восстанавливал поврежденную связь. Позднее он возглавлял военно-восстановительные части связи Наркомата связи. Командующий прибыл на ВПУ и подписал приказ о награждении трех связистов поста медалями «За боевые заслуги». Однажды во время переговоров с одной из дивизий пропала связь, пока мы разбирались, она быстро сама восстановилась. Пришлось доложить командующему, что дежурная поста воздушно-го наблюдения прервала связь для передачи сигнала о налете вражеской авиации. Первая реакция Петрова была: «Расстрелять посмевшегося нарушить переговоры командующего». Приказал привести дежурную телефонистку на узел связи. По окончании переговоров с другими соединениями командующий вдруг

спрашивает: «Расстрелял, выполнил ли приказ о расстреле?» Доложил, что еще нет, только сменили и привезли сюда. Одновременно докладываю, что пост этот расположен в горах, службу несет бдительно и передает сигналы «воздух» войскам, строящим дорогу в обход Новороссийска, чтобы те успели при необходимости укрыться или что-то замаскировать. Генерал, выслушав мой доклад, приказал привести дежурного к нему. Привели насмерть перепуганную телефонистку. Девушка от страха была синего цвета. Командующий усадил ее за свой стол, приказал принести чаю, сам налил, расспросил, что они делают на посту, как их кормят, где спят, а в конце беседы сам приколот дежурной медаль «За отвагу» и отпустил, пожелав благополучно закончить войну. Эти незаметные труженики войны, бессменно день и ночь несущие службу, все были достойны награждения, но далеко не всегда удается о них вспомнить командующему войсками.

Действия наших войск активизировались. Бои гремели за освобождение Краснодара. В освобожденной южной части города мы развернули новый узел связи в подвальных помещениях уцелевшего трехэтажного дома. В Краснодаре мы получили приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина о том, что наш 40-й отдельный полк связи за обеспечение бесперебойного управления войсками и отличия в боях с немецкими фашистами награждается гвардейским знаменем и преобразовывается в 8-й гвардейский отдельный полк связи. В полку состоялся торжественный митинг. Все выступающие искренне клялись работать еще лучше, не жалея ни сил, ни самой жизни, чтобы оправдать доверие Родины. Сердца каждого солдата, сержанта и офицера переполнялись гордостью за нашу фронтовую семью (полк для каждого из нас на фронте был и домом и семьей) и желанием оправдать оказанное Родиной нам доверие.

В это время появился приказ Верховного о введении в армии погон. После одного из переговоров командующий генерал Петров лично вручил погоны офицерам работающей смены, в том числе и мне вручил мои первые, капитанские погоны. Во время пребывания Командного пункта в Краснодаре состоялось заседание военного трибунала, осудившего полицаяв, пособников фашистов, которые травили газом военнопленных в душегубках — газовых камерах. Тогда впервые изменники Родины были приговорены к смертной казни через повешение.

Бои продолжались, КП переместился в лес, в нескольких километрах от линии соприкосновения с противником, узел связи оборудовали в блиндажах. О комфорте Краснодарских условий позабылось быстро. В городе связь работала бесперебойно. Жил я недалеко от узла связи на квартире одной женщины, оказавшейся женой Б.В.Крамаренко, кубанского писателя, заместителя командира одного из соединений кубанского гвардейского кавалерийского корпуса, которым командовал генерал Кириченко. С Борисом Викторовичем мы несколько раз встречались ранее. Он, бывая в штабе, заходил на узел связи, чтобы доложить о принятых решениях командиру корпуса. В Краснодаре мне удалось прочитать два его замечательных романа: «Путешествия» и «Плавни» — об участии казаков в Гражданской войне. На квартире у Крамаренко познакомился с еще одной замечательной женщиной, которой в то время уже было много лет. Это была Варя Белая. По ее дневникам писатель Степанов написал роман «Порт-Артур». Жаль, что встречи эти были кратковременными, ибо приходил на квартиру только, чтобы по-человечески выспаться в атмосфере материнской заботы этих чудесных русских женщин. Их больше всего интересовало, что делают девушки, бывшие школьницы, на войне, будучи радистками, телефонистками и телеграфистками. Они были поражены самоотверженной работой девушек, которые иногда сутками не отходят от аппаратов, в результате чего распухали пальцы от непрерывного печатания на клавиатуре телеграфных аппаратов. Да и бытовые условия на войне далеки от идеальных для женщин, а уж тем более для девушек, а таких было подавляющее большинство. Землянка есть землянка, все удобства — кустик да ровик. Но были в этой области и радостные изобретения. Одно из таких у нас сделал младший лейтенант Куц — техник электростанции, который смастерил походный душ, в результате чего отпала необходимость ездить в баню. Сооружение представляло из себя радиатор водяного отопления, под которым разводился костер, да две бочки, для холодной и горячей воды. Все это устанавливалось в палатке, а то и просто огораживалось камышом.

В повседневной работе от телеграфистов требуется предельная внимательность и самопроверка, особенно при передаче шифрованных телеграмм, где искажение одного знака или буквы приводит к искажению или нерасшифровке всего текста. Пе-

реданный текст всегда наклеивался на обратной стороне документа для подтверждения правильности передачи, а иногда особенно важные шифровки повторялись в обратную сторону для двойной проверки. Малейшая ошибка вела к прокурору, а то и в «СМЕРШ». Был у нас такой случай. При форсировании реки Кубань в одну из дивизий прошла шифровка всего в пять групп: «Зенитной батарее продолжать прикрывать переправу». Ее же расшифровали: «Батарее выдвигаться в полк». Хорошо, что начальник переправы не разрешил уйти зенитчикам. В ходе расследования оказалось, что телеграмма была передана правильно, обратная проверка, наклеенная на обороте бланка за подписью, принявшего телеграмму, это подтвердила.

После Краснодара КП расположился в лесу южнее станицы Крымская. Вдруг вызывают к командующему. Генерал армии Петров приказал отвести на наблюдательный пункт писателя Алексея Николаевича Толстого и показать ему передний край. Отпуская, незаметно предупредил: «Дальше НП его не пускать». Под вечер добрались до НП. По дороге подстрелили нескольких зайцев, так что было чем угостить дорогого гостя, знаменитого писателя. Алексею Николаевичу не терпелось увидеть фрицев на передовой. НП командующего был оборудован в глубине второй линии обороны. Все средства наблюдения предоставили писателю, но как только он устроился около артиллерийской буссоли, немцы начали кидать мины. Мы быстро увели писателя в блиндаж поближе к зайчатине с коньяком. Все мы зачитывались его патриотическими публицистическими статьями, да и художественными произведениями писателя. Всем хотелось высказать свой восторг писателю, но не очень-то получалось. Алексей Николаевич так стремился рассмотреть фрицев, что не желал ожидать окончания артиллерийского налета немцев. Офицеры шутили, что фрицы увидели необычную фигуру и прическу на НП, теперь покоя не дадут. Тогда Алексей Николаевич решил сходить на противотанковую батарею, долго беседовал с солдатами, а ночью его увезли обратно в штаб армии.. Я остался на узле связи наблюдательного пункта. На следующий день нас накрыло в блиндаже снарядом, двое связистов погибли, а нас с дежурным телефонистом отрыли, оба были контужены, а я еще получил осколком ранение в голову.. Две недели мы оба ничего не слышали, (да я и сейчас на левое ухо хуже слышу), провалялись в полевом госпитале, залечивали раны. После воз-

вращения из госпиталя, еще с повязкой на голове, я был принят в члены ВКП(б). Парторг полка майор Карасев И.В. вручил мне партийный билет члена партии коммунистов прямо на рабочем месте, в блиндаже, на передовом командно-наблюдательном пункте. С ним я не расстаюсь вот уже шестьдесят лет, стараясь свято соблюдать свое обещание и лучшие традиции фронтовых коммунистов, своих боевых товарищей, многие из которых отдали свою жизнь за нашу победу над немцами.

Полк располагался недалеко от штаба армии. 11 июля 1943 года на лесной поляне выстроились все свободные от дежурства на линиях и узлах связи. Здесь командующий Отдельной Приморской армии генерал армии Петров И.Е. и член Военного совета армии генерал Фоминых вручили полку Гвардейское знамя. Поприветствовав командующего, полк стал на колени. Начальник войск связи армии генерал-майор Гончаренко Ф.К. зачитал приказ Верховного Главнокомандующего Сталина. Командир полка гвардии подполковник Якимов В.Ф. принял от командующего генерала армии Петрова И.Е. Гвардейское знамя, встал снова на колени и от имени всего полка поцеловал знамя. Затем весь полк, продолжая стоять на колене, повторил за командиром полка гвардейскую клятву. Гвардейцы торжественно клялись не жалея сил и не щадя своей жизни все сделать для достижения победы над врагом. Я до сих пор как святыню храню фотографию, где мы стоим на колене, произнося гвардейскую клятву. И всякий раз, когда смотрю на нее, чувствую, как мое сердце наполняется гордостью за своих боевых товарищей, за нашу Красную Армию, за всю Страну Советов, разгромившую немецко-фашистскую нечисть. Каждый из нас, фронтовиков, понимал и чувствовал, что для него интересы дела победы святы, и никакие личные интересы, даже смертельная опасность для жизни, не смогут их заслонить. Вера в правоту нашего дела, в нашу победу была незыблема, непоколебима. Верность присяге была внутренним состоянием души каждого солдата, сержанта, офицера и генерала. И это, теперь мне представляется, является существенной отличительной чертой всего поколения участников Великой Отечественной войны.

В завершение церемонии, пусть без должной в этом случае строевой выправки, без парадной формы, но строго торжественно, знаменосцы, приняв Гвардейское знамя от командира полка, впервые пронесли его перед строем полка. Над полком развева-

лось полотнище знамени с барельефом Владимира Ильича Ленина, величаво проплывало оно над головами гвардейцев-связистов. Громогласное «ура!» встречало и приветствовало полковую святыню, боевое знамя, и каждый в душе еще раз клялся быть верным данной перед знаменем клятве гвардейца и присяге Родине.

Когда знамя стало на правом фланге полка, командующий, генерал Петров, произнес поздравительную речь. Полк прошел перед своим командующим первым Гвардейским торжественным маршем. У всех нас, от командира полка до рядового солдата, сердца и сознание переполнялись гордостью за родной полк, за нашу армию, за родную Страну Советов. После парада наиболее отличившимся в боевой работе гвардейцам офицерам, сержантам и солдатам командующим были вручены боевые награды Родины. В том числе и я получил орден Отечественной войны II степени. Для личного состава под открытым небом был торжественный обед с фронтовыми 100 граммами. На импровизированном банкете офицерского собрания полка (свободных от дежурства офицеров) было произнесено много тостов. Прежде всего за нашу Родину, за Верховного Главнокомандующего Сталина, за нашу победу над немцами, за удачу на войне. Но больше всего пили не чокаясь, вспоминая павших товарищей, внесших наивысший вклад в это торжество воинской чести и славы своей жизнью, чьей кровью окрашено наше гвардейское знамя. К этому времени полк прошел уже славный боевой путь. Развернутый 18 июня по мобилизации, 20 июня он погрузился под Москвой в эшелон и 24 июня в районе Винницы, под бомбами господствовавшей в воздухе немецкой авиации, ужу обеспечивал управление войсками Южного фронта. В этих сражениях полк понес огромные потери в личном составе и технике, частично пополнялся в ходе отступления за счет местных гражданских связистов. В тяжелых оборонительных сражениях на Украине, под Харьковом, Ростовом, на Кубани, в предгорьях Кавказа, под Новороссийском и при освобождении Краснодара, личный состав полка, не щадя своей жизни, неся тяжелые потери в людях и технике, самоотверженно трудился, обеспечивая управление войсками на полях сражений, неоднократно с оружием в руках отражал атаки противника.

Особенность боевой работы связистов состоит в том, что в оборонительных боях командование перемещается на новый

пункт управления в момент, когда обстановка и действия противника не позволяют руководить войсками в результате возникновения непосредственной угрозы захвата или уничтожения командного пункта и штаба. Связисты в этом случае должны, часто под огнем противника, собрать все средства связи, линии и технику, сохранить ее для использования на новом месте. Зачастую это происходит под непосредственным воздействием противника, и связисты действуют как пехота. В ходе наступления они должны заранее выдвинуться вперед и до прихода командира оборудовать связь для обеспечения управления с нового командного пункта. Именно при таких перемещениях подразделения связи, работающие под непосредственным огнем противника, несут максимальные потери в живой силе и технике.

Прорыв обороны немцев на Кубани с ходу не удался. Новым командующим Отдельной приморской армией был назначен генерал армии Еременко И.Е. Начались перегруппировка войск и новое мощное наступление. Немцы свирепствовали. Только мост через Кубань они разрушали пять раз, наши саперы снова и снова его восстанавливали. Узел связи также подвергался неоднократной бомбежке. В ходе наступления очередной раз мы развернули его в станице Ахтанизовская, южнее Темрюка. На Тамани добивали немцев, а в плавнях Кубани вылавливали разбежавшихся фрицев, шла непрерывная автоматная перестрелка. Передовой командный пункт был оборудован на косе Чушка. Здесь в основном командовали артиллеристы, обстреливающие немецкие позиции на Керченском полуострове. Шла подготовка к форсированию Керченского пролива. Через несколько дней мы перешли в станицу Варениковская на Тамани. Здесь от начальника связи армии генерала Гончаренко Ф.К. командир полка получил приказ подобрать команду для высадки на Керченский полуостров с целью разыскать конец брошенного в море кабеля, который еще до войны был проложен через пролив, а в период отступления в 1942 году был отрублен и его конец брошен в море. Мне было поручено возглавить эту команду.

В этот период немцы регулярно обстреливали косу Чушка из дальнобойной артиллерии. Один из 305 мм снарядов угодил в НП наших армейских артиллеристов. Погибли сразу командующий и начальник штаба артиллерии армии. После высадки десанта морской пехоты и захвата ими плацдарма в районе Маяк нас ночью с катера, как бы мимоходом, не подходя близко к бе-

регу, на крутом развороте недалеко от берега швырнули в воду. Мы выбрались на берег, ориентируясь по лучу немецкого прожектора, шарившего по прибрежной полосе. Собрались у кромки воды, укрываясь от огня противника за крутым скатом берегового обрыва. Первым делом связались с десантниками и начали приводить себя в порядок. Один товарищ погиб при высадке. Видимо, при падении в воду его ударило упаковкой батареи для питания радиостанции, которые мы взяли с собой не только для своих нужд, но и для десантников, так как местность для нашей высадки была выбрана не простреливаемая немцами ружейно-пулеметным огнем. Привели себя в порядок, подсушились и отдохнули у десантников, командир, которых был предупрежден о нашем прибытии. Наутро вместе с десантом пришлось отражать атаку немцев, пытавшихся сбросить десант в воду. Затем сориентировались на местности по схеме, когда-то начерченной по памяти майором Киркило Р.П., связистом, отступавшим из Крыма в 1942 году. Определили предполагаемое место нахождения кабеля. Метр за метром прочесывали мы «кошками» под артиллерийским огнем немцев прибрежное пространство морского дна в надежде зацепиться за кабель. Один из особо далеко отходивших от берега, опытный кабельщик Чавычалов Г.А. из-за старания подальше забросить кошку получил осколочное ранение. На четвертый день сержанту Сергею Брежневу повезло, он вытащил запаянный конец морского кабеля связи. Кстати Сережа был коренным москвичом. Перед войной был чемпионом Москвы по гимнастике среди юношей. После войны работал тренером детской спортивной гимнастической школы ЦДСА. И был первым спортивным наставником моего сына Владимира. Проводная связь через пролив была быстро установлена. Генерал Гончаренко всех нас поздравил от имени командования армии. За эту операцию вся наша группа получила боевые награды. Меня наградили орденом Красная Звезда. Войска накапливались на плацдарме под Керчью, однако наступление в глубь Крымского полуострова с ходу не удалось. Под Керчью шли изнурительные бои. Лишь с начала апреля 1944 года развернулось стремительное наступление, в результате которого освободили Керчь, а затем и весь Крым. Приморская армия наступала с Керченского полуострова, а с севера действовали войска Южного фронта. 8-й гвардейский полк связи после переправы с ходу развернул одновременно несколько узлов связи,

обеспечивая управление войсками армии, освобождающей Крым, и связь взаимодействия с войсками Южного фронта, наступающими с севера и освободившими Симферополь. Начался штурм Севастополя. Передовой командно-наблюдательный пункт командующего армией располагался непосредственно перед Сапун-горой, которую штурмом брали наши войска. Здесь было не до мощных подземных укрытий. В легких полевых укрытиях развернулись радиосредства, телефонная связь и обеспечивалось управление наступающими войсками.

5 мая 1944 года Севастополь был полностью освобожден от фашистов. Немцам не удалось задержать наступление наших частей и организовать плановую эвакуацию своих войск из Крыма. Среди имен частей, одержавших эту славную победу, штурмовавших укрепленные позиции немцев под Севастополем, имя 8-го гвардейского отдельного полка связи. Оно золотыми буквами выбито на гранитном обелиске, установленном на Сапун-горе. Фамилии и имена воинов, отличившихся в этих кровопролитных боях, навечно вписаны в героическую историю Отдельной Приморской армии, освободившей Крым и город русской славы Севастополь. Многие отличившиеся солдаты, сержанты и офицеры, участвовавшие в этих боях, были награждены орденами и медалями. Меня, среди других офицеров, представили к ордену Красного Знамени. За отличия в боях по освобождению Крыма, города-героя Севастополя 8-й Гвардейский отдельный полк связи был удостоен награды орденом Красного Знамени и стал именоваться 8-й Гвардейский Отдельный Краснознаменный полк связи. В последних боях за освобождение Севастополя завершился его боевой путь на фронтах Великой Отечественной войны, а вместе с ним и мой. После завершения боевых действий на Крымском полуострове штаб Отдельной Приморской армии расположился в Симферополе. Там же сосредоточился и расквартировался весь наш полк, свернув все полевые узлы связи. В Симферополе оборудовали стационарный узел связи.

Еще после освобождения Керчи меня пригласил заместитель начальника связи Отдельной Приморской армии по ВПУ, полковник Лебедев В.А. и объявил, что в армию пришла разнарядка на двух офицеров для направления в Ленинград, на учебу в Военную академию связи. Одной из кандидатур, для утверждения Военным советом армии, командование полка представ-

ляет меня. Мне как кадровому офицеру это предложение пришлось по душе, и я дал согласие ехать на учебу. Решение военного совета состоялось. Теперь пришло время выполнять решение военного совета армии. Провожали меня из полка, как из родного дома, перед строем офицеров давали наказ успешно сдать вступительные экзамены и хорошо учиться, не опозорить имени гвардейского полка. Перед строем боевых товарищей дал слово выполнить наказ и оправдать оказанное мне гвардейцами доверие. Расставаться с боевыми товарищами и подчиненными было тяжело. За годы, проведенные вместе, мы не только привыкли друг к другу, мы понимали, что не можем постоянно не чувствовать за собой товарища. Трудности фронтовой жизни и пережитые вместе постоянные опасности войны крепко сроднили нас как братьев. Каждый знал и был всегда уверен, что при малейшей опасности в нужную минуту ты получишь необходимую помощь и поддержку товарищей. Покидать полк было равносильно расставанию перед большой опасностью с родительским домом. Самые тяжелые минуты пережил в поезде, когда остался один на один с собой. В голове роились мысли о прошлом и будущем. Скрасило время в пути только то, что ехали мы вдвоем с другим абитуриентом, заместителем командира линейного батальона связи капитаном Филипповым А.В. Вступительные экзамены я сдал успешно, был зачислен слушателем командно-инженерного факультета Военной академии связи им. С. М. Буденного. В 1949 году окончил академию и прослужил на различных должностях в Советской Армии и Комитете государственной безопасности до 1993 года. Но это тема совершенно другого повествования.

Перечень опубликованных работ:

1. Основы организации связи в бою. Учебник для военных училищ связи (соавтор). М., ВИ, 1957.
2. Связь в частях и подразделениях. Учебник для военных училищ связи (соавтор). М., ВИ, 1968.
3. Техника связи. Учебное пособие (соавтор). М., ВИ, 1958.
4. Кабель связи полевой БСЭ, 2-е изд. Т. 19. С. 223.
5. Кабельная линия связи полевая. БСЭ, 2-е изд. Т. 19. С. 231.
6. Почта военная. БСЭ, 2-е изд. Т. 34. С. 326.
7. Радиоперехват. БСЭ, 2-е изд. Т. 35. С. 547.
8. Сигнальные средства связи. БСЭ, 2-е изд. Т. 39. С. 8.

9. Узел связи. БСЭ, 2-е изд. Т. 44. С. 47.
10. Устарелые термины // «Военный связист», № 2. М., ВИ, 1950.
11. Некоторые особенности связи в Заполярье // «Военная мысль» № 4(8). М., ВИ, 1951.
12. Связь в стрелковом батальоне новыми радиостанциями // «Военный вестник», № 6. М., ВИ, 1962.
13. Радиосвязь в стрелковом полку // «Военный вестник», №9. М., ВИ, 1953.
14. Наставление по организации связи в Советской армии (Устав связи СА) / Секретарь и член комиссии по разработке наставления. М., ВИ, 1952.
15. Боевой устав Советской армии. Раздел «Организация связи» / Член уставной комиссии по подготовке раздела., М., ВИ, 1951.
16. Полевой устав Советской армии. Разделы «Организация связи» / Член уставной комиссии по подготовке разделов. М., ВИ, 1953.
17. Основы ведения операций. Разделы «Управление и связь». Принимал участие в разработке и написании под руководством начальников штаба войск связи генералов Лебедева В.А., затем Булычева И.Т. 1951—1954.
18. Радио в Вооруженных Силах // «Военный связист», №14 М., ВИ, 1954.
19. Радиостанция Р-116 и ее применение // «Военный вестник», №14. М., ВИ, 1954.
20. Средства и виды связи // «Военный связист» №6. М., ВИ, 1955.
21. Книга, которая мало чему учит (рецензия) // «Военный связист», №6. М., ВИ, 1956.
22. Скоростное развертывание узлов связи (в 18гВА) // «Военный связист», №4. М., ВИ, 1959.
23. Организация правительственной связи во фронтовых наступательных операциях (пособие для офицеров) // Информационно-технический сборник № 2 в/ч 32152. М., 1963.
24. Убеждение — главный метод воспитания дисциплинированности личного состава // Информационно-технический сборник №11 в/ч 32152. М., 1965.
25. Роль узлов правительственной связи фронта в наступлении // Информационно-технический сборник №13 в/ч 32152. М., 1966.

26. Об объективной оценке состояния правительственной связи // Информационно-технический сборник №14 в/ч 32152. М., 1966.

27. Организация и методика проведения тактико-специальных учений войск правительственной связи // Информационно-технический сборник №17 в/ч 32152. М., 1967.

28. Некоторые вопросы работы штаба войск правительственной связи фронта по планированию и организации правительственной связи во фронтовой наступательной операции // Информационно-технический сборник №26 в/ч 32152. М., 1971.

29. Обеспечение безопасности правительственной связи // Информационно-технический сборник №27 в/ч 32152. М., 1972.

30. Наставление по организации правительственной связи в Вооруженных Силах. Коллективный труд штаба и руководства войск правительственной связи. Руководитель авторского коллектива (одобрено комиссией под председательством начальника управления, согласовано с ГШ ВС и утверждено председателем КГБ СССР). М., 1971.

31. Организация связи при действиях войск в Заполярье (соавтор) // Информационный сборник войск связи №21. М., ВИ, 1951.

32. Организация связи в горно-лесистой местности (соавтор) // Информационный сборник войск связи №21. М., ВИ, 1951.

33. Организация связи при действиях войск в пустынях и степях (соавтор) // Информационный сборник войск связи №23. М., ВИ, 1952.

34. Организация связи в наступлении с преодолением реки (соавтор) // Информационный сборник войск связи №23. М., ВИ, 1952.

35. Организация радиосвязи с использованием новых радиосредств в роте, батальоне, в стрелковом и механизированном полках, в артиллерийской батарее, артдивизионе и полковой артиллерийской группе (соавтор) // Информационный сборник войск связи №25. М., ВИ, 1952.

36. Общая характеристика новых радиосредств (соавтор) // Информационный сборник войск связи №25. М., ВИ, 1952.

37. Новая техника связи и ее влияние на организацию проводной связи (соавтор) // Информационный сборник войск связи №26. М., ВИ, 1952.

38. Подвижный узел связи армии (соавтор) // Информационный сборник войск связи №26. М., ВИ, 1952.

39. Особенности организации радиосвязи при совместном использовании радиосредств старого и нового типа (соавтор) // Информационный сборник войск связи №27. М., ВИ, 1952.

40. Организация радиосвязи новыми радиосредствами в СК в наступательном бою (соавтор) // Информационный сборник войск связи №27. М., ВИ, 1952.

41. Организация радиосвязи в стрелковой и механизированной дивизиях с применением новых радиосредств (соавтор) // Информационный сборник войск связи №27. М., ВИ, 1952.

42. Организация радиопомех и защита радиосвязи от преднамеренных помех противника (соавтор) // Информационный сборник войск связи №27. М., ВИ, 1952.

43. Узлы связи армии (соавтор) // Информационный сборник войск связи №28. М., ВИ, 1953.

44. Строительство и эксплуатация армейской осевой постоянной линии связи в наступательной операции (соавтор) // Информационный сборник войск связи №29. М., ВИ, 1953.

45. Снятие постоянной воздушной линии связи (соавтор) // Информационный сборник войск связи №29. М., ВИ, 1953.

46. Организация радиорелейной связи на большие расстояния с использованием станций Р-400 (соавтор) // Информационный сборник войск связи №31. М., ВИ, 1953.

47. Основы организации и оборудования современных фронтовых узлов связи (соавтор) // Информационный сборник войск связи №34. М., ВИ, 1954.

48. Общие положения организации связи в условиях применения атомного оружия (соавтор) // Информационный сборник войск связи № 36—37. М., ВИ, 1955.

49. Организация связи в стрелковом корпусе в условиях применения атомного оружия (соавтор) // Информационный сборник войск связи № 36—37. М., ВИ, 1955.

50. Организация связи в стрелковой и механизированной дивизиях в наступлении в условиях применения атомного оружия (соавтор) // Информационный сборник войск связи № 36—37. М., ВИ, 1955.

51. Особенности организации связи в стрелковом, механизированном и танковом полках в условиях применения атомного оружия (соавтор) // Информационный сборник войск связи №36—37. М., ВИ, 1955.

52. Результаты воздействия атомного взрыва на средства и систему связи стрелкового корпуса (соавтор) // Итоги Тоцкого учения 1954 г. Изд. ГШ ВС СССР. М., 1955.

53. Планирование связи в тактическом звене (соавтор) // Информационный сборник войск связи №39. М., ВИ, 1956.

54. Организация связи в армии без корпусной организации в наступательной операции (соавтор) // Информационный сборник войск связи №40. М., ВИ, 1956.

55. Узлы связи мотострелковой и танковой дивизий (соавтор) // Информационный сборник войск связи №41. М., ВИ, 1956.

56. Узлы связи полка (соавтор) // Информационный сборник войск связи №441. М., ВИ, 1956.

57. Военно-научная конференция Военной краснознаменной академии связи (обзор). (Соавтор) // Информационный сборник войск связи №42. М., ВИ, 1957.

58. Узлы связи особого назначения (соавтор) // Информационный сборник войск связи №48. М., ВИ, 1958.

59. Организация правительственной связи штаба руководства на учении «Днепр» (соавтор) // Информационно-технический сборник №21 в/ч 32152. М., 1969.

60. Организация правительственной связи с оперативными объединениями при их выдвижении (соавтор) // Информационно-технический сборник №21 в/ч 32152. М., 1969.

61. Организация правительственной связи во фронтовой наступательной операции (соавтор) // Информационно-технический сборник №21 в/ч 32152. М., 1969.

62. Организация правительственной связи в оборонительной операции (соавтор) // Информационно-технический сборник №21 в/ч 32152. М., 1969.

63. Принципы построения сети правительственной связи, гарантированно засекреченной от абонента до абонента (зам. руководителя НИР). Отчет по НИР. М., 1970. Руководитель НИР Кабатов А.Н. Т. 1—4.

64. Некоторые материалы развития и становления правительственной связи в стране (соавтор) // Информационно-технический сборник №23 в/ч 32152. М., 1970.

65. Строительство полевой кабельной линии связи с заглублением кабеля в грунт (соавтор) // Информационно-технический сборник №24 в/ч 32152. М., 1970.

66. Развертывание и эксплуатационно-техническое обслуживание узлов правительственной связи (соавтор) // Информационно-технический сборник №24 в/ч 32152. М., 1970.

67. Планирование и организация правительственной связи на оперативном направлении (соавтор) // Информационно-технический сборник №28 в/ч 32152. М., 1973.

68. Действия бригады правительственной связи по обеспечению правительственной связи на оперативном направлении (по опыту учений «Волга-71») (соавтор) // Информационно-технический сборник №28 в/ч 32152. М., 1973.

69. Защита информации от побочных излучений и несанкционированного доступа (разработка, создание и внедрение системы безопасности АСУ «Контур») (совместно с представителями института автоматизации управления: Любимов Л.А., Привезенцев В.И.). 1974—1984.

70. Разработка и внедрение системы активной защиты АСУ (ЭВМ) от опасных излучений «Шатер». Принята в 1983 г. (соавтор). ИРЭ АН.

71. Разработка системы защиты движущихся целей от воздушной радиолокационной разведки «Авакс» (соавтор). ИРЭ АН, 1985.

72. Концепция противодействия иностранным техническим разведкам в стране (соавтор). М., ВИ, 1984.

73. Положение по противодействию ИТР (коллективный труд — участник разработки). Утвержден Гостехкомиссией СССР. 1975.

74. На Новгородском направлении // «Политическая агитация», №2. Новгород, 1985.

75. В боях под Псковом // «Псковская правда», №18139 от 13.03.85.

76. Во имя отечества // «Новгородская правда» от 26.05.85.

77. Совершенствование методики противодействия иностранным техническим разведкам // «Военная радиоэлектроника», №3(438). М., ВИ, 1986.

78. Положение по определению осведомленности противника (участие в разработке). 1987.

79. Разработка методов и способов защиты вооружения и военной техники от радиолокационной разведки противника путем создания маломощного рассредоточенного поля ответных шумовых помех. НИР «Туман-КН», 1987—1988. Премия Совета

Министров СССР. Диплом №У-101 Постановление СМ от 18.11.89.

80. Глобальная техническая разведка США // «Военная мысль», №10. М, ВИ., 1990.

81. Открытость и шпионаж. М., ВИ, 1990.

82. Открытость и шпионаж (на английском языке). АПН, 1990.

83. Компьютерный шпионаж // «Экономика и жизнь», октябрь 1990.

84. Когда рушатся стены (доверие, партнерство и информационный суверенитет) // «Красная звезда» от 21.10.90.

85. Проблемы защиты информации в автоматизированных системах. Доклад на 1-й Всероссийской конференции по безопасности информации, декабрь 1990.

86. Охотники за чужими секретами // «Правительственный вестник» №2, 1991.

87. Агент 007 уступает сопернику // «Инженерная газета» №9 от 04.02.91.

88. Стратегия безопасности США — претензии на мировое господство. Сборник КГБ СССР №149, 1990.

89. Новые приоритеты ЦРУ // «Красная звезда» от 04.04.91.

90. Изобретение в области радиоэлектроники. Авторское свидетельство №290590. Заявка № 4507478-27836 от 22.12.86.

91. Громкая сенсация тихо скончалась // «Правительственный вестник», №9, 1991.

92. Электронный бомж // «Правительственный вестник», №26, 1991.

93. Покушение на информацию // «Экономика и жизнь», №24, 1991.

94. ЦРУ меняет приоритеты // «Русский вестник», №7, 1991.

95. Информация, информатизация и защита информации (проект закона). Член коллектива по разработке проекта закона. 1992—1993.

96. Структура законодательного обеспечения защиты информации. Доклад на 2-й Всероссийской конференции по безопасности информации. 1991.

97. Концепция защиты средств вычислительной техники и автоматизированных систем от несанкционированного доступа. ЦПК Минатом. Труды конференции 1990 г.

98. Концепция правового обеспечения информатизации России (соавтор) // «Защита информации», №3, 1992.

99. Проект закона Российской Федерации «Об информатизации и защите информации» с пояснительной запиской. Коллектив авторов. Представлен в Верховный совет России. 1992.

100. Структура законодательного обеспечения в области защиты информации // «Защита информации», №1. М., 1992.

101. Проект закона Российской Федерации «Об ответственности за правонарушения при работе с информацией». Защита интересов России при информационном обмене в СНГ. Координационный совет по законодательству в области информации. Коллектив авторов. М., 1992.

102. Первая всероссийская конференция «Правовые основы защиты информации» // «Защита информации» №1. М., 1992.

103. Рынок систем и средств безопасности // «Защита информации», №2. М., 1992.

104. Бизнес и информационные отношения. Доклад на международной конференции «Бизнес и безопасность». Москва, октябрь 1992.

105. Кто подслушивает президентов (от Сталина до Ельцина). М., Вита-пресс, 2000.

106. Информационная война и безопасность. М., Вита-пресс, 2001,

107. На страже безопасности государства (Первый председатель Гостехкомиссии СССР — маршал Советского Союза Н.В.Огарков). Рукопись. 2003.

108. Развитие основ организации правительственной связи. Рукопись. 2003.

109. Рукопись учебника «Основы организации правительственной связи» (Орловское ВТУ правительственной связи).

Материал подготовлен при участии и помощи студентки 1-го курса Российской академии внешней торговли **Медведевой Ольги Борисовны**.

**Вислобоков
Иван
Емельянович**

АЭРОФОТОРАЗВЕДКА

Я родился 19 сентября 1920 г. в деревне Дашино Козловского района (ныне Чаплыгинского) Рязанской области (ныне Липецкой). По национальности я русский. По вероисповеданию — атеист, хотя в 1920 г. был крещен в православной церкви села Ивановское (Рязанской обл.). Верю только в то, что неопровержимо доказано наукой. К верованиям окружающих отношусь снисходительно (пусть верят во что хотят, лишь бы не во вред другим!).

В 1940 г. я вступил в члены ВЛКСМ, а в 1942 г. в кандидаты ВКП (б). В рядах членов ВКП (б) — КПСС находился с 1944 по 1991 гг.

Членство в КПСС было приостановлено в связи с резким изменением Генеральным секретарем и частью членов Политбюро своей политической ориентации, приведшим к развалу Советского Союза и к запрету легальной деятельности КПСС на производстве.

Мой отец, Емельян Осипович Вислобоков, с 1915 г. рабочий. Мать, Евдокия Егоровна, до 1939 г. — крестьянка. Отец с 1920 г. трудился в Москве истопником, кухонным рабочим, поваром и шеф-поваром. Во время войны был мобилизован, нахо-

дился в ПВО Москвы, работал по своей специальности. Мать с 1929 г. работала уборщицей, а затем дворником в Московском институте механизации и электрофикации сельского хозяйства. Сестры Александра и Варвара во время войны работали на военном заводе. Сестра Анна после окончания средней школы в 1941 г. по призыву ЦК ВЛКСМ прошла спецподготовку, в составе в/ч 9903 выполняла задания разведотдела Западного фронта в тылу врага. Погибла в январе 1942 г. под городом Сухиничи.

Я в 1929 году вместе с семьей переехал из деревни в Москву (к отцу) и поступил учиться в 68-ю неполную школу, которую окончил в 1936 г. В этом же году поступил в 213-ю среднюю школу. В 1939 г., после окончания 213-й школы, поступил учиться в Московский текстильный институт на художественный факультет.

Однако вскоре, в соответствии с приказом Наркома обороны, был призван на службу в Красную Армию и в начале ноября 1939 г. направлен в школу младших авиаспециалистов на отделение по аэрофотосъемке и дешифрированию аэрофотоснимков (г. Переяславль-Залесский, Московский военный округ).

Зимой 1940 г. началась война с Финляндией. Нас решили отправить на фронт, а потому стали обучать по ускоренной программе. Война вскоре закончилась так же неожиданно, как и началась. Нас, курсантов, после сдачи экзаменов, зачетов и присвоения звания командира отделения (сержанта) направили в строевые авиационные части. Я попал в 27-й истребительный авиационный полк, который базировался в г. Клин Московской области. Летом 1940 г. для прохождения дальнейшей службы был направлен в 166 РАП (резервный авиаполк), базировавшийся в Горьковской области (ст. Сейм). Во 2 ЗАП выполнял обязанности помощника командира взвода и старшины, заведовал фотолабораторией. Экстерном сдал экзамен на механика по аэрофотооборудованию и получил очередное звание старшего сержанта.

Через один-два месяца после начала войны с Германией на аэродром 2 ЗАП стали прибывать авиаполки, понесшие большие потери в живой силе и технике в первые дни войны. Здесь они получали новую боевую технику, укомплектовывали личный состав, проводили переучивание летного и технического составов на новой технике и снова отправлялись на фронт. Тут же проводилось и формирование новых боевых полков.

Я подал командованию 2 ЗАП рапорт с просьбой откомандировать меня в полк, направляющихся на фронт. Однако полу-

чил отказ, сопровождаемый словами: «Не спеши! Еще успеешь навоеваться». Я усомнился в такой возможности, наивно полагая, что война будет не долгой и завершится скорой победой, как и война с финнами.

Но осенью 1941 года я убедился, что скорой победы не ожидается. Немцы уже подошли вплотную к Москве, многие государственные учреждения были эвакуированы, летчикам 2 ЗАП все чаще и чаще приходилось вступать в бой с фашистскими бомбардировщиками, направляющимися бомбить военные объекты, расположенные в г. Горьком и его окрестностях.

В октябре 1941 г. в Москве было введено осадное положение. В один из октябрьских дней на нашем аэродроме совершил промежуточную посадку транспортный самолет, на котором летели из Москвы в Куйбышев Василий Сталин и его сестра Светлана. Пока проводились осмотр и заправка самолета, Василий и Светлана отдыхали в штабе полка.

В январе 1942 года получил известие о том, что при выполнении специального задания в тылу врага (под г. Сухиничи) погибла моя сестра Анна. Желая отомстить за гибель сестры, я снова подал рапорт командованию 2 ЗАП с просьбой откомандировать меня в полк, направляющийся на фронт. Мою просьбу поддержали комиссар и начальник штаба 523 ИАП, т. к. у них в полку была вакантная должность старшего техника по аэрофотооборудованию. После того как кадровики подыскали мне замену, мой переход в 523 ИАП был решен положительно. Так как должность старшего техника — офицерская, а я не собирался в то время становиться кадровым офицером, мечтая стать художником, то меня зачислили в полк на должность механика по аэрофотооборудованию срочной службы за счет должности старшего техника по аэрофотооборудованию. Мне присвоили звание старшины технической службы.

523 ИАП был сформирован на территории Горьковской области в сентябре 1941 года и после тяжелых изнурительных боев на Ленинградском фронте снова прибыл в Горьковскую область на вторичное формирование, которое продолжалось более трех месяцев. В это время произошла полная замена командного состава полка.

Командиром полка был назначен штурман полка майор Голубов А. Е., пользовавшийся у личного состава полка заслуженным авторитетом как требовательный боевой командир, имев-

ший опыт воздушных боев на Ленинградском фронте. Командирами эскадрильи были назначены опытные воздушные бойцы Харченко С. И. и Симонов Д. В., которые до прибытия в полк успели повоевать в небе Финляндии, а в начале Великой Отечественной войны в составе 25-го Краснознаменного истребительного авиационного полка — в небе Новороссийска, Керчи, Феодосии. На их личном счету уже были сбитые самолеты противника (у Симонова — 4, у Харченко — 3). У каждого из них на груди было по два ордена Красного Знамени. Они в совершенстве владели техникой пилотажа на всех типах самолетов, находившихся на вооружении Красной Армии, и умело учили этому молодых летчиков, прибывших в полк в качестве пополнения. Учебно-боевая подготовка летчиков и технического состава к предстоящим боям с немецко-фашистскими захватчиками велась каждый день от восхода до захода солнца.

25 июня 1942 г. полностью укомплектованный летно-техническим составом и самолетами «ЛаГГ-3» и 523 ИАП под командованием майора Голубова Анатолия Емельяновича прибыл на Западный фронт и вошел в состав 234-й истребительной авиационной дивизии 1 ВА. Полк стал базироваться на аэродроме Рысня (Калужская область).

Сделав облет района боевых действий, летчики полка сразу же приступили к выполнению боевых заданий командования. Наши наземные войска в это время вели наступательные бои в направлении городов Сухиничи, Козельск, Мещевск, ст. Баррикадная. Летчикам полка приходилось делать до 6—10 боевых вылетов в день, т. к. кроме основной задачи — надежного прикрытия наших наземных войск от налета вражеской авиации — полку поручалось сопровождение наших штурмовиков и бомбардировщиков, проведение операций по штурмовке и бомбежке с пикирующего полета наземных войск и военных объектов противника, ведение визуальной воздушной разведки (аэрофотоаппаратов тогда в полку еще не было). Бомбометание с истребителя ранее никогда не производилось, т. к. конструкции большинства советских истребителей не предусматривали осуществления подобной операции. Конструкция же самолета ЛаГГ-3 допускала установку под плоскостями крыльев бомбодержателей и подвеску двух авиабомб. Все летчики полка отважно сражались с численно превосходящими силами противника, проявляя мужество, героизм, беспредельную любовь к

своей многострадальной Родине. Численное превосходство противника в воздухе в то время было настолько велико, что необходимость вступления в бой нашей четверки «ЛаГГов» с 25 «юнкерсами», например, и 12 «мессерами», прикрывавшими эти «юнкерсы», рассматривалось как обычное, повседневное явление и никого не удивляло.

В это трудное время особенно ярко проявился высочайший боевой дух у наших воздушных бойцов: Симонова Д. В., Харченко С. И., Букина А. Ф., Семенчука Д. К., Лабутина А. А., Савинова Д. А., Еlicheва А. Ф., Ивахненко М. В., Степанова А. С., Капилевича И. Т. и др.

Так, например, 15 августа 1942 г. заместитель командира эскадрильи территорией, занятой противником, направил свой горящий самолет на эшелон с живой силой и техникой противника, стоявший в это время на железнодорожном разъезде и протаранил его. В документах архива Министерства обороны СССР о Д. К. Семенчуке написано: «...В нем было то бесстрашие, которого боится сама смерть!»

За этот подвиг Семенчук был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

В феврале 1943 г. капитану Харченко пришлось одному сражаться против трех «ФВ-190». Зайдя в хвост одному из «фоккеров», Харченко в упор расстрелял его. Два других открыли по самолету Харченко массированный огонь и подожгли его. Резко развернув горящий самолет в сторону ближайшего противника, Харченко таранил его. Оба самолета взорвались в воздухе. Так погиб один из лучших командиров эскадрилий полка.

28 августа 1943 г. в районе Большие Нежоды (западнее Ельни) капитан Симонов и лейтенант Баркалов вступили в бой с шестью «ФВ-190». В ходе боя Баркалов бросился преследовать одного из «фоккеров», а Симонов остался с глазу на глаз с пятью фашистскими истребителями. Силы были явно не равны. Самолет Симонова врезался в землю в 6 км восточнее Ельни.

Гибель Симонова, самого опытного летчика-истребителя, требовательного к себе и подчиненным, умелого наставника и воспитателя молодых пилотов, скромного, чуткого и отзывчивого человека, потрясла весь личный состав полка. К этому времени на счету Симонова было 16 самолетов противника, сбитых им лично, и 5 самолетов — в групповом бою. О подвигах Симо-

нова часто писали фронтовые газеты, о них слагали стихи и песни. Он один из первых был награжден орденом Ленина. Командование 303 и АД и 1 ВА сделали представление на присвоение ему звания Героя Советского Союза, но это представление, видимо, затерялось в чиновничье-бюрократическом лабиринте, и указа не появилось.

В воздушном бою 1 сентября 1943 г. командиру эскадрильи Еличеву снарядом оторвало левую руку. Отважный летчик, преодолевая адскую боль и слабость, вызванную большой потерей крови, все же сумел дотянуть до своего аэродрома и удачно посадить машину. Лишь после этого он потерял сознание.

Инженерно-технический состав полка трудился не покладая рук, забывая о сне и отдыхе. Авиамеханики, мотористы, оружейники, прибористы не отходили от своих самолетов ни днем, ни ночью, готовя их к очередному вылету, спешно ремонтируя самолеты, поврежденные в бою.

Первое время я не имел возможности заниматься своими обязанностями механика по аэрофотооборудованию, поскольку такого в полку еще не было. По распоряжению командования полка я исполнял обязанности оперативного дежурного на КП (командном пункте); вел журнал боевых действий полка, по которым потом проводился т. н. разбор полетов; выпускал боевой листок, задачей которого было поддерживать высокий боевой дух и хорошее настроение наших однополчан.

Активная работа по внедрению в боевую практику полка аэрофоторазведки началась после вхождения 523 ИАП в состав вновь сформированной 303 ИАД в феврале 1943 года. В состав 303 ИАД также вошли 18 ГИАП, 20 ИАП (впоследствии 139 ГИАП) и 168 ИАП (разведывательный). Несколько позже в состав дивизии войдут французско-русская истребительная авиаэскадрилья «Нормандия» (впоследствии полк «Нормандия — Неман») и полк выдающихся советских асов — 9 ГИАП. Командиром дивизии был назначен опытный воздушный боец генерал Захаров Георгий Нефедович.

Вскоре 168 ИАП был расформирован. Эскадрилья разведчиков вошла в состав 523 ИАП, а личный состав эскадрильи сопровождения расформирован по другим полкам дивизии. Бывший командир 168 ИАП подполковник Пильщиков Константин Александрович был назначен командиром 523 ИАП. Вместе со своим командиром в состав полка вошли опытные воздушные

разведчики Ануфриев (командир эскадрильи, впоследствии ГСС), Сычев, Суслов, Проценко, Трусов, Свитченко, Сморчков (впоследствии ГСС), Макогоненко, Дорошенко, Резянкин, Робесник, Тимофеев, Трефилов, Рыжов и др. На должность старшего техника по аэрофотооборудованию — я и старшина технической службы Василий Пичугин.

Полк получил новые самолеты «Ла-5» и необходимое количество аэрофотоаппаратов типа «АФА-И» и «АФА-Б». С помощью специалистов походной авиаремонтной мастерской («ПАРМ») мы, в соответствии с нашими расчетами, четко определили: место в фюзеляже для монтажа рамы, к которой крепится аэрофотоаппарат; место, размер и форму люка, через который будет производиться фотосъемка; место командного прибора в кабине пилота и др. После завершения монтажных работ мы на земле тщательно проверили исправность каждой детали, каждого аэрофотоаппарата. Выявленные дефекты устранили. Пильщиков приказал проверить работу фотоустановок в воздухе. Все работало отлично. Пильщиков доложил об этом вышестоящему командованию.

Первые же снимки, полученные при выполнении разведывательных заданий, наглядно показали неоспоримые преимущества фоторазведки перед разведкой визуальной. На снимках четко выявлялись такие мелкие детали, которые с высоты птичьего полета был бы не в состоянии разглядеть на местности и запомнить даже лучший разведчик полка Митрофан Ануфриев, обладавший острым зрением и фотографической зрительной памятью. А вот Марина Морозова (фотограмметрист походной автофотолаборатории), не обладавшая такими феноменальными качествами, после тщательного изучения слабо видимого на фотоснимке гусеничного следа могла достаточно уверенно сказать, например, что такой-то след оставлен танком, а не трактором и самоходкой, и даже определить тип танка, направление, в котором он двигался, его нахождение в момент аэрофотосъемки (в укрытиях в пределах занятой территории), а также назвать тип маскировки, и т. п. Такой уверенности фотограмметрист может достичь, если в совершенстве владеет методами дешифрирования фотоизображений, если у него под рукой качественный аэроснимок (с указанием точного масштаба съемки), необходимый измерительный инструмент и необходимый справочник по военной технике противника. Каждодневно (особенно при подготов-

ке войсковых и фронтовых операций) командованию 1 ВА Западного и 3-го Белорусского фронтов требовались самые свежие, самые полные и достоверные сведения о противнике. Теперь такие сведения могли дать (и давали) разведчики 523 ИАП. Задания на проведение аэрофотосъемки сыпались как из рога изобилия. Самолеты, оборудованные фотоустройствами, в течение всего светового дня один за другим вылетали по разным направлениям для выполнения заданий по аэрофотосъемке.

Сопровождали (прикрывали) этот самолет один или несколько самолетов, не оборудованных фотоустановками.

В исключительных случаях с целью конспирации и создания эффекта неожиданности допускался вылет фоторазведчика на задание в одиночку (без прикрытия). Такой полет, например, пришлось совершить одному из самых смелых и изобретательных разведчиков — Николаю Свитченко. Ему удалось успешно заснять один особо охраняемый аэродром в Восточной Пруссии, в то время когда наш полк базировался в Литве, на расстоянии, предельно допустимом для радиуса действия истребителя. Фото-снимки, полученные им, и личные наблюдения были бесценны.

В обязанности механиков по аэрофотооборудованию входили: ремонт и содержание фотоустановок в исправном состоянии; расчет и установка перед каждым вылетом режимов съемки в зависимости от состояния погоды, светочувствительности фотопленки, освещенности объекта съемки, высоты и скорости полета; доставка аэрофотоаппарата и обратно. Расчет и установка режимов фотосъемки проводились механиком на земле. Чтобы убедиться в исправности аппаратуры, механик делал один-два пробных кадра.

В воздухе вся система работала в автоматическом режиме (от командного прибора). Пилоту оставалось только точно выдерживать высоту и скорость полета, вовремя включить и выключить командный прибор. Поскольку конструкция аэрофотоаппаратов «АФА-И» и «АФА-Б» в то время не предусматривала перезарядку фотопленки непосредственно в фюзеляже самолета (не было специальных кассет, адаптеров, приспособлений), поэтому по несколько раз в день приходилось каждый фотоаппарат снимать с установочной рамы и на руках относить его в фотолaborаторию для перезарядки, возвращать обратно и снова устанавливать на место.

Иногда приходилось транспортировать подобным образом не по одному, а сразу по два аэрофотоаппарата (на ремне через плечо), каждый из которых весит около 10 кг. Фотолаборатория же по технологическим соображениям обычно располагалась на окраине аэродрома (поблизости от источника воды: речки, пруда, колодца...). За световой день мы с Василием Пичугиным успевали набегаться так, что наши отяжелевшие ноги порой отказывались идти даже на ужин, где нас ждали законные 100 грамм «наркомовских». Мы были довольны тем, что наша малочисленная группа успешно справлялась со своими обязанностями, без каких-либо накладок и упущений. Хотя следует признать, что одна серьезная накладка все же была, но не по нашей вине. Все дело в том, что однажды, когда мы с Василием готовили аппаратуру к срочному вылету на двух самолетах полка, Владимир Пономарчук получил команду срочно подготовить к вылету на фотосъемку аппаратуру на третьем самолете. Он, чтобы не отрывать никого из нас от начатых дел, решил сам проверить исправность аппаратуры. Убедившись, что передатчик не работает из-за того, что перегорел предохранитель, радист недолго думая поменял местами предохранители на передатчике и командном приборе и ушел, никому не сказав об этом. На проявленной пленке оказались лишь два кадра, сделанные Пономарчуком на земле перед вылетом. Узнав о такой накладке, радист чистосердечно признал свою вину, объяснив свою промашку тем, что, не имея под рукой запасного предохранителя, полагал, что самолет вылетает на разведку погоды, а не на аэрофотосъемку. Ему и пришлось отвечать за все последствия такой накладки.

Став по решению 1 ВА разведывательным, 523 ИАП до конца войны оставался не только недремлющим оком 1-й Воздушной, но и всего 3-го Белорусского фронта. Командование 1 ВА категорически запретило разведчикам полка без острой необходимости вступать в воздушный бой с противником во время выполнения разведывательных полетов, т. к. это грозило бы срывом задания или утратой ценных сведений о противнике, добытых в сложной оперативной обстановке. Разведчик, сорвавший боевое задание ради мимолетной победы, не может рассчитывать на снисходительность командования даже в том случае, если ему в это время удалось сбить не один, а два или три самолета противника. Заслуги разведчика оценивались не по количеству сбитых самолетов противника, а по количеству и

качеству добытой им информации. В том, что к концу войны 523 ИАП стал Оршанским и четырежды орденоносным (орденов Красного Знамени, Александра Суворова II степени, Михаила Кутузова и Александра Невского) большая заслуга командования полка (командира полка Пильщикова, замполитов Ивахненко и Фоменко, начальника штаба Твердохвалова, старшего инженера Щербатенко, начальника связи Шерстнева).

Личный состав полка неоднократно награждался высокими правительственными наградами. Лучшему разведчику полка Митрофану Ануфриеву присвоено звание Героя Советского Союза. Не забыли и о нас — Пономарчук был награжден двумя орденами, а я и Пичугин двумя медалями «За боевые заслуги» каждый, а также медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией». Вместе с полком я участвовал в боях над городами Вязьма, Ржев, Сухиничи, Орел, Спас Деменск, Ельня, Смоленск, Орша, Витебск, Минск, Вильнюс, Алитус, Кенигсберг.

После штурма и взятия города-крепости Кенигсберга войска 3-го Белорусского фронта добивали остатки вражеской группировки, окруженной на Земландском полуострове и не принявшей ультиматума о капитуляции, предъявленного маршалом А.М. Василевским 11 апреля 1945 г.

Разведчики 532 ИАП постоянно находились в воздухе, фиксируя даже самые малейшие изменения в оперативной обстановке. Летчики 3АЗ ИАД провели свои последние воздушные бои 12 апреля, сбив в этот день 13 самолетов противника.

По одному «фокке-вульф» сбили летчики 9 ГИАП Алелюхин, Тарасов, Аристархов, Мальков и Пухов. Два «мессершмитта» сбил Барсуков и один Абрамошвили (оба из 18 ГИАП). Три «ФВ-190» сбили Машкин, Грачев, Мацкевич (139 ГИАП). По одному «фоккеру» сразили Жак Андре («Нормандия — Неман») и Василий Серегин (штурман 303 ИАД).

Сообщение о капитуляции мы получили лишь 9 мая, а французы узнали об этом из сообщения английского радио уже 8 мая.

Последний вылет на разведку был поручен командиру эскадрильи 532 ИАП капитану Александру Смачкову. Полк в это время базировался на аэродроме Хайлигенбайль. Там же базировался и 139 ГИАП. Штаб дивизии, полк «Нормандия — Неман» и 18 ГИАП базировались на аэродроме Эльбинг. 9 ГИАП в это время находился под Берлином (после взятия Кенигсберга он сразу же был переброшен на берлинское направление).

Последние четыре месяца 523 ИАП возглавлял бывший командир эскадрильи 18 ГИАП майор Иван Заморин, т. к. подполковник Константин Пильщиков, командовавший почти всю войну полком, чуть более четырех месяцев назад не вернулся с боевого задания. Позже мы узнали, что его самолет был подбит огнем зенитной артиллерии. Не дотянув двух километров до линии фронта, он выбросился из горящего самолета с парашютом, неудачно зацепился за дерево, освобождаясь от парашюта, упал на землю и потерял сознание. В бессознательном состоянии он был взят в плен и отправлен в лагерь для военнопленных, откуда с группой товарищей бежал. Почти три недели летчики скитались по Германии, и в середине мая в районе Дрездена вышли к своим. Сначала Пильщиков попал в дивизию, которой командовал Александр Покрышкин, а оттуда — в штаб 303 ИАД, находившийся на аэродроме Эльбинг. Через сутки он уже был в расположении своего родного полка на аэродроме Хайлигенбайль. Личный состав полка радостно встретил своего любимого командира. Торжественное построение личного состава дивизии по случаю Дня Победы состоялось 9 мая на аэродроме Хайлигенбайль. Все полки дивизии (кроме 9 ГИАП) были построены вдоль взлетной полосы.

Самолеты «лавочкины» и «яковлевы», освобожденные от маскировки, во всей своей первозданной красе стояли ровными рядами на бетонных дорожках, ведущих к взлетно-посадочной полосе. На правом фланге полков развевались боевые полковые знамена. Поздравив личный состав полков с Великой Победой, генерал Захаров дал команду на проведение торжественного марша. Торжественные обеды в полках прошли шумно и весело. Ограничиваться обычными фронтовыми 100 граммами на этот раз не удалось т. к. повод для проведения такого бурного торжества был особо знаменательным.

Победа!!! Одна на всех!.. На общем столе появились напитки, приобретенные заранее в военторге предусмотрительными однополчанами, так, на всякий случай, и чтобы отметить общегосударственный праздник или успешное завершение фронтовой операции, и чтобы «обмыть» очередную награду или помянуть погибшего друга.

Торжества продолжались, и за ужином, и на другой день... Стихийные застолья длилось еще несколько дней. После тяжелых, изнурительных боев командирование предоставило

личному составу возможность отдохнуть. Однако неконтролируемое употребление алкоголя, вынужденное ничегонеделание и гнетущая тишина, наступившая после прекращения боевых действий, стали отрицательно воздействовать на психику и поведение личного состава полка.

Заметно проявили себя неуставные отношения и самовольные отлучки из части. Командование приняло срочные меры: были составлены планы боевой и политической подготовки личного состава, и началась их реализация.

15 июня 1945 г. мы сердечно попрощались с французскими братьями по оружию — летчиками полка «Нормандия — Норман». Они улетели на родину с аэродрома Эльбинг на 40 самолетах «Як-3», подаренных им Советским правительством. Вскоре вся 303-я Смоленская истребительная авиационная Краснознаменная ордена Александра Суворова II степени дивизия была перебазируется в г. Кобрин (Западная Белоруссия).

В связи со сложной международной обстановкой мне удалось демобилизоваться лишь в августе 1946 года.

Переехав в Москву и побывав в текстильном институте, я пришел к выводу, что в текущем году не смогу осуществить свою мечту — продолжить учебу на художественном факультете, т. к. факультет не имел вечернего или заочного отделения, а учиться на дневном отделении мне не позволяют материальные затруднения семьи. Поэтому поступил на работу фотографом в фотолабораторию Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Опыт, приобретенный мной на фронте, помог мне в кратчайшие сроки освоить специфику работы этой лаборатории.

В 1951 г. я перешел на работу заведующим фотолаборатории московского завода «Манометр» и поступил учиться на вечернее отделение технологического факультета заочного Московского полиграфического института. В 1956 г. меня пригласили на работу в Комитет государственной безопасности. Был на должностях курсанта, старшего техника, инженера и старшего инженера. После окончания института в 1957 г. мне было присвоено первое офицерское звание. В отставку ушел в 1986 г. в звании подполковника. Приказом Главнокомандующего № НР-2 от 22 апреля 2000 г. и приказом директора ФСБ № НР-226 от 28 апреля 2000 г. мне присвоено очередное воинское звание полковник. В 1975 году, как бы вдогонку к наградам, полученным в ходе войны, мне вручили прави-

тельственную награду — орден Красной Звезды со словами: «Награда нашла своего героя» (так говорили тогда, когда награда вручалась с запозданием).

В 1985 году в связи с 40-летием Победы и заслугами в годы войны я был награжден орденом Отечественной войны II степени. Общее количество наград составляют две медали «За боевые заслуги», медали «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией», три медали «За выслугу лет», медаль «Ветеран вооруженных сил» и еще 14 медалей (памятных, юбилейных).

После ухода в отставку я активно включился в работу совета ветеранов 523-го Оршанского истребительного авиационного Краснознаменного орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского полка. В совете ветеранов полка тогда активно трудились Константин Пильщиков, Иван Заморин, Александр Смorchков, Михаил Щербатенко, Митрофан Ануфриев, Владимир Суровенков. Председателем совета ветеранов полка был избран Александр Подметин. Мне было поручено возглавить московскую секцию ветеранов полка. Александр Смorchков и Владимир Суровенков, кроме того, представляли полк в совете ветеранов 303-й Смоленской истребительной авиационной Краснознаменной ордена Александра Суворова II степени дивизии. Председателем совета был генерал Георгий Захаров, секретарем совета — Евгений Точилин.

Усилиями членов совета ветеранов полка и активистов специального профессионально-технического училища №122 (г. Орша), при активном участии ветеранов был создан музей боевой славы полка, в котором вплоть до начала т. н. «перестройки» и развала Советского Союза велась активная воспитательная работа с молодежью, и организовывались регулярные встречи ветеранов. Руководила музеем Людмила Петровна Безручко.

Более 30 лет назад лучший разведчик полка Герой Советского Союза Митрофан Ануфриев и его супруга Антонина, лаборантка походной автолаборатории, совместно с руководителями и активистами спецшколы №17 создали в г. Липецке клуб «Авиаразведчик», который, несмотря на трудности материального порядка, продолжает активную работу и в настоящее время. Руководит клубом Людмила Ивановна Голикова.

Не выдержали испытания временем и «перестройкой» Музей боевой славы полка в Горьком (Нижнем Новгороде) и в Красноярске (руководили музеями Анна Семеновна Захарова и

Клавдия Николаевна Юшкевич). Бережно сохраняя боевые традиции ветеранов и всемерно приумножая их боевую славу, новые поколения оршанцев в настоящее время достойно исполняют свой воинский долг. Во время известных событий в Корее воины-оршанцы наглядно показали, что не разучились воевать и сбивать самолеты противника, независимо от того, какой агрессивной стране они принадлежат. Во время этих событий Героями Советского Союза стали оршанцы старшего поколения: Сморгков, Щухин, Стельмах, Самойлов, Охай.

За успехи при выполнении интернационального долга и за участие в миротворческих миссиях в т. н. «горячих точках» многие молодые оршанцы были удостоены орденов и медалей России. В настоящее время полком командует опытный боевой офицер полковник Плешков Александр Федорович. Ветераны полка, оставшиеся в живых, продолжают поддерживать регулярную связь с командованием и своими боевыми наследниками — молодыми воинами полка. Большая работа по патриотическому воспитанию молодых воинов и местного населения проводится в Комнате боевой славы полка.

После ухода из жизни председателя совета ветеранов полка Александра Подметина и большинства членов совета, забота о ветеранских делах однополчан полностью легла на мои плечи. Совет ветеранов дивизии до 1995 — 1996 г.г. возглавляли Георгий Захаров и Евгений Точилин. Кроме того, генерал Захаров, будучи вице-президентом Общества советско-французской дружбы, вел активную работу по поддержанию и укреплению дружбы между советскими и французскими ветеранами полка «Нормандия — Неман». Неоценимый вклад в становление и развитие этой дружбы внесли и ветераны российской части полка «Нормандия — Неман». Это Сергей Агавельян, Николай Туниев, Александр Капрагов, Международный отдел Российского Комитета ветеранов ВОВ (Евлампиев И.А.), бывший командир 18 ГШАП (Фетисов А.А.), а также директора и экскурсоводы школьных музеев боевой славы полка Бордукова Е.А., Березкина Н.А., Еременкова Т.Е., Темнова Т.Б., Солдатов В.Ф., Назаренко Н.А., Гусева Т.П., Блаблин В.И., Фасихин В.И., Долбик — Воробей Н.И., Ковалевский Ю.А., Скрипкина Е.А. и др.

Незадолго до своей кончины генерал Захаров направил письмо в МКВ ВОВ с предложением распустить совет ветеранов 303 ИАД. Свое предложение Захаров объяснил следующими обстоятельствами:

- произошел развал Советского Союза;
- изменилась политическая и экономическая ориентация государства;
- ветеранское движение лишилось материальной поддержки государства;
- в условиях рыночных отношений и отсутствия т. н. «спонсора» невозможно планировать ветеранские мероприятия, материально поддерживать работу школьных музеев и организовывать регулярные встречи ветеранов.

Официального ответа на это письмо не поступило.

В 1996 г. после скоропостижной кончины Евгения Тичилина, заменившего Захарова на посту председателя совета ветеранов дивизии, Московский комитет ветеранов ВОВ и ветераны дивизии поручили мне возглавить совет дивизии.

Окунувшись с головой в ветеранские заботы своего и других полков дивизии, я понял, что:

- ветеранскую работу нужно продолжать, т. к. престарелые ветераны нуждаются не только в материальной, но и в моральной поддержке своих советов и однополчан;
- в школьных музеях и клубах, оставшихся «на плаву» после «перестройки» и «прихватизации» трудятся истинные патриоты, не зараженные вирусом коммерции и стяжательства; — дружба между ветеранами разных стран — залог их мирного существования.

Мероприятия, которые удалось осуществить в текущем году в Балашихе, Липецке и Москве, а также успех выставки, посвященной выдающемуся организатору движения «Свободная Франция» Шарлю де Голлю, показали, что дружба, рожденная в совместных боях с общим врагом, не ржавеет.

Свои воспоминания я ограничил лишь очень кратким изложением фронтовых событий, связанных с моим родным полком, моими однополчанами и лично со мной.

В 70—80-е годы прошлого века бывший начальник связи полка Яков Шерстнев (впоследствии журналист-международник) планировал написать книгу о боевой истории 523 ИАП. Для этого он продолжительное время изучал архивные документы Министерства обороны, собирал воспоминания и фотографии однополчан. Все необходимые материалы у него были, однако никакой книги о 523-м Оршанском в свет так и не вышло. Ветераны полка до сих пор так и не знают, действительно ли

Шерстнев писал книгу или только делал вид, т. к. на их вопрос «как обстоят дела?..» или не отвечал совсем, или отвечал уклончиво. Скончался Я. Г. Шерстнев в конце 80-х.

О боевом пути других полков дивизии были написаны и изданы мемуары Лукашина, Лавриненкова, Новикова, Захарова, Пинчука, Барсукова, Ворожейкина, Гнездилова, де Жоффра и др.

Авторы достаточно полно и со знанием дела описали события военных лет, изложили свои взгляды на конкретные факты и события, на специфику боевого взаимодействия между полками дивизии при выполнении совместных боевых заданий по прикрытию наземных войск, сопровождению бомбардировщиков и штурмовиков, по ведению групповых воздушных боев, утверждающих известный принцип: «Один за всех и все за одного!»

Вот перечень моих наград:

1. Медаль «За взятие Кенигсберга» от имени Президиума Верховного Совета СССР. Медаль вручена 14 ноября 1945 г. командиром 523 ИАП майором Ануфриевым.

2. Медаль «За боевые заслуги», №1217920.

3. Медаль «За боевые заслуги», №1649743.

4. Орден Отечественной Войны II степени. Выдан указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985г. №4425734

5. Орден Красной Звезды №3763604. Указ Верховного Совета СССР от 30 апреля 1975 г.

6. Медаль «За безупречную службу» 3-й степени. Приказом КГБ при Совете Министров СССР №0233 от 1 декабря 1959 г.

7. Медаль «За безупречную службу» 2-й степени. Приказом КГБ при Совете Министров СССР №0408 от 9 декабря 1965 г.

8. Медаль «За безупречную службу» 1 степени. Приказом КГБ при Совете Министров СССР №0577 от 8 декабря 1970 г.

9. Медаль «Ветеран Вооруженных Сил СССР» приказом Председателя КГБ СССР №0301 от 28 апреля 1984 г.

10. Приказом начальника пограничных войск КГБ при СМ СССР награжден нагрудным значком «Отличник погранвойск» 1-й степени.

11. Медаль «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» от имени Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1985 г.

12. Юбилейная медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» выдан президентом РФ Б. Н. Ельциным от 22 марта 1995 г. №296.

13. Медаль Жукова. Выдана Президентом РФ Б. Н. Ельциным 19 февраля 1996 г.

14. Юбилейная медаль «За воинскую доблесть» в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Выдана командиром в/ч 68240 генерал-майором О. Горидце 10 апреля 1970 г.

15. Юбилейная медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР» от имени президента и Верховного Совета СССР от 23 февраля 1968 г. Выдана командиром воинской части №68240 генерал-майором О. Горидце.

16. Юбилейная медаль «60 лет вооруженных сил СССР» от имени президента верховного совета СССР от 7 октября 1978 г. Командир воинской части № 68240 генерал-лейтенант И. Ермаков.

17. Памятный знак «Ветеран 1-й воздушной армии». Выдан председателем Совета ветеранов 1 ВА, бывшим командующим армией, Героем Советского Союза, генерал-полковником авиации профессором М. М. Грозовым.

18. Медаль «В память 800-летия Москвы» от имени Президиума Верховного Совета СССР, награжден исполнительным комитетом Московского городского Совета депутатов трудящихся, 28 сентября 1948 г.

19. Медаль «70 лет Вооруженным Силам СССР» в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1988 г.

20. Медаль «20 лет победы в Великой Отечественной войне», 7 мая 1965 г. Вручена комиссаром воинской части №1055 полковником О. Гоциридзе.

21. Медаль «30 лет победы в ВОВ», 8 мая 1975 г. Вручена комиссаром воинской части №68240 генерал-лейтенантом-инженером М. Ермаковым

22. Медаль «40 лет Вооруженным Силам СССР». Указ от 18 декабря 1957 г. Выдана 28 апреля 1958 г. Вручил заместитель председателя КГБ при СМ СССР.

23. Медаль «50 лет победы в ВОВ 1941—1945», 22 марта 1995 г. Вручил президент РФ Б. Н. Ельцин.

24. Медаль «50 лет победы советского народа в ВОВ 1941—1945», 7 февраля 1997 г. Вручил председатель Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР» С. Умалатова

25. Медаль «За победу над Германией в ВОВ 1941—1945», 25 января 1946 г. Вручил командир 523 ИАП майор Заморин.

26. Медаль «80 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Вручила председатель Постоянного президиума Съезда народных депутатов СССР С. Умалатова. 25 сентября 1987 г.

27. Медаль «В память 850-летия Москвы», 26 февраля 1997. Вручил президент РФ Б. Н. Ельцин.

28. Знак «25 лет победы в ВОВ» №36710. За доблесть и отвагу в ВОВ. Вручил Председатель КГБ при Совете Министров СССР Ю. В. Андропов.

29. Нагрудный знак Московского комитета ветеранов войны. Вручил председатель Московского комитета ветеранов войны И. А. Слухай.

30. Медаль «Нормандия — Неман», 1942—1982». В ознаменование 40-летия истребительного авиаполка «Нормандия — Неман». Вручили члены Совета ветеранов полка Тулиев, Капранов.

31. Памятный юбилейный знак «XXV лет Московскому комитету ветеранов войны». Награждается за заботу, внимание и память об участниках ВОВ 1941—1945 гг., отдавших лучшие годы защите свободы, воспитанию молодежи, сохранению единства и могущества нашей Отчизны. Вручил представитель Московского комитета ветеранов войны.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь Савин Алексей Игоревич, курсант 4-го курса кафедры военного обучения Московского государственного университета природообустройства.

**Власенко
Николай
Михайлович**

МОЯ ВОЕННАЯ МОЛОДОСТЬ

Я родился 19 декабря 1921 года в Полтаве. В 1940 году окончил среднюю школу. После этого вся семья переехала в Ленинград. В октябре-ноябре 1940 года я был призван в армию, где проходил службу в 20-м автополку в г. Рязань. За две недели до начала войны получил водительские права 3-его класса. Узнал о войне по радио 22 июня (слушал речь Молотова), когда находился на службе. В первые дни войны я был направлен в Октябрьский военный городок г. Рязани, в танковый батальон, где были танки Т-26 и Т-70. Был механиком-водителем танка Т-70. Но уже во 2—3-м бою танк был подбит. Мы с моим командиром трое суток шли к своей войсковой части, где нас уже считали погибшими.

После этого я переучился на стрелка-радиста и получил звание сержанта, далее был стрелком-радистом на танке МС-2 американского производства (экипаж 7 человек). Весной 1942 года в марте — апреле участвовал в Изюмо-Барвенковской операции Юго-Западного фронта. На этом же танке в сентябре 42-го года я воевал под Сталинградом, отступая с войсками Юго-Западного фронта через Сальские степи. Пробились к своим в районе деревни Сарепта, что находится на южной окраине Сталинграда, и заняли там оборону. Затем нас перебросили в северную часть

Сталинграда в село Спартановка (там находились заводы по производству тракторов и танков, на которых делали танковые пушки). В ходе боя наш танк был подбит и загорелся. Дым окутал всю машину, и я потерял сознание. Меня вытащил через боковой люк мой товарищ Иван Антонов, который был в экипаже танка механиком-водителем. Так как в это время был приказ Сталина об отправлении танков на ремонт вместе с экипажем, то весь экипаж вместе с танком был направлен на ремонтный завод в г. Горький. Там же я лечился две недели в медсанбате.

Наш танк МС-2 починить не удалось, поэтому при формировании под г. Горький 50-го танкового полка я был назначен стрелком-радистом на танк «Черчилль». Я к тому времени уже был хорошим радистом, и меня через некоторое время перевели на танк командира полка Величко. Полк был направлен на прорыв блокады Ленинграда. Прорывали мы блокаду со стороны Волховского фронта. Шли через населенные пункты Апраксин городок, Верхняя и Нижняя Нозия, Шлиссельбург. Прорвали блокаду в районе станции Мга.

После прорыва блокады я нашел в Ленинграде мою семью. Все мои родственники пережили блокаду. Командир полка знал, что моя семья находится в Ленинграде, и поэтому направил меня на учебу на курсы пиротехников в Ленинграде. Там я обучался до декабря 1943 года. Далее был назначен в одну из боевых частей Ленинграда пиротехником. Большую часть времени собирал бомбы и снаряды, а также оснащал их взрывателями. Иногда меня и моих сослуживцев посылали на обезвреживание невзорвавшихся бомб и снарядов. В этой части я служил до окончания войны. В октябре — ноябре 1945 года командир части направил меня в Ленинградскую академию связи. В 1952 году я окончил этот вуз.

Особо запомнившиеся эпизоды

В июне 1942 года в результате неудачного наступления под Харьковом целый Юго-Западный фронт (более 650 тыс. людей) был окружен. В станице Глубокой на Донбассе наша бригада (30 танков МС-2) держала оборону. Но ночью фашисты неожиданно перешли в наступление. Командир бригады подполковник Петушков дал приказ об отступлении в сторону г. Ростова. Но одна машина под командованием Астахова пошла на звук вы-

стрелов немецких автоматчиков. Немцы (на трех мотоциклах), увидев танк, сразу сдались танковому десанту, и их привели в расположение бригады. Но командир бригады подполковник Петушков чуть не расстрелял командира танка Астахова за невыполнение приказа командира. Этот эпизод запомнился мне ярче других.

Награды

Медали:

«За оборону Ленинграда»;

«За оборону Сталинграда»;

«За боевые заслуги» (За прорыв блокады Ленинграда);

«За отвагу» (Около Ленинграда один танк застрял на нейтральной линии, у него вышла из строя радиостанция. Я как радист танка командира полка добрался до аварийного танка и починил радиостанцию. Вскоре танк и экипаж спасли.)

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Лебединец Вадим Андреевич**, студент 1-го курса Московского авиационного института.

Горчаков Николай Михайлович

ПО ДОРОГЕ К БЕРЛИНУ!

Я ветеран ВОВ, родился в Московской области в Луховицком районе, с. Нижнее Маслово, 27 сентября 1924 г. Национальность — русский, состоял в КПСС.

В 1941 году окончил 9 классов.

В то время я проживал в Москве в Сокольниках. 22 июня из радиотрансляции узнал о начале войны.

Начал участвовать в боевых действиях добровольцем, когда появилась возможность стать летчиком. Из сборного пункта меня и других добровольцев отправили в 23-ю Фрунзенскую школу военных пилотов, откуда потом перевели в ШМАС. Однако из-за нехватки самолетов обучение не было возможно, и меня вместе с моими сокурсниками отправили в г. Нашаган, куда временно было эвакуировано Харьковское пехотное училище, которым руководил полковник Бердиев. В училище я проходил обучение с ноября 1941-го по апрель 1942 года, после чего был отправлен в Тамбов, где формировались соединения. При формировании попал в 107-ю стрелковую дивизию, 522-й стрелковый полк (40-я армия) и был распределен в роту ПТР. После трехнедельного формирования соединения отправили на фронт (апрель 1942 года).

Боевой путь походил через Воронеж — Яссы — Плоешти — Клуш — Турда — Дебрецен (Венгрия) — Гори (госпиталь) — Нижний Тагил — Сандомирский плацдарм.

Военные боевые действия закончил под Прагой (город Пардубицы) в 1945 году в звании лейтенанта.

Возвращался с войны через Пардубицы, Кремс (1945), Корнейбург (под Веной). После чего в октябре 1946 попал в Казань на курсы усовершенствования высшего офицерского состава.

Демобилизовался в мае 1947 года в звании старшего лейтенанта.

Первый раз участие в боевых действиях я принял под станцией Раненбург (Рязанская область), откуда мы всем соединением ехали в эшелоне в Воронеж. Поезд попал под бомбежку, и до Воронежа пришлось добираться пешком, а это около 400 километров. После двенадцатидневного похода соединение оказалось в ворошиловских лагерях близ Воронежа. Рядом стоял сельскохозяйственный институт. Ночью немецкая авиация бомбила наши позиции, и чтобы уберечь личный состав, была дана команда укрыться в лесу. Мы побежали в лес и, как потом с удивлением узнали, напугали противника, заставив его покинуть занятые им территории.

В окопах соединения пробыли с 20 мая по август 1942-го. За это время мы ходили в штыковую атаку 7 раз, несколько раз отбивали танковые атаки.

В расчете я был вторым — заряжающим. Старшего, стрелка, я называл дядей Сережей. За продовольствием (раз в несколько дней) мы ходили по очереди. И вот однажды дядя Сережа отправил меня вне очереди. Когда я вернулся, то увидел, что окоп засыпан землей и рядом дымится воронка от взрыва...

К 13 августа войска продвинулись на 1,5—3 км. Утром часов около 7 пошли немецкие танки. Я был отправлен в пехоту сообщить о наступлении, а при возвращении был ранен в голову.

После выздоровления меня направили в Саратовский пересылный пункт, откуда распределен в Саратовское 2-е танковое училище.

В апреле 44-го, получив звание младшего лейтенанта, я уехал в Нижний Тагил. Там после формирования, получения танков меня приписали ко 2-му Украинскому фронту, 21-й разведывательной танковой бригаде (5-й корпус под командованием Кравченко).

Затем соединения направили в район города Бельцы, где 20 августа 1944 года началось наступление. Войска прошли до Австрии, пройдя города Плоешти, Клуш и Дебрецен. Под Дебреце-

ном разведбригада попала под обстрел и танк, которым я командовал, был подбит. В танке начался пожар, в результате которого машина взорвалась. Из всего экипажа выжил лишь я, получив многочисленные тяжелые ранения и ожоги. К своим войскам пришлось пробираться через лес. Из-за тяжелого ранения это было очень сложно, и, подходя к тому месту, где были наши войска, я потерял сознание. Очнувшись, я услышал иностранную речь и подумал, что это немцы. Однако это были румыны, перешедшие на сторону советских войск, которые меня подобрали и доставили в расположение нашего танкового соединения. Оттуда меня, раненного, направили в госпиталь.

После выздоровления в январе 1945-го я опять поехал в Нижний Тагил. Там меня распределили в 51-ю танковую бригаду 6-го танкового корпуса 3-й танковой армии.

В составе этого соединения я прошел до Сандомирского плацдарма.

16 апреля началась берлинская операция. Соединение форсировало реку Нейсе, и мой танк шел первым. Из-за неправильного расчета пути танк застрял и отстал от группы. Пришлось догонять свою колонну, пробираясь через горящий сосновый лес, который был подожжен немцами.

Соединение пошло на Берлин.

До Берлина было мало боев. При подходе к Берлину в городе Тельтов Канал я третий раз получил ранение. После лечения в городе Виттенберге, несмотря на перераспределение в другую бригаду, я вернулся к своим соединениям, стоявшим под Прагой. Оттуда после окончания боевых действий колонна двинулась домой на Родину...

Я был удостоен следующих наград:

1. Орден Красной Звезды (№1952588), 31 января 1947 г.
2. Орден Отечественной войны I степени». Указ Президиума ВС СССР от 11 марта 1985 г., №1452237.
3. Юбилейные медали.

Освобождал Воронеж, Плоешти, Клуш, Дебрецен.

На войне был трижды ранен.

13 августа 1942 г. во время боев под Воронежем получил ранение в голову (касательное пулевое ранение головы, сотрясение мозга, трещина черепной коробки), после чего попал сначала в медсанвзвод, а потом в госпиталь. Был выписан в ноябре 1942 г. и направлен в Саратовский пересыльный пункт, откуда переведен в Саратовское 2-е танковое училище.

Затем во время боев под городом Дебреценом в августе 1944 г. получил второе ранение (разбит голеностопный сустав, разрыв мягких тканей бедра, ожог лица, кистей рук). Был направлен на лечение в госпиталь в Грузию, в город Гори. После выздоровления в январе 1945 г. переведен в Нижний Тагил, где был распределен в 51-ю танковую бригаду 6-го танкового корпуса 3-й танковой армии.

Третье ранение получил во время Берлинской операции. Направлен в госпиталь в Виттенберге, где пробыл около месяца, после чего вернулся в свое соединение.

В войне погиб дядя, скончался в Омске от ранения.

В живых остались мать, старший и младший братья и сестра. Отец, работавший на железной дороге и не участвовавший в войне, умер от туберкулеза в 1944 году.

Собственных опубликованных произведений у меня нет, публикаций о себе тоже нет.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь Вареник Андрей Геннадьевич, студент 1-го курса Московского авиационного института.

**Горшков
Тимофей
Васильевич**

СЛУЧАЙ В РАЗВЕДКЕ

Родился 10.03.1926 г., Пензенская область, Соседский район, село Липовка. Национальность — русский. Член ВЛКСМ 1943—1946 гг.

До войны окончил 7 классов в 1940 г., с 1941 по 1943 гг. работал в совхозе.

В 1943 г. призван в армию по месту жительства. По призыву с ноября 1943 г. 2-й учебный стрелковый полк, Городище Пензенской области, г.Суслонгер Марийской АССР. Начало 1944 г.— 20-й учебный танковый полк, г. Рязань.

С октября 1944 г. отправлен на фронт. Начинал в воинском звании младшего сержанта, командиром бронетранспортера в составе 77-го отдельного разведывательного батальона под командованием майора Мирласа, начальник политотдела майор Христенко.

Начинал боевые действия с освобождения Риги, после этого перебросили в Польшу (конец декабря 1944 г.), 8—10 января 1945 г. перешли границу Германии. Освобождение городов: Найденбург, Морунген, Мюльхаузен, Браунсберг.

Военные действия закончил на побережье залива Фрилигав под Кенигсбергом. Потом проходил службу в городах Бунцлау

(начальник караула памятника Кутузову), Драмбург (старшина 77-го кадрированного разведывательного батальона).

Службу проходил до 1948 г. В конце 1948 г. прибыл в Белоруссию, в г. Борисов. С 1949 г. — курсы лейтенантов при 4-м автомобильном училище. В 1950 г. был направлен в Москву в Главное разведывательное управление Генерального штаба в звании лейтенанта. 1950—1951 гг. — спецкурсы при ГРУ. 1951—1954 гг. — зарубежная командировка в Берлин, отдел Протокола и связи с американской, английской и французской зонами. В 1955 г. окончил автомобильное училище экстерном. Затем двухгодичные спецкурсы при ГРУ (высшие академические курсы). С 1959 по 1962 г. — зарубежная командировка в Латинскую Америку, Аргентину. 1962—1963 гг. — высшие академические курсы на офицера разведки.

Демобилизовался в 1976 г. по возрасту в звании полковника. В 1976—1982 гг. работал в Главном информационно-вычислительном центре Министерства монтажспецстроя СССР на должности зам. начальника центра. 1990—1993 гг. — депутат ленинградского районного совета, должность — председатель комиссии.

Эпизоды войны

В январе 1945 г. батальон был укомплектован личным составом и техникой.

После перехода границы Германии первые населенные пункты и города находим безлюдными. Для ведения разведки создавались оперативные группы, в которые входили: командир группы, 2 танка Т-34, 3 американских бронетранспортера М-3А1, на вооружении 2 пулемета «браунинг», 3—4 мотоцикла «харлей» с экипажем из 3 человек, десантники — человек 10. Группе давался определенный маршрут, по которому мы шли, нам запрещалось вести боевые действия. Так шли дня 3-4; когда подходили части, нас отправляли на отдых.

Наша разведывательная группа ночевала в лесу. Утром выходим на опушку леса и видим — проходит шоссе, а по нему отходят немцы. Командир группы принимает решение: одному

танку дает задачу бить по голове колонны, второму отсекал по концу. Когда распределились и дали огонь, началась паника среди немцев, они побросали все и побежали. Я схватил автомат, он отказал, взял гранату и бросил. Трофеев брать не стали, так как надо было идти вперед. Когда двигались по маршруту, я был во главе своей колонны и вдруг получил удар в висок. Меня спас автоматчик, так как сразу пошла очередь по нам из-за кустов.

Продолжая двигаться по заданному маршруту, видим в километре от нас хутор на опушке. Командир посылает нас разведать. По-пластунски мы вдвоем подползли к хутору, один ползет, другой прикрывает. Вижу запряженных лошадей, вдруг выходят офицер и два солдата немецкой армии. Сразу двух солдат убили, а офицера взяли в плен.

Получил орден Отечественной войны II степени.

Награжден

Орден Отечественной войны II степени А№311130 от 9 июня 1945 г., указ Президиума Верховного Совета СССР, за взятие Кенигсберга.

Орден «Отечественной войны» I степени А№454153 от 11 марта 1985 г., указ Президиума Верховного Совета СССР в ознаменование 40-летия Победы.

Медаль «За боевые заслуги» от 21 мая 1946 г., указ Президиума Верховного Совета СССР, за боевые действия в Восточной Пруссии.

Медаль «За боевые заслуги» от 1 ноября 1954 г., указ Президиума Верховного Совета СССР, за выслугу лет.

Медали «За безупречную службу в ВС СССР» 1, 2, 3-й степени.

Юбилейные медали.

Ранения. 20 января 1945 г. при проведении разведки получил ранение левой кисти руки. Был отправлен в армейский госпиталь легкого ранения в г. Остерод, Восточная Пруссия. В госпитале пробыл 10 дней и убежал оттуда вместе с другом. До разведбата добирались на попутках.

На фронте было нас четыре брата. Один брат, Иван Васильевич, погиб где-то на Северном Кавказе в 1941 г., Михаил и Ни-

кита в 1944 г. вернулись домой инвалидами. У Михаила было пробито легкое и ребра, а у Никиты не было ступни. Осталась жива сестра Зинаида Васильевна.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Назаров Игорь Анатольевич**, курсант 4-го курса экономического факультета кафедры военного обучения МГУП.

**Гришин
Николай
Кузьмич**

В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ

Родился 22.08.1926 г. в Смоленской области в Демидовского районе, дер. Ново-Диво. Член КПСС с 1965 года. В настоящее время член КПРФ. Был членом ВЛКСМ.

До Великой Отечественной войны окончил 4 класса Холмовской семилетней школы.

О начале ВОВ узнал 22 июня 1941 года. В этот день я боронил картофель и повел лошадь в поле, естественно, после конца работы. Вот я иду домой с уздой и в это время встретил одного парня с нашей деревни по фамилии Тишкин Николай Семенович, который мне сказал, что был в сельсовете и там по радио передали, что началась война. В конце июня по ночам начали бомбить Смоленск. Где-то в самом начале июля приходит бригадир колхоза и говорит, что меня посылают вместе с бригадой (бригада — 9 человек) угонять скот в тыл Советского Союза. Как сейчас помню, было 45 коров, 96 овец, еще телята, не помню сколько. Скот личного хозяйства не угоняли, такого распоряжения не было. И вот мы согнали этот скот в Ярославскую область. Но меня и еще трех человек из Московской области (может быть, из Гжатского района, но, по-моему, они были из Московской области) отправили домой. Нам дали одну лошадь.

В районе Вязьмы мы встретили немцев, их было очень много и на мотоциклах, и на машинах, а фронта как такового не было. Мы поехали дальше домой. Домой приехали благополучно где-то числа 25 июня. Где-то в начале августа 1941 года к нам пришел раненый боец по фамилии Турков Николай Павлович, родом из Сибири. Мы его подлечили, и он остался у нас, а потом ушел в партизаны. Затем через некоторое время брат Василий (1929 года рождения) в кустах нашел раненого бойца, ему пуля выбила 2 зуба и вышла через шею, но горло не задела. Мы лечили его молоком, сметаной, и парень поправился, а затем ушел в партизаны.

Дома у нас в это время были мать (отец умер рано, в 1933 году), сестра (1915 г.р.), еще сестра (1922 г.р.), брат (1926 г.р.) и я. Остальные братья — Иван, Никита, Захар и Алексей — были на фронте, я в семье был девятым.

Раненый боец, которого притащил брат Василий, был из Татарской республики — Аросланов Равил Максудович, и когда стали в районе регистрировать жителей нашей деревни, а бургомистр района в основном знал всех людей, то пришлось этого татарина записать как Аросланов Роман Михайлович; староста был комсомольцем и смог спасти этого бойца.

В октябре из окружения из-под Вязьмы смог убежать брат Никита (1911 г.р.). Он рассказывал такую картину: в одном бою он был совсем близко от немца, где-то метрах в пяти, но не смог его убить, так как подумал, что у него тоже есть дети, а его посылает Гитлер. А потом он сидел в этом лагере, и однажды им бросили мясо. Он попросил попить, протянул руку, а немец его резиновым шлангом так перетянул через лоб — у него искры в глазах. «Ну, век не прощу!» Потом уже в партизанах сошлись с немцами в упор, они уже руки подняли — а он им так по глазам прошелся: двух убил, это точно.

Я привел этот пример потому, что мы всегда добренькие до тех пор, пока нас не выведут из себя.

Брат Никита 9 апреля 1942 года был убит в бою в деревне Хомм. Колонна немцев шла из города Демидова на Смоленск, и завязался бой; он остался один (был с пулеметом), но немцев не пропустил, они повернули назад, в Смоленск не пошли.

Ну, а теперь о главном. В партизанский отряд «За Родину» 2-й смоленской бригады я прибыл в сентябре (дату не помню)

1942 года. Он располагался в деревне Ригшево Причистенского района Смоленской области. Командиром отряда был Кондратов Николай Филимонович, комиссаром — Сенокосов, начальником штаба — Ермаков Алексей. Меня встретил брат Василий, принес мне сумочку с патронами и винтовку, говорит: «Вон наш взвод, иди занимай оборону». Я только залез в траншею, а в это время в метрах в 30 взорвался снаряд. Я подбежал к ящикам и только нагнулся — почувствовал боль в животе. Немцы начали наступление на наш отряд, завязался бой. Командир отделения Василий Борисов кричит: «Коля, тащи ящик с патронами!» Оказывается пуля прошла по животу, но она только в одном месте, ближе к правой стороне, сняла кожу. Ящик с патронами я оттащил, и в это время была команда: «Будем отступать, пацанов в первую очередь отправить в хозяйственной часть». Дело было уже к вечеру, пошел дождь, и мы со всем хозяйством по лесу отправились. Во время движения корова наступила на мину, произошел взрыв. Около суток мы ехали, затем остановились в одной деревне. Мой живот стал лучше, так как сразу после ранения его чем-то желтым намазали фельдшер, по видимому, йодом. Утром командир взвода вызывает меня и Лёню Верешкова и говорит: «Идите в деревню Пажоги и узнайте, есть ли там немцы, сколько их и какая техника». Идти нужно было 7 км. Мы сходили в эту деревню, немцев не было, пришли и доложили командиру. Потом поступила команда выезжать в другое место, и мы переехали в деревню Глазково Слободского района Смоленской области. В этой деревне простояли где-то до декабря. Несколько раз еще ходили в разведку. Но в бой не вступали, немцы не пошли на нас, несколько раз бомбили. Здесь уже находились регулярные войска, восстановился фронт по линии Слобода — Велиж и т.д. Было уже очень холодно, декабрь месяц, партизанский отряд расформировали, часть отправили опять за линию фронта, а я вместе с сестрой Евдокией отправился в Калининградскую область: деревня Мосягино Ильинского района, так как старшая сестра и несколько наших односельчан уехали в эту деревню при наступлении немцев на нашу местность. В деревне Мосягино мы прожили до октября 1943 года, а когда освободили нашу местность, мы вернулись домой. Оказалось, что 19 ноября 1942 года сожгли дядю и его трех дочерей в деревне Орлово Демидовского района, Смоленской области (звали дядю Эсартов Иван). 25 ноября 1942 года

второго дядю (брата матери), Иванюшина Агея, зарыли в земле живым с сыном и женой в деревне Скугрево. 7 декабря 1942 года расстреляли мать в деревне Ново-Диво Демидовского района, Смоленской области...

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Баков Денис Андреевич**, студент 3-го курса факультета ТЭС кафедры военного обучения МГСУ

**Гусев
Георгий
Сергеевич**

НА ШЕСТИ ФРОНТАХ!

Любознательный читатель может задать естественный вопрос о том, на каких же фронтах был этот ветеран. Отвечаю коротко: Центральный, Брянский, Калининский, 1-й и 2-й Прибалтийские и 3-й Белорусский!!! Если читателя интересуют именно эти участки нашего боевого фронта, то можно сразу читать дальше, ибо будет кое-что для него «новенькое». А если интересуют мирные «фронты», то сразу смотреть конец этой статьи. Однако начнем все по порядку.

Детство

Я родился 21 февраля 1924 года в городе Халтурине Вятской губернии (сейчас — Кировской области). Родился крепким и здоровым малышом. Казалось, что детство началось нормально. Однако уже через день началось то, что сейчас называют «нештатной ситуацией». Когда 23 февраля мой отец — Гусев Сергей Григорьевич — пришел в загс за моим свидетельством о рождении, тогда и начались сопровождающие всю мою жизнь «приключения», из-за которых получил название «Дед Щукарь». Дело в том, что на вопрос сотрудницы загса о том, как он хочет

назвать сына, был ясный ответ — «Юра». Но! Она ему сказала: «Вы отстали от жизни. Такое имя было у какого-то царя или князя! А в наше — Советское — время его заменили на «Георгий»! Так я и запишу в его свидетельстве!» И написала «Георгий». Так я стал «ДВУХ-ИМЕННЫЙ»: по документу одно имя, а родные и друзья называют просто Юра. Позже, в различных регионах меня называли: в Ленинграде — Геша, в Одессе — Жора, на Сахалине — Гоша, а в «СКВВ» — Егорушка! Откликаюсь на все эти ласкательно-уважительные имена, но если говорить честно, то больше люблю старое — вятское — Юра или одесское — Жора.

Скоро отца перевели в Котельнич Кировской области. Но и там прожили мало — после знаменитого пожара, уничтожившего почти весь город, переехали в Вятку. Так начались мои новые странствия по городам и весям страны, в ходе которых побывал аж в 248 населенных пунктах!

Вернемся в детство, которое проходило весьма «нестандартно». Яслей и садиков поблизости не было, воспитывался дома и на улице, которая учила не самому лучшему, но развивала смекалку, находчивость, смелость и ценила силу! С этими качествами я и был записан в ближайшую школу под названием «Вторая ФЗС» (Фабрично-заводская семилетка). Это была одна из худших школ города — с уличными порядками. Однако я там был совсем недолго, ибо «за тихие успехи и громкое поведение» был из нее исключен! И неизвестно, как бы сложилась моя жизнь, если бы не очередное в моей жизни «НО!». Тогда моя тетя — Попова Нина Николаевна — училась и была комсоргом в лучшей школе города и одной из лучших в Советском Союзе — «Образцовой средней школе № 9 имени Октябрьской революции»! Она пошла к директору школы и его убедила взять отличного племянника, но ужасного озорника в свою прекрасную школу — «на перевоспитание!». Так я оказался в классе, которым руководила исключительной Души Человек, с твердыми руками и ласковым Сердцем — Шкляева Лидия Георгиевна! Уже тогда она имела звание «Народный учитель СССР» и высшую советскую награду — орден Ленина! Результаты ее работы впечатляющие: уже 1-й класс я закончил без «троек», а 2-й, 3-й и 4-й — с «Похвальными грамотами»! Стал вполне добропорядочным школьником, за что ей сердечно благодарен! Так я закончил начальный период образования — с тремя «Похвальными грамотами»!

Сейчас придется «рас-ТРОИТЬ-ся», ибо события в семье были самыми непредсказуемыми, включающими ТРИ очень разных периода:

ПЕРВЫЙ — ДО ничем не обоснованного — внезапного — ночного АРЕСТА ОТЦА по печально-знаменитой «58-й статье УК СССР» — «контрреволюция»?!

По радио звучали всем нам приятные строчки: «Над страной весенний ветер веет! С каждым днем все радостнее жить!». И я, не зная многих реальных событий в нашей стране, верил всему этому! И причин сомневаться не было. Судите сами:

В нашей школе было настоящее «Созвездие» блестящих преподавателей! Литературу и русский язык вела Лобастова Дарья Михайловна — тоже «Народный учитель СССР» и кавалер ордена Ленина! На базе нашего класса проходили Всесоюзные семинары «язычников» — так мы называли преподавателей языка и литературы. Блестящий педагог Романовский Владимир Иванович был одним из оставшихся в живых основателей нашей уникальной школы — Афанасьева. Его уроки мы помним до сих пор! А то, что нам рассказывал и отлично показывал Степанов Аркадий Александрович, помогало во многих случаях сложной взрослой жизни! Преподаватель географии Иванов Петр Григорьевич был не только блестящим педагогом, но и виртуозом игры на балалайке. Да всех прекрасных преподавателей перечислить просто невозможно!

Учебу в 7-м классе начал успешно: «пятерки», реже «четверки»! НО! Опять у «Деда Щукаря» появляется уже ставшее привычным словечко — «НО!».

Внезапно ночью нашу квартиру посетили страшные всем «энкаведешники»! Они у нас перерыли абсолютно все! Сбросили меня с сундука, на котором спал. Тут упал мой пионерский галстук. Один из непрошенных «гостей» брезгливо поднял его, бросил в угол и заявил: «Что? Тоже под красным цветом прячешься? Ничего, сначала с большими гадами разберемся, а потом и вас, гаденышей, прикончим!». И отца увели! Так сразу я стал «ЧСИР» (Член Семьи Изменника Родины), то есть изгой общества!

ВТОРОЙ ПЕРИОД — во время **ВЫНУЖДЕННОГО ОТСУТСТВИЯ ОТЦА:**

В те годы еще не было «мобильных» телефонов, да простые только у очень больших начальников. Однако «сарафанное радио»

работало отлично! Потому следующий день начался с того, что некоторые из бывших «верных друзей» в ответ на протянутую руку заявляли: «С врагами народа не здороваюсь!» Здорово?!

Затем меня вызвал к себе директор школы и задал вопрос о том, думаю ли я подавать заявление о приеме в 8-й класс. Услышав твердое: «Да!», он заявил так: «Не получится, не примем! Грамотные враги народа не нужны! А 7-й класс я разрешу тебе закончить. Не из любви к врагам народа, а чтобы не портить себе привычный итог года: сколько детей принял в класс, столько и выпустил. Дороги в науку у тебя нет! Пойдешь ассенизатором, в лучшем случае — уборщиком мусора на какой-то базар. Все! Иди отсюда!».

Началась «веселая» жизнь изгоя общества. Маму могли взять на работу только прачкой — с ее-то ревматизмом. Стирать в теплой воде она еще могла, а полоскать в холодной не могла. Этим я занимался на «бельемойке» — в желобе ледяной воды. Хорошо еще, что сердобольные вятские женщины, увидев необычное (юношу в сугубо женском «подразделении») помогали мне полоскать. А по вечерам, вместо выполнения домашних заданий из школы, я нанялся переписчиком в краеведческом музее Вятки. Еще подрабатывал тем, что фотографировал на квартирах младенцев-грудничков, к которым «маститые» фотографы брезговали выезжать. За это меня сытно и хорошо кормили, а иногда давали несколько рублей. Так мы с мамой и жили долго. НО!!!

ТРЕТИЙ ПЕРИОД — на этот раз мое «НО» было приятным — ОТЦА ОТПУСТИЛИ ДОМОЙ!!!

Трибунал НКВД не нашел ничего по страшной 58-й статье! Выпустили отца на свободу! Его просто оправдали, но не реабилитировали, что еще много лет мешало мне нормально жить!

Чтобы все было ясно и логично, вернемся немного назад. Начнем с того, что с детства я люблю животных. Имел маленькую, но очень приятную собачку. Сам ловил силками, а потом держал в клетках и приручал доверчивых птичек: чижигов, чечетов, синичек и снегирей. Для овладения знаниями об уходе за ними записался в кружок юннатов прекрасного областного Дворца пионеров.

Там, на фотовыставке, увидел интересные эпизоды из жизни пернатых и ДОписался в фото-секцию. Там нам, детям из небогатых семей, дали возможность освоить съемку на таких аппаратах, как «фотокор», «турист» и даже на новейшей камере —

«ФЭД»! На нем сделал такие удачные снимки, что получил приз на очередной фотовыставке!

Параллельно с Дворцом пионеров занимался в «ДТС» (Детской технической станции), где освоил управление мотоциклом и готовился к комсомольско-молодежному мотопробегу: Киров — Москва — Киров. Опять «НО» — помешало начало Отечественной войны!

Это — личные увлечения. А какова роль отца, вернувшегося домой, в моем становлении, как Гражданина страны — ее труженика и будущего защитника? Эта роль огромна! Он научил меня пользоваться столярным и слесарным инструментом; весной смолить и красить лодку, затем отлично управлять ею — даже в ледоход; пригласил к охоте и рыбалке, а из улова научил варить отличную уху — «тройчатку»! Отец приучил меня к точности и аккуратности не только в делах, но и в словах! Все это мне очень помогало в жизни, как говорится, «до седых волос», а также в воспитании моих детей, давно ставших хорошими родителями! Но пора вернуться к детству.

После того, как я с отцом побывал на воздушном параде в знаменитом Тушино, всерьез увлекся авиацией. Вначале — простейшие авиамодели. Затем достал книгу американского писателя Ассена Джорданова «Ваши крылья» и серьезно изучил ее.

Освоив азы большой авиации, я устремился туда. Вначале, при содействии райсовета «Осоавиахима», создал в родной школе кружок парашютистов. Там первичную подготовку прошло около 30 учеников старших классов. Инструктор обещал, что меня, как отличника, автоматически переведет в парашютное отделение областного аэроклуба — для прыжков уже не с вышки, а с самолета! И опять это «НО!». Он забыл о своем обещании и исчез из школы. Тогда я (до сих пор не признающий деления на «господ» и «рабов») пошел прямо к начальнику аэроклуба. Он внимательно выслушал меня, понял, что я хорошо знаю книгу «Ваши крылья», и предложил стать сразу «учлетом», т.е. курсантом планерного отделения. Я с удовольствием согласился!

Пришел, когда основная часть группы уже закончила первый этап обучения, так называемые «Пробежки», где курсант должен лишь выдержать направление будущего взлета. Догнал всех, многих обогнал и одним из первых вышел на завершающий этап обучения — «полеты»! Успешно закончил его и стал «Первым курсантом»! Опять «НО!». В день экзаменационных полетов

был шквалистый ветер, а рядом проезжала машина с курсантами летного отделения — нашей мечтой! И тут я решил показать, что и мы «не лыком шиты!». Но слишком взял «штурвал» на себя, и планер «завис». Ясно, что результат был печальный: поломка шасси и «двойка» за эту посадку! Я не захотел получать «ущербный» аттестат и перестал ходить в любимый аэроклуб, как скоро выяснилось, очень зря, сейчас объясню почему.

Однажды в городе совсем случайно я встретил нашего уважаемого инструктора полетов — БАРАНОВА (будущего Героя Советского Союза!). Он явно обрадовался этой встрече и тут же удивил меня, причем аж дважды.

Во-первых, та случайная «двойка», причем в сложных метеоусловиях, в зачет мне не пошла и выписан аттестат: «Пилот-планерист отличник»!

Во-вторых, меня, как отличника, рекомендуют в качестве «инструктора первоначального обучения планеризму» на один из крупнейших тогда в Союзе комбинат «Искож»!!!

Понятно, что нос школьника, допущенного обучать взрослых рабочих, вырос, как говорят, до небес! И опять «НО!» — началась Отечественная война, аэроклуб закрыли.

Сделаем с «Большой» авиацией маленькую паузу, тем более что она (пауза) очень сильно повлияла на мою дальнейшую судьбу! А речь пойдет вот о чем.

Начитавшись об огромных боевых успехах Суворова, я всячески готовил себя к военной службе. Спал на голом сундуке; обливался холодной водой; вместо подушки имел три «полуполенья»; совершал пешие, водные и лыжные путешествия на многие километры; учился метко стрелять и даже «джигитовать»! Широкий спектр интересов молодого школьника помогал мне в жизни неоднократно!

Сначала в любимой школе создал секцию «Ворошиловских стрелков» (изучили винтовку, ручной пулемет Дегтярева, станковый пулемет «Максим»). В это время профсоюз за отличную работу отца (после тюрьмы!) наградил его прекрасным зарубежным ружьем «Зауэр». НО! Управляющий решил, что простому бухгалтеру это будет «слишком жирно» и забрал ружье себе. А отцу вручил обычную одностволку «Иж-5». С ней я и стал выходить на охоту, обычно имея 1-2, редко 3 заряженных патрона (жили мы бедно!). Однако без добычи домой не возвращался, так как с помощью отца научился метко стрелять.

Случайно узнал о соревнованиях «стендовиков» — стрелков по пластмассовым тарелочкам — в «Заречном» парке. Пошел посмотреть, как богатенькие дяденьки, вооруженные моднейшими «маузерами» и «зауэрами», соревнуются друг с другом. Один из них, решив посмеяться над «недорослем», дал мне своих 10 патронов. Я сразу разбил аж 8 тарелочек. «Корифеев» это задело, и на второе, более сложное упражнение, мне дали еще 10 патронов. Тут уже я, к всеобщему удивлению, разбил все 10 тарелочек!!! Председатель областного Союза охотников решил, что такая смена «старикам» ему очень пригодится! И записал меня в (тогда еще не существовавшую!) «Секцию молодых Кировских охотников», ясно, что под № 1 — это было очень приятно!

Несколько позже, с помощью соседней (подшефной) части создал совершенно необычный кружок «Ворошиловские всадники»!

Вскоре, после призыва ЦК ВЛКСМ — «Комсомолец — на лыжи!», добился того, что мой будущий «фронтовой» класс весь встал на лыжи. К весне 1941 года все 42 одноклассника сдали нормы «ГТО СССР»!

Еще одна сторона жизни «Деда Щукаря» — настоящая работа. В семье не хватало денег, и в «неурочное» время пришлось подрабатывать. Так, в каникулы 1939 года я ездил на «дорожные исследования», сначала в качестве «старшего рабочего» (что-то вроде «десятника»). Там самостоятельно, без училищ и курсов, освоил специальность «техник-нивелировщик». В каникулы следующего 1940 года ездил уже в этой должности, зарабатывая неплохие деньги для семьи. А в каникулы 1941 года (до опасности налетов на Москву!) был уже «старшим техником-нивелировщиком» — участвовал в проектировании важной оборонной трассы! НО! Узнав о бомбежке Москвы, подал заявление об увольнении: «В связи с подачей заявления о досрочном призыве в ряды РККА СССР!».

Понятно, что это первое заявление (от несовершеннолетнего юноши) принято от меня не было. Но я продолжал «бомбить» райкомы комсомола и райвоенкоматы, как по месту жительства, так и возле школы своими заявлениями. При этом аргументированно ссылался на то, что я — «Ворошиловский стрелок», «Ворошиловский пулеметчик», мотоциклист, парашютист и планирист, т.е. готовый боец Красной Армии! Меня всегда внимательно выслушивали, откровенно благодарили за патриотизм.

НО! Возвращали в школу с таким «напутствием»: «Ты еще молод! Пусть пока воюют более опытные бойцы. А ты учись, набирайся ума, ибо враг наш силен и коварен!». Однако положение на фронтах становилось хуже: враг уже рвался к Москве. И вот тогда — 17 ноября 1941 года — я был принят добровольцем в ряды нашей славной РККА СССР!!!

До начала описания военной службы есть небольшое, но очень важное для меня «лирическое отступление»: утром 16 ноября мне официально сообщили, что завтра я уеду в ряды Красной Армии. Я решил на проводы собрать самых близких людей и, конечно, Любочку! Она — Любочка ВОРОНИНА — пришла к нам в начале 8-го класса. Очень скоро я почувствовал к ней симпатию, со временем превратившуюся в настоящую, глубокую любовь! Но в те годы было «неприлично» выказывать свои чувства публично. И я молчал, хотя очень хотел чисто человеческого (а не модного сейчас у молодежи сексуального) сближения с ней. Всячески помогал на «физических» и «химических» работах в классе. Провожал за город — в жилотдел «КУТШО» и в кино. Так было достаточно долго, чтобы она могла понять чистоту моих намерений!

Отец проводить меня не мог, ибо уже воевал, защищая Москву. А мама, узнав точный срок отъезда в армию, сказала, что перед уходом на фронт на Руси полагается выпить. «Но вы еще младенцы, потому на всех шестерых верных друзей я куплю только 2 бутылки пива!». Собрались на нашей квартире, попели любимые школьные песни, пожелали мне вернуться с победой и расстались. До отправки эшелона оставалось несколько часов. НО! Я все же пошел провожать Любочку за город до дома. И тут совершил одну из самых непоправимых ошибок, точнее не одну, а сразу три.

Во-первых, не решился честно и откровенно признаться, что я ее очень люблю!!!

Во-вторых, так и не осмелился поцеловать ее перед отъездом на фронт!!!

В-третьих, так и не обнял ее, что очень плохо скажется на моем будущем создании семьи! ДА! Я НАШЕЛ ЕЕ, НО: только через 54 года после разлуки, когда мы оба уже имели детей и внуков, а ведь «назад дороги нет!». Жаль!

Думаю, что про период «Детство-отрочество-юность» достаточно. Пойдем дальше.

Армейская служба

Началась 17 ноября 1941 года в 1-м взводе 1-й роты 1-го батальона ЯВШАМ (Яновской военной школы авиационных механиков), эвакуированной с Украины в город Котельнич Кировской области.

Учеба давалась легко, так как остались знания, приобретенные ранее, о чем я написал весьма подробно. Вскоре вышел в «круглые отличники» и сохранял это звание до выпуска из школы! Сначала помогал рядовым курсантам, а потом стал «нянькой» довольно тупого старшины роты. За эту помощь он начал меня посылать в очередные «наряды по службе» НЕ на тяжелые и морозные работы, а «дежурным по кухне», что в голодные годы считалось большой удачей, потому что тепло и сытно. Тогда мне казалось, что все идет хорошо. НО! Ведь я — «Дед Щукарь», потому что скоро было очередное «НО»!

Однажды ночью я был сброшен с нар, и увидел двух курсантов с винтовками, направленными на меня! Услышал приказ командира взвода: «Встать! Быстро одеться и в СМЕРШ!» (так называлась организация «Смерть шпионам» — это НКВД в армии).

Оказалось, что накануне дезертировал курсант с винтовкой, но без патронов, т.е. безопасной. Правда, он служил совсем в другом подразделении, но родился в том же районе, что и я. А его отец, как и мой, когда-то был взят по страшной 58-й статье. Ход мысли офицера СМЕРШа был такой: «Сначала один вражий сын похитил винтовку, затем второй — патроны, вот и готова фашистская парочка».

Привели меня под конвоем в домик этой организации. Сразу, при входе, услышал приказ: «Стоять смирно! Руки вверх! Сознавайся, где и когда украл 5 боевых патронов! Признавайся, иначе я сразу пристрелю тебя — фашистскую собаку!». Понятно, что это была не демагогия, ибо он перевел свой «ТТ» в боевое положение! Мне предстоял не «киношный», а реальный расстрел!!! Это был первый, но, как я покажу позже, не последний мой расстрел! Никому такого не пожелаю!!!

В это время в комнату буквально «ворвался» уважаемый всеми комиссар училища. Он встал между мной, «палачом» и голосом, не допускающим никаких возражений, приказал:

«Уберите пистолет и больше с ним не «играйте»! Я полностью доверяю курсанту Гусеву и сейчас уведу его с собой, чтобы разобратся в этом недоразумении!».

«Палач» заявил: «Здесь хозяин я — представитель главного карающего врагов народа органа — НКВД!».

Но комиссар ответил: «А я — посланец руководящей в стране партии Ленина-Сталина, партии большевиков! И окончательное решение приму только я! А его утвердит или отвергнет решение трибунала. Завтра утром состоится его заседание. Если курсант Гусев будет призван виновным, то его публично, перед всем строем, расстреляют! А пока он невиновный, и я уведу его с собой!».

Так я вернулся в казарму — вдвоем с комиссаром, уже без конвоя.

Там он вызвал всех, кто вечером одновременно собирался в углу, возле сейфа с боеприпасами. Увидел, что под тяжестью людей пол прогнулся, и он сразу приказал: «Вскрыть пол!». Оказалось, что пропавшая обойма (это 5 патронов) спокойно лежит на земле. Так я был полностью реабилитирован!

Что я тогда пережил, может понять только тот, кто видел перед собой оружие, из которого тебя сейчас убьют! А ведь я тогда был еще несовершеннолетним!!!

Дальше учеба продолжалась нормально. По итогам госэкзаменов я получил звание сержант — два красных треугольника в петлицах на воротнике — и был направлен для продолжения дальнейшей службы в Приволжский военный округ.

Затем меня направили в 658 ШАП (штурмовой авиационный полк) и, как отличника, назначили механиком самолета командира 1-й АЭ (авиационной эскадрильи) капитана ЗИМИНА. Ой, что это была за служба — страшно вспомнить!

Когда я прибыл в полк, самолетов еще не было, и мы выполняли хозяйственные работы на аэродроме. И боевого расчета полка тоже еще не было. Все мы — новички («салаги», «зеленые») были равны в работах. И вот однажды, возвращаясь в казарму, я встретил группу «старичков» полка, которые обрадовали меня новостью: «Ты будешь механиком Зимины!» При этом добавили: «Собирайся в штрафбат, куда этот «зверь» уже загнал двух твоих предшественников. Или сразу на тот свет, а то он одного механика уже пытался расстрелять!». Для кого-то это могло показаться шуткой. Но я уже недавно побывал под угро-

зой расстрела и сразу понял, в руки какого опасного человека снова попал! Ой-ой-ой!!!

Это был опытнейший ас, воевавший уже в Испании, на Халхин-Голе и в Финляндии, как говорится, «вся грудь в орденках»! Но он уже дважды горел в самолете, панически боялся третьего пожара (по его мнению — смертельного) и придирался к каждой мелочи, даже к капельке дождя на лобовом бронестекле.

Вскоре, кстати, 21 февраля (а «магические» цифры «21» и «17» сопровождают почти все важные события моей жизни) построили полк, зачитали приказ с боевым расчетом и распустили строй, чтобы командиры экипажей познакомились со своими подчиненными. Так поступило большинство офицеров-летчиков. Но знаменитый Зимин не «снизошел» до разговора с «черной костью», а ушел с аэродрома.

Кстати, очень важно вспомнить, что инженером полка был умнейший человек — подполковник КАБАЛИН, который вырос до генерала и стал преподавать в Военно-воздушной академии им. Жуковского! Он отлично знал особенности характера каждого летчика. И он взял надо мной неофициальное, нигде не афишированное, но явно ощутимое «шефство», за что я ему до сих пор благодарен!!!

Первая стычка с Зиминим произошла очень скоро — во время учебных полетов в районе аэродрома. Вдруг по «ГГС» (громкоговорящая связь) сообщили: «Зимин сделал вынужденную посадку возле села Ж! Требуется срочная помощь!».

За штурвал «У-2» (так тогда называли позже знаменитый самолет «По-2») сел сам Кабалин, а в другую — я, с полным набором инструментов для любого ремонта. Сели рядом с моим самолетом, и я услышал первую (но не последнюю!) угрозу от Зимина: «До тебя меня два механика пытались угробить, но они уже давно в штрафбате! И тебя загоню туда же!». НО!

Но самолет был исправлен, мотор работал отлично, ко мне никаких претензий нет! А отказал лишь «третьестепенный приборчик (вина не моя, а прибористов!)», без которого можно лететь, как любил говорить Чкалов, «Вокруг шарика!». Но ведь у меня был не славный Чкалов, а описанный выше Зимин.

Не будем вспоминать всю多月месячную нервотрепку от него. Однако, один — уже боевой — эпизод вспомнить явно необходимо.

Предстоял боевой вылет на прекрасно обороняемый с земли — зенитками, а с воздуха — «мессершмиттами», важный объект врага. Зимин поступал аж дважды (мягко говоря) очень непорядочно! Однако ему приказали лететь. И вот прошло время, на которое обычно хватает горючего. Но ни прикрывавших нас истребителей, ни самих штурмовиков мы не видели. Решили, что обе группы уничтожены в воздухе. Загрустили! НО!

Вдруг послышался знакомый звук мотора. Кабалин сказал: «Гусев! Иди встречать! Мог прилететь только такой ас, как твой Зимин!». Это была чистая правда!

Вернулась моя любимая «десятка» — «За Родину!». НО! Одна из всех взлетевших! Самолет шел криво, чуть не боком. Едва коснулся земли, как шасси подломились, и он «на пузе» чуть не врезался в огромные сосны, окружавшие аэродром. Стрелок — убит, Зимин — ранен, а самолет превращен в «решето»! Зими́на — в санбат, а меня — сдавать эту «развалину» так называемой «трофейной» команде, что заняло почти две недели! И Зимин много дней не хотел летать. Он заявлял: «Я доверяю свой самолет только Гусеву!». Командиру полка пришлось напомнить ему, что здесь война, но не детский сад! И если боевой летчик будет «капризничать», то его отправят туда, куда он уже отправил двух механиков и грозился послать Гусева. Только после этого Зимин снова стал летать, однако потребовал, чтобы его новый самолет готовил «только лучший друг моего Гусева!».

Вот какие истории бывают в авиации! Недаром при рассказе о чем-то маловероятном скептики спрашивают: «А разве так бывает?». И в ответ слышат от опытных воинов: «В авиации бывает, ВВС — страна чудес!».

Сейчас немного «лирики»

Обычно летчиков сразу награждали орденами, а нам, «технарям», доставалась лишь медаль «За боевые заслуги», да и та не сразу и далеко не всем. А я тогда сразу был представлен к ордену Красной Звезды. Почетно! НО! Полк внезапно передали в «Войско Польское», а меня после санбата перевели в другой полк, чему я был очень рад, избавившись от ужасного Зими́на! НО! Оставшись без ордена.

Новый боевой полк. Скоро — 21 мая 1944 года — я прибыл в 766 ШАП 211 ШАД (штурмовой авиационной дивизии) 3-й воздушной армии. До сих пор с удовольствием я вспоминаю этот прекрасный боевой коллектив! НО! Все, как у «Деда Щукаря».

Началось с того, что командование полка получило меня как «кота в мешке», ибо у новичка к лету 1944 года нет не только медалей, но и «Боевой характеристики», да взять ее негде, так как предыдущий полк уже в другом государстве! Как быть?

Решили, что сразу доверять самолет этому «коту» нельзя. И для начала назначили мотористом (это младшая у технарей должность) на самолет будущего героя Советского Союза Анатолия ПАНОВА! Однако скоро выяснили, что я знаю всю матчасть значительно лучше, чем сегодняшний механик, и нас «поменяли местами». У меня стал опытный командир, ас, притом весельчак — любимец всего полка, а у него — такой опытный механик, что завоевал авторитет даже у Зимина! Оба вполне довольны!

Вскоре доказал начальству, что «не лыком шит!». На одном из полевых аэродромов шли интенсивные боевые вылеты. Моторы надо часто менять. Но всего один автокран, что замедляло работу. И я предложил «ССК» (Самодельный Самоходный Кран!). Его суть: «шарнирно» связывают 3 верхушки деревьев, там крепят «Таль» (простейшее устройство для подъема тяжестей); механики передвигают одну за другой все три «ноги» к самолету и поднимают мотор. Самолет откатывают, на его место подъезжает автомашина с новым мотором, и все в обратном порядке. Просто и быстро! НО! Еще неясно, насколько безопасно! Расчеты сделал инженер полка. Он же все испытал на моем самолете. Результат: сократились сроки подготовки самолетов, т.е. повысилась боеготовность полка, а я получил первую фронтową медаль «За боевые заслуги». Конечно, это еще не «Золотая звезда», однако, приятно!

Вскоре мы почувствовали, что приближается какая-то крупная операция, а самолетов в полку было мало. И тут нам пришла помощь... с Украины! Жители Краснодона, узнав о высоких наградах своей «Молодой гвардии», отдали все ценное на постройку эскадрильи «Герои Краснодона» на самолетах «Ил-2». Эти подарки направили в лучшую тогда 3-ю воздушную армию; она — в лучшую 211-ю ШАД; та — в лучший из боевых пол-

ков — 766 ШАП, а затем — в лучшую эскадрилью — нашу 1-ю АЭ. А вскоре к нам прибыли и молодые летчики. Прекрасно!

Командование решило: самым «зеленым» дать самых опытных механиков. Моим новым командиром стал юный «Саша» — Александр Васильевич КОНЮХОВ, а у него самолет «Герои Краснодона» опять с моим «магическим» номером «17»! Важно вспомнить, что это ЕДИНСТВЕННЫЙ из подаренных самолетов, который «прожил» от начала операции «Багратион» до самого дня Победы, и совершил аж 162 боевых вылета, в том числе ТРИ ПОСЛЕДНИХ 8 МАЯ 1945 ГОДА!!!

Нельзя не сказать и о действиях, совершенно не типичных для «чисто земного» специалиста-авиамеханика. Их долго готовили, берегли и не посылали на боевые вылеты. Старались, чтобы тайно не улетел, желая «понюхать запах боя». Однако бывало, что стрелок убит или ранен, а отпускать своего командира без «прикрытия хвоста» (когда «фриц» подходит вплотную и расстреливает самолет) явно не хочется! Тогда механик садится в кабину стрелка. Это было очень редко, но запомнилось «На всю оставшуюся жизнь»! Но об этом позже, в разделе: «Фронтные эпизоды».

А сейчас о необычном для 766 ШАП проведении 9 мая 1945 года, очень необычном. Проклятая война кончилась! Победа!! ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА!!! Весь народ ликовал и праздновал! Наш полк тоже. И вдруг, в самый разгар очень бурного веселья, услышали приказ: «Боевая тревога! Всем по самолетам!». Оказалось, что под Кенигсбергом из каких-то болот якобы вылезла фашистская группировка! Нам приказали из «Земландии» срочно вылететь туда, чтобы ликвидировать ее. Перелетели! НО! Был уже вечер, и боевые вылеты перенесли на следующее утро. А утром 10 мая сообщили, что наземные войска сами справились. И мы уже во второй раз праздновали Победу, что я и делаю ежегодно до сих пор!!!

Воспоминания о войне

Юмористическое (на Центральном фронте).

Мы, еще необстрелянные молодые бойцы, варили на костре картошку. Услышали с запада гул моторов и, еще не умея по звуку отличить своих от чужих, залили костер и вдали залегли.

НО! Увидели, что на крыльях родные звезды! Ужин был испорчен, однако появились нужные на войне знания, а это уже отлично!

Лирическое (на Брянском фронте).

Этот рассказ — исправление ошибки, допущенной Чечельницким в его книге «Летчики на войне». Автор правильно описывает НАЧАЛО боя нашей эскадрильи на стр. 161. НО! Окончание совсем другое.

От нашего бомбового удара на земле произошел сильный взрыв, от которого Володю Курочкина выбросило из кабины, парашют зацепился за кроны деревьев, и Володя повис над землей. Это увидели партизаны, спасли Володю и увезли в свою лесную стоянку, НО! Долго не имели связи с большой землей и в полку его считали героически погибшим. А конец истории с ним был совсем другой — отличный.

Однажды возле нашего «КП» (командного пункта) приземлился «соседский» «У-2», а из него вышел... наш Володя! Это увидела одна из прекрасных девушек нашего полка — Ольга Ревина! Она подбежала, крепко обняла и поцеловала якобы «заживо сгоревшего». А он, вместо доклада о возвращении в полк, сказал командиру: «Товарищ майор! Разрешите нам... пожениться!». Вот какие случаи бывают на войне!

Сугубо боевое (уже в Восточной Пруссии).

Из материалов ЦАМО: «20.04.45г. группа из 12 самолетов 766 ШАП выполняла задачу: нанести удар по войскам и технике противника, а р-не Нойхойзер-ПИЛЛАУ, прикрытом 3-мя батареями ЗА и двумя батареями МЗА. Группа шла без прикрытия».

Мои воспоминания: наше звено шло замыкающим в строю «Левый пеленг»: с-т № 41 Ахметгалиев — Пигушкин; № 16 — Тюрин — Ракк; № 17 — «Герои Краснодона» Вяземский — Гусев; № 18 — Камуз — Суранов. Нашу группу слева сверху атаковала пара «ФВ-190». Ведомый «фриц» успел убить сержанта Суранова, но отвалил в облако от огня с моего самолета. Тогда ведущий «фриц» начал атаковать меня, но был сбит огнем Володи Ракк! Группа успешно выполнила боевую задачу!

Уже «дома» Володя спросил меня: «Как же ты, Юра, зевнул, когда «фриц», испугавшись твоего огня, отвалил в облака? Ты же видел его проклятые кресты на плоскостях! Надо было дать нам по ним «крестик» из своего пулемета, и получил бы себе «крестик» в виде ордена Славы!» — «Я — наземный механик, а

не воздушный стрелок — боевого опыта у меня мало!» Он обнял меня и сказал: «Все равно ты молодец — отогнал проклятого хищника!» И подарил свой портрет с надписью: «Боевому товарищу Юре Гусеву от воздушного стрелка Володи Ракк! Апрель 1945г. Восточная Пруссия».

Вероятно, и архивных данных и личных воспоминаний достаточно, чтобы ясно представить, КАК проходил боевой путь «НА ШЕСТИ ФРОНТАХ» у автора этого материала. Сейчас пора бы перейти к послевоенной жизни, где тоже было ШЕСТЬ ФРОНТОВ, совсем мирных, однако тоже весьма напряженных. Однако хочется привести то стихотворение, которое я оставил своим боевым товарищам. Это не Пушкин, но от всей души!!!

МОЙ ПОЛК

В суровые дни сорок первого года
Мы начали полк свой в Крыму создавать:
Сюда приходил и механик с завода,
И летчик, едва научившись летать!

В те дни поражений мы скоро узнали,
Что прежде чем нам в наступленье пойти,
Должны мы учиться, как требовал Ленин,
И техникой нашей врага превзойти!

В Крыму мы немало друзей потеряли —
Отважных и смелых страны сыновей.
Но силы тогда мы на штурм накопляли,
На штурм ненавистных фашистов-зверей!

И наши друзья погибали не даром
За честь и свободу родимой земли:
На опыте этом, стократным ударом,
Товарищи их в наступленье пошли!

Теперь позади Духовщина и Полоцк,
Смоленск, Шауляй, Кенигсберг позади!
Два ордена Знамя полка украшают,
И много сияет у нас на груди!

Окончена битва, фашисты разбиты!
Страна переходит на мирную жизнь!
НО! Если опять нас затронут бандиты,
Мы встанем — родную страну защитить!

Нам Сталин укажет дороги Победы!
Под Знамя свое нас опять соберет!
Теперь же учиться, как требовал Ленин!
Вперед, на вершины науки, вперед!

*Вост. Пруссия, аэродром «Зидлунг»
02.08.1945 года.*

Жизнь после Победы

«ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ?» — думали многие. НО! У меня уже не было такого вопроса. Уже давно я решил, что сразу после Победы воспользуюсь давно высказанным Кабалиным предложением: «Учиться в Академии им. Жуковского!». Написал рапорт. Получил согласие и блестящую характеристику! А также очень теплые надписи на фотокарточках, подаренных мне командиром полка ПЕТРОВЫМ, командирами эскадрилий, летавших на моем «Семнадцатом» — Героями Советского Союза ЕРМИЛОВЫМ и ПАНОВЫМ, моим любимым командиром экипажа — КОНЮХОВЫМ — и его воздушным стрелком — ГАНЦЕВСКИМ, о котором подробно расскажу отдельно. С таким богатым «багажом» я бодро отправился в Москву, провожаемый теплыми пожеланиями! НО!

Но там выяснилось, что после Победы слушателями академии могут быть только офицеры. Ой-ой-ой!!! Возвращаться даже в любимый полк не с победой, а с отказом не хотелось, и я попросил направление в какую-то другую часть. Оказалось, что у штурмовиков «вакансий» нет! И меня направили в истребительную авиацию, совсем мне незнакомую. НО! Приказ есть приказ, и я стал «истребителем»!

Так, в августе 1945 года я попал в 163 ИАП (истребительный авиационный полк), летавший на новейших самолетах «Як-9» («Д», «Т» и «У»). Пришлось на ходу переучиваться работать на

незнакомой технике, причем без училищ, школ и даже курсов, а совершенно самостоятельно. Кто знает технику вообще, меня поймет!

Понятно, что человека, пришедшего в полк с тремя боевыми наградами и прекрасной характеристикой, назначили механиком самолета командира первой эскадрильи — капитана ГОМОРА. С ним быстро нашли «общий язык». Однако на самолетах его «ведомых» были очень молодые и неопытные механики, и мне пришлось, по сути дела, обеспечивать безаварийные полеты всего первого звена. Получилось! Нормально! Однако сыграло со мной «злую шутку». Когда я начал писать рапорты на учебу, от начальства реакция была одинаковой: «Не можем отпустить до тех пор, пока не подготовишь себе достойную замену!». А на это уходят долгие месяцы. И я продолжал «тянуть лямку» механика всего 1-го звена! Помогло хорошее «НО».

НО! Инспектировать наше соединение прилетел уважаемый во всем СССР, Командующий дальней авиацией Главный маршал авиации ГОЛОВАНОВ! Он собрал нас всех не в формальном зале, а прямо на аэродроме, возле наших самолетов. Чтобы узнать не формальные доклады, а реальные заботы и нужды будущих исполнителей сложных боевых задач, он приказал всем начальникам (от командира эскадрильи и выше) отойти от места встречи «на почтительное расстояние». Так началась беседа.

Сначала речь шла о чисто боевых вопросах. Затем — о материально-технических. А «под занавес» разрешил задавать сугубо личные вопросы. И тогда я задал ему свой: «Когда меня, наконец, отпустят на учебу?». Он вызвал командира полка и предложил дать на меня «всестороннюю и объективную характеристику». Получил упомянутый выше ответ о подготовке мной замены на равноценного. Тогда Голованов сказал, что готовить молодых обязаны штатные инженеры и техники. «А вот опытного фронтового механика Вам необходимо рекомендовать на учебу, чтобы вырастить из него инженера!». Так моя судьба была решена, и вскоре направили в Ригу.

Там, с 01.09.1947 года, я стал курсантом 1-го отделения 1-го взвода 1-й роты 1-го батальона весьма престижного в те годы РВПУ — «Рижского Военно-политического училища» ВВС ВС СССР!

Учиться для меня было невероятно сложно. Самая современная боевая техника и приборы. Свежие знания у тех, кто

пришел из школы, имея, как правило, медали или аттестаты отличников! А что у курсанта Гусева? Мизер! Нормально учился только 6 лет. Седьмой — тогда профилирующий — класс пропустил из-за печальных событий с отцом. В 8-м догонял сверстников за 7-й; в 9-м догонял за 8-й, а в самом начале 10-го я ушел добровольцем на защиту Родины! С такими явно небогатыми знаниями наук учиться было очень тяжело. А я с детства привык быть первым — образцом для других. И тянулся изо всех сил. Добился, стал круглым отличником! И в моем выпускном аттестате, как и во вкладыше о штурманском образовании офицера ВВС СССР, нет ни одной «четверки». НИ ОДНОЙ!!!

При распределении выпускников было так: «середнячки» остались служить в спокойной при нападении врага центральной России, а нас — отличников — направили на укрепление границ — в ЗГВ или на Дальний Восток. Так я оказался на Сахалине!

Как обычно бывает у «Деда Щукаря», все началось весьма нестандартно.

Сначала меня, прибывшего в новейшей форме офицера «Сталинской авиации», то есть весьма элегантно, водили, «как слона напоказ», по штабу армии, разглядывая очень красивую, но необычную для Дальнего Востока форму одежды. Потом оказалось, что человек, от которого зависело мое назначение (т. е. начальник отдела кадров политотдела армии), в командировке. И я сразу попал к начальнику отдела кадров всей той воздушной армии, который уже детально изучил мое «личное дело». Он решил, что человека с такими характеристиками лучше оставить поближе к себе. Он предложил мне должность «порученца» при командующем. Мотивировал так: «Жизнь — не на дикой Чукотке, а в областном центре. Служба — рядом с высоким начальством, значит — авторитет в войсках. Возможность быстрого роста в звании и направления на учебу в академию! Об этом может только мечтать молодой офицер!» Решил, что этого хватит, и ждал моего согласия. НО! Получил решительный отказ с такой мотивировкой: «Я честно воевал и старательно учился для того, чтобы боевой опыт и знания передавать другим, а не выполнять «холуйские» обязанности у высокого начальства. Потому прошу направить меня в любой гарнизон, где я могу быть полезен для дальнейшего укрепления Вооруженных Сил России. Трудностей и опасностей не боюсь, повидал всего нема-

ло!». Он очень удивился, предложил мне вернуться в гостиницу и основательно («Вместе с женой, которая, вероятно, лучше оценит преимущества моего предложения!») обдумать то, что он сказал. В таких беседах прошло несколько дней, когда оба твердо стояли на своем.

Наконец вернулся тот, от которого зависела моя судьба и которому я искренне благодарен за многолетнюю поддержку в военной службе! Он сказал мне так:

— Личное дело, начиная с 1941 года, детально изучил. Потому предлагаю должность инструктора марксистско-ленинского образования в гарнизонном Доме офицеров города Шахтерск.

Я очень удивился и сказал примерно так:

— Как я, молодой лейтенант, окажусь на подполковничьей должности и буду обучать людей старше меня по званию — старших лейтенантов и капитанов?

— Нет, — сказал он, — обучать нужно будет руководителей семинаров, т.е. майоров и подполковников, а те — капитанов и лейтенантов!

Затем диалог шел примерно так:

— С такими серьезными обязанностями мне на первых порах будет справляться очень трудно. А вы через пару месяцев приедете проверять, найдете ошибки и уволите меня из армии как не справившегося!

— Нет! — сказал он. — Первую проверку нового сотрудника мы проводим не ранее, чем через полгода работы в новой должности. И не для того, чтобы его снять, а чтобы указать на ошибки и способы их устранения. Потом полгода еще не трогаем. И не раньше, чем через год, могут быть какие-то «кадровые передвижки». Иначе зачем ставить человека на эту должность? Это ты, Гусев, понял?

— Да! Это я понял!»

— Сейчас веришь мне?

— Да, сейчас верю!

— Согласен с предлагаемым назначением?

— Да, сейчас согласен!

— Молодец! Желаю удачи и советую, если потребуются помощь, не стеснясь, звони мне прямо в кабинет, а то у нас новичков иногда зажимают»!

И я уехал в далекий Шахтерск.

Ничего интересного для читателей в том гарнизоне у меня не произошло, конечно, если не считать рождение первенца — дочки Олюшки, о чем напишу позже, в разделе «Дела семейные», если он интересен современному поколению.

Однако без сюрпризов моя жизнь не бывает. Подошло очередное сокращение Вооруженных Сил. Опять помог, если так можно выразиться в армии, «мой добрый фей». Он позвонил мне и сказал, что человека, получившего очередное звание и медаль «За безупречную службу» увольнять в запас нельзя. Но и продвигать «наверх», на полковничью должность тоже нельзя. А равных должностей нет. Однако, в новом полку, переучивающемся сейчас на новейшую реактивную матчасть — бомбардировщики «Ил-28», есть «майорская» должность пропагандиста. Узнав о новейшей матчасти, я тотчас согласился, да и «майорская» должность для старшего лейтенанта — это тоже совсем неплохо! Так я оказался в небольшом гарнизончике «Зональное».

Полк прекрасный, взаимоотношения отличные, и принят мой рапорт о желании поступить в самый престижный тогда из гуманитарных вузов «ВВПИ им. Калинина»! Все прямо как в сказке. НО! Опять это проклятое «НО!». Тут дело в том, что при продвижении туда испытал трудности на двух конкурсных экзаменах. Сначала на «предварительных» — на Сахалине, где было 7 человек на место. Затем в г. Ворошилов-Уссурийск, на «отборочных», где уже 11 человек на 1 место! Ого! Однако выдержал этот марафон и поехал в Ленинград! Там с 01.09.1954 года стал слушателем Высшего военно-педагогического института имени Калинина. Прекрасно!

Было ли там что-то интересное для исследователей истории страны? Да, было, притом явно немало, а конкретнее вот что.

Во-первых, мы учились вначале в смешанных группах из всех родов войск (пехота и танкисты, подводники и авиаторы). Это не позволяло руководству института дать нам высокую профессиональную подготовку для привычных родов войск, откуда мы пришли и куда должны были уйти для укрепления обороны страны.

Я подсчитал реальное количество преподавателей и слушателей по каждому роду войск и понял, что учебные группы легко перестроить, ни на копейку не увеличивая расходы государства, не вводя новых и не сокращая ни одной преподавательской должности, то есть без финансовых и кадровых изменений — это важно!

Вскоре с инспекцией от Главного Политического Управления Вооруженных Сил к нам приехал «очень большой» генерал. Я добился приема у него, все математически обосновал, получил благодарность за свои предложения! И вскоре институт был «преобразован» для углубленного изучения нами каждого конкретного рода войск, где нам предстояло служить! А это очень-очень важно!!!

Во-вторых, в семье появился «наследник» славной фамилии Гусевых — продолжатель славных боевых традиций своих отцов и деда сын Сергей!

И опять проклятое «НО!». Он появился на 3,5 месяца раньше срока, причем при очень тяжелых родах! Жену увезли в больницу, а сына — в педиатрический институт «донашивания» до нормального срока родов в каком-то «Кювезе». И мне опять пришлось «рас-ТРАИ-ваться», т.е. действовать сразу в трех направлениях: уход за маленькой дочкой; привоз в институт (ежедневно) каких-то талончиков на его искусственное питание; поиск, покупка и передача жене диетического питания. И все это без отрыва от напряженной учебы, осложненной «третьим» фактором, т.е. вот чем.

В-третьих, если сначала все обучение шло только со ссылками на Сталина, а вот Ленин упоминался редко и мало, да и то «вскользь», ТО потом все стало, как говорят, «с точностью до наоборот»! Очень сложно на ходу перестраиваться.

Однако пора перестать «жаловаться» на трудности, тем более что кроме крупных было много «средних» и «мелких» — с точки зрения незакаленных войной людей. Важнее другое: институт я закончил успешно и получил диплом с такой записью: «Офицер-политработник с высшим военно-педагогическим образованием»! Так что были открыты дороги как для серьезной штабной работы, так и для той — педагогической — которую я любил давно и серьезно готовился. Шансы на это уже появились.

НО! Медики сказали, что если я (как минимум до 10-летия сына) не останусь служить в Центральной России с мягким климатом, фруктами и овощами круглый год, то я, почти наверняка, потеряю сына, а следующих детей просто НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!!! Поэтому, ясно сказали мне: «Соглашайся даже на понижение в должности или в окладе, однако, оставайся в Центральной России!».

Понятно, что после такой серьезной угрозы я согласился с бывшей «подполковничьей» должности, которую занимал на Сахалине, перейти на «майорскую», зато в самом центре России — городе Орле. Поехали с надеждой много лет лечить долгожданного сына. Однако не успел я прослужить там 9 месяцев (т.е. минимальный срок, когда офицера можно представлять к очередному званию), как наше соединение расформируют, и всех рассылают куда угодно! Тут немного повезло: с помощью медиков удалось «закрепиться» в благоприятной климатической зоне страны — в украинском городке Коростень.

Тут был изумительный коллектив, блестящие взаимоотношения с подчиненными частями, интересная новая боевая техника, присвоение мне звания майор и, соответственно, получение двухкомнатной квартиры. Просто красота! Служи, Гусев, как всегда отлично и радуйся жизни! Однако люди взрослые знают, что радость никогда не бывает бесконечной. Так и тут. Не успел я «досыта» нарадоваться, как наше соединение было расформировано. Опять предстоял переезд! НО! Куда?

В красавице Одессе я оказался летом 1960 года. Сначала служил в армии, а потом работал «на гражданке». В сумме больше, чем в любом предыдущем месте. Очень крепко любил этот веселый город и люблю его до сих пор. Однако, все по порядку.

Наше очень крупное «хозяйство» системы ПВО СССР охраняло небо Украины и всей Молдавии. Было совсем «нескучно», ибо команда «Боевая тревога!!!» в те годы звучала достаточно часто и совсем не зря, а всерьез!

С командиром мне очень повезло! Генерал АГАРКОВ прошел без «блата» все ступени армейской службы, отлично знал ее трудности, всегда заботился о подчиненных. А вот с начальниками политотдела была «чересполосица»: хороший, плохой, прекрасный и безобразный. Поскольку отрицательных рядом нет, о них умолчу! А вот об отличном вскоре расскажу, как и о том, как разное они меня оценивали. Если за один лишь год, когда были упомянутые мной АГАРКОВ и СТОПНИКОВ, я получил «дюжину» поощрений, в том числе от Главкома Войск ПВО («За успешное сотрудничество с офицерами ПВО НР Болгарии»), а от командарма Киевской армии ПВО («За быстрое и качественное освоение новейшей боевой техники!»), ТО за год «правле-

ния» последнего — лишь... одно поощрение, да и то совсем не персональное, а в приказе о поощрении фронтовиков в очередном праздновании дня нашей Победы! (к которой он, кстати, не имел никакого отношения!).

С коллегами по политотделу и политработниками подчиненных частей отношения самые человеческие: никому ничего не приказывал, но все указания выполнялись!

С командирами подчиненных частей посложнее. Большинство понимало наши распоряжения и выполняло их. Однако были и исключения. Так, только по моим четко аргументированным, рекомендациям двоих пришлось «заменить»! Иначе — нельзя!

А в целом, о «психологическом микроклимате» в нашем большом соединении, ярко говорит тот факт, что, кроме официальных мероприятий, многие офицеры друг к другу обращались не по званиям, а по имени и отчеству, а в более узком кругу, например, в курилке, даже просто по доброжелательному имени, кому какое больше нравилось! По-одесски я был для них Жора!

Важно вспомнить, многоуважаемый генерал АГАРКОВ высоко ценил роль политико-воспитательной работы, однако требовал, чтобы каждый из нас глубоко, до уровня классного специалиста, знал конкретный участок военного дела нашего огромного соединения. На выбор — три направления изучения.

— Стать истребителем — сверхзвуковым перехватчиком ни по возрасту, ни по состоянию здоровья я уже не мог!

— Стать локаторщиком не хотелось, потому что не привлекала меня — боевого офицера — эта, как говорится, «полугражданская» специальность.

— Оставались ЗРВ — Зенитно-ракетные войска, изучением которых я и занимался до тех пор, пока не получил удостоверения «Специалист 3-го класса»! Думаю, что и сейчас еще могу, если срочно потребуется, успешно поработать на верной старушке «сто двадцать пятой».

Предвижу вопрос: «Как с любимой педагогической работой?» Коротко и ясно отвечаю: «Полный порядок!» Постоянно преподавал в «Вечерних партийных школах» для солдат и сержантов. Периодически читал лекции в «Вечерних университетах» для офицеров и проводил занятия по «Научному коммунизму» со старшими офицерами своего соединения. Вот тут и произошел «качественный скачок». А именно.

Однажды, на перекуре, мне задали вопросы:

— Жора! До каких пор мы будем ходить по треугольнику: история, философия, политэкономия?

— А что вы хотите? — спросил я.

И получил такой ответ:

— Идти дальше! В будущее — в теорию построения коммунизма!

Так сказали мне и посоветовали взяться за разработку этой проблемы.

— Друзья, да вы в своем уме? Это давным-давно сделали классики марксизма-ленинизма! — заявил я им.

И услышал следующее:

— Нет! Они лишь заложили «краеугольные камни» о том, КУДА нам идти, а нам пора знать в деталях, КАК идти к этой цели!

И рекомендовали посоветоваться «повыше»!

Пошел с этими предложениями к прекрасному начальнику политотдела — Игорю Дмитриевичу СТОПНИКОВУ, за глаза ласкательно уважительно называемого «наш ИГОРЕК». Он очень внимательно выслушал меня и сказал: «Назвался груздем, полезай в кузов. Составь принципиальную схему новой учебной дисциплины. Посиди в научных библиотеках и дома — в спокойной обстановке! От явки в штаб освобождаю тебя на 2-3 недели, как получится?».

Посидел, подумал, написал кое-какие предложения и принес. Он внимательно прочитал, «кое-что» подправил (а разве какой-то автор когда-то обходился вообще без поправок начальства?) и все отправил в ГлавПУ СА! Мы стали ждать решения «свыше». Там почитали, подумали, тоже кое-что подкорректировали и вернули нам для разработки полного проекта нового учебного курса, пока в пределах Вооруженных Сил (не выходя сразу на весь Советский Союз).

Позже выяснилось, что они, прочитав наше первое предложение, направили в два военных вуза аналогичные задания. НО! Наш «полный проект» оказался лучше других, мы, авторы, поощрены, а с нового года подтвердилось старое утверждение о том, что наш ВВПИ лучше других военных вузов готовит высококвалифицированные кадры для развития отечественной науки!

Итак, как говорится, «мавр сделал свое дело, мавр должен уходить». Вероятно, так думал мой (уже, к сожалению, новый) начальник, надеясь, что на мое место он возьмет пусть и менее умного, зато более «покладистого», чем я, офицера! И он направил меня на окружную медкомиссию, которая (вероятно, не без его совета?) решила: «НЕГОДЕН к военной службе в мирное время и ОГРАНИЧЕННО ГОДЕН — в военное». Тогда меня вывели в запас с такой формулировкой: «По состоянию здоровья и выслуге лет (это было 31 год 6 месяцев и 12 дней) с правом ношения военной формы одежды»! Так моя военная служба закончилась 23.01.1967 года, я стал уже офицер запаса — военный пенсионер в возрасте всего лишь 43 года, то есть явно не старик. И очень скоро я пошел работать. Но это уже другая тема, о чем обещал рассказать отдельно и сейчас выполняю обещание.

Шесть гражданских «фронтов»

На некоторых из них действовал одновременно, поэтому назову НЕ в хронологическом, А в «логической» компоновке.

О ТРЕХ ПЕРВЫХ (школа, училище, вуз) дал достаточно полное ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, а детали современного читателя XXI века вряд ли интересуют, посему оставим их, как говорится, «за кадром»!

ЧЕТВЕРТЫЙ — ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РАБОТА.

Сразу после увольнения в запас начал работать в самом близком к дому институте «ОСХИ» (Одесский сельскохозяйственный институт) на кафедре «Научный коммунизм». НО! Был там недолго, ибо «старику» — зав. кафедрой не нравилось мое новаторство, а юные коллеги не решались меня поддержать. Пришлось уйти!

Вскоре перешел в очень престижный «ОПИ» (Одесский политехнический институт), где дружным коллективом новаторов руководил прекрасный человек — ЛОПАТА Петр Петрович, позже приглашенный с большим повышением в Москву! Скоро он понял, что меня тянет в большую науку, и предложил заняться ею в лаборатории при нашей кафедре.

ПЯТЫЙ «ФРОНТ» — НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА.

Если говорить более конкретно, то «СОЦИОЛОГИЯ», которую в те годы «не очень одобряли» некоторые официальные лица, потому начинать было трудно, да и учиться почти не у кого, так что пришлось «пахать целину», да не одну, а в трех совершенно новых направлениях:

«А» — «ОПТИМИЗАЦИЯ ДИНАМИКИ КАДРОВ» — это мой — новый — подход к теме, которая прежде называлась «Ликвидация текучести», хотя это, в принципе, невозможно до тех пор, пока есть кадры! Сейчас это неактуально — читателям неинтересно.

«Б» — «ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТУРИЗМА».

Моя статья и моя же анкета в «Литературной газете», после чего вышло Постановление ВЦСПС о развитии самостоятельного туризма в стране, куда вошли почти все наши рекомендации, разработанные на основе исследований (от региональных до всесоюзных!). Это в «Литературной газете» № 30 от 23.07.75, стр. 13. Там есть много интересного и для современного читателя!!!

«В» — «СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СТОЛИЦЕ!». Материалы были под грифом «ДСП» (для служебного пользования), так что почитать их удастся не всем, да не всем они нужны сейчас, в современной России!

ШЕСТОЙ «ФРОНТ» — ПОИСКОВО-ВETERАНСКАЯ РАБОТА.

Тут было ДВА НАПРАВЛЕНИЯ: «А» «ШКОЛЬНАЯ» и «Б» — «ПОЛКОВАЯ». Конкретнее.

«А» — Начал с поисков оставшихся в живых друзей из знаменитого «фронтового» класса упомянутой выше «Октябрьской» школы города Кирова. После нескольких лет работы в архивах и музеях организовал (с помощью ЦК ВЛКСМ!) ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЕТ выпускников нашей уникальной школы. А также помог в создании уникального музея истории школы, о котором писала даже центральная пресса, в том числе была большая «подвальная» статья «Правды» с фотокарточкой из моего семейного архива в «Юбилейном» номере газеты от 07.11.87 года — «Ровесница Октября!». И была большая передача Центрального телевидения!

«Б» — Начал тоже с маленького — с поисков ветеранов знаменитой эскадрильи «Герои Краснодона»! После длительной работы в «ЦАМО» (Центральный архив Министерства обороны) и многолетней переписки с военкоматами ряда регионов страны я узнал о судьбе 176 однополчан, из которых 162 были еще живы и многие приезжали на наши («Всесоюзные!») слеты в подмосковный г. Талдом.

Затем — с помощью комитета ДОСААФ МАИ — организовал ТРИ ВЫЕЗДА аквалангистов из морклуба «Волна» на озера Псковщины для поисков самолетов 766 ШАП, сбитых там в период Отечественной войны. Привезенные оттуда бесценные реликвии дополнили экспозиции как музея истории МАИ, ТАК И Центрального музея ВОВ на Поклонной горе! Эти работы были весьма высоко оценены КАК Министром высшего образования ЕЛЮТИНЫМ, ТАК И председателем СКВВ (Советского комитета ветеранов войны), генералом армии, дважды героем Советского Союза БАТОВЫМ!!!

На этом, вероятно, пора закончить рассказ о том, на каких ШЕСТИ БОЕВЫХ, да еще и ШЕСТИ МИРНЫХ «ФРОНТАХ» активно воевал «двойной ветеран» — ГУСЕВ Георгий Сергеевич, и как ему помогали прекрасные товарищи в бою и труде!

Предвижу естественный вопрос любознательного читателя о том, КАК была оценена «свыше» эта, выражаясь официальным языком, «многолетняя и безупречная» военная служба и гражданские (педагогическая и научно-исследовательская) мои работы. Постараюсь покороче.

Перечислять ВСЕ ВЫСШИЕ награды от ЦК ВЛКСМ, ЦК ДОСААФ СССР и Советского комитета ветеранов войны, ВСЕ «Почетные» и «Похвальные» грамоты, ВСЕ ценные и именные подарки долго и не всем интересно. А вот об официальных Государственных наградах сказать необходимо!

За упомянутые выше годы заслужил (а точнее ПОЛУЧИЛ!) аж 21 Государственную награду! Опять моя «магическая» цифра «21»!!! Это получил я лично. Однако мне нужно вспомнить и о том, что за годы военной службы в 766 ШАП он (полк) стал уже не обычным, а КРАСНОЗНАМЕННЫМ и ордена Кутузова, а 211 ШАД — ордена Ленина, ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННАЯ, ордена Суворова дивизией! Поскольку служил там, согласно боевым характеристикам, безупречно, поскольку считаю, что внес свой вклад в получение этих ШЕСТИ

ВЫСШИХ наград страны, в том числе и в получении нашими частями трех орденов КРАСНОГО ЗНАМЕНИ!!!

Эпилог

Обычно «под занавес» задают вопрос о том, каковы дела семейные, и есть ли у ветерана какие-то «хобби»? Отвечаю коротко и ясно.

Родители давно умерли, а братьев и сестер не было.

Жена — ГУСЕВА Полина Егоровна на госслужбе была около 55 лет и в послевоенные годы, вместе со мной вела поиски всех ветеранов. Многих из них принимала у нас в гостях, за что получила хотя и неофициальное, НО очень приятное «Звание» — «Сестра 766 ШАП»!!!

Детей двое — Ольга и Сергей; внуков четверо — Дмитрий, Валерия (Лера), Олег и Мария. Скоро должен быть «прадедом»!

«ХОББИ» — было два — горный туризм (до «Мастера спорта СССР!») и «ФАЛЕРИСТИКА», т.е. коллекционирование значков по истории Родины с упором на науку и защиту Отечества, а также спорт, НО АКТИВНЫЙ, а не шашки и домино!

Первое — туризм — уже не по возрасту, а второе — фалеристика — в семье пенсионеров явно «не по карману», так что «лег на дно».

Вероятно, на этом пора заканчивать, пожелав читателям такого же оптимизма, какой я (несмотря на 12 «фронтов» и возраст — уже более 80 лет!!!) сохраняю до сих пор

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь Дьяконова Татьяна Дмитриевна, инженер Научно-исследовательской лаборатории автоматизации управления.

**Данелия
(Боботина)
Александра
Дмитриевна**

В ПЕТРОЗАВОДСКЕ

Родилась 14 июня 1922 года в Карельской ССР, по национальности русская, православного вероисповедания. Член партии, в комсомоле не была.

1. Автобиография фронтовика:

7 лет училась в школе в Петрозаводске, потом поступила в медицинский техникум и в 1939 году окончила его.

В воскресенье собрались поехать с друзьями на выходной в лес и в 10 часов утра услышали по радио о начале войны. В это время работала в Петрозаводске медсестрой в детской поликлинике.

В сентябре 1941 года продолжала работать в поликлинике с двумя пожилыми женщинами. В этом здании открыли госпиталь, и после того как стало поступать большое количество раненых, переехала туда жить. В середине сентября отправили меня сопровождать эвакуированных на барже по Волго-Балтийскому каналу до Вологды. Плыли несколько суток под бомбежкой. На барже оказывала медицинскую помощь раненым. Проплыли семь шлюзов и на каждом шлюзе был свой госпиталь. Эвакуированных оставляли там или расселяли по близлежащим деревням. После того как доставили эвакуированных в Вологду, вернулась на поезде обратно в Петрозаводск.

Во второй половине октября прислали повестку явиться в военкомат. Оттуда направили в госпиталь, который был создан в школе. Там выдали мне обмундирование. В госпитале работала медсестрой на машине скорой помощи. Каждый день на ней мы ездили по много раз к эшелону с ранеными и увозили их в госпиталь. Так я проработала две недели. Потом вызвал меня к себе начальник госпиталя и сказал, чтобы я собралась и пришла в аптеку, откуда заберет меня с собой военный и доставит в лагерь партизан. Я уезжала из Петрозаводска под бомбежкой. После того как мы добрались до места, на второй день я пошла вместе с отрядом партизан на боевое задание. За время войны я участвовала в 27 боевых операциях: брали языков, ходили на гарнизон к финнам, взрывали мосты. Все время жили в лесу. На задание уходили самое маленькое на две недели. Два года в отряде численностью 150 человек я была медсестрой, а на третий год стала фельдшером отряда. Кроме меня в отряде было еще четыре медсестры. В наши обязанности входила медицинская помощь раненым и их доставка в место стоянки отряда или на базу. Для тяжелораненых вызывали самолет. Наша база находилась в деревне Лехта, где стояла лыжная сибирская бригада. Об окончании войны узнали на берегу озера при выполнении боевой задачи, заключавшейся в уничтожении финского гарнизона на острове. На каждую боевую задачу с нами ходил радист, через которого старший нашего отряда получал приказ на выполнение задачи. Мы подошли к финскому гарнизону, старший послал запрос на выполнение задачи и получил ответ, чтобы мы ждали приказа. Через день нам сообщили, что война кончилась и чтобы мы возвращались на базу. Мы очень радовались.

Из Лехты наш отряд возвратился в Петрозаводск, где нас расположили в казарме. Потом стали расформировывать: всех специалистов оставили в Петрозаводске работать и восстанавливать город, а остальные поехали под Берлин.

Меня оставили работать в ЦК секретарем в отделе агитации и пропаганды. Через некоторое время я поехала по путевке в санаторий, откуда муж увез меня к своему отцу в Москву. На войне у меня из родственников никто не погиб.

Отец — Боботин Дмитрий Васильевич,

Мать — Боботина Василиса Леонтьевна

И три брата:

У Михаила Дмитриевича было 7 ранений, служил в инженерно-саперном батальоне. Иван Дмитриевич преподавал в тан-

ковом училище, после войны имел звание подполковника. Василий Дмитриевич работал на аэродроме техником.

Награждена:

- медалью «За отвагу»;
- партизанской медалью (при выполнении боевой задачи было много раненных, которых мы доставили на базу);
- орденом Отечественной войны;
- орденом «За победу в Великой Отечественной войне»;
- «30 лет победы в Великой Отечественной войне»;
- «40 лет победы в Великой Отечественной войне»;
- «50 лет победы в Великой Отечественной войне».

Воспоминание о войне

Перед Новым годом наш отряд пошел на выполнение боевой задачи. Нашей целью было захватить языка. Разведка донесла, что поедет обоз с грузом, в котором находились подарки для финнов. До дороги мы добрались на лыжах. Лыжи поставили к дереву и присыпали снегом, а сами закапались в сугробы. Температура воздуха в этот день была -30°C . Мы пролежали несколько часов в снегу, пока не появился обоз. Потом завязался бой, и наш отряд взял в плен языка и захватил обоз с грузом из подарков.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Хайретдинов Ринат Зинятуллович**, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета.

**Добровольская
(Гусева)
Зоя
Ивановна**

КАК Я НА КОНЕ ВЪЕХАЛА НА ПЕРЕДОВУЮ

Родилась 10 июля 1922 г. Село Ветеря II (вторые) Середкинского района Псковской области. Русская, православная, член ВЛКСМ (до 44г.), ВКПБ (до 92г.).

До войны окончила по месту жительства Ремдовскую неполную среднюю школу (7 классов), 1937 год. В 1941 г. окончила среднюю школу (10 классов) в райцентре пос. Середка Псковской области.

Узнала о начале войны, готовясь по окончании школы летом к экзаменам в Ленинградский педагогический институт. Пришла на обед, и папа включил радио. Диктор объявлял, что началась война — фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз.

Начала участвовать в боевых действиях добровольцем в городе Пролетарка. С июля 1941 г. по июнь 1942 г. — красноармеец, заведующая столовой штаба Новгородской армейской группы войск. С июня 1942 г. по май 1943 г. — младший приемщик ППС 790 (полевой почтовой станции) штаба 6-го гвардейского стрелкового корпуса, гвардии старший сержант. В октябре того же года начала боевые действия под командованием командира 6-го гвардейского корпуса Новгородской армейской группы войск генерал-лейтенанта Коровникова Ивана Теренть-

евича. С мая 1943 г. по сентябрь 1944 г. заведующая делопроизводством строевого отдела штаба 6-го гвардейского стрелкового корпуса. С сентября 1944 г. по август 1945 г. машинистка политотдела штаба 37-й армии.

Боевой путь проходил в составе 6-го гвардейского стрелкового корпуса, сформированного в марте 42 г. (находился на Волховском фронте до октября 42, Юго-Западном — до октября 43-го, 3-м Украинском до конца войны; входил в состав войск: 1-й гвардейской, 2-й ударной, 8-й, 37-й, 46-й и 57-й армий). Из новгородской армейской группы войск была сформирована 59-я армия, сосредоточенная в районе Грузино (41г.). Мясной бор (Волховский фронт, конец марта 42 г.). 6-й гвардейский корпус находился тогда в составе 2-й ударной армии. Затем прошла от Дона до Днепра с 6-м гвардейским корпусом в составе 1-й гвардейской армии (с 29.10.1942 по 21.10.1943). Форсировали реки Волхов, Южный Буг, Днестр, Днепр, Ингул-Ингулей, Прут и другие более мелкие. На Украине находилась в составе 6-го гвардейского стрелкового корпуса (в штабе), после выхода из окружения была под командованием майора Биянова (с сентября по октябрь 1942 года) и командиров стрелкового корпуса: генерал-лейтенанта Алферова И. П., генерал-лейтенанта Котова Григория Петровича. Освобождали на юге Украины станции Вознесенск и Раздельная. В составе 46-й армии вели бои в районе Миллерово, Лозовая, Краснодар, Первомайск (10 апреля 1943 г.). Историческая битва на Курской дуге (5 июля 1943 г.). В составе 6-го гвардейского стрелкового корпуса участвовала в форсировании Северного Донца и освобождении городов Изюм, Калач, Лисичанск, боях за Харьков (17 июля 1943 г.). Освобождали Днепродзержинск в составе 46-й армии (конец октября 1943 г.), после чего в честь этого города 6-й гвардейский стрелковый корпус был назван Днепродзержинским. Освободили Донбасс, Кривой Рог и другие города (конец октября 1943 г.). Далее через Николаев шли на Одессу. Вышли к Днестру в районе Слободзеи Русской, Слободзеи Молдаванской (летом 1944 г.). Помню города Паркеши, Бендеры (Молдавия). Яско-Кишиневская операция (20-29 августа 1944 г.). Затем Бессарабия, Румыния и Болгария (г. София).

Ранений у меня не было, только контузии. Поэтому лечения я не проходила.

В августе 1945 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР демобилизована из рядов Красной Армии.

Имею следующие награды:

— орден Отечественной войны II степени, №5160531, указом Президиума Верховного Совета СССР от 11.3.1985 г. вручен Гагаринским РВК, г. Москва, орденская книжка Г 724957;

— орден Трудовой славы III степени, №120890, З №469458. Подпись Секретаря Президиума Верховного Совета СССР Георгадзе. Вручен 21 апреля 1975 г. в честь 30-летия победы в ВОВ, за успехи на трудовом фронте в Московском доме моделей;

— медаль «За боевые заслуги» №2262980. Вручена в декабре 1944 г. Удостоверение №223903, выдано 18 января 1944 г. за мужество и отвагу в боях с врагами;

— медаль «Ветеран труда». Вручена 20 ноября 1984 г. решением исполкома Октябрьского района г. Москвы совета народных депутатов, от имени Президиума Верховного Совета СССР за долголетний, добросовестный труд;

— медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941—1945 гг.». Вручена 30 декабря 1945 г. указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 г. Краповецким райвоенкоматом Львовской области (Украина). Удостоверение З №0155054;

— юбилейная медаль «За доблестный труд» (в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина). Вручена 1 апреля 1970 г. от имени Президиума Верховного Совета СССР, секретарем исполкомом Октябрьского районного Совета депутатов за трудовые успехи на производстве и в общественной работе;

— медаль «Отечественная война 1941—1945 гг.», №031197. Вручена в марте 1949 г. от имени Верховной государственной власти Болгарии (г. София) в знак благодарности за участие в Великой Отечественной Войне;

— юбилейная медаль «40 лет победы над гитлеровским фашизмом», №122. Вручена 16 мая 1985 г. на основании Указа №354 от 1985 г. народного Совета республики Болгарии за участие в освобождении Болгарии;

— юбилейный знак «25 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Вручен за доблесть и отвагу министром обороны СССР Гречко;

— юбилейная медаль «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Вручена 19 февраля 1966 г. военным комиссаром Октябрьского района г. Москвы полковником

Дашковым от имени Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 г.;

— юбилейная медаль «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Вручена 16 марта 1976 г. военным комиссаром Гагаринского района г. Москвы в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 г. как участнику войны;

— юбилейная медаль «40 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Вручена 8 мая 1985 г. военным комиссаром Октябрьского района г. Москвы от имени Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1985 г. как участнику войны;

— юбилейная медаль «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», С №13211188. Награждена указом от 22 марта 1995 г.;

— юбилейная медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР». Вручена 12 марта 1969 г. в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1967 г.;

— юбилейная медаль «60 лет Вооруженных Сил СССР». Вручена 9 декабря 1978 г. военным комиссаром Гагаринского района г. Москвы в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1978 г.;

— юбилейная медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР». Вручена 23 февраля 1988 г. военным комиссаром Октябрьского района г. Москвы в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1988 г.;

— удостоверение к «медали Жукова», Г №0724251. Выдано президентом Российской Федерации, в соответствии с указом от 19 февраля 1996 г.;

удостоверение к медали «Защитнику Отечества». Награждена президентом Украины, в соответствии с указом от 14 октября 1999 г.

В войне погибли родственники:

Отец — Гусев Иван Петрович, 1909 г. рождения. Боец (партизан) Середкинского района, Ленинградской области. Погиб в октябре 1942 г. в бою против немецких захватчиков (на запрос ответил завпартархивом ОК и ТК ВКП(б) Никитин).

Брат — Гусев Николай Иванович 1926 г. рождения. Уроженец Псковской области Середкинского района (село Ветеря II). Пропал без вести на фронте 25 апреля 1944 года. Сведений о его судьбе не поступало.

Сведений об их наградах не имею.

Остались живы родственники:

Сестра — Груздева Галина Ивановна и брат — Гусев Борис Иванович (наград и званий не имеют).

Собственных опубликованных произведений не имею. Возможно, напишу собственные воспоминания о годах Великой Отечественной войны, на которой я прослужила с 10 июня 1941 г. по август 1945 г., но не для публикации.

«Юность беспокойная моя»

Наш район и область были пограничными с прибалтийскими государствами и немцы очень быстро продвигались по нашей земле, безжалостно бомбили, уничтожали советский партийный актив, сжигая на пути все что можно. Да и местные вражеские советскому строю элементы — кулаки, уголовники — вредили, как могли, убивая из-за угла. Отец работал директором Середкинской машинно-тракторной станции (МТС) и было решено срочно эвакуировать людей вместе с техникой: тракторами, автомашинами и другим инвентарем, в глубь страны (организованным порядком, даже целыми семьями). Люди бросали свои вещи и трогались с насиженных мест проживания в далекий неведомый путь на восток, по дорогам, забитым военными, обстреливаемыми вражеской авиацией, бомбами и снарядами. Куда мы двигались, я не имела представления, только немец был недалеко, армия отступала. И однажды к папиной машине подъехал офицер (кажется, майор) и сказал, что машина экспроприрована в пользу Красной Армии и отец должен отвезти их в г. Пролетарку Новгородской области, угрожая при этом пистолетом. Только папа очень просил разрешить взять хоть одного ребенка (а нас было четверо: я — старшая дочь, средний сын Николай, младшая дочь Галина и совсем маленький младший сын Борис — около двух лет от роду). Мама впихнула меня в кузов папиного «пикапа», я сопротивлялась. Отец решил, что с нами поедет и маленький Боря, и я его схватила у мамы (все делалось быстро, механически), но в последнее мгновение мама буквально выхватила у меня из рук ребенка. Майор, размахивая пистолетом, кричал папе, чтобы он быстро уезжал. Мы тронулись, оставив маму с плачущими детьми, уже вечерело, по доро-

ге брели усталые и горем убитые люди. Что было со мною в дороге, не помню, но я только позже осознала всю трагедию нашей семьи. Вскоре мы оказались в поселке Пролетарка, где, как я позже узнала, работал фарфоровый завод. Папа встретил здесь старого знакомого — директора общежития средней школы поселка Середкино, где я жила 3 года и окончила 10 классов. Папу вскоре арестовали, и он сидел в тюрьме до выяснения личности. Я страшно кашляла, у меня оказался плеврит и, как ангела Бог послал мне врача — Анечку. Она была очень добра ко мне, ей очень шла военная форма. Осмотрев и прослушав меня, она сказала: «Эту девочку надо спасать, у нее плеврит». Потом я пила какие-то таблетки, температура спала, и Анечка предложила мне работать в столовой высшего комсостава посудомойкой, чтобы поправить мое здоровье хорошим питанием. Все с этим согласились, а я была очень рада. Но у меня пропал аппетит, хотя повар Вася Павлов готовил очень вкусно (позже он сказал, что работал до призыва в армию поваром в Сочинском ресторане). А Анечка садилась около меня со стаканом сметаны и умоляла меня ее выпить. А когда давали окрошку, она и туда добавляла много сметаны. Мыть посуду я любила, дело не мудреное, и уже с аппетитом все ела, а позже мне предложили работать официанткой. Вскоре меня зачислили в список военнослужащих рядовой комендантского взвода, выдали мне обмундирование и наган, и научили приветствовать старших по званию. До сих пор смешно, как приходилось иногда приветствовать дважды — держа голову в сторону проходящего строевым шагом. Вскоре врач Анечка погибла под Новгородом, и я долго потом хранила записку с соболезнованиями и ее фотографию. Она была очень миниатюрная и красивая, с большим сердцем и доброй душой.

Шло формирование Новгородской армейской группы войск (НАГ) и осенью нас перебросили на машинах в лес, в блиндажи — началась по настоящему военная служба в полевых условиях, в болотах с тучами комаров, с бомбежками и боевыми действиями. Первый раз меня бомбили под Новгородом. Собралась большая масса народа, дороги забиты людьми и транспортом, помню, впереди нас был как бы открытый туннель, очень много было эвакуированных с детьми. По этому туннелю люди шли медленно, ни объезда, ни обхода не было, собралось много народа, лошадей, техники. Маленькие дети плакали, собралась большая пробка. В это время налетела немецкая авиация, само-

летов не счесть, и начала бомбить. Я с испуга начала бегать в поисках места, где бы спрятаться, но меня вдруг схватил солдат и силой, с криком «Ложись!», прижал к земле. Когда я посмотрела в небо, надо мной низко пролетал немецкий стервятник, я видела сидящего внутри немецкого летчика: на голове что-то черно-желтое, большие затемненные очки. Отбомбившись, он жал на гашетку, расстреливая всех на своем пути. Их было, как ворон в стае, они летали, кружив над нами, преследуя каждого человека. Когда стервятники улетели, я посмотрела в воду канала, она была вся мутная, тогда как перед бомбежкой я видела тихую гладь стоячей воды, со всей ее живностью. Кругом стояли раненые, одна женщина была мертва, а ее маленький грудной ребенок очень плакал и искал грудь матери. Взбесившиеся лошади давили людей... Не могу без слез все описать.

Помню, мы въехали в уже опустевший город Новгород, было жарко, светило солнце, окна с цветами герани всевозможных оттенков были раскрыты, ветер трепал белые занавески. При бомбежках эти цветы с горшками падали на головы бегущих людей, из-за них были даже жертвы. Въехали мы в Кремль, с интересом и восхищением я смотрела на Софийский собор, памятник Тысячелетия Новгороду я не заметила (он стоял за собором). Вскоре налетели немецкие самолеты и стали безжалостно бомбить. Я как стояла около могилы (уже позже я узнала, что это была могила Державина, единственная в новгородском Кремле), так и упала, прячась за холмик. После небольшого перерыва снова бомбежка, я бросилась в открытую дверь дома патриаршего, оказалась в подвальном помещении, где увидела много старинных книг, в спешке брошенных при эвакуации и валявшихся кругом в большом беспорядке. С левой стороны от входа, на земляном выступе, накренившись немного, стоял стеклянный гроб с мощами святого. Позже, приезжая на празднование сороковой годовщины дня Победы в Новгород в 1985 году, я увидела, что двери туда замурованы, а экскурсовод сказала (да я и сама где-то читала позже), что немцы в период оккупации в этом подвале допрашивали новгородцев — коммунистов, партизан и комсомольцев. Их жестоко пытали, убивали и складывали рядами, потом заливали цементом, и так в несколько слоев. Поэтому вход и замуровали, получилась как бы братская могила (об этом мало говорят, но так и было). После бомбежки был дан приказ оставить Новгород и отступить.

Помню, мы ехали в кузове трехтонки по мосту через реку Волхов, чудом еще сохранившемся, через переправу небольшой речки, через горящую деревню, как через огненный туннель; с обеих сторон полыхали деревянные высокие, красивые дома, а мы мчались на машине, сидя в кузове, накрытом брезентом. Было очень жарко, не хватало воздуха. Когда мы выскочили из этого ада, шофер остановил машину, сдернул брезент и сказал: «Еще бы минута такого пути и мы бы взлетели на воздух от взрыва бака с бензином. Он уже до предела нагрелся. Вы родились в рубашке». Потом были леса, бомбежка, узкоколейка, дважды переход через линию фронта за солью и продуктами. Хотя что-то конкретное вспомнить сложно.

Я всегда была при столовой. Солдаты выкапывали углубление под большую палатку (но глубоко копать было нельзя — выступала вода), палатку закрепляли, и получалось большое, удобное помещение для столовой высшего комсостава. Расставлялись походные столики, отдельно была отгорожена кухня, а рядом было отдельное помещение для питания командующего, заместителя по политчасти, начальника штаба корпуса (всего на 4—6 человек). Регулярно там питались: командир 6-го гвардейского корпуса Новгородской армейской группы войск генерал-лейтенант Коровников Иван Терентьевич, полковник Петров Иван (отчества не помню), начальник штаба новгородской армейской группы войск Лимаренко (который позже был смещен начальником штаба Бондаренко), заместитель начальника штаба тыла полковник Сергеев (позже погиб при бомбежке артиллерии и авиации в горах Югославии), очень хорошо помню начальника штаба тыла Сергеева. В общем, в этой столовой питалось около 40 человек, из солдат хорошо помню Васю Павлова, парикмахера Сергея Манухина и других. Я старалась быть всегда подтянутой, одним словом «в форме». От плохой погоды, усталости, утомительного хождения (ноги в тяжелых кирзовых сапогах почти всегда мокрые, чулки держались на круглых резинках, стягивая и затрудняя циркуляцию крови), ноги к вечеру опухали. А спали, всегда свернувшись калачиком, укрываясь шинелью (если укроешь ноги — голова мерзнет, а натянешь шинель на голову — ноги замерзают). А летом комары пили безжалостно нашу кровушку. Но тогда мы были молоды, морально устойчивы и физически здоровы. Помню, у меня немного поднялась температура, усталая, я решила отдохнуть в сво-

бодном блиндаже. Когда я туда вошла, воды на полу было по щиколотку. Я закуталась в шинель и уснула крепким сном, спала наверно долго, а проснулась от крика наших солдат, которые спохватились: «А где же Зоя?» и везде меня искали. А нашли, когда вода поднялась и была уже на уровне лежака, дверь перекосилась, и проснулась я в ужасе, увидев вокруг себя воду (как на картине «Княжна Тараканова»). Ребята чудом выбили дверь и вытащили меня из этого водного плена. Я до сих пор с ужасом думаю, чем бы это могло кончиться. Через час блиндаж был полностью наполнен подземными водами.

Вспоминается еще один интересный эпизод. Был очень солнечный, теплый осенний день, листья деревьев были покрыты «багряным золотом». Только что командир Новгородской армейской группы войск Коровников вернулся с передовой, немцы чуть раньше отбомбили, оставив глубокие воронки и посеченные верхушки деревьев. Вызывает адъютант меня с Верой Филипповой к командующему. Подходим к его блиндажу, смотрим, стоит генерал Коровников, в руках держит свою шинель и спрашивает: «Девчата, вы умеете шить?». «Умеем» — отвечаем. «Подойдите и посмотрите, как можно зашить эти дырки». Показывает на изрешеченную снизу пулями шинель. Мы предложили подобрать по цвету нитки и заштопать. «Нет, надо сделать, чтобы было незаметно, придет время, она будет висеть, как экспонат в музее». Предлагает отрезать кусок шинели снизу, вырезать кружочки и подогнать по размеру дырок от пуль, и незаметно вшить. Началась работа, мы бесконечное количество дырок по краям выравнивали; нарезали кружочки и вставляли, незаметно вшивая (таких следов от пуль было несколько десятков). Когда все было закончено, генерал одобрил нашу работу, поблагодарил и подарил нам по отрезу бежевого коверкота (во время моего пребывания на 3-м Украинском фронте чемодан с этим отрезом был пробит осколками, но я смогла сшить из него юбку, которую носила потом долго и с большим удовольствием, вспоминая этот эпизод).

Во время моей работы в столовой фронтовой поэт И.А. Елизаров как-то спросил у меня тетрадь и написал мне целую поэму в шуточном тоне. Я до сих пор храню эту тетрадь с поэмой в шкатулке. Сейчас это моя реликвия, как память о нашей юности. Это было под Новгородом в селе Новоселицы 15 ноября 1941 года. Вот начало этой поэмы:

Знаю я одну девицу.
Отгадайте кто она?
Я готов в нее влюбиться,

Готов счастье пить до дна...
Удивительно спокойна,
Справедлива и скромна.
Ее сердце муз достойно,
Верой в жизнь она полна.
...А скажите — кто она?

В феврале месяце 1942 года меня вызвал комендант и сказал, что надо накормить обедом командующего и членов военного совета. Задание ответственное — к нам приехал маршал Советского Союза, командир вооруженными силами СССР К. Е. Ворошилов. Я пробежала по блиндажам, собирая посуду. Мы перед выездом на фронт стояли в городе Пролетарка, а там работал фарфоровый завод. Многие запаслись там красивыми чашками и тарелками и всегда меня ими выручали, если я обращалась с такой просьбой. Повар уже принес обед в блиндаж, посуда приготовлена. Мне сказали: «Пора». С трепетом и волнением я подхожу к блиндажу командующего и вижу такую картину — человек 10 солдат в поте лица передают ведра с водой, которую черпали из ямы, и выливают на снег подальше от блиндажа. Меня пропустили, и я оказалась как бы в «предбаннике», доложила о готовности приступить к работе. Адъютант Ворошилова, полковник, пропустил меня вперед к входной двери, я открыла. Передо мной вход был закрыт плащ-палаткой, я растерялась, приостановилась, он рукой раздвинул вход и толкнул меня в спину, сказав: «Не бойся, иди». Внутри слева стояла печурка, и ярким пламенем горели дрова, в отраженном свете огня напротив меня сидел К. Е. Ворошилов, накинув на плечи бекешу и «на чем свет стоит» отчитывал все командование, которое стояло (справа) по стойке «смирно» с чуть опущенными головами (Ворошилов не стеснялся в выражениях). Я опешила и попятилась назад, адъютант снова меня успокоил, «Не стесняйся!» — говорит, и я пошла в правый угол. Мне было чудно видеть, как стоят офицеры «с поникшей головой». Потом я поняла, что потолок блиндажа был ниже их роста, поэтому они вынуждены были стоять в «поклоне», отвечая: «Есть, товарищ маршал Советского Союза!» или «Будет выполнено, товарищ маршал

Советского Союза!» Надо было все приготовить к подаче на стол. В самом углу я увидела большую бутылку с водкой, в которой плавал горький перец. За накрытый стол все чинно расселись, налили традиционные 100 грамм. В середине стола было место, куда я водрузила черный горшок с горячей картошкой «в мундире», прикрытый полотенцем, из-под которого исходил аппетитный запах. Заместитель командира по политической части тихо возмутился, удивленно глядя на этот черный горшок и на меня, но когда сняли полотенце и он увидел картошечку «в мундире», а на столе уже стояла и селедочка, он одобрительно сказал: «Вот молодцы, как придумали!» Инцидент был исчерпан и все под общее одобрение выпили за победу, хотя положение на фронте все ухудшалось, и кольцо окружения смыкалось все уже и уже. Через несколько часов мне сказали, чтобы я приготовила все к чаю. Работая под руководством такого замечательного человека, как повар Вася Павлов, я чувствовала себя уверенно и спокойно. Через несколько часов — чай. Когда я вошла спокойно в блиндаж, К. Е. Ворошилов спал на лежаке, прикрытый своей бекешей на сером меху. Я тихонько накрыла стол, а он проснулся. Его пригласили к чаю, и он сказал про меня: «Как она быстро развернула свое производство». Я не знала, что и сказать, только смутилась. Затем они выехали на передовую.

О встрече с генералом армии Власовым А. А.

Из книги «Трагедия Мясного Бора» Ивановой Изольды читаю: «В апреле Ставка прислала на должность заместителя командующего фронтом «для применения опыта подмосковной победы» — генерал-лейтенанта Власова А. А., который отличился при освобождении Солнечногорска под Москвой, был награжден орденом Красного Знамени и заслужил особое расположение Сталина». 16 апреля 1942 года Власов находился в штабе второй ударной армии. Командир второй ударной армии Клыков тяжело заболел, и Ставка решила назначить Власова командующим войсками Второй ударной армии. Шестой стрелковый корпус был сформирован на базе четвертой гвардейской дивизии и предназначался для усиления Второй ударной армии, был передан в подчинение Северо-Западному фронту. Мы выходили из окружения наверно где-то в середине или конце марта. Была теплая погода, и таял снег. Накануне мне приказали

обслужить обедом участников Военного Совета. Когда я вошла в прихожую блиндажа, увидела следующее: справа, почти по середине, была сложена печь квадратной формы, она топилась, а на плите стоял штабной медный чайник (литров на 8-10) с красиво изогнутым носиком. С правой же стороны был вход в помещение, где заседали члены военного совета. За «приличным» столом сидели в длину и ширину генералы и полковники, я никого из них не знала. С левой стороны за столом сидел генерал (как я немного позже узнала) Власов и другие. О чем они говорили, я не помню, да у меня и не было привычки прислушиваться. Чем их кормили, я не помню, только на столе, возвышаясь над всеми яствами, стояла высокая ваза на тонкой ножке, до краев наполненная красивыми краснобокими яблоками. Когда все разошлись, я собрала в прихожей посуду и ушла разносить ее по блиндажам. Я знала, что на следующий день мы выходим из окружения, и, чтобы у начальника АЧХ не было ко мне претензий, я зашла к нему отчитаться. Он сразу у меня спросил: «А где чайник?» Я ответила: «Сейчас принесу», но не тут-то было. Когда я вернулась в блиндаж командующего, чайник стоял на плите, я подошла, взяла его за ручку, в это время из левого угла вышел адъютант командующего (кажется, капитан или майор) и схватил чайник за противоположный край ручки. Я возмущенно потянула чайник на себя, а он на себя. Я говорю: «Чайник наш, я за него отвечаю. Отдайте!» Он не отдает и говорит: «Было ваше, стало наше». Я стала громче возмущаться. На шум вышел генерал Власов, стоя в дверях, спрашивает: «Что за шум, а драки нет?» Я, запыхавшись, отвечаю: «Нет, так сейчас будет!» и вырываю чайник из рук адъютанта. Власов говорит: «Отдайте чайник девушке, а Вы зайдите ко мне». Чайник остался на плите, а я пошла следом за Власовым. Он сел на край стола, а я рядом, около угла. Поинтересовался, откуда я родом. «Из-под Пскова». — «Где родители?» — «Папа в партизанах, мама с двумя братьями и сестрой остались на оккупированной территории». Он меня успокоил, сказав, что скоро мы освободим Ленинградскую область, и я встречусь с семьей. «Где учились?» Отвечаю: «Окончила перед войной Середкинскую среднюю школу», и показала свидетельство об образовании с приличными оценками (я его берегла в кармане гимнастерки). Он надел на голову генеральскую папаху и спросил: «Вы смотрели фильм «Разгром немцев под Москвой?» — «Пока нет, товарищ генерал». — «Так вот,

когда будете смотреть, обратите внимание на генерала в папаше — это я, когда воевал под Москвой». — «Обязательно», — отвечаю, и спрашиваю (правда, глупый, наивный вопрос): «Товарищ генерал, вы, наверно, и с Иосифом Виссарионовичем встречались? Наверно и разговаривали?» Он смотрит на меня и говорит: «Да, я неоднократно встречался с товарищем Сталиным и разговаривал вот так, как мы с вами разговариваем». Он рассказал, что был послом (или военным атташе) в Китае, немного знает китайский язык, в каких тяжелых условиях живут китайцы и какие они работающие. Затем он рассказал, что был и в Японии, о жизни и быте японского народа. Время быстро шло, он посмотрел на часы и сказал: «Я вижу, что вы грамотная девушка, Вам надо продолжать учебу. Завтра летит в Москву самолет, подготовьтесь и летите в Москву. Здесь вы погибнете, будут страшные бои, а вам нужно продолжать учебу». Я, недолго думая, ответила: «Нет, товарищ генерал, пока родина в опасности я с фронта никуда не уйду!» Он подумал немного, посмотрел мне в глаза, и сказал: «Другого ответа я от вас и не ожидал!» Проводил меня до двери, и больше я его не видела.

Из окружения мы вышли на следующий день не без приключений. В дорогу нам дали по два кусочка сухарей и два кусочка сахара. Вышли утром, дошли до узкоколейки и пошли по рельсам. Кругом были деревья со срезанными осколками верхушками. За спиной у меня был рюкзак со сменой обмундирования, перепрыгивая с рельса на рельс, я шла и смотрела по сторонам. Серый снег уже таял, подступала талая вода, обнажая трупы убитых солдат, лошадей и все, что скрывалось под снегом после тяжелейших боев.

Слева, смотрю, сидит русский солдат, поджав под себя ноги, крепко прижал винтовку к груди, но настолько обессиленный голодом, что не в состоянии подняться. Лицо его было серым, весь заросший бородой, из полуоткрытого беззубого рта сочилась сукровица (цинга сделала свое дело). Мы прошли мимо, сами еле передвигая ноги. Вдруг с левой стороны к узкоколейке подошли две женщины, у одной в руках какой-то небольшой сверток. На них были одеты как бы робы — бесформенные длинные юбки и блузки из маскировочной немецкой ткани (по моему, у нас такая ткань не вырабатывалась). Подошли ко мне. Я спрашиваю: «Откуда вы и что это у вас?» Вдруг слышу тонкий плач ребенка, а они отвечают: «Мы идем куда глаза глядят». У меня же были сухари и сахар, я отломила кусок сухаря и дала

женщине, а сахар весь отдала. Она стала жевать сухарь с сахаром, а потом «выплюнула» его в какую-то серую тряпицу, сунула ее в рот ребенку, он затих, только слышно было, как жадно он сосал эту тряпку со сладким хлебом. Я взяла его на руки, сказала женщинам, что они устали, поэтому я понесу ребенка, и пошла по шпалам, разговаривая с малышом. Пройдя немного вперед, вдруг слышу голос: «Зоя, остановись!» — и еще чей-то крик: «Вернитесь, стрелять буду!» Я повернулась, смотрю, Саша Соловьев, капитан из особого отдела, стоит с пистолетом и приказывает женщинам вернуться. А женщины пытались убежать от нас в лес, оставив ребенка у меня на руках. Хорошо, что от железной дороги, то есть узкоколейки, немцы вырубили просеку по 20 метров в обе стороны, боясь партизан. Поэтому женщины вовремя были замечены и возвращены к ребенку. Когда они подошли ко мне, я спросила: «Как же вы могли бросить ребенка?» Одна ответила: «А мы не бросили, мы вам оставили, вы вышли бы с ним из окружения, и он остался бы живой, а у нас он погибнет». Взяли дитя, и пошли в лес. Что с ними потом случилось, не знаю. Когда я спросила Сашу Соловьева: «Товарищ капитан, а что бы я делала, оставшись с ребенком на руках?» — он ответил: «Если бы вышли, отправили бы тебя в тыл воспитывать его, потом докажи, что ты не его мать!» Такая перспектива меня окончательно потрясла, и я вдруг споткнулась, правой рукой провела по чему-то твердому и скользкому, оказалось, что я наткнулась на кость руки полуразложившегося трупа. Было очень неприятно, я потом долго отмывала руку, и мне казалось, что она все время пахнет трупом. Где-то бомбили немцы. Придя в себя, еле волоча ноги, я пошла дальше. Справа, смотрю, громадная свежая воронка от бомбы, а немного дальше стоят две сосны со срезанными осколками верхушками. Вижу, на растопыренном суке сосны висит серая солдатская нижняя рубашка, а по ней, особенно по горловине и спине, даже под пуговицами, друг на друге висят вши, да так много, что страшно смотреть, а тем более представить, что ее носил солдат и воевал завшивленным, голодным и холодным за Родину-мать.

Встречалось много раненых, убитых, покалеченных. Все стремились выйти из окружения, но не все смогли. Позже было еще сложнее. Нас вскоре перебросили под Тихвин, где мы тоже немало «хлебнули» под Грузино, Силявино и др.

Был у нас в ПО штаба очень хороший человек — комиссар Кириллов Вениамин Витальевич. Внешность его соответствова-

ла идеальному образу комиссара, дела и поступки — тоже. Он был действительно интеллигентным, образованным человеком. Он был очень душевным, и мы с ним разговаривали как отец с дочерью. Он оберегал меня от плохих людей, защищал. С ним было интересно и спокойно. Сам он был из Владивостока. Однажды он мне говорит: «Зоя, ты образованный человек, и должна подумать, как будешь жить после войны. Давай подумаем о твоей специальности. Может, перевести тебя работать на почте?» Я согласилась. На почте я стала работать младшим приемщиком (ППС 790). Я быстро освоилась — оформляла посылки, бандероли, заказные письма, подписку газет и др. Все у меня получалось, даже нравилось, и я с большой ответственностью относилась к порученному делу. Коллектив был небольшой, мы помогали друг другу. Когда приболел почтальон (москвич) Бурцев Григорий, меня попросили разнести почту по блиндажам. А ведь очень непросто, особенно когда темно, мороз или дождь, разносить кипу газет и писем. Однажды забыла узнать пароль, подхожу к одному блиндажу, часовой спрашивает: «Ваш пароль». Я ответила, что не знаю, меня и так узнают. А часовой только что заступил на пост, я его прошу меня пропустить, а он требует назвать пароль. Я на свой страх и риск стала приближаться к блиндажу, а он взвел винтовку на курок, направил на меня и командует: «Ложись, стрелять буду!» Так я и лежала с газетами и письмами на земле, пока не пришел разводящий и освободил меня. Больше я пароль не забывала, так как лично убедилась в строгом исполнении устава нашими солдатами.

Как я на коне въехала на передовую

Это было на Волховском фронте, весной, когда шли ожесточенные бои, и мы выходили из окружения. Мне дали письмо (или пакет) и сказали, что его нужно срочно доставить на наблюдательный пункт. Это была точка на передовой, где командование войсками, в период сражения с противником, наблюдало за ходом сражения. Там была телефонная связь, и связные офицеры отдавали команды, глядя в бинокль или перископ. Я до сих пор не пойму, почему меня — девушку туда послали. Или доверяли, или наоборот хотели избавиться (бывало и такое). Подвели ко мне лошадь (человек там не мог пройти, он просто

утонул бы или завяз в ленинградских и новгородских болотах, а вот лошадки проходили). Я спрятала пакет во внутренний карман шинели, а имеющийся наган спрятала на груди за бортом шинели. Надев пилотку набекрень, села (вернее, меня подсадили) на лошадку (конечно без седла). Она спокойно стояла и была очень смиренная, а, как я потом убедилась, еще и очень умная. Дорога была только одна, сворачивать никуда не надо было. Я дернула поводок, и мы тронулись в путь. Ехать надо было километров 10—15 (мы стояли во втором эшелоне). В детстве мне приходилось сидеть верхом на лошади: когда в огороде окучивали картошку, лошадка шла между грядок, впряженная в соху, я погоняла ее, а папа и мама управляли лошадыю и сохой. Сначала дорога была ничего, вижу такую картину: погода солнечная, ветра нет, болотная гладь поблескивает, отражая кусты, ветхие деревца, кое-где виден мох и осока. Но надо было ехать через болота по настилу из средней толщины деревьев, которые были сбиты скобами и еще чем-то связаны. Но по обе стороны этой дороги валялись убитые лошади, люди, разбитые телеги, ящики от снарядов, рваные мешки и другие предметы. Длина ее составляла метров 500, точно не могу сказать. Это не был мост в прямом смысле слова, а просто настил на болотистой земле. Поэтому страха утонуть не было. Кругом лес, ни одной живой души. Только я и лошадка. Направила ее на этот настил, и она тихо, выбирая, куда ей поставить ногу, а чаще проваливаясь между бревен, тихонько преодолевала это препятствие. Мне хотелось прыгнуть с нее, но я боялась, что потом я не взберусь на ее спину, а зря; когда мы оказались на суше, из-за леса надвигалась темная туча, подул ветерок, вдали раздавался гром, и сверкала молния. Так мы проехали не больше 2-3 километров, выехали на небольшую возвышенность, лошадка моя встала, как вкопанная, и не хотела дальше идти. Я увидела на горизонте леса, как на нас надвигается, как белое полотно, стена дождя. Лошадка моя встала на колени, я слезла, а она опустилась на все четыре ноги. У меня была плащ-палатка, мы накрылись ею, я обняла лошадку за шею, и нас накрыл такой ливень, что потоки дождя смывали все на своем пути (а бугорок нас спасал). Это действительно была стена дождя, никого и ничего вблизи не было видно. Я лошадку крепко обняла за шею и заглянула в ее глаза. Что это были за глаза? Они бездонные, умные, мы так понимали друг друга, что мне стало не страшно с ней ничего.

Молния сверкала, гром гремел, ливень продолжался, нас уже стало заливать. Вдруг дождь кончился, показался проблеск солнца. Моя лошадка-подружка дала мне сесть на ее спину, встала во весь рост, и мы поехали дальше. Кругом никого, где-то впереди слышно было, как строчит пулемет, взрываются гранаты. Ехали мы долго, наконец, на горизонте вижу большую полянку (вернее просеку). Выезжаю из леса на опушку и еду дальше, вдруг смотрю впереди за лесом люди, слышен уже дикий крик, и они дерутся, как раньше были большие драки в деревне, кто чем. Выбегает из леса мне навстречу командир, и кричит: «Куда ты дура, едешь, не видишь, рукопашный бой!» Я повернула лошадь, а он ее сильно ударил, и она побежала. Свистели пули, но нас, к счастью не задело. Оказывается, мы проехали указатель расположения командного пункта, въехали в зону боевых действий на передовой. Проехав еще метров 500, мы наконец-то доехали до места назначения. Я доложила о своем прибытии, и солдат подвел меня к штабу. Лошадку привязали к дереву, дали ей покусать травы, а я, вся мокрая до нитки, вошла в блиндаж, где меня встретил комиссар Кириллов Вениамин Витальевич. Он вынес мне мужское белье, за ширмой я переделалась, развесив свою мокрую форму. Он напоил меня горячим чаем, спросил, как же я решилась одна ехать, неужели солдат не было. Когда узнал, что я в ночь должна возвратиться во второй эшелон, категорически возражал. Через три часа, отдохнув и покушав, я к вечеру выехала в обратный путь. Почему-то мне не было страшно. Отдав пакет комиссару, я даже не поинтересовалась, да и он не сказал, что же было за секретной печатью. Дело военное — тайна. Счастье мое, что это было в период белых ленинградских ночей. Светила луна, но было действительно светло как днем. По дороге обратно, уже после того, как я съехала с настила, мне навстречу попал (тоже на лошади) офицер из оперативного отдела. Обменялись паролями и подъехали друг к другу боками лошадей. Он меня спрашивает: «Зоя, ты знаешь, что Власов предатель?» — «Как предатель?» — удивилась я. — Не может быть!» Он достает какую-то бумажку и передает мне. Это была листовка Власова, попавшего к немцам в плен (вернее, перешедшего к ним). В листовке он призывал наших солдат сдаваться в плен и брататься с немцами, вместе бороться с ненавистным (ему) советским строем. «Я же перед выходом из окружения с ним встречалась, даже разговаривали

долго, он предлагал мне лететь в Москву учиться, а сам предал в армию и сдался в плен. Если бы я знала, что он предатель, я бы его пристрелила!» На листовке была помещена и его фотография в серой каракулевой шапке. Вот как бывает. А сколько пережили солдаты и командиры Второй Ударной армии из-за его предательства. Армия честно и самоотверженно сражалась, но солдаты стали жертвами бездарного руководства фронтом и жутких условий, в каких они оказались.

Третий раз я столкнулась с именем Власова, когда после войны в 1946 г. летом с мужем приезжала на родину в Ветеря II, Середкинского района Псковской области, где в партизанах погиб мой отец Гусев Иван Петрович. Мама же пережила оккупацию, сохранив троих детей. Они получали районную газету «Большевик», и, читая ее, я увидела небольшое объявление, что предатель Власов осужден за измену Родине и повешен в 1946 году. После встречи мы тепло распрощались, и я благополучно доехала до своего места службы, где были рады моему возвращению.

После выхода из окружения в мае месяце 1942 года, 6 гв. СК был переброшен на другое место дислокации. Наш путь проходил недалеко от Ладожского озера, где кончалась «Дорога жизни». Была сделана небольшая остановка, а машины все шли и шли по замерзшему, но уже оттаивающему льду, преодолевая образовавшиеся уже ухабы, заполненные водой, резко качаясь из стороны в сторону. Люди радовались, что преодолели такой опасный путь под бомбежки и остались живы, некоторые крестились. С небольшим интервалом подъехало две «теплушки», крытые брезентом две полуторки остановились, сзади кузова открыли брезент две женщины и стали быстро выгружать, т.е. передавать из рук в руки сверточки. Мы сразу даже не поняли, что это, но когда услышали голос: «Этот еще жиденький», «А этот уже мертвенький», — быстро сообразили, что выгружают грудных детей. Их как бы сортировали — живых для отправки в глубь страны, а мертвых, наверное, захоронили где-то поблизости. Было еще холодно, и женщины работали быстро и слаженно. Это был третий случай моей встречи с грудничками. А како-во было ленинградкам?

В блокадном Ленинграде была и моя родная тетя. Работала она в жилищном отделе ЖЭКа, не эвакуировалась, а осталась на работе, сохраняя квартиры и имущество ленинградцев на своем участке. Неоднократно подвергалась физическому насилию,

оказывая сопротивление мужикам и проходимцам, была на грани истощения. При росте 1 метр 85 сантиметров она весила всего 44 килограмма. После войны я неоднократно к ней приезжала, муж у нее рано умер, и она нуждалась в моральной поддержке. Иногда подолгу засиживались вдвоем, вспоминая все пережитое.

Однажды, гуляя по Зверинской улице, она показала мне окно на 8-м этаже жилого дома, в которое ее хотели выбросить, но она крепко ухватилась за раму разбитого окна, в ужасе кричала, звала на помощь — вовремя подбежали, а грабители скрылись. У нас на почте 790 работал шофером грузовой машины красноармеец Дубасов — истинно русский мужик, высокого роста, лицо с выступающими скулами, глубоко посаженные голубые глаза с хитрецей, добросовестнейший работяга, носил предельный размер валенок и рукавиц, а когда сжимал кулак, то жуть одолевала — как кувалды. Не поздоровится обидчику! Это был добродушный, надежный товарищ. Одним словом — сибиряк, с крутым независимым характером. И вот однажды, преодолевая размокшую после дождя возвышенность, он никак не мог вырулить и вывести машину на дорогу. Мы все повыскакивали на землю и стали сзади подталкивать полуторку. Я оказалась сзади заднего колеса. Когда он включил газ, машина рванула, бешено буксуя, и я оказалась с ног до головы обрызганная грязью.

Ничего не видя, меня ребята оттащили в сторону, вытерли лицо и помогли очистить от грязи шинель. Но как ни старался шофер вырулить с обочины на дорогу машину, ничего не получалось. Мы вместе с машиной пятились назад, еле ее сдерживая. Вижу, как шофер вышел из кабины, в нервном напряжении густо сплюнул и заплакал, смущенно скрывая слезы. Это были дорогие слезы сильного мужчины. Хорошо, что попутный шофер вытащил нас на буксире. Это было обычное проявление фронтовой взаимовыручки: «Сам погибай, а товарища выручай» — неписанный закон фронтовиков!

Однажды после обеда я отошла в сторону опушки леса, как неожиданно увидела, будто из «исчадия ада» вырываются струи огня в направлении противника и услышала шипящий звук выстрела. Я испугалась от выстрела невиданного оружия и спросила у встретившегося мне командира: «Что там такое?» Он успокоил меня и сказал: «Это испытывают новое оружие «Андрюшу». Я заметила, что эта пушка была невысокой, с короткой, как будто обрезанными стволами, но выпущенное пламя огня

все сжигало на своем пути. А вот «Катюшу» я не встречала в нашем заболоченном лесу, хотя слышала о ее мощи. Зато на Юго-Западном и 3-м Украинском фронте мы слышались и насмотрелись вдоволь. Это было и осталось грозным оружием. Оно быстро появилось и, отстреляв, быстро исчезло. За ней охотились немецкие стервятники. Их стрельба транслирующими пулями, летящими через наши головы, поражала мое воображение, особенно в темное время, образуя огненную дугу, неся смерть захватчикам. Мы ликовали! Когда била дальнобойная артиллерия и снаряды с шипением пролетали в сторону врага и слышались их разрывы, казалось, сверкает молния и гремит гром. Не дай бог попасть и под вражеский артобстрел. Еще долго после войны всполохи молнии на горизонте я воспринимала как артподготовку и стрельбу из орудий. Это чистая правда!

Так как все мои родные и близкие остались на оккупированной немцами территории, а выполняющих воинский долг по призыву братьев разметало с отступающими воинскими частями по фронтовым дорогам, поэтому материальная и финансовая сторона вопроса меня не интересовала — оказывать помощь было уже некому. Говорят, нам полагалось денежное довольствие, но я не брала, а всегда подписывалась на всю сумму во время выпуска государственного займа. А вот облигации я не видела и не получала — они все шли на оборону страны. Рады были, что хотя малым вкладом можем помочь нашему государству в столь трудное время. Я от Пскова и до Новгорода, отступая, на своей шкуре ощутила весь ужас начала войны и кошмар эвакуации — теряли все, но жалко было видеть, как матери ценой своей жизни прикрывали телом беззащитных детей и когда погибали при варварской бомбардировке на дорогах и переправах. Я этого никогда не пойму и не прощу любому захватчику в прошлом, настоящем и будущем.

Вспоминаю, когда я работала в столовой комсостава, кроме меня и повара Васи Павлова, прикомандировали краснознаменца Леню Буромского. Интересный парень, общительный и юморист. В свободную минуту или за чисткой картошки мы любили слушать его рассказы и байки на чистом украинском языке, да еще с картавинкой, как две хохлушки ссорились, здорово подбирая такие выражения, импровизируя руками, мимикой, тестами и интонацией голоса, мы хохотали до колик в животе — это было что-то. Леня, конечно, был прирожденный артист, каких мало.

К нам иногда заходила вольнонаемная, несшая службу у командировавшего. Ее встретили приветливо, угостили супом. Она спокойно ела и смеялась вместе с нами. Тут, как черт Леню за язык дернул, он спросил женщину: «Ты не замерзаешь там?» Но не успел он окончить фразу, как в него полетела тарелка с супом, забрызгав всех нас. Она, испортив всем нам настроение, быстрым шагом ушла, не объяснив своего поведения. Мы обескураженные остались в недоумении, не зная чем объяснить ее поведение. Леня только сказал: «Это плохо кончится». И правда, утром мы не дождались его на работу и больше о нем ничего не слышали. Можно было предположить, что его перевели в другую часть. Да, такие случаи бывали, когда мы, люди, понимали шутку превратно.

Был у нас в столовой патефон, который стоял слева у входа на небольшом столике с разложенными пластинками. Каждый входящий мог покрутить ручку, поставить пластинку, заигранную до предела, а иногда и треснутую не очень и тут... начинал вращаться диск и разносились по всей столовой с треском и шипением мелодии «Дунайского вальса», «Амурские волны», любимые песни Шульженко «Синий платочек», «Голубка» со словами: «Где бы ты ни плавал, всюду к тебе, мой милый, я прилечу голубкой сизокрылой», Утесова «Легко на сердце от песни веселой» и других исполнителей. Эти песни все же умиляли обедающих командиров, создавали теплую, домашнюю обстановку, люди добрели, улучшался аппетит, а тем более в обед после принятия 100 граммов водки. «Традиционные сто грамм, без них бы Зое стыд и срам», — так писал журналист, поэт Елизаров, еще... «чуть патефончик кто затронет, поднимет он и хрип и вой, как будто ведьму где хоронят, иль горько плачет домовой...» Приятно было смотреть, как люди после обеда добреют, даже не скупятся на комплименты и «спасибо». Я благодарна им за это! За обедом они вспоминали о своих родных, обменивались новостями, описываемыми в письмах родных и близких. В небольшом стихотворении поэт Елизаров написал замечательные слова: «Верой в жизнь она полна, а скажите кто она?» Да! Это рифма стихотворная относится ко мне, но я всегда твердо уверена, что весь советский народ был уверен в победу над ненавистным врагом, — и мы победим. Вера в жизнь и победу согревали наши сердца.

На фронте я задавала себе вопрос: «Интересно знать бы, какая у нас будет жизнь через 40 лет?» Живы мы остались, но не

все, прошло больше 60 лет со дня победы. Семьи создали, выросли и состарились дети, внуки уже выросли, даже правнуки есть, а вот особой радости от жизни не ощущаю. Выполняли в 4 года пятилетки, напряженным трудом восстановили разрушенное народное хозяйство, а у нас особой радости нет, все покупается и продается: для многих стало недоступным высшее образование, приличное лечение и отдых доступно только богатым, очень остро стоит жилищная проблема. Может я пессимистка — проживем еще немного, увидим. Тяжелые годы войны, выпавшие на долю нашего поколения, я оцениваю, как высшее проявление верности Родине, своего человеческого достоинства и гражданского долга. Война научила меня ценить жизнь и уважать прошедшее поколение на смену нам.

Сейчас я с трепетом вспоминаю дни давно прошедшей юности, выпавшие на годы войны. Но где-то подсознательно понимаю, что окажись я в другой обстановке на фронте, я сделала бы больше, будучи снайпером, санитаркой, связисткой и т.д. Все равно у меня не было ни одного дня без работы на своей службе. Мне приходилось встречаться с командующим Новгородской армейской группой войск генералом Коровниковым (позже он командировал 59-й армией). А сержанты и рядовые были на всю жизнь родные. Да, встречались и с Власовым. Я была свидетелем, как работали на месте и в походе связисты, держа непрерывную связь с бесчисленными отделами и командными точками на передовой. Быстро и четко восстанавливали оборванную связь.

Смешно об этом вспоминать: мы были молоды, но было не до любви. А иногда идешь или стоишь, а кому-то хочется тебя ущипнуть, пошутить, а иногда попытаться коснуться груди или обнять. Впоследствии я была очень осмотрительна и знала от кого что можно было ожидать. Один товарищ даже предложил руку и сердце.

Но! Удивительное влияние на мое воспитание оказала родная тетя Дуся. В деревне престольные праздники отличались большим наплывом гостей, широким гуляньем «туда-сюда» вдоль улицы с гармошкой или балалайкой, песни разливались на всю деревню. А иногда бывали и мордобои, т.е. «стенка на стенку», когда в драке ломали заборы. Искусив все удовольствия праздника. Поздно вечером тетя Дуся с мужем сказали, что идут домой. Ночь предвещала быть светлой. Вдруг ко мне подходит

брат одного одноклассника, звали его Шура, он учился в Ленинградском военном морском училище и я не была с ним знакома, но слышала о нем. Он робко взял меня за руку и тихо сказал: «Зоя, пойдемте вместе, я вас провожу до дома. Разрешите, пожалуйста». Я очень смутилась и сказала: «Спросите тетю Дусю, если она разрешит — я согласна». Обращаясь к тетушке, Шура спросил: «Евдокия Александровна, разрешите Зою проводить до дома. Очень прошу!» Тетя посмотрела на меня, румяную и смущенную, и сказала таким холодным тоном: «Я разрешаю, бог с вами, но смотри мне девку не испортить!» Я готова была сквозь землю провалиться. Подзывает меня указательным пальцем к себе и в назидание говорит: «А ты, девка, смотри, не целуйся, а то забеременеешь!» Все! — это было для меня на всю оставшуюся жизнь, она надолго отбила охоту целоваться.

Встречались не долго, он уехал учиться, и мы расстались. Он мне очень нравился. Мы больше не встречались, но, уходя на фронт, он просил сестру передать мне, что очень меня любит. Война оказалась нашей разлучницей. Шура погиб, а память о нем я пронесла через всю жизнь. Светлая память ему! В войну я оторвалась от семьи в бушующем пламени, всегда помнила ее совет, который помогал в самосохранении. Спасибо тетушке! Вскоре, после войны, мы с ней встретились в Ленинграде. Вспоминая все прошлое и пережитое, я напомнила ей и этот эпизод. Покачивая головой, она рассмеялась и сказала: «Я даже не предполагала, что ты такая наивная».

Нас воспитывали в труде и строгости. Мы прекрасно сознавали, что любые разговоры и сплетни дойдут до родителей и подвергнутся суровому осуждению взрослых. Нравственные устои деревни того времени во многом сдерживали и подавляли словоблудие и распущенность. Мне всегда было стыдно, когда слышала пошлые или так называемые «сальные» разговоры, или когда взрослые ругались отборным русским матом. Я всегда краснела от стыда, делала вид, что не слышу, или незаметно, а иногда даже демонстративно удалялась. Это не слова, а действительный был образ жизни. Поэтому мне было сложно воспитывать свой трех дочерей, которые родились в другое время, жили и росли в других условиях, общались со своими сверстниками, отрицающими все условия бытия. Мое непонимание их иногда осуждалось, но все вышли благополучно замуж, нарожали нам внуков и внучек, а они порадовали нас правнучкой и

правнуком. Родители строго следили за нашим отношением к старшим, с детства приучали здороваться, помогать стареньким, не обижать маленьких. Я была старшая дочь из пяти детей, потому, сколько себя помню, все время качала люльку, нянчила и гуляла с детьми. Очень хорошо помню, — мы с бабушкой ходили в церковь, вместе с ней крестились, кланялись уже в пояс, даже стояла на коленях, как это делали взрослые.

Когда мне исполнилось 12 лет, бабушка скорпостижно умерла, горю моему не было предела, я очень плакала и очень переживала, уже не было той радости общения с другими.

Но заложенное с детства поклонение и уважение к культуре и религии сохранилось на всю жизнь.

Я не приемлю и не хочу видеть на экранах обнаженных красоток, да и тех, кто внедрил и внедряет насилие и секс, в этом противоборстве развращается и гибнет молодежь. Но, к сожалению, кроме возмущения и осуждения, наше вымирающее поколение беспомощно и не может что-то изменить к лучшему. Все пороки в нашем обществе продолжают процветать.

Правда, бывая на уроках мужества в школьных классах, общаясь с ребятами старших классов, я нахожу их более, чем были мы, раскованными, эрудированными и любознательными, и это радует. Раньше было больше порядка и ответственности, меньше вольности, а о наркомании мы понятия не имели. Помню поля, засеянные коноплей, из семян которой выжимали конопляное масло, а сейчас эти посевы просто уничтожают, чтобы не извлекли из них наркотик.

Вернемся к фронтовой жизни. Каждый из нас солдат имел необходимые предметы быта и оружие. Кроме обмундирования, плащ-палатку, ложку с вилкой складную, котелок с крышкой, флягу для воды и алюминиевую кружку. Сапоги обычно были немного свободнее, чтобы можно было обуться с портянкой. При длительном хождении по болотам кирзовые сапоги пропускали сырость, ноги промокали, поэтому стопы белели, а кожа скукоживалась. Спали тревожно под грохот канонады. Я всегда стеснялась вытянуться во сне во весь рост, даже иногда, будучи одетой, а может, для сохранения тепла. Примечательно, что большинство солдат на своем котелке или ложке выцарапывали или выбивали свои инициалы и даты. Сейчас, спустя десятилетия, поисковая группы при раскопках останков находят и устанавливают личность солдата погибшего в бою по этим скром-

ным данным и сообщают родственникам и место захоронения бойца. Лично у меня, да и у многих из нас не было медальона.

Несмотря на обстановку, обязательным правилом по уставу было регулярно подшивать белые подворотники к гимнастерке. Это была полоска из простой белой ткани, за неимением - стирали, сложенная вдвое и аккуратно пришита так, чтобы видно было кантик — это искусство так пришить. Позже придумали выпустить белые пластмассовые пластинки, то они были неудобны и натирали тело. Обязательной принадлежностью была иголка с ниткой. Чтобы не быть зависимым от других, ею дорожили и хранили под клапаном верхнего кармана гимнастерки или в складках пилотки. Однажды, стирая гимнастерку, я забыла об этом, иголка вонзилась мне в ноготь большого пальца, сломалась и только в санчасти мне ее удалили, вырезав из ногтя. А вот с принадлежностями женского туалета всегда была проблема, и мы должны были изыскивать «подсобные материалы» в критические дни. Как быгодились нам тогда современные памперсы. Помню, выдавали узкий пояс с клетчатой прокладкой, но они были неудобны в пользовании и только раздражали. Это усложняло нашу службу, но мы как-то изворачивались и стеснялись кому-либо жаловаться. Иногда боль в пояснице была нестерпима, сковывала желание двигаться, хотелось полежать в тепле и забыться в крепком сне, но этого не получалось. Терпели все.

Женщинам среди мужчин было нелегко, даже постиранные трусики не вывесить на сучок посушить. Просто на ночь мокрые клали себе под бочек, и к утру они высыхали. Иногда мужчины проявляли к нам интерес и заботу, но ухищренные, настойчивые ухаживания да ревность раздражали и усложняли нам жизнь. Сознавая свое безвыходное положение, мы терпеливо переносили, сопротивляясь всяким казусам бытия.

Конечно, там, где было много женщин, как в батальонах связи, и других женских воинских частях, наверное, было легче намного, чем одиночкам, разбросанным по отделам. У них был командир и замполит, которые заботились о них и отвечали головой за своих подчиненных. Ритм жизни, режим и быт были налажены и выполнялись беспрекословно, соответственно выработанным правилам устава, а вот женщинам «одиночкам» в мужском коллективе было намного сложнее. Страшновато было, когда на ночь оставалась одна в большой палатке. Выбирала

себе где-то в уголке потеплее местечко, ложилась, свернувшись калачиком, укрывалась с ног до головы шинелью и старательно глубоко дышала, чтобы согреться. Но ноги трудно было в холодное время согреть, потому что в скорчившемся состоянии кровь слабо циркулировала и плохо доходила до пальцев и стопам ног. Долго не удавалось уснуть, да и обстрелы мешали, а время шло и недосыпание отражалось на настроении и здоровье. Часто простуживалась, а к врачам не обращалась, лечилась крепким чаем с сахаром, чуть-чуть добавляя водки. Отсюда приобретенный хронический бронхит, кашель с насморком и признаками астмы.

Я уже писала, что накануне войны я переболела в тяжелой форме плевритом, но окончательно не долечила, и в результате образовались спайки плевр. Меня хотели отправить в госпиталь, но я отказалась, потому что физически я чувствовала себя не плохо, да и врач, приходившая снимать пробу с приготовленной пищи, внимательно наблюдали за моим выздоровлением.

Даже сейчас, после нескольких десятилетий после войны, сделав снимок рентгена, врачи недоуменно спрашивают: что это у вас за пятно на снимке? Приходиться объяснять, что это не туберкулезного происхождения, а от перенесенного плеврита. Да, время калечит, время и лечит. Наверно, помогло крепкое здоровье и желание выжить и победить.

Тяжело забыть пережитое, мне кажется, еще долго я буду чувствовать, что «не вышла из болота» под Мясным Бором. Уж больно глубоко в памяти сердца засели те события.

Попытаюсь вспомнить некоторых женщин, с которыми приходилось встречаться, кто запомнился и не забывается. В особом отделе штаба 6 гв. СК работала девушка Нина, высокая, стройная, симпатичная. Когда мы встречались в блиндаже, разнося почту или наши пути пересекались на лесных тропинках, она всегда мило улыбалась, приветствуя меня. Значительно позже я узнала, что она вышла замуж за коллегу по работе Сашу Совельева, полноватого, среднего роста и очень милого человека. Вспомнила — капитан Соловьев, о котором я писала выше, который помешал двум женщинам оставить у меня на руках брошенного ими ребенка. Он решил дальнейшую мою судьбу. Спасибо ему.

В оперативном отделе машинисткой работала девушка Вера. Она так всегда была загружена работой, что редко выходила из

блиндажа, я слышала, что она очень быстро печатала, но при плохом свете у нее уставали глаза, болели руки, но держалась хорошо.

У заместителя комитета корпусом генерала Дреера была в прислугах как бы, вернее, в штабе, пожилая женщина и несла службу молодая ленинградка Таня. Высокая, красивая, ходила в гражданском платье, а голову повязывала шарфом по форме «Чалма». Я всегда удивлялась, как она искусно его завязывает. Мне хотелось так же научиться носить головной убор, но кроме пилотки у меня ничего не было под руками, но Таня на своем шарфе показала, как это делается. Только после войны я освоила этот урок на собственном опыте. Вид гражданских не вязался с военной обстановкой и был мне казался, как то неуместен.

Застрявши в лесных болотах, я на долгое время оторвалась от мирной жизни, от общения и встреч с гражданскими людьми, все время думала о судьбе родных и близких, эта неизвестность тяготила меня, мучил вопрос: живы они или погибли? Я все время писала письма никуда? Только после освобождения Псковской области от фашистских захватчиков я наконец получила долгожданное письмо от сестры, в котором она писала... «папа погиб в партизанском отряде, не немцы, а полицаи эстонцы несколько раз приходили с обыском, угрожая расстрелом. После гибели папы, маму забрали в тюрьму, избивали несколько раз до полусмерти, отливали водой и снова допрашивали, ее морили голодом, но она все выдержала, не предав никого. Бывшие колхозники не давали земли посадить хоть что-то, отступая, немцы, сожгли дом. Есть было нечего, ушли жить в чудом оставшуюся баню дяди — папиного брата.

Для поддержания своего существования приходилось есть опилки и мох, выкапывать корни. Братишку Николая насильно взяли работать в г. Псков, но он сбежал; хотели посадить в тюрьму, он второй раз умудрился спрятаться». Получив такое письмо, я неистовствовала, хотелось своими руками душить эту нечисть. Уже после войны в 1946 г. мы с мужем останки папы вывезли из леса и перезахоронили на деревенском кладбище. Младший брат Николай погиб на фронте, и останки его покоятся на дне Чудского озера, так рассказывают его друзья-однополчане, оставшиеся в живых после этого сражения. На наш запрос из архива ми получили справку, что рядовой Гусев Николай Иванович пропал без вести. Позже один полицейский сказал сестре,

что их оставили в живых потому, что в маме наполовину «текла эстонская кровь». Моя бабушка была чистокровная эстонка. Старший брат Александр всю войну прошел по фронтам на передовой, был ранен и контужен, приезжал на свою родину, установил мемориальную доску на могиле отца. Маму и младшего брата Бориса мы с мужем взяли жить к себе на Украину. Окончив суворовское училище в Киеве и отслужил положенный срок, вопреки здравому смыслу он стал не военным человеком, а сугубо гражданским.

Перед войной в средних классах нам в школе преподавали немецкий язык, у меня был русско-немецкий словарь, с помощью которого я даже могла составлять целые предложения. На фронте мне пришла мысль стать переводчицей, завела тетрадь и стала записывать слова в соответствии со временем терминологии, но, разговаривая по-немецки с переводчиком, он мне сказал: «Зоя не трать зря время, немецкий язык надо изучать серьезно и долго». Фронтovou тетрадь я сохранила с записями слов. Это тот случай, когда желание не совпадало с возможностью.

В 2002 г. произошла неожиданная встреча в Московском комитете ВОВ. Я тогда активно работала с группой ветеранов под руководством Таисы Каплан. От имени Московского комитета ВОВ мы проверяли работу школьных музеев г. Москвы, писали отчеты о проведенной работе, для отбора лучших музеев как показательных, поэтому я часто бывала в Московском комитете ВОВ. На одной из встреч подошел ко мне невысокого роста, но стройный, сравнительно немолодой ветеран, удивительно смотрит на меня и спрашивает: «А вы, Зоя Ивановна, меня не узнаете?» Я мысленно начинаю быстро вспоминать, но тщетно. Тогда он представляется: «Я бывший ваш комсомолец Никульшин Владимир Владимирович, вот мой комсомольский билет с вашей росписью об уплате членских взносов». Я была поражена — в графе красными чернилами стоит моя роспись «Гусева», сделана в 1942 году на Волховском фронте, когда я была избрана комсоргом штаба 6 гв. СК. К большому сожалению, Владимир Владимирович через два года скончался от сердечной недостаточности.

В период оборонительных и наступательных военных действий в районе Мясного Бора обстановка была очень сложная. Немцы методически бомбили и обстреливали, круша все кругом. Ветки деревьев срезались осколками, как ножом, а при

прямом попадании вообще валялись с вывернутыми корнями, воронки быстро заполнялись водой. Истощенные голодом люди брели, поддерживая друг друга, а прятаться было негде, кругом болото. А люди все шли и шли в надежде выбраться из кромешного ада.

До последнего момента, где-то в середине марта, по узкоколейке с трудом можно было пройти. Немцы, говорят наши, тоже словно ада боялись там появляться. Но замерзшие и голодные люди, пренебрегая опасностью, пытались прорваться, надеясь на удачу. Самолеты У-2, или как их еще называли «кукурузники», иногда пролетал через линию фронта и сбрасывали мешки с сухарями и др. провиантом прямо в заболоченный лес; говорят, даже были случаи, когда мешки попадали и к немцам. Бумажные, хотя и плотные мешки при падении рвались, и все содержимое высыпалось в болото. Помню из комендантского взвода направляли наряд солдат на место сброса продуктов, но были случаи перестрелки за мешок сухарей.

Ощущался острый недостаток соли. Все запасы кончились, и решили интенданты, что нужно послать в д. Мясной Бор, где когда-то были большие запасы. Было выделено двое: старшина из разведотдела и я. Под вечер благополучно добрались до деревни, но безрезультатно, пришли с пустыми руками, склад не нашли, деревню обстреливали из орудия, жители все попрятались по лесам или заранее эвакуировались. Несолоно хлебавши на обратном пути попали под обстрел и просидели под елкой до рассвета в страхе, холоде и голоде. Продрогнув до костей, блуждая по лесу, вышли к своим.

Немного отдохнув, через день снова пустились в путь. Задание требовало немедленного исполнения. Старшина уточнил место расположения склада, и мы более уверены были в успехе похода за солью. Ориентируясь на узкоколейку, а иногда по ней, через бурелом, через кочки, держась за поваленные деревья, чтобы не упасть, медленно, но шли напролом к цели. Первым шел старшина, за ним я, опираясь на палку. Везде валялись неубранные трупы, немыслимо искореженная техника. Чувствовался смрад разложения. Убитые лошади вздулись, от некоторых были отрублены большие куски мяса. Ужас. Нас уже не пугали разрывы снарядов, мы с большим риском ближе к вечеру добрались до деревни, основательно разрушенную и сгоревшую, не было видно присутствия живых людей. Нам повезло, откуда-

то, как из под земли появилась испуганная женщина, помогла нам найти место складирования, но соли, к большому огорчению, не было, все растащили.

Она подсказала нам попробовать землю на язык; и правда, земля хранила вкус соли. Мы решили собрать соленую землю в вещмешки, а по возвращении растворить ее в воде. Перекусив немного жалким бутербродом, забросили вещмешки за плечи и в ночь пустились в обратный путь. Слышались невдалеке взрывы снарядов, немцы ракетами освещали лес. Было опасно, как бы не обнаружить себя. Деревня стояла рядом с лесом, поэтому мы быстро скрылись в темноте (вернее, от деревни остались одни головешки). Вскоре по пути к нам присоединились три солдата, бродившие по лесу в поисках своей части. Бесшумно «змейкой», уже впятером, прыгая с кочки на кочку мы проходили опасный путь. Ведомый в темноте осторожно выбирал путь, ступая по болотистой хляби, боясь в любую минуту оказаться в воронке, заполненной водой, а их было много. Погода была пасмурная, месяц скрывался за темными облаками, поэтому ночь была темная. Я шла в цепочке предпоследняя. Вдруг в темноте четко слышу приглушенный голос: «Немцы, спасайтесь!» Чувствую, что-то произошло: молчаливая возня и вскоре все затихло... но солдата, шедшего вторым, уже среди нас не было. Парень, который шел третьим сказал: «Я нутром чувствовал, что за нами следили немцы, которые и взяли «языка», но я вовремя не успел отреагировать».

Оставшись вдвоем, те солдаты, потрясенные случившемся, отошли от нас, и мы их больше не встречали. Я даже не успела по-настоящему сообразить — так быстро произошла эта трагедия. А может, ребята пошли на выручку друга? Я до сих пор с ужасом думаю: «А ведь могло случиться, немцы схватили бы меня или старшину?» Это была бы катастрофа в моей жизни.

В штабе нас ждали и переживали. Дошли мы благополучно, больше молчали, думая каждый о своей удаче и жалкой судьбе солдата. Соленую землю мы растворили в воде, и все окунали палец и облизывали. Проблема с солью так и оставалась нерешенной, вплоть до выхода из окружения. Наш 6 гв. СК выходил из окружения во второй половине марта 1942 года. Но вскоре немцы закрыли горловину и ситуация еще больше усложнилась.

Проходя по лесу, я лично видела прибитую прямоугольную дощечку с надписью: «26 февраля 1942 года здесь погиб Всево-

лод Эдуардович Багрицкий». И все. Он работал военным корреспондентом армейской газеты 2-й Ударной армии «Отвага», трагическая судьба которой печально известна.

Работая на полевой почтовой станции 790 младших приемщиков, я осваивала новую профессию небезуспешно. Привозили большую партию газет, журналов, писем, меньше переводов. Все это надо было разобрать по адресам и разнести по блиндажам. Это была очень ответственная и почетная служба. Меня ждали, но когда я задерживалась, разыскивая в темноте тот или иной блиндаж, все за меня беспокоились и спрашивали друг друга по телефону: «А наша Зоя еще не приходила?» Или: «А наша Зоя уже пришла?».

Однажды, занеся почту к начальнику штаба, я немного задержалась и вдруг вижу в сопровождении нашего солдата ведут пленного. Увидев, неожиданно для него, меня он приостановился, слегка улыбка скользнула по его усталому лицу, и он глазами показал на свои ноги, обутые в громадные бахилы сверху основной обуви, сплетенные то ли из лыка, а, скорее всего из соломы. В то время мороз стоял за 30 градусов. Пленный оказался итальянцем из «Голубой дивизии». Смущенный своим пленением и видом, он чисто по-русски сказал «танки», показывая глазами на ноги. Вид, конечно, у него был не геройский. Он не был озлоблен и вел себя достойно, как и подобает итальянцу. По-моему он был рад пленению, ведь война для него уже хоть с позором, но закончилась.

Пленные же немцы всегда на лице выражали откровенную ненависть к нам и презрение, выражая даже в плену свое высокомерие. Сама видела в разведотделе поведение тяжелораненого немецкого офицера, привезенного с передовой. Он лежал, скорчившись от боли, лицом к стенке блиндажа. К нему пошел наш офицер с санитаром и стал по-немецки что-то спрашивать. Немец с трудом приподнялся на локти и с искаженным от боли лицом пытался плюнуть, но не смог, обессиленный, отвернулся к стенке и замолчал.

В зимний период 1942 года штаб 6 гв. СК. переехал на другое место дислокации — более сухое и высокое. У подножия небольшой возвышенности нашими предшественниками были, вырыты блиндажи. Мы, измученные переездом на морозе, очень обрадовались, что попали в более нормальные условия службы. В отведенном нам блиндаже посередине стояла небольшая

круглая чугунная печь, по обе стороны земляные лежаки были покрыты еловым лапником. Приятно пахло хвоей и солдатским потом. Уже смеркалось, трещал крутой мороз, все спешили скорее рухнуть на настил и забыться долгожданным сном, благо наступила ночь и обстановка позволяла немного расслабиться. Растопленная печь приятно согревала нас, мы притихли и разговаривали почти шепотом. Вход в землянку закрыли плащ-палаткой, которую одолжил солдат. Стало тепло и уютно. Принесли ужин, поели и начали укладываться спать. В чем были одеты и обуты, в том и ложились. Из девчонок я была одна. Ребята отвели мне место на лежаке ближе ногами к печке.

Лежа на боку, плотно прижавшись друг к другу, мы, усталые, быстро уснули. Но солдаты прибывали в надежде погреться и уже ложились в два ряда друг на друга. Усталость, конечно, одолевала, и солдаты буквально валились с ног. Я, засыпая, четко слышала здоровый храп уже крепко спящих солдат... но никто из нас не подумал выделить хоть ненадолго смену солдат, чтобы следить за печкой, для поддержания в ней огня. Однако, ночью, когда все спали безмятежным сном, с входа кто-то снял палатку и унес, а может, и спрятал. Естественно, дрова в печке прогорели, ветер намел слой снега и охладил блиндаж до предела, стало холодно, как на улице. Меня ребята разбудили, когда один солдат проснулся и поднял тревогу. Первое мое ощущение было тревоги, а потом я почувствовала, что ноги мои замерзли, незащищенные от мороза. Протрав глаза от сна, почти в темноте, вижу, ребята с трудом стаскивают с ног сапоги, ведь у всех портянки были влажные и они примерзли к сапогам. Валенки были у немногих. Кто-то пытался быстро растопить печь, многие пытались разогреться и спасти примороженные ноги.

Надрезав голенища, с меня тоже с трудом сняли кирзовые сапоги. Ноги были белые, и я их не чувствовала. Быстро принесли снег, и ребята по очереди стали оттирать ступни моих ног, пока они слегка не покраснели и я зашевелила пальцами ног. Было очень больно, но я не плакала, а только понемножку скулила, ребята шутками подбадривали, но ноги спасли. Хотели дать мне спиртного для согрева, но в наличии ни у кого не оказалось. Зато одна добрая душа предложила мне чистые, белые, новенькие, фланелевые портянки, в которые завернули мои ножки 39-го размера и натянули сапоги, сказали: ходи и прыгай, сколько сможешь, чтобы разогреться. Ноги ломило до слез, бы-

ло очень больно, но спасибо солдатам, спасли! В этом случае ярко проявилось фронтовое братство. Я уже больше не ложилась спать, растопила печь, своей плащ палаткой завесила вход в блиндаж и всю оставшуюся ночь дежурила, поддерживая огонь в печке, чтобы солдаты хорошо выспались. Утром они меня сердечно благодарили за проявленную заботу. Один солдатик так расчувствовался, что даже предложил закурить. Вот смеху-то было, когда узнали, что я некурящая. А вот кто снял палатку с входа, оставив спящих людей на морозе, так и не удалось узнать, видимо, кто-то из мимо проходящих прохожих. Подобные подлые поступки на фронте расценивались, как предательство и вызывало всеобщее презрение и заслуженное наказание.

Однажды при очередном переезде на новое месторасположение штаба ночь нас застала на открытой поляне недалеко от леса. Блиндажи еще не успели приготовить, и нам пришлось спать зимой на морозе под 30 градусов под открытым небом. Усталые, но готовые на подвиги, помню, выбрали повыше участок небольшой, очистили от снега, наломали лапника с елочек, устлали наше лежбище, а сверху прикрыли палаткой. Готовясь ко сну, не раздеваясь, конечно, на голову натянули шапки-ушанки, прикрыв от обморожения уши, отогнули козырек, чтобы голова была в тепле, и завязали узелком завязки, чтобы шапка не сползла с головы ночью. Мы были приятно удивлены, когда нам предложили по две грелки. Одну нам порекомендовали положить под шинель в области желудка, а вторую грелку, когда легли, положили сверху сапог на носки ног, чтобы не отморозить пальцы. Выделяя тепло, грелки сыграли большую роль, обогревая всю ночь нас. Мороз уже был не страшен, глядя в голубое небо, быстро свалил сон. Как же не хотелось ночью вылезать из этого теплого гнездышка в туалет! Потом уже долго смотрела на обсыпанные звездами небеса вселенной. Кругом стояла редкая тишина, а над нами висела круглая луна, излучая серебристый свет на вселенную. Красота, да и только и ни одного обморожения. И все это благодаря заботе наших командиров.

Кроме поганных фрицев — внешних врагов нашего государства, нас донимали до печенок еще внутренние враги — платяная и головная вошь. Чтобы не допустить большую завшивленность, был издан приказ командования обрезать женщинам длинные волосы. Не всем нравилось расставаться с косами, но приказ есть приказ. Откуда только брались эти паразиты, кото-

рые отвлекали почесыванием и приносили моральные переживания от своего бессилия бороться с ними, дискомфорт и физическую неприятность. Слышала, что у высшего комсомола было шелковое белье, на котором эта тварь не задерживалась, я еще удивлялась, — а почему о нас не подумали? Простая братва все терпела, усмехаясь, безжалостно давя их ногтями, или когда очень много, на камень клали рубашку и били другим сверху. Эпидемстанция и санитарная служба, конечно, следили за гигиеной и здоровьем военнослужащих. Регулярно выпаривали обмундирование в железных бочках, специально подготовленных для этой цели. Организовали банные дни, но они еще больше размножались, и, выпивая нашу кровушку, садистски донимали. Эту неприятную для читателя тему я оставляю, не вдаваясь в подробности.

В начале войны, по совету продавцов — «Не пожалеете» — я купила костяной гребешок с частыми и редкими зубцами, расположенными по обе стороны, и рейтузы хлопчатобумажные — это необходимые вещи для женщин на войне. Приобретенные вещи меня очень выручили на фронте. Только не резинку, а крепкую веревочку я взяла в пояс для завязывания, для страховки в непредсказуемый случай.

Фронтные врачи достойны глубокого уважения за самоотверженный труд во имя спасения человека во всех сферах его деятельности. Они не ждали, когда к ним придет больной, а сами старались предупредить простуду, обморожение и другие заболевания, проводя предупредительную профилактику. Мне почему-то кажется, что на войне меньше болели инфекционными болезнями и больше попадали в госпиталь с разными степенями ранений, контузий, ожогами. Я свою контузию перенесла на ногах, через три дня слух и зрение восстановились, может зря в госпиталь не легла, считала — это пройдет. За четыре года я сотню раз попадала под бомбежку, то бог миловал, все обходилось, только шум в голове не проходил. Видно, горькая судьба обошла меня стороной. Чудо!

Врачи следили за качеством приготовления пищи, когда позволяла обстановка, конечно, во время окружения и выхода в районе Мясного Бора — было не до этого, голодные люди поедали все, что еще летало, ползало и разлагалось. Я рожденная на Псковщине, с детства ходила в лес за грибами, ягодами, и всегда мама предупреждала: «Зоя, следи, чтобы гадюка не укуси-

ла». Я их немало видела, старалась обойти, а когда подросла — то и убивала. Почему-то в войну я не видела не одного гада, ящерицы и ужа, даже лягушки не встречались в лесу, может, чувство страха они чувствуют и уползли поглубже в норы, сохраняя свою жизнь, или мы их всех поели. Интересно знать! Вернусь к бане: нам устроили баню в землянке; когда я вошла, то на земле уже было много воды и плавала трава, сено или хвоя. Многие уже помылись, видно, дезинфекции никакой не было и на следующий день на подошвах ног образовалась водянка, кожа отстала от мяса, между слоев в 1 сантиметр было заполнено мутной жидкостью. Я с трудом ходила, еле доплелась до санчасти, мне следы густо смазали какой-то дурно пахнущей мазью, перебинтовали, и я через неделю избавилась от этой заразы. Сказали — подхватила инфекцию.

Километра три от нашего штаба в глубине леса расположился банно-прачечный отряд. В основном там служили женщины. Прогуливаясь по лесу, я случайно встретила одну из них, познакомились и поговорили. Она рассказала, как попала в армию, о тяжелой службе и показала свои натруженные, красные, отпаренные горячей водой и разъеденные щелочью руки, а сколько ведер воды переносило, мне ее стало жалко. Славные труженицы.

Я всегда удивлялась, как они могли маскироваться в зеленом лесу от немецких стервятников, ежедневно стирать, кипятить белье и сушить его на воздухе в любую погоду. Уже почти на 3-ем Украинском фронте я видела последствия бомбежки госпиталя, трупы убитых, крик о помощи раненых и везде висящие бинты и тряпье на деревьях, да глубокие еще дымящие воронки.

Политотдел 6 гв. СК корпуса издавал газету «Гвардейский удар», в которой за 136 от 27.07.1942 года была напечатана маленькая заметка «Комсомольцы исправили дорогу» — там было напечатано следующее: «Чтобы движение транспорта шло бесперебойно, комсомольцы привели в порядок разбитую дорогу на протяжении 700 метров... Хорошо работали комсомольцы-гвардейцы Гусева, Бахлин, Матвеев и другие».

Да, Гусева, т.е. лично я очень хорошо помню этот случай. Дорога была страшно разбита, вся в ухабах и колдобинах, мы их засыпали землей, пилили, рубили и носили прутья и бревна, укладывая их и утрамбовывая дорогу. Да это был трудовой подвиг

комсомольцев штаба корпуса. Старшие командиры выражали нам благодарность. Спасибо неизвестному корреспонденту — оценил наш труд.

Не очень то хотелось писать, но не писать не могу. Пусть знает будущее поколение о суровой действительности военного времени. С дисциплиной и разгильдяйством на фронте было очень строго. Присяга на верность Родине, лозунг «Ни шагу назад», призывали нас «Вперед и только вперед». Кто несерьезно воспринимал или отступал от этих требований, а тем более дезертировал — тот сурово наказывался военным трибуналом, как предатель и изменник Родине. Совершенно случайно на полянке около леса я увидела построение солдат в четком порядке буквой П, или так называемом каре. Командир что-то читал перед строем, а рядом с ним стоял солдат с винтовкой на перевес, готовый в любую секунду выстрелить. Несколько солдат тоже внимательно и напряженно вслушивались. Я потихоньку подошла и вижу — на противоположной стороне посередине стоит солдат с поникшей головой. Я спросила у рядом стоящего: «Что происходит?» Солдат ответил, что читают приговор о расстреле дезертира. Стоящий в одиночестве и был дезертир. Закончили чтение приговора, наступила напряженная тишина. Командир дал приказ солдату с винтовкой: «Готовься!» — всем: «Смирно!»; после команды «пли!» прогремел выстрел, и дезертир упал мертвым.

Еще везде висел лозунг: «Не болтай — враг подслушивает» — долго звучал суровым предупреждением в наше время. Война не подарок судьбы, а тяжелейшее моральное, психологическое и физическое испытание.

В школе нас воспитывали в духе любви и преданности Родине, готовили к труду и обороне, обучали практическим навыкам владения винтовкой и противогазом, оказывать первую санитарную помощь раненым и больным — все полученные знания в школе выпускникам 10 класса 1941 года оченьгодились на фронте.

У нас в 10 классе военное дело преподавал замечательный учитель и педагог Николай Васильевич Дунайский, майор царской армии, мы любили его уроки, с интересом изучали материальную часть оружия, в считанные минуты разбирая и собирая винтовку или наган, у него была дочь, с которой я дружила. Евгения была постарше меня на год и училась в институте города Ленинграда.

Каждый комсомолец или просто ученик старшего класса с гордостью носил на груди значки «Ворошиловский стрелок», «Готов к труду и обороне», «Готов к противовоздушной и химической обороне», «Готов к санитарной обороне». В войну наше поколение проявило мужество и героизм, за что получили уже ордена и медали.

Уже в преклонном возрасте моя тетушка рассказала, что, когда я была маленькая, а ей исполнилось 11 лет, моя мама попросила ее меня понянчить. В один из солнечных дней она вывела меня на прогулку, посадила на травку, сунула погремушку в руки, а сама убежала с подружками играть в мяч. Меня строго предупредила не орать. Выходит, я уже кое-что понимала, мне, наверное, было около года. Но тетушка потом сказала, что не обратила внимания, что рядом гуляет квочка с большим выводком цыплят, кудахча собирая клювом зернышки. Я потянулась рукой за цыпленком, тогда и она стала безжалостно клевать меня, размахивая крыльями и громко кудахтать. В результате перенесенного испуга я очень кричала и громко плакала и до 19 лет заикалась. Когда выросла и пошла в школу, я очень страдала от комплекса неполноценности, иногда меня ученики передразнивали, было очень обидно. Я замкнулась, стеснялась заикаясь отвечать на уроках. Позже избегала встреч с молодыми людьми. Хотя я всегда старалась участвовать в общественной жизни класса, но меня избегали иногда. Повзрослев, я слышала разговор взрослых, что якобы заикание надо лечить: выбивают клин клином, т.е. снова испытать стресс.

Попав с первых дней на фронт, я испытала ужасные стрессы от бомбежки, рева пикирующих самолетов, сбрасывающих для большого устрашения громыхающие бочки, повергающие при полете всех в страх и ужас, включая сирену, усиливая эффект.

Начальник медслужбы корпуса был майор Карачевский, как превосходный врач и психиатр он прекрасно понимал мое состояние и, наверное, попытался помочь мне. Однажды, встретив меня, он сказал: «Зоя! Или я тебя вылечу от заикания, или я не врач!» Назначил мне встречу в блиндаже. Я с трепетом и надеждой на излечение вошла в полутемный блиндаж, в дальнем углу горела небольшая тонкая свеча. Вежливо поздоровался, посадил меня рядом за стол, взял мои руки в свои теплые ладони и вкрадчивым голосом при гробовой тишине, глядя мне в испуганные глаза, стал рассказывать историю, как одна маленькая девочка

очень любила свою маму, но она неожиданно умерла, положили ее в гроб. Девочка очень жалела маму, горько плакала, а когда вырыли глубокую могилу и стали опускать гроб, крышка гроба поднялась, мама встала из-под крышки, ухватила девочку, крышка захлопнулась и их вместе закопали.

Он издал такой звук голосом, изображая крик девочки в ужасе, когда она кричала схваченная мамой, падая в могилу, что я от неожиданности и потрясения остолбенела, у меня в горле перехватило дыхание, я истерически зарыдала, всю меня повергло в дрожь, я уже не могла владеть собой. Врачу стоило большого труда вывести меня из этого состояния, мне кажется, он и сам испугался. Когда он привел меня в чувство, и я пришла в нормальное состояние, он с улыбкой очень ласково сказал: «Вот, Зоя, и все, теперь ты будешь нормально разговаривать». И правда! После этой тяжелой процедуры, доведшей меня до нервного стресса, я успокоилась, наконец, вскоре уснула крепким и долгим сном. От испуга я стала заикаться, испугом же врач и восстановил мою речь.

Прошли десятилетия с тех пор, но я всю жизнь помню и дальше буду чтить его память. Доктор Карачевский, замечательный человек в корне изменил мою жизнь, я стала свободнее и независимей чувствовать себя. Примечательно, что это важное для меня событие произошло на фронте, где я избавилась от заикания в полных 19 лет.

Выше изложенные воспоминания, чудом сохранившиеся в памяти, относятся только к периоду с 10 июля 1941 года по октябрь 1942-го, когда действовала Новгородская армейская группа войск, а затем вновь сформированный 6-й гв. стрелковый корпус 2-й Ударной армии и 8-й общевойсковой Волховского фронта.

До конца войны еще осталось почти 3 года. 6 гв. СК был выведен из состава Волховского фронта и переброшен на отдых и доукомплектование в город Ртищев Саратовской области. После пополнения и отдыха наш 6 гв. СК снова вошел в состав уже 3-го Украинского фронта Юго-Западного направления и активно действовал во всех крупных сражениях освобождая Украину, Молдавию, Бессарабию, Румынию, Болгарию, Югославию и Австрию.

Я в 1944 году, будучи в Болгарии, была переведена на работу машинисткой в отдел кадров штаба 37-й армии.

В отличие от Волховского фронта, моя служба продолжалась совершенно в новых условиях, уже в степях, черноземах, при форсировании крупнейших рек и взятии крупнейших городов. Наш корпус, отличавшийся при взятии города Днепродзержинска, называется 6 гв. стрелковым Днепродзержинским корпусом.

Но это уже другие воспоминания, которые хотелось бы описать в Богом отпущенный срок и если позволит здоровье.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Батчиков Александр Владимирович**, студент 3-го курса кафедры военного обучения Московского государственного горного университета.

**Дьяков
Игорь
Николаевич**

РАТНЫЙ ТРУД

Я родился 28 июня 1925 года в городе Киеве. В семье был единственным ребенком. До войны мы жили на Кубани (Краснодарский край) в городе Кропоткине. Отец был агрономом, мать работала в химической лаборатории, а я учился в школе.

О начале войны я, как и все, узнал 22 июня 1941 года. В тот день мы с ребятами на велосипедах поехали на рыбалку, а вернувшись вечером домой, узнали, что началась война. 28 июня моего отца призвали в армию. Его отправили служить в город Тебриз на север Ирана, где наши войска обеспечивали поставки техники получаемой по ленд-лизу из США и Англии. А мы с мамой продолжали жить в Кропоткине, где я по-прежнему учился в школе. В отличие от многих моих одноклассников, которых сразу же призвали в армию, мне удалось закончить десять классов. А получилось это потому, что, когда я пошел в школу, меня взяли сразу во второй класс. В классе я был на год младше всех, что и позволило мне окончить школу, в то время как остальных ребят забрали в армию.

Там мы прожили до 1942 года, до наступления немцев на Ростов. После того, как немцы взяли Ростов, нам предложили эвакуироваться вместе с авиационным складом, располагавшим-

ся около нас. К тому времени немцы узнали о местоположении склада и начали регулярно его бомбить.

Всех эвакуировавшихся погрузили в эшелон, который двинулся в сторону Баку. Как раз в пути мне и пришлось пережить самое страшное — бомбежку. Когда самолеты начинали бомбить, поезд останавливался и все, кто в нем находился, выскакивали наружу. И вот, когда лежишь на земле и слышишь нарастающий свист падающей бомбы, кажется, что она вот-вот вонзится прямо тебе в спину и разорвет тебя на части. Испытываемый при этом страх и ужас невозможно передать словами, а человеку, не пережившему ничего подобного, наверное никогда этого не понять.

После третьего или четвертого налета мои родители решили оставить поезд. И мы ушли на Пятигорск. За Махачкалой мы снова встретились с этим поездом и продолжили движение на нем, к счастью, бомбежек больше не было. Так мы добрались до Сухуми. Здесь авиационный склад и расположился, а мы вместе с ним. На складе я смог устроиться грузчиком, где и проработал до того, как меня призвали в армию. Случилось это в марте 1943 года. Из военкомата меня отправили в город Гамборе в Школу младших авиационных специалистов — ШМАС №49. Там из нас готовили авиационных мотористов. В обязанности моториста входило: заправка самолета топливом и маслом, мойка самолета, а ночью, кроме того, его охрана. У нас даже была такая поговорка: «вечно грязный, вечно сонный — моторист авиационный». Но мотористы были не единственные, кто обслуживал самолет, были еще приборист, оружейник и механик. Оружейник снаряжал самолет боеприпасами, приборист следил за исправностью приборов, а механик устранял неисправности в двигателе. Таким образом, получалось, что на самолете летал один, а обслуживало его три-четыре человека. Отучившись три месяца, мы были направлены в боевые полки. Я попал в 66-й истребительно-авиационный полк, находившийся тогда на переформировании в городе Аджикабуле. Там наша часть получала новые самолеты истребительной авиации «Аэрокобра», которые нам присылали американцы через Иран. Самолеты были оснащены 37-миллиметровой пушкой и двумя пулеметами и зарекомендовали себя как очень хорошие машины.

За три месяца полк был полностью сформирован, и самолеты вылетели на фронт. Таким образом, в сентябре 1943 года наш полк оказался на Таманском полуострове. Помимо нас там рас-

полагалось еще несколько частей, которые все вместе составляли 4-ю воздушную армию.

Разместился наш полк в станице Вышестеблиевская. В месте нашего расположения был очень интересный ландшафт — ровная-ровная площадка, как будто специально для самолетов. В сухую погоду все было замечательно, но когда начались дожди, все это превратилось в огромное озеро воды и грязи. Когда самолету нужно было взлететь, человек шесть залезали под плоскости и слегка приподнимали его, чтобы тот не завяз в грязи. Разумеется, из-под выруливавшего самолета на людей вылетало огромное количество грязи, что было для них очень не приятно (о приземлявшихся самолетах и говорить нечего). Наконец-то взлетевшее звено или эскадрилья получала задание, например, барражировать над Керчью или летать в разведку до Севастополя. В станице Вышестеблиевской наш полк простоял до апреля 1944 года, пока не началось наступление наших войск с целью освободить Крым. Четвертая воздушная армия, действовавшая под командованием генерала Петрова, прикрывала действие Отдельной приморской армии, наступавшей со стороны Керчи. А со стороны перешейки нам навстречу двигалась другая армия. Главной задачей было освобождение Севастополя, а с ним и всего Крыма. Еще в 1943 году была попытка освободить Севастополь с моря, но наступление захлебнулось, наши войска понесли огромные потери. Было решено следующее наступление отложить на весну 1944 года. В нем я и принял участие. Примерно к концу мая весь Крымский полуостров был освобожден.

После освобождения Крыма наш полк перевели на Украину под Харьков в город Богодухов. Шло пополнение полка летчиками, обслуживающим персоналом и техникой. Здесь у нас произошла интересная встреча с американцами. Дело в том, что под Миргородом был создан временный аэродром для американских «летающих крепостей», а нашим истребителям было поручено прикрывать их при взлете и посадке. Эти бомбардировщики способны были осуществлять беспосадочный перелет через Италию и Германию в Англию. Поэтому они имели возможность бомбить заводы и военные объекты гитлеровской Германии и фашистской Италии. «Летающие крепости» были хорошо оснащены вооружением для отражения атак истребителей противника и обладали крепкой броней. Все это делало машину очень тяжелой, поэтому весь временный аэродром был покрыт

соединенными между собой штампованными металлическими листами. Но особые условия были созданы не только для техники, но и для самих американцев. Стоит сказать, что наши условия жизни обеспечивал батальон аэродромного обслуживания, а их — батальон особого назначения, к которому предъявлялись особые требования. Условия жизни в общежитии американцев, по сравнению с нашими условиями, были просто замечательными. Снабжение у них было на высшем уровне, был даже открыт ресторан, в котором можно было купить все, что пожелаешь. Разумеется, о том, чтобы попасть туда, мы даже не мечтали. Единственное, что мы пытались сделать, — это добраться до их неприкосновенных запасов в самолетах. Так можно было хоть ненадолго разжиться шоколадом, консервами и сигаретами. Но американцы разгадали наши планы и даже близко не подпускали к самолетам. Они сами заправляли, мыли их, навешивали бомбы и проводили техническое обслуживание. Кстати говоря, они были очень хорошо оснащены техникой, облегчающей работу обслуживающему персоналу и резко повышающей производительность труда. Вспоминается такой случай. Мы меняли двигатель на самолете, он представлял собой огромный двенадцатицилиндровый агрегат, весящий около восьмисот килограммов. Для этого мы ставили треногу, вешали блок и несколько человек с огромными усилиями извлекали мотор из корпуса самолета и ставили его на землю. Только мы собрались проделать все это, как к нам подъехал американец на небольшом самоходном кране и предложил помочь. Он быстренько подцепил двигатель, в одно мгновение извлек его из корпуса самолета и поставил на землю. А затем так же быстро и легко поставил новый на место старого. Для нас было очень удивительно, что можно так легко и быстро поменять двигатель у самолета, ведь таких кранов у нас тогда не было и в помине.

Но вот закончился сезон, и американцы уехали, а мы остались без дела, ведь прикрывать уже стало некого. Командование принимает решение — перевести нас в состав 2-го Белорусского фронта. И мы отправились в Польшу в местечко Яблонька Стельная. При перелете на новый аэродром с одним из наших летчиков случилось несчастье. В пути он где-то задержался и прилетел на аэродром, когда уже смеркалось. И вот при посадке он, видимо, не заметил дерево, врезался в него и погиб. Похоронили его там же, на аэродроме со всеми подобающими почестями.

Дальше мы двинулись в Восточную Пруссию. Там наши самолеты принимали активное участие в освобождении Кенигсберга. Всего в Восточной Пруссии мы пробыли около месяца. Здесь нам, кстати, удалось расширить свой пищевой рацион. Оказалось, что в здешних лесах водятся какие-то дикие козлы. Кое-кто из старослужащих довольно удачно охотился на них. Так что у нас частенько бывала на ужин вареная козлятина.

После Восточной Пруссии мы попали в Померанию. На новом аэродроме кто-то из солдат нашел швейную машинку. Так как я шил до войны наволочки, простыни, то есть имел навык, то меня сразу «назначили» портным. Основная моя работа состояла в том, чтобы пришивать к гимнастеркам карманы, используя в качестве источника материала налокотники тех же гимнастерок. Кроме того, у нас в полку был отличный сапожник — Осипов. Он был человеком в годах и, видимо, еще до войны промышлял сапожным ремеслом. Осипов приноровился делать отличнейшие сапоги из лосевой кожи, которой были обернуты топливные баки сбитых немецких самолетов. Получалась очень удобная и практичная обувь, носить которую было одно удовольствие.

25 апреля 1945 года я стал свидетелем того, что навсегда осталось в моей памяти. Мы направлялись в столовую, когда появился незнакомый офицер и приказал всем построиться. Подъехал «черный воронок», из него высадили военнослужащего без пояса, сопровождаемого конвоем. Зачитали приговор: «...за совершенное преступление...Расстрелять!». Оказалось, что этот человек изнасиловал польскую девушку, а пытавшихся заступиться за нее родителей подорвал гранатой. Отделение автоматчиков выстроилось для приведения приговора в исполнение, раздались выстрелы, и солдат упал замертво. Командир роты подошел и сделал контрольный выстрел в голову. Зрелище просто ужасное. Такие публичные казни устраивали для поддержания дисциплины, чтобы другим неповадно было.

Время шло, наш полк двигался все дальше и дальше, пока не настал долгожданный День Победы. Встретил я его недалеко от города Штеккен, что на севере Германии. Случилось это вот как.

Один из наших летчиков совершил вынужденную посадку. По радио он сообщил свои координаты на аэродром, и мы с механиком вылетели туда на вспомогательном самолете и приступили к ремонту. Как раз к этому времени кончилась война. Мы встретили Победу вдали от своего полка, в расположении части,

находившейся недалеко от места вынужденной посадки. Там нам помогли отремонтировать самолет, и мы вылетели к себе.

После войны наш полк перелетел на полуостров Пенимюнде. С этого полуострова немцы запускали реактивные ракеты ФАУ-2. Видимо, это место не подвергалось бомбежке, потому что все было в целости и сохранности. Аэродром был цел и невредим, ходили электрички, в бараках даже работало электрическое отопление. Конечно, самое главное — цеха, образцы ракет, чертежи — все находилось под землей. Но, к сожалению, немцы успели все это затопить до прихода наших войск. Сделали это при помощи специальных шлюзов, выходящих в Северное море. Поговаривали, что один из немцев хотел рассказать нашим о том, как закрываются шлюзы. Договорился он об этом вечером, а утром его уже нашли мертвым. Так секреты остались неразгаданными, а немецкие ракеты — скрытыми под водой. Там мы пробыли до июня 1945 года. К этому времени наш полк наградили орденом Суворова 2-й степени, и он стал называться 66-й истребительно-авиационный Аленштайнский ордена Суворова полк.

После войны меня, конечно, повысили в звании, и занял должность заведующего секретным отделом. В июне мы переехали в Польшу в город Бромберг, ныне город Быдгощ, где и пробыли до 1946 года. Там в нашем полку произошел такой случай. Двое старослужащих — Флянтиков и Сокольников — стащили несколько простыней, вывешенных местными сушиться, и хотели их продать. Но их поймали, судили и посадили в тюрьму. Лет через пятнадцать я получил письмо от Сокольникова, в котором он просил доказать, что он Сокольников. Оказывается, во время освобождения из тюрьмы, его записали как Соколикова, а Соколиков по документам не воевал, следовательно, этот человек не является ветераном Великой Отечественной войны. Я, конечно, пытался помочь ему, но, по-моему, безуспешно. Вот такие превратности судьбы.

В начале 1946 года наш полк перевезли в Ашхабад. В Ашхабаде мне пришлось пережить сильное землетрясение, случившееся в 1948 году и унесшее много человеческих жизней. Тогда в газетах не писали о последствиях, а они были просто ужасающими. После землетрясения нас перевезли в Актапе, а затем в Кызыл-Арват. Здесь я, будучи в звании старшины, демобилизовался и поехал домой на Кубань, где уже были мои родители. Случилось это в 1951 году.

Награды:

— медаль «За боевые заслуги» (№2294456 1 апреля 1945 года);

— орден Великой Отечественной войны II степени;

— медали: «Ветеран труда»; «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»; «В память 850-летия Москвы»; «70 лет Вооруженных Сил СССР»; «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»; «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»; «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»; «Жукова»; «За оборону Кавказа»; «XXX лет Советской Армии и Флота»; «60 лет Вооруженных Сил СССР»; «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Шарифуллин Рустам Адипович**, студент 2-го курса Московского государственного горного университета.

**Егоров
Виктор
Петрович**

ВОСПОМИНАНИЯ МУЗЫКАНТА-АВТОМАТЧИКА

Родился 11 октября 1916 года в городе Москве. Русский. Православный. Комсомолец.

До войны окончил в 1931 году ФЗС (фабрично-заводскую семилетку). В 1934 г. ФЗУ (фабрично-заводское училище). Служил в РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армии). Служил в оркестре КУКС (курсы укомплектования командного состава Советской Армии), имея звание сержант.

Узнал о начале войны непосредственно в армии.

31 августа 1941 года нас отправили на фронт, но 1 сентября по приказу Сталина всех музыкантов 1-го московского гарнизона вернули в свои подразделения. В 1942 году мы, 10 музыкантов, добровольно отправились на фронт. Не добравшись до г. Воронежа, мы высадились в г. Ногинске. Был в звании ст. сержанта в составе 25-го танкового корпуса 16-й мотострелковой бригады под командованием полковника Иванова.

Боевой путь: г. Ногинск (1942), г. Воронеж (1942).

19 июля 1942 года во время боя был тяжело ранен в обе ноги и отправлен в госпиталь. Убыл из войскового соединения.

С октября 1945 года находился в Новосибирском пехотном училище.

Приехал в Москву в отпуск, и здесь же меня демобилизовали. Поступил на работу в оркестр ВПШ (высшая пограничная школа).

Особенно запомнившихся событий было несколько.

Для уточнения огневых точек на переднем крае у немцев, мне было поручено установить места скопления противника. По своей неопытности и неосторожности, я дал себя заметить противнику, встав на колени, я увидел над собой 3 штурмовика, сделавших 3 пикирующих залета на меня и бросающих по мне легкие гранаты. Я упал и накрыл голову руками. Взрывы грохотали вокруг меня, но я лежал не шевелясь. Подумав, что я мертв, они еще немного покружили надо мной и улетели.

Пролежав на сырой земле несколько часов, я медленно, не поднимая головы, пополз на передовую. Вечером, я приполз на свою передовую линию и узнал, что со мной уже распрощались и сняли с довольствия...

18 июля 1942 года была разведка боем отдельной ротой автоматчиков, для обнаружения сил противника. Но нам об этом не было сообщено, сказав лишь одно: «Огонь не открывать ни в коем случае и идти в наступление. Если увидите красную ракету — отвечайте огнем, белую — отступайте!»

Мы подчинились приказу, и пошли мелкими перебежками вперед. Мы увидели перед собой целый взвод немцев. По нам был открыт огонь из пулеметов, автоматов, минометов и авиации. Мы еще долго укрывались от шквала огня, пока не увидели белую ракету. Из этой разведки вернулись далеко не многие...

За боевые заслуги награжден орденом Отечественной войны I степени. Награжден в Москве.

19 июля 1942 года, во время боя был тяжело ранен в обе ноги пулевым и осколочным ранениями, и отправлен в госпиталь. Находился в шести госпиталях: Рамень (под Воронежем), г. Ми-чуринск, г. Пенза, пос. Белов, г. Салаир. Находился на лечении до 13 января 1943 года.

В войне погиб племянник, Моисеев Эрнест Николаевич (1942 г. р.). Состоял в Сталинском резерве диверсионной группы. Погиб в Молдавии.

**Егоров
Владимир
Николаевич**

МНЕ ПРИШЛОСЬ В ТЕЧЕНИЕ 10 ДНЕЙ УЧИТЬСЯ НА ТАНКИСТА

Родился 2 января 1925 года в деревне Олень Ворошиловского района Воронежской области. По национальности — русский, вероисповедание — христианство.

С 5 лет остался без родителей, был в Даниловском детском доме города Москвы. Меня взяла на воспитание одна женщина, которая проживала в Московской области, в Кунцевском районе, так он назывался до войны. Ее звали Наумова Анна Дмитриевна. Ее уже нет в живых. Для меня она была опекуном. Был октябренок, пионером, комсомольцем.

До войны закончил 6 классов общеобразовательной школы. С 14 лет учился в ремесленном училище при 95-м авиационном заводе.

О войне узнал по радио, находясь в ремесленном училище.

Боевой путь начал с Военно-строительного завода в Мытищах, я занимался сборкой и комплектацией снарядов, жил в общежитии. Потом завод эвакуировали в Сибирь. Но я не поехал, а работал на трудовом фронте в окопах, пилил дрова, делал ограждения для обороны Москвы в Кунцеве.

В 1943 году меня взяли в армию в Кунцеве, направили в саперную часть под Москвой. Затем меня оправили переводом в город Павлов на реке Ока, а затем во 2-й автополк курсантом в

Свердловской области. 3 мая 1944 года получил права шофера, учился 6 месяцев, права сохранились.

В марте 1944 года попал на 1-й Украинский фронт — 4-я армия, 10-й корпус, 61-я бригада РТО (ремонтно-технического обслуживания). Начинал с Каменец-Подольского (Западная Украина). Когда Западную Украину освободили, выпустили в Польшу и ждали пополнение. Пришла техника, солдаты были малообученные, никакого опыта военных действий. Стал я учиться водить танк — всего 10 дней. Я был стрелком-радистом. Меня перевели из 61-й бригады в 112-й танковый полк.

3 сентября 1945 г. я был направлен в пожарную часть 47818 шофером при 10-м корпусе, где находился штаб 4-й армии города Ебесвардс.

Закончил боевые действия в Праге в Чехословакии. Демобилизован 12 апреля 1949 года.

Особенно запомнившиеся мне эпизоды войны:

После того как меня направили в саперную часть под Москвой, я полгода учился на шофера (права сохранились до сих пор: «Выдано горьковской квалифицированной комиссией Госавтоинспекции, управление р.-к. милиции по Горьковской области на основании протокола №273 от 4 декабря 1943 года»), так как был приказ Сталина: «Не брать на фронт, пока не пройдешь полугодовое обучение». Затем в марте 1944 года попал на 1-й Украинский фронт в город Каменец-Подольский на Западной Украине, до фронта ехали целый месяц в поезде в товарном вагоне. Попал я в 4-ю армию 10-й корпус 61-ю бригаду РТО 162-й полк под командованием генерала Ватутина. Сразу же мне дали машину «ЗИС», в то время у наших на вооружении использовались автомобили трех моделей, но и трофейной техникой очень часто пользовались. Моя боевая задача заключалась в том, чтобы доставлять нашим войскам провизию, боеприпасы и медикаменты.

После того как убили генерала армии Ватутина, мы пошли на Львов, затем в Польшу, где мы пробыли полгода. В качестве подкрепления к нам присоединились новые войска, но так как у них не было достаточного опыта, то многие боялись даже садиться за танки, поэтому мне пришлось в течение 10 дней учиться на танкиста. Учили меня опытные танкисты, настоящие профессионалы, мы занимались каждый день, тренировки проводили в поле. Я быстро освоился, ведь переквалифицироваться из обычного шофера в танкиста для меня было несложно, и даже очень интересно.

Танк Т-34 с 86-мм пушкой в довольно дряхлом состоянии, с экипажем в 5 человек.

После Польши нас направили в Германию по направлению к Берлину, самое интересное воспоминание тех дней — это бетонная дорога в Берлин очень хорошего качества. Впоследствии нас перебросили между Берлином и Потсдамом, расстояние точно не помню, в город Бельцы, там происходили ожесточенные бои. 2 мая 1945 в одном из таких тяжелых боев был подбит наш танк, снаряд попал точно в башню. В башне находился командир машины, он был смертельно ранен, а командир орудия получил тяжелое ранение в живот.

Танк находился в ужасном состоянии — жутко трещали провода, стоял ужасный шум и свист, всему экипажу заложило уши, стало страшно, казалось в любой момент могут взорваться снаряды. Я и двое моих сослуживцев вытащили из танка мертвого командира машины и раненого командира орудия. Танк горел, но не взрывался; судя по всему его поразил фаустпатрон, который прожег дырку в броне танка. Раненого командира орудия доставили в госпиталь, где его поставили на ноги, после чего он снова служил вместе со мной, а командир машины был похоронен в этот же день.

Помню, когда я был в Чехословакии, то все говорили о том, что взяли Власова. Власов — генерал-предатель, он перешел на сторону Германии, сообщал противнику очень важные стратегические и тактические секреты Красной Армии. По приказу Сталина он был повешен. В Чехословакии в это время взяли такого же генерала по фамилии Краснов.

В начале войны нашим солдатам было очень сложно воевать, хотя они и проходили военное обучение, но боевого опыта им очень сильно не хватало, поэтому наши солдаты старались прислушиваться к более старшему поколению, иногда даже приходилось заимствовать тактику у противника. В первые дни и с оружием у нашей армии были большие проблемы, многим приходилось пользоваться одной винтовкой на троих человек, поэтому очень часто мы использовали трофейное оружие. За время войны я ездил на многих трофейных грузовых машинах, таких как «Mercedes», «Man» — это были хорошие машины, работающие на дизельном топливе, очень легкие в управлении, единственное в чем они уступали отечественным автомобилям — это проходимость. Довелось мне поездить и на американских тягачах «Studebaker», также на небольших, но довольно прохо-

димых машинах "Villis" и еще на таких автомобилях как «Ford» и «Dodge». Вот на чем я не ездил, так это на немецких танках — основным их недостатком была их неповоротливость и довольно небольшая маневренность.

На мой взгляд, самое страшное оружие у немцев — это фаустпатрон. Против этого оружия нам приходилось делать танковые заграждения.

Воевали немцы очень хорошо, везде поддерживали дисциплину, если они брали в плен наших солдат, то солдаты должны были обращаться между собой по уставу.

Когда был в Германии, помню как бомбили нас немцы. Я находился около своей машины, как вдруг услышал резкий шум самолета бомбардировщика, он летел на большой высоте, приблизительно километров 15. Причем летел так высоко специально, чтобы его не смогли достать зенитные орудия. Бомбовый удар был направлен в основном на нашу пехоту. Поэтому бомбы были маленькие и круглые. Как началась атака, все сразу стали прятаться, кто в машину кто под машину, кто еще в какие-нибудь укрытия, наш командир орудия не успел к укрытию и его ранило в руку. Мы с товарищами подбежали к нему, помогли встать и отвезли в госпиталь. После этого нам дали другого командира орудия.

Германия очень хорошо тренировала снайперов. Наш полк был атакован один из таких снайперов, и мы очень долго не могли его найти и вычислить, а когда поймали, то поразились его патриотизму, выдержке и смелости.

Много моих друзей по ремесленному делу воевали в то время, за войну некоторые из них прошли путь от рядового до капитана, почти каждый из них имеет почетное звание Героя Советского Союза.

О том что мы победили, я узнал в Праге в Чехословакии, конечно же мы были рады, многие от счастья плакали, кто-то стрелял вверх. Но служили мы после этого все рано, так как знали, что демобилизуют только стариков, а нас уж попозже. О победе объявили, но расслабиться нам немец не давал, малые группы фашистов оставались в Германии и были неплохо вооружены, поэтому еще долго они убивали наших солдат и устраивали нам засады.

После войны в мирное время в Германии я продолжал служить шофером в РТО с 1946 года по 1949 год, подвозил продукты и медикаменты. В 1949 году я демобилизовался.

После войны приехал в Подмоскowie в деревню, где жил, работал на заводе им. Сталина слесарем по ремонту оборудования. Женат, имею двоих детей, двух внуков и правнучку. Дети замужем, живут и работают в Москве. Моя жена 1929 г. рождения. Живем хорошо.

После войны был награжден орденом Отечественной войны, орденом маршала Жукова и отмечен благодарностями.

Награжден орденом Красной Звезды №2619137.

За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия победы советского народа в ВОВ 1941—1945 гг. указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года награжден орденом Отечественной войны II степени (№ 3025018).

Награжден медалями «За взятие Берлина», «За освобождение Праги».

С 11 апреля по 9 мая 1945 года находился в должности радиста.

Имеющиеся документы военных лет: красноармейская книжка (должность — шофер, звание — ефрейтор). Год призыва 23 марта 1943 года.

Специальность до призыва — слесарь.

Военную присягу принял 10.03.1944 г.

Прохождение службы:

— инженерный батальон, курсант-минер 23.03.1943;

— 2-й автополк, курсант 61-й гвардии танков 3.05.1943 г., стрелок-радист;

— 162-й танковый полк 3.05.1944г, 2-й батальон шофер в/ч 08337 25.08.1945 г.;

— 2-й фронт, шофер в/ч 47818 3.09.1945 г. и 16.11.1946 г. Командир в/ч 47818 Кондратьев.

Демобилизован 12.4.1949 года в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 14.10.1948 года.

Участие в походах: 1-й Украинский фронт 12.10.1944 год. За отличное выполнение боевого задания — орден Красной Звезды.

В подготовке настоящего воспоминания оказал помощь **Яновский Алексей Геннадьевич**, студент 4-го факультета 3-го курса Московского авиационного института.

**Заварухин
Павел
Филиппович**

СОЛДАТ ПЯТИ ВОЙН

(в пяти частях)

Я родился в 1913 году. В Красную Армию пришел в 1932 году по путевке комсомола. Перед этим два года учился в кооперативном торговом училище (г. Семенов, Горьковской области), был там председателем учкома, членом комсомольского бюро. За месяц до окончания учебы прозвучал призыв: «Комсомолец — на самолет!» Пятеро учащихся подали заявления об уходе в армию.

Был с нами обстоятельный, тягостный разговор. Наслушались упреков, что, мол, вас ценят, о вас заботятся, будущее сулит ясные перспективы, а вы вот так поступаете... Словом, выйдя из кабинета директора, мы чувствовали себя виноватыми. Это объясняется тем обстоятельством, что вся наша пятерка была передовой группой училища и по успеваемости, и по организованности. Миша Струнин был секретарем комсомольской организации училища, братья Загудаевы, Вениамин и Гриша, вели газету-малотиражку (первый из них — редактор, второй — секретарь), Иван Колесников вел спортивную секцию. Все мы были членами бюро комсомольской организации училища. И очевидно руководство училища питало надежду на то, что мы будем ему опорой в успешном завершении учебного года и экзаменов.

«Хотя в чем, собственно, была наша вина?» — думал каждый из нас.

Желание пойти в армию было моей мечтой с тех пор, как с фронта Гражданской войны возвратился мой старший брат Василий. Это желание возросло, когда в деревню из армии возвратился младший ефрейтор Рыбаков. Он рассказал о Фрунзе, о его смерти — большой утрате для Красной Армии и Советского государства.

Несколько позднее, в 1925 году, проходя учебу в Красно-Баковской районной школе-семилетке, возникло желание пойти в авиацию. До того я только один раз видел вблизи летательный аппарат: однажды в поле, недалеко от школы, приземлился самолет и вертолет (вероятно, автожир).

Летчики вылезли из своих аппаратов и предстали перед нами как изваяния: в кожаных пальто, необычных кожаных перчатках-крагах, в шлемах с летными очками. Они что-то с интересом обсуждали. Многие школьники побежали к ним, но близко подойти к крылатым машинам не решались.

Самостоятельную трудовую деятельность я начал с 15-летнего возраста. В 1928-30 г.г. в составе строительной бригады работал плотником (потом табельщиком) в Нижнем Новгороде на заводе «Красная Этна» (в Канавино), затем на строительстве авиационного завода № 21 (в предместье Красного Сормова).

При строительстве завода № 21 жили в бараке, спецодежды не имели, питание — в общей столовой одноразовое. В остальное время питались — кто, где и как сумеет. И вот однажды возникла идея — создать «молодежную коммуну». В то время подобные идеи были популярны. Четырнадцать молодых ребят, в их числе я и мой брат Михаил (старше меня на 3 года), организовались в молодежную коммуну. Жили все в одном бараке. Заработок — в общую копилку, питание — общее («с одного стола»). Закупку продуктов питания вел завхоз, с ежедневным назначением бригады по приготовлению пищи.

Свободное от работы время (его было мало) занимались спортом, культурно-просветительскими мероприятиями, и, конечно, прогулками по близлежащей местности, чаще всего вдоль трассы Канавино — Сормово. Такие прогулки бывали небезопасны, наши ребята часто подвергались нападению сормовских хулиганов. Поэтому мы вынуждены были выходить за территорию строительства группами по 3-4 человека. При этом на

прогулку они должны были выходить в приличном виде, особенно внимание обращалось на обувь (а хорошая обувь была не у всех коммунаров).

В этот период много говорилось и писалось о нашем земляке В.П. Чкалове, что, конечно, не могло не сказаться на пробуждении у меня мечты стать летчиком. В 1930 г. удалось поступить в аэроклуб, который располагался в районе Красное Сормово, и ближе познакомиться с авиацией. Однако, к великому моему сожалению, закончить аэроклуб не удалось. В скором времени я был отозван из бригады, занятой работой на строительстве завода № 21, в родную деревню Разгуляй. Это был период организации колхозов.

К 17 годам я освоил некоторые строительные и сельскохозяйственные специальности, счетно-бухгалтерское дело, а также кооперативно-торговые правила. Принимал участие в организации колхоза «Рассвет» в своей деревне Разгуляй и других ближайших селениях. Был членом правления колхоза, помощником счетовода колхоза. Некоторое время выполнял контроль за функционированием колхозно-общественной мельницы.

К началу 1930-х годов жизнь моя уже вполне определилась. В колхозном строительстве и колхозном производстве я работал с энтузиазмом. Колхоз окреп — росло сельскохозяйственное производство (имелась своя мельница, маслозавод, картофельный завод, расширилась молочно-товарная ферма, увеличилось общественное поголовье скота, выросли удои, сбор шерсти и т.д.). И тут новый поворот в моей жизни.

В один из ноябрьских дней 1930 года в правление колхоза «Рассвет» из райисполкома поступило распоряжение-разнарядка. В нем предписывалось выделить одного человека и отправить на учебу в г. Семенов Нижегородской области в Кооперативно-торговое училище областного потребсоюза. Решение правления колхоза было единогласным — послать на учебу в г. Семенов меня. Вскоре уехал в город. Там поступил в школу КТУ (кооперативно-торгового ученичества). Школа с двухгодичным обучением создавалась на базе семилетки и находилась под патронажем областной кооперативно-торговой сбытовой организации. Контингент учащихся состоял из молодежи нескольких сельских районов, в основном из Красно-Баковского, Семеновского, Воскресенского, общим числом до 50 учащихся. К преподаванию различных дисциплин привлекались лучшие представители

интеллигенции города — его школ, производственных учреждений и организаций. Учебный корпус училища состоял из единого комплекса зданий, вполне удовлетворявших его назначению. Директором школы был Морозов Павел Васильевич, видный мужчина средних лет. Он проявил себя как хороший администратор и замечательный педагог, был душой многих проводимых учащимися и комсомольцами школы мероприятий.

Проживали учащиеся в двух помещениях барачного типа (в одном — юноши, в другом — девушки), которые находились в разных районах города, что вызывало ряд неудобств и приводило к неприятностям. Общежитие девушек стало подвергаться нападениям хулиганов. Для пресечения их действий пришлось прибегнуть к организации дежурств ребят-учащихся.

После всех оргмероприятий, проведенных дирекцией школы, началась плановая учеба. Изучали общеобразовательные предметы в объеме семилетней школы: математику, физику, русский язык, литературу, обществоведение. Из специальных предметов изучали материаловедение, бухгалтерский учет, торгово-потребительские сбытовые операции и концепции и т.д. При этом должное внимание уделялось практическим занятиям, физкультуре и спорту.

В начале учебного процесса я был избран председателем ученического комитета школы (во второй год обучения был переизбран). Жизнь школы во всех ее деталях проходила размеренно. Разработанные учебные программы, как специальные, так и общеобразовательные, выполнялись в полном объеме без сбоев. Учащиеся с энтузиазмом овладевали знаниями.

Во второй половине 1931 года, по завершении теоретического курса первого года обучения, все учащиеся (некоторые — совместно с преподавателями) были направлены на производственную практику в районы и организации, из которых они были направлены на учебу. А после практики отправились в отпуск. Я проходил практику в должности зампредседателя сельпо в деревне Козлово, Красно-Баковского уезда (район). Это сельпо обслуживало и наш колхоз «Рассвет». Вот тут-то воочию и пришлось столкнуться с теми трудностями, имевшимися в то время в системе торгово-потребительской и сбытовой кооперации на селе. Это были, к тому же, тяжелые годы в вопросах обеспечения населения продовольствием и промышленными товарами.

Наступил 1931/32 учебный год. Учащиеся возвратились с практики и отпусков. Возобновился учебный процесс второго, завершающего, учебного года. Программы выполнялись без особых потрясений.

Спортивные мероприятия ребята нашего училища в большинстве своем проводили при городских клубах. Там также имели место, как это ныне называется, «разборки», стычки с городскими хулиганами. В большинстве случаев победа была на нашей стороне.

Настоящий спорт я стал осваивать с увлечением именно в этих клубах. Вспоминается инструктор физкультуры и спорта Силантьев. Он мастерски выполнял на различных снарядах различные упражнения и грамотно обучал наших ребят. Осваивался нами и футбол. Играли в тапочках, а иногда и босиком (бутсы отсутствовали), правила и судейство были примитивные. Игра часто сопровождалась травмами и потасовками. На одной такой игре я «приобрел» травму правой ноги (трещину берцовой кости). Эта травма давала о себе знать долгое время, и чуть не стала преградой при моем поступлении в летное училище.

Из того, «студенческого», периода в Семенове возникают в памяти и другие моменты. В период учебы в КТУ имелись трудности с питанием. Стипендии учащимся были маленькие (25-30 рублей), отчего сложно было организовать сносное питание. Правда подспорьем была поддержка продовольствием некоторых учащихся родителями. Эти посылки, как правило, делились между всеми членами коллектива. Помощь мне из дома не была щедрой, но все же кое-что перепало. Старший брат Михаил изредка приезжал в Семенов на базар продать от колхоза подсолнечное масло и оставлял мне 1-2 литра этого продукта. Моему сносному питанию способствовало и то, что я получал повышенную стипендию. Она была назначена мне как лучшему по успеваемости в учебе и за общественную работу. Кроме того, я получал оплату за побочную работу в леспромхозе в должности помощника старшего бухгалтера (три вечера по четыре часа в неделю). За эту работу мне начислялась некоторая сумма в рублях. Но самое ценное — еще и выдавалась карточка на бесплатное питание в столовой этой организации. Этой карточкой вместо меня пользовались столовой и некоторые ребята — наши учащиеся. Работа в леспромхозе мне была разрешена директором училища по просьбе главного бухгалтера леспромхоза, который вел в училище предмет — бухгалтерский учет.

В середине сентября 1932 г. все члены бюро комсомольской организации школы были приглашены в райком комсомола Семенова. На его расширенном заседании секретарем райкома было зачитано письмо ЦК ВЛКСМ о добровольном (до призыва) вступлении комсомольцев в Красную Армию. Был зачитан призыв ЦК ВЛКСМ «Комсомол — на самолет!» Секретарь райкома после зачитания обратился к присутствующим — откликнуться на призыв ЦК ВЛКСМ. Возвратившись из райкома в школу, на бюро своей комсомольской организации данный вопрос обсудили и решено было вынести его на общее собрание комсомольской организации (она включала 70% учащихся), конечно же согласовав его с директором школы.

На общем комсомольском собрании данный вопрос обсуждался бурно, эмоционально. Только после выступления директора школы Морозова П.В. эмоции стихли. В своем выступлении директор обратил внимание учащихся на то, что наступает период завершения учебного года и близится самый ответственный его этап — сдача экзаменов. Он отметил также, что стране нужны молодые грамотные и профессионально подготовленные кадры для кооперативного строительства.

После собрания в дружеских беседах мы много дебатировали по этим вопросам, высказывая свои «за» и «против». В итоге на подачу заявлений о досрочном поступлении в Красную Армию решились немногие, всего пять человек: я и четыре моих приятеля — Миша Струнин, Иван Колесов и братья Загудаевы, Вениамин и Гриша. Эта «пятерка отважных» являлась комсомольским ядром, передовой группой учащихся школы. Директор школы был огорчен, высказал свое недовольство, однако потом успокоился, смирился с этим фактом. К тому же мы еще продолжали учебу.

Только через 10 дней подавшие заявление о добровольном вступлении в ряды Красной Армии были вызваны на медицинскую комиссию при райвоенкомате. Вот тут-то и произошло неожиданное. Годным к службе в армии признали только меня. Остальных моих сверстников забраковали, они вернулись в школу и продолжили учебу, дожидаясь следующего вызова в военкомат.

Школа продолжала жить своей размеренной жизнью, готовилась к экзаменационной сессии. Райвоенкомат меня не беспокоил, и я имел возможность и время экзаменоваться. Экзамены

сдал успешно. По окончании КТУ было выдано свидетельство с правом занимать руководящие должности в торговле. Но, однако, по приобретенной специальности мне работать не довелось.

Вскоре я был вызван в Красно-Баковский райвоенкомат, на призывной пункт. В райвоенкомате мне объявили, что я принят в Красную Армию и зачислен в полковую школу 50-го стрелкового полка 17-й стрелковой дивизии, дислоцированной в Нижнем Новгороде. При этом пояснили, что ввиду неготовности школы к приему слушателей-курсантов непосредственное убытие к месту предстоящей службы откладывается на два месяца. На мой вопрос, почему направлен в общевоинскую воинскую часть, а не в летное училище, согласно с моим желанием, мне было разъяснено, что в настоящее время имеется прямое распоряжение Наркома обороны о том, что с этого (на то время — 1932) года в летные училища принимаются только военнослужащие, прошедшие курс войсковой подготовки в объеме младшего командира, и спецнабора слушателей с высшим образованием. С объявленным назначением пришлось смириться.

Отведенные два месяца — срок до отбытия в армию, я не стал тратить бесцельно, а решил поработать. К тому же такая возможность вскоре представилась. Предложили поработать в райкоме ВЛКСМ г. Красные Баки (в орготделе). Секретарем райкома комсомола в то время был Кудряшев Александр Федорович. Он мне был знаком — принимал в 1930 г. в комсомол, и по прежней его работе на селе, письмоносцем. Замечательный трудяга, эрудит, чуткий, обаятельный товарищ. В последующие годы службы в армии мне с ним приходилось встречаться не один раз.

В выходные дни навещал родных в деревне Разгуляй. Как бы впитывал в память все прелести и невзгоды родного сельского и семейного уклада перед убытием на долгие годы в армию.

Двухмесячный «антракт» быстро пролетел. Поступил приказ убыть к месту службы в город Горький. Ехал в город, о котором слышал много, но, к сожалению, мало его знал. Однако величие города на великой реке Волге в моем сознании росло после многочисленных рассказов отца и старших братьев, неоднократно в течение многих лет бывавших в этом городе и его окрестностях, где они занимались отхожим промыслом — плотниcko-столярными работами на стройках; а отец даже бурлачил. Некоторые представления о «Нижнем» я получил, когда в 1928—

1930 гг. работал на строительстве молочно-товарной фермы в пригороде Бор и авиазавода №21, а также на заводе «Красная Этна».

В ноябре 1932 г. я прибыл в Горький (Нижний Новгород был переименован в Горький в 1932 г.) к месту своей службы, и без какой-либо паузы влился в армейскую жизнь. Вновь прошел медосмотр на предмет пригодности к военной службе. Результат был дан положительный, однако комиссия отметила, что имеется ограничение для поступления в летное училище: «наличие травмы и признаков трещины берцовой кости правой голени».

Наступил период размеренной будничной курсантской жизни, которая проходила под неослабным оком командования полковой школы и вышестоящего командования. Начальник школы майор Малинин (впоследствии дослужился до генерала армии) — средних лет стройный, крепкий физически офицер, в меру строгий, знающий военное дело. Образцовый строевой командир. Он был пунктуален во всем. К выполнению учебной программы относился с рвением и тщательностью (в таком же духе действовали командиры рот и взводов).

Последовательно проводится распределение прибывших курсантов по отделениям, взводам и ротам. Все в строгом порядке, размеренно, уверенно, спокойно. Предстоящий срок обучения в полковой школе — шесть месяцев. Вся военная подготовка велась с главной целью — своевременно и качественно отработать все задачи, предусмотренные программой обучения. Главным мотивом было: добиваться от курсантов, будущих младших командиров, организованности, настойчивости в освоении военного дела, строгого и четкого исполнения требований воинской дисциплины, чтобы быть примером для солдат. Непременным условием считалось: овладеть теорией и практикой тактической подготовки войскового подразделения до батальона включительно. Для этого последовательно проводились строевые занятия по отработке действий: одиночного бойца, отделения, взвода, роты, батальона. Проводились пешие (а зимой — и лыжные) походы с полной выкладкой, боевые стрельбы, многокилометровые марши с неременной отработкой спортивных элементов. Венцом всего обучения стало тактическое учение в Гороховецких лагерях и инспекторский смотр — стрельбы.

Следует признать, воинская служба в полковой школе не была легкой. Но военный контингент курсантов школы перено-

сил все тяготы; они воспринимались с пониманием. «Нытиков» не было. Тезис «тяжело в учении — легко в бою» я воспринимал с полным сознанием необходимости таких трудностей, и переносил их с достоинством.

В конце учебного года наша полковая школа на инспекторском смотре командующего Московским военным округом получила положительную оценку по всем разделам боевой подготовки курсантов, а по стрельбам — отличную. Мне это дало хороший стартовый импульс для поступления в летное авиационное училище. Мое заявление на имя начальника полковой школы о желании поступить туда было рассмотрено, и вопрос решен положительно. Тут же я был командирован на медицинскую комиссию в г. Иваново для определения пригодности к летной службе. Комиссию я прошел успешно. Ограничений для поступления в летное училище не было. По существу, я получил путевку в новую жизнь.

Здесь следует упомянуть об одном очень важном обстоятельстве. В период прохождения службы в полковой школе 50-го СП я смог повысить свой общеобразовательный уровень. Несмотря на большую нагрузку в военной учебе в полковой школе, с разрешения начальника школы я поступил на вечерние курсы при Доме Красной Армии и закончил курс программы в объеме 9-летней школы. Занятия проходили в вечернее время и выходные дни. Это оказалось важным подспорьем при поступлении в летное училище и успешной учебе в нем.

В октябре 1933 г. я убыл из Горького в Ленинград, в Теоретическое летное училище (т. н. «терку») имени Ленинского комсомола. Там предстояло держать вступительные экзамены. Но вначале предстояло пройти «социальный отбор». Комиссия выясняла происхождение абитуриентов, как говорится, до пятого колена. Это и понятно: партия вела борьбу с чуждыми элементами, поэтому вопрос о социальной принадлежности будущих командиров, а следовательно, и курсантов, стоял очень остро. Однако в нашем наборе отсеянных по этому признаку было не очень много. Затем предстояло пройти строгие экзамены и фильтрацию медкомиссии. Их мы также прошли успешно. Поэтому абсолютное большинство прибывших кандидатов поступили в училище и были зачислены курсантами.

Началась планомерная учеба. Срок обучения — два года. После предстояло еще два года учиться в военно-практической школе летчиков. В соответствии с программой предстояло изу-

читать аэродинамику, матчасть самолетов, двигателей, штурманское дело, военную географию, топографию, тактику и уставы. И, конечно, планировалось проводить целый комплекс спортивно-физических занятий. Мы понимали, что авиация стоит перед бурным, качественным скачком в своем развитии, и глубокая теоретическая подготовка летчиков будет тем фундаментом, который послужит для повышения квалификации летного состава.

С энтузиазмом и упорством мы стали осваивать основы теории авиации. Но вот в размеренный ритм теоретической учебы, как смерч, неожиданно для нас ворвался «глас тревоги». Примерно через полтора-два месяца после начала учебного процесса, прервав размеренную учебу по выбранной специальности, нам был объявлен приказ Наркома обороны, вызвавший разочарование и обиду: Военно-теоретическая школа летчиков реорганизуется в авиационно-техническое училище №7 для подготовки техников вооружения. Это был удар по вынашиваемой долгое время мечте — стать летчиком. Предстояло решить сложную задачу, как поступить в подобной ситуации. Многие курсанты таким поворотом дела, как изменение профиля училища, были возмущены и не желали продолжать учебу в нем.

Однако проведенная командованием и партийно-комсомольскими органами большая целенаправленная разъяснительная работа с курсантами снизила остроту проблемы. Эта работа строилась с упором на обстоятельства, обусловившие необходимость и целесообразность принятия такого решения, а именно: быстрый рост военной авиации, а значит, острая потребность в авиационных технических кадрах и необходимость расширения сети авиационных технических училищ. Эта работа сделала свое дело. Основной состав курсантов решил остаться во вновь создаваемом училище и закончить его. Но кто-то не пожелал отказаться от стремления освоить летную профессию и покинул училище. Я, с большой внутренней борьбой, остался в нем, ибо состоял в комсомольском активе училища. Но естественно, его профиль — это было совсем не то, о чем я мечтал.

Курс обучения также был двухгодичным. Руководство вновь сформированного училища в основном также осталось прежним. Начальник училища — В.И. Игнатов. Начполитотдела — Россет. Начальник училища был известным в авиации специалистом, эрудированным воинским начальником, и пользовался у нас большим уважением. Говорил он ясно, убедитель-

но, его выступления всегда производили на нас большое впечатление. В петлицах начальник училища носил два ромба, что соответствовало (с 1935 г.) званию комдива.

В училище было немало сильных, знающих свое дело преподавателей, влюбленных в авиацию, большинство из которых продолжило преподавание в переформированном училище.

Роту, в которую я был зачислен, возглавлял командир роты капитан Дойдо, строевой армейский офицер, суровый педант. Старшиной роты был войсковой старшина Баженов, назначенный из числа курсантов нашего набора, требовательный, но уравновешенный. Оба они строевую службу и военный быт знали хорошо, военные законы блюли строго.

Особое почтение у нас, курсантов, вызывал начальник строевого отдела Сергей Николаевич Смелков, который носил в петлицах три «шпалы». Ходил он неторопливо, размеренно, офицерской поступью. Особо бдительно он следил за соблюдением курсантами ношения формы одежды и бережного к ней отношения. Так, к примеру: курсант нет-нет, да и ухитрится нарушить порядок и правила — в «гармошку» превращая хромо-вые сапоги, не в меру заламывать тулью фуражки, стремясь иногда одеть «модные» командирские бриджи. За любое подобное нарушение Смелков давал курсанту наряд вне очереди, причем его исполнение приходилось чаще всего на выходной день. Имели место случаи, когда курсанты с не подбитыми подошвами сапог, задержанные в городе, чаще всего вблизи училища на улице Красного Курсанта, Смелковым возвращались из увольнения. В этих случаях рекомендовалось курсанту доложить командиру роты, который и должен был наложить на них соответствующее взыскание.

Курсанты были осведомлены об изумительной памяти начальника строевого отдела. Такие случаи, как нарушение формы одежды или небрежное отношение к ней были редки, но памятливы. К тому же подобные нарушения пресекались еще до выхода курсанта из училища в город, на проходной или на спортивной площадке во дворе училища. Так, увольняемый в город курсант обычно проходил через тот или иной спортснаряд — должен был преодолеть его.

Учебный процесс в училище осуществлялся в основном занятиями в учебных классах, лабораториях и мастерских. Кроме того, проводились учения в поле, с дальними форсированными

марш-бросками с полной солдатской выкладкой, с проведением стрельб. Были также марш-броски с лыжами и выкладкой, самолетами забрасывали на значительное удаление от Ленинграда на «выживаемость» — должны были возвратиться в училище, используя лыжи, или пешком.

Учебные классы и лаборатории размещались в разных зданиях, расположенных на значительном расстоянии одно от другого. Переход учебных групп из одного здания в другое во время перемен между занятиями проходил легким бегом (трусцой). Часто — в противогазах (отрабатывая нормы ГТО — комплекс спортивных норм «Готов к труду и обороне»)

И вот, улица Красного Курсанта, вымощенная брусчаткой, во время учебного перерыва оглашалась ритмичным рокотом десятков пар сапог.

Наряду с занятиями по специальности значительное место отводилось физкультуре и спорту. В училище культивировались гимнастика, легкая и тяжелая атлетика, бокс, борьба, лыжные виды спорта, парашютная подготовка. Требовалось поддерживать физическую готовность в соответствии с требованиями норм ГТО. Для проведения физкультурных занятий и спортивных мероприятий в училище имелась хорошая база — спортивный манеж, комплекс спортснарядов во дворе училища и плац для строевой подготовки («Плац Смелкова», как он именовался курсантами). В нашей роте имелись хорошие спортсмены: боксер Гулидов, гимнаст Труфанов, штангист Петухов, старшина Баженов.

В спорте у меня больших успехов не было, по своим результатам я находился где-то в середине. Но всегда любил спорт, он стал нормой моей жизни. Меня радовало ощущение физически здорового, полноценного человека.

* * *

Два года учебы в Ленинградском училище позволили мне ближе познакомиться с городом, ощутить его историческое величие. Находясь здесь, я получил возможность познакомиться с его культурными ценностями и историческими памятниками. Посетил Эрмитаж, Исаакий, крейсер «Аврору», Смольный. Бывал в театрах города, Царском Селе, Гатчине и других центрах русской культуры.

Принимал участие в военном параде войск ЛВО на Исторической площади (Дворцовой). Все это по сей день не изгладилось в памяти. Учеба в Ленинградском училище также позволяла мне сравнительно близко видеть С.М. Кирова. Это обычно происходило во время каких-либо кампаний, имевших большое государственное и общественное значение. Совещания по этим вопросам проходили в Смольном или в Доме культуры. На них приглашался широкий состав участников, актив предприятий города, учреждений и военно-учебных заведений (я нередко включался в актив нашего училища). Совещание обычно проводил С.М. Киров. Очень четко, без лишнего многословия, он объяснял суть момента и наши задачи в ходе проведения кампании, советовал, как лучше строить разъяснительную работу. Во всем, что он говорил, виделась мудрость и воля незаурядного руководителя. В Ленинграде его уважали и любили. Поэтому его смерть ленинградцами была воспринята с болью, как большая беда и невозполнимая потеря. Эти ощущения пережил и я в первые дни после убийства С.М. Кирова. Мне пришлось стоять в почетном карауле, выделенном из курсантов нашего училища, у его гроба, а также в период приезда в Ленинград в эти траурные дни И.В. Сталина. Кроме того, стоял в почетном карауле во время отправки гроба с телом С.М. Кирова на поезде, отправлявшегося с Московского вокзала. Гроб сопровождал в Москву И.В. Сталин.

После завершения двухгодичного курса обучения и сдачи экзаменов я в составе группы из пяти человек получил высокую оценку «отлично». Когда экзамены были уже позади, председатель Госкомиссии в присутствии кадровика беседовал со мной о дальнейшем моем назначении. «По существующему положению,— сказал он,— отличник может выбрать любое из имеющихся вакантных мест». Мне было предложено остаться в училище в должности преподавателя. Поблагодарив за такое доверие, я попросил направить меня в строевую часть. Только там, как я надеялся, у меня будет больше возможностей осуществить свою мечту — стать летчиком.

Выпускной вечер. Нам зачитали приказ Наркома Оборона СССР. Всем выпускникам присвоили только что введенные воинские звания и указывались части, кому где служить. Мне было присвоено звание техник-лейтенант 2-го ранга, а служить предстояло в 107-й эскадрилье, базировавшейся в Брянске. Нам был предоставлен месячный отпуск, и я поехал в родную дерев-

ню Разгуляй — навестить мать, отца, родных, друзей и знакомых. Зашел и в правление колхоза, откуда четыре года назад отправился в КТУ г. Семенова, а затем — в Ленинград, навстречу своей судьбе. Немногие из моих сверстников, которые остались в колхозе, радовались за меня, с интересом рассматривали мою авиационную форму, которая, похоже, всем нравилась. Было много расспросов об авиации. Много было всяких напутствий и пожеланий.

Следует отметить, что колхоз в эти годы крепчал, материально богател. Был построен маслобойный, картофелесушильный заводы, увеличились площадь молочной фермы и стадо.

Отпуск пролетел быстро, и раньше всех это почувствовали мать и отец. Матушка, добрая, мудрая женщина, воспитывала большую семью и, конечно, каждый раз, когда кто-то из сыновей покидал родной кров, очень болезненно переживала это. Отец же, занимавшийся отхожим промыслом, часто отлучавшийся от семьи для обеспечения семейства, мой отъезд воспринял более уравновешенно. Но и он проронил слезу, пожелав удачи и доброй службы. С многочисленными напутствиями я и отправился исполнять свой воинский долг. Вслед за мной покидали кров родной старшие братья. Василий всей семьей переезжал в Горький на автозавод, свое постоянное место работы. Иван — также на работу в «Нижнем». Быстрый рост промышленности в городе требовал рабочих рук.

За время непродолжительного отпуска все же имели в моей жизни некоторые события, оставившие следы в моей памяти.

Первый случай. Ехал из Ленинграда в Москву с однокурсником-москвичом, Иваном Ивановичем Петуховым. Он уговорил меня пару-тройку дней провести у него, пообещав хороший отдых и познакомить с Москвой. Я приглашение принял. Прибыв в Москву и выйдя из вагона, я решил привести себя в надлежащий порядок и почистить сапоги. Поставил ногу чистильщику на табуретку, на какой-то момент отвлекся, вдруг слышу — сзади меня кому-то нанесен удар, и стоны. Повернувшись, вижу своего друга Ивана, который одной рукой держит за ворот молодого парня, другой отвешивает ему «оплеухи». Тут же подходит милиционер и спрашивает: «В чем дело?» Иван Иванович ему отвечает: «Вот с этим молодым нахалом провожу урок воспитания». Оказалось, когда я наклонился для чистки сапог (был я к тому же в костюме и плаще), парень залез ко мне в карман и

вытащил портмоне. Вот тут-то Иван и перехватил руку воришки и ударил его. Милиционер задержал парня, проверил его документы и отпустил (тот оказался рабочим одного из рядом расположенных производственных помещений вокзала).

Мне Иван сказал: «Эту братию я хорошо знаю». Иван Иванович, здоровый парень, на вид — представительный, интеллигентный. До поступления в Ленинградское училище (как он сам об этом рассказывал) состоял в компании аферистов, выступал там в роли приличного джентльмена. Например: при поездке в поезде, на пароходе, в дальних авторейсах знакомился с выбранной дамой, отвлекал ее внимание, а в это время его приятели-подручные занимались багажом или сумочкой попутчицы. Из этой темной компании, по его рассказу, увела его навсегда знакомая женщина-напарница, позже ставшая его женой. Эта дама заслуживала внимания — симпатичная, элегантная, привлекательная женщина. У них в гостях провел я с удовольствием два дня своего отпуска.

Второй случай: продолжая путь домой к родным, ехал поездом Москва-Киров до станции Ветлужская в плацкартном вагоне. Расположился на нижней полке, не раздеваясь, чемодан — под сиденье (новенький, с подарками для родни). Где-то в пути, от станции Семенов до Ветлужской, ноги начали болеть (надел сапоги новые, хромовые, в обтяжку), и решил освободиться от сапог, но снял их наполовину, и, конечно, крепко вздремнул. Когда проснулся, чемодана уже не было. Обращаюсь к проводникам (их в вагоне было двое), заявил о пропаже. Они говорят, что ничего не видели и рекомендуют выйти на остановке, заявить дежурному по станции о происшедшем. И, может быть, просмотреть всех выходящих из поезда. Вот в этот момент в моем подсознании что-то сработало, возникло подозрение на проводников. Внимательно окинув взором затемненное купе проводников, я увидел свой чемодан среди вещей проводников, и твердо потребовал возвратить чемодан на прежнее место. Что они и выполнили. Затевать скандал с начальником бригады поезда не стал — состав уже подходил к станции Ветлужская.

Эти примеры подсказали мне, что жизнь — сложная штука, и на ее пути надо быть готовым ко многим неприятностям.

В декабре 1935 г. прибыл в Брянск для прохождения службы. Здесь размещался большой и известный в то время авиационный гарнизон: 83-я авиационная бригада, состоящая из двух ис-

требительных авиационных эскадрилий; одна из них — 107-я АЭ (самолеты И-16), в которой мне и предстояло служить. Доложив командованию бригады о прибытии, тут же был направлен в авиаэскадрилью на должность старшего техника отряда по вооружению. Командиром авиационного отряда был известный в то время капитан А. Николаев. Он ознакомился с моими документами, поспрашивал об учебе в Ленинграде, о моем здоровье и семейном положении. Сказал: «Добро. Без промедления приступайте к работе. Вы очень ко времени прибыли, так как поступило новое вооружение для наших истребителей».

Позже, где-то в середине 1936 г., командир отряда капитан А. Николаев ушел на новую работу — летчиком-испытателем в НИИ ВВС. Когда формировалась эскадрилья добровольцев для отправки в Испанию, он настаивал, чтобы его тоже включили в эту группу, но отпущен с испытательной работы не был. Об этом он очень сожалел.

Разместиться предстояло в общежитии, подготовленном к приему прибывавших в бригаду из училищ летчиков и техников.

Итак, влившись в боевой коллектив, с первых дней приступил с профессиональным интересом к своей непосредственной работе. На практике применяя полученные в училище знания, одновременно с этим осваивал новую авиационную технику — самолеты и их вооружение. Работа ладилась, я приобретал практические навыки.

В авиационных подразделениях шла напряженная летная боевая учеба. Большое внимание уделялось, наряду с совершенствованием техники пилотирования, ведению воздушного боя, а также отработке воздушных и наземных стрельб из всех видов вооружения истребителей. Как правило, завершали все виды боевой подготовки различного масштаба учения и инспекции.

В эскадрилье, наряду с боевой подготовкой, велась значительная спортивно-физкультурная работа, нацеленная на укрепление здоровья авиационного коллектива. Она также цементировала личный состав бригады, способствовала успешному выполнению летно-боевой подготовки. Мне было поручено возглавить секцию французской борьбы, поскольку я еще в Ленинградском училище получил некоторые навыки и познания в этом виде спорта. В эту секцию входили в основном летчики: Черных, Акуленко, Путивко и другие — всего 10 человек. В проводимых бригадой соревнованиях по французской борьбе группа летчиков 107 АЭ показывала хорошие результаты; неко-

торые, в том числе и я, участвовали в окружных соревнованиях в Минске на первенстве БВО.

Тут нелишне вспомнить: различными видами спорта в авиационных гарнизонах истребительной авиации занимались преимущественно летчики. С некоторыми из них я сдружился. Сложилась дружная четверка холостяков — летчики-истребители Валя (Валериан) Яманов, Дима Комаров, Ваня Трошин и я, технарь-вооруженец. Вначале жили мы в одном общежитии при Доме Красной Армии. Затем — на частных квартирах, но по соседству друг с другом.

Впереди был нелегкий 1936-й год. Этот год для нашей 107-й ИАЭ, как и для других частей авиабригады, был годом напряженной боевой учебы, которая проводилась форсированными темпами и завершилась рядом крупных учений и маневров. Летом (июль-август) наркомом обороны проводились крупные учения Белорусского военного округа. На учениях отрабатывалось взаимодействие всех родов войск. На этих учениях 107 ИАЭ получила высокую оценку за выполнение поставленной ей задачи. В сентябре 107 ИАЭ была привлечена на учения войск Московского военного округа. На этих учениях истребительная авиация, как правило, базировалась на грунтовых аэродромах и выполняла свои задачи с широким маневром. Действия летного состава и на этих учениях были признаны успешными. Положительно оценивалась и работа технического состава, как необходимая составляющая успешного решения учебно-боевых задач.

Мысль стать летчиком-истребителем не покидала меня. Мне нравилась смелость летчиков, летавших на самолетах И-15 и И-16. Особо восхищало выполнение ими сложного и высшего пилотажа, проведение воздушных боев и воздушных стрельб. В этот период в авиабригаде особенно славились летным мастерством летчики К. Колесников, А. Николаев, Замашанский, С. Черных, С. Денисов, И. Лакеев, В. Бочаров, А. Минаев, Путивко, Баланов и многие другие. Так, например, К. Колесников уже в то время за успехи в боевой подготовке был награжден орденом Ленина и избран депутатом ВЦИК.

* * *

Обстановка в мире тем временем обострялась. В Испании 18 июля 1936 г. начался военный мятеж. Япония вторглась в Се-

верный Китай, Италия — в Эфиопию, произошла ремилитаризация Рейнской области Германии. Страна жила в напряженном ожидании грядущих катаклизмов.

В один из осенних дней в бригаде было объявлено построение. Проходило оно на аэродроме вблизи одного из ангаров, на стоянке самолетов 107 АЭ. Комиссар бригады объявил: «Возможно, кому-то из вас придется участвовать в боевых действиях за рубежом. Это большая честь, там придется заниматься делом, которому мы учились. Нужны добровольцы». Затем было сказано: без разглашения все спокойно обдумайте, и кто пожелает, к исходу следующего дня свои заявления представьте в штаб на имя командира бригады.

Этого мы ждали давно. Желающих поехать добровольно в «командировку» оказалось много — и летчиков, и авиационных специалистов. Объяснений, куда требуются добровольцы, не требовались. У командования бригады основная проблема состояла не в том, чтобы набрать нужное число военнослужащих для отправки в Испанию, а в том, чтобы выбрать из всех, кто подал рапорты, наилучших. После оперативного всестороннего рассмотрения заявлений командование огласило фамилии тех, кому следовало готовиться к убытию за границу. Была отобрана группа летчиков и авиаспециалистов для укомплектования эскадрильи (33 экипажа с самолетами). В состав группы входили экипажи из обеих истребительных эскадрилий авиабригады. Все они в той или иной степени были знакомы между собой. В эту группу вошел и я. Сборы были недолгими, но нас поторапливали: очевидно, «там» обстановка была такой, что требовала нашего быстрого прибытия. Командование дало несколько дней на завершение уезжающими своих семейных и домашних дел и на подготовку к дальней поездке. Старшим был определен С. Тархов (командир 40-й ИАЭ), его помощником — комиссар АЭ К. Рябов (начштаба 107 ИАЭ). Командиры отрядов: К. Колесников, В. Бочаров, С. Денисов. Остальной состав был также распределен по отрядам согласно штатному расписанию.

Сначала путь добровольцев лежал в Москву. Выезжали из Брянска небольшими группами. В Москве обзавелись гражданскими костюмами, необходимыми документами. На приеме у руководства ВВС получили деловые напутствия. Были ознакомлены с военно-политической обстановкой в районе предстоящей работы. В конце беседы руководство пожелало всем нам успе-

хов в предстоящем деле. Главный смысл напутствия — выполнять боевую задачу с достоинством и честью, соблюдать честь советского воина и гражданина.

Из Москвы после получения документов мы отправились в Севастополь. Там на рейде уже стоял транспорт «Курск» с загруженными в трюм ящиками с истребителями И-16, боеприпасами, а также продовольствием (все это, как оказалось, предназначалось для нашей группы добровольцев). Погрузка завершена, все портовые формальности соблюдены. По завершении погрузки вся наша группа добровольцев разместилась на «Курске». Теплоход вышел из Севастополя и пошел курсом на Босфор.

Поставки военных грузов в Испанию из советских портов через Средиземное море осуществлялись в обстановке открытого морского разбоя, который вели на торговых путях фашистский флот и авиация. Мы об этом также были проинформированы.

Пройдя Босфор, «Курск» пришвартовался в порту Стамбул. Когда наш транспорт с самолетами на борту и экипажами вошел в порт, он подвергся тщательному таможенному досмотру. Турецкие таможенники спрашивали нас: «Почему у вас такой большой экипаж?» Мы отвечали: «Это грузчики». Этими «грузчиками» были летчики-истребители и техники, следовавшие в Испанию, чтобы воевать на самолетах И-16, которые везли с собой на корабле. Как бы там ни было, но таможенный досмотр прошел вполне благополучно, и «Курск» беспрепятственно проследовал в воды Средиземного моря. С помощью каких средств — дипломатических (по документам) или откупом удалось капитану «Курска» сравнительно беспрепятственно пройти таможенный контроль — знает только он, капитан. Конечно, это осуществилось не без участия советского представительства в Турции, а также не без благожелательного отношения турок, в том числе и сотрудников таможни, к событиям в Испании, а значит — и к доставке туда оружия и добровольцев. Известно сообщение немецкого посла в Турции: на «Курске» находится лишь невоенный груз, в том числе три не заслуживающих внимания самолета.

Преодолев пролив Дарданеллы, корабль вышел в Мраморное море. Оставив позади остров Крит, входим в воды Средиземного моря. Шли курсом на африканское побережье. Все вроде спокойно, ничто не предвещает опасности, только значительное волнение, а значит, качка, на которую немногие пассажиры

реагируют болезненно. Летчики ее, правда, переносят легче — лечатся вином и лимоном. Качка резко возрастает. Некоторые пассажиры уже совсем позеленели. К вечеру несущиеся по небу облака становятся такими же свинцово-темными, как и волны, пытающиеся поглотить наш корабль.

В середине дня стало очевидным, что за нами на некотором отдалении (на расстоянии зрительной видимости) следуют два итальянских эсминца. Несколько часов длилось это преследование. Однако ближе к вечеру преследователи удалились и скрылись из виду. А ночью, когда «Курск» взял курс к испанским берегам, до нас донеслись звуки двух взрывов. Что это могло взорваться, оставалось только гадать. Но была дана команда подготовиться к применению спасательных средств. Однако все обошлось. А вскоре в рассветной дымке показались берега Испании и порт назначения.

Наш транспорт прибыл в порт Картахена, однако под разгрузку не встал. В порту под разгрузкой уже стоял советский транспорт с танками, которые были видны даже на палубе под брезентом. К тому же на рейде порта сновали катера под флагами Великобритании и Комитета по невмешательству. «Курск» решено было направить в другой порт. Приняв на борт испанского лоцмана, корабль проследовал в порт Аликанте. Там нас ждали. Испанские докеры быстро выгрузили самолеты, и вместе с ними интернационалисты на автотранспорте добрались до аэродрома близ г. Мурсия.

Итак, мы на испанской земле. При этом следует отметить: на всем пути нашего следования от порта Аликанте до аэродрома Мурсия, на всех перекрестках дорог, нас встречали и приветствовали группы испанцев: «Россия привет, Франко капут!» (они работали на полях и выходили на дорогу, поднимая в приветствии сжатый кулак или орудие своего труда — лопату, мотыгу).

В самом городе Мурсия мало промышленных предприятий, немного и исторических памятников. Гордость города — старый кафедральный собор, построенный в стиле барокко. Мурсия — это центр исторически сложившегося района на юго-западе Испании. Его пересекают с востока на запад небольшие горные отроги, являющиеся продолжением андалузских горных хребтов. К северу простирается Лиманчское плоскогорье с засушливым климатом. В южной части района — еще одна равнина, бедная водой. Поэтому возле городов Мурсия, Мула, Лорка —

большие заливные луга. Основным источником для орошения служат воды бассейна реки Сегура. Экономика района в основном сельскохозяйственная.

Когда 18 июля 1936 г. в Испании произошел франкистский мятеж, в Мурсии также произошли отдельные его вспышки, которые были подавлены трудящимися. В дни нашего прибытия город жил мирной жизнью — единственным признаком военного времени было то, что на улицах редко встречались взрослые мужчины — они были в рядах защитников республики. Ничто не говорило о том, что идет война.

Аэродром в окрестностях Алькантария, куда прибыли машины с разобранными самолетами в ящиках, представлял собой небольшое поле, окруженное оливковыми деревьями, с достаточно прочным грунтом, но пыльное. Разгрузка происходила быстро. Для этого в помощь работникам аэродромной службы пришло местное население, в основном молодые парни и старики. Сразу же после разгрузки авиационные специалисты нашей группы добровольцев, совместно с техническим составом аэродромной службы, приступили к сборке самолетов и подготовке их к боевому применению. Работы велись форсированно, круглосуточно, с большим напряжением. В течение двух суток все самолеты были собраны и облетаны, оружие отлажено, пристреляно и подготовлено к боевому применению. Летный состав был распределен по группам, отрядам и звеньям. Затем изучали район предстоящих боевых действий. Обо всем этом было доложено командованию ВВС Испании (старшему советнику при командующем ВВС Смушкевичу).

Летчики и авиаспециалисты нашей группы были размещены в г. Мурсия в специально подготовленных помещениях. Однако горожане просили и требовали у администрации, организовывавших наш прием и устройство, поселить русских в их домах, под их заботу и уход.

На исходе дня 4 ноября 1936 года на аэродром Алькантария, близ г. Мурсия, прибыл генерал Пумпур («генерал Хозе») — летчик-истребитель, советник командующего ВВС Испании по истребительной авиации. Он приказал в связи с готовностью авиационной группы к боевым действиям всему летному составу быть готовым к перелету на новый аэродром под Мадрид. Перелет осуществлять поотрядно, с посадкой на прифронтовом аэродроме Алкала-де-Энарес. Головную группу возглавит лич-

но. Было указано следующее: полет по маршруту, подход к аэродрому посадки и посадка должны произойти скрытно. Прибытие в Испанию и появление на фронте новой группы истребителей должно стать неожиданностью для франкистов. Был сообщен запасной аэродром посадки и его характерные особенности. Передовая группа летно-технического состава (я также был включен в нее) самолетом была направлена на аэродром посадки несколько раньше вылета группы истребителей. Остальной состав группы должен был убыть на автотранспорте вслед за вылетом истребителей.

В назначенный час все самолеты авиагруппы ушли в воздух и взяли курс на Мадрид. Это было в канун годовщины Октябрьской революции. Завтра советские летчики появятся в небе Мадрида. К этому времени фашисты уже захватили пригород Мадрида — Карабанчель. Напряженные бои шли на подступах к университетскому городку, в парке Каса-дель-Кампо, в районе стадиона и мостов через реку Монсанерес. Президент Асанья и правительство Л. Кабальера покинули Мадрид, передав всю власть в городе «хунте» обороны во главе с генералом Миаха, который не имел в своем подчинении ни авиации, ни войск, ни складов с боеприпасами. Франко и его генералы уже получили приветственные телеграммы в честь победы над республикой и с нетерпением ждали сообщения о вступлении частей иностранного легиона и марроканцев в столицу.

Именно в этот период прозвучал исторический призыв Долорес Ибаррури «Они не пройдут!» С появлением у республиканцев танков и авиации они усилили сопротивление, а местами даже переходили в контратаки. Попытки взять столицу с ходу провалились.

Перелет авиагруппы прошел благополучно. Посадка на аэродром Алкала-де-Энарес произведена без происшествий. Все летчики находились в хорошем, приподнятом настроении, готовые вступить в схватку с противником. После посадки летный состав был собран в одном из аэродромных помещений, где Пумпур и Тархов провели разбор перелета. Там же было указано, как расположить самолеты в границах аэродрома, как готовить их к боевым действиям.

На исходе дня на аэродром прибыли начальник авиации Испанской республики Идальго де Сиснерос и его советник по авиации генерал Смушкевич. Командующий приветствовал

прибытие советских авиаторов в состав испанских ВВС, на помощь испанскому народу. Он поблагодарил также за успешный перелет на прифронтовой аэродром. Затем здесь же генерал Смушкевич объявил предварительное решение на боевое использование авиации на ближайшие дни: незамедлительно готовиться к боевым действиям по защите Мадрида от франкистской авиации. Предусматривалось: начиная с утра 5-6 ноября (при условии летной погоды) двумя вылетами авиагруппы нанести штурмовые удары по наземным войскам франкистов, сосредоточенных для наступления на Мадрид. Одновременно с этим быть готовыми к отражению действий авиации мятежников, действующей по войскам и объектам республики на поле боя. Тут же поступила команда инженерно-техническому составу: готовить самолеты группы к боевым действиям в соответствии с предстоящими боевыми задачами. Готовность — к утру следующего дня. С этого часа весь личный состав авиагруппы: летчики, авиаспециалисты (с приданными нам для помощи испанскими авиаспециалистами) непосредственно включались в работу по подготовке к боевым действиям в битве за Мадрид.

Поев на короткое время в новой для нас прифронтовой обстановке (фужер вина с фруктами и бутерброд с ветчиной) приступили к работе. Под руководством командира истребительной авиагруппы С.Тархова (полковник Антонио), командиров отрядов И.Колесникова, В.Бочарова, С.Денисова летный состав приступил к изучению обстановки на Мадридском фронте, исходя из боевой задачи ближайших дней. При этом особое внимание было уделено анализу обстановки в воздухе и обстановки на фронте, на подступах к Мадриду, а также тактике действий франкистской авиации на поле боя. Авиаспециалисты выполнили необходимый ремонт самолетов, отладку агрегатов, весь объем предполетной подготовки. Специалисты-вооруженцы, проводя подготовку вооружения к боевому применению, готовили повышенный боезапас. Это делалось в расчете на многократные боевые вылеты с ведением воздушных боев и штурмовок наземных целей.

И вот с рассвета 5 ноября, совершив два вылета по 30 самолетов в каждом, эскадрилья приступила к боевой работе. Она штурмовала с малых высот войска франкистов, нанеся им большой урон. Среди мятежников началась паника (особенно среди марокканской кавалерии). Воодушевленные действиями истре-

бителей, республиканские войска и жители Мадрида, при поддержке танков с советскими и испанскими экипажами, усилили натиск на противника. Наступление франкистов было сорвано.

В этот день авиагруппа, управляемая С.Тарховым, выполнила еще более 80 самолетовылетов, отражая налеты франкистской авиации на Мадрид и на позиции республиканцев, вела ожесточенные воздушные бои, уничтожив при этом до 10 самолетов. На глазах многих жителей испанской столицы советские летчики-истребители дали достойный бой франкистской авиации. Кончилось то время, когда враг безнаказанно вторгался в небо Мадрида.

С 6 по 9 ноября шли самые напряженные бои за Мадрид — на земле и особенно в воздухе. Наши летчики совершали по 4-5 боевых вылетов в день. Ежедневно приходилось вести воздушные бои, с большим напряжением моральных и физических сил. Советский военный атташе в Испании комбриг В.Е. Горев писал, что если бы в обороне Мадрида не участвовали группы истребителей и танков (возглавляемые П.Арманом), то удержать город вряд ли бы удалось.

13 ноября в бою 16 И-16 с 12 «юнкерсами» и 25 «хейнкелями» был сбит С. Тархов. Раненый летчик выбросился на парашюте, был обстрелян с земли; приземлился вблизи линии фронта, он был доставлен в госпиталь, где от ран скончался. Это была тяжелая потеря для нашей группы и для авиации Республики. Командование истребительной авиагруппой принял И.Колесников, отличный летчик, волевой командир. В последующих боях за Мадрид он умело руководил авиагруппой во всех операциях 1936—1937 гг.

Закончив свой срок пребывания в Испании, К. Колесников готовился к убытию в СССР. К этому времени на аэродром Мурсии прибыла новая партия И-16. Республиканское правительство Негрина, находясь в Валенсии, пожелало увидеть демонстрационный пилотаж на И-16. К. Колесников вылетел с аэродрома Мурсия в Валенсию, исполнил там показательный полет на И-16 и вылетел обратно. При подходе к аэродрому, на малой высоте выполнил несколько «бочек», во время которых задел крылом за цитрусовое дерево. Самолет врезался в землю.

Появилась версия, что причиной катастрофы стала деформация консоли крыла, так как уже имелись подобные случаи на той же серии И-16 при облете самолета после сборки. Было

принято решение провести тщательный контроль поступившей партии И-16. Обследование никаких дефектов не выявило. Все самолеты этой партии были облетаны и отправлены на пополнение авиации фронта.

На новый, 1937 год на аэродром Алкала-де-Энарес прибыл командующий Мадридским фронтом генерал Миаха и его штаба полковник Рохо с группой артистов мадридских театров. Они от имени правительства Испанской республики и командования фронта поздравили нас с наступающим Новым годом, поблагодарили за успешную боевую работу, пожелали всем здоровья и успехов в последующих боевых делах.

Боевые задачи выполнялись из положения дежурства на аэродроме. Задача на вылет обычно поступала с главного КНП, развернутого в Мадриде на «Телефонике» (самом высоком здании города) и уточнялась с КП аэродрома. Обычно весь летный состав постоянно находился на аэродроме вблизи своих самолетов. При этом некоторые экипажи несли боевое дежурство в кабинах самолетов с подключенными стартерами. В особо напряженные дни на фронте, при активном действии авиации франкистов, применялся способ боевых дежурств групп патрулирующих истребителей непосредственно в «зоне опасности». Применение «патруля» позволяло своевременно вступать в бой с противником и отражать налет. Но это способ требовал большого напряжения и расхода сил, поэтому применялся в крайних случаях. Для быстрой и полной оценки воздушной обстановки, на командно-наблюдательном пункте «Телефоника» было установлено дежурство летчиков-истребителей. Это позволяло оперативно принимать решение на вылет истребителей и ввод их в бой. Некоторое время на КП несли дежурство летчики группы — Беляков, Акуленко, Кузнецов.

Помнится, однако, что к дежурству на КНП летчики относились без охоты, предпочитая им боевые вылеты. При этом, следует отметить, «Телефоник» подвергался артобстрелу франкистов. Целеуказание велось самым примитивным образом — ракетами с земли и полотнищами, обозначающими направление на противника. Информация о воздушной обстановке на КП аэродрома передавалась по телефону и часто запаздывала (затрачивалось много времени с момента ее получения до передачи экипажам), что не обеспечивало своевременный ввод в бой истребителей из положения дежурства на аэродроме.

На Мадридском фронте, одновременно с нашей авиагруппой, вела боевые действия истребительная группа Рычагова на самолетах И-15. Летчики обеих групп, защищая Мадрид от ударов франкистской авиации, вели результативные воздушные бои. Когда приходилось отражать массированные налеты авиации франкистов, обе группы действовали одновременно, осуществляя распределение боя по маневру и высоте (И-15 — маневренный бой на горизонтали, И-16 — бой на вертикали).

Крупномасштабный штурм Мадрида франкистами был сорван. Однако многочисленные попытки штурмовать город продолжались на отдельных направлениях. По-прежнему авиация франкистов продолжала попытки нанесения ударов по Мадриду и группировкам республиканских войск на Мадридском фронте.

В октябре-ноябре я был непосредственным участником боев по защите Мадрида в должности старшего техника отряда по вооружению отряда. Аэродром Алкала-де-Энарес по существу являлся основным для нашей авиагруппы, откуда велась боевая работа. Только на непродолжительное время небольшими группами (6-9 самолетов) самолеты перелетали на полевые аэродромы для того, чтобы приблизить место базирования к району предстоящих боевых действий. Проживание личного состава группы также было организовано вблизи этих аэродромов. Для проживания в Алкала-де-Энарес было подготовлено помещение типа военного общежития. Обслуживала это здание специально созданная бригада, преимущественно молодые «сеньориты» под надзором немолодого властного «сеньора»-коменданта. Здесь же была организована столовая, где мы питались утром и вечером. Днем, как правило, обедали на аэродроме, в столовой, расположенной в полуподземном помещении. Летчики пищу принимали преимущественно у самолетов, поскольку большинство их находилось в положении боевого дежурства, готовыми к вылету на боевое задание.

Был период, когда летчики ужинали в двух местах. Во второй половине ноября над аэродромом и городом Алкала-де-Энарес ночью стали появляться одиночные бомбардировщики мятежников. Как показал анализ этих налетов, целью их бомбовых ударов являлись не столько самолеты на аэродроме, сколько места проживания наших летчиков и авиаспециалистов. Эта мера воздействия на наших летчиков франкистами, видимо, была предпринята в качестве мести за потери, которые понесла их

авиация. При этом были задействованы силы «пятой колонны». В городе начали действовать сигнальщики, фонарями подсвечивавшие бомбардировщикам район нашего пребывания (обозначая светом фонарей его границы). Местными жителями и республиканской милицией эти сигнальщики выявлялись и уничтожались.

Впоследствии, для обеспечения безопасности летчиков, было принято решение оборудовать укрытия типа полуподвальных бомбоубежищ в ряде помещений, где проживали наши люди. До момента готовности использования таких укрытий была принята и такая мера: в конце летного дня летчики, приняв в столовой легкий ужин, завершали его в другом месте. На автобусе выезжали за город, в горы Сьерра-де-Гвадорама, и там продолжали ужинать. В город, на ночлег, возвращались в 23.00: противник позже 23.00 не летал. Когда бомбоубежище было готово, ужин проходил в столовой. Затем «угрожаемые часы» проводили в оборудованных помещениях. После 23.00 отдыхали в спальнях помещений, а некоторые товарищи оставались в этих укрытиях до утра.

В декабре для нашей авиационной группы в центре Мадрида было подготовлено жилье при гостинице «Палас». Оно было оборудовано в нижних этажах гостиницы и полуподвальных кельях прилегающего монастыря. В Мадрид летчики уезжали на ночь после боевого дня, утром с рассветом возвращались на аэродром и включались в боевую работу. Это разнообразило фронтовую жизнь.

Мадрид, прифронтовой город, жил обычной жизнью. Работали магазины, казино, некоторые театры и другие учреждения культуры и быта. Функционировали они до полуночи, поэтому имелась возможность посещать некоторые заведения, производить необходимые закупки.

Проживание в Мадриде в ночное время считалось более безопасным, чем вблизи аэродрома, хотя город располагался ближе к линии фронта. Иная обстановка способствовала тому, что личный состав морально и физически отдыхал. Те из авиаспециалистов, кто вынужден был задерживаться на аэродроме на ночь, чтобы выполнить работы по подготовке самолетов к боевому вылету на следующий день, проживали преимущественно на аэродроме. Мне приходилось довольно часто отдыхать на аэродроме. Обуславливалось это большим объемом работ по

вооружению самолета И-16. Однако это нисколько не тяготило, и даже создавало некую выгоду. Рядом с нашим аэродромным «жилем» имелся кинотеатр, в котором можно было скоротать свободные от работы ночные часы.

Нас, интернационалистов, часто спрашивают: как к советским добровольцам относилось население Испании? Как строились наши взаимоотношения с испанскими авиаспециалистами?

С первых дней нашего пребывания на испанской земле мы ощутили дружелюбный, доброжелательный прием, чуткое, внимательное отношение. Проявлялся неподдельный интерес к Советскому Союзу, к гражданам Советской России, к их культуре и жизни СССР. Если говорить об авиаспециалистах, которые с нами работали, то можно сказать следующее: отношения были дружеские, на равных. К нам они относились с почтением. Наши советы по ходу совместной работы воспринимались серьезно.

Вспоминается следующее. Для испанцев обеденные часы были почти священны. В работе они тоже были склонны к определенному спокойному ритму. Эти их свойства и привычки в ряде случаев не соответствовали требованиям момента боевой обстановки, особенно при оперативной подготовке авиационной техники к бою. Но мы их не упрекали, а терпеливо, личным примером учили: своевременное приведение техники в боевую готовность не должно зависеть от времени приема пищи, а время, затрачиваемое на работу, должно быть возможно минимальным. Испанские товарищи быстро поняли наши уроки и сами решили поступиться некоторыми привычками в интересах дела. Они обогатились навыками работы в боевых условиях на новой для них авиационной технике. Так, например, работая моим напарником, техник по вооружению Мартин Лопес очень быстро освоил тонкости эксплуатации и боевого применения вооружения самолета И-16, стал настоящим мастером, помогая в то же время испанским товарищам повысить квалификацию, плодотворно работать в боевых условиях, содержать в хорошем состоянии вооружение и готовить его к боевому применению.

Я, уходя в июле 1937 г. из-под Мадрида на Северный фронт, с чистой совестью оставлял своего напарника вместо себя, и он с порученной работой справился. Он же, в свою очередь, в дар о совместной работе преподнес мне прекрасный дорогой подарок: двухствольное маркированное ружье и пистолет «Стар».

Бывая среди испанских товарищей в кинотеатре в г. Алкала, где постоянно бывали группы бойцов с фронта — «армеро»; они

обязательно предлагали с ними выпить (при них всегда была фляжка с вином). А если в буфете захочешь выпить фужер «Сидро», то расплачиваясь, непременно услышишь: «За вас уже уплачено».

Посещая Мадрид, мне поручалось доставить в Генеральный штаб старшему военному советнику донесение (пакет с бумагами). Так вот: на проходной Министерства обороны иногда было достаточно без предъявления пропуска сказать лишь два слова «Камаrado руссо» — и тебя пропускали.

Да, положительных примеров можно привести много.

Ночью, в часы опасности, когда мы проводили время в полуподвальных укрытиях-бомбоубежищах, туда без особого стеснения заходили и многие «сеньориты» из обслуживающего нас персонала. Конечно, взаимные симпатии возникали. Нельзя исключать того, что возникало взаимное стремление сблизиться. Но оно сдерживалось именно общей благожелательной средой.

И еще один приметный случай. В один из дней симпатизировавшая мне девушка (ее звали Антония) смущенно, но настойчиво уговаривала меня побывать у них дома — «мадре» желает познакомиться хотя бы с одним из советских добровольцев. Поставив в известность свое начальство (К. Рябова), я согласился. Дело было во второй половине дня. Проходя мимо собора, моя попутчица вдруг берет меня под руку, смеется и говорит: так будет спокойнее. Поясняет: в Испании под руку могут ходить только очень близкие друг другу люди. Что ж, я согласился. Пришли в небольшой дом, в двухкомнатную квартиру. В квартире — одна пожилая женщина: «мадре». Одета по-домашнему скромно. Комнаты скромно обставлены. Мое появление приветствует сдержанно. Приглашает присесть. Она говорит, что сын с мужем «армеро» на фронте под Мадридом; пока живы. Антонио подходит к шкафу, открывает его, включает приемник и настраивает на Москву. «Раскрывается», говорит, что они с «мадре» часто слушают Москву, что она комсомолка. «Мадре» приглашает к столу. На столе в вазе апельсины с мандаринами и початок кукурузы. Извиняются за скромность. Я благодарю за угощение, вынимаю из пакета банку ветчины и угощаю хозяйку квартиры.

Побеседовали часа два-три. В ходе разговора Антония рассказала «мадре» о том, что она шла со мной под руку. «Мадре» покачала головой, насторожилась. Дочь засмеялась, рассказала какую-то шутку. Мать успокоилась, в ответ сказала, что была бы не прочь породниться с «Россией». Но война, война!

Я отблагодарил «мадре» за добрый прием, извинился за причиненные беспокойства и под руку с Антонией покинул квартиру.

Имел место и такой случай. Один из шоферов, обслуживающих нашу авиагруппу, возил меня в Мадрид на перевязку в госпиталь. После завершения процедуры предложил мне заехать к нему домой в семью (сам он мадридец, проживал в районе Университетского городка). При этом предупредил, что это очень близко к фронту, там часты обстрелы. Посещение его семьи он обговорил желанием его матери и сестры познакомиться с советскими добровольцами. Не желая обидеть шофера отказом, я согласился.

В небольшой, но уютной двухкомнатной квартире нас встретили две женщины: «мадре» лет 45-48 и сестра лет 25. Они были приветливы, доброжелательны. Заинтересованно побеседовали, скромно, по-фронтовому, перекусили, выпив по бокалу «Сидро», и, поблагодарив хозяев, убыли.

А потом, примерно через месяц, в один из вечеров, мой шофер передал мне просьбу своей сестры провести вечер в знакомой ей семье в центре Мадрида, где еще будет «сеньорита», недавно приехавшая из Малаги. В один из согласованных по времени вечеров (мы ночевали в мадридском «Паласе») втроем отправились по указанному адресу, захватив с собой провиант (прежде всего ветчину) и напитки. Адресно эта улица была ближней от «Телефоника» и выходила на ул.Алкала; дом капитальный, 4-этажный, квартира трехкомнатная на третьем этаже.

Встретили нас четыре женщины: хозяйка, лет 45-ти, и три «синьорины» лет 23-25. Симпатичные, прилично одетые, приветливые и доброжелательные. Не теряя времени, был накрыт стол. Началось знакомство. Одна из «сеньорит», дочь хозяйки, вторая — сестра шофера, третья — «сеньорита Понти» — бежала из Малаги перед ее захватом итальянцами. Бежала она с дочерью 4-х лет в Аликанте — там жил ее «падре». Оставив дочь у «падре», сама прибыла в Мадрид к знакомым. Здесь, под Мадридом, ее муж «армеро». Может быть, удастся, пока жив, повидаться? Трапеза затянулась, беседа велась по разным вопросам. Объяснялись, прибегая к испано-русско-французскому диалогу и с помощью «мимире»(?). И вот тут, где-то около 23 часов, вслед за донесшимися звуками артиллерийской канонады раздался разрыв артснаряда в доме, где мы трапезничали. Два снаряда, из тех, что летели в сторону «Телефоника», попали в дом. Разрыв был в районе четвертого этажа, квартиры третьего этажа не пострадали.

* * *

Боевая работа нашей истребительной группы велась с большой нагрузкой. А это означало, что авиационная техника также эксплуатировалась напряженно, что, в свою очередь, требовало больших усилий от авиационных специалистов по поддержанию ее в высокой степени боеготовности. Большая нагрузка лежала и на вооруженцах. Это обуславливалось прежде всего необходимостью быстро и надежно готовить самолеты к каждому вылету. В каждом боевом вылете участвовал не один самолет, а несколько. Причем часто они возвращались с полностью израсходованным боекомплектom. При подготовке каждого самолета к следующему вылету надлежало не только пополнить боекомплект, но и произвести контроль вооружения на каждом самолете, а при необходимости — и устранить выявленные неисправности. Эта работа велась круглосуточно, днем и ночью. Иногда вооруженцы подобную работу проводили полные 1-2 суток без сна и отдыха. Вооруженцы работу на самолете не прекращали даже в моменты налета на аэродром авиации противника. Так, в один из дней, на самолетах, вернувшихся из боя, вооруженцы выполняли работы по отладке оружия. В это время аэродром подвергся удару авиации противника. Вооруженцы продолжали свое дело. Я в это время выполнял работу непосредственно в кабине самолета и не покинул ее, пока не завершил все необходимые работы по ремонту вооружения.

Пулеметное вооружение И-16 — строгое и капризное. Поэтому его готовили к применению тщательно. Каждый случай отказа оружия анализировался, разбирался со всем составом специалистов-вооруженцев. Эти вопросы рассматривались и на разборах боевых полетов с летным составом.

После опроса летчика о работе оружия в бою подготовка вооружения к следующему вылету строилась в таком порядке:

1) проверялось крепление всех агрегатов, относящихся к вооружению, неисправности устранялись;

2) тщательно осматривался механизм регулировки синхронности стрельбы бортовых пулеметов и доводился по норме до контрольных меток;

3) если имелись отказы оружия в бою, мы тщательно выявляли их причины. Были случаи обрыва лент пулеметов из-за де-

формации патронного ящика, вызванной или большим темпом стрельбы, или попаданием в боекомплект бракованного металлического звена, вследствие чего происходило выпадение патрона. Поэтому большое внимание обращалось на подготовку боезапаса: калибровку лент, патронов, промывку их от лишней смазки;

4) снимались пулеметы, тщательно осматривались, неисправности устранялись; оружие приводилось в надлежащую готовность к боевому применению. Если пулемет претерпел температурный перегрев (в случае стрельбы длинными очередями), то проводили тщательный осмотр-контроль и в случае выхода из строя ствола пулемета браковали оружие, меняли ствол.

Интенсивные боевые действия авиационной группы на И-16, вооруженных ШКАСами, были бы невозможны как без достаточного запаса боеприпасов, подготовленного заблаговременно, так и без квалифицированного обслуживания авиатехники наземными специалистами. Но не только зарядка самолета патронными лентами входила в обязанности специалистов-вооруженцев. Велась напряженная работа по поддержанию вооружения самолета в исправном боеготовом состоянии. Эта работа велась круглосуточно, с полной отдачей сил, знаний и опыта.

Самолеты И-16 и его вооружение в боевых условиях применялись впервые! Поэтому проявлялось много того, о чем мы еще не знали. Многократные за одни сутки (до 4-5 раз) вылеты летчика на одном и том же самолете сопровождались, как правило, ведением воздушного боя или штурмовыми ударами по наземным целям. При этом летчик, а также и самолет, подвергались значительным перегрузкам. И вот летчик возвратился с поля боя, произвел посадку. Самолет должен быть подготовлен к следующему боевому вылету. Нужно было тщательно готовить как непосредственно оружие, т.е. пулемет, так и систему управления огнем, прицел, боеприпасы. Все это делалось с целью избежать отказов оружия, разного рода задержек в стрельбе. С первых дней боевых действий авиагруппы специалистам по вооружению виделись характер, условия и объем предстоящей работы:

1) большой расход боекомплекта самолета за каждый боевой вылет предопределил необходимость иметь в большом количестве заблаговременно подготовленный боезапас. А создавая такой запас, следует исходить из такого расчета: потребное количество на каждый самолет, на группу самолетов для одного вылета, на дневной вылет и на какой-то конкретный период. Го-

товился боезапас оружиейниками круглосуточно, соблюдая качество патрона и металлических звеньев. Для набивки патронов (десятки тысяч штук) в звенья ленты применялись специальные станки — приспособления. В собранном виде ленты с патронами укладывались в боекомплекты.

2) Имели место отказы оружия и разного рода задержки. Это случалось по ряду причин, например, из-за разрыва патронной ленты или ее перекоса в патронном ящике (что вызывало заклинение патрона в приемнике); появление вибрации, вызываемой стрельбой длинными очередями, что, в свою очередь, обуславливало работу всего комплекса оружия в тяжелом температурном режиме. Из-за перегрева некоторые детали пулемета выходили из строя, чаще всего ствол, который от перегрева деформировался, в результате чего пуля вылетала из ствола с уменьшенной начальной скоростью. Вследствие этого были случаи прострела лопастей винта самолета. Это обстоятельство обуславливало необходимость постоянного напоминания летчикам о соблюдении «щадящего» режима ведения огня. При этом оговаривался и другой важнейший фактор — экономное расходование боеприпасов.

Обстановка на Мадридском фронте была сложной. В ряде случаев истребители нашей авиагруппы в воздухе находились постоянно. А так как самолетов в группе было мало, летчики делали по 4-5 вылетов в день. Бывали случаи, когда летчик, сев на аэродром после воздушного боя, сетовал, что пулемет не работает. На поверку оказывалось, что боекомплект израсходован полностью. Тут не было сомнений — пулеметы работали в тяжелых условиях. Мы их снимали и подвергали тщательному осмотру, проверяя на предмет годности к дальнейшей эксплуатации. В качестве меры по уменьшению случаев стрельбы длинными очередями применялась отработка с летчиками на тренажере нормального режима стрельбы. Рекомендовалось вести стрельбу короткими очередями в пределах 10-20 выстрелов. Стрельба же более длинными очередями могла негативно отразиться на функционировании оружия в бою.

Хочется отметить, что к нам, вооруженцам, очень хорошо относились все летчики. Они доброжелательно, с пониманием, воспринимали все наши советы и рекомендации о соблюдении правил применения оружия в бою, понимая, что истребитель без действующего оружия подобен птице — много вреда противнику

не принесет. Летчики в ряде случаев непосредственно вместе с оружейниками готовили оружие перед боевым вылетом. Особенно это имело место в период многократных боевых вылетов, когда оружие требовало к себе большего внимания: требовалось удалять нагар с оружия, проводить загрузку боепитания и, конечно, регулировать систему управления оружием. Старшим группы оружейников был Буклин. Я обслуживал отряд С.Денисова. Но приходилось обслуживать вооружение во всей группе (в отрядах К.Колесникова и В.Бочарова, а затем и Ухова). Был востребован и выезжал в авиагруппу П.Рычагова, имевшую на вооружении самолеты И-15: ко мне, как к наиболее опытному специалисту, обратились за помощью при отладке регулировки механизмов синхронизации, поскольку имели место случаи прострела лопастей винта.

Вот высказывание о работе специалистов-вооруженцев, приведенное В.А.Ямановым в книге «Ленинградцы в Испании»:

«Один из таких мастеров, про которых в народе говорят «золотые руки», был оружейник Павел Заварухин. Он в совершенстве знал технику, кропотливо изучал еще в мирных условиях все особенности ее эксплуатации. И когда в конце 1936 г. он приехал в Испанию, на него возложили обязанность обеспечить бесперебойную работу самолетного вооружения в боевых условиях. Заварухин работал с огоньком, с выдумкой. Анализируя боевой опыт, он ввел немало новшеств в технику: в частности, с помощью некоторых приспособлений значительно упростил зарядку самолетов боеприпасами, процесс устранения задержек во время стрельбы из пулеметов, ремонт оружия в полевых условиях. Заварухина всегда окружали испанские техники, почтительно, почти с восторгом наблюдали за его работой, красивой работой и многому от него научившиеся. А мы, летчики, знали: если оружие на нашем истребителе ремонтировал или проверял Заварухин, в бою оно будет действовать безотказно».

В авиационной группе советских добровольцев специалистов по вооружению было мало. Нам в помощь придали испанских товарищей. В ходе совместной работы их необходимо было учить и передавать опыт по эксплуатации вооружения.

Приходилось выезжать в Мадрид в Генштаб к старшему советнику с донесениями, а также непосредственно на главный пункт управления, оповещения и наведения, расположенный на

«Телефонике», для отработки вопросов взаимодействия с ПУ на аэродроме Алкала-де-Энарес. Там мне приходилось непосредственно наблюдать обстановку над Мадридом, видеть воздушные бои, как успешные для наших летчиков, так и не очень успешные. Многоярусная карусель больших сил истребителей, ведущих бой как в вертикали, так и в горизонтали («мечущийся шар») огненные трассы пулеметных очередей, шлейфы дыма от подбитых самолетов, купола парашютов — все это представляло захватывающее зрелище. Меня постоянно будоражила мысль: ну почему я не летчик? Быть я им должен. Понимал, как техник по вооружению я выполняю большую нужную работу, меня ценят. Но все же только истребитель в боях с противником в состоянии наносить ему физический урон. Мы знали, что война в Испании — не последняя. И я ждал срока возвращения на Родину, с надеждой переучиться на летчика.

Но в период смены летного состава авиагруппы вновь прибывшими летчиками, в это же время к убытию в Советский Союз готовились и авиаспециалисты, замену которым они сами и подготовили из испанских товарищей. Однако меня уговорили остаться, чтобы ввести в курс дела прибывший состав, и командировали на Северный фронт, на аэродром Сантандер (близ Бильбао). Для усиления фронта из-под Мадрида на него решено было перебросить группу (эскадрилью) в составе 10 экипажей, в которую вошли летчики Ухов, Евсеев, Демидов, Козырев, Кузнецов, Жунда, Бураков, Николаенко, Ожередов (?).

В конце января 1937 г. очередным объектом наступления франкистов стал порт Малага. На этом направлении наступали в основном итальянцы. Оборону Малаги держали разрозненные, слабо подготовленные к боевым действиям отряды милиции и группы бойцов из населения города. Под Малагу на полевой аэродром близ Альмерия направили группу (6 истребителей И-16) под руководством С.Денисова. В группу авиационных специалистов включили и меня. Прибыв туда, мы сразу же приступили к боевому дежурству. В то время, когда авиация противника бездействовала, мы совершенствовали боевую выучку: летчики отрабатывали стрельбу по наземным целям, для чего на окраине аэродрома был оборудован «полигон».

Основной задачей группы стало прикрытие с воздуха транспортов с грузами для Испанской республики, прибывавшими в порт Малага, и, конечно же, самого города. В боях за

Малагу авиация мятежников действовала небольшими группами, поэтому ее налеты успешно отражались нашими истребителями. 8 февраля 1937 г. Малага пала. Руководители обороны Малаги необоснованно, безответственно сдали город. Малага стала основной базой снабжения интервентов. Наша истребительная группа перелетела в Алкала-де-Энарес.

Не успела закончиться борьба за Малагу, как франкисты в феврале предприняли новое наступление на Мадрид с юго-запада, в районе реки Хирама, чтобы перерезать единственное шоссе (Мадрид — Валенсия), связывавшее столицу государства со страной. Здесь развернулось ожесточенное сражение на земле и в воздухе. Первоначально противнику удалось достичь некоторых успехов, но контрнаступление интербригад, поддержанное активными действиями авиации и танковых частей, спасло валенсийскую трассу.

11 февраля произошел воздушный бой с участием большого количества самолетов. Это было захватывающее зрелище, возбуждающее и мрачное. Пересекающие друг друга огненные трассы, дымящие подбитые самолеты, и среди этого «клубка» — парашютисты, покидающие горящие самолеты. 17 февраля вновь произошел крупный воздушный бой: 15 «юнкерсов» под прикрытием 30 истребителей были атакованы 50 республиканскими истребителями. В преддверии и в ходе этих крупных воздушных боев была установлена прямая устойчивая связь ЦКП и ПН, расположенных на «Телефонике», непосредственно с аэродромами истребителей республиканцев (группы Тархова и Бочарова). Более четко, чем раньше, велось наблюдение за воздушным пространством, за появлением самолетов противника в воздухе и полетом их к линии фронта — к Мадриду. Обнаружение самолетов на дальних подступах позволяло своевременно вызывать истребителей, несущих боевое дежурство на аэродроме, и вводить их в бой. Хорошо было организовано взаимодействие различных типов истребителей (И-15 и И-16) как в период ввода в бой, так и в ходе боя.

Возникшее на мадридском фронте некоторое затишье позволило командованию ВВС республики (и нашим советникам) предоставить нашей истребительной авиационной группе (части ее летного состава и техникам) кратковременный отдых с выездом в Валенсию. Выделенная группа выехала в Валенсию на легковых машинах, преимущественно модели «испано-сюиза» —

тех, которые были закреплены за определенными лицами, группами летчиков и инженерно-техническими работниками для обслуживания их в период боевой работы на аэродроме и в местах проживания.

В одной из машин ехали втроем: я и два старших техника — Феодосий Ткаченко («кум» — так его именовали в коллективе) и Сергей Веригин. Эта машина была закреплена за нами на период отдыха. Шоферами были испанские товарищи. При этом, следует заметить, шоферы-испанцы обычно любят быструю езду. Валенсийское шоссе же изобилует множеством резких изгибов, частых поворотов, крутыми спусками и подъемами. Поэтому езда по ней на большой скорости сопряжена с определенным риском, от водителя машины требуется большое внимание и искусство вождения. А пассажиры чувствуют себя в некотором напряжении, не совсем комфортно. В пути мы видели много разбитых и оставленных без присмотра машин на обочине дороги и под откосом. Это, видимо, и был результат безрассудного шоферского лихачества. Но наш переезд из Мадрида в Валенсию прошел без происшествий.

В Валенсии нас разместили в одном из богатых поместий. Расположено оно было на северо-западном взгорье в пригороде Валенсии и значительно возвышалось над городом. С этого места город, его окрестности были хорошо видны даже без бинокля. Хорошо просматривалось морское побережье, порт, городские пляжи. Город жил сравнительно мирной жизнью. Дыхание войны чувствовалось приглушенно. О войне напоминали прежде всего повозки и тележки беженцев, забитые нехитрым скарбом и вливающиеся в город с юга (видимо, из Малаги); многолюдье, с большим количеством «милиционес» (ведь здесь находилось правительство Ларго Кабальеро и многие министерства). Но работали магазины, базары, кабаре и все другие «организмы» города — как в городе невоенном.

Здесь началась наша временная мирная жизнь. Отдыхали по-разному: ходили, ездили в город, наблюдали его жизнь. Можно сказать, превратились временно в простых обывателей. В магазинах делали мелкие покупки, вечером ходили в казино. А один день посвятили корриде. Побывали и на городском пляже, но искупаться не решились, хотя народу на пляже и в море было много, и о войне ничего не напоминало. Но ощущение войны не покидало нас.

К нам, русским, советским добровольцам, население относилось очень дружелюбно. Очень часто встречали приветственным «символом» — поднятой рукой, согнутой в локте, со сжатым кулаком и криками «Вива Россия!». Обычно мы с Сережей Веригиным выезжали в город на закрепленной за нами автомашине без шофера (не ездил с нами в город и наш коллега Ткаченко), и оставляли машину в центре города около автомастерских. Так вот: рабочие мастерских нашу машину завели в гараж, выполнили на ней некоторые мелкие работы, дозаправили горючим, почистили салон. По существу, проделали большую работу. Когда мы пришли, чтобы забрать машину, рабочие сказали нам, что в любое время, когда мы будем в городе, машину можно оставлять у них. Нами предложенные деньги за обслуживание они принять отказались, при этом заявили, что они рады в чем-то оказать нам свою помощь. И еще выразили благодарность «русие» добровольцам, помогающим защищать Испанскую республику, рискуя своей жизнью.

Другой пример. В один из дней мы решили посетить очень популярное у испанцев казино. В нем выступала знаменитость города. Когда мы в нем появились, для нас освободили имеющуюся в зале ложу. Здесь можно было заказать вино или «Сидро». К нам сразу подошла «сеньорита» — девушка, обслуживающая через буфет, и быстро исполнила заказ. Зайдя в ложу вторично, сеньорита сказала, что она хочет познакомить нас с двумя молодыми особами, очень желающими встретиться с русскими. Мы пригласили их войти в ложу. Они зашли, но присесть отказались, пояснив, что поскольку здесь не работают, желательно познакомиться поближе в другом месте. Мы с Сергеем, быстро обсудив ситуацию, приняли их предложение и, захватив бутылку шампанского (хотя наши спутницы возражали), покинули казино. Время было вечернее, часов 8-9. Наши спутницы сказали, что пройти требуется недалеко, и указали на большой дом, как раз напротив казино, только на другой стороне площади. Одна из попутчиц сказала, что в этом доме живет ее тетушка, а сама она недавно сюда приехала из Малаги. Она предложила сначала пройти к тетушке нам вдвоем, а ее подруга и Сергей подождут на скамеечке в сквере рядом с домом.

Подошли к дому, моя спутница постучала в окно. Хозяйка открыла окно, узнав, кто ее беспокоит, попросила зайти в дом. В это время к нам подходят двое мужчин-испанцев в гражданской

одежде (надо признаться, внутренне я немного струхнул, но старался держаться бодро, уверенно). Один из подошедших сказал: камарадо, не беспокойтесь, мы из армеро — охраны советских добровольцев, приоткрыл борт пиджака и показал охранную эмблему, и зашел вместе с нами в квартиру. Он спросил у хозяйки, кем является зашедшая к ней сеньорита, проверил у сеньориты документы, сделал «салют» и ушел. Через некоторое время пришел Сережа со второй сеньоритой.

Хозяйка дома накрыла стол, сеньорита Кармен достала из шкафа бутылку вина и фрукты, а Сергей — бутылку шампанского «Сидро». Знакомство началось. Встречные вопросы, объяснения и весь разговор велись на многих языках: русском, испанском, английском, французском — кто как мог, а часто с жестикуляцией и мимикой. Хозяйка с интересом участвовала в беседе, но через час ушла в другую комнату. Мы продолжали беседу примерно до двух часов ночи, после чего ушли вместе с Сергеем, а подружки остались в доме. Вопрос о сексе не стоял, мы не были настроены на это, а наши «подруги» держались очень достойно и тоже повода к этому не давали, хотя, возможно, знакомство могло быть и более близким. Подруги рассказали, что у одной из них муж «армеро» находится под Мадридом, у второй там находится «милый друг». Условились, если обстоятельства позволят, через один вечер встретиться у сквера, прилегающего к дому, в котором мы находимся. Квартира, видимо, трехкомнатная, комната, в которой мы сидели, была типа столовой, обставлена хорошо, но небогато.

Раз уж зашел разговор на эту тему, изложу еще один вспомнившийся эпизод. Наш отдых длился уже трое суток. Куда деться бедному солдату? На следующий вечер решили еще раз посетить знакомое казино. Зажигательные танцы прекрасных танцовщиц хорошо снимают усталость и, конечно, бодрят. Пригласили нас в ту же ложу. За одним из столиков сидят летчики из нашей авиагруппы, «трио»: Акуленко, Шевцов и Путивко. С ними был и один испанец. Они вели себя весело, даже несколько развязно. К ним часто заходит обслуживающая буфет сеньорита, они заказывали музыку, танцы. Просят, чтобы «ведущая» актриса поднялась к ним в ложу. Но та деликатно отказывается.

Ближе к концу выступления-концерта из-за кулис вышла одна из актрис, подошла к нашему столику и попросила, чтобы мы вдвоем с Сергеем дождались конца выступлений и при вы-

ходе из-за кулисы и из казино Люсины (так звали ведущую актрису) подошли к ним и за ними последовали. Тут Сергей говорит мне: «Похоже, интрижка, не иначе. Наши летчики могут на нас обидеться». Это, пожалуй, именно так — соглашаюсь я с Сергеем. Может быть, рискнем и на этот раз, тут наверняка нас охранники постерегут. Мы посланнице сказали: да!

Объявляется конец представления. Как было обговорено, на выходе из казино мы встречаемся с актрисами и идем с ними дальше. Это оказалось совсем близко — в 200-250 м от казино. Подошли к дому, «главная» спутница позвонила в дверь, ее открыл привратник. Она ему сказала: «Это — со мной, гости». Он учтиво поклонился, и мы поднялись на 2-й этаж. Вошли в квартиру. Квартира — трехкомнатная, богато обставлена (мы сразу решили: не иначе, как это забота богатого человека). Расположились в большой комнате — гостиной, и хозяйка пригласила всех к столу. Время на часах показывало 22.20. За разговорами на разные темы, пользуясь испано-русским словарем, время приближалось к половине второго ночи. Договорились встретиться очередным вечером. Оказалось, актрисы интересуются советской русской культурой — кино и театром. Они смотрели фильмы «Броненосец Потемкин», «Мы из Кронштадта» и другие.

Предоставленный нам в Валенсии отдых был недолгим. Уже на пятые-шестые сутки мы все, летчики и техники, были отозваны на свою основную базу Алкала-де-Энарес, на Мадридский фронт. Хотя на фронте наблюдалось затишье, но воздушная разведка вскрыла выдвижение крупных сил вдоль Сарагосского шоссе к Сигуэнсе. Фашисты не отказались от попыток захватить Мадрид. Сосредоточив северо-восточнее столицы экспедиционный итальянский корпус, марокканские и испанские части, они в начале марта начали наступление на Гвадалахарском направлении. Воздушная разведка, проведенная лично Я.В.Смушкевичем и П.И.Пумпуром подтвердила данные разведчиков-истребителей. По Гвадалахарскому шоссе двигались войска итальянского корпуса. Республиканская авиация получила приказ о готовности к боевым действиям против наступающих войск противника.

9 и 10 марта вся республиканская авиация находилась в полной боевой готовности. Стояла плохая погода: шел дождь с мелким снегом при облачности высотой 50-100 м, что осложняло выполнение боевых задач. Однако при малейшем улучшении погоды республиканская авиация наносила удары по итальянским

войскам. Истребительная авиация в основном выполняла штурмовки колонн войск противника с малых высот, часто уничтожала авиацию противника при появлении ее над полем боя. Республиканские самолеты «висели» над итальянскими войсками с рассвета до темноты. Когда одна группа заканчивала штурмовать, на смену ей сразу прилетала другая. Экипажи возвращались с поля боя для заправки и зарядки боеприпасами и снова уходили штурмовать колонны противника. Так продолжалось три дня. Летчики сообщали: шоссе, по которому двигались колонны войск, были закупорены горящими танками, бронемашинами, грузовиками и другой военной техникой. Итальянский корпус понес огромные потери от ударов авиации с воздуха. Затем подошедшие республиканские наземные части завершили разгром. Пленные, взятые в Трахуэнсе, рассказали об огромных потерях итальянского экспедиционного корпуса за последние дни, особенно от ударов авиации и танков. Настроение в итальянских войсках, по словам пленных, было подавленное.

Летчики-истребители нашей группы в эти дни редко вылетали из самолетов. Аэродром Алкала-де-Энарес ближе других располагался к району боевых действий, благодаря чему летчики могли выполнять максимально большое количество боевых вылетов. Расходовалось большое количество боеприпасов, их подготовка к применению требовала максимальных усилий от вооруженцев.

Для полноты картины следует добавить, что ненастная погода в районе Гвадалахары настолько не подходила под понятие «летней», что авиачасти, приданные итальянскому корпусу, вообще не появлялись в эти дни в районе боев.

Эта победа, достигнутая республиканцами в ходе Гвадалахарской битвы, ознаменовала собой начало перехода инициативы к республиканцам.

Март-апрель 1937 г. знаменовало еще одно событие: в Испанию прибыли из СССР новые группы летчиков-добровольцев. Многие из них сразу включались в боевой состав нашей группы, заменяя убывающих в Советский Союз летчиков. В числе прибывших были и мои близкие друзья по Брянской бригаде — В.Яманов, В.Комаров, Н.Козырев, которые не попали в первый «набор». Мы обрадовались встрече, дружески обнимались, делились впечатлениями о всем том, что происходило в Испании и в Советском Союзе за прошедшее время.

В числе других к отъезду в СССР готовились летчики: С.Денисов, С.Черных, П.Поляков, П.Кузнецов, А.Акуленко. Оставались из состава первой группы добровольцев Шевцов, И.Лакеев, А.Минаев, С.Кузнецов, П.Путивка. Им поручалось, кроме участия в боевых действиях, возглавить формируемые эскадрильи, вводить в строй прибывший летный состав, передавать ему боевой опыт. В это же время готовились к отъезду и авиационные специалисты, замену которым они сами и готовили. Нашими добровольцами из числа техсостава была проделана большая плодотворная работа по подготовке авиационных специалистов из испанских товарищей во время боев по защите Мадрида.

К убытию в СССР был готов и я. Однако руководство (старший советник по ВВС Птухин и начштаба группы К.Рябов) предложило мне еще на некоторое время остаться в Испании. Мотивировка: пока еще не прибыл на замену квалифицированный специалист, а кроме того, необходимо отправить на Северный фронт (в Баскию), куда должны прибыть советские самолеты И-16, специалиста по вооружению. Я дал согласие на то, чтобы продолжить выполнять свой интернациональный долг. В последних числах марта я проводил в порту Аликанте отбывающую в СССР группу летчиков и техников. До посадки на транспорт обменивались взаимными пожеланиями и напутствиями. Вспоминая это время, в моей памяти возник такой невероятный эпизод. Стояли мы с приятелем в сторонке, о чем-то вели заинтересованную беседу. Вдруг кто-то неожиданно подошел ко мне сзади и прикрыл ладонями мои глаза. Я насторожился, обдумывая, кто же это мог быть. Чувствовал, что руки — женские, а кроме нашей переводчицы из знакомых быть некому! Оборачиваюсь — удивлен! Передо мной, улыбаясь, стоит сеньорита. Она говорит: «Салют, Пабло! Я поеду с тобой в Россию!» Я как-то растерялся, быстро соображаю, что же происходит. Наблюдая эту сцену, удивлены и мои товарищи. А потом сеньорита говорит, что приехала она в Аликанте из Мадрида. Здесь живет ее «падре», у него живет ее дочурка. Она приехала их навестить, и очень желает познакомить с ними меня. Вот тут я «прозрел». Вспомнил первую и единственную встречу с Понти в Мадриде. Эта встреча была организована одним из шоферов-испанцев, работавшим в нашей авиагруппе. Об этой встрече я рассказывал выше.

В Аликанте, по ее словам, она оказалась по доброй воле, а приехала с одним из тех шоферов, который привез в порт убы-

вающих в СССР добровольцев и сопровождавших их товарищей, пока остающихся в Испании. Обдумав ситуацию, я дал согласие навестить ее «падре» — конечно, если позволит обстановка и только после убийства наших товарищей на транспорте из порта.

После Гвадалахарской операции наступило некоторое затишье. Республиканским командованием проводилось доформирование частей и соединений регулярной армии. Воспользовавшись тем, что республиканцы не проводили активных действий на фронте, интервенты перебросили в Испанию новые силы. В апреле 1937 г. началось наступление на важнейшем в экономическом и стратегическом отношении районе — на Севере. В наступлении участвовали и войска союзников Франко, в том числе 100-тысячная группировка итальянцев. Войска противника поддерживали крупные силы авиации и флота. Таким ходом событий республиканское руководство было сильно обеспокоено. Республиканское командование приняло решение перебросить в помощь Северу с Мадридского фронта несколько подразделений истребительной авиации. На аэродроме Алкала-де-Энарес была сформирована эскадрилья истребителей на самолетах И-16. В ее состав вошли В.Ухов, И.Евсеев, Н.Козырев, Демидов, Кузнецов, Жунда. Для обеспечения боевой работы истребительной авиации на Северном фронте из состава авиационных специалистов нашей группы определили двух человек: И.Шестернева — инженером по эксплуатации, и меня — инженером по вооружению самолетов.

Эскадрилья истребителей, возглавляемая В.Уховым, с аэродрома Алкала-де-Энарес должна была совершить перелет на аэродром Сантандер — в один этап на высоте 4500-5000 м через территорию, занятую франкистами. Нам с И.Шестерневым надлежало убыть в Сантандер на транспортном самолете за двое суток до вылета эскадрильи истребителей, имея задачей встретить и принять эскадрилью на аэродроме Сантандер, а в последующем обеспечивать боевую работу истребительной авиации на Северном фронте. Как и полагалось, мы с И.Шестерневым, попрощавшись с боевыми друзьями и коллегами, вылетели в Барселону на самолете Си-47. С собой я взял двухствольное ружье и револьвер «Стар», подаренные мне моим коллегой — испанским техником по вооружению Мартином Лопец. Перелет прошел успешно, посадку произвели на аэродроме близ Барселоны. Здесь нам для перелета на аэродром Сантандер подгото-

вили другой самолет, тоже Си-47, с испанским экипажем. На борту транспортного самолета никакого оборонительного оружия не было.

Наш вылет в Сантандер откладывался на следующий день. Это дало нам возможность использовать время, остававшееся до вылета, для знакомства с Барселоной. Разместили нас в гостинице в центре города. Барселону называют жемчужиной Средиземного моря. Она действительно прекрасна. Величественны и красивы ее здания, набережные, бульвары, стоящие на рейде корабли. Красивы и люди, живущие в Барселоне.

В городе многолюдно, толпы возбужденных людей. Немало молодых людей с дамами за столиками уличных кафе, спокойно попивают вино и кофе. Наивная восторженность военных, прогуливающихся по городу с винтовками. Людей с винтовками можно было видеть и в ресторане, и в театре. Мы долго не могли заснуть, погасили свет, распахнули окно — с моря повеяло прохладой. С улицы доносились оживленные голоса, смех, музыка. По всей Барселоне разбросаны яркие огоньки, хотя по приказу город должен быть затемнен. Изредка ночью раздавались редкие недалекие выстрелы. Это были отголоски подавленного путча анархистов и троцкистов.

На аэродром мы прибыли к середине дня, так как вылет в Сантандер намечался во второй половине дня. Познакомились с летным экипажем, самолетом и маршрутом полета, который был проложен на карте у летчика. Самолет предназначался только для нас, двоих пассажиров. Экипаж — летчик, механик и радист.

Вылетели с расчетом на исходе дня быть в Сантандере. Летели вблизи фронта, но пересекли границу Андорра — Франция. При выходе в Бискайский залив, откуда взяли курс на Сантандер, наш самолет пытались перехватить два истребителя. Наш пилот, во избежание встречи с ними, стал уходить в сторону океана. Истребители прекратили преследование, развернулись и скрылись в южном направлении. Летчик изложил возможные сложности при следовании на аэродром Сантандер, и было принято решение возвращаться в Каталонию. На обратном маршруте мы произвели посадку на аэродроме Ларида, который находился в 30—40 км от фронта, где велись упорные сражения сторон. Переночевав в одной из гостиниц города, на исходе дня мы вылетели в Сантандер. Полет проходил прежним маршрутом, появление истребителей франкистов не наблюдалось. Перелет

завершился успешно. Уже в сумерках произвели посадку на аэродроме Сантандер. Там нас встречал Арженухин с переводчицей. Он доставил нас в дом на окраине Сантандера, где должны были проживать прибывающие летчики эскадрильи. Ознакомил с обстановкой в городе и на фронте и определил объем работы на следующий день. Первоочередной задачей являлось: снять кроки полевого аэродрома, куда должна перебазироваться эскадрилья сразу же после посадки на аэродром Сантандер. Затем следовать на аэродром Сантандер, где встретить перелетающие с Алкала-де-Энарес самолеты, так как они должны были прибыть туда в тот же день.

Утром после завтрака отправились выполнять «наказ». Выполнив свою задачу на полевом аэродроме, убыли на аэродром Сантандер. Вскоре туда прибыл и В.Ф. Арженухин. Он был в штабе Северного фронта и там получил подтверждение о прилете эскадрильи.

И вот в небе на подходе к Сантандеру, идя со снижением, появляется группа самолетов: лидер — СБ, за ним — девятка (построение — клин звеньев) И-16. Аэродром готов к приему истребителей. Эскадрилья перестроилась в воздухе на подходе к аэродрому в строй «пеленг» и с ходу по одному произвела посадку. Лидер посадку не производил; помахав крыльями, ушел обратно.

Все самолеты были встречены авиаспециалистами и отрулили в указанные для них места стоянки. Командир эскадрильи В.Ухов построил летчиков у одного из самолетов и доложил подошедшему на стоянку В.Арженухину о выполнении перелета эскадрильи с аэродрома Алкала-де-Энарес на аэродром Сантандер. В это время самолеты стали заправлять горючим, готовясь к дальнейшему перелету. Арженухин поприветствовал летчиков, поздравил с благополучным перелетом и пожелал успехов в предстоящей боевой работе в новых условиях на севере Испании. Потом кратко ознакомил с характерными особенностями полевого аэродрома и приказал быстро подготовить эскадрилью к перелету на него. Примерно через 40-50 минут эскадрилья произвела посадку на новом аэродроме, расположенном среди садов в предместье Сантандера. А через 1-1,5 часа аэродром Сантандер подвергся бомбовому удару двумя «юнкерсами» с большой высоты. Но истребителей на нем уже не было — бомбардировка была малоэффективной. Важнейшие аэродромные объекты также не пострадали.

Этот день закончился благополучно. Обустроив самолеты в местах их стоянок, летчики познакомились с авиаспециалистами, которым предстояло обслуживать их самолеты. Проведя необходимые меры по приведению самолетов в боеготовое состояние для работы на следующий день, мы вместе с И.Шестерневым, ознакомившись с личным составом авиаспециалистов, выделенных для обслуживания эскадрильи, совместно определили план работы и порядок ее исполнения. На исходе дня убыли к месту проживания и на ужин. В этот же вечер В.Арженухин обстоятельно ознакомил летчиков с обстановкой на фронте и в самом городе Сантандер. Он особо подчеркнул, что обстановка на фронте сложная, мятежники ведут решительные атаки севернее и южнее Бильбао. В воздухе постоянно действуют фашистские самолеты. Нашей авиации здесь, по существу, нет. К тому же в узкой приморской полосе гористого Севера мало аэродромов, которые можно было бы использовать для маневра и при вынужденной посадке. «Вам придется выполнять свои боевые задачи в нелегких условиях уже начиная с утра следующего дня. Будьте готовыми и малыми силами вступить в борьбу с многочисленным противником. При этом хочу Вам поведать, на следующей неделе должны прибыть на Север еще несколько подразделений И-16 на пополнение».

Боевая работа эскадрильи началась на следующий день. Боевую задачу она получала непосредственно от Арженухина, который имел постоянную связь с командованием фронта. Боевые действия осуществлялись из положения дежурства на аэродроме в разной степени боевой готовности. Информация о воздушной обстановке на фронте и команда на вылет истребителей для перехвата воздушного противника обычно поступала с пункта оповещения и управления, развернутого в районе Бильбао. Летчики вели напряженную боевую работу, проводя по 4-5 вылетов в день. И, как правило, всегда вели бои с превосходящим по численности противником. К тому же имели место случаи вызова истребителей с опозданием, когда бомбардировщики противника были у цели или уже наносили удар. В такой ситуации Арженухин приказал мне съездить на ПУ в Бильбао, обговорить там эту проблему. Я, переводчица и один авиационный представитель группы ИА в Сантандере поехали в Бильбао.

Дорога Бильбао — Сантандер была забита беженцами. Чем ближе к Бильбао, тем больше людей. Когда мы прибыли в Биль-

бао, уже наступил вечер. В городе идут бои. С трудом нашли место расположения ПУиО — цель нашего приезда, притом только с помощью нашего шофера-испанца, который хорошо знал город. Однако ничего радостного нас не ждало. Объект свертывал работу, перемещался в новый район ближе к Сантандеру, а в перспективе — и в Сантандер.

Разрушения в городе огромны, и его продолжают бомбить и разрушать артогнем. Из него хотят сделать вторую Гернику. Страшно было смотреть, как авиация и артиллерия уничтожали прекрасный город.

Уже занят Лас-Аренас. Фашисты уже форсируют реку Нервин. Окраины города тоже заняты. Правительство эвакуировалось и оставило Хунту обороны в составе трех человек: Лерсаоло, Асанья и Астигарравия. Но и эта тройка готовится покинуть город.

17 июня Бильбао пал. Автономия басков была отменена приказом генерала Франко.

Возвращаясь в Сантандер, наша машина шла, медленно пробираясь через толпу беженцев. В Сантандер мы приехали поздним вечером. Странно было опять увидеть спокойный город и нашу «резиденцию».

На следующий день боевая работа эскадрильи продолжилась. В этот же день на аэродром Сантандер с Южного фронта (из Каталонии) перелетела эскадрилья И-16 — ведущий Б.Смирнов, остальные летчики испанцы, прошедшие обучение в Советском Союзе. Встречаем эскадрилью — Арженухин, и я с ним. И тут «случилось страшное». Только эскадрилья произвела посадку, разрулив по местам стоянок самолеты, а авиаспециалисты приступили к работе на них (в это время я тоже был у самолета Б.Смирнова), как группа фашистских бомбардировщиков из трех самолетов появилась над аэродромом и сбросила на него бомбы. Часть из них разорвалась непосредственно на стоянках самолетов, два самолета были повреждены и два авиаспециалиста-испанца были ранены. В это время эскадрилья В.Ухова вела бой с противником в воздушном пространстве над Бильбао, и оказать противодействие бомбардировщикам, наносящим удар по аэродрому Сантандер, не могла. В этой связи необходимо отметить, что полевой аэродром, на котором базировалась эскадрилья В.Ухова, не подвергался ударам бомбардировщиков. Правда, единожды был нанесен удар группы бомбардировщиков по пригородным садам, но вне нашего аэродрома. Видимо, он не

был разведан противником, хотя многие разведывательные самолеты пытались это сделать.

С прилетом новой группы число наших истребителей на Северном фронте увеличилось незначительно, и количественное соотношение оставалось за мятежниками. Республиканским истребителям по-прежнему приходилось вести тяжелые бои, требующие большого физического и психологического напряжения. На Северном фронте воздушные бои были как правило быстрые, отдельными небольшими группами республиканских истребителей против немецких и итальянских самолетов.

После падения Бильбао и продвижения фашистов на Сантандер и другие города Басконии наша эскадрилья перебазирова-лась на аэродром, расположенный северо-западнее. Туда же автотранспортом отбыл я, вместе с И.Шестерневым, другими авиаспециалистами и некоторым аэродромным имуществом. До перелета эскадрильи на новый аэродром была отправлена передо-вая группа, в которую входили я и Шестернев, для приема эскад-рильи. В.Арженухин выехал до этого туда же на легковушке. Правда, он знал аэродром хорошо, поскольку готовился тот не без его участия. Прибывавшую эскадрилью мы принимали вместе с Арженухиным. Перелет и посадка прошли благополучно. Аэро-дром располагался в узкой гористой полосе. С юга — горы, с севера — океан (Бискайский залив). Посадочная полоса — есте-ственный твердый грунт. Для самолетов были подготовлены «ниши», вырубленные в каменистом взгорье (прочные надежные укрытия от ударов с воздуха). В одной из таких ниш был обору-дован и пункт управления эскадрильи. Для проживания личного состава эскадрильи был предоставлен и оборудован большой дом крупного поместья. Сад хорошо прикрывал аэродром с севера.

Боевая работа эскадрильи после перебазирования на новый аэродром не прекращалась. И велась она в прежнем режиме, как и с Сантандерского аэродрома. Поскольку новое базирование эскадрильи, в первый период после ее прибытия, от главного района боев за Бильбао было более удаленным, чем при дейст-виях с сантандерского аэродрома, летчикам пришлось вести боевые действия с еще большей физической и психологической нагрузкой, ведя по 3-4 вылета в день и почти каждый вылет — с участием в воздушном бое. При этом аэродром стал подвергать-ся ударам авиации противника. Чаще всего налеты происходи-ли, когда группа наших истребителей возвращалась из боя и

производила посадку. Противовоздушной обороны аэродрома зенитными средствами не было. Для этой цели нашими оружие-никами был приспособлен обычный пулемет на треноге, кото-рый установили в районе захода истребителей на посадку.

Обед летчикам, как правило, доставляли на аэродром к са-молетам, поскольку летчики почти постоянно находились в го-товности к вылету. Рано утром и вечером питались в помеще-нии. Следует заметить, что продукты для питания нашей эскад-рильи не поставлялись, а приобретались на рынке. На десерт часто шли яблоки и груши, взамен апельсинов и мандаринов, каковые преобладали на Центральном фронте. Пару раз с нашим завхозом-испанцем ходил на рынок Сантандера делать закупки продуктов для группы. После одного из таких «походов» одна-жды сходили искупаться в Бискайском заливе. Вода в нем была чистая с изумрудным оттенком и такая прозрачная, что было видно дно. Купание наше было кратковременным — не только из-за холодной воды, но и потому, что это была запретная зона, здесь располагалась база флота Испанской Республики.

Раз упомянул питание, то вспомнился и такой эпизод. Дом, где мы проживали — двухэтажный, под первым этажом — об-ширный полуподвал, в котором находились большие емкости для вина. Но они оказались порожними. Хозяин из дома сбежал, а куда же делось вино?

Однажды под вечер один из наших летчиков, Н.Козырев, прогуливаясь по саду, обнаружил большую яму, заваленную разным хламом. Любопытства ради решил проверить, что в ней есть. И вот он при помощи палки обнаружил там наличие стек-лянной посуды, о чем доложил В.Ухову. Проверили: в яме под ветками деревьев и листвой находилось большое количество бутылок с содержимым и богатый столовый сервиз. Заведую-щий и ответственный за питание Лопес — испанский товарищ, решил использовать сервиз в хозяйстве. А содержимое бутылок В.Ухов решил продегустировать на предстоящем ужине.

Наступил час ужина, все приглашены к столу. Столы серви-рованы извлеченной из ямы посудой. В.Ухов торжественно объ-являет: «Тамадой буду я. Дегустацию «приобретенного» напит-ка проведем первыми мы с камарадо Лопес — нашим завхозом. В случае чего — мы пострадаем за общество. Если все будет нормально, через 40-50 минут поднимем тост за успешно прове-денный сегодняшний боевой день». После дегустации содержи-

мое бутылок было признано пригодным для употребления. Кама-радо Лопес дал вино положительную оценку (а он знал в нем толк). В.Ухов разрешил всем наполнить бокалы. И с этого дня каждый, кто желал, мог выпить по фужеру напитка. Тут к месту следует упомянуть, что за ужином летчики, да и технический состав, обычно по фужеру вина употребляли и на Центральном фронте.

На Северном фронте по совместительству мне приходилось исполнять и роль начальника штаба. (принимал боевые приказы эскадрилье, давал команды на взлет, принимал донесения летчиков после возвращения с задания, оформлял боевые донесения эскадрильи для Арженухина). В один из дней В.Ухова вызвали в Валенсию, и он уехал. Эскадрилью принял и возглавил И.И.Евсеев. Она продолжала боевые действия в уменьшенном составе с еще большим напряжением. Фашисты, овладев Бильбао, устремились на Сантандер. Усилилась блокада военными кораблями Бискайского залива.

В.Арженухин, прибыв к нам на аэродром, объявил, что летчики эскадрильи должны передать самолеты летчикам-испанцам. Летчики нашей эскадрильи и инженерный состав должны быть готовыми покинуть Испанию и убыть в Советский Союз. Пока в составе вновь формируемой эскадрильи останутся два летчика: С.Кузнецов и П.Ожередов. Их задача: ввести в боевой строй испанских летчиков, передать им свой боевой опыт и помочь в организации боевого управления.

Испанские летчики прибыли, а нам предстояло убыть в СССР через сутки, когда транспорт с испанскими детьми уходил в Советский Союз. Однако время убытия было перенесено на поздний срок. Причиной этого послужило следующее: в день убытия поздно вечером транспорт был обстрелян с моря и подвергся бомбардировке с двух фашистских самолетов, получил повреждения; пострадали и дети. Выход корабля из данного порта исключался.

Через двое суток в порт прибыл другой транспорт, принял на борт группы испанских детей, и мы, собрав свой небогатый скарб, поспешили занять места на палубе вместе с ребятами. Вместе с нами убывала и переводчица В.Арженухина по имени «Хулия Ивановна». Транспорт снялся с якоря и взял курс через Бискай в порт Бордо (Франция). Покидали мы Испанию повзрослевшими, обогащенными жизненными впечатлениями. Мы

приобрели боевой опыт, новый критический взгляд на войну. Мы можем стать в некоторой степени учителями тем, кому предстоит вступить в горнило войны, поделиться опытом работы в условиях предвоенного положения и в ходе боевых действий на различных этапах войны, опытом работы инженерно-технического состава по обслуживанию авиации в полевых условиях, выразить свой взгляд на взаимоотношения летного и технического состава.

Лично наблюдая воздушные бои наших истребителей с противником, отмечал удачные или неудачные маневры, ошибочные действия с той или другой стороны, характер и стойкость летчиков в атаках. Присутствовал на некоторых разборах хода воздушных боев, проводимых ведущими групп истребителей. Видел и оценивал состояние того или иного летчика после проведенного воздушного боя, в ходе личного общения с ним узнавал его оценки состояния оружия, применяемого в бою. В этой связи я знал многих летчиков и командиров, всесторонне взвешивал физическое и психологическое состояние каждого, оценивая и как бойца, и как человека.

Покидая Испанию, я понял, что мое место — в среде летчиков-истребителей. Меня как техника — специалиста по вооружению самолетов ценили, уважали как руководители эскадрилий, звеньев, так и рядовые летчики. Но я все же понял, что в будущем предстоит борьба с авиацией сильного противника, а нанести ей физический урон в воздухе может только истребительная авиация. Летчик-истребитель должен хорошо знать свое оружие, умело его применять, стремясь переиграть противника и добиться победы. Поэтому мое знание вооружения самолета будет положительным моментом. Стремление стать летчиком выросло до неотступного.

Мы уезжали с севера Испании в тот период, когда на Северном фронте еще шла война. Немногочисленные республиканские войска вели тяжелые оборонительные бои с численно превосходящими хорошо вооруженными фашистскими войсками, рвущимися к побережью. Силы были слишком неравны. После падения Бильбао пал Сантандер, а затем и вся Бискайя и Астурия.

Потеряв Север, республика лишилась крупных промышленных центров, источников тепла и сырья и важнейших стратегических позиций. Все это получили теперь франкисты, высвободившие крупные силы для операций на других фронтах, поста-

вив своей целью задушить республику при помощи блокады. Фашисты стали захватывать и топить торговые суда, идущие в республиканские порты. Морская блокада сказалась на масштабах советской помощи.

Число советских добровольцев было незначительным в сравнении с многочисленными формированиями регулярных частей германо-итальянских войск, вторгшихся на испанскую землю. Но небольшая численность «волонтеров свободы» из СССР возмещалась их энтузиазмом, их беззаветной преданностью долгу и высоким идеалам. Выполняя свой интернациональный долг, советские добровольцы покрыли себя неувядаемой славой. За подвиги, совершенные в боях при защите Испанской республики, 59 человек были удостоены звания Героя Советского Союза.

Мы уезжали из Испании, но уносили ее образ в своих сердцах. Как самое драгоценное, хранили память о национально-освободительной войне испанского народа, лелея мечту еще раз ступить на ее прекрасную землю, чтобы сказать: Здравствуй, свободная Испания! Салют, Испания!

Воспроизводя в памяти все пережитое в Испании за год своего участия во всех операциях по защите Мадрида и боевых действиях на Северном фронте совместно с испанскими товарищами, осталось неизгладимое чувство дружбы и братства, восхищения стойкостью и мужеством испанского народа, любовь к испанскому народу и Испании.

* * *

Благополучно миновали Бискайский залив. Перед нами Франция, порт Бордо. Предстоит пройти таможенный досмотр — и в Париж. С собой у меня двуствольное ружье — подарок от испанского коллеги, прекрасный многократно маркированный экземпляр. Как поступить с ним на таможне? Хулия Ивановна — переводчица, прибывшая с нами, хорошо владеющая французским языком, порекомендовала мне сдать ружье в таможне на имя одного из сотрудников советского посольства в Париже (работающего по хозяйственной части). А по убытии из Франции ружье будет передано на мое имя в таможню того порта, из которого мы будем уезжать в Советский Союз. Я согласился сдать

ружье. При этом следует признать, что предложение, высказанное переводчицей, я не проанализировал с точки зрения возможных негативных последствий, беспечно легко согласившись с ним.

Таможенный досмотр прошли без каких-либо эксцессов. В тот же день поездом мы отбыли в Париж. На перроне парижского вокзала нас встретили нужные люди, посадили в автомашины и отвезли в гостиницу в центре города. В этой гостинице мы прожили шесть суток, до момента отъезда в порт Гавр. Находясь в Париже, решили время даром не терять и по возможности познакомиться со столицей Франции, ее культурой, повседневной жизнью. Днем походили по улицам города, посетили некоторые магазины, сделали кое-какие покупки на имеющиеся у нас остатки валюты (в долларах), которую нам дали по пути следования из пособия за работу на Северном фронте (так как реализовать их на Севере не было возможности). Посетили Лувр, побывали на Эйфелевой башне.

В это же время в Париже проходила Всемирная промышленная выставка, и прибыл Краснознаменный ансамбль Александрова. В один из дней мы посетили выставку — впечатления превосходные. Побывали у Стены коммунаров, посетили театры «Мулен Руж» и «Фоли Бержер». Советским посольством в Париже нам была предоставлена возможность побывать на первом концерте Краснознаменного ансамбля, проходившем в театре «Фоли Бержер». На это первое выступление были, видимо, приглашены первые лица культурного мира, дипкорпуса и знатной русской эмиграции. Концерт присутствующими был принят восторженно. В антракте после первого отделения публика, прогуливаясь в фойе, делилась впечатлениями между собой. Отзывы были положительные, порой слышались восклицания: «Молодцы русские!» и т.д. В заключительной части концерта многие номера вызывались на «бис». Финал был встречен бурными эмоциями. Зал минут 10—15 стоя приветствовал коллектив ансамбля. В театре «Мулен Руж» мы смотрели «Лебединое озеро». Представление было изумительно, восхитительна была сценка похищения одежды лебедей. Лебеди танцевали в абсолютно «обнаженном виде» в легкой дымке.

Вспоминается и такой парадокс. При входе на Международную выставку пред взором представляли два величавых здания — справа германский павильон, увенчанный свастикой, слева, строго против германского, павильон Советского Союза,

его увенчивал монумент Мухиной «Рабочий и колхозница». Серп и молот, которые они держали — символы советского государства, высились над германской символикой. Нам показалось, что это — своего рода противостояние. На этом часто сосредотачивалось внимание людей, идущих на выставку и к Эйфелевой башне.

Два других вечера мы провели в театре другого «направления». Выйдя из гостиницы, заметили, что на одной из остановок такси нас энергично приглашал один из шоферов. Когда мы сели в машину, то начали изъясняться с ним на французском, немецком и английском, объясняя, куда ехать. Он слушал, понимающе кивая головой, а потом сказал: «Может быть, мы договоримся быстрее на русском». Таксист объяснил, что сам он — русский, давно живет в Париже. А сейчас русских из Советского Союза во Франции — значительно больше. Тут — и Международная выставка, и концерты ансамбля Александрова, да и добровольцы в Испанию здесь бывают проездом. Он нам предложил: «Самое прекрасное из увеселительных мест в Париже, чтобы было не скучно, это — театр-кабаре, где выступает цыганский ансамбль Полякова. Правда, вечерами он заполнен до некуда. Но если вы пожелаете, я подвезу и устрою». Мы между собой обговорили это предложение и дали согласие посмотреть цыганский ансамбль. Шофер чеканно сказал: «Есть, ваша честь!» — развернул машину и покатил в нужном направлении.

Театр-кабаре действительно был полон посетителей. Публика за столиками была разнородна. При этом преобладали пары пожилых элегантных мужчин с молодыми резвыми барышнями или средних лет чопорными дамами. Наш шофер с директором заведения договорился быстро. Быстро был развернут и накрыт дополнительный столик, рядом с ансамблем. Хозяин пригласил нас к столу. Обслуживали с большим тактом и вниманием. Нас воспринимали как членов ансамбля Александрова. Цыганским ансамблем руководил русский, П.Поляков. Были исполнены многие номера, которые исполнялись и в СССР. С нашего согласия к нам за столик подсадили двух девиц приятной наружности и в прекрасной «экипировке». Одна из них, 18 лет, оказалась русской, родившейся во Франции. Прекрасно поет — исполняет русские и цыганские романсы. И как потом рассказала сама, это место работы выбрала после трудно пережитой большой нужды.

Вечер, проведенный в этом кабаре действительно не был скучным. А под конец, когда в основном посетители ушли, ансамбль исполнил для нас много других близких нам по духу и понятных песен и плясок. Много нас упрасивали что-либо исполнить (ведь мы, как они считали, были из ансамбля!), но мы деликатно отговаривались. Руководитель Поляков постоянно говорил о Советском Союзе с похвалой, сказал, что подал уже прошение о возвращении в СССР и надеется, что просьба будет удовлетворена. Поблагодарив хозяина и артистов цыганского ансамбля, мы покинули приветливое заведение.

Шофер, с которым мы прибыли, оказался у кабаре, ожидая нас. Отвез до той стоянки, где усадил нас в свой автомобиль, и мы распрощались. Следует добавить, что шофер за время ожидания у кабаре платы не принял, и мы его отблагодарили. Одновременно с этим он предложил («если господа изъявят желание») на следующий день куда-нибудь поехать отдохнуть. «Я к вашим услугам.» Тут же предложил посетить прекрасное место, где можно отобедать — ресторан «Ерофей Павлович». «Надеюсь, вы останетесь довольны». Решение принято — в следующий день едем в «Ерофей Павлович».

В ресторане посетителей было немного. Нас встретил старший распорядитель, предложил удобное место. Обслуживание не заставило себя ждать. Заказ исполнялся быстро, с почтением. Потом к нам подошел старший распорядитель, принес и поставил нам на стол две разного вида бутылки вина, и объявил: «Вас приветствует хозяин, желает хорошо отдохнуть». В конце обеда при расчете за вино денег не взяли, обговорив, что «вас угощал хозяин». При этом было сказано, что хозяин приглашает нас в следующий вечер посетить ресторан. «У нас соберутся гости, будет Вертинский и другие». Мы, поблагодарив хозяина, не утвердительно, но пообещали прийти.

Весь вечер в ресторане играла на рояле и пела артистка Поли Негри (ее голос мы слышали не раз и раньше, и позже, прослушивая пластинки). Я купил пластинки с Поли Негри, Вертинским и Лещенко, которые в то время в Советском Союзе не распространялись. Посещение «Ерофея Павловича» оставило хорошие воспоминания — о его устоявшихся традициях русского гостеприимства.

Помнится посещение еще одного парижского театра-кабаре, так называемого «Сфинкс». Столики на 1-2 места обслуживают-

ся из буфета молодыми приветливыми красивыми стройными девицами. Их туалет составляла узкая белая лента, идущая от шеи между открытых грудей, заканчивавшаяся небольшим легким передником, слегка прикрывающим «прелести». Когда девица нагибается или присаживается к посетителю, задняя часть открывается — по существу, «дева» предстает в первозданном виде. Эти «девушки» имеют в верхних этажах кабаре свои апартаменты и при желании могут составить «компанию» с клиентом. В этом театре-кабаре, как мне помнится, «погорел» один из советских добровольцев.

* * *

Наступил срок, и мы покинули Париж. Электричка Париж — Гавр быстро доставила нас к месту назначения. Ее скорость впечатляла — впервые наблюдаем такую быстроту передвижения на железнодорожном транспорте. От Парижа до Гавра поезд сделал всего две остановки. В пути пробыли 3-3,5 часа. И вот перед нами предстал город и огромный порт Гавр, большое количество кораблей на рейде и у причалов. Наш транспорт «Мария Ульянова», на котором нам предстояло отбыть, стоял у причала. Большое количество людей разных возрастов заходили на корабль и сходили обратно на берег. В чем причина? Мы замечаем на палубе самолет АНТ-25. Это на нем Чкалов, Байдуков и Беляков совершили беспосадочный перелет из СССР в Америку через Северный полюс — триумф века. (Самолет выставлялся в советском павильоне Всемирной выставки.)

Перед посадкой на транспорт в Гаврском порту предстояло пройти таможенный досмотр. Все прошло спокойно. Однако моя посылка — ружье, в таможеню не поступила. Я на все махнул рукой — не велика потеря! Почувствовал, что те дела складываются не в мою пользу. Сказали, что посылку перешлют в Москву.

В установленное время погрузились на транспорт «Мария Ульянова», снялись с якоря, и наш корабль покинул порт, выйдя на просторы Атлантики. Миновали берега Англии, пролив Ла-Манш. Пройдя балтийские проливы, корабль вошел в близкое нам Балтийское море и взял курс на Ленинград.

С момента вступления на советский корабль и на всем его пути следования мы чувствовали себя как дома. Все родное, со-

ветское, в том числе питание, музыка, речь. На исходе дня прибыли в Ленинград. Город Ленина встречал нас бурно, торжественно. Но мы знали, что все это относится не к нам, мы еще «инкогнито». Торжественная встреча относилась к благополучному возвращению из дальнего плавания самолета АНТ-25. Нас, добровольцев, тоже встретили — тепло, приветливо, но деловито. Всех посадили на машины и — на Московский вокзал, для следования в столицу. Ночь провели в пути. В Москве на вокзале нас также встречали «нужные люди» и без проволочек отправили в подмосковный дом отдыха Покровское-Стрешнево, где мы и должны были получить указания о нашем дальнейшем маршруте. Тут уж мы окунулись в познание всего того, что делается в Москве и за ее пределами. О всем радостном и не очень.

В доме отдыха нам предстояло пробыть 3-4 дня, до дня приема нас в Кремле и вручения правительственных наград, полученных в период нашего пребывания в Испании «за выполнение правительственного задания». Я был дважды награжден: орденом Красной Звезды и орденом Красного Знамени. Кроме того, находясь на отдыхе, мы ожидали и вызова в штаб ВВС РККА для получения назначения для дальнейшего прохождения службы. Однако в один из дней я был приглашен в военкомат НКО РККА, в его 8-е управление. Это управление размещалось в доме на Кропоткинской улице. (Вероятно, это здание находится по адресу: ул. Кропоткинская (Пречистенка), д.19; оно было передано в недавнее время Академии художеств.)

Повод, по которому я был вызван в столь высокую военную инстанцию, мне известен не был. Этот вызов меня озадачил. Да и друзья мои были в недоумении. Всплыли в памяти имевшие место репрессии в армии, но за собой какой-либо вины я не находил и отбросил мрачные сомнения. Друзья тоже меня подбадривали, проводили «до калитки», попрощались и пожелали «ни пуха, ни пера».

Прибыл по указанному адресу. Часовой, пропустив меня, направил в приемную начальника управления на втором этаже. Здесь секретарь отметил мое прибытие. В приемной находилось несколько человек в военной и гражданской одежде. Знакомых из всех присутствовавших была лишь одна женщина — переводчица «Хулия Ивановна», ехавшая с нами на пароходе из Испании до Франции. Все сосредоточенно ожидали приглашения. Поздоровавшись с Хулией Ивановной, осведомился, что привело ее в столь «комфортное» учреждение. Она только развела руками.

Через некоторое время я был приглашен в кабинет к начальнику. В кабинете, небольшом, но строго деловом, находился полковник. Я представился по-военному. Он предложил мне сесть, после чего состоялся малоприятный, но сдержанный разговор. А начался он с вопроса, который вывел меня из оцепенения от неизвестности причин вызова. «Товарищ Заварухин, вы послали посылку в адрес военного атташе во Франции товарища Васильченко, когда ехали из Испании? Он получать ее отказался. Кроме того, прислал на имя Наркома обороны товарища Ворошилова телеграмму такого содержания: «На мое имя поступила посылка от лица, едущего из Испании, я от нее отказался, ибо она компрометирует меня в дипломатических кругах.»

Я ответил: «Да, посылку — ружье посылал я, но не на имя атташе, а на одного из сотрудников хозотдела посольства товарища Васильчикова. Сделал это по предложению нашей переводчицы Хулии Ивановны, ехавшей в одной с нами группе. Кстати, она как раз находится в вашей приемной». Обговорив, как все это было в действительности, признал себя виноватым за опрометчивый, недостаточно обдуманный шаг, но сделанный без какого-либо злого умысла. Полковник взял со стола бумагу, показал ее мне. В ней действительно содержалось то, что полковник изложил устно. Кроме того, на документе имелась резолюция Ворошилова: «Разобраться и привлечь к ответственности». В заключение полковник сказал, что поскольку получатель посылку принимать отказался, ее получать никто не вправе. По законам Франции, в такой ситуации посылка остается в распоряжении правительства. «Вам она возвращена не будет». Я высказал легкое сожаление, но без большого огорчения. Полковник не принял конкретного решения, сказав лишь, чтобы я вышел на время в приемную и подождал там. Вслед за мной в кабинет полковника была приглашена переводчица Хулия Ивановна. О чем шла речь, мне неизвестно. Однако когда переводчица вышла от полковника, она была сильно возбуждена и расстроена. На мой вопрос она ответила, что разговор был не из приятных, но думается, что обойдется без отрицательных последствий. Я был приглашен повторно. Полковник сказал, что все стало с этим делом ясно. Последствий каких-либо не будет, и пожелал мне спокойно ждать вызова в Кремль.

Возвратясь из Наркомата обороны в свою обитель — дом отдыха, друзьями я был встречен приветствием «Вива, Пабло!». Очевидно, по моему виду решили, что мое посещение высокой

воинской инстанции прошло благополучно. Я рассказал о состоявшемся разговоре с принявшим меня полковником и том вопросе, который был предметом беседы. Отметил при этом, что полковник был в меру строг и сдержан и достаточно внимателен ко мне. А это рождает надежду на благополучное в дальнейшем прохождение военной службы, без предвзятостей и издержек. Вечером за ужином приняли по фужеру «Столичной» за благополучный исход этого дела и по второму — за здоровье всех присутствующих.

На следующий день все мы были приглашены в штаб ВВС. Нас расспросили о «добровольческих» делах, предложили поделиться пожеланиями и высказать свои просьбы. Затем было объявлено, кто куда должен убыть для прохождения дальнейшей военной службы. Мне присвоили очередное воинское звание «техник-лейтенант 1-го ранга». Я должен был убыть в БВО, в свое авиасоединение — в 14-ю авиабригаду. Было сказано, что очередной отпуск будет предоставлен на месте, в своей части.

Находясь в штабе ВВС, прозондировал, как обстоят дела с переучиванием на летчика. Узнал, что этот вопрос скоро будет решать Военный Совет ВВС. Я воспрянул духом.

В очередной день мы были приглашены в Кремль. Награды вручал Михаил Иванович Калинин. Он поздравил всех награжденных, пожелал успехов в дальнейшей воинской службе, укреплении боеготовности РККА для защиты СССР. Вечером собрались за чаркой, поздравили друг друга с награждением. Вечер был долгим. А очередным днем убывали из Москвы кому куда было определено. На прощанье крепко обнялись. Когда состоится следующая встреча — неведомо!

Продолжение в следующих томах.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Кисляков Михаил Яковлевич**, председатель Совета ветеранов 5-й гвардейской авиационно-истребительной дивизии.

Загайнов Анатолий Кириллович

ДВЕ ВОЙНЫ

Я родился 26 марта 1917 года в селе Верховино Верховинского района Кировской области. Русский.

В 1932 году окончил семилетку в городе Яранске Кировской области. В 1937 году работал техническим директором Мочаловского лензавода Шабалинского района Кировской области. В 1938 году директором лензавода Фоленского района Кировской области.

В сентябре 1938-го добровольцем убыл в Первую Дальневосточную армию. При следовании в эшелоне из Кировской области исполнял обязанности комиссара эшелона. Рядовым красноармейцем участвовал в боях против японских агрессоров на озере Хасан, в районах сопок Заозерная и Безымянная. Во время боев пленил японского самурая, заброшенного для диверсии с запасом отравляющих веществ и болезнетворных бактерий. В 1939 году был произведен в замполитруки комиссаром батареи звуковой разведки дивизиона инструментальной разведки 187-го артиллерийского полка, где служил до 24 июня 1941 года.

24 июня 1941 года с группой товарищей убыл в Ульяновское тяжелых танков училище. Как имеющий боевой опыт, до окончания учебы, в декабре с танками убыл на Западный фронт командиром взвода. На фронте воевал между Тулой и Калугой непосредственно поддерживая пехоту. После ранения в январе 1942 года

убыл в Челябинск, где собирал на заводе танки КВ вплоть до марта. В марте вновь прибыл на Западный фронт на должность заместителя командира роты по строевой части в 390-й танковый батальон 179-й танковой бригады 3-й танковой армии.

Участвовал в боях на Сухиничи-Козельском направлении. Командовал ротой. С ноября 1942 по март 1943 года участвовал в боях от Дона до Харькова. В марте 1943 года был тяжело ранен под Харьковом и пробыл апрель в Нижней Дуванке в госпитале. Из госпиталя прибыл на Северный Донец в оборону. Июль-август провел в боях в Курской битве в составе 57-й армии.

В ноябре 1943 года прибыл в Московский военный округ в местечко Костерево в 42-й учебный танковый полк. Прошел путь: командира учебного взвода, командира учебной батареи, начальника штаба учебного дивизиона, где и закончил войну в мае 1945 года.

После войны я был направлен на учебу в Академию бронетанковых и механизированных войск и продолжил службу до 1994 года.

В войне погибли родственники:

Брат Загайнов Валентин Кириллович (1922 года рождения) в 1942 году погиб на Калининском фронте. Был зенитчиком. Воевал истребителем танков на Западной Украине и Калининском фронте. Умер от ран.

Брат Загайнов Леонид Кириллович (1924 года рождения) в 1944 году убит под Псковом в бою прямым попаданием.

Мои воинские звания:

— заместитель политрука, приказ командира 187 артиллерийского полка, февраль 1939 года;

— лейтенант, приказ Приволжского военного округа №3 от 1.1.1942;

— старший лейтенант, приказ 57 армии №0197, июль 1943 года;

— капитан, приказ командующего БТ и МВ ВС №0306, октябрь 1946;

— майор, приказ командующего БТ и МС ВС №239, февраль 1951;

— подполковник, приказ главкома сухопутных войск 0730 июля 1955;

— полковник, приказ Верховного Главнокомандующего РФ №2 от апреля 2000 года.

Имею контузии и ранения — инвалид Великой Отечественной Войны.

Отмечен:

- 2 медалями «За боевые заслуги»;
- орденом Красной Звезды;
- 2 орденами Отечественной войны I степени;
- орденом В. И. Ленина;
- многими медалями.

Участвовал в Параде Победы 24 июня 1945 года в составе Академии бронетанковых и механизированных войск и в Параде Победы 2000 года в составе 1-го Белорусского фронта. В период с 1945-го по 1949 год участвовал в парадах на Красной площади 8 раз.

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений и других публикаций обо мне не имеется.

Карьер

То было в марте 1943 года под городом Харьковом в местечке Лизогубовка на опушке леса, окруженного немцами. Мы (остатки 390-го танкового батальона) вели бой. Я был насквозь прострелен в правое плечо. Санитарка Лида сделала мне перевязку и, чтобы не терять лишней крови, предложила мне лежать. Часов 14 лежал я в карьере у дороги, проходившей от Лизогубовки в лес. Своим подчиненным я приказал вечером убыть через реку Уда в Чугуевский лес и выходить с окруженной немцами местности к реке Северный Донец. С наступлением темноты из Лизогубовки вышел немецкий патруль — два «фрица». Дойдя до карьера, немцы весь его обстреляли, и надо мной пролетело несколько пуль. Они походили по дороге и уселись ужинать прямо надо мной. Хорошо поев и выпив, они легли отдохнуть и уснули. У меня были гранаты и немецкий штык (свое личное оружие я отдал санитарке). Гранаты нельзя было применить, так как зацепило бы и меня, и шум слышали бы в деревне. Я решил использовать немецкий штык. Правая рука у меня отмерла, но я нашел способ покончить с обоими немцами левой. Убитых утащил в карьер, замаскировал и получил их снаряжение и два автомата. Из Лизогубовки в поисках убитых выходили два немца. Днем из окруженного немцами леса ко мне в карьер из-под Харькова пробралось человек до шестисот. Как позже выясни-

лось среди выходящих были переодетые в гражданскую одежду старшие офицеры. Я был одет в шубку и поверх в шинель со знаками различия, повязан как кукла (старший лейтенант). На высотах над рекой Уда на удалении до километра стояли немецкие пулеметы. Немцы нашу территорию стали обстреливать минометами и артиллерией. Я разбил людей на группы и приказал выходить по тонкому льду реки Уда в Чугуевский лес. Сомневающихся не было. Все быстро рассредоточено перебежали в Чугуевский лес, оставив по пути всего несколько убитых. У выходящих было значительное количество винтовок, карабинов, автоматов. Во время перехода к Северному Донцу в лесу мы уничтожили несколько групп немцев, в том числе расчеты орудий на огневых позициях. Позиции мы захватили, расчеты уничтожили, а орудия и пулеметы привели в негодность. По пути остановили подводы с сахарным песком, немцев убили, засыпали карманы сахарным песком, потом его ели. Обнаружили кабель связи и уничтожили его и обслуживающих его связистов. На третьи сутки вышли к Северному Донцу, где были обстреляны нашей обороной, но потом разобрались.

С выходом к нашим моя команда распалась. Тяжелораненых поместили во фронтовой госпиталь. Те, кто мог, в том числе и я, пошли искать помощь. Из нашей части оказался комсорг батальона старшина Некрашевич. Я день на десятый устроился в госпиталь в Нижней Дуванке Ворошиловградской (Луганской) области. В госпитале у меня обнаружили в ране много червей. Они меня спасли от полного заражения.

24 апреля 1943 года убыл на Северный Донец в боевые порядки обороны 179-й танковой бригады.

Впереди была Курская битва.

Трофейный танк

В сентябре 1942-го, будучи лейтенантом, я командовал 1-й танковой ротой 390-го танкового батальона 179-й танковой бригады 3-й танковой армии на Сухиничи-Козельском направлении. Совместно с командиром взвода лейтенантом Евлампиевым Василием Ивановичем и механиком-водителем Пономаревым Петром Васильевичем выкрал у немцев из обороны танк Т-III, за что все трое были отмечены денежными премиями.

Дело было так. В обеденный перерыв немцы обычно обедали и отдыхали. Мы с Евлампиевым перебежками проникли в оборону немцев. Влезли в немецкий танк, но завести не смогли. Евлампиева я оставил в танке, а сам перебежками вернулся на свои позиции (несколько раз был обстрелян немецкими пулеметчиками). Ночью на малой скорости привел свою «тридцатьчетверку» к немецкому танку, взял на буксир немецкий танк, управляемый Евлампиевым, и утащил в наше расположение.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Ильин Павел Львович**, студент 3-го курса Московского авиационного института.

**Загородников
Борис
Иванович**

ОТ АЛЕКСИНА ДО ГЕРМАНИИ

Родился 10 августа 1915 года. Село Ламки, Ламского района. Русский. Православный. Член Коммунистической партии Российской Федерации.

До войны окончил: 1930 году школу семилетку, в 1932 году полугодовые мелиоративные курсы Народного комиссариата земледелия, в 1940 году — вуз.

Узнал о начале войны: 21 июня 1941 года. Город Усть-Каменогорск. Возвращался с пляжа на р. Иртыша. Работал в техническом отделе Иртышгэсстроя инженером. Младший лейтенант запаса, ВУС № 39.

Начал участвовать в боевых действиях: по призыву — добровольцем. 22.07.41 Семипалатинск. 10.08.41 в Ашхабад на границу с Ираном, затем в сентябре 1941 года на границу с Афганистаном по р. Пяндж. 5.10.41 прибыли в Тулу. Начиная с воинского лейтенанта, командир саперного взвода. Под командованием командира батальона, старшего лейтенанта.

За этот период боевых действий на меня произвели впечатление следующие случаи:

1. Убийство председателя Верховного Совета Туркменской ССР за неправильное отношение к требованию часового. (10.08.41).

2. Служба иранских военных по охране границ, участвует вся семья, обед готовит жена, дети заготавливают дрова и подносят (18.08.41).

Когда наша дивизия развернулась по р. Пяндж, со стороны Афганистана показывались два джипа, которые стремительно двигались к мосту. Два военных с джипа сошли и по мосту направились в нашу сторону. Они попросили не стрелять, все требования советской стороны выполним, а с Афганской все самолеты и обслуживающий персонал будут переданы командованию Советской Армии. /16.09.41/.

Боевой путь проходил через: Алексин, село Мышига. Мой взвод был придан стрелковому полку. Ночью мы строили наблюдательный пункт командира полка. /20.10.41/. Разбирали дом, переносили на место НП и вкапывали его в землю, из него только торчала стереотруба.

Днем мы располагались в глубоком овраге, который простирался от Мышаги до Алексина, считали, что мы в безопасности. Но оказалось, что это не так. У немцев были ранцевые минометы, и ими они пользовались в глубоких ущельях. Сержант Богданов спал в овраге, там мина его настигла, и здесь же его похоронили.

В этот период я был свидетелем как «катюша» накрыла фашистов своими снарядами на площади перед Мышегой. Сначала снаряд ударился о землю, затем отскочил на метр, стал крутиться, извергая огонь из сопла, и через несколько минут разрывался, поражая все, что находилось в радиусе 15 — 20 метров. Зрелище необычное, даже никто не мог объяснить, как это получается.

Ювелирно взорвали железнодорожный мост через р. Оку. В чем заключается ювелирность? Со стороны немцев ферма моста была поднята взрывом и сброшена в реку, противоположный конец фермы остался на месте. Когда саперы покидали мост, немцы искали путь на правый берег реки Оки, к Алексину.

В Алексино поступило три цистерны питьевого спирта высокого качества. Комдив распорядился, вылить его в землю. Ночью из пистолета выстрелил в нижнюю часть цистерны три раза, и спирт стал выливаться в землю.

Село Железное Тульской области. Над селом, на высоте около 3 км появился самолет «рама». Он сбросил 6 полутонных бомб. Бомбы летели на дом, в котором я находился. Стал в про-

межутке между двух комнат. В огороде упало 5 бомб, а 6-я — в 5—7 метрах от дома. Выбило все рамы окон. Стеклом меня сильно порезало. Приведя себя в порядок, отделался от шока, вытащил кусочки стекла с рук, лица. Погиб лейтенант Анатьев.

В Железное к нам приехал Е. М. Ярославский (1878—1943). Для встречи с большим государственным и политическим деятелем выдраили большой дом в селе, поставили табуретки, между ними поставили доски. Всего было, кроме моего взвода и местных ребятишек, около 60 человек. Ярославский занял выгодное место, перед ним сидели все, которые вместились в дом. Началась беседа Ярославского. 53 летний политик говорил накануне праздника Октября уверенно, легко и убедительно: положение на фронтах войны, пополнение за счет восточных областей нашей страны... Выступление закончилось уверенностью в нашей победе. Все бурно аплодировали.

В дивизии была поставлена задача вылавливать диверсантов, действующих в наших тылах. Вот нам стало известно, что гражданин из деревни Анашкино (10.41) расспрашивает о населенных пунктах, занятых немцами, и хорошо информирован о положении в этих местах. Мне пришлось его арестовать и доставить в СМЕРШ. Когда его ввели в помещение, присутствовавшие работники СМЕРШа улыбнулись, попросили сопровождающих саперов удалиться, а мне сказали, что я нашел топор под лавкой, что это наш товарищ и он готовится к заброске в тыл врага. Поблагодарили за бдительность.

На Угре, в нескольких километрах от г. Юхнова, строили мост для танков. Место моста, подъезды и выезды выбирал генерал Б. В. Благославов. Зима. Температура — 12 градусов мороза. Промеры реки были сделаны ранее, рамы под мост были выполнены в лесу и доставлены к месту строительства моста. Саперы во льду стали делать под рамы проруби. В это время пушки издали стали залповым огнем стрелять по мосту. После первого залпа — недолет. Саперы прекратили работать. Спрятались за бревна. Благославов сел на бревно и щепочкой разгребал снег. Второй залп, уже ближе к мосту. Третий залп. Комья земли стали долетать до нас. Жуткая обстановка. У генерала Благославова на щеках появились желвачки. С нашей стороны стали раздаваться пушечные выстрелы. Значит, немецкая батарея нами засечена. Скоро она замолчала, и мы стали продолжать строить мост, который был в срок возведен.

Город Полотняный Завод. Январь 1942 г. Отступая, немцы взорвали мост через реку Суходрев у Полотняного Завода. Моему взводу было поручено восстановить мост. Привезли доски, брус, и работа пошла быстро. Настроение у саперов было приподнятое. Многим Полотняный завод был известен со школьных лет. Когда работа была организована, я с тремя саперами пошел посмотреть на дом, в котором бывал А. С. Пушкин. Часть города уже полыхала в огне и такую картину мы увидели: по улице подвода на санях, на которой была бочка. Лошадью управлял немецкий солдат, второй солдат был с палкой, на которой была прибита металлическая банка из-под консервов. Он ей черпал из бочки бензин и поливал крыши домов. Третий, фельдфебель войск СС, подносил к крыше факел и дом загорался. Мы подпустили поджигателей ближе к себе, двух солдат застрелили, а фельдфебеля взяли в плен и повели в штаб дивизии. Дорога проходила по взорванному мосту. Саперы временно положили две доски и прибивали их гвоздями в опоры на старые сваи. При прохождении эсэсовца сапер как будто нечаянно приподнялся, и фельдфебель упал в реку с головой, но встал — глубина воды была около одного метра. Фельдфебель быстро вылез из воды, выжал пилотку, стряхнул капельки воды с кителя, вылил воду из сапог (не снимая их), плащ-палатка оказалась в воде, отряхнув ее, надел на себя. Вошли в село, где был штаб нашей дивизии.

Стоял сильный мороз, одежда на фельдфебеле стала покрываться льдом. Командир дивизии полковник Г. П. Коротков спал, было около 5 часов утра. Я просил адъютанта доложить командиру, что привели пленного немца, нужно разрешение ввести его в избу. Пленного надо допросить, требуется переводчик.

Пленного ввели в натопленную избу, посадили на табуретку, вокруг него стала образовываться лужа воды, пошел пар. Полковник вышел к нам в рубашке, выслушал мой рапорт, дал указания и удалился к себе. Через некоторое время он вышел в кителе. Пришел переводчик. Приступили к допросу. Сначала фельдфебель отвечал на вопросы, но когда дошли до планов немцев на настоящий период, он замолчал. Полковник попросил перевести, что «Гитлера мы все равно разобьем, неважно, будет он молчать или нет. Разгром под Москвой — первый сигнал к этому». Когда переводчик перевел эту фразу, фельдфебель вскочил с табуретки, встал смирно, выбросил руку вперед, резко

на немецком языке прокричал: «Хайль Гитлер, но непобедим!» — и сел на табуретку. Полковник сказал мне: «Выведите пленного из дома и в ближайшем снежном сугробе за скотным двором расстреляйте». Мы выполнили приказ. Мост был восстановлен в срок.

Ночью под новый, 1942 год мне пришлось строить дорогу в Калугу, которую накануне освободили от немцев. Вместо вешек ставили трупы немцев в причудливой форме — они обозначали дорогу. Утром, когда проезжал комдив, ему не понравилась такая инициатива, он приказал повалить трупы на землю. Он ехал на санях с металлическими полозьями, с женой и белой породистой собакой. Выполнив его поручение, пошли осматривать Калугу. Город вместил большой обоз, который фашисты намеревались разместить в Московском Кремле. Круглые тумбочки для объявлений извещали о концерте Пичковского и других. Расклеены газеты о победы немецкой армии, о захвате русских городов.

В то время Циолковского немцы не понимали, наши переоценивали. Болдин, описывая взятие Калуги: подошли к реке Оке, была поляна, командир покричал: «За родину, за Циолковского!» — и бросились в Оку.

Корсунь-Шевченковское окружение. Внешнее кольцо. Январь 1944 года. Утро, село Павловка. Штаб дивизии, полковники в белых рубашках занимались туалетом. Немецкая колонна танков с саперами на борту прорвала нашу оборону, сделав прицельный залп по умывающимся полковникам, убив Шальдина и смертельно ранив Мартынова, стала двигаться вдоль села и вышла на открытое поле. Вместе с немецкими танками несли Мартынова в МСБ7. Из Мартынова сочилась кровь. Артиллеристы уничтожали прорвавшиеся танки. Группа солдат, оставших от своих частей, и полковник в бушлате не могли ориентироваться на местности. Не знали, где север и восток. Пришлось эту группу солдат и полковника вести в Виноград, где комдив был в окружении артиллеристов и подбитых немецких танков.

Село Пьяне, лето 1944 год. Поручено подготовиться к приведению приговора суда в исполнение. Дивизия находилась на доформировании. Любители выпить искали самогона, горилку. Такой нашелся, зашел в избу, там находился больной старик, он у него стал требовать горилку, но так требовать, что наступила смерть. Его жена закричала. В этот момент мимо проезжал на-

чальник политотдела В. В. Головин, видел это безобразие — и в суд, и за это дело того приговорили к расстрелу.

Мне поручено построить настил, выкопать могилу и подготовить площадь для построения дивизии. Все было выполнено, началась главная процедура. На помост приговоренный не мог идти, его вели два солдата. За ними шли прокурор, начальник медицинской службы и командный состав дивизии и политотдела. Прокурор прочитал приговор суда. Последнее слово сказать не мог. Прокурор скомандовал приговор суда привести в исполнение. Вся дивизия поротно построена лицом к трибуне. В это время появился, в гражданской форме, брюнет с глазами, посаженными глубоко под густые брови. Осужденный был на колене, на границе могилы. Брюнет выстрелил в голову осужденному, он упал в могилу, последовал второй выстрел. Главный врач дивизии Сергеев установил, что пульса нет, саперы быстро закопали могилу, покрыли дерном. Меня от первого выстрела обдало кровью, прошло почти 50 лет, а я не могу забыть это событие.

Дивизия поротно прошла в глубоком молчании. Саперы убрали все, что настроили, что напоминало присутствие дивизии в лесу.

Многое можно вспомнить. Был Киев (осень 1944), Луцк 13.07.44 — прорыв обороны немцев. Река Эльба (7.05.1945). Долина Пражская (12.05.1945). Берлин, домик лесника 24.1944. Дрезден, Котбус 24.44.

Награжден:

Орден Красной Звезды, №625531. Приказом по 3-й гв. армии 16.05.44., подписал генерал-полковник Гордов. Вручил комдив Василий Акимович. Награжден за время наступательных операций с августа по ноябрь 1943 г. Будучи замкомандира по стрелковой части 126 осапб, непосредственно руководил постройкой 21 наблюдательного пункта командира дивизии, разминировал 1800 ПТМ и 3100 ППМ. Проделал 26 проходов в минных полях и проволочных заграждениях, осмотрел 41 деревню и 82 км грунтовых дорог. 25.09.43 под огнем в короткие сроки произвел строительство моста через р. Хмара в р-не дер. Липки, длиной 22 м и грузоподъемностью 60 т, что позволило

нашим танкам неожиданно ворваться в боевые порядки противника и нанести ему большой урон.

Орден Отечественной войны I степени, №99025. Приказом по 22 ск от 31.08.44. Награжден за организацию оборонительного в р-не деревень Павловка-Тыновка. В сжатые сроки сумел установить на переднем крае за 5 дней силой одной роты 5650 ПТМ. При атаке танков противника 04.02.44 на этих минных полях подорвались 4 танка противника.

Орден Отечественной войны II степени, №765968. Приказом по 22 ск от 04.06.45. Вручен в Москве, в Киевском райвоенкомате. Награжден за период наступательных операций от г. Ракув (Польша) до р. Эльба (Германия), проводил инженерную разведку дивизии. Под командованием капитана Загородникова была правильно проведена разведка обороны противника западней г. Ракув на р. Несе, севернее г. Губина (ПНР), и своевременно обнаружены инженерные препятствия врага. Проведены 34 ночных поиска, обезврежены 1500 мин, разминированы 28 мин-сюрпризов, проведено 150 км колонного пути.

Орден Отечественной войны II степени, №1042226. Награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

Медаль «За оборону Москвы» №009101. От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена 4.10.44 года командиром 58 строевой Краснознаменной Дивизии генерал-майором Самсоновым.

Медаль «За взятие Берлина», А №492144. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года. Вручена Киевским райвоенкоматом г. Москвы 21 февраля 1946 года.

Медаль «За освобождение Праги», А №134810. Президиум Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года. Вручена 9 апреля 1946 года Киевским райвоенкоматом г. Москвы. Награжден за участие в героическом штурме и освобождение Праги.

Медаль «50 лет Вооруженных сил СССР», в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1967 года. Вручена 31 октября 1968 года Кировским райвоенкомом г. Москвы полковником Пряхиным.

Медаль «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне», в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 г. Награда вручена 29 декабря 1975 г. Пролетарским гвк.

Медаль «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне», Б №3048278, в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 г. Медаль вручена 13 мая 1967 года Первомайским райвоенкомом полковником Королевым.

Медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина». От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручил 1 апреля 1970 года секретарь Пролетарского районного Совета депутатов трудящихся г. Москва.

Орден Трудового Красного Знамени, №366801. За строительство Куйбышевской гидроэлектростанции.

Медаль «В память 800-летия Москвы». Б №02299. В ознаменование 800-летия города Москвы, медаль вручена 5 ноября 1948 года.

Медаль «В память 850-летия Москвы». А № 0444523. Указ от 26 февраля 1997 года.

Медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне». П №12489037. Указ от 22 марта 1995 года.

«Медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР». Медаль вручена 23 февраля 1988 года.

Знак «Фронтовик 1941—1945». Вручена генералом армии Говоровым 9 мая 2000 года.

Медаль «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне». Вручена 6 мая 1985 года Первомайским райвоенкомом г. Москвы.

«Почетный Знак РКВВВС» за активное участие в ветеранском движении. Генерал армии Говоров.

Серебряная медаль за успехи в народном хозяйстве СССР. Постанов. №267-н от 25.04.1964. № 5049, Комитет совета ВДНХ.

Украинская медаль «Защитнику отечества». Указ президента Украины, 14 жевтня 1999 года.

Польская медаль. 9 мая 1990 года.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Вручена 11 января 1946 года Киевским РВК г. Москвы.

Медаль Жукова. Г №0604958. Указ от 30 декабря 1995 года.

Народный знак. Заслуженный работник «ЕЭС России». За заслуги в развитии единой энергетической системы России.

Памятный знак «60 лет битвы за Москву». Вручил мэр Москвы Ю. М. Лужков.

Медаль «Китайско-советской дружбы». «В знак благодарности за вашу бескорыстную помощь в деле социалистического строительства нашей страны. Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай. 1 июля 1958 года.

Вьетнамский «Орден Труда».

Вьетнамский «Орден Труда».

Вьетнамская «Медаль Дружбы».

Министерство энергетики и электрификации СССР, 25 июня 1975 года награжден значком «Отличник энергетики и электрификации СССР» .

Наградной знак Московского комитета ветеранов войны.

Возвращался с войны через Долину Пражская (07.1945) на мотоцикле.

Дрезден (08.1945). Озеро. Вода светлая, прозрачная. Купаться нельзя, как извещают объявления установленные по периметру озера. Отчетливо видны экскаваторы, компрессоры, там добывалась руда, опасная для всего живого, и война заставила заполнить котлован, прекратить откачку притока воды. Под водой видна насосная прокладка труб.

По пути к Вене остановились в австрийской деревне, я занимался мотоциклом. Ко мне подходит хозяин дома и спрашивает: а что будет с нами? Не вникая в детали, в шутку сказал: отправят в Сибирь. Пошли спать. Утром двор был безлюдным. Где было сено, заперто, пришлось дверь ломать, увидели страшную картину: на жерди повешены хозяин, его жена, их дети, мальчик лет 13 и девочка 8-10 лет.

Слани. Чехословакия (20.05.1945). Меня послали разминировать лесной завал перед Карловыми Варами. Перед Прагой и Карловыми Варами была забита дорога, поэтому поехали на мотоцикле с начальником батальона навстречу двигавшейся массе людей, в том числе и Власова. Штаб армии Власова двигался в танках, против них и был сделан лесной завал, чтобы его трудно было разобрать, его заминировали ручными гранатами и толковыми шашками. Саперы с этой задачей справились, Власов был

пленен, штаб был арестован. Я пошел осматривать достопримечательства Карловых Вар.

Вена встретила в труде. Убирались улицы, площади, дворы. Особенно следили за лесопарковыми насаждениями, они подходили к жилым массивам, их обрезания проходили в парке. Деревья обрезали вертикально, по шнуру. На базарах можно купить все, от крупнокалиберного пулемета до бритвы.

Будапешт, мост через Дунай, он чем-то напоминает мост через Москву-реку у Киевского вокзала. Всех, кто едет в Москву, посадили на поезд, в товарный вагон, мотоцикл в другой вагон, грузились быстро. Также несколько вагонов было с лошадьми и сеном для них.

В пути произошло происшествие. Со второго этажа у лейтенанта упал пистолет ТТ, произошел выстрел, и пуля попала в сердце старшины. Смерть наступила мгновенно. Меня назначили председателем комиссии по расследованию этого происшествия. Комиссии пришлось составить списки имущества, которые оставил старшина. Три больших мешка, чемодан заполнен постельным бельем, кафтанами, чулками и носками, юбками и брюками, кальсонами, трусами. Поезд был задержан на 4 суток в Брянске. Август 1945 года.

Остались живы родственники (в данный момент они умерли).

Мать Загородникова Анна Ефимовна девичья фамилия Чепрасова, (16.02.84—26.08.71), награждена орденом «Материнская слава» 3-й степени, во время войны вязала носки солдатам.

Сестра Анастасия (1902—1985.15.08) во время войны была с мужем Суреном в Монголии, зоотехник.

Сестра Мария (1904—1985.11.11). Агроном, зоотехник. Во время войны была в эвакуации, в Пензенской области, село Красное, работала в животноводстве.

Сестра Зинаида (1906.10.24—14.02.1985). Воспитала детей.

Брат Михаил (1909.24.11—12.6.1994). В мае 1941 г. окончил Военно-инженерную академию им. В. В. Куйбышева, участвовал в боях под Москвой. Подполковник в отставке.

Сестра Серафима (1912—1993). Была в Америке, Абиссинии, Германии. Всю войну была за границей.

Брат Николай на 74-м году жизни скоропостижно скончался, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, генерал внутренней службы. С января по мая 1944 г. служил в действующей армии на Волховском (позднее

Ленинградском) фронте, военный следователь прокуратуры Новгородской краснознаменной стрелковой дивизии. С 1967 по 1971 год возглавлял высшую школу МВД СССР, затем руководил кафедрой уголовного права Московской высшей школы милиции. В последние годы был профессором этого учебного заведения.

Научной общественности хорошо известно имя Н. И. Загородникова. Он внес значительный вклад в разработку уголовного законодательства. Широко известен среди русских криминалистов теоретический семинар по проблемам уголовной политики, организатором и бессменным руководителем был профессор Загородников. Имел 15 орденов и медалей от правительства СССР и других стран.

Собственные опубликованные произведения ветерана:

Книга «50 лет ПОБЕДЫ в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». М., 1995.

Статья в газете «Московский комсомолец» от 9 мая 1977 г. «Это был год под Тулой (записки ветерана)».

Брошюра «Боевой путь 58-й стрелковой Одерской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии». М., 1983.

Письмо в газету «Известия» «Как делалась победа» на 14 страницах.

Брошюра «Боевой путь 58-й Одерской Краснознаменной ордена Кутузова стрелковой дивизии». М., 1985 год. Советской комитет ветеранов войны.

Демобилизовался: Чехословакия — Москва, 1945 год. Министерство электростанций, должность инженера-диспетчера Главгидроэнергостроя. Было желание работать в народном хозяйстве по специальности, которую получил перед войной.

Особенно запоминающиеся эпизоды войны:

Дрохи, в 150 км от Кондрова. В боях за Москву, 238 сд полностью обескровлена, в взводах осталось по 2 — 3 солдата, в некоторых ротах не было командиров. Получено из Ставки указание собрать из вспомогательных подразделений дивизии (саперы, связисты, медики). Выбить немцев из деревень и отодвинуть передний край немцев на запад.

Рано утром 25.01.42 саперы появились у дома в деревне Дрохи, немцы изредка передний край освещали осветительными

ракетами. Рукояткой нагана разбил стекло в окне. Из него вырвался теплый воздух. В окно из нагана выпустил 5 пуль. В доме поднялся шум, затрещал на чердаке пулемет. Слуховое окно, через которое стрелял пулеметчик, находилось над нашими головами. В нашей группе была граната лимонка, ее надо было забросить в слуховое окно. Если саперы не попадут в окно, то им будет плохо. К счастью, граната попала в окно. Раздался оглушительный взрыв, из дома стали выбегать немцы как тараканы, не разгибаясь прятались в укрытие.

Из соседних домов в нас стали стрелять. Принял решение отойти от деревни. Деревня была обнесена изгородью. Мы были одеты в белые халаты, это маскировка на снегу, мы чувствовали что за нами следят. Параллельно со мной полз сержант, командир отделения Медведев. Вместо того чтобы подкопать изгородь, он полез сверх ограждения, вражеская пуля настигла его на ограде, обливаясь кровью умирал на глазах у саперов.

Я полз от деревни в снегу, обморозил ноги. Когда оказался в безопасном месте, валенки разрезали, обложили обмороженные места и забинтовали. В госпиталь отправили после того, как артиллеристы разбомбили деревню Дорохи. Когда снаряд попал в дом, поднялся столб пыли.

На Юхнов шли с полотняного завода. Мост через Угру был взорван, взорвали его, наверно, немцы. Подошли к мосту вечером. Пока перебирались по взорванному мосту, стало темно. Деревня Коломаново, восточнее Юхнова, была освобождена 23.01.42 года. На Варшавском шоссе у немцев был полевой аэродром, в 10 км от Карманова. Когда его ликвидировали, часть грузов оставили в Карманове. В доме у немцев было что-то вроде штаба, поместили молодую мать с ребенком. Плачь ребенка привлекал внимание. Она рассказала, что жила на аэродроме, сначала была любовницей немецкого шофера, затем женой. Ее отец воюет с немцами, также старший брат. Я ж ей говорю: как объяснишь отцу и брату свое поведение.

Юхнов артиллеристам и танкистам пришлось обрабатывать активно, освобожден 21.01.42 г. Артснаряд попал в дом, где находился загс, документы разбросало по улицам города. Сортир обклеивали облигациями. Топографическая карта вместе с полевым планшетом сняты с убитого фашистского офицера в Юхнове в январе 1942 года.

Мне пришлось быть в этом районе летом 1943 года по случаю захоронения солдат в зимнее наступление нескольких дивизий. Десятки лыжных батальонов участвовали в лютый мороз в наступлении по Шатину болоту на Зайцеву гору. Там, где лежали убитые солдаты, трава была сочная, высокая. Медальоны с убитых собирали в каски. Хоронили в братских могилах в плащ-палатках, лыжников — в маскированных халатах. Журавли, колхозные лошади, которые помогали стаскивать убитых к братским могилам.

Другие публикации о ветеране.

Книги:

Бройдо С.М. Младшая в семье гигантов. Рассказ. Иркутское книжное издательство, 1963. 80 стр.

Гранин Д. Новые друзья. Рассказы о строительствах Куйбышевской ГЭС. Издательство ГК ВЛКСМ, Молодая гвардия, 1952 г. Ленинград. 130 стр.

Журналы:

Валеев Сулейман. Поклон тебе земной, Сибирь! // «Дружба народов», №7, 1964. 161—180 стр.

Загородников Б.И. Энергию Мамакана — на службу народу! // «Молодой коммунист», №12, 1961 г. 39—42 стр. Москва.

Загородников Б.И., Иевлев Г.И. Улучшение качества работ в энергетическом строительстве // Энергетическое строительство. 76—78 стр.

Загородников Б.И. Красноярская ГЭС — крупнейшая в мире // «Энергетик», №2 1970 год. Издательство «Энергия», Москва. 5 стр.

Как началась Отечественная война. Воспоминания П.С. Непогрозного из хроники В.Д. Кондратьева. Московский Комитет ветеранов войны.

ГЭС ТХАК-БА — первенец гидроэнергетики Социалистической Республики Вьетнам.

На этой ГЭС я был руководителем коллектива. Вьетнамское правительство наградило меня двумя орденами и медалью. Вел дневник, записывал основные события и проходящие на стройке перемены. Главное, как американцы мешали строить ГЭС.

Это было в 1938 году в Гороховедских лагерях. Первый год вневойсковой подготовки. Встали в 4 утра. Марш-бросок закан-

чивался взрывом фугаса. Все было подготовлено, толовая шашка была опущена в капсулу, взрывали огневым способом. Руководил работниками военный, высокий, в портупее, с планшетом. Прошло 75 лет, а я до сих пор чувствую его спину в портупее. Но руководитель встал, посмотрел и заметил черную точку, послал посмотреть, что это такое. Им оказался я — заснул вблизи от фугаса; если не руководитель, то не было бы меня. Вот сейчас я с благодарностью вспоминаю неизвестного спасателя.

Убит С.М. Киров. В Гидромелиоративном институте траурный митинг, первое слово взял профессор генерал путей сообщения Прокофьев. Он вышел, развел руками: «Если так случилось, значит это кому-то нужно», — и сел в президиум митинга.

58-я стрелковая дивизия участвовала во взятии города Котбуса. В нем находились подземные заводы Мессершмитта. Взводу саперов пришлось разминировать вход в подземное помещение завода.

Еще в Котбусе были аптеки, в них хранились золотые зубы, вынутые в основном у евреев, приговоренных к сжиганию в камерах смерти. Вот у нас в дивизии был такой старший лейтенант, он заходил в освобожденные города вместе с нашими передовыми частями и делал свои грязные дела. Но в Котбус у него была последняя прогулка. Со второго этажа в голову ему была нанесена роковая операция, и на этом закончился его боевой путь.

После взятия опорного пункта фашистов Котбуса мы устремились по шоссе на Берлин. Немцы взрывали мосты, делали засады и старались задержать стремительный вал на сторону фашистского государства.

В один из апрельских дней 1945 года командир дивизии генерал-майор Самсонов В.А. расположился со штабом и взводом инженерной разведки в доме лесника среди леса. Утром в этом месте по нашим тылам отходило танковое подразделение немцев и встретило штаб нашей дивизии. Завязался неравный бой. Погиб москвич командир инженерной разведки лейтенант Володя Буренков, переводчик Суворов, ученый из Тимирязевской сельской академии наук. Фашистские танкисты так спешили, что ордена срезали вместе с гимнастеркой. Всю одежду я передал родителям Буренкова.

В 1925 г. учился в 4-й школе ХОНО, от отца часто слышал о Есенине. На Пречистенском бульваре встретил Сергея Есенина.

Он пришел фотографироваться. Есенин заметил, что я пристально смотрю на него, но меня посадил на скамейку рядом с собой, и стали ждать, когда фотограф закончит свои премудрости.

1927 г. В доме писателей, с группой сидели кого-то ждали. В этот момент входил В. Маяковский, голова была обрита, взгляд был далек от богемного настроения. Шагал он быстро и произвел на нас удручающее впечатление.

В 1929 г. на Гоголевском бульваре был убит ножом в спину мальчик 7—8 класса, из положительной семьи. Я рассказал своему другу Марку Матюшину, квартирному слесарю. Он знал эту компанию, поймал одного из них на бульваре, зажал между ограждением бульвара и сказал, что если с меня хотя бы волос упадет, то он оторвет голову. После этого вся гоголевская компания распалась.

01.07.43 г. Боевая характеристика на командира инженерской роты 305 арм. инж батальона ст. лейтенанта тов. Загородникова Б.И.:

«Работая в должности командира роты с марта 1942 по июнь 1943 г., тов. Загородников показал себя как дисциплинированный командир, пользующийся авторитетом среди подчиненных. Рота под его командованием своевременно выполняет все боевые задания. Тов. Загородников с занимаемой должностью справляется. Целесообразно использовать полковым инженером. Командир 305 АИБ гв. майор п/п Петров. Начальник штаба 305 АИБ капитан п/п Буланов».

Справка заместителя командира 126-го отдельного саперного батальона 58-й сд старшего лейтенанта Загородникова Бориса Ивановича

Прохождение службы

07.1941—02.1942 г. 409 отд. саперный батальон 238 сд, 49 армии, командир взв.

02.1942—01.1943 г. 305 армейский инженерный б-н — командир инженерного взв.

01.1943—03.1943 г. 305 армейский инженерный б-н — зам. командира роты.

03.1943—07.1943 г. 305 армейский б-н — командир роты.

08.1943—09.1943 г. 126 отдельной саперной 58 сд — командир роты.

01.1943126 отдельный саперной б-н — зам. командира б-на.
Командир 126-го отдельного саперного б-на капитан п/п
Тромин.

Боевая характеристика
126 отдельного саперного батальона.
на капитана Загородникова Бориса Ивановича

1915 года рождения, образование высшее, окончил Московский гидромелиоративный институт в 1940 году, Военное, высшая воинская подготовка при МГМИ, инженер-гидротехник, беспартийный, служащий. Награжден медалью «За оборону Москвы», орденами Красной Звезды, Отечественной войны I ст.

За время пребывания в 126 отдельном саперном батальоне с июля 1942 г. капитан Загородников Борис Иванович проявил себя смелым, волевым командиром, решительным в бою. Неоднократно участвовал в боевых операциях. Хорошо знает инженерное дело и разведывательную практику. Требовательный к себе и к подчиненным. Пользуется авторитетом среди личного состава батальона. Нормально устойчив, политически грамотен.

Капитан Загородников Б.И. вполне соответствует занимаемой должности и достоин повышения по службе.

Командир 126 ОСБ Гв. майор п/п *Ляхов.*

Боевая характеристика.
126 отдельного саперного батальона
на капитана Загородникова Бориса Ивановича.

1915 года рождения. Уроженец Тамбовской области, Моршанского района ст. Ламки. Русский. Беспартийный. Образование: общее — окончил Московский гидромелиоративный институт в 1940 году; военное — окончил вневойсковую высшую воинскую подготовку при МГМИ в 1937 г. Инженер-гидротехник. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I ст.

За время пребывания в 126 ОСБ с июля 1943 года проявил себя волевым, дисциплинированным командиром, политически устойчивым, морально выдержанным. За период наступательных боев с Сандомирского плацдарма до реки Нейсе (г. Губен — Германия) руководил инженерной в полосе наступления диви-

зии. Занимаемой должности соответствует и достоин повышение по службе.

Командир 126 отдельного саперного батальона
капитан п/п *Басанков*.

Наркомлес
Дальневосточная экспедиция по взысканию,
проектированию и строительству механизир. лесотранспор-
та, мелиорации и рационализации лесоспл.
30 мая 1932 г. № 14/ 305 Д.В.К г. Хабаровск

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Предъявитель сего т. Загородников Б. сотрудник водного лесотранспорта Д.-Восточной экспедиции наркомлеса, командирруется по производству сверхударных изыскательных, проектных и строительных работ в качестве техника в Верхне-Уссурийском районе по регулированию рек для сплава леса.

Срок удостоверения 1 сентября 1932 г.

Начальник Экспедиций п/п *Чаплинский*
Пом. нач-ка водного кодастра п/п *Мальцев*

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Предъявитель сего техник Д. В. Экспедиций Наркомлеса СССР т. Загородников Б.И. ввиду окончания полевых работ откомандирован в распоряжение начальника СОЮЗСТРОЙЛЕСОМЕХАНИЗАЦИИ в г. Москву для камериальной обработки материалов Водной части экспедиции и составления технических проектов, с предложением отпуска с 25 декабря по 25 января 1933 г.

10 декабря 1932 г. г. Хабаровск

№ 101 Д.В.К.

Зам. нач. экспедиции наркомлеса СССР п/п *Мрочковский*
Секретарь п/п *Мальцева*

ЛЕСОСПЛАВСТРОЙ
21 августа 1933 г.
№72108
Наркому РСФСР
Управлению Мелиорации

Согласно устной договоренности с Вами направляем в Ваше распоряжение старшего техника т. Загородникова для использования его по специальности.

Нач. лесосплавстроя: п/п *Кальмыков*
Секретарь: п/п *Шуйкина*

В 1925 г. учился в школе ХОНО. Рядом с нами был Институт востоковедения. На 1 мая к нам в школу приходили китайцы, сажали нас на колени и угощали конфетами. Пытались разговаривать на ломаном русском.

1931 г. Джанаш, Казахстан, Алма-Анский окр. Каракольский рай. Китайцы устраивают богатую ярмарку, в течение ее можно купить все, что нужно. Граница с обеих сторон снимается, вернее отодвигается, выставляется временная граница и устанавливаются временные проезды. Транспорт разнообразный лошади, верблюды, ишаки, волы. С нашей стороны центром выставки был Меркинский совхоз «Скотовод» №92.

1932—1933 гг., Москва, на углу улиц Сивцев Вражек и Гоголевского бульвара была китайская прачечная. Когда в нее входил, меня сажали на стол, на котором принимают белье. Все эти бюрократические прорывы не китайским трудягам.

Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). Меня ознакомили с литературой по Китаю, а также личной библиотекой, я занялся более глубоким изучением Китая. Прочитал Г.В. Ефимова «Очерки по новой и новейшей истории Китая», В.В. Вишнякова-Акимова «Два года в восточном Китае. 1925—1927». Мао Дунь «Избранное», И. Ермашев «Свет над Китаем», издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Лу Синь «Избранное», Гоа Юнь-Лань «По ту сторону пролива» — роман. Издательство иностранной литературы, Москва, 1961.

Мао Цзэдун. Избранные произведения в 6 томах, Москва, Издательство иностранной литературы 1953. В произведениях

Мао Цзэдуна есть все, но главное — это уверенность в поставленных задачах, а эта уверенность подкрепляется дисциплиной народа, всего народа, нет таких людей, которые отлынивают от работы. Китайцы с молоком матери всасывают желание помочь государству, народу. В этом скрывается какая-то потребность.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Афанасьева Светлана Николаевна**, студентка 2-го курса профессионального училища №5.

**Заполь
Михаил
Юделевич**

В ВОЕННО-ДОРОЖНОМ ОТРЯДЕ

Родился 20 ноября 1919 г. в местечке Красная слобода Минской области, Белоруссия. Национальность — еврей.

С 1938 по 1943 г. был членом комсомола. В 1943 г. вступил в ВКП(б).

В 1935 г. окончил 8 классов неполной средней школы и в 1936 г. поступил в Минский архитектурно-строительный техникум, который закончил в 1940 г. По распределению направлен в 25 ВСУ в/ч 9868 (г. Ломжа, БССР), где работал старшим техником при строительстве оборонительных сооружений в деревне Грабово.

В апреле 1941 г. направлен в УАС НКВД Барановичской области на строительство аэродрома в г. Зельва в должности прораба. Строительство аэродрома (объект №161) должно было быть закончено к октябрьским праздникам. К началу июня 1941г. была готова железобетонная взлетно-посадочная полоса и произведена посадка нескольких военных самолетов.

Строительство аэродрома велось силами военнослужащих, заключенных и вольнонаемных из восточных и западных районов Белоруссии.

В воскресенье 22 июня 1941г. рано утром местные жители стали говорить, что началась война. В 12 часов дня на строи-

тельной площадке собрали на митинг вольнонаемный состав строителей (военнослужащие и заключенные отдыхали в воскресенье в бараках) и по радио заслушали выступление В. М. Молотова о вероломном нападении Германии на Советский Союз.

Примерно в 13.00 из-за леса, примыкающего к строительной площадке, на низкой высоте появилась эскадрилья самолетов с черными крестами на фюзеляжах. Она пролетела над толпой людей, собравшихся на митинг. Самолеты, примерно 9—12 шт., развернулись и открыли огонь по собравшимся. Началась паника и растерянность. Стало ясно, что началась война. Появились первые убитые и раненые, особенно среди тех, кто еще отдыхал в бараках. Телефонная связь с вышестоящим руководством в Барановичах сразу была затруднена. Была получена команда оставаться на своих местах и продолжать свою работу.

На следующий день (23 июня) мы получили 30 винтовок и ящик патронов, которые были розданы военнослужащим из восточной Белоруссии. Связь с руководством в Барановичах полностью прекратилась. Появились первые раненые и беженцы со стороны линии фронта.

Инженерное руководство объекта (главный инженер) принимает решение распустить по домам военных, набранных в Западной Белоруссии, а заключенным и вольнонаемным из Восточной части Союза двигаться самостоятельно своим ходом в сторону Востока.

Одновременно начинается подготовка транспорта для эвакуации инженерного персонала объекта и служебной документации. К вечеру 23 июня из двух мостов через реку Зельвянка (автодорожный и железнодорожный) один — автодорожный был разрушен немецкой авиацией. Дорога, по которой двигались беженцы, обстреливалась авиацией. На рассвете 24 июня наша автоколонна подошла к железнодорожному мосту. Вручную, по шпалам, машины были перетащены на другой берег реки и укрыты в придорожном лесу, т.к. дорога полностью обстреливалась одиночными немецкими самолетами.

Ночью началось движение автоколонны по маршруту на Барановичи — Слуцк — Минск. Города по пути движения подверглись бомбардировке и горели. Утром 26 июня мы добрались до г. Минска. На окраине города, в парке отдыха работала команда военного ведомства, которая оформляла документы для отправки на фронт. Город горел со всех сторон и население города покидало город. В связи с тем, что наша команда бала при-

писана к НКВД, военное ведомство нас не приняло. По линии НКВД было дано предписание двигаться в сторону Москвы.

После оформления и решения организационных проблем обнаружили, что все наши грузовые машины с водителями из Краснодарского края сбежали. Осталась только одна полуторка — газогенераторная на дровяных чурках. На этой машине разместились вся оставшаяся команда, примерно 25 человек. Дальнейший маршрут Минск — Могилев — Орша — Смоленск — Рославль — Малоярославец. Завершили к концу июня. В Малоярославце нас поместили в школьном здании и дали команду ждать распоряжения из Москвы. 7 июля 1941 г. приступили к работе в УАС НКВД по Орловской области. Сначала на объекте №169 — города Почеп, затем объект №324 — в городе Задонск. Работа закончилась 9 октября 1941 г.

10 октября 1941 г. по направлению УАС НКВД я прибыл в г. Воронеж, где начиналось формирование 34 Военно-дорожного отряда (ВДО), предназначенного обеспечить строительство, ремонт и эксплуатацию военных дорог стратегического назначения. Я начинал рядовым в должности командира отделения. Командиром роты был капитан Захаренков Евстигней Терентьевич, командиром роты — Голов Григорий Игнатьевич. Я принял присягу 25 декабря 1941 г. 34 ВДО входил в состав 3-его Военно-дорожного управления (ВДУ).

В начале января 1942 г. я был направлен на трассу Москва — Куйбышев, на участок Краснослободского района в Мордовии с целью обеспечения возможности проезда в зимних условиях силами местного населения сел, примыкающих к трассе.

Летом 1942 г. 34 ВДО был переброшен на дорогу Москва — Сталинград, на участок в районе города Ряжск.

Зимой 1942/43 г. отряд был передислоцирован на дорогу Воронеж — Курск, на участок Нижнедевицкого района с базированием отделения в деревне Кутузовка. В ноябре 1943 г. отряд был переброшен в Белоруссию, Гомельская область. Взвод размещался в районе города Буда-Кошелев. Задачей было возвести переправы через р.Днепр в этом районе. К этому времени я был командиром 3-го взвода 1-й роты 34 ВДО. На территории Польши в районе Бяло Подляска, а осенью в районе г. Седлец с базированием в деревне Плевки.

В январе 1945 г. взвод участвовал в сооружении надводного деревянного моста через реку Висла с базированием в пригороде Варшавы — Праге.

Последний этап войны, весной 1945 г., прошел по территории Германии на трассе Кюстрин — Берлин и завершился участием в возведении переправы на реке Одер, перед штурмом Берлина и устройством противоминных заграждений по реке Одер. Я освобождал г. Варшаву в составе 34 ВДО.

Военные боевые действия я закончил в мае 1945г. в Берлине на 1-ом Белорусском фронте в составе 3 ВДУ, 34 ВДО в должности командира взвода, в звании техник-лейтенант. Командиром 34 ВДО был инженер-майор Голишников А.А.

2 мая 1945 г. отряд передислоцировался в Берлин, в зону, которая впоследствии отошла американцам, и приступил к демонтажу заводского оборудования — предприятия, которое изготавливало самолеты (алюминий-верке). После демонтажа и вывоза наиболее ценного оборудования в нашу зону взвод перебазировался в бараки, расположенные в районе Алерсгоф города Берлина.

Началась подготовка к демобилизации и отправке домой солдатского состава старших возрастов и вольнонаемных.

В конце октября 1945 г. 34 ВДО был погружен в теплушки железнодорожного состава по узкой колее и двинулся из Берлина по территории Польши до станции Лунинец на территории Белоруссии. После перегрузки состава на широкую колею 20 ноября 1945 г. состав двинулся в сторону юга страны с длительными остановками на станциях Владикавказ — Сухуми — Гудаута. В середине декабря 1945 г. состав разгрузился в городе Гудаута Абхазской АССР.

Здесь я начал оформлять документы на демобилизацию. Оформление документов задержалось в связи с тем, что я был агитатором на выборах в Верховный Совет СССР, назначенные на 26 февраля 1946 г.

25 марта 1946 г. с пакетом документов на демобилизацию я выехал из Гудаут и прибыл в Москву 27 марта. Документы я передал в отдел кадров Главного Дорожного Управления КА на ул. Горького. 5 апреля 1946 г. я был демобилизован и получил все документы, пособия и награды.

10 мая 1946г. я был зачислен студентом 2-го курса Московского строительного института и получил стипендию и продовольственные карточки.

Награжден:.

Орден Красной Звезды №2047227. Приказ по войскам фронта от 9 февраля 1945г. №435-ый, подписанный военным советом. Орден вручен в Москве 31 июля 1946 г.

Отечественной войны (второй степени) №3012923. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11.03.1985 г.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941—1945 гг.». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9.05.1945 г. Медаль вручил 5.04.1946 г. начальник отдела кадров ГДУ КА полковник Блинов.

Медаль «За освобождение Варшавы» А №020071. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9.06.1945 г. Медаль вручил 5.04.1946 г. начальник отдела кадров ГДУ КА полковник Блинов.

Медаль «За взятие Берлина» АБ №429293. Медаль вручил начальник Фрунзенского военкомата г. Москвы полковник Дымов 5 ноября 1980 г.

О родственниках:

В 1942 г. погибли все близкие родные, родственники, которые проживали на территории Белоруссии. Всего 20 человек, включая родителей и младших детей.

В живых остались семья тети, которая проживала в Москве, и семья дяди, которая проживала в городе Калинин.

Собственных публикаций не имею.

Вспоминать о военных событиях через 60 лет после окончания войны очень сложное мероприятие. Это следовало делать на 30-40 лет раньше. Контингент солдат военно-дорожных отрядов составляли люди старших возрастов, после раненные на фронте, слабые здоровьем. В условиях весенней и осенней распутицы, зимних снегопадов, российских дорог, которые были нашпигованы минами и другими взрывными устройствами, солдаты проявили трудовой и военный героизм и мужество, чтобы в любых погодных условиях обеспечить доставку на фронт людей, технику, боеприпасы и продовольствие.

Собирая воспоминания участников ВОВ, следует проанализировать, как сложилась их жизнь после войны, что они сделали для восстановления, подъема страны.

После демобилизации, 5 апреля 1946 г., я продолжил учебу в строительном институте, которую прервал в связи с войной. В 1951 г. я закончил учебу. Одновременно с учебой я начал работать проектировщиком по проектированию спортивных, зрелищных и других общественных зданий. Непрерывный стаж с 1949 по 2001 г. За 50 с лишним лет я принял участие в проектировании и строительстве многих сооружений, в том числе:

Университет им. Ломоносова в Москве, Дворец Культуры в Варшаве, Стадион им. Ленина в Лужниках, Дворец Съездов в Кремле, спецполиклиника на Мичуринском проспекте в Москве, санаторный комплекс Ай-Даниль в Ялте, Мемориальный памятник на Мамаевом кургане в Волгограде, спортивные дворцы в Архангельске, Калинин и много других жилых и общественных зданий.

Работа отмечалась правительственными наградами, почетными грамотами и премиями, в том числе:

«Серебряный крест возрождения Польши» — в 1955 г. за проектирование и строительство Дворца культуры в Варшаве;

Орден Трудового Красного Знамени №376707 в 1962 г. — за проектирование и строительство Дворца Съездов в Кремле;

Премии Совета Министров СССР №4184 за 1976 г. за разработку проекта и строительство санатория Ай-Даниль и №9579 за 1981 г. за разработку проекта и строительство медицинского комплекса на Мичуринском проспекте в Москве;

Указом Президента Российской Федерации от 16.03.1999 г. мне присвоено почетное звание «Заслуженный строитель Российской Федерации», удостоверение З №83881.

Кроме правительственных наград моя послевоенная трудовая деятельность отмечена 5-ю медалями ВДНХ, почетными грамотами облисполкомов Архангельска и Волгограда. За эти годы опубликованы свыше 50 статей в советской и зарубежной печати по вопросу строительства сооружений с большепролетными конструкциями из клееной древесины, конструктивные решения защищены 12 авторскими свидетельствами.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Чуфринов Виктор Николаевич**, курсант 2-го курса кафедры военного обучения МАТИ — РГТУ им. К. Э. Циолковского.

**Иванникова
Анна
Алексеевна**

ВОЙНА МНЕ ДО СИХ ПОР СНИТСЯ

Родилась 27 декабря 1921 г. Липецкая обл., Лебедянский р-н, дер. Медведево. Русская. Православная. Партийная.

До войны окончила: в 1940 г. школу (10 классов), в 1940 г. курс шоферов.

Узнала о начале войны: 22 июня 1941г. г. Москва. При подготовке к параду физкультурников. Работала шофером на грузовых и легковых машинах, состояла в добровольном спортивном обществе «Крылья Советов» (плавание, конькобежный спорт).

Начинала участвовать в боевых действиях: Призвана на фронт по комсомольской путевке. Апрель 1942 г. Под Тулой. Отправилась на фронт в первых числах мая. Рядовая в составе в составе 138-го полка связи 3-ей танковой армии в должности ефрейтора. Под командованием подполковника Таланина Ивана Александровича, находившегося на воинской должности командира полка, а позже под командованием полковника Пардо Павла Павловича.

Боевой путь проходила через города Козельск и Сухиничи. Острогожская-Россоманская операция — по железной дороге вдоль линии фронта в направлении Сталинграда, в район Кантемировки, затем двинулись в Харьковском направлении (ноябрь

1942 г.). Орловско-Курская дуга (июль 1943 г.). Форсирование Днепра в районе города Букрина (после переправы, по причине труднодоступности перехода для танков, перебравшись обратно и уже потом пересекли Днепр в районе города Лютенса по пантону) (сентябрь 1943 г.). Предместье Киева дер. Святошино (7 ноября праздновали 26-ю годовщину Великой Октябрьской Революции уже в Киеве) (5 ноября 1943 г.). Фастовская операция (г. Фастов) (19 ноября 1943 г.). Житомир — Шепетовка (декабрь 1943 г.). Проскуров (4 марта 1944 г.). города Львов, Перемышль, Сандомир (Сандомирский плацдарм) (июль 1944 г.). Река Висла (переход армии в резерв на несколько месяцев) (июль 1944 г.). Город Ланцут (Польша) (конец 1944 г.) — Москва (демобилизация).

Военные действия закончила: город Ланцут (Польша), конец 1944 г. В составе 138-го полка связи 3-й танковой армии в звании рядовой, в должности ефрейтора, под командованием полковника Пардо Павла Павловича, находившегося на воинской должности командира полка.

Возвращалась с войны через: город Ланцут (конец 1944 г.), Жмеринку, Киев, Москву (в течение 10 дней).

Демобилизовалась: Москва, октябрь 1944 г. Демобилизовалась по семейным обстоятельствам. В ноябре 1946 г. поступила работать в военный госпиталь на должность сестры-хозяйки. В 50-е годы окончила медицинское училище и стала работать на должности медицинской сестры приемного отделения. С 1954 г. — старшая медицинская сестра приемного отделения. 55 лет проработала в госпитале — получила орден «Знак Почета», заслуженный работник здравоохранения РСФСР.

Особенно запомнившийся эпизод войны:

«Врач полка»

Дело происходило на Сандомирском плацдарме. Во время переправы через реку Вислу была смертельно ранена врач нашего полка Ольга Петичинская из Одессы.

В августе 1944 года стояла страшная жара. При переправе через реку по мосту проехала сначала машина, которую вела я, а за нами следовала санитарная машина, в которой находилась Ольга. Когда она переезжала через мост, ее машину начали обстреливать с воздуха. Ольга, видимо, испугалась и выбралась из машины, побежав прочь по прибрежному песку. Когда самолет делал второй заход, пилот заметил бегущую Ольгу и открыл по ней огонь. Пули попали Ольге в спину, и она упала, раскинув в стороны руки. Пока самолет разворачивался, мы успели вынести ее тело в лес рядом с берегом и там же захоронили.

Спустя 4 дня и когда стихли бои, по распоряжению командования ее решили перезахоронить, сделав для этого самодельный гроб. В тот же вечер ее отвезли в село Колодиевка, Тернопольской области.

Когда война закончилась, ее родители, жившие в Одессе, решили переехать в это село, чтобы быть поближе к могиле дочери. Мать ее, Ефросия Ивановна была учителем литературы. Через 13 лет, после смерти отца, мать покойной Ольги осталась одна.

На могиле Ольги ее мама поставила красивый памятник. Но однажды, придя на могилу своей дочери, она обнаружила, что памятник разбит. Она была потрясена таким вандализмом и решила уехать жить в Тернополь. Поскольку Ольга воевала в этих местах, ее матери предоставили квартиру в новом районе Дружба на 1-м этаже. Военный комиссариат города помог ей перевезти останки ее дочери на кладбище в Тернополь. Останки Ольги в третий раз перезахоронили в центре кладбища. Памятник тоже восстановили, но след его разлома все же остался виден.

В 1975 году я посетила Е.И. Петичинскую. Мы вместе с ней возложили цветы на могилу Ольги. Жила я у нее 3 дня. Я купалась в реке, которая протекает в районе “Дружба”.

С тех пор ее ученики ей очень помогают: ходят в магазин за продуктами и каждый год в день Победы возлагают цветы на могилу ее дорогой и горячо любимой дочери Оли.

Награждена:

- Орден Отечественной войны II степени, выдан военкоматом.
- Медаль «За боевые заслуги». 1943 г. Выдана командованием полка — начальником связи армии полковником Борисовым.

- Медаль «За освобождение Украины».

- Юбилейные медали

Освобождала:

1). Январь 1943 г.:

— город Жирин.

— город Россом.

— населенный пункт Ольховатка.

— нас. пункт Алексеевка.

2). Февраль — март 1943 г.:

— город Харьков (в Харьковской наступательной операции армия освободила тысячи населенных пунктов).

— город Полтава.

— город Красноград.

В течение трех месяцев армия пополняла запасы техники и живой силы.

3). Июнь 1943 г.:

— Орловско-Курская дуга.

— город Орел и другие населенные пункты.

4). Ноябрь 1943 г.:

— Киев.

— Ростов.

5). Декабрь 1943 г.:

— Житомир.

— Шепетовка.

6). 5 января 1944 г. — город Бердичев.

7). 4 марта 1944 г. — город Проскуров.

8). Май 1944 г. — город Тернополь.

9). Июль 1944 г.:

— город Львов.

— город Перемышль.

— город Сандомир.

10). Июль — август 1944 г. — населенные пункты в Польше на Висле.

Серьезных ранений не было.

В войне погибли родственники:

Младший брат. Пропал без вести, рядовой.

Старший брат. Получил тяжелое ранение в ногу, умер от ран, рядовой.

Отец. Погиб в 1941 г.

Остались живы родственники:

Сестра — работала санитарным инструктором в стрелковом полку. Умерла в 1992 г. от болезни.

Мать. Умерла в 1971 г.

Собственные опубликованные произведения ветерана: Нет.

Собственные неопубликованные произведения ветерана: Нет.

Другие публикации о ветеране: Нет.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Федоров Евгений Андреевич**, студент 1-го курса Московского авиационного института(

**Иванов
Юрий
Сергеевич**

В КОНЦЕ АПРЕЛЯ 45-ГО

Типичный жизненный путь ровесника Великого Октября.

Я родился 7 марта 1918 года в городе Новозыбков Брянской области. Русский. Атеист. Член партии ВКП(б) с ноября 1941 года.

В 1932 году закончил фабрично-заводскую семилетку в городе Новозыбкове. Затем закончил рабочий факультет и с 1936 по 1937 год прошел высшую войсковую подготовку по специальности летчик-наблюдатель.

В боевых действиях начал участвовать по призыву под Сталинградом в звании младшего лейтенанта. Место формирования соединения — город Гороховец.

Будучи мобилизован, должен был явиться, согласно мобилизационному листку, на второй день мобилизации на аэродром в городе Люберцы 24 июня 1941 года в 8 часов утра. Уже в 12 часов дня я стоял в строю в обмундировании. Накануне в Ригу вылетел бомбардировочный полк, а оставшиеся самолеты были истребители. Поэтому я был направлен обратно в военкомат. 10 июля отдел кадров направил меня в 655 батальон аэродромного обслуживания в город Сасово в Рязанской области. Затем служил в Рязани в 70-м районе авиационного базирования, начальником мастерских связи. В ноябре 1941 года было получено сообщение о том, что в Михайлов и Сасово вошли немцы. Меня посылают выяс-

нить, как далеко находятся немцы. Я взял людей и на машине выехал по направлению к городу Михайлов. Когда показалась деревня, я оставил машину на дороге, взял сопровождающего и пошел через поле к крайнему дому выяснить, есть ли немцы в поселке. Там их не оказалось. Так мы объехали 3-4 населенных пункта, пока нам не сказали, что в центре села находятся немецкие мотоциклы. Когда мы стали возвращаться, обратно на место базирования, то были обстреляны немецким дозором. Через три дня наша часть была отправлена в Казань. В декабре после боев под Москвой и отхода немцев наша часть вернулась в Рязань. Затем я служил в городе Дзержинске в запасном саперном батальоне, а потом служил командиром радио взвода в 46-м запасном батальоне связи в городе Горьком. Там занимался стрелковой подготовкой и материальной частью с молодежью, проходящей двухмесячную программу радиста. Летом 1942 года обученных радистов отправляли в Сталинград. Среди поступающих новобранцев оказался бывший сотрудник Физического института имени Лебедева АН СССР (ФИАН) Копыловский Б., в котором я сам мечтал работать. Я помог новобранцу устроиться в мастерские. После третьего рапорта я добился направления в действующую армию в город Ворсма под Горьким. Там я стал радиотехником в роте управления 51-й механизированной бригады и вызвал из Горького Бориса Копыловского, с которым прослужил до конца войны в 5-м гвардейском Зимовниковском механизированном корпусе. Он принимал участие в боях под Сталинградом, в танковом сражении под Прохоровкой, на правом берегу Украины, а также в боях за Берлин и Прагу. Бориса Копыловского направили служить в Туркменистан в город Мары, где он демобилизовался и вернулся работать в ФИАН. После увольнения в запас в феврале 1946 года я тоже поступил работать в ФИАН, где проработал ровно 50 лет, с 20 февраля 1946 года по 20 февраля 1996 года.

Я окончил физико-математический факультет Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина в 1950 году.

Боевых орденов два: Красной звезды и Великой Отечественной войны, а также медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги». Кроме того, юбилейный орден Великой Отечественной войны II степени, медаль «В ознаменование 100-летия Ленина» и другие юбилейные.

На войне погиб брат. Это было в 1944 году под городом Нарва.

Я предоставляю эпизод одного из последних дней Великой Отечественной войны. Ниже приведен текст этого эпизода.

Конец апреля 1945 года; небольшой населенный пункт в 30-40 километрах юго-восточнее Берлина. Нас сравнительно немного — примерно 400 человек, две самоходных пушки 76 мм, два бронетранспортера с крупнокалиберными пулеметами, полдесятка броневики с пулеметами, сотня трофейных фаустпатронов и, самое главное, дивизион «РС», то есть 8 «катюш» с 16 снарядами на каждую.

В это время в окрестностях Берлина скрывались в лесах множество немецких солдат из разгромленных ими потерпевших управление частей и соединений фашистской армии. Разведка установила, что по личному приказу Гитлера из этих солдат формируются крупные ударные группы с задачей прорыва в Берлин на помощь берлинскому гарнизону. Нашей задачей было не пропустить фашистов через отведенный для нас участок.

4 часа утра 1 мая 1945 года. Из леса, что примерно в километре на восток от «нашего» населенного пункта, пошли в атаку на нас более 5000 гитлеровских солдат. Попытка отбить эту атаку успехом не увенчалась, и по приказу командования мы оставили этот населенный пункт. Но это был не «драп», а маневр. Дело в том, что дивизион «Катюш» не сумел дать залп по наступающим немцам, так как их минимальная дистанция стрельбы 600 метров. Поэтому мы сдерживали атаку фашистов лишь до тех пор, пока «Катюши» не ушли к новой огневой позиции. Сам процесс «оставления населенного пункта» под огнем противника не обошелся без потерь, так как фашисты зашли с фланга и обстреливали из пулеметов участок шоссе, по которому мы вынуждены были отходить.

Нашим преимуществом были автомашины, тогда как у немцев их не было.

«Катюши» дали залп лишь тогда, когда мы оторвались от наступающих немцев на 2-3 километра. Фашисты двигались рассредоточенно, и поэтому потери батальона у них были невелики. Однако морально они были подавлены, тем более, что наступила реакция после принятого перед атакой шнапса. Они вернулись в «свой» лес, а мы — в «свой» населенный пункт.

Но все это пока еще не тот эпизод, о котором мне хотелось рассказать; это только фон эпизода. Сам эпизод можно изложить очень коротко.

Вечером 1 мая 1945 года, часов в 6 или 7, переводчик разведотдела лейтенант П. Т. Спиченко по собственной инициативе поехал один на мотоцикле к фашистам в лес. Через пару часов он возвратился в сопровождении 600 гитлеровских солдат и офицеров, сдавшихся ему в плен. Конечно, можно сказать, что это были последние дни войны, что фашисты были деморализованы и т. д. и т. п. Но тем не менее, для такого поступка необходимо незаурядное мужество. Именно потому, что день Победы должен был наступить буквально на днях, жить хотелось во что бы то ни стало! А ведь его, Павлика Спиченко никто не посылал к этим немцам. Он сам пошел. Чем он руководствовался — не знаю. Он очень скупно рассказывал об этом. Он не считал это подвигом. Я думаю, что он, будучи человеком с широкой и прямой душой, верил в людей, верил даже в тех немцев.

Этот эпизод имеет и продолжение: на другой день — 2 мая 1945 года, начальник разведотдела подполковник А. А. Богомаз (непосредственный начальник П. Т. Спиченко) на бронетранспортере, в сопровождении нескольких мотоциклов с пулеметами на колясках и одного бронеавтомобиля, поехал в тот же лес. Предварительно на опушке был укреплен белый флаг, к которому должны были собираться немцы, желающие сдаваться в плен. И они собрались — несколько сотен человек. Все с оружием. Подполковник А. А. Богомаз, стоя в бронетранспортере, обратился к ним с речью (по-немецки он говорил хорошо). И вдруг раздались практически одновременно два выстрела, первым был смертельно ранен подполковник А. А. Богомаз, а вторым был убит стрелявший в него фанатик-фашист.

Фашиста убил стоявший с ним рядом немец. Естественно, наши солдаты сразу открыли огонь. Гитлеровцы разбежались по лесу, оставив несколько десятков человек убитыми и ранеными. Подполковник А. А. Богомаз через 2 часа, не приходя в сознание, умер. Павел Тимофеевич Спиченко, 1920 года рождения, украинец, перед войной окончил 2 курса института иностранных языков в каком-то областном украинском городе. Когда началась война, его «пропустили» через трехмесячные курсы переводчиков и отправили на фронт. После войны он несколько лет служил старшим переводчиком в штабе генерала Соколовского

в Берлине. Вернувшись на Родину, служил в военкомате города Таганрога. Заочно окончил Военно-юридическую академию. Может быть, и теперь служит в Таганроге, а может быть, уже ушел в отставку и занимается цветами и садом.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Бурлаков Максим Алексеевич**, студент 3-го курса Московского авиационного института.

**Игнатов
Иван
Иванович**

ПОД СТАЛИНГРАДОМ

1. Я родился 21 июля 1916 года в с. Старо-Юрьево Тамбовской области. Национальность — русский, православный, состоял в ВЛКСМ с 1931 по 1942/43 г., с 1942/43 г. состоял в рядах КПСС до июня 1990 года. В настоящее время ни в каких партиях не состою. До войны в 1934 году окончил школу ФЗУ пищевой промышленности, в 1935 году - курсы нормировщиков по холодной обработке металлов. В 1938 году окончил учебный отряд подводного плавания им. С.М.Кирова в Ленинграде. В 1944 году спецкурсы усовершенствования офицерского состава Красной Армии. В 1942 году в Сталинграде, на фронте присвоено воинское звание младший лейтенант. В мае 1955 года окончил заочно Военно-воздушную академию им. Гагарина. В 1966 году окончил заочно Киевский институт инженеров гражданской авиации.

Узнал о начале войны в Москве 22 июня 1941 года, по радио, работая техником-нормировщиком на Владыкинском машиностроительном заводе г. Москвы. 20 июня 1941 года по мобилизации (я был уволен по болезни с подводного флота КБФ 3 ноября 1939 г.) и направлен на Тихоокеанский флот в г. Владивосток. В августе 1942 года добровольно в составе 3500 моряков ТОФ был направлен в г. Красноуфимск на пополнение 284-й стрелко-

вой сибирской дивизии, которая вышла из окружения под Кас-торной, Воронежем. Дивизия на утро стала грузиться в эшелон, с которым прибыли моряки ТОФа. Первым был погружен 1045 стрелковый полк (я был в роте автоматчиков, вечером нам передали оружие от состава, который был раньше в дивизии. Спешно проходило движение состава, мы в вагонах изучали оружие и теоретическое ведение боя.

20 сентября 1942 года в составе роты автоматчиков уничтожал прорвавшуюся группу немецких войск в районе Метизового завода и Мамаева Кургана. 23 сентября 1942 г. в этом же районе в составе полка участвовал в контратаке. Дивизия не сдала ни одного метра Мамаева Кургана.

В связи с тем, что чистой питьевой воды не было, пили воду из Волги (с нефтью) или из ручейка Банного оврага, из-за этого многие болели дизентерией (даже не помогало лекарство). Меня отправили в медсанбат на левый берег Волги, об отправке дальше в госпиталь я отказался, и собирался вернуться в свою часть, но переправиться через Волгу не было возможности из-за непрохождения бронекатеров (уже началась шуга). Поэтому мне пришлось перебираться с шестом по скоплению льдин.

Потом меня назначили пом. нач. штаба 1045сп, а командующий 62-й армией генерал-лейтенант В.И. Чуйков присвоил мне воинское звание младший лейтенант. Там, на Мамаевом кургане, я вступил в кандидаты КПСС, а в степях Украины — в члены партии.

Был под командованием командиров полков:

- майора Гомерова;
- подполковника Тимошек;
- майора Михайлова и подполковника Шейкина;
- комиссаров полка: майоров Соловьева и Потанина;
- начальников штабов: ст. лейтенанта М. Пономарева и майора М. Черепанова.

После Сталинграда вся 62-я гвардейская армия была перебросена в район Купенска. Началась переправа реки Северный Донец. Наша дивизия переправлялась с боями в районе Святогорского монастыря, поселок Пришиб, там стоит памятник революционеру Артему (Сергееву). Бои были тяжелые, особенно за село Богородничное и Голую Долину. У памятника Артема мы похоронили: командира дивизии Н.Ф. Батюка (умершего от напряжения сердца), замкомандира дивизии по политчасти пол-

ковника Маслова и артиллериста, Героя Советского Союза ст. лейтенанта Шуклина.

После (дважды) форсирования Северного Донца пошли наши части (28гвск, 79гвсд, 39гвсд и 88гвсд) на запад. Прибыл новый командир дивизии, в село Богородничное, полковник Леонид Вагин. Начались мощные наступления 62-8 гв. армии в направлении: Славянск, Барбенково, Николаевка, Запорожье, Апостолово, Широкое, Ново-Юрьевка, Новый Буг и Новая Одесса.

После форсирования реки Южный Буг была прямая дорога на Одессу, оставляя позади реки: Ингул и Ингулец и 10 апреля была освобождена Одесса. После Апостолова прибыл новый командир полка М.Шейкин. 15 апреля 1944 г. дивизия должна была форсировать Днестровский Лиман. Мы были самой южной точкой наступления наших войск. Впереди — гладь Днестровского лимана, слева Черное море, а на правом берегу г. Аккерман. Левый берег Лимана с правым соединял длинный железнодорожный мост.

23—24 апреля 1944 года я был отозван на учебу на спецкурсы (СКУОСКА) в звании старшего лейтенанта. Проучившись на курсах до 1 января 1945 года был в резерве, и в середине января с группой офицеров, убыл на 1-й Украинский фронт. Со штаба фронта нас всех распределили к соединениям. Я был направлен в штаб 3-й гвардейской армии, а потом в штаб дивизии генерала Понкратова (там были ранены два офицера). Продолжались наступательные бои на Берлинском направлении.

При переезде штаба дивизии на запад машина комдива Панкратова была подорвана на заложенном (управляемом на расстоянии с жилого дома) фугасе. Машина была вся искорежена. В ней находились: генерал-майор Панкратов, адъютант, шофер, ординарец. За машиной комдива следовала машина зам. по политчасти. Наша оперативная машина шла четвертой. От взрыва фугаса радиатор был отброшен к нашей машине. Из четырех человек нашли только ногу генерала, его маузер и планшет с картой. Карту волной смяло в гармошку. Собрали все остатки в один гроб и отправили с охраной в г. Новоград-Волынский, где формировалась эта дивизия.

Прибыл из Москвы новый командир дивизии генерал-майор Рыжков, с которым дивизия участвовала в Берлинской операции, в составе 3 гв. армии генерала Гордова. Дивизия после Бер-

линской операции была направлена на Прагу (Чехословакия). Какой был замечательный генерал Панкратов.

В мае в Праге была расформирована 3-я гвардейская армия генерал-полковника Гордова, том числе и наша дивизия. Некоторое время я был в резерве фронта, а потом был назначен офицером отделения штаба Дрезденского гвардейского стрелкового корпуса генерала Г.В. Бакланова. Из этого корпуса я был еще раз направлен по замене в отдел штаба Бранденбургского стрелкового корпуса.

Участвовал в Сталинградской битве (Мамаев курган, высота 102.0), в освобождении: поселка Пришиб, Святогорский монастырь, село Богородичное, Голая Долина, Славяногорск, Натальевка, Запорожье, Новый Буг, Малеевка, реки Ингул и Ингулец, Днестровский Лиман и другие населенные пункты, в полосе наступления наших войск, даты их освобождения никто никогда не запоминал. Было это в составе 1045/220 гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской Запорожской стрелковой дивизии 62-й гвардейской армии.

Войну закончил 10 мая 1945г. в г. Прага (Чехословакия — казармы на Пражском аэродроме) в дивизии генерал-майора Рыжкова, в которой участвовал в Берлинской и Пражской операциях в воинской должности офицер отделения штаба дивизии.

Был ранен 13 марта 1944 г. в районе Ново-Полтавка (Украина) при отражении, выходящей из окружения немецкой группировки войск, но с поля боя не уходил, участвовал в отражении четырех контратак.

Потом находился на излечении в медсанбате (касательное ранение в плечо и ключицу). По возвращении в полк, был направлен и откомандирован на учебу. Демобилизовался 1 августа 1959г. по болезни по ст. 59-б в звании подполковник с правом ношения формы одежды (поселок Тикси, Якутская АССР).

С войны возвращался в составе войск Дрезденского гвардейского корпуса генерал-майора Г. В. Бакланова из г. Табор (Чехословакия) в г. Урфар (Линц) Австрия, потом в Старо-Константинов (Украина). В Австрии корпус охранял границы по восточному берегу Дуная.

После службы в Советской Армии работал инженером, затем замначальника отдела опытного производства самолетов «Ил», где проработал 30 лет и 4 месяца (с февраля 1960 г. по июнь 1990 г.).

В войне из родственников никто не погиб. Погиб двоюродный брат Андрей в финскую кампанию. Старший мой брат Федор участвовал в боях в составе Панфиловской дивизии, начинал под Москвой и далее. Умер после войны в Ленинграде. Со своей женой Ниной Васильевной прожил 62 года, 15.02.2002 г. она умерла. Имею дочь, сына, внучку, трех внуков и две правнучки. Уволен с работы по возрасту в 1990 г., мне было 74 года. Я уже тогда был инвалид ВОВ. Собственных публикаций не имею.

II. Был награжден:

- 1) медалью «За оборону Сталинграда» уд № А-07161 16.03.43г.;
- 2) медалью «За отвагу» (за оборону Сталинграда) №144096 удост. № Б-190148;
- 3) медалью «За отвагу» (за освобождение Запорожья) № 566912 уд. № Б-190148;
- 4) орденом Отечественной войны II ст. (за бой под Ново-Полтавкой) уд. № Б-190148, орден 267887;
- 5) орденом «Знак Почета» (за освоение новой техники «Ил-86») уд. № И-402858 знак 1414831;
- 6) орденом Отечественной войны I ст. уд. № А-4533655 знак 514127;
- 7) медалью «За боевые заслуги» б/н уд. № Б-190148;
- 8) орденом Красной Звезды, знак № 3316396 уд. Б-190148;
- 9) медалью «За трудовое отличие» (за освоение новой техники) уд. № И-041221 о 23.12.76 г.;
- 10) медалью «За победу над Германией» уд. № Д-0171624; медалью «За взятие Берлина» уд. № 201614; медалью «За освобождение Праги» уд. № А-006738;
- 11) медалью «За безупречную службу в ВС» — приказ МО № 888 от 15.10.59г.;
- 12) медалью «50 лет Победы в ВОВ» уд. № Т-14221601;
- 13) медалью Жукова уд. № Г-0906028 от 19.02.96г.;
- 14) медалью «850-летие Москвы» уд. Б № 0976280 ук. 26.02.97г.;
- 15) медалью «Ветеран труда» уд. От 03.05.1977г.;
- 16 Юбилейные медали: «20 лет Победы в ВОВ», «30 лет Победы в ВОВ», «40 лет Победы в ВОВ», «XXX лет Советской армии и флота», «40 лет ВС», «50 лет ВС», «60 лет ВС», «70 лет ВС».

Юбилейные знаки: «25 лет Победы в ВОВ»; «Отличник соцсоревнования отрасли», «Победитель соцсоревнования 1974, 1977, 1978 гг.», «Ветеран-подводник», «Ветеран 62А»; «Ветеран 62-8 гв.А.»; «Ветеран ТОФа»; «Ветеран 79 гвсд.»; Ветеран 2АКДон «За мужество и любовь к отечеству 1941-1945 г. с барельефом маршала Жукова»; юбилейный знак 50 лет Сталинградской битвы.

Воспоминания о войне

Самые тяжелые бои: это бой на Мамаевом кургане Сталинграда с 20 сентября 1942 года по 2 февраля 1943 года, при форсировании р. Северный Донец в районе поселка Пришиб, село Богородничное, Голая Долина; во время уничтожения прорвавшихся немецких войск в районе Ново-Полтавска (когда меня ранило), а в Сталинграде штаб полка два раза завалило в блиндажах от ежедневных бомбежек немецких самолетов. Офицерский состав в двух дивизиях, в которых участвовал, особенно в первой, сибирской был очень дружный, выделить кого-нибудь трудно, так как у всех было одно желание «Победить». Перечислить по фамилиям очень трудно — их масса. Во второй дивизии я пробыл мало времени с середины февраля по 10 мая 1945 года, уже война была другая — скоро окончательная Победа.

Вспоминаю первый бой 20 сентября 1942 г., когда немецкие автоматчики прорывались к Волге между южным скатом Мамаева Кургана и метизового завода. Нашу роту автоматчиков подняли по тревоге, мы были в районе Банного оврага, шли по берегу Волги и нас бомбили немецкие пикирующие бомбардировщики напалмом, но мы дошли до встречи с немцами. Началась встречная атака — матросы ТОФа (собранные в спешном порядке во Владивостоке) и немецкие автоматчики. Первый бой наших матросов — шквал огня с двух сторон. Человек, который выдержал первый такой бой, уже смотрит по другому на свою жизнь, другими глазами.

Второй случай: это было уже, кажется, 23 сентября 1942 г., когда в этом же районе опять начали немцы прорывать нашу оборону. Меня с собой взял командир полка майор Гомеров и повел наших солдат в контратаку (немцы немного потеснили наши подразделения), и тут начался встречный бой. Раньше бы-

ла даже заявка на залп «катюш», но она запоздала и ударила и по немцам и нашим подразделениям. После боя, я увидел трупы немцев и наших солдат, и они показались мне какими-то желтыми. Пленный немец сказал: «Бум, Бум, Стальорган», да это была действительно симфония, хотя мы и попали в нее.

Третий случай. После взятия поселка Голая Долина (сады) наш полк продвинулся километров на 8-10 вперед на Запад. Штаб полка располагался на опушке леса метров 300-400 от переднего края. Были вырыты два блиндажа, а третий только рыли котлован. Для дальнейшего продвижения вперед, в лес прибыла танковая часть, сколько их было, мы не знали. Прибыли они вечером. Наутро, в 8 часов утра начался мощный налет немецкой авиации по этому лесу и по нашему штабу. Я первый раз за всю войну видел звездный налет немецких самолетов, когда группа по 20-30 самолетов летела с севера, потом с запада, востока и юга. Так продолжалось часа четыре. Кончилась бомбежка, а в блиндаже собралось много народа: офицеры штаба, связисты, радисты и солдаты саперы, которые рыли блиндажи. И после бомбежки инженер полка капитан Коля Александров лежит бледный и говорит: «Мне холодно», а это было в середине июля 1943 г. и было жарко. Дали ему выпить из фляги водки, не помогает, укрыли его всеми шинелями, не помогает. Оказалась, когда началась бомбежка, он не успел прыгнуть в наш блиндаж, а была вырыта одинокая щель, он туда и прыгнул, а потом следом за ним туда же юркнул его солдат-сапер, но полностью не попал в щель, а спина осталась наружи, и конечно, осколки от бомб смертельно ранили солдата, и он истекал кровью на своего начальника — инженера полка Колю Александрова. После бомбежки вытащили солдата и Колю. Коля трясся, его всего колотило. Старший врач полка Тамара Ивановна (прекрасный человек) направила Колю в медсанбат на лечение. После лечения Коля был совершенно другой. Расстались мы с ним в медсанбате после нашего совместного ранения в начале апреля 1945 г. Я убыл обратно в полк, а он поехал в госпиталь. Так больше я его не видел, хотя он тоже был москвич. За войну нам помогала очень сильно авиация: штурмовики Ил-2 и ночные бомбардировщики По-2.

В жизни моей: на фронте и в тылу до армии и после были только прекрасные, добрые и чуткие товарищи, беспредельно преданные Родине — России, не считались ни с какими трудно-

стями. Я видел одних тружеников и порядочных людей и бес-партийных и коммунистов и комсомольцев. А теперь я вижу обратное! Такова жизнь: жизнь большого кулака и мешка денег или золота.

Часто вспоминаю комиссара полка Павла Петровича Потанина (уроженца г. Пермь) прекрасного товарища — коммуниста, когда был в куче солдат и офицеров говорил: «Товарищи: вот победим немцев в Сталинграде, пойдем дальше на Запад до Берлина, закончится война, как мы будем жить хорошо!» Но этому не суждено было. 27 января 1943 г. при встрече с наступающими войсками Донского фронта он со знаменем полка в сопровождении офицеров и солдат на северо-восточных атаках Мамаева кургана был ранен осколком противопехотной мины (кто-то наступил на нее). Его ранило в живот (он страдал болезнью желудка), но не уходил с поля боя. Сделали ему операцию в передовом отряде медсанбата. Он после операции поднялся, конечно, это его погубило. На второй день он скончался. Похоронили его недалеко от блиндажей штаба полка, недалеко от командного пункта штаба 62-й армии. Погиб и командир полка подполковник Тимошек. После того как после бомбежки в отроге Банного оврага были откопаны все блиндажи, во время перехода Тимошека в санроту полка (она находилась на берегу Волги в районе Банного оврага) осколком от разрыва снаряда он был убит и ординарец-солдат тоже, а помощник начальника штаба ст. лейтенант Петр Пономарев и адъютант командира лейтенант Коля Сидоров (погиб на р. Южный Буг) остались живы. Погибла и фельдшер лейтенант м\с Надя, фамилию не помню. Ее похоронили на берегу Волги, а подполковника Тимошек похоронили на левом берегу Волги в поселке Бурковском. Но, когда строили Волжскую ГЭС, разливом воды могилы были смыты (так сказали его дети). С курсов «Выстрел» прибыл новый командир полка майор Д. Михайлов, очень способный, храбрый и добрый командир, пробыл в полку с боям до г. Апостолово, потом был переведен в 88-ю гв. стрелковую дивизию нашего 28 гск. Судьбу его не знаю.

После Сталинграда в степях Украины погибли: командир 1-го стрелкового батальона майор Николай Масолов (Голая Долина), под Запорожьем, село Натальевка — Иван Крушинский, в Сталинграде и был письмоносец и корреспондент дивизионной газеты, на реке Южный Буг: помначштаба ст. лейтенант Николай

Сидоров, помначштаба — начальник связи полка капитан Иван Куликов, тяжелораненый начартснабжения ст. лейтенант Миша Павловский.

Как мне жалко всех погибших дорогих мне товарищей. Только в трудную минуту человек узнает настоящую дружбу, боевое товарищество и честность.

Теперь опишу один забавный случай, который был после окончания войны в Сталинграде. Ехали мы из Владивостока на фронт в одном эшелоне везли два паровоза «ФД» и большой состав пульманских вагонов. Была остановка в Иркутске — прошли санобработку в бане (обслуживали санобработку женщины). Нас, моряков, прошло через этот самопропускник 3500 человек за короткое время. Потом питание (продпункты расположены на основных станциях. Вопрос питания на магистрали Владивосток — на запад был организован очень четко: подходит эшелон к станции, все сходили из вагонов, и тут же на огромных столах (по очереди) поставлены миски с пищей и хлебом — и опять в вагоны. Второй раз мне пришлось помыться только 23 февраля 1943 года в Сталинграде, спустя 5,5 месяцев. На берегу Волги в районе завода «Красный октябрь», где оборонялась 39 гв. сд генерал-майора Гурьева. Наши саперы нашли баню-блиндаж, в которой находилась большая бочка, наполненная водой. Подогрели эту воду и пригласили нас, офицеров, помыться в бане. (Наша дивизия после окончания войны дислоцировалась гарнизоном до 25 февраля 1943 г., а потом убыла в п. Ахтуба.) Намылились, а холодной воды не осталось. Смыть пену нечем. У нас был командир роты связи капитан Разуваев, веселый такой, говорит: «Я схожу за водой, если вы дадите мне поллитра водки». Мы согласились. Он взял два ведра в руки, голый побежал на Волгу к прорубе. А прорубь была далеко. В это время жители по этой же тропе возвращались с санками в город. И увидели — бежит им на встречу голый чудака! Капитан Разуваев набрал два ведра воды и бегом обратно к нам в баню. Обмылись от пены, пошли в штаб, пришлось дать ему пол-литра водки. Вот так закончилась наша война на Мамаевом кургане. Дальше — на запад. Девиз 62-й армии: «Ни шагу назад, стоять насмерть!» Мы это оправдали, да еще добавили: «Земли для нас за Волгой нет, умрем или отстоим Сталинград».

Можно привести мне много примеров, но и этого достаточно для моих воспоминаний.

Вечная память павшим моим друзьям и товарищам на фронте и умершим после войны: майору П.П. Потанину, подполковнику М.Н. Тимошеку, капитану Ивану Куликову, старшему лейтенанту Коле Сидорову, старшему лейтенанту Мише Павловскому, майору Николаю Масолову, Ивану Крушинскому. Вечная память всем матросам ТОФа солдатам и офицерам-сибирякам, умершим после войны в Москве: майору В.В. Графикову, полковнику В.З. Ткаченко, матросу ТОФа М.Г. Горожанину, майору С.И. Нехорошеву, майору М.Черепанову, умершему в Волгограде, майору м/с Т.И. Шмаковой (г. Курган), капитану В.И. Дедешину (г. Кемерово), майору Бакаеву (Кисловодск), нач. артиллерии Лютову (Курская область) и другим товарищам, с которыми мне пришлось пройти вместе от Мамаева кургана Сталинграда до Днепропетровского лимана, и всем боевым товарищам, не дошедших вместе до Берлина и Праги.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Марьин Иван Сергеевич**, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета.

**Измайлов
Владимир
Петрович**

ВСЕГДА В СТРОЮ, ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

Когда мне, курсанту 3-го курса факультета военного обучения Московского авиационного института, поручили сложную и ответственную задачу — помочь участнику Великой Отечественной войны подготовить свои воспоминания о войне, я сразу представил себе, насколько тяжело для пожилого человека будет вернуться, пусть мысленно, в ту часть своего прошлого, в которой основным стало преодоление лишений, ежедневное проявление мужества и стойкости лишь для одной цели — победы над агрессором любой ценой. Каково же было мое удивление, когда ветеран, несмотря на возраст, оказался не только мудрым, но и энергичным, спортивным, любящим жизнь человеком. То, что он поведал мне о своей жизни, лишь подтвердило верность первого впечатления. Вот его рассказ:

«Меня зовут Владимир Петрович Измайлов. Родился я 1 мая 1925 года в городе Стерлитамаке Башкирской АССР. По национальности я русский, вероисповедания не имею — нас воспитывали на других ценностях. Я состоял в компартии, в школе был комсоргом. В школе я познакомился с будущей женой — Кларой Ивановной, недавно мы справили золотую свадьбу.

О начале войны я узнал, будучи еще беззаботным, веселым школьником, в первый же день — 22 июня 1941 года. Я тогда

закончил 9-й класс. Были летние каникулы, мы с ребятами возвращались с купания и услышали эту страшную новость по радио. Последний год школьной жизни был омрачен войной.

В 1942-м я окончил среднюю школу и в феврале 1943-го был призван в армию. Меня направили в Оренбургское зенитно-пулеметное училище. Я стал комсоргом роты. В июле 1943-го из училища должны были направить на фронт два курсантских батальона, и я добровольно пошел в один из них.

В конце июля батальоны прибыли под Курск, где были включены в состав 70-й механизированной бригады 9-го механизированного корпуса 3-й гвардейской танковой армии Степного фронта. Меня назначили командиром пулеметного отделения и одновременно комсоргом роты. Я участвовал в контрнаступлении, в форсировании Днепра под Букриным (Букринский плацдарм).

Форсирование осуществлялось на подручных средствах, под артиллерийским огнем и бомбардировкой немцев. Было тяжело и страшно.

Завоеванный небольшой плацдарм мы в сложной обстановке удерживали несколько дней».

Мне удалось ознакомиться с содержанием боевой характеристики на Владимира Петровича, хранящейся в его личном деле. Там было написано следующее:

«За время пребывания в 70-й мехбригаде в пулеметной роте исполнял обязанности комсорга роты. Работу комсомольской организации в боевой обстановке поставил хорошо, проявил себя как чуткий и отзывчивый комсомольский вожак, пользуется авторитетом у бойцов. Во время боев на правом берегу Днепра своим личным примером вдохновлял бойцов на подвиг, в боях показал мужество и бесстрашие. Его пулеметный расчет под деревней Великий Букрин уничтожил станковый пулемет и расчет гитлеровцев».

Владимир Петрович продолжил свой рассказ:

«С октября 1943 г. до июля 1944 г. я учился в Брянском военно-политическом училище (в то время его перевели в г. Халтурин Кировской области). По окончании его мне было присвоено звание младшего лейтенанта. И снова фронт — в составе 1-го батальона 157-го стрелкового полка 294-й стрелковой дивизии 52-й армии 1-го Украинского фронта, где я был комсоргом.

Наш батальон участвовал в боях на Сандомирском плацдарме в конце 1944-го. Во время наступления в ходе Висло-Одерской операции (конец 1944 — начало 1945 гг.). 12 января 1945 г. почти двухчасовая артиллерийская и авиационная подготовка настолько деморализовала немцев, что когда после того, как вперед пошли танки и пехотинцы, сидевшие в окопах, встали в полный рост и бросились в атаку, немцы не смогли открыть огонь.

Потом было освобождение Польши (февраль — март 1945 г.) и Германия — логово врага. Мы форсировали Одер (март — апрель 1945 г.) в районе города Бреслау. В нем в тот момент находилась многочисленная группировка, которую необходимо было окружить, удержать и ликвидировать. В том случае, если бы она вышла из окружения, она ударила бы в тыл нашим силам, осаждавшим Берлин. Но задача была успешно выполнена.

Закончил войну я в мае 1945-го в Чехословакии, под Прагой в звании лейтенанта. Ранений не было, был лишь легко контужен под Бреслау.

В душе зрело желание надолго связать свою жизнь с армией. Когда я возвращался с войны, в немецком городе Бунцлау, где установлен памятник русскому полководцу Кутузову, состоялся парад войск дивизии.

Мы прошли через Польшу во Львов. Там 294-я дивизия вошла в состав 24-й Самаро-Ульяновской железной дивизии.

Из близких родственников никто не погиб, был тяжело ранен брат.

С 1945-го по 1948-й я — комсорг батальона, затем комсорг 7-го стрелкового полка. В 1948 г. поступил в Высший военно-педагогический институт имени М. И. Калинина в Ленинграде. После окончания в 1953 г. института стал преподавать историю в Артиллерийском зенитно-пулеметном училище в г. Оренбурге в качестве преподавателя, старшего преподавателя и в Высшем военно-политическом училище в г. Новосибирске в качестве начальника кафедры истории. Окончил адъюнктуру, защитил в 1967 г. кандидатскую диссертацию. В 1971 г. меня назначили на должность заместителя начальника кафедры истории Военно-политической академии имени В.И.Ленина, где я и работал до демобилизации по возрасту в 1985 г. Но я остался на кафедре в качестве профессора. В 1994 году академия была преобразована

в Военный университет. В нем на кафедре истории я тружусь и по сей день».

Награды Владимира Петровича:

— орден Великой Отечественной войны II степени № 282446, февраль 1945 г., командующий армией;

— орден Великой Отечественной войны I степени № 455972, 11 марта 1985 г., Президиум Верховного Совета СССР;

— орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени № 12519 — 30 апреля 1975 г., Президиум Верховного Совета СССР;

— медаль «За боевые заслуги» б/н, 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР;

— медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», б/н, 12 марта 1946 г. Президиум Верховного Совета СССР;

— медаль «За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР» II степени, б/н, 17 января 1959 г. Министр обороны СССР;

— медаль «За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР» I степени, б/н — 21 января 1963 г.;

— медаль Г. Жукова, б/н, 19 февраля 1996 г.

Кроме того, около 20 других медалей СССР, России и других государств (Украина, Болгария, Польша, Чехословакия).

В феврале 2002 года Измайлову В. П. Президентом РФ присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы РФ».

Опубликованные произведения ветерана:

Актуальные вопросы истории КПСС. Выпуски I, II, III (автор глав, один из ответственных редакторов, руководитель авторского коллектива).

История КПСС в вопросах и ответах. Выпуски 1, 2, 3 (автор статей, один из составителей).

Методика преподавания истории КПСС в вузах (автор глав, редактор, руководитель авторского коллектива).

Методические рекомендации по изучению истории (для слушателей ФЗО), (автор глав, руководитель авторского коллектива).

Актуальные проблемы истории советского общества (автор статьи, зам. руководителя авторского коллектива).

Проблемы Октябрьской революции в России: история, уроки, итоги.

От княжеских дружин до постоянного войска. Петр I — основатель регулярной армии и флота (в соавторстве)

Проблемы российского оружия (в соавторстве)

Создание и развитие регулярной армии (в соавторстве)

Источники Великой Победы

Главные уроки Великой Победы

Публикации о В.П.Измайлове:

Чернобаев А. А. Измайлов Владимир Петрович» / «Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Летопись. Саратов, 2002 г. Стр. 200 — 201;

Измайлов Владимир Петрович // Ведущие ученые Военного университета. Военный университет. Москва, 2001 г. Стр. 34 — 35;

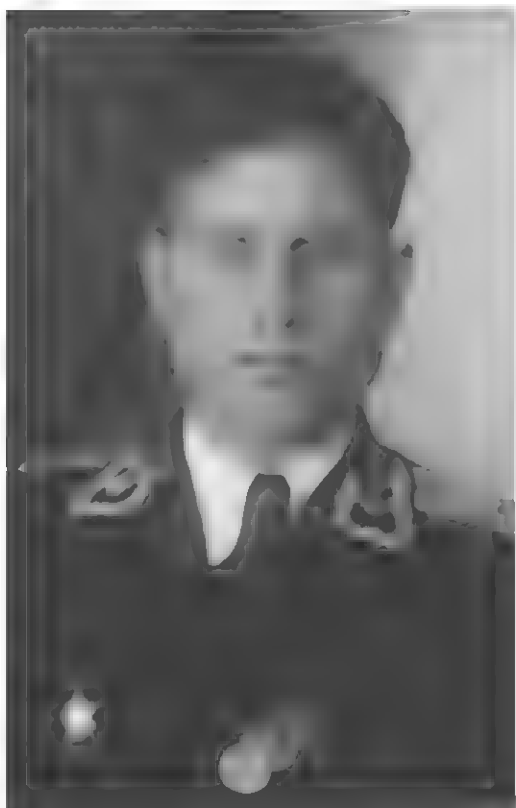
Пляскин С.Н. Всегда в строю // «Ленинец».

Козлов А. Из поколения победителей» // «Военное образование». №42. Октябрь 2002. Стр. 5;

Козлов А. Полпред поколения победителей // «Красный воин». №75. Октябрь 2002.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Нестеренко Владислав Валерьевич**, студент 3-го курса Московского авиационного института.

**Каменев
Федор
Алексеевич**

Я СЛУЖИЛ РАЗВЕДЧИКОМ ОТРЯДА

22 июня 1941 года ровно в четыре часа Киев бомбили, нас известили — так началась война. В то утро 22 июня 1941 года наша 64-я Смоленская дивизия находилась за городом Минском вблизи польской границы. В эту дивизию входил и 219-й гаубично-артиллерийский полк (ГАП), который стоял поблизости войск этой дивизии. Артиллерийские пушки передвигались на конной тяге.

Утром в четыре часа 1941 года фашистские войска Германии пошли в наступление на наше подразделение, начались боевые сражения. 219-й ГАП открыл огонь по немецким войскам. Сражение шло два дня, и после этого наша дивизия начала отступать в направлении к шоссе ближайших городов Минска, Пуховичи, Осиповичи и Могилев. Отступление шло с боями.

Германские фашистские войска были хорошо подготовлены к бою и быстро продвигались за нами. Им помогала германская авиация. Нам очень трудно было вступать в бой с ними, поэтому были большие потери красноармейцев, пехоты и гаубичной артиллерии. Отступали к Могилеву и Чаусы в течение трех дней и ночей. В результате мы вступили в Могилев и его оборонительные войска. Бой в Могилеве длился пять дней, от нашего ГАП

осталось несколько человек. Большинство были убиты и пленены. Место пленных было сосредоточено в городе Бобруйске. Остатки бойцов ГАП и других обороняющихся в Могилеве отходили на города Вязьму и Дорогобуш. В лесах Дорогобуша был сформирован партизанский отряд из тринадцати человек, под командованием бывшего учителя Дорогобуша Гришина Сергея Владимировича.

Гришин повел отряд по ночам лесами в Белоруссию. По распоряжению центрального штаба партизанского движения СССР, я находился в лесах Вязьмы в созданном отряде под руководством В. С. Демидова, который повел нас, тридцать человек, в белорусские леса. Я служил разведчиком отряда до конца 1941 года.

В мае 1942 года в белорусских лесах встретил своих сослуживцев 219-го ГАП, и затем мы перешли в «Гришинский» партизанский полк, где я был назначен начальником ветеринарной службы полка, который стал именоваться особым партизанским соединением «13», где я находился до 1944 года.

В 1944 году в июне около реки Березина наше подразделение, «соединение», встретилось с наступающими на немцев войсками Красной Армии. Соединение было направлено в город Смоленск для расформирования. Основная часть партизан соединения была направлена на руководящие посты Смоленска и области.

Тех, кто имел военное образование, в том числе и меня, окончившего до войны Ленинградское военной училище, направили в распоряжение штаба третьего Белорусского фронта по командованием генерала Черняховского.

Перед этим отправлением за боевые заслуги мне предоставили месячный отпуск. После отпуска на третьем Белорусском фронте я служил до конца войны. Участвовал в боях за город Кенигсберг.

После нашей победы в мае 1945 года меня отправили продолжать свою службу в город Могилев. Из Могилева меня направили продолжать свое военное образование в Подмоскowie, в Военную ветеринарную академию. После окончания академии в 1951 году я был направлен на Дальний Восток начальником школы служебного собаководства, по охране морской границы СССР.

В 1957 году уволен в запас по состоянию болезни жены в звании майора, по сокращению штата. После увольнения мы выехали в Москву к родственникам жены, где она была прописана. В запасе я, как член КПСС, работал в разных организациях по рекомендации Ногинского РК КПСС. На пенсию ушел в семьдесят лет.

До военной службы в 1936 году я окончил семь классов и педагогический техникум в городе Рененбурге, где я родился в 1917 году. Отец мой — герой русско-японской войны кавалер четырех Георгиевских крестов, старший брат Яков служил в штабе Дзержинского, а в Отечественную войну охранял советское правительство. Второй брат Иван (1904 года рождения, летчик-истребитель) и третий брат Сергей (1907 года, сапер) погибли на фронте.

За заслуги в участие в боевых действиях награжден тремя орденами и четырьмя боевыми медалями плюс медалями, изготовленными к Дню Победы, в том числе медалью города Смоленска и Белоруссии.

Родился я в городе Рененбурге недалеко от Мичуринска, русский, христианин, бывший член КПСС, в боях был ранен в область правой руки и ягодицы, контузия второй степени. Ранения вылечивались по месту службы, походных госпиталях, контузия излечилась в госпитале железнодорожных вагонов в течение четырнадцати дней. Контузия оставила следы и болезни левой стороны головы. Эту контузию в последующее мирное время диагностировал ВТЭК в третьем госпитале и поставили диагноз: инвалид войны второй степени.

Р.С. Фейгин Михаил был в нашем партизанском подразделении в возрасте двенадцати лет и занимался выпасом животных вблизи нашего партизанского соединения. После войны окончил среднее высшее учебное заведение и занимал руководящие посты в торговле. В 65 лет ушел на пенсию.

В настоящее время состою в Московском партизанском обществе и занимаю руководящий пост.

В 1945 году к Параду Победы мне лично доверили подготовить двух коней для выезда на парад нашим командующим Жукову и Рокоссовскому, которые лично меня поблагодарили и пожали руку.

После увольнения в запас Кировский военкомат присвоил мне воинское звание подполковник.

Живу и помню фронтовые дни и друзей фронтовиков, и партизан, которые давно ушли ...

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Языков Денис Андреевич**, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета.

**Карягин
Дмитрий
Иванович**

ЧЕТЫРЕЖДЫ ГОРЕВШИЙ В ТАНКЕ

Я родился в селе М. Узень Петерского района Саратовской области 19 сентября 1925 года. После окончания средней школы поработал немного в родном колхозе.

В феврале 1943 года был призван в армию и направлен в Ашхабадское военное училище. Но стать пехотным офицером не довелось: для победы стране требовались танкисты, поэтому из курсантов сформировали батальон для направления в 19-й учебный танковый полк.

Решил пойти в группу механиков-водителей: как-никак, а специальность не только военная. Вернувшись после войны в родном колхозе можно сесть на трактор. Но в приемной комиссии отказали, и доверить танк мне маленькому, худенькому пареньку отказались. Однако я оказался настырным малым, и комиссия сдалась.

В учебный взвод я попал с таким же маленьким и худеньким ремесленником из Губахи Иваном Кондауровым, ставшим впоследствии Героем Советского Союза. Мы оба сдали государственный экзамен на «пять», получили в Нижнем Тагиле боевые машины и убыли с ними на 1-й Украинский фронт в 62-ю гвардейскую танковую бригаду 10-го гвардейского танкового корпуса, входившего в состав 4-й танковой армии.

В танковую бригаду я прибыл в мае 1944 года. Бригада находилась в резерве 4-й танковой армии, пополнялась боевой техникой и готовилась к очередным операциям.

17 июля танковая бригада, действуя в авангарде главных сил корпуса, вошла в прорыв, сделанный общевойсковыми соединениями, начав Львовско-Сандомирскую операцию. Перед ней была поставлена задача наступать в направлении Перемышляны — Бобрка — Городок, обойдя, г. Львов с юга и запада, не допустить отхода гитлеровских войск на юго-запад.

Это было 20 июля 1944 года. Моя машина была назначена в разведку. Ранним утром наша головная походная застава двинулась вперед. То, что мой танк шел первым, переполняло меня большим чувством гордости. Только-только с учебной скамьи и сразу в бой, да еще впереди всей бригады! Значит на меня надеются. На броне моей машины-автоматчики и начальник корпусной разведки капитан Токаричев. «Жми, сынок, жми!» — кричит капитан, и я жму.

Кажется, что машина не идет, а летит. О смерти, о том, что могут подбить — как-то и не думалось.

Впереди видится село. «Жми, сынок, жми!» — нетерпеливо подгоняет капитан. И я жму. Неожиданно на дорогу выскочила легковая машина — немецкая, штабная, с офицерами. Тут же ее прихватили, офицеров с конвоем отправили в штаб бригады, а мы снова вперед. На полном ходу проскакиваем зеленое село и видим немецкую автоколонну. Чуть сбросил газ, командир машины лейтенант Секретарев бьет по колонне из пушки. В открытый люк мне видно как разлетается на куски немецкая техника, как в разные стороны разбегаются серо-зеленые гитлеровцы. Не останавливаясь, обходим разбитую автоколонну, и снова полный вперед. Притормозили на перекрестке дорог. Справа и слева от шоссе густые кустарники, за ними — поля с копнами свежееубранного хлеба. Впереди, в синей дымке, очертания большого города. Это Львов. Кажется, еще рывок, и мы там, в городе. Где же немцы? Не могут же они вот так просто позволить нам проехать во Львов? Но ничего подозрительного мы не видим.

«Давай вперед!» — командует Секретарев, и только машина набрала скорость, как в наушниках слышу снова его голос: «Короткая!» Выжимаем рычаги, скорее чувствую, чем слышу, выстрел пушки, вижу, как среди кустов вспыхнул немецкий броне-

транспортер, и в то же самое время, будто стотонной кувалдой кто-то ударил по правому борту нашего танка и он засветился ярким, ослепительным светом и вспыхнул белым огнем, обжигая лицо и тело. Горим! Рванул провод переговорного устройства, выскочил из машины и покатился по земле, стараясь потушить загоревшийся на мне комбинезон. Значит — или напоролись на засаду, или здесь проходит передний край немецкой обороны.

Так вот она, какая-разведка боем! Успели ли наши передать в бригаду? Наверно. В голове гудит, ничего не слышу. Что с экипажем? Осмотрелся. Никого: ни танкистов, ни автоматчиков, только жарко горит моя машина. Черт! Ведь там полтора боекомплекта снарядов! На какой-то момент успел опередить взрыв, бросившись на землю, на копну. Когда поднял голову — увидел: башни на танке не было, она в стороне уткнулась в копну. Отполз дальше, приподнялся, огляделся. Никого. Еле уловил далекую трескотню автоматных очередей — они были там, далеко, по ту сторону дороги. Покричал своих — никакого ответа. В небе немецкие самолеты. Они пикируют на село, которое мы недавно проскочили. Значит, там бригада. Пригибаясь за копнами, направился в сторону наших. Неожиданно надо мной взревел мотор самолета и пулеметная трасса вспорола жнивье земляными фонтанчиками. С трудом скрылся от «мессера»...

Когда добрался до бригады, узнал, что лейтенант Секретарев остался жив, но сильно обгорел, заряжающий и радист-пулеметчик сгорели в танке, считали сгоревшим и меня.

Потеряв в бою свой танк, я получил задание восстановить один из подбитых танков. Пришлось повозиться, чтобы его отремонтировать: снаряд пробил башню. Заварили отверстие, поставили пушку, но без прицела. Это ведь только в кино да в книжках о танках рассказывают, как о крепостях. На самом деле каждый бой для танкиста — как последний. Машина выдерживает лишь два-три боя. Отремонтировали и с новым экипажем опять в бой за освобождение г. Львова.

Очень трудными сложились первые два дня боев на улице города. Об этом говорит то, что за 22 и 23 июля бригада продвинулась всего на 900—1000 метров. 27 июля г. Львов был полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков.

12 января 1945 года войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов начали Висло-Одерскую операцию. Фронтам

предстояло окончательно изгнать гитлеровских оккупантов с польской территории.

Через сутки в бой вступили и мы. Я был механиком-водителем у командира взвода гвардии старшего лейтенанта И. Барышева, командиром орудия был старший сержант Степан Абросимович Брюханов. На рассвете 13 января наш взвод вышел в разведку в направлении населенного пункта Забвожье. При подходе к нему попали под обстрел артиллерии и танков. Замаскировав танки в укрытиях, мы организовали наблюдение и провели пешую разведку, в результате которой установили позиции закопанных в землю танков, артиллерийских орудий, минометов и скопление пехоты противника. Доложив об этом командиру батальона, получили приказ разведать пути подхода к населенному пункту и вести наблюдение за его огневыми средствами.

Подошедшие танки батальона, развернувшись в линию, атаковали противника. Это был первый бой бригады в январском наступлении 1945 года.

Наш взвод двигался в центре боевых порядков батальона. Каждому экипажу были намечены для подавления ранее выявленные цели. От гула моторов, работающих на предельных оборотах, грохота танковых пушек и треска пулеметных очередей, казалось, лопнут перепонки.

Ведя огонь из пушки и обоих пулеметов, наш танк ворвался в боевые порядки врага. Старший лейтенант И. Барышев, высунувшись из люка башни, вел огонь из ТТ по разбегающимся немцам. Обернувшись назад, я увидел открытый люк у башни и упавшее на боеукладку тело своего командира. Выведя танк в укрытие, я обнаружил на моторном отделении раненого заряжающего. Башня танка была заклинена, ствол почти на 90 градусов смотрел в сторону.

С радистом похоронили И. Барышева и приступили к приведению танка в порядок снаружи и внутри. В тот же день нам пополнили экипаж. Командиром стал совсем молоденький лейтенант, по национальности армянин (фамилию не запомнил), командиром орудия старшина Сергей Изовита. Батальон догнали в Забвожье.

По команде «строиться в походную колонну» наш танк оказался впереди. Подошедший к нам комбат М. И. Елкин поставил задачу наступать на населенный пункт Брудзов. Нашу неисправную машину поставили в голову колонны. Мы знали, что

идем на смерть. Пушка не работала. Мы были просто щитом для других.

Я с места быстро набрал скорость и, проскочив занятую деревню с открытым люком и пушкой, повернутой в сторону, стремительно стал приближаться к окраине Брудзува. Двигавшиеся за нами танки открыли огонь из пушек и пулеметов. Мы могли вести огонь только из лобового пулемета, что и делали, ворвавшись во вражеские траншеи.

На окраине, метрах в 200—250, из-за угла домов выскочил фашистский танк. Командир дает команду: таранить! Нажимаю до конца педаль газа. Кажется, что танк летит, оторвавшись от земли. Расстояние быстро сокращается. Еще миг и... почти в упор фашист посылает один снаряд в башню, а второй — в борт, останавливает разбег нашего танка. Убиты командир, заряжающий и радист-пулеметчик. Мне снова повезло: успел выскочить из горящего танка.

Справа и слева от меня проскочили четыре наших танка, и я вижу, как от их выстрелов воспламенился подбивший нас фашист. Вслед за ними к населенному пункту неслись лавиной и другие грозные уральские машины.

Я снова один, снова формировка.

Хорошо запомнился мне и эпизод войны при форсировании реки Одер. Дружку моему, Ивану Никитину, дали задание: проскочить заминированный мост. Мол, проскочишь — героя получишь. Саперы хорошо поработали. Но с первой попытки прорваться не удалось. Мой танк подбили, и я устроился на броне другого танка с автоматчиками. На другой берег мы все же прорвались, но по понтонному мосту. Пехота пошла дальше, а нас, “безлошадных” танкистов, снова отправили на формировку. И уже на новых танках мы заняли свое место на участке фронта.

В бригаде обо мне потом говорили — удачливый. Сколько машин и экипажей потерял, а сам все живой. Помню, был у нас Генка Стрекалов, пермский парень, мотоциклист, начфина бригады возил. Так он все время ко мне в экипаж просился. Ты, — говорит, — счастливый, из боя живым выходишь... А накануне командира моего танка убило. Получил я новую машину, экипаж на скорую руку подобрали. Командир, лейтенант Никитченко, взял Генку заряжающим. Обрадовался парень, что в настоящий танковый бой пойдет.

Только оказался для него этот первый бой и последним. Погиб мой земляк, спасая жизнь командира...

В общем, на войне, как на войне. Никакой бой не обходился без потерь, иногда эти потери были слишком велики... Может, действительно, я был удачлив. Каждый раз, нажимая на стартер перед атакой, понимал, что, может, именно из этого боя не вернусь. Понимал. Но особого страха не чувствовал.

Нет, однажды все-таки было страшно, очень страшно. Когда во время ночного марша, перед боем не увидев сигнального фонаря передней машины, врезался в нее и вывел свой танк из строя. Меня могли отдать под трибунал. Погибнуть от своих!? К счастью, разобрались, почему фонари на многих танках оказались закрытыми, и что танк вслепую вел не я один. Тут же дали команду навести порядок. Такие вот дела...

На всю жизнь останутся у меня в памяти бои при форсировании реки Нейсе и при взятии населенного пункта Хермсдорф в Верхней Силезии.

Подходы к Хермсдорфу оказались заминированными. Дороги на окраине проходили по мостам через рвы, что давало возможность противнику небольшим числом танков с пехотой прикрывать подступы к населенному пункту. К тому же, как потом оказалось, мосты тоже были заминированы.

Это случилось 19 марта 1945 года. Три танка ушли для выполнения боевой задачи и не вернулись. Тогда двинулся вперед наш. Вспышка, и машина встала. А тут второй снаряд башню расколол. В борт попал фаустпатрон. Оглушило, загорелся комбинезон, прыгнул в канаву тушить. Пуля в голову угодила.

Настроение скверное: на груди — три ордена, в кармане — партбилет. Схватят немцы — в пытках умирать придется. Впору стреляться. Как-то эти мысли удалось пересечь. Нашел живого автоматчика, вместе дождались танков, которые пришли только к вечеру. К своим едва пробилась. Обгорел, осколочные раны лица, головы, рук, пулевое ранение в голову. Лопнула барабанная перепонка.

На лечение отправили в госпиталь. Однако не долечился: ребята вперед уйдут, где их потом искать? Но до своих не добрался, стало хуже. Снова госпиталь. Операция. Пошел на поправку. В часть прибыл, когда ребята были в столовой. Зашел, они начали ложками по чашкам стучать: «Карягин вернулся!»

А тут как раз появились первые приказы об отпусках. До дома 22 суток добирался. В теплушках, на крышах вагонов, пристегиваясь ремнем к трубе. Милиция нас гоняла, как мальчишек, но без толку.

Когда возвращался на фронт, снова открылась рана. На этот раз комиссовали.

Пять лет не слышал, потом слух восстановился. За боевые заслуги в Великой Отечественной войне, успешное выполнение заданий командования я награжден орденами: Отечественной войны I и II степени, Славы II и III степени, Красной Звезды и многими медалями.

Теперь я на пенсии. Веду общественную работу: возглавляю группу ветеранов 10-го Гвардейского танкового корпуса, проживающих в г. Лысьве, организую и сам участвую в героико—патриотическом воспитании молодежи.

А привычка к «железному коню» осталась. Мой «жигуленок» быстро бежит по окрестностям Лысьвы, помогая мне изо всех своих лошадиных сил.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Абаев Сергей Олегович**, студент 2-го курса ПУ № 5 группы 1Э.

**Каторгина
Мария
Сергеевна**

ЭПИЗОДЫ ВОЙНЫ

Дата рождения: 14 апреля 1924 года.

Место рождения: Рязанская область, Данковский район, село Телепнево. Национальность — русская. Вероисповедание — православная. Партийность — беспартийная. До войны окончила:

— в 1941 году — школу №525 г. Москвы;

— в 1941 году — курсы медсестер.

Узнала о начале войны 22 июня 1941 года из радиообращения.

Начинала участвовать в боевых действиях по призыву в должности хирургической медсестры. Была призвана в мае 1942 года.

Место формирования соединения — “Сортировочный эвакогоспиталь №290”

г. Москва, район Лефортово (в настоящее время госпиталь им. Бурденко).

После окончания войны служила медсестрой в медсанбате №186 в Германии, г. Лукенвальд.

Демобилизовалась в январе 1949 года. Дата отбытия: 1953 г.

Место прибытия — г. Спасск-Дальний, Дальний Восток (место службы мужа).

Особенно запомнившиеся эпизоды войны.

Западная Украина. Формирования попали в окружение немецкой армии. Поступало большое количество раненых. Под

сильным обстрелом и бомбардировкой погибло много людей, в том числе мед. персонала.

Из окружения вышли с большими потерями. Много людей погибло от осколков.

Солдат ранен в ногу не взорвавшимся фаустпатроном. Операцию по извлечению производил на свой страх и риск хирург Чиненков Анатолий Викторович (впоследствии известный ортопед).

В результате патрон удачно извлечен и бойцу спасли ногу.

В войне погибли родственники:

отец — Колгушкин Сергей Михайлович, звание — рядовой;

дядя — Колгушкин Василий Михайлович, звание — рядовой;

дядя — Колгушкин Антон Михайлович, звание — рядовой.

Остались живы родственники (после войны):

дядя — Колгушкин Осип Михайлович, звание — рядовой;

дядя — Кулешов Василий Федорович, звание — рядовой;

дядя — Кулешов Евдоким Федорович, звание — рядовой.

Награды:

Орден Красной Звезды №1870509; награждена приказом войск 3-й гвардейской танковой армии. Приказ №0148/н от 20 мая 1945 года. За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками. Вручен 20 августа 1945 года. Начальник санитарной армии 3-й гвардейской танковой армии гвардии полковник медицинской службы Васильев.

Медаль «За боевые заслуги». Приказ от 27 августа 1943 года №015/н. От имени Президиума Верховного совета СССР. За образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество. Командующий 3-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенант Рыбалко. Член Военного совета армии генерал-майор Мельников. Начальник штаба армии генерал-майор Митрофанов.

Орден Отечественной войны II степени № 4815013. Указ Президиума Верховного совета СССР от 11 марта 1985 года. За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия

победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Секретарь Президиума Верховного совета СССР.

Медаль Жукова Г №0747373. Указ от 19 февраля 1996 года.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года. Гвардии майор В. М. Лайков 21 февраля 1946 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Комиссаров Александр Викторович**, студент 3-го курса Московского авиационного института.

**Кашкин
Иван
Тимофеевич**

В БОЮ ПОД ОДЕССОЙ

Родился 2 июня 1916 года в деревне Дубрачево Становлянского района Орловской области, русский, член ВЛКСМ (1930—1939), член КПСС-КПРФ с марта 1939 года, член военно-научного общества при ЦДСА, членский билет № 65.

В 1931 году окончил четыре класса сельской школы, Отец умер в 1931 году, мать была неграмотной. С 1931 по 1934 годы — ученик железнодорожного ФЗУ в городе Елец. С апреля 1934 года работал на восстановлении магистрали Москва-Донбасс. Награжден медалью «Ударник Сталинского призыва». 1935 — июль 1936 — бригадир на железнодорожном пути в г. Скопин, с 11 августа 1936 года по апрель 1939 года — курсант Ленинградского Краснознаменного училища имени М. В. Фрунзе. После окончания военного училища присвоено звание лейтенанта. С сентября по декабрь 1939 года Украинский фронт — командир взвода — освобождение Западной Украины.

С декабря 1939 года по март 1940 года — участник Финского фронта в звании командира взвода, осуществлял минирование стратегически важных узловых объектов.

Начало Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 года, встретил на границе с Румынией, где находилась моя воинская часть.

Участвовал в первом сражении с фашистской армией 4 августа 1941 года. В рукопашном бою уничтожил немецкого офицера. Получил новое назначение в августе 1941 года — начальник технической разведки Отдельного батальона 29-й железнодорожной бригады. Техническая разведка бригады состояла из 75 солдат и сержантов и 8 офицеров. Назначение технической разведки: определение состояния железнодорожного пути, разрушение мостов при отступлении и при наступлении, разминирование железнодорожных путей и мостов.

В начале августа 1941 года обстановка в районе Одессы была сложной. Противник готовился к захвату города. Наш 15-й отдельный восстановительный железнодорожный батальон перебросили в Веселый Кут. Надо было выяснить силы немцев, захвативших станцию Ивановка.

Решили провести разведку боем. Мне, исполняющему обязанности начальника технической разведки батальона, дали мотовоз с платформой. В моем подчинении находились старший лейтенант Горшков, лейтенант Квасницкий и около 20 солдат и сержантов. Наше вооружение состояло из ручных пулеметов и винтовок. Автоматы тогда были еще редкостью. Недалеко от Ивановки по моему приказу мотовоз набрал большую скорость и устремился к станции. Подъезжая к вокзалу, мы увидели, как по перрону вразвалку, не торопясь ходят немцы и беспечно поглядывают на приближающихся «гостей». Возможно, они предполагали, что мы едем к ним сдаваться. И тут мы открыли огонь...

Не буду вдаваться в подробности той операции, но свою задачу мы выполнили тогда без особых потерь. На станции Веселый Кут нас встретил начальник штаба старший лейтенант Дябин.

Я доложил данные разведки. Позднее, когда мы сопоставили данные других разведгрупп, стало ясно: противник значительно превосходит нас. Но это первое столкновение с врагом было только прелюдией к тому бою, о котором я хочу рассказать.

Утром 4 августа военный инженер I ранга Бабенко привез приказ о совместном наступлении нашего и истребительного батальонов на станцию Ивановка. Нас должны были поддерживать два артиллерийских орудия, но из-за неисправности тракторов мы не могли подогнать их в необходимое место. Таким образом, значительно уступая противнику в численности и вооружении, мы были лишены и артподготовки.

Вечером 4 августа основные силы подразделений сосредоточились в посадках вдоль железной дороги. Рядом находилось поле созревшей, но не скошенной пшеницы.

Наступление велось четырьмя шеренгами. Винтовки у солдат и младших командиров были в положении «на руку», командиры в руке держали пистолеты. Левый фланг вплотную подошел к противнику и смял спавшее боевое охранение немцев. В короткой схватке было убито более двадцати фашистов. С нашей стороны был смертельно ранен командир 2-й роты старший лейтенант Фельдман, убиты политрук Сербиладзе и старшина Николаев ...

В результате действий наших солдат, сержантов и командиров боевое охранение противника было уничтожено. Но тут фашисты опомнились и открыли сильнейший минометный огонь. Одним из первых был убит старший лейтенант Дябин. Погибли командир первой роты Домбровский и командир пулеметного взвода Балабашкин. Наша группа залегла в поле.

Когда начался обстрел, я машинально посмотрел на часы. Было шесть часов десять минут утра. А когда кончился обстрел, стрелка часов показывала восемь. После обстрела все поле стало черным. Кругом воронки. И удивительная тишина разлилась вокруг. Нам следовало бы отходить, но как преодолеть поле, сплошь изрытое минами, на глазах у противника? Несмотря на это, были приняты меры по оказанию помощи раненым. Из всей группы, насчитывающей четырнадцать человек, шесть имели различные ранения. После небольшого совещания решили ждать наступления темноты.

Вдруг совсем неожиданно со стороны Котовска в направлении Цебриково двинулись танки. Машины шли в колонне. Я насчитал сто одиннадцать машин. Вслед за танками по той же дороге, обгоняя друг друга, в несколько рядов двигались мотоциклисты. У нас не было таких подразделений. Сомнений быть не могло — это фашисты.

Таким образом, мы были отрезаны и оказались в тылу немецких войск. В бою под Одессой мы потеряли 78 человек. Мало кто из нас тогда предполагал, что почти сорок дней придется пробираться через тылы врага к своим. А затем — снова бои, станции, переправы. Но это уже был путь к Победе.

При отступлении в 1942 году на Украине было взорвано 2 моста через реки Белая и Суходол и в районе взорвано 2 тоннеля: один длиной 700 м, второй около двух километров.

При отступлении нашей армии в августе 1942 года я был назначен начальник укреплений на мосту через бурную реку Терек (противник находился в 3 километрах в Червленной-Узловой).

Железнодорожный мост через Терек в районе станции Червленная-Узловая. Сейчас о нем знают многие в связи с событиями в Чеченской республике. И у него есть своя боевая история. В 1942 году к этому стратегически важному объекту рвались фашисты. Мост остался невредимым благодаря смелости и боевой выучке военных железнодорожников.

Через Терек по мосту летом 1942 года еще отступали наши части. Тогда 29-я железнодорожная бригада вела заградительные работы на линии Моздок — Червленная-Узловая. А мне как главному инженеру батальона было поручено заминировать мост, удерживать его, но если прорвутся фашисты — ни в коем случае не оставить врагу.

Воины минно-подрывного взвода напичкали мост восемнадцатью тоннами взрывчатки. И все же мы надеялись, что эти мины не пригодятся, фашисты сюда не пройдут и мост будет спасен.

Но тревожили не только немцы. В районе Кизляра и деревни Брагуны рыскали бандиты. Некоторые из них даже пробовали купить оружие у наших солдат. За ручной пулемет Дегтярева предлагали 60 тысяч рублей, за ящик патронов — 40 тысяч. Но военные железнодорожники проявляли бдительность и задерживали «покупателей» оружия.

26 августа в Червленной появилась разведка противника. Вплотную нависла угроза захвата моста. Я был назначен тогда комендантом моста или, как тогда называли, начальником укрепрайона. Тревожное и опасное время. Но воины двух путевых и одного минно-подрывного взводов делали все возможное, чтобы сохранить мост. В трехкилометровой полосе заминировали подступы к объекту, были в постоянной готовности отразить атаки врага.

Как хищные птицы, круглосуточно над мостом кружили немецкие самолеты. Ночью они сбрасывали на парашютах осветительные ракеты и все озарялось бледно-голубым неестественным светом. В один из дней несколько танков противника пытались прорваться к мосту, но, потеряв две машины на наших минах, отошли.

Положение в те дни было очень серьезное. Но постепенно нервный накал противостояния спадал и обстановка вокруг моста менялась для нас к лучшему. Немцы оставили свои попытки захватить объект. А когда через мост переправилась кавалерийская дивизия и враг под ошеломительным натиском Красной Армии стал отступать, мы поняли: мост теперь вне опасности. В этом нелегком противостоянии мы выстояли и победили.

Шел октябрь 1942 года. Впереди было еще много дорог и мостов.

На минирование моста через реку Терек было израсходовано 17,5 тонны взрывчатых веществ. Каждую ночь самолеты противника на низкой высоте летали над мостом через реку Терек. А в конце августа 5 немецких танков пытались прорваться к мосту, но два танка подорвались на минированном участке (минирование осуществляла техническая разведка: а остальные вернулись в Червленую-узловую).

10 октября 1942 года началось наступление наших войск.

Новые задачи были поставлены и перед технической разведкой. На участке Моздок — Прохладная — Ростов было обследовано 1200 километров железнодорожных путей, 65 больших и малых мостов, 35 железнодорожных станций. При этих работах было изъято 17 тысяч мин и фугасов.

Мне, как начальнику разведки, пришлось по своей инициативе издавать письменные приказы, обязывающие восстанавливать железнодорожный путь не только местных железнодорожников, но и колхозы и совхозы, расположенные от железной дороги в 30—50 километрах. (Об этом нововведении сообщалось в газете «Гудок» в январе 1943 года, а также в книге железнодорожного войска России под редакцией Когатько, изд. Москва, 2002 г. книга 3, стр.145.)

В феврале 1943 года за образцовое руководство разведкой и проявленную инициативу в ускорении восстановительных работ я был награжден орденом Красной Звезды.

В конце 1943 года я стал исполнять обязанности начальника технической разведки 29-го железнодорожного батальона. В моем подчинении было 4 технические разведки из отдельных батальонов. Заслуживает внимание их деятельность после вступления Советской Армии в Одессу.

Весь железнодорожный путь до Одессы был разрушен (рельсы были подорваны на три части, а шпалы — на 2 части). Значительные разрушения были и на 8 станциях Одессы.

В этих сложных условиях я вынужден принять решение взять восстановление в Одесском узле в свои руки. Я объявил себя начальником головного участка УВВЛ — 2-й (Южный фронт) и создал штаб из бывших работников железной дороги, которые находились в Одессе. Пришлось мне вернуться к уже испытанному мной методу — привлечь к работам гражданское население. С этой проблемой я обратился в горсовет Одессы. В течение месяца все 8 станций были восстановлены.

Это нашло отражение в печати — начальный период деятельности технической разведки в Одессе описан очевидцем Д.Письменным «Цена времени» (газета «Гудок», 11 июня 1944 года).

Я был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Вскоре 29-ю бригаду с Южного фронта как образцовую боевую перебросили на 1-й Белорусский фронт. В составе 29-й бригады я участвовал в героическом штурме и освобождении Варшавы, в героическом штурме и взятии Берлина.

А 29-я железнодорожная бригада стала именоваться «2-я железнодорожная Варшавская, ордена Кутузова и Красной Звезды бригада». Командовал бригадой генерал Рогатко.

18 января 1945 г. в Варшаве я увидел только три уцелевших здания. Вокруг бывшей типографии кипы, бумаг. Здесь каждый шаг связан с риском. При выезде из города под путепроводом лежат убитые наши минеры, которые попали на немецкие противопехотные мины. Горько. И очень жаль людей.

12 февраля 1945 г., ст. Кладова. Сильное впечатление на меня произвело обращение Маршала Жукова. Пора окончательно расправиться с фашистскими разбойниками. События последних дней заставляют нас не терять бдительность. Разное недобитое отребье вылезает из щелей. Налетает неожиданно — то на автомашинах, то на конных повозках. Польская милиция делает несколько залпов — поспешно ретируются. Подчас нам приходится вмешиваться.

Иногда Кашкин вспоминал всю долгую войну, конец которой был так близок.

Однажды ему рассказали, как члены комиссии из Ростова в дни, когда Красная Армия освобождала Северный Кавказ, проверяли железную дорогу и часто задавали людям, занятым ее восстановлением, один и тот же вопрос:

— Что вы здесь делаете?

— Перешиваем путь.

— Кто дал вам указания?

— Как только немцы отступили, приехал капитан Кашкин, собрал нас и показал, что надо делать. Два станционных пути мы уже перешили, третий заканчиваем. Пока подойдут бойцы, станция будет готова.

Комиссия двигалась дальше. За станцией большая группа женщин расчищала основания подорванного моста.

— Кто вам это поручил?

— Капитан Кашкин...

Еще много раз на других станциях и разъездах гражданские железнодорожники и колхозники, вышедшие помогать войскам, повторяли фамилию офицера, возглавлявшего техразведку на Прохладную. Три тысячи гитлеровских зарядов обнаружили и подорвали тогда только в Минеральных Водах подчиненные капитана Кашкина.

Вернемся к записям майора Ивана Кашкина, сохранившимся в простой тонкой тетради.

«14 февраля 1945 г. Я говорил с подполковником Городиловым и полковником Михайлиным по поводу учебы в военной академии. Оба дали согласие. Надо учиться!

Вечером состоялся вражеский авианалет на эшелон с горючим. Пришлось крепко задуматься над вопросом сохранности солдат. Будем передислоцироваться».

«18 февраля 1945 г. в Шварценау пришлось срочно ехать на совещание.

На шоссе Варшава — Берлин идут и идут массы людей. С нашивками национальных флагов — поляки, англичане, бельгийцы, голландцы и даже... индусы. В одиночку и группами наши — русские, украинцы, белорусы, насильно угнанные в германское рабство. Стороной плетутся несостоявшиеся «господа мира» с белыми повязками на рукаве. Они заискивают перед нами, но в то же время от них следует ожидать и выстрелов из-за угла...»

Повидать, испытать всего Ивану Тимофеевичу Кашкину довелось немало. Об одном из будничных эпизодов рассказывала газета «Гудок» в номере за 10 июня 1944 года.

Еще идет бой за Сортировочную, а разведчики майора Кашкина капитан Бекренев, техник-лейтенант Примагенов, старшие сержанты Шурыгин, Бандолет и Гнидаш — тушат горящий состав. Сбив пламя, осматривают тупики и обнаруживают тяжелый кран на гусеничном ходу. Его берут на заметку и снова расходятся по объектам. Нужно закончить осмотр станционных помещений, собрать данные о количестве сохранившихся стрелочных переводов, проверить путепроводы, составить схемы. «Время не терпит», — говорит Кашкин, и команда приступает к работе.

Мосты здесь становятся главной проблемой для Кашкина. Здорово выручил... «человек в кепке», который возник перед майором из дыма и копоти. Он оказался инженером Кушнеренко и взялся организовать бригаду. Из города потянулось население. Нашлись плотники, слесари занялись изготовлением инструментов.

«Всей восстановительной работой управлял майор Кашкин, — сообщал «Гудок». — Он выискивал строительные материалы, добывал транспортные средства, разрабатывал чертежи. Со станции Товарная мчался на своей полуторке на Сортировочную, на Пассажирскую-главную, на Заставу-1».

Война приближалась к завершению, но до Победы еще нужно было дожить. В городе Конин майор Кашкин запишет:

«28 февраля 1945 г. Вчера полковник Михайлин сообщил, что я зачислен кандидатом для поступления в военную академию. Моей радости нет предела, и в ближайшие дни мы наконец-то будем непосредственно в Германии».

8 марта офицер оказался в Лансберге.

«Жителей мало, но сейчас они возвращаются из лесов. Испытываю ли я удовлетворение, когда вижу мучения немцев? Слишком велико горе, которое Гитлер принес моей стране. Прощения ему и своре его приспешников не будет никогда».

В конце марта — начале апреля 1945 г. военные железнодорожники находились на станции Геллен. «Приступил к занятиям по иностранному языку и математике, — занес Кашкин в тетрадь. — На будущее смотрю с надеждой».

В Кюстрине Иван полон новых впечатлений: «Все идет к тому, что вот-вот наступит последний решающий этап, и Берлину

придет конец. На востоке собираются тучи, которые, грозно перемещаются на запад. Это символичное природное явление».

«11 апреля 1945 г. Обстрелы происходят постоянно. Вчера подверглась нападению артиллерийская батарея. Сегодня в центре — штабная машина. Шофер погиб. Из диверсантов один убит, второму удалось сбежать. Наш боевой накал не спадает, скорее наоборот растет. Мы все равно добьем зверя в его логове».

И добили.

В 1941 году во время нападения авиации противника разрывом бомбы авиации противника я был отброшен на металлическую дверь и получил травму головы. В результате этого в течение трех месяцев потерял память. В госпиталь не ложился. Память восстановилась.

После окончания войны до 1948 года проходил службу на территории Калининградской области.

В Советской Армии прослужил до 1948 года. демобилизовался и продолжил учебу в Воронежском университете (на заочное отделение поступил в 1946 году). Окончил университет в 1950 году.

В 1955 году защитил диссертацию, получил звание кандидата исторических наук.

После окончания Воронежского института стал преподавателем Елецкого педагогического института.

В 1956 году по конкурсу на должность доцента поступил в Рязанский радиотехнический институт.

В 1957—1961 годах заочно закончил Московский экономический институт.

В 1961 году стал деканом вечернего факультета и заведующим кафедрой политэкономии.

В 1971 году защитил докторскую диссертацию в ленинградском университете на тему «Экономическая эффективность основных фондов в социалистической промышленности».

В 1972 году по конкурсу на должность проректора поступил в Московский институт стали и сплавов.

В 1980—1990 годах по конкурсу в должности профессора стал работать в Московском архитектурном институте.

В 1990 году стал пенсионером.

В Отечественной войне погиб в бою брат — Кашкин Алексей Тимофеевич в 1943 году на территории Белоруссии.

В Отечественной войне активное участие принимала сестра Кашкина Вера Тимофеевна (на войну ушла в возрасте 17 лет). Она награждена орденом Красной Звезды.

После окончания Великой Отечественной войны опубликовал около 70 монографий, книг, брошюр, статей.

В том числе:

1. *И.Т.Кашкин*. Экономическая эффективность основных фондов в социалистической промышленности. Издательство «Московский рабочий», Москва. Уч. изд. Л.Л. 19, 72.

2. Я был утвержден участником ВДНХ СССР в 1968 году Свидетельство № 36552. Главвыставком, печать «Выставка достижений народного хозяйства СССР».

3. *И.Т.Кашкин*. Экономическая эффективность основных фондов как категория политической экономии социализма. Рязань, 1966, 38 стр.

4. *И.Т.Кашкин*. Воспроизводство и использование основных фондов в социалистической промышленности. Рязань, 1964 г. 114 стр.

5. *Ф.М.Волков, И.Т.Кашкин*. Повышение эффективности производственных и основных фондов в процессе интенсификации. Издательство Московского университета, 1989 г., 102 стр.

6. *И.Т.Кашкин*. Формирование у студентов коммунистического мировоззрения в процессе преподавания экономики и организации производства. Москва, 1974 г., Московский институт стали и сплавов.

Награды

Орден Красной звезды, в 1943 году.

Орден Отечественной войны II степени»,
за освобождение Украины.

Орден Отечественной войны II степени за храбрость,
стойкость и мужество в Великой Отечественной войне.

Медаль «За боевые заслуги».

Медаль «За героическую оборону Кавказа».

Медаль «За участие в героическом штурме
и освобождении Варшавы».

Медаль «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной
войне».

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».
Медаль «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».
Медаль «30 лет победы в Великой Отечественной войне»
Медаль «30 лет Советской Армии и Флота».
Медаль «40 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945».
Медаль «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945».
Медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР».
Медаль «60 лет Вооруженных Сил СССР».
Медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР».
Медаль Жукова.
Медаль «В память 850-летия Москвы».
Медаль «Ветеран труда».
Медаль «Ветеран железнодорожных войск».

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Горохов Игорь Александрович**, курсант 3-курса физико-технического факультета / кафедры военного обучения Московского государственного горного университета.

**Кравцов
Борис
Васильевич**

ВЫЗЫВАЮ ОГОНЬ НА СЕБЯ

Родился 28 декабря 1922 года в Москве. 11 августа 1941 года я уехал на Урал, где до октября являлся курсантом саперного батальона, расположенного в городе Чебаркуль Челябинской области. В октябре последовало направление в Одесское артиллерийское училище, переведенное к тому времени в город Сухой Лог Свердловской области. По окончании училища в звании лейтенанта был направлен на Юго-Западный фронт.

Военную службу проходил сначала в должности командира взвода топографической разведки 2-го дивизиона 822-го артиллерийского полка 300-й стрелковой дивизии. С июля 1942 года в той же должности воевал во 2-м дивизионе 846-го артиллерийского полка 278-й стрелковой дивизии. В 1943 году в звании гвардии старшего лейтенанта назначен на должность начальника разведки 2-го дивизиона 132-го гвардейского артиллерийского полка 60-й гвардейской стрелковой дивизии.

24 октября по приказу командования 12-й армии десант в составе 5 рот 185-го гвардейского стрелкового полка во главе с заместителем командира полка гвардии майором Зупаровым на резиновых лодках и подручных средствах форсировал Днепр. В ожесточенной схватке с врагом десант занял небольшой плацдарм на острове Хортица.

Вместе с пехотой переправлялась лодка артиллеристов-корректировщиков с радистами во главе с начальником разведки артдивизиона гвардии старшим лейтенантом Борисом Кравцовым.

Примерно часов в 10 утра 25 октября 1943 года немцы, собрав свои силы, начали штурмовать плацдарм. Противник перешел в контратаку и уже начал забрасывать траншеи и блиндажи десантников гранатами. Я, чтобы не попасть в плен, приказал радисту Мозгунову немедленно вызвать артиллерийский огонь на себя. Не раздумывая, тот передал команду: «Огонь по нам!» — и координаты. На наблюдательном пункте командира полка вначале подумали, что не расслышали эту отчаянно смелую команду. Радист левого берега переспросил. В ответ с острова повторили слова команды и тут же замолкли. Связь прекратилась, больше на вызовы остров не отвечал. Гвардии майор Лангер приказал немедленно открыть огонь по переданным с Хортицы координатам. Получили ранение я и Мозгунов, оказалась разбитой радиостанция, но смельчаки удержали завоеванный на острове плацдарм и продолжали его удерживать до прибытия подкрепления. За этот подвиг я удостоен звания Героя Советского Союза.

О лете 1942 года у меня остались весьма грустные воспоминания. По степным дорогам ползли машины, орудия, повозки, шагала пехота. Немецкие пикировщики черными коршунами падали на беззащитные, по сути, колонны. Горела техника, стонали раненые. Случалось, что не столь далеко, то справа, то слева появлялись танки с крестами на броне. Они шли, опережая наши колонны, туда же — на юго-восток, на Сталинград, не обращая на нас внимания.

Связь между полками дивизии полностью нарушилась. Каждый командир теперь мог рассчитывать только на себя, на свое умение и удачу. Так и сказал нам, офицерам, командир полка:

— Идите каждый, как умеет. Может, хоть кто-нибудь уцелеет. Если двигаться дальше скопом — все потеряем.

На карте он показал конечный пункт, где мы должны были сойтись, — место переправы через Дон. Мучительно трудным выдался наш путь. Двигались в постоянной тревоге. Постоянно голодали. Населенные пункты попадались редко.

До сих пор у меня перед глазами серые от пыли лица, воспаленные от недосыпания глаза. Часто меняем направление движения, прячемся, услышав гул моторов.

Наступил день, когда перед нами заблестела река Дон. Расположились в прибрежной зоне, стали приводить себя в порядок. Предупредив своих товарищей, чтобы оставались на местах, я отправился на розыски штаба дивизиона. Почему-то казалось, что штаб должен находиться на левом берегу Дона, где-то близко.

Предчувствие меня не обмануло. Встреча оказалась радостной. Доложил начальнику штаба дивизиона старшему лейтенанту Бородулину о наличии людей и вооружения и о гибели во время бомбежки на станции Приколотное сержанта Карпова. Личный состав дивизии готовился к выполнению очередного задания.

Наш артиллерийский полк, заняв боевые порядки в районе хутора Ластушенский, поддерживал огнем стрелковые подразделения, удерживающие плацдарм на правом берегу Дона, чтобы не допустить форсирования гитлеровцами реки и не дать им продвинуться к Сталинграду.

По приказу командующего Донским фронтом К. К. Рокоссовского наше соединение 28 октября сдало свой участок обороны на Клетском плацдарме трем стрелковым дивизиям.

Получив новую задачу, наш артиллерийский полк проделал марш-бросок и расположился в хуторе Плешаковский Еланского района Сталинградской области, а во время сильнейшей пурги 8 ноября подразделения полка заняли боевые порядки восточнее хутора Ягодный. Началась суровая, со снежными заносами зима. Окопавшись в балке холодной донской степи, в плохо оборудованных, в один накат, блиндажах, мы подолгу сидели без дров и питьевой воды.

Наступило утро 19 ноября. Первые коррективы в детально разработанные планы внесла погода. Над землей поднялась плотная стена тумана. Пехоте от этого, может, и лучше. Артиллеристам же, как бельмо на глазу: никакой возможности наблюдать за результатами стрельбы. Остались на аэродромах и наши самолеты. И все равно в 7 часов 30 минут, как и намечалось, артиллерия дивизии и «катюши» начали артподготовку. Вначале последовал пятиминутный огневой налет на передний край противника. Затем в течение часа артиллерия долбила заранее разведанные огневые точки. Завершающий 10-минутный артналет совпал с сигналом о начале атаке. Наши атаки шли волна за волной. В течение дня батальоны преодолели проволочные за-

граждения, но остановились перед второй полосой минных полей. Задача, поставленная на этот день, не была выполнена. На рассвете 22 ноября после короткой артиллерийской подготовки подразделения снова поднялись в атаку.

19 декабря последовал разгром 11-й румынской дивизии. Был пленен весь ее штаб во главе с командиром.

Наши танковые группы, прорвавшись в тылы противника, бороздили донскую степь в самых разных направлениях, громили отходящие части, уничтожали резервы. Немцы рассыпались по заснеженной степи, прятались по балкам, голодали, обмораживались. Офицеры срывали погоны и сдавались в плен. Полки дивизии двигались колоннами в направлении города Каменск-Шахтинский. За три дня одолели более 100 километров. Однако на подходе к хутору Астахов наш 846-й артиллерийский полк внезапно атаковали 28 танков противника. К счастью, батареи не растерялись. Быстро развернулись в боевое положение и так врезали по танкам, что те едва успели скрыться. А на рассвете 22 декабря в районе совхоза «Красная Заря» Ростовской области подвергся внезапному нападению головной 851-й стрелковый полк.

Было это так. Рано утром полк двигался на марше. В воздухе стояла туманная морозная дымка. Видимость была плохая. Неожиданно слева от дороги из-за скирд показались танки. Некоторое время они шли параллельно с нашей колонной, и никто не обращал на машины особого внимания: пусть себе идут, куда им нужно. И тут произошло то, чего никто не ожидал: танки круто развернулись и устремились на колонну.словно из-под земли выросли немецкие автоматчики. Они открыли бешеный огонь. В нашей колонне возникло замешательство.

Но растерялись не все. Лейтенант Коттебеков приказал снять с машины два миномета. Их быстро установили на обочине дороги и ударили по автоматчикам. Быстро развернул свою 5-ю батарею ее командир старший лейтенант Лисовой. Нападавших удалось рассеять. Но пехота понесла ощутимые потери: более 300 человек было убито и ранено.

Вскоре выяснилась причина появления немецких танков на пути движения дивизии. Накануне крупная группировка противника была разгромлена советскими войсками. Многие пехотные и танковые подразделения противника беспорядочно отходили на запад.

В канун нового, 1943 года части нашей дивизии совместно с другими соединениями 3-й гвардейской армии примкнули к кольцу наших войск, окруживших немецкие войска под Сталинградом. Настроение было приподнятое. Чувствовали — отступлению больше не бывать. Никто, никакая сила не остановит наше победоносное наступление!

За заслуги в создании плацдарма в районе Клетской, в оборонительных боях северо-западнее города Сталинграда и в наступательных действиях в районе Среднего Дона весь личный состав нашей дивизии был награжден медалью «За оборону Сталинграда».

3 января 1943 года — новая радость. Поступил приказ Народного комиссара обороны «О преобразовании 278-й стрелковой дивизии в 60-ю гвардейскую».

Более двух недель простояла дивизия на занятых рубежах. Получая пополнения, полки готовились к новым боям. Во взаимодействии с прибывшими подразделениями 23-го танкового корпуса перешла к решительным действиям и наша 60-я гвардейская дивизия.

После артиллерийской подготовки танкисты корпуса стремительно пошли вперед. 13 января через образовавшуюся брешь устремилась к городу Каменску и наша пехота. Упорные бои за Каменск продолжались до начала февраля. Почти ежедневно наши части совершали перегруппировки, меняли рубежи, изматывали врага. Немало фактов героизма имело место в тех боях.

Расскажу о необычайном случае, приключившимся со снайпером 178-го полка гвардии сержантом Сторожуком.

В начале боя за город Капенск он поднялся на заводскую трубу, где и занял огневую позицию. Оттуда хорошо просматривалась окружающая местность, можно было держать под огнем подступы к заводу. Тогда немецкие автоматчики, прячась за танками, зашли с тыла и окружили трубу. Сторожук продолжал вести огонь. С наступлением сумерек фашисты решили «выкурить стрелка из трубы, заставив его спуститься вниз. Они развели костер, подбросив в него ядовитые вещества. Клубы зловонного дыма заполнили трубу.

Решив, что снайпер задохнется, немцы ушли, оставив двух часовых. Но Сторожук не задохнулся. Перед рассветом он бесшумно спустился вниз. Часовые спали. Сержант прошел их ав-

томатной очередью и бросился бежать. Сумел обмануть немецкие посты и пробиться к своим.

60-я гвардейская дивизия с боями прошла от Дона 400 километров, освободила более 100 населенных пунктов.

Запомнились строки из стихотворения фронтового поэта, помещенного в то время в дивизионной газете «Вперед к Победе»:

Открыли под Ягодным сами
На запад широкую дверь.
Дрались по-гвардейски за Каменск
И бьем по-гвардейски теперь.

Оккупанты были изгнаны из Ростовской области. Началось освобождение городов и сел Украины.

После очередной перегруппировки войск наша дивизия заняла рубеж в районе сел Богородичное и Голая Долина. Задача оставалась прежней — прорыв линии обороны противника.

Занимая лесной массив, растянувшийся до города Славянска, немцы скрытно подвезли и надежно замаскировали немало артиллерии, пехотных и механизированных частей. Внезапный атрналет прошелся по роще, где расположилась наша пехота. Враг был настойчив. Снова и снова шел в атаку.

Бой был жестоким. Заградительный огонь нашей артиллерии останавливал атакующих. Наши пехотинцы, атакуя, просачивались сквозь вражеские дзоты, огневые точки, накрытые стальным колпаком, продирались сквозь густой частокол заграждений и густой автоматный огонь. Но потом вынуждены были откатываться на прежние рубежи.

23 августа в полках были созданы штурмовые группы. Одну из таких групп, состоящую из топографов, связистов, других штабистов 2-го дивизиона, поручено было возглавить мне. Этим группам удалось преодолеть нейтральную полосу, забросать гранатами траншею, уничтожить отдельные огневые точки. Враг понес потери. Потери были и у нас. И все же решительного перелома достичь не удалось. Дивизия перешла к обороне. О жестокости боев свидетельствуют людские потери. Как мне потом стало известно, эти потери были примерно равны с обеих сторон. У немцев убитых и раненых до 700 солдат и офицеров. Наши потери: 726 человек убитых и раненых.

Но внезапно на нашем участке фронта произошел перелом. Оказывается, другие наши фронты сильно поднажали. Манштейн, который командовал противостоящей нам группировкой, понял, что пора сматывать удочки, и отдал приказ к отступлению. Наши подразделения немедленно перешли к преследованию.

Пусть у читателя не складывается впечатление, будто путь нашей дивизии к Запорожью был, образно говоря, устлан розами. Конечно, жители освобожденных городов и сел с радостью, с цветами встречали освободителей. Однако кровопролитные бои и яростные схватки с врагом были и унесли жизни многих гвардейцев дивизии.

Сбивая противника с промежуточных рубежей, гвардейцы дивизии в условиях бездорожья совершили 50-километровый марш к Павлограду. Появление советской пехоты и танков среди ночи на улицах Павлограда вызвало у противника замешательство. Старшина Филиппов во главе группы смело преодолевал улицу за улицей, косил врага из автомата. На пути группы оказалось двухэтажное здание бывшего педучилища. Окна были затемнены. Бойцы группы бесшумно окружили дом, прислушались: тишина. Тогда Филиппов вышиб прикладом дверь и вбежал по лестнице на второй этаж. Дал очередь из автомата вдоль коридора. Из комнаты стали выбегать заспанные немецкие офицеры и, не разобравшись спросонок, что происходит, бросились мимо Филиппова вниз. А здесь их встречали наши.

С другой ситуацией довелось столкнуться гвардии старшему сержанту Шленскому, который в числе первых проник на окраину города. Он заметил дом, из которого немцы вели сильный огонь. Пользуясь темнотой, Шленский незаметно проник туда и внезапно ворвался в комнату, где засело с десятков вражеских солдат. Часть их сразу полегла под очередями его автомата, часть стала выпрыгивать из окон. Подоспевшие товарищи уничтожали их. Особо отличалась группа под командованием офицера штаба 180-го полка старшего лейтенанта Федорченко. Гвардейцы сумели незаметно проникнуть на вокзал и отсюда внезапно ударили автоматным огнем по противнику. Павлоград был очищен от оккупантов.

Ратный труд гвардейцев был оценен по достоинству, приказом Верховного Главнокомандующего 60-й гвардейской стрелковой дивизии присвоено почетное наименование Павлоградская.

А уже 20 сентября 1943 года по приказу командования 12-й армии дивизия начала переход на ближайшие подступы к Запорожью. Бои на поступках к Запорожью отличались особым ожесточением. Что ни балка — огневая точка. Населенный пункт — узел обороны. Негде спрятаться, нечем укрыться от пуль и снарядов. Нелегкая задача выпала 185-му полку под командованием подполковника Вильховского и нашему 2-му артиллерийскому дивизиону под командованием капитана Ламина. 185-й и 178-й полки при поддержке артиллерии сумели овладеть нынешнем Заводским районом и прорваться в Вознесенку. Ликвидировав здесь очаги сопротивления, одновременно с частями других подразделений полки обрушили удары на центр и южную часть города и вынудили противника к полному отступлению. Командир 1-й роты 185-го полка старший лейтенант Солдатенко и сержант Полетаев воодушевляли бойцов личным примером. Рота первой ворвалась на окраину Запорожья. Дальнейшему продвижению мешал вражеский пулемет на перекрестке улиц. Группа бойцов во главе с Калапкиным под покровом ночи подкралась к пулемету и забросала его гранатами. Общими усилиями всех военных соединений 14 октября 1943 года город Запорожье был освобожден.

После ликвидации запорожского плацдарма противника войска фронта получили задачу форсировать Днепр и приступить к освобождению Правобережной Украины. Командующий 12-й армией приказал 60-й гвардейской стрелковой дивизии захватить остров Хортицу. По замыслу командования небольшое подразделение пехоты должно было форсировать реку, высадить на острове и оттянуть на себя силы противника, пока будут переправляться в другом месте остальные подразделения дивизии. Затем при поддержке артиллерии советские войска решительным ударом должны были опрокинуть противника в Днепр, очистить остров Хортицу от врага. Боевая операция могла быть удачной лишь в том случае, если наша артиллерия, расположенная на левом берегу, метким огнем окажет действенную помощь десанту. Разумеется, от корректировщиков зависело многое.

Командир дивизиона капитан Ламин возложил выполнение задачи, поставленной перед артиллеристами, на меня — начальника разведки дивизиона. На остров я со своими разведчиками и радистом должен был переправиться вместе с десантником на понтоне.

Стемнело. Ударная группа стрелков во главе с командиром батальона Кузнецовым, соблюдая полную тишину, спустилась к воде и погрузилась на понтон. Наша группа с такими же предосторожностями переправилась на втором понтоне. Опасные места как будто уже позади. Хотя в такой обстановке кто может сказать, где они — опасные места? И как бы в подтверждение этого один из гребцов повалился на спину, сраженный очередью трансирующих пуль. Вдруг неожиданный толчок — понтон сел на мель. В темноте нельзя было определить, далеко ли осталось до берега. С острова поднялась осветительная ракета. Надо было действовать. Через мгновение разведчики и десантники, следуя за мной в холодной воде, были на берегу. Принято решение — сосредоточиться, залечь и продвигаться к нашей пехоте. Ошеломив немцев внезапностью нападения, ударная группа на небольшом участке завладела их траншеями, захватила оставленную при бегстве пушку. Артиллеристам обрадовались пехотинцы: «Прибыли корректировщики!» Вот это дело! Мы обосновались в оставленном немцами блиндаже. И как-то легче стало на душе, когда радист установил связь с левым берегом. Только недолгим было затишье. Не успел я доложить обстановку, как ночную тишину разорвало протяжное завывание вражеских мин. Координаты минометов противника мною были немедленно переданы на левый берег. Заговорила наша артиллерия. Огневые точки противника были накрыты. Но надо было ждать атаки. Немцы имели превосходящие силы. Разведчики уже наладили было трофейное орудие, когда раздался возглас: «Немцы!» Атаки следовали одна за другой до самого рассвета. Всю ночь летели снаряды с левого берега, создавая огневой заслон перед десантниками. Не знаю, была ли еще ночь или наступило утро, помню только: прорвались гитлеровцы сквозь заградительный огонь, а наш правый фланг уже уничтожен, и у нас почти не оказалось патронов. Со всем близко пробежал немец, другой. Смотрю: пулемет устанавливают. Вот и над блиндажом уже топают: из пистолета застрелил пулеметчика. Второй схватил пулемет и бежать. На блиндаж посыпались гранаты. Подался я в проход поглубже. Все, кто остался еще живым, поняли: сейчас с нами покончат — окружены. В пистолете — последний патрон. Посмотрел на разведчиков. Весь как-то подобрался, готовый кинуться врукопаш-

ную Трегубенков. Все ждут чего-то. И только у одного есть действующее в полную силу оружие — рация. Гляжу на Мозгунова: брови сдвинуты, весь ушел в свои наушники. Тут и закричал я: «Передавай! Цель — наш наблюдательный пункт, огонь на нас! Огонь на нас!» Мозгунов будто и ждал этого. С азартом подхватил команду, ну, словно ему радость избавления она принесла, а не смерть. Исполнят ли наши артиллеристы команду? А тут разрыв — у самого входа разорвалась граната. Меня ранило в левую руку, сорвало провода и повредило рацию. Теперь уже не повторишь команду. А огня то нет. И тут рядом стали разрываться наши снаряды. Один снаряд разорвался совсем рядом с блиндажом. Немцев смыло, как грязь с крыши проливным дождем. И нам досталось. В потолке дыра. Рухнули на нас бревна, ветви, груды песка. От дыма задыхались.

Мы с Мозгуновым выбрались кое-как и — к своим, к левому флангу. А там — положение отчаянное. Патроны на исходе, людей осталось мало. Теснят их немцы к реке. Хорошо еще телефонная связь сохранилась. Связался с командиром дивизиона. Тот сначала не поверил, спросил, Кравцов ли это.

И снова корректирую огонь. И опять полетели снаряды с левого берега. Только наладилась обстановка, прервалась телефонная связь. Ранило Мозгунова. Делаю ему перевязку. Слышу команду: Немцы! Гранаты к бою! Отбросались гранатами. Уже стемнело, на какое-то мгновение стало тихо. Нам пополнение прибыло, прислали боеприпасы. Начали эвакуировать раненых. Я вел одного, следом несли Мозгунова. На левом берегу нас ждали.

Более успешной была высадка второго десанта на Хортицу, левее Днепрогэса, за железнодорожным мостом. Возглавлял эту группу десантников заместитель командира 178-го полка майор Йотка. А на третий день на занятом плацдарме находился уже и 180-й полк во главе с его командиром майором Чайкой.

Части 60-й гвардейской стрелковой дивизии 23 ноября передали занимаемые в Запорожье участки 244-й дивизии и начали скрытно сосредотачиваться в нескольких километрах южнее города. На новом участке наша дивизия второй раз успешно форсировала Днепр, прорвала оборону противника в районе села Разумовка, сбив заслоны врага к исходу 30 декабря, вступили на территорию Днепропетровской области. В тот день в селе

Владимировка дислоцировался наш 2-ой дивизион арtpолка. Согласно приказу на окраине села 31 декабря должна была занять противотанковую оборону 5-я батарея нашего дивизиона. Батарейцы только начали окапываться, как вдруг противник обстрелял артиллеристов. Пехотинцы, рассыпавшиеся по огородам, цепью пошли к лесопосадке, откуда велся неприятельский обстрел. Но продвинулись всего лишь метров на 50—70 и вынуждены были залечь, потеряв много убитых и раненых. Я в это время находился с разведчиками возле одного из домов, пытаюсь разглядеть сквозь туман местонахождение огневых точек противника. Это было днем 31 декабря 1943 года. В это время осколком разорвавшегося рядом снаряда меня ранило в бедро правой ноги. Удар был настолько сильным, что у меня создалось впечатление, что это был удар тяжелым бревном, я упал как подкошенный.

К счастью, вскоре ко мне подбежала батарейный санинструктор Аня Бровкина — маленькая, хрупкая девушка. Она перетащила меня в безопасное место и перевязала раненую ногу. В 12 часов ночи я лежал на операционном столе в госпитале города Запорожья. Врач поздравил меня с новым, 1944 годом и приказал медсестре дать мне наркоз. Так началось долгое лечение моей раненой ноги.

Позже из писем однополчан я узнал, что Аня Бровкина в тот день, невзирая на обстрел, перевязала очень много бойцов. Командование арtpолка представило Аню к награде. Получила ли она ее, до сих пор, к сожалению, не знаю.

28 января 1960 года я был назначен 1-м заместителем Прокурора РСФСР, а в январе 1971 года — Прокурором РСФСР. Тогда же, в 1971 году избран депутатом Верховного Совета РСФСР 8-го созыва. Впоследствии избирался депутатом 9-го и 10-го созывов. В апреле 1984 года последовало назначение на должность министра юстиции СССР и избрание депутатом Верховного Совета СССР 11-го созыва.

В 1990 году меня избрали членом правления Клуба Героев Советского Союза, Героев России и полных кавалеров ордена Славы. С 1993 года являюсь советником по вопросам законности в Гильдии российских адвокатов и вице-президентом Российской ассоциации Героев.

Герой Советского Союза, награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Дружбы народов, медалью «За оборону Сталинграда» и другими медалями. Заслуженный юрист РСФСР, «Почетный работник прокуратуры».

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Пахомова Елена Сергеевна**, студентка 2-го курса профессионального училища №5.

**Лобковская
Нина
Алексеевна**

БЫЛА ТАКАЯ РОТА...

Родилась в селе Федоровка Карагандинской области, Кузбасс. Национальность — русская. Вероисповедание — православная. В Коммунистическую партию вступила в мае 1944 года. Ворошиловский стрелок, член комсомола, Осоавиахима, а также других общественных организаций.

Снайперская школа

Я жила с родителями в столице Таджикистана Сталинабаде, ныне Душанбе. Отец работал на строительстве Варзоб ГЭС, шелковом и мясокомбинатах. Мать учительствовала в школе. Семья 8 человек: 5 детей (я была старшей) и больная бабушка.

Когда пришли сведения о начале войны, я училась в 10-м классе. Это не стало для нас неожиданностью. Накануне войны явственно ощущалась обстановка напряженности: в школе, например, все ученики проходили усиленную военную подготовку (учились ползать по-пластунски, обращаться с многими видами оружия), многие имели значки «Ворошиловский стрелок».

Очень скоро война отразилась на нашей жизни: вслед за эвакуированными в город стали поступать эшелоны с тяжелоранеными воинами. Все чаще и чаще стали провожать отцов и братьев на фронт мои подруги и знакомые.

В январе 1942 г. на фронт уехал и мой отец. Так война оказалась совсем рядом. В своих письмах с фронта отец писал о страшных зверствах, чинимых фашистами в захваченных городах и селах, что очень скучает о нас и бьет врага из пулемета, жаждет скорее разбить и выгнать врага из нашей Родины.

Горе очень скоро пришло в наш дом. Почта принесла «похоронку», в которой извещалось, что «Лобковский Алексей Григорьевич пал смертью храбрых в боях за город Воронеж».

Чувство глубокой ненависти и мести к врагу, который принес столько горя и слез, переполняло мое сердце, все тверже крепло во мне желание попасть на фронт. Но сделать это было непросто — девушек не брали в армию. И чтобы это обойти, я после окончания школы поступила в медицинский институт, где наряду с изучением специальных дисциплин учили оказывать помощь раненому: как делать перевязки, накладывать шину, выносить раненого с поля боя. Я надеялась, что медицинские знания помогут мне попасть на фронт. Параллельно с этим со своими сверстниками поступила на курсы стрелков при райвоенкомате. Стреляла я прилично и закончила курсы с похвальной грамотой.

В октябре 1942 г. ЦК комсомола обратился к молодежи с призывом овладеть оружием и вместе с отцами и братьями встать на защиту Родины. Вскоре Главвсеобуч при Центральной мужской снайперской школе под Москвой на станции Вешняки создал женские курсы снайперской подготовки. На эти курсы в город Сталинабад пришло две заявки. Помню, в институте шли занятия. Вдруг меня вызвали в учебную часть и сообщили, что райвоенкомат предлагает поехать на эти курсы. Я с радостью согласилась. Вторую путевку получила моя подруга Оля Марьенкина.

Женские курсы размещались в оранжерее усадьбы Шереметьева, сейчас там висит мемориальная доска. Приемная комиссия с особой тщательностью отобрала 300 наиболее физически крепких и выносливых девушек. В их числе оказались я и Оля. Нас одели в солдатскую форму, коротко остригли и зачислили в 1-й взвод 3-ей роты, командиром которой был старший лейтенант С.С. Писарев, побывавший на фронте.

Поначалу думали просто: позанимаемся месяц-другой, научимся метко стрелять и на фронт. Все время от подъема до отдыха было расписано по минутам. Занимались по 10—12 часов, из них 8—10 на местности. А зима 1942 г. выдалась суровая, холода стояли лютые. Часами учились ползать по-пластунски, быстро и искусно окапываться и маскироваться, стрелять по движущимся мишеням. Вечерами чуть живые добирались до казармы, падали на нары чуть живые. И только на фронте поняли, что командиры старались закалить нас, создать тройной запас выносливости, чтобы в боевой обстановке хватало сил для выполнения задачи.

Несмотря на трудности и мороз, мы учились старательно, внимательно осваивая премудрости военного и снайперского дела. За отличные показатели многие из нас были награждены «Похвальными грамотами» ЦК комсомола, а Саша Шляхова и Клава Прядко — именными снайперскими винтовками.

В мае 1943 г. приказом НКО СССР женские курсы при мужской школе были преобразованы в Центральную женскую школу снайперской подготовки и переведены в г. Подольск. В июне 100 девушек были направлены на Калининский и Северо-Западный фронты. Остальные остались младшими командирами-инструкторами обучать пополнения курсантов.

Калининский фронт

Настал долгожданный день. Солнце освещало золотистыми лучами окна домов, когда мы с вещевыми мешками, снайперскими винтовками и скатанными шинелями шагали по улицам Москвы к Рижскому вокзалу и пели «Прощай, любимый город». На вокзал приехал начальник Главвсеобуча генерал-майор Николай Николаевич Пронин, которого за ласковую улыбку и отцовскую заботу называли «батей», и заведующий военным отделом ЦК комсомола Александр Николаевич Шелепин. Они вручили каждой пакет с бумагой и прекрасный нож, который на фронте очень пригодился и был предметом зависти разведчиков.

До места назначения нас сопровождали командир 3-й роты капитан С. С. Писарев и начальник политотдела майор Е.Н. Никифорова. Наша группа — 50 девушек-снайперов была направ-

лена на Калининский фронт в 3-ю Ударную армию, которая только что провела успешные бои по освобождению города Великие Луки. Привезли нас в расположение 153-го запасного стрелкового полка армии. Командир полка — полковник Чикарьков и штабные офицеры встретили нас с нескрываемым любопытством и восхищением, видя нашу армейскую выправку. Нас спрашивали, нет ли кого из Киева, Ленинграда, Москвы... Называли множество больших и малых городов и очень радовались, когда находили своих землячек.

На следующий день были назначены пристрелка винтовок и показательные стрельбы. Узнав, что проверку мы прошли успешно, в полк приехал командующий армией генерал-лейтенант К. Н. Галицкий, начальник политотдела армии полковник Ф. Я. Лисицин, его помощник по комсомольской работе майор С. В. Игнатов. В торжественной обстановке командующий вручил снайперские книжки — как путевки в боевую жизнь, пожелал нам солдатского счастья и бить врага так же метко, как поражали мишени. Сообщил также, что штаб армии решил не разбивать нашу роту по дивизиям, а сформировать армейскую роту снайперов, направлять ее на те участки фронта, где будет наибольшая нужда в снайперах. Нам представили командира роты старшего лейтенанта Чечина, а затем избрали комсорга роты — Сашу Шляхову. Вскоре выдали маскировочные костюмы зеленого цвета.

Ранним июльским утром пришла три машины. Еще до восхода солнца рота погрузилась и отправилась на передовую в расположение одной из лучших дивизий армии — 2-й гвардейской, которая занимала линию обороны в районе Птахинской высоты в Псковской области. Высота господствовала над местностью на многие километры в глубь зоны противника, что создавало благоприятные условия для снайперской «охоты». В штабе дивизии роту разбили на три группы и в сопровождении проводников отправили по стрелковым батальонам. Жили в землянках по 8-10 человек при штабах батальонов. К каждой снайперской паре прикрепили опытного снайпера или бывалого солдата. Мне и Вере Артамоновой в наставники дали Черных — пожилого человека, побывавшего во многих боях. На груди его сверкали медаль «За отвагу» и гвардейский знак. Он сразу расположил к себе тем, что назвал нас «дочками».

Черных учил нас, как оборудовать снайперскую ячейку в болотистой почве, как маскироваться, где лучше выбирать по-

зицию для охоты, как распознавать вражеских стрелков, пулеметные точки.

Девушки были охвачены одним желанием — скорее открыть боевой счет. Первой повезло Ане Носовой, вслед за ней — Любе Макаровой. В нашей группе первыми успеха достигли Нина Белоброва, Рая Благова и Лида Ветрова.

А у меня и Веры долго ничего не получалось. И только на седьмой день упорного наблюдения удалось заметить вражеского солдата, вычерпывавшего воду из траншеи. Время от времени он прекращал работу, на несколько секунд высовывался из окопа и рассматривал нашу оборону. Было тихо. Стоял теплый летний день, только стрекотали кузнечики в траве да чуть слышно доносилось из леса щебетание птиц. Вера и я сразу взяли его на прицел. Когда фашист высунулся из окопа по грудь, мы одновременно залпом выстрелили. Черных, наблюдавший в бинокль, радостно воскликнул: «Вот здорово, так их, гадов, и надо бить!»

Пробыв в 21-й гвардейской дивизии около месяца, девушки-снайперы получили первое боевое крещение и опыт фронтовой жизни. За это время крепко сдружились с бойцами и командирами. Как правило, относились они к нам с большим уважением и доверием, называя нас «сестренками» или «дочками». Солдаты помогали выкапывать землянку, выбирать и оборудовать ячейку, охотно вызывались помочь обнаружить вражеского снайпера или пулеметчика и шли на смертельный риск, вызывая огонь врага на себя. Надежно нас охраняли и прикрывали пулеметным огнем, когда мы находились в засаде на «нейтралке».

После стажировки в 21-й дивизии нашу роту отвели на короткий отдых, а затем пригласили на армейский слет снайперов. На него прибыли лучшие снайперы армии. Тут были известные на всю армию снайперы М. Ю. Буденков, Михаил Ганночка, Николай Санин, Степан Петренко, Иван Ткачев и многие другие мастера меткой стрельбы, имевшие на своем счету десятки и сотни уничтоженных гитлеровцев.

После слета, пока армия готовилась к наступательным боям, мне с группой девушек было поручено обучать снайперскому делу молодых воинов. Остальная часть роты была направлена в 357-ю стрелковую ордена Суворова дивизию, которая занимала оборонительные рубежи в районе крупного железнодорожного узла Новосokolьники. После обучения бойцов туда была на-

правлена и наша группа. За долгие месяцы обороны советские войска и противник «глубоко зарылись» в землю. На переднем плане появилась сложная система ходов сообщений. Очень трудно было в этих условиях вести снайперскую «охоту». Приходилось выбираться на нейтральную полосу, в засаду, и от зари до темноты выслеживать врага. Порой проходили недели, — и все безрезультатно. Сидеть в грязи, по колено в воде и вести наблюдение за противником было очень мучительно. Но вот наконец, готовясь к наступлению армии, командование 357-й дивизии на соседнем участке, где действовала группа наших девушек, решило провести разведку боем, чтобы взять «языка», уточнить систему огня и построение вражеской обороны.

Таня Кузина, Маша Аксенова, Соня Кутломометова и Таня Комарова имели в этом бою задачу: огнем и дымовой завесой прикрыть возвращение разведчиков. Когда разведчики возвращались с «языком», гитлеровцы их заметили и открыли пулеметный огонь. Девушки стали быстро бросать на пути отхода дымовые шашки. Противник, лишившись возможности вести по группе захвата прицельный огонь, стал бить из минометов по нейтральной полосе — очагу домовой завесы. Вскоре Таня Кузина, Маша Аксенова и Тоня Комарова получили осколочные ранения. Находясь на соседнем участке и узнав об этом, мы прибежали проститься с подругами. Они лежали на повозках, в бинтах и бледные от потери крови. Было видно, что их мучает боль, но девчата сдерживали стоны и тоже пытались улыбаться нам. Мы же, сдерживая слезы, говорили им какие-то бодрые, утешительные слова, а сердца разрывались от жалости и печали. Было невыносимо и противоестественно видеть истерзанных вражеской сталью молодых и красивых девушек.

Таня Кузина и Маша Аксенова больше к нам не вернулись по состоянию здоровья, а Тоня Комарова после госпиталя, несмотря на инвалидность и предложение остаться в снайперской школе, летом 1944 года вновь прибыла на фронт, разыскала нас и продолжала уничтожать захватчиков. Впоследствии она была удостоена ордена Красной Звезды и многих медалей.

Через несколько дней группу снайперов из 357-й стрелковой дивизии отозвали в 153-й армейский запасной полк, который должен был занять участок обороны на рубеже Раструбово — Святая — Клеши для участия в Невельской операции. Но в обороне мы стояли недолго. Вскоре вслед за частями 3-й Ударной армии

153-й стрелковый полк, прорвав оборону, с боями продвигался на запад.

В период наступательных боев снайперская рота находилась в стрелковых подразделениях, вместе с солдатами ходила в атаку, выбивала врага из деревень и железнодорожных станций. Особенно трудны были многокилометровые марши по заболоченным лесам. Проселочные дороги от обилия дождей и непрерывного движения пехоты и техники превращались в жидкое и топкое месиво. Насквозь промокшие под проливными дождями, по колено в грязи мы держали друг друга под руки, чтобы не заснуть на ходу, а если кто засыпал или падал, то идущие рядом помогали товарищу идти дальше. Было очень трудно. Даже лошади не выдерживали и, выбившись из сил, падали. Передвижение проводилось скрытно, только ночью, а днем укрывались в лесу от «рамы» — самолета-разведчика. Бывало, выберем ель или сосну поразвесистей, набросаем хвойный лапник, завернемся в плащ-палатку и, прижавшись друг к другу, заснем как убитые. А проснемся от страшного холода и сырости, так как болотная вода пропитала подстилку, ватные брюки и телогрейку.

Одной из самых ярких страниц осенне-зимнего наступления 3-й Ударной армии была операция по освобождению города Невель. 6 октября после мощного артобстрела части 21-й и 46-й гвардейских стрелковых дивизий при поддержке 78-й танковой бригады ворвались в город. Немецкие регулировщики, приняв танки за свои, указывали им дорогу вперед. В это время на железнодорожной станции гитлеровцы производили посадку юношей и девушек для отправки в Германию. В горячей схватке автоматчики перебили охрану и освободили узников из вагонов. Измученные, но счастливые женщины, подростки со слезами бросались бойцам на шею, целовали и благодарили своих спасителей.

Освободив Невель, войска 21-й гвардейской дивизии заняли оборону и начали укреплять позиции. В это время снайперскую роту вновь направили в распоряжение дивизии генерал-майора Д. В. Михайлова. Моя группа попала в 59-й гвардейский полк, которым командовал майор Соловьев. Здесь мы получили специальную боевую задачу: не допустить, чтобы новое оружие, которое появилось в полку — огнемёты, попали в руки врага. Мы сразу разместились снайперскими парами по линии нашего участка обороны и хорошо замаскировали наши ячейки и огнемёты.

С потерей Невеля, крупного транспортного узла, опорного пункта, где были сосредоточены склады продовольствия и боеприпасов, немцы не могли смириться. Они спешно перебрасывали свои резервы на наш участок и ожесточенно дрались с нашими войсками, теперь уже оборонявшими Невель. Десятки вражеских самолетов непрерывно бомбили наши позиции, им вторила немецкая артиллерия. Снаряды и бомбы летели прямо на нас и рвались рядом. Вся земля на переднем крае была буквально вспахана. Вслед за бомбежкой гитлеровцы предприняли 12 контратак, стремясь выбить нас с занятых позиций и во что бы то ни стало вернуть город. Но мы так вгрызлись в родную землю, что никакая сила не могла оторвать нас от нее.

Это был тяжелый страшный бой. Но нам было не до страха, каждое мгновение этого сражения было заполнено боевой работой: мы отбивали контратаки, перевязывали раненых, стреляли не только из винтовок, но и из пулемета, когда был ранен наш пулеметчик. А когда был ранен в плечо наш огнеметчик, я и Вера Артамонова, моя снайперская напарница, перевязали его и помогли направить огнемет на врага. Это был самый страшный бой в моей жизни. Как мы уцелели, одному Богу известно...

На следующий день после этого боя мы узнали из сообщений по радио, что за мужество и стойкость, проявленные в Невельской операции, 21-я гвардейская дивизия, 78-я танковая бригада и другие подразделения, участвовавшие в операции, удостоены почетного наименования «Невельские». Нам, девушкам-снайперам присвоили звание гвардейцев, и командир дивизии вручил нам гвардейские значки. В этот день Москва салютовала доблестным воинам, освободившим город Невель, 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий. 3945 воинов армии получили правительственные награды. Среди них пять девушек снайперов, награжденных орденами Красного Знамени. Это гвардии сержанты: Маринкина К. В., Обуховская Н. П., Онянова Л. А., Мотина Е. Г., и Лобковская Н. А.

Вскоре после Невельской операции, получив пополнение, дивизия продолжала наступательные бои, в результате которых были освобождены сотни сел и деревень Невельского района. Противник оказывал ожесточенное сопротивление. Каждое село, шоссе или железнодорожную дорогу приходилось брать с боем. Особенно тяжелые, кровопролитные бои шли в районе

деревень Сысоево, Гатчино и Мотовилиха. Лесисто-болотистая местность здесь пересечена извилистой рекой. Враг находился здесь в более выгодном положении. Отступая, противник занял господствующую над местностью высоту и прямой наводкой простреливал наши позиции. Чтобы выбить врага, ночью саперы навели через реку понтонный мост, по которому на другой берег перебралась ударная группа, куда входили снайперская рота и несколько танков. В результате смелой и решительной рукопашной схватки гвардейцам удалось выбить врага из первой линии траншей и на небольшом участке закрепиться.

Помню, день уже клонился к вечеру, когда наступило затишье. Мы все с нетерпением ждали наступления темноты и подкрепления. Недалеко от окопа, где укрылись мы с Верой, стоял подбитый танк. Каково же было удивление, когда в наступившей тишине слышали стоны и просьбы о помощи. Стоны становились все громче и настойчивее. Вера и я (мы по-прежнему были в паре) стали обдумывать, как пробраться к танку и помочь раненым. Преодолевая кочки и колючий кустарник, ползком доползли до танка, стучим. В ответ брань и слова, что советские люди умирают, но не сдаются врагу. Стали их убеждать, что мы русские девчата-снайперы. Услышав родную речь, танкисты открыли десантный люк. Прямым попаданием снаряда был убит водитель танка, а командир и наводчик серьезно ранены. В особо тяжелом состоянии был командир, который из-за большой потери крови и тяжелого ранения был без сознания. Вытащить его из танка оказалось нелегким делом. С большим трудом извлекли его и, прячась за танком, как могли, перевязали, уложили на плащ-палатку и поползли назад. Тащить приходилось ползком. Сил не хватало. Руками и зубами, ухватившись за углы палатки, метр за метром подтаскивали грузное тело танкиста к своим окопам. Наводчик помочь не мог, так как тяжело раненный в ногу едва сам передвигался и с трудом полз за нами, волоча свое и наше оружие. Командир иногда приходил в себя и от сильной боли громко стонал, просил воды. Мы уговаривали его потерпеть еще немного, не стонать, иначе услышат гитлеровцы и накроют миной. Казалось, прошла вечность, пока достигли укрытия. Мы были счастливы тем, что спасли танкистов.

Еще большую радость я испытала, когда через двадцать лет гвардии полковник Попов, увидев в «Огоньке» мой портрет, разыскал меня в Москве. Сидя у меня дома с женой и сыном, он

взволнованно рассказывал, как две девушки, беленькая и черненькая, спасли его. «Черненькой» была я.

На следующий день бой продолжался. Тяжело ранило командира батальона, погиб командир роты, были убиты и ранены многие солдаты. Враг перед наступлением темноты в тринадцатый раз пошел в атаку. Мы понимали, что наступила последняя решающая минута: если дрогнем — все жертвы напрасны. И вот враг уже совсем близко. Казалось, еще секунда — и сомнут нас. В этот решающий миг на бруствере траншеи появилась маленькая, но решительная фигура Гали Кочетковой. Она звонко крикнула: «За мной, ребята, я, девчонка, и то не боюсь!» Вслед за ней из траншей все, кто был жив и легко ранен, с криками «ура!» бросились в отчаянную контратаку. Противник не выдержал дерзкой вылазки и повернул назад. Мы не преследовали врага. Галя в этой лихой атаке осталась живой. Мы были восхищены своей подругой, а командование представило ее к награде. Но, увы, Галя своей награды и не увидела, так как вскоре в таком же тяжелом бою погибла, оставив в нашей памяти нежный певучий голосок и образ хрупкой веселой девушки из Рязани.

Через несколько дней мы вновь прорвали оборону противника. Наступательные бои были очень тяжелые и кровопролитные, каждое село, каждую высотку приходилось брать штурмом. В этих боях кроме Гали погибло много девушек нашей роты: украинка из шахтерского городка Брянка Клава Прядко, дочь татарского народа Соня Кутломометова и другие.

Участие в наступательных боях было для нас суровым испытанием, но наша рота его выдержала. Многие девушки были представлены к ордену Славы III степени — Нина Белоброва, Маша Зубченко, Саша Виноградова, Ия Галиевская, Вера Артамонова, Тося Болтаева и другие. А пять девушек — Саша Шляхова, Дуся Мотина, Нина Обуховская, Лида Онянова и я были награждены орденом Боевого Красного Знамени. Многие получили ордена Отечественной войны. В конце декабря 1943 г. 21-я гвардейская сдала свой участок обороны 370-й стрелковой дивизии и ушла на перегруппировку. Нашу роту отвели на отдых в район штаба армии. Разместили роту в большой санитарной палатке. При входе слева и справа находились нары из досок, покрытые сеном и соломой. С потолка спускалась прикрепленная к балке большая электрическая лампочка, заливавшая все ярким ослепительным светом. После многомесячной окопной жизни в тес-

ных, душных и сырых землянках и траншеях палатка показалась раем. Приехали уставшие, оборванные и грязные. Первым делом нас повели в деревенскую баню. Ох, какое это было наслаждение — после утомительных походов, жарких боев, грязи и дымов попасть в баню, поплескаться в горячей воде, подышать сухим паром! После бани выдали чистое, новое белье вместо нашего вшивого и грязного. Впервые за много дней спали спокойно и проспали более двух суток.

После осенне-зимних наступательных боев 1943-1944 гг. на фронте наступило некоторое затишье. Соединения 3-й ударной армии перешли к обороне. В дивизию прибывало пополнение, проводилось обучение, обмен боевым опытом, шла подготовка всех родов войск к новым наступательным боям.

В мае в 153-й запасной стрелковый полк прибыло пополнение и для нашей роты из 10-й армии. Все девушки-снайперы были собраны в одну группу и направлены в нашу армейскую роту снайперов. Так образовался 3-й взвод нашей роты.

В июне состоялся второй армейский слет снайперов. На него собрались лучшие, известные всей армии мастера меткого огня. На слет были приглашены и мы. В работе слета приняли участие члены Военного совета, начальник штаба армии, командиры дивизий и полков, в том числе и новый командующий армией генерал-лейтенант В. А. Юшкевич. Они принимали участие в учебных занятиях, на которых снайперы обменивались опытом, присутствовали на практических стрельбах. Девчата на этом слете вновь не посрамили ни себя, ни школы и показали хорошие результаты.

После слета командование поощрило девушек 1-ого взвода отпуском домой на целый месяц. А меня, к глубокому огорчению, не только не отпустили в отпуск, но и назначили командиром 2-го взвода, сформированного из пополнения. Делать было нечего, пришлось снова брать свою «снайперскую» в руки и ехать в дивизию с новым пополнением. Девушки встретили меня приветливо и даже с восторгом, видя мои боевые награды.

Вскоре штаб армии направил 2-й взвод в 1253-й полк 379-й стрелковой дивизии, которая занимала оборонительные позиции в районе реки Великая и городов Новосокольники — Сабез. В расположение полка прибыли на машине. Весть о приезде девушек-снайперов воины окопного плана всегда встречали тепло

и приветливо. Солдаты и командиры охотно оказывали помощь и поддержку.

Однажды перед расположением 2-го батальона был замечен немецкий снайпер, который каждый день подстреливал наших бойцов, пробиравшихся к походной кухне или за боеприпасами. В эту роту направилась я с Верой Кабирнюк и ее напарницей Машей Путевских. Разместились на разных направлениях, на стыке траншей, определив каждой сектор наблюдения и обстрела. Местность была пересеченная, лесистая, впереди высотка. Откуда стрелял снайпер, солдаты сказать не могли. Началось терпеливое изучение переднего края противника и выслеживание снайпера. Мы установили, что у противника сплошной линии траншей на этом участке нет. К высотке, на которой находился противник, с тыльной стороны подходил лес, что давало возможность врагу скрытно подходить к ней. А наши траншеи проходили по небольшой возвышенности. Так что между нами и немцами была небольшая лощина шириной 200—250 метров. На третий день утро было тихое, воздух прозрачным, солнце освещало оборону противника. Вдруг прозвучал выстрел, и нам удалось засечь его по легкому дымку на фоне леса и определить район, откуда стреляли. На этом месте сосредоточили все внимание.

На следующий день, еще до восхода солнца, прибыли на место, устремили взоры вперед. Вдруг вижу невооруженным взглядом — метров 30-40 левее от моего ориентира стоит немецкий солдат, в белой рубашке, китель на плечах, офицерская фуражка на голове, и рассматривает нашу оборону. В первое мгновение даже растерялась, увидев его так близко и четко. Но тут же осознав, что это враг, взяла на мушку и выстрелила. Однако поторопилась и попала в фуражку. Фуражка упала, а он стоит. Фриц понял, что стрелял снайпер, помахал мне кулаком и исчез. С этого момента началась наша дуэль не на жизнь, а на смерть. Мы не видели, но постоянно чувствовали его присутствие. Мы всячески вызывали его на выстрелы, и однажды он выстрелил на приманку Веры Кабирнюк, что подтвердило его местоположение. А вечером, когда солнце осветило нашу сторону, я допустила оплошность, не закрыв затемнителем окуляр прицела — и солнечный луч попал на оптику. Враг сразу выстрелил, пуля попала в металлическую оправу прицела и рикошетом пошла в каску, ранив меня в висок. Я ухватила за голову, боли не чувствую, а кровь течет, правда, не очень сильно. В одно

мгновение, оставив свою винтовку в прежнем положении, метнулась к Вере. Схватила ее винтовку и с ее ракурса стала наблюдать за ним. Когда он приподнялся на фоне неба и сквозь кусты появился контур его каски, я взяла прицел ниже каски и выстрелила. Кусты чуть наклонились, и что-то покатилося вниз по склону. Больше оттуда не стреляли.

Пленные, взятые на этом участке, показали: это был не снайпер, а офицер, командир подразделения. Этот офицер тренировался в стрельбе по нашим солдатам. Это был единственный гитлеровец из 89, мною уничтоженных, которого я видела в лицо и восприняла как человека. Обычно же мы стреляли, как в школе, как бы по мишеням, зная, что это враг, который пришел в нашу страну грабить и убивать. При этом было одно желание — скорее освободить нашу землю от насильников — фашистов и закончить войну. Мне же из этой дуэли на всю жизнь запомнился грозный кулак и остался шрам на лбу от пули, которая чуть не лишила меня жизни.

2-й Прибалтийский фронт

В начале октября 1944 г. армейскую роту снайперов в четвертый раз направили в 21-ю гвардейскую дивизию, ставшую нам родной. К тому времени она вела ожесточенные бои в районе города Добеле.

Помню, в пять часов утра, как обычно, нас разбудил часовой. Мы быстро собрались и через 20 минут были готовы отправиться в путь. Рассвет только начинался. Вдруг ко мне подходит Тоня Бойкова, в паре с которой я шла на охоту, и говорит: «Знаешь, Нина, мне сегодня не по себе, наверное, меня сегодня убьют». Я, успокаивая ее, говорила, что это просто результат нервного перенапряжения, а также предложила ей остаться за дневального. Она немного подумала, а потом, усмехнувшись, ответила: «Нет уж, прятаться я не стану, если суждено мне погибнуть, так уж пусть на боевом посту, а не в землянке».

Пришли на место вовремя. На этот раз наша ячейка находилась на «нейтралке», выдвинутая на 70—80 метров от наших траншей к шоссе-дороге, которую мы должны были охранять. Опасаясь, как бы нас не схватили «языками», я вылезла из ячейки на поверхность так, чтобы видны были подходы к нам, и

замаскировалась в кустах рядом с ячейкой. Тоня вела наблюдение из ячейки. Перед нами большая поляна, вдали в 200—300 метрах опушка леса. Шоссейная дорога как бы рассекала позиции врага. Наша задача состояла в наблюдении и воспрепятствовании движения противника через «большак». Вскоре Тоня обнаружила, что немцы перебегают дорогу. Я также засекла участок леса, где у фашистов было наибольшее движение.

Вдруг Тоня говорит: «Наблюдай в сектор Б, я стреляю». Я быстро переключилась в ее сектор и вижу в бинокль: в 30 метрах от дороги промелькнула фигура фрица и сразу исчезла, затем появилась у подножия насыпи дороги. В тот момент, когда фашист появился на шоссе, Тоня выстрелила. Но он продолжал двигаться и, добежав до левого края дороги, скрылся. Не попасть на дистанции 200—300 м в такую цель было просто абсурдно. Цель была почти во весь рост — и вот тебе промах. Я спрашиваю: «Что случилось? Почему промах?» Она отвечает: «Почему-то волнуюсь и какая-то непонятная дрожь». Я попросила больше не стрелять и вести наблюдение за моим участком, на котором в глубине леса три человека пробирались от дерева к дереву к опушке леса. Подойдя ближе, они долго стояли за деревьями, выглядывая из-за них. На переднем крае стояла тишина, лучи осеннего солнца ярко освещали поляну, и только редкие одиночные выстрелы нарушали эту тишину. Тониного выстрела они, очевидно, не заметили.

Наконец, один из них вышел из своего укрытия, сел на корточки и разложил на коленях карту. Он что-то наносил на нее, а двое, стоявшие за деревьями, вели наблюдение. Я решила первым выстрелом уложить сидячего, это был наверняка старший. Не успела нажать на спусковой курок, как раздался выстрел, вслед за ним последовал мой. Одновременно с выстрелом почувствовала удар. Сначала не поняла, где возникла боль, и думала, что это удар от плохо прижатой винтовки. Но — увы. Скатилась в ячейку и вижу: Тоня в странной позе лежит на дне ячейки с окровавленной головой. Быстро вытащила перевязочный пакет и бросилась к ней. Но помощь была уже не нужна. Кровь била фонтаном, лицо Тони быстро из розового превращалось в восковое.

Я впервые так близко видела страшную «смерть», и сердце мое содрогнулось от жуткого страха. Мысли панически заматались: «Что делать?» Если поползу, пулеметчик, который убил

Тоню и ранил меня, перережет пулеметной очередью. Если останусь в ячейке, сообщит своим артиллеристам, и меня накроют артогнем или минами. В общем, я решила лучше действовать, чем сидеть и ждать.

Опершись на приступку, рывком выскакиваю из ячейки изо всех сил, не обращая внимания на боль в ноге, по-пластунски поползла к нашим траншеям. Как проползла 70—80 метров, не помню. Очутившись у траншеи, кубарем полетела вниз. В это время услышала свист мимо пролетевших пуль и дробь пулеметной очереди. Но было уже поздно. Меня подхватили солдаты и потащили вглубь обороны. И вовремя, так как вслед последовал яростный минометный обстрел. Стреляли по нашей ячейке. Вражеский пулеметчик дал точные координаты. Меня отправили в госпиталь, а Тоню с наступлением темноты вытащили из ячейки и похоронили в латвийском городе Добеле.

Я часто вспоминаю Тоню и думаю о ее поразительном предчувствии и о ее горячем желании служить Родине и сражаться за ее честь и достоинство на поле боя. Какой пример патриотизма простой девушки, единственным богатством которой была советская Отчизна.

Польша

В декабре 1944 г. после взятия Риги и освобождения Латвии 3-ю ударную армию перебросили на 1-й Белорусский фронт.

Мы ехали в пульмановском вагоне, посередине которого стояла железная печка. На улице бушевала пурга, свирепствовали морозы, а у нас было тепло и уютно.

Приехали в Польшу в конце декабря. Части нашей армии разместились по хуторам в крестьянских домах. В одном из них поселились мы всей ротой. Нашей хозяйкой была миловидная и добрая женщина средних лет. Мы охотно называли ее Паней.

Первое время армия находилась в резерве 1-го Белорусского фронта. Весь личный состав упорно готовился к боям за Варшаву. Мы, снайперы после пристрелочной стрельбы, осваивали тактику «охоты» в условиях уличного боя.

Вместе с боевой учебой велась большая воспитательная работа. Ведь наша армия уже находилась за пределами Родины. Нас окружали не советские, родные нам люди, а люди, говоря-

щие на мало понятном языке, смотрящие на нас как с надеждой, так и настороженно и с опаской. В роту приезжали офицеры из политотдела армии, особенно часто бывал майор С. В. Игнатов. Он привозил газеты и письма, которые получали через штаб армии. В лекциях и беседах они разъясняли, как важно показать польскому народу, что мы пришли к ним не как завоеватели, а как друзья-освободители, и призывали высоко нести честь советского воина, воина-освободителя.

Надо сказать, что за время пребывания в Польше между нами — советскими воинами и местным населением установились дружеские отношения. Помню, как наша хозяйка охотно предлагала свою картошку, молоко и другие продукты, а мы делились с ней своим солдатским пайком. Она относилась к нам душевно. Старалась получше натопить печь, получше заправить керосиновую лампу, побольше принести пахучего сена, чтобы нам мягче спалось на полу.

Ночью 17 января Войско Польское и 3-я Ударная армия, преследуя отступающего врага, вошли в Варшаву. Отступая, фашистские изверги разграбили, разрушили город и подожгли все, что могло гореть. Было еще темно, когда наша часть вошла на улицы Варшавы. Весь город был объят дымом и пламенем. Огромные многоэтажные дома стояли с черными, зловеще зияющими квадратами окон, обуглившиеся и разрушенные. Всюду валялись груды кирпича, камней, не догоревшие в огне книги, различные предметы быта. Мы шли молча, подавленные, осматриваясь по сторонам, и тяжело вздыхали. Все думали об одном: в такие же руины фашисты превратили многие наши города. Местных жителей не было видно. Город казался вымершим. Мы долго шагали по горящим и разрушенным улицам. Наконец, вышли на окраину города, на широкую шоссеиную дорогу. Стало уже светать, когда встретили первых варшавян. Это были уставшие и изможденные люди. На колясках, телегах они везли детей и пожитки, возвращаясь из соседних деревень в родной город. Трудно забыть огромную радость варшавян, которую они проявляли при виде нас, воинов Советской Армии. Это подняло нам настроение и придало силы.

Стройная колонна четко шагающих во главе колонны и поющих девушек со снайперскими винтовками на плече вызывала удивление и восторг варшавян. Многие бежали за нами, стара-

ясь пожать нам руки или просто дотронуться до нас, и вслед нам кричали: «добре пани», «спасибо за свободу».

После Варшавы Красная Армия неотступно преследовала отступающего врага. Чувствовалось наше преимущество перед ним. В воздухе господствовала советская авиация. Впереди двигались танковые и механизированные соединения.

Труднее всего было царице полей — пехоте. Чтобы не отстать от штурмующих частей, нам пришлось в течение двух недель каждый день совершать ускоренные переходы по 50—55 километров. Это было для нас тяжелое испытание. Шли по асфальту днем и ночью при полной боевой выкладке. Особенно трудно было в первые дни. Ноги так разбивали и натирали, что они превращались в сплошные нарывы, а, когда достигали пункта отдыха, то валялись спать в одежде и обуви.

Ноги так отекали, что снять сапоги и натянуть их обратно было невозможно. Казалось, сил больше нет. Но через несколько часов отдыха, с новыми силами, преодолевая страшную боль в ногах, начинали новый, не менее трудный переход. Молодость все преодолевала.

Так за две недели стремительного марша протопали по Померании более 400 километров.

Германия

Границу фашисткой Германии войска 1-го Белорусского фронта перешли 29 января 1945 г. На границе рядом с указателем на Берлин был установлен огромный плакат, на котором большой мозолистой рукой указывалось — «Вот оно, проклятое фашистское логово!» Это был незабываемый день. Советские воины радостно обнимались и, выражая свой гнев и ненависть к стране-агрессору, топтали, плевали и растирали солдатскими сапогами проклятую землю, взлелеявшую фашизм. Девчата обнимались и, целуя друг друга, плакали от радости. Все мы были счастливы от того, что довелось дожить до этого долгожданного и выстраданного дня, чтобы бить врага на его территории.

Первое время, беря один населенный пункт за другим, мы не встречали ни одного немца, ни старого, ни малого. Запуганное геббельсовской пропагандой население бежало в глубь страны. Размещаясь на отдых в населенных пунктах, мы интере-

совались буквально всем. Дома, как правило, добротные, благоустроенные. Особенно восхищала нас первое время немецкая кухня. Все блестит белизной, кухонная утварь сделана изящно, каждая вещь знает свое место. Порядок идеальный. Во всем чувствовались благополучие и достаток. Но вскоре немецкая пунктуальность и аккуратность нас уже не восхищала, а раздражала. Особенно после того, как мы стали встречать в особняках советские вещи. На многих вещах этикетки разных стран. Красивые вазы, бокалы, рюмки и другие хрустальные изделия с этикетками Франции, Чехословакии, Советского Союза и других стран, заключенные в стеклянные горки и зеркальные шкафы, сверкали всеми цветами радуги и как бы кричали: «Нас украл там-то, освободите...»

Многие солдаты от ненависти за страдания, принесенные нашему народу гитлеровцами, не могли спокойно видеть эти благополучия, в зеркально-полированном блеске им мерещилось обугленные, дымящиеся развалины родного дома, родного города и трупы людей. И случалось так, что сердце солдата не выдерживало и, входя в такие особняки, он «расписывался» автоматной очередью на зеркале или полированном шкафу.

Но вскоре в результате большой разъяснительной работы советский воин понял, что не вещи и даже не немецкий народ виноваты в его бедах, а гитлеровская фашистская партия и ее армия. Ненависть и гнев надо направить на эту партию и военную машину, чтобы разбить и уничтожить ее. И советские воины беспощадно громили гитлеровцев, все сильнее сужая кольцо вокруг Берлина.

Идя по Германии, мы встречали тысячи измученных, изнуренных узников, освобожденных нашими войсками из фашистских концентрационных лагерей. Среди них были советские люди, поляки, австрийцы, немцы, евреи, итальянцы, французы и многие другие национальности.

Помню группу французов, которые, запрягшись в повозки, где лежали больные, ослабленные товарищи, тянули ее, а сзади повозки пожилой француз, привязав к ней свои скромные пожитки, держался за нее и, напрягая последние силы, шел к себе на родину, домой, с трехцветным маленьким флажком, прикрепив его к рубашке.

Нас восхищало, что измученные и изнуренные войной люди несли многоцветные маленькие флажки своих стран.

Были огромны тот восторг и благодарность, с которыми встречали нас люди Европы как представителей великой державы и Красной Армии, которая победила фашизм и освободила народы мира от его ига. Да, мы были счастливы видеть это и переживать эти минуты радости.

В феврале 1945 г. в нашей роте произошло изменение: командир капитан Черемных был переведен в другую часть, а меня назначили командиром роты.

В марте 1945 г. во время боев в районе города Драмбурга (север Германии) на стыке нашей армии и Войска Польского крупному соединению гитлеровцев удалось прорваться из кольца окружения. Противник пробивался на соединение с главными силами по лесистой местности в направлении важной шоссейной дороги, угрожая тылам нашей армии. Для ликвидации врага были брошены резервные части, а также наша рота снайперов.

6 марта 1945 г. начальник штаба 3-й Ударной армии генерал-майор М. Ф. Букштынович вызвал меня, подвел к карте и поставил задачу: «...в таком-то районе между двумя населенными пунктами охранять шоссейную дорогу и не дать прорвавшемуся противнику пересечь ее». Это был первое, необычное для нашей роты, самостоятельное задание оборонять участок автотрассы на протяжении 1,5—2 километров. Нам выделили две грузовые машины с водителями, несколько ящиков гранат, комплект патронов, три автомата и один ручной пулемет. Выехали к месту назначения в 4 часа дня. Шел крупными хлопьями снег, покрывая поля белой скатертью.

Какова же была наша радость, когда узнали, что среди пленных адъютант командира прорвавшейся дивизии. Этому офицеру было дано задание прорвать оборону и открыть путь для прохода остатков дивизии. Пленные показали, что несколько сот немцев во главе с командиром находятся в лесу и ждут сигнала. Противник сделал еще несколько попыток, чтобы прорваться, но везде встречал решительный отпор. Быстрая переброска снайперов на автомашине туда, где завязывался бой, создавала впечатление, что автостраду обороняет воинская часть. Конечно, мысль о том, что большак охраняют девчата, им и в голову не могла прийти. При выполнении этого задания снайперы не растерялись, проявили стойкость и выдержку. Так, младший лейтенант Катя Жибовская — командир 2-го взвода, сер-

жант Полина Школьник, Маша Галиева, Полина Федорова, Дуся Федулова, отбив приближавшегося противника, взяли в плен семерых фрицев. Раскрасневшаяся и взволнованная Юля Новикова рассказывала: «Лежу в канаве, притаилась. Вижу, ползет паршивый гад прямо на меня. Я его подпускаю поближе. Стрелять боюсь в темноте, как бы не промахнуться. Решила прикладом ударить его по голове. А когда оглушила, кричу: «Хенде хох!» Смотрю — шевелится, вставая, бормочет: «Гитлер капут», — и поднимает руку с белой бумажкой. Это была листовка, призывающая немцев к сложению оружия и капитуляции. Такие листовки раскидывались с наших самолетов, и фрицы знали, что она была своеобразным пропуском для сдачи в плен.

Вот так она и ее подруги взяли в плен семерых солдат.

Всего в эту ночь нами было взято в плен 27 фрицев. Пленных отвозили в штаб небольшими группами. Перед отправкой требовали, чтобы снимали ремни с брюк и руками их поддерживали. А в штабе для безопасности этими ремнями связывали им руки спереди и сажали на пол вдоль стены.

Получив решительный отпор на нашем участке, прорвавшаяся часть противника ушла вглубь и лесами прошла дальше в полосу действия Войска Польского.

Так рота снайперов выполнила самостоятельное задание. На следующий день 7 марта за нами пришли грузовики, и мы, радостные и довольные, с чувством выполненного долга все живые и веселые с песней вернулись в штаб армии.

Берлин

Во второй половине марта 1945 г. 3-я Ударная армия готовилась к решительному штурму Берлина. В ее состав вливались новые воинские части, боевая техника и вооружение. Для участия в прорыве берлинской обороны прибыла прожекторная часть, состоявшая из механиков и девушек-прожектористок. Им не приходилось участвовать в боевых операциях по взаимодействию с пехотой. Поэтому командование прикомандировало к ним роту снайперов, чтобы девушки-снайперы помогли лично-му составу части своим боевым опытом обеспечить бесперебойную работу прожекторов в момент прорыва.

Две недели снайперы изучали устройство прожекторов.

В ночь на 15 апреля с наступлением сумерек прожектористы выдвинули на передний план прожекторы и машины в заранее подготовленные укрытия, снайперы помогли их замаскировать. На переднем крае стояла напряженная тишина. На лицах улыбки и радостное волнение.

Но немцы, заметив движение на переднем крае, начали беглый артиллерийский и минометный обстрел. Один снаряд попал в автомашину, дающий ток для прожектора. Клубы черного дыма и пыли поднялись вверх. Обстрел продолжался. Снаряды ложились вокруг горящей машины, пламя уже подбиралось к мотору и грозило выводом из строя прожекторной установки. Прожектористы подрастерялись. «Потушить огонь!» — дала я команду гвардии лейтенанту Артамоновой. Она и два снайпера, выскочив из укрытия, подбежали к машине и под непрерывающимся обстрелом быстрыми движениями стали забрасывать огонь песком. Смелые и решительные действия снайперов подбодрили прожектористов. Они присоединились к снайперам, и через несколько минут огонь был потушен. К вечеру механиками прожекторов машина была отремонтирована и смогла дать ток прожектору.

16 апреля, с наступлением темноты, на позиции двинулись «катюши» и пушки. В эту ночь никто не смыкал глаз. Все ждали начала сражения.

Ровно в 3 часа в небо взвились сигнальные ракеты. Гул нескольких тысяч орудий всколыхнул небо. Небо ярко озарилось вспышками тысяч выстрелов. Ровно 30 минут артподготовка невиданной силы сокрушала позиции противника. Потом в небо врезался огненный луч прожектора — это был сигнал прекратить артподготовку и подготовиться к атаке танкам и пехоте. В эту же минуту 20 прожекторов на участке действий 3-й Ударной армии, а по всему фронту наступления 143 прожектора, направили мощные световые «кинжалы» на позиции врага.

Вслед за танками с криками «ура!» ринулась вперед пехота. Ошеломленные мощью артподготовки и ослепленные светом прожекторов, гитлеровцы не могли вести прицельный огонь.

Оправившись от первого удара, они открыли по светящимся установкам стрельбу из дальнобойных орудий. Один из снарядов разорвался и, опрокинув установку, ранил прожектористку. Ей на помощь подбежала снайпер гвардии сержант Власова,

наш комсорг, включила прожектор и направила луч в сторону противника. В другом месте снаряд попал в машину и перебил провод. Прожектор потух. Снайперы старшина Аня Вострухина и сержант Маша Логунова помогли механику-прожектористу быстро найти разрыв и дать ток прожектору.

После прорыва Одерской линии обороны 3-я Ударная армия стремительно, преодолевая сопротивление противника, с боями продвигалась к Берлину. Роту снайперов отвели с боевых позиций и поручили ей охрану штаба армии.

Настал долгожданный и выстраданный День Победы. Весть о капитуляции гитлеровцев получили в ночь на 8 мая. В эту ночь мы со старшиной Аней Вострухиной проверяли посты. Вдруг из дома начальника связи выбежал радостный офицер и во весь голос закричал: «Победа! Победа!»

Мгновенно весть, несмотря на ночь, облетела дома. Люди со слезами радости обнимались, целовались, поздравляя друг друга. А того, кто первым приносил эту весть, подхватывали десятки рук и качали с возгласами: «Ура! Ура! Победа!».

После Победы

Нашей роте была поручена охрана штаба армии с прикомандированным к нему полком связи. Штаб находился в городе Стендаль, в пригороде Берлина. Мы жили в прекрасных коттеджах немцев. Я делила весь второй этаж со старшиной и писарем, на первом этаже жила хозяйка.

Надо сказать, что немцы вели себя очень смирно, хотя первое время они относились к нам с опаской и настороженно, думали, что мы будем мстить им — вешать и убивать за те зверства, которые они чинили в нашей стране.

Увидев нашу доброту, миролюбие, немстительность, а напротив — стремление всячески помочь мирному населению, они изменили отношение к нам.

Помню очереди женщин, стариков и детей, стоящих за солдатской похлебкой и кашей из нашей военной походной кухни. Жители городка хорошо знали, что наша 3-я Ударная армия первой вошла в Большой Берлин, а ее разведчики из 150-й стрелковой дивизии Михаил Егоров и Милетон Кантария водрузили знамя Победы над рейхстагом, тем самым положили конец войне.

В июле 1945 г. мы получили приглашение на встречу фронтовиков в ЦК Комсомола в Москве. Представители от нашей роты, в число которых входила и я, вылетели на самолете, вместе с группой скульпторов, возвращавшихся из Германии.

В Москве нас, как фронтовиков, поселили в отдельные номера гостиницы при Доме офицеров. На встречи фронтовиков нас приветствовал М. И. Калинин. Одно из выступлений было моим.

Помню, перед завершением этой встречи, когда все построились для фотографирования на память, Калинин, стоящий в центре, громко поинтересовался: «А где берлинка? Давайте ее со мной поставьте!» «Берлинкой» была я.

Я подала документы в МГУ на истфак. Тогда для фронтовиков были большие скидки для поступления в высшие учебные заведения. Меня приняли, но сказали привезти документы из моего бывшего института в Сталинобаде. Это был лишний повод проведать семью. На это ушло четыре дня.

Но нужно было возвращаться в Германию.

Помню, как, прибыв туда, я похвасталась штабным офицерам, что поступила университет. Но поначалу наш замполит полковник Штанович очень скептически к этому относился. Что это ты, мол, еще не демобилизована, а в вуз поступила? У тебя что — обязанностей других нет? Но, вскоре, старшие офицеры, сменив гнев на милость, решив, что молодая девушка и так уже «потеряла» четыре года своей жизни, решили меня демобилизовать.

Большинство солдат были уже демобилизованы — их отправили из Германии двумя партиями еще в июне-июле.

Меня очень горячо провожали. Со многими моими однополчанами и товарищами по роте мы переписываемся, созваниваемся и даже встречаемся до сих пор.

В Москву я возвращалась на поезде и прибыла в начале октября — с небольшим опозданием на учебный семестр.

За время Великой Отечественной войны я была награждена:

- 1) Орденом Боевого Красного Знамени;
- 2) Двумя орденами Отечественной войны I степени;
- 3) Орденом Великой Отечественной войны II степени;
- 4) Медалью «За отвагу»;
- 5) Медалью «За боевые заслуги»;
- 6) Медалью «За взятие Берлина» и другими.

Еще будучи на фронте, я, зная, что буду поступать на исторический факультет, скрупулезно записывала происходящие с нами события, а также очень тщательно вела альбом, куда вклеивала фотографии нашей роты, однополчан, начальства, а также фиксировавшие наши боевые будни. Впоследствии все это очень помогло для составления воспоминаний и статей, написанных как мною, так и составленных с моей помощью: очерк в журнале «Геополитика и безопасность» (1994 , Москва, «Арбизо»), статья в сборнике «Женщины на защите отечества в 1941-1945 гг.» (Москва, 1995 «Акалис»), статья «Мы были счастливы» в сборнике «Женщины России — кавалеры ордена Славы» (Москва, 1997) и другие.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Толстов Станислав Алексеевич**, студент 1-го курса кафедры военного обучения, группы 1ВТ-2-99 МАТИ — РГТУ им. К. Э. Циолковского.

**Миронов
Александр
Ильич**

ДОТЯНУТЬ ДО СВОИХ

Я родился 7 сентября 1921 года в селе Хрущево Ленинского района Тульской области, в семье рабочего. Национальность — русский. Член Всесоюзной коммунистической партии большевиков.

До начала войны закончил школу ФЗУ при заводе 314 в Туле. С октября 1938 года работал на должности токаря-инструментальщика.

Война застала меня солдатом Советской Армии, в ряды которой я был призван в декабре 1940 года. С декабря 1940 г. по декабрь 1941 г. я являлся курсантом Таганрогской авиашколы, позже — пилотом-инструктором Таганрогской и Омской военной авиашкол.

С января 1943 года начал принимать участие в боевых действиях пилотом штурмовика Ил-2 в составе 826-го штурмового авиаполка, 291 штурмовой авиадивизии, 2-й воздушной армии Воронежского фронта.

С 25 августа 1943 по 17 ноября 1943 г. — командир звена 826-го авиаполка 211-й штурмовой авиадивизии 3-й воздушной армии Калининского фронта.

1-й Прибалтийский фронт: с 17 ноября по 5 декабря 1943 г. — зам. командира эскадрильи 826-го штурмового авиаполка 291-й штурмовой авиадивизии 2-й воздушной армии;

с 5 декабря 1943 по 10 февраля 1945 гг. — зам. командира, командир эскадрильи 826-го авиаполка 335-й штурмовой авиадивизии 3-й воздушной армии;

с 10 февраля по 5 мая 1945 г. — командир эскадрильи 826-го авиаполка 335-й штурмовой авиадивизии 3-й воздушной армии 3-го Белорусского фронта.

Победу встретил командиром эскадрильи 826-го авиаполка 335-й штурмовой авиадивизии 3-й воздушной армии 2-го Прибалтийского фронта.

Принимал участие в прорыве немецкой обороны юго-восточнее г. Невель и овладении г. Невель, за что мне приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 7 октября 1943 г. объявлена благодарность.

Участвовал в боях за г. Хайлингенбаль, опорный пункт обороны немцев на побережье залива Фриш Гаф, юго-восточнее г. Кенигсберга, за что также удостоен благодарности Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина.

Воевал в местах Мемель, Паланга, Лиепая, Приекуле.

Военные боевые действия закончил 9 мая 1945 г. в г. Лабиау в Восточной Пруссии.

Получил легкое ранение левой ноги выше колена при выполнении боевого задания в районе Бауска, при штурмовке артиллерийско-минометных батарей противника, 15 августа 1944г.

В ходе войны нашей авиаэскадрилей было уничтожено 63 танка, 300 автомашин, 400 повозок, 120 орудий, взорвано 5 железнодорожных эшелонов, 6 складов с боеприпасами и горючим, 1300 метров железнодорожного полотна, 2 моста, подавлено 90 огневых точек, уничтожено 1500 человек живой силы противника, 9 самолетов.

За проявленные в боях за Родину мужество и героизм гвардии полковник А. И. Миронов имеет следующие боевые награды:

Орден Красного Знамени № 52 721. Приказ 2ВА № 020 / н от 20 апреля 1943 г.

Орден Отечественной войны I степени № 10 513. Приказ 3ВА №0268 от 17 октября 1943 г.

Орден Александра Невского №11 538. Приказ 3ВА № 0213 от 5 июля 1944 г.

Орден Красного Знамени №163 432. Приказ 3ВА № 0359 от 17 сентября 1944 г.

Орден Красного Знамени №42 072. Приказ 3ВА № 0291 от 6 мая 1945 г.

Медаль «За победу над Германией».

Медаль «За взятие Кенигсберга».

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда.

Указ от 23 февраля 1945г.

Уволен из армии по возрасту в звании полковника. Приказ МО СССР № 0170 от 19 февраля 1973 г. ст. 59 п. «А».

О полке А. И. Миронова генерал-лейтенант С. С. Александров написал книгу «Крылатые танки». Издательство «Воениздат» г. Москва. Серия «Военные мемуары», 1971г.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ...

Неравный бой

Однажды на нашу шестерку напали фашистские истребители. Целая армада «фокке-вульфов» и «мессершмиттов». Кажется, потери неизбежны...

Я принял решение перестроить боевой порядок, создать «круг».

Мы встречали атаки вражеских истребителей огнем пушек и пулеметов, с тыла врага отражали воздушные стрелки. И вот объятый пламенем, рухнул один из фашистов. Минуту спустя — второй. Остальные обратились в бегство. Мы вышли из боя победителями...

Но победы не были сплошной непрерывной полосой. Семь раз меня сбивали над территорией, занятой противником. Иной раз удавалось дотянуть до своих, иной — сесть на так называемой «ничьей» земле, а дважды садился в самое пекло.

Поспешная похоронка

Зимой 1943г. в районе Насторное отступала на запад немецкая автоколонна. Я повел шестерку «Ил-2» на ее штурм. Вся наша шестерка обрушила на врага смертоносный огонь из пушек и пулеметов. На земле стоял ад крошечный: взрывались цистерны, горели машины, брошенные тягачи с орудиями блокировали дорогу. Немецкие солдаты бросились в кюветы и стали вести ответный огонь.

На очередном заходе мой самолет вдруг вздрогнул, из двигателя вырвалось пламя, перебросившееся потом на крылья. К счастью, управление не было повреждено. Я вышел из боя, посадив горящий самолет на брюхо в поле. Едва мы со стрелком выбрались из кабины и отбежали, машина взорвалась.

Когда стемнело, мы пошли на восток, ориентируясь по компасу и карте.

В ближайшей деревне в сарае крайнего дома устроились на ночлег. Утром девочка и мальчик, открыв дверь сарая, увидели незнакомых людей в черных комбинезонах. Приняв нас за немцев, дети убежали и вернулись с дедом, который сразу признал своих и позвал в хату.

Добродушный старик и его жена накормили нас, помогли привести себя в порядок и сообщили, что немцы покинули деревню лишь за день до нашего появления. На прощание дед обнял нас обоих, пожелав скорой победы и пригласив в гости после нее.

Перебравшись через передний край вражеской обороны, я с товарищем лишь на десятый день добрался до своего полка. Здесь нас уже считали погибшими: вернувшиеся из боя летчики доложили, что видели мой самолет горящим и слышали взрыв, командование полка даже успело послать «похоронки» родственникам обоих, но вслед за ними немедленно пошли письма с извинениями.

Освобождая Белоруссию

Летом 1944 г. по плану «Багратион» наши войска в наступательных сражениях теснили фашистов на территории Белорус-

сии. Я, будучи заместителем командира эскадрильи, получил приказ уничтожить врага в районе населенного пункта Бешенковичи у Западной Двины.

Точечные удары группы штурмовиков «Ил-2», состоящей из шести машин, по вражеским танкам и орудиям успешно достигали цели, но не дремали и немецкие зенитки. На очередном заходе, прорвавшись сквозь их огонь, я подавил одну из зенитных батарей.

Но последовавший затем ответный удар вывел из строя мотор самолета. За несколько секунд я успел протянуть горящий самолет на несколько километров от места боя и посадить его на лесную просеку.

Выбравшись из кабины, мы со стрелком Никаноровым направились на север. Немцы организовали преследование, и двое из них настигли нас. Завязалась перестрелка; один из фашистов выстрелил в меня, но, к счастью, промахнулся, мы же были точны. На звуки выстрелов прибежали другие немецкие солдаты, нам пришлось разойтись. Двигаясь в чащу леса, я наткнулся на огромную поваленную сосну, с густыми ветвями. Забравшись под нее, я замаскировался мхом и травой. Очень хотелось спать, но слышались приближающиеся немецкие голоса. Солдаты, сев на ствол сосны, закурили и начали о чем-то беседовать. Затаив дыхание, я все крепче сжимал рукоятку пистолета. Покурив, немцы встали и двинулись дальше. Пока все обошлось.

Переждав, я выбрался из укрытия и двинулся дальше. Выйдя к берегу Западной Двины, я не решился сразу переправляться, залез на дерево и стал дожидаться рассвета.

Поутру я заметил на противоположном берегу людей. Они спустили на воду надувные лодки и двинулись в мою сторону. «Немцы», — крутилось в голове, но вдруг один из них упомянул мать неместным словом. «Свои!!!» — осенило меня. К вечеру я уже добрался до своего полка, где к огромной радости встретил Никанорова.

...Погода была нелетная

Низко и медленно тянулись мокрые облака. Авиация бездействовала, летчики постоянно пребывали, как говорится, в состоянии готовности номер один, но вылеты не разрешались.

А противник перешел в наступление. В то время как наши пехотинцы, танкисты и артиллеристы стойко отбивали яростные атаки его превосходящих сил, враг все наращивал и наращивал мощность удара.

И вдруг на командном пункте авиационной части зазвонил телефон.

— Авиаторы, вы бы помогли нам, что ли?!

Общевойсковой командир не приказывал, не просил. Он намекал, что наземным войскам очень и очень трудно и помощь авиации была бы очень и очень желательна...

Авиационный командир вышел к нам. Он тоже не приказывал, не просил. Он обратился к сознанию своих боевых друзей:

— Товарищи! Надо помочь нашим братьям пехотинцам. Погоды нет, но лететь надо.

Вот и все, что он сказал.

Я и мои летчики поднялись в воздух. Пока мы совершали налет на вражеские позиции, обрушивая на них смертоносный огонь, на аэродром надвигался извечный враг авиации — туман.

Командир части, уже получивший сведения об успешной атаке вражеских войск нашей группой, нервно ходил по аэродрому. Возвращаясь, я уже знал о тумане.

— Держитесь на пеленге, — скомандовал я подчиненным. — Буду сажать вас по очереди. Я — последним...

В результате один за одним приземлилась вся группа, самолеты замерли на аэродроме. Генерал похвалил нас и подарил мне фотомонтаж, не расставаясь с которым, я прошел всю войну.

По минному полю

18 сентября 1944 г. я был сбит последний раз. Случилось это так...

Мы тогда освобождали Прибалтику, враг отчаянно огрызался, бросал в контратаки новые и новые части из резерва. У города Добеле, что юго-западнее Риги, было сосредоточенно большое количество техники противника. Ведомая мною шестерка штурмовиков помчалась в поднебесье. Вскоре я заметил на опушке леса вражеские машины и повел на них товарищей. Атака в три захода нанесла врагу серьезный урон: горели танки, самоходки, взрывались автомашины.

Решив сделать четвертый заход, чтобы сфотографировать плоды наших трудов, я почувствовал, как самолет сильно тряхнуло, он потерял устойчивость из бензобака вырвалось пламя...

Первая мысль — дотянуть до своих! Во что бы то ни стало — дотянуть!

Приказав остальным членам группы возвращаться в полк, мы с уже известным Никаноровым покинули горящую машину. Спускаясь на парашюте, я попал под пулеметный огонь немцев, но мне все-таки удалось благополучно приземлиться в лесу. Углубившись в него, я услышал лай собак: нас искали. После взрыва самолета лай прекратился: немцы сочли, что экипаж погиб.

Больше суток я шел лесом к своим, ориентируясь по карте и компасу, пока не встретил четверых самоходчиков с двумя подбитыми машинами, оставшихся после боя в тылу противника. Совместно выработали план действий, и мне как старшему по званию пришлось вести танкистов дальше.

Ползли, лавируя между вражескими окопами, скоплениями вражеской техники. Я всегда держал пистолет наготове.

Ночью вышли к передовой, встретивший нас командир стрелковой роты с удивлением спросил:

— Как вы сумели пройти по минному полю? Ведь могли же подорваться!

— Мы просто не знали об этом. Наше счастье, что удачно прошли, — ответил я.

И как только прошли! Сами после дивились.

Пехотинцы рассказали, что мин там было больше, чем картошек в поле.

Так закончился мой семьдесят шестой боевой вылет, после которого меня к званию Героя представили.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Зайцев Сергей Владиславович**, студент МАИ.

**НИКИТИН
Иван
Петрович**

ВРЕМЯ — ДЕТСТВО

«Нельзя жить Иванами, не помнящими родства»

Я родился 1 апреля 1926 года в деревне Вершинино Кстовского района Нижегородской области (Горьковской). Деревня наша состояла как бы из двух частей: верхней и нижней. Наш небольшой деревянный дом под тесовой крышей из одной комнаты и сеной находился в верхней части деревни на возвышенности — вершине. Возможно, и название деревни Вершинино возникло из-за ее местонахождения. Внизу по оврагу (лощине) протекала речка Шураевка. Сейчас она больше похожа на ручей. А, в бытность моей молодости, на ней была плотина и водяная мельница. Берега оврагов были сплошь в ореховых зарослях.

В лесу в те далекие времена нашего детства водились волки, лисы, зайцы; много разной боровой дичи: тетерева, рябчики, дикие голуби и другие птицы.

Жители деревни, в то числе и мои родители, занимались сельским хозяйством. Выращивали зерновые: рожь, пшеницу, овес, просо, а также картофель, капусту, морковь, свеклу.

Речка наша Шураевка впадает в реку Озерку, это в трех километрах от нашей деревни. Озерка — большая река, но не су-

доходная. Она впадает в Кудьму, а Кудьма в 20 километрах от нас впадает в Волгу.

В нашей деревне была начальная школа, где обучались с первого по четвертый класс. После четвертого класса мы ходили в школу в село Чернуха, где находилась семилетняя школа. После Великой Отечественной войны она стала средней. Школа эта находилась на берегу реки Озерки в трех километрах от нашей деревни.

Отец мой, Никитин Петр Петрович, родился не то в 1893 году, не то в 1895-м. Его настоящая (по рождению) фамилия Подован (или Подовани, точно не знаю) Оленда Петрович. По национальности итальянец, родной язык итальянский. Родился и проживал до призыва на военную службу в городе Фиуше (Риека). Это на Адриатическом побережье бывшей Югославии, ныне Хорватии. До Первой мировой войны эта территория входила в состав Австро-Венгерской империи.

В те времена, 20-е и 30-е годы 20-го века, отец, по соображениям безопасности, не мог нам подробно рассказывать о себе. Я знаю только то, что в августе 1914 года началась Первая мировая война. На стороне Германии в войне против России (и в целом против Антанты) выступала и Австро-Венгерская империя. Мой отец был призван в австро-венгерскую армию и отправлен на русский фронт. В 1915 или в 1916 году в боях против русской армии в Карпатах большая группа солдат австро-венгерской армии, в основном итальянцы, сдались в плен русским войскам. В этой группе был будущий мой отец Подован Оленда Петрович.

Мой дед, Никитин Василий, погиб на фронте, вследствие чего моей бабушке, Никитиной Марии, как многодетной матери и жене погибшего унтер-офицера русской армии, в порядке помощи выделили из числа военнопленных работника. Им и был мой отец. Он женился на моей матери, Никитиной Таисии Васильевне, принял православие и российское подданство, став Никитиным Петром Петровичем.

Детство мое проходило, как и у всех деревенских мальчишек. Были и трудности, особенно, когда сгорел наш дом, слава богу, из семьи никто не погиб. В 1934 году мне исполнилось 8 лет, и я пошел учиться в 1-й класс Вершиненской начальной школы. Школа находилась на берегу реки Шураевки, на окраине деревни. К этому времени там уже учились мои старшие братья Константин и Николай.

В 1935 году мои родители вступили в колхоз «Ударник». Он был один на всю деревню, в которой насчитывалось около 100 дворов.

Война

В мае 1941 года я окончил 7 классов средней школы. С 1940 года Чернухинскую семилетнюю школу преобразовали в среднюю. Я решил учиться дальше, пойти в 8-й класс. Но 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Вся жизнь пошла по другому направлению: «ВСЕ НА ВОЙНУ».

О продолжении учебы в школе не могло быть и речи. Война быстро докатилась до Горьковской области. В деревне начали призывать все мужское население.

Осенью 1941 года отец мой был призван в армию. Ему было 48 лет. Служил он первоначально ездовым в зенитной батарее, которая дислоцировалась около г. Дзержинска у поселка Игумино. В ноябре 1941 года был призван в армию старший брат Константин (1923 года рождения) и вскоре был отправлен на фронт. Из мужчин с матерью я остался один. Брат Николай (1924 года рождения) тогда работал на Горьковском военном заводе. Я работал в колхозе, пас стадо. На зиму меня отправили на заготовку дров в Семеновский район.

Весной в конце мае или начале июня был призван средний брат Николай. Он был отправлен на кратковременные командирские курсы. После их окончания ему присвоили звание лейтенант, и он был отправлен на фронт. Летом отец вместе с зенитной батареей передислоцировались ближе к фронту, и мы уже не могли к нему приезжать. Летом 1942 года меня пригласили работать в кузницу подсобным работником-молотобойцем. Кузнецом был дед Василий, старичок 65—70 лет. Мы ремонтировали весь сельхозинвентарь, изготавливали новый. В конце года дед Василий уехал из деревни. Итак, я стал кузнецом в своей деревне. Зимой вернулся из заключения бывший деревенский кузнец, дядя Костя. Он был уже старичок, а за что сидел 7 лет и сам не знал. С этих пор мы работали вместе.

Служба в армии

3 ноября 1943 года я был призван в армию (Рабоче-крестьянская Красная Армия, коротко РККА, так она тогда называлась). Немного позже она стала называться Советской. В том же 1943 году в армии ввели погоны. Вместе со мной из нашей деревни был призван Борис Палев — сын нашей учительницы начальных классов.

На лошади нас отправили в военкомат Кстово. Это 20 километров от деревни. Там находился сборный пункт. Из Кстово нас на машинах перевезли в Горький. До 5 ноября мы находились там на сборном пункте, в Канавине.

С собой из дома я, как и другие призывники, взял кое-что из продуктов: сухари, булки, немного масла. Также взяли теплые рукавицы, носки, запасное белье. Была фактически уже зима. Морозы были небольшие, да и снега еще не было. Из Горького эшелоном мы двинулись в город Киров. 6 ноября 1943 года, на станции Котельнич (это недалеко от Кирова), мы узнали об освобождении столицы Украины г. Киева.

7 ноября утром мы прибыли в Киров, в 32-й учебно-танковый полк. Сразу же нас отправили в баню, а после выдали новое обмундирование: шинели, серые шапки, перчатки трехпалые, гимнастерки, брюки, белье. На ноги выдали ботинки с обмотками и портянки. Наши носки нам оставили.

Первоначально мы, вместе с Борисом, были зачислены в учебную группу механиков-водителей САУ-76. Занятия проходили ежедневно, кроме воскресенья, по 8-10 часов. Подготовка была очень интересной. В воскресные дни занимались хозяйственными делами и уборкой территории.

Кроме занятий мы часто занимались заготовкой дров. На Вятке выкапывали изо льда бревна, находящиеся в плотях. Иногда ходили пешком за Вятку на 5-10 километров, по дрова. Бревна носили на себе караваном. Жили мы в казармах, спали на трех- или двухъярусных нарах, на соломенных матрасах и подушках. Укрывались шерстяными или байковыми одеялами. Было по одной простыне на человека. Питание было трехразовое, а ели по тройной норме. Но питания конечно не хватало, практически всегда хотелось есть.

Через два месяца после начала учебы нас из группы механиков перевели в группу заряжающих. Это было связано с тем, что прибыло пополнение из числа механизаторов, трактористов, комбайнеров, шоферов более старшего возраста. Их стали готовить по ускоренной программе. Это были фактически уже готовые механики-водители. Через 2-3 месяца их отправили на фронт. Мы же продолжали обучение на заряжающих. Однако следует отметить, что подготовка у нас была разносторонняя. Мы могли быть и наводчиками и заряжающими. Могли также водить самоходки. Учили нас владеть и стрелковым оружием: винтовками, автоматами и пистолетами.

С Борисом мы жили дружно, как родные братья. Когда приходили посылки из дома, в основном с сухарями, все делили пополам. Мы оба не курили. Получаемую, по норме, махорку мы обменивали на хлеб или бутылку. Очень трудно было привыкать к армейскому распорядку: быстро подниматься по команде «подъем!», собраться и встать в строй.

Учеба закончилась в июле 1944 года. После окончания учебы нас с Борисом и другими солдатами отправили на обработку картофельных полей в колхоз, в 20 километрах от Кирова. Мы занимались прополкой и окучивание картофеля. Так как питания нам не хватало, а уже были маленькие клубни, мы иногда подкапывали кусты и рядом в лесу варили его. Однажды меня поймали за варкой, с еще одним другом и отправили к командиру полка полковнику Струпину. Он дал по 10 суток ареста и послал нас на гарнизонную гауптвахту.

После ареста я с сопроводительными документами был направлен в поселок Базта (20 километров от Кирова), там формировались команды для отправления на фронт. К этому времени и наша команда, что была на картофеле, находилась уже там. Здесь формировали экипажи для отправки на фронт. К вечеру я добрался на перекладных или пешком до Бахты. Там я сразу нашел Бориса и доложил командиру о прибытии. В это время в Бахте постоянно отправляли команды на фронт. Мы с Борисом попали в одну маршевую команду, которая состояла из двух экипажей.

На следующий день, числа точно не помню, был август 1944-го, нас поездом отправили в Мытищи за получением боевых машин САУ-76. Ехали мы через Горький, там стояли около

12 часов. Прибыв в Мытищи, мы расположились в палатках недалеко от города. Там и ожидали получение самоходок.

Через несколько дней мы получили боевые машины, приняли их, обслужили, погрузили на платформы, и наш эшелон отправили в г. Пушкин. Там эшелон разгрузился и своим ходом отправился на полигон. На полигоне мы провели боевые стрельбы, привели орудия к нормальному бою, т.е. пристреляли. Здесь же получили стрелковое оружие. В экипаже командир и механик получили пистолеты, а наводчик и заряжающий — автоматы ППШ. Я с этим автоматом прошел всю войну. Получили дополнительно к обмундированию комбинезоны и танкошлемы. Еще раньше, в Кирове, вместо ботинок с обмотками мы получили кирзовые сапоги.

После окончания стрельб вместе с боевыми машинами, кухнями и летучками (автомастерскими) мы погрузились в эшелон и отправились на фронт. Куда, конечно, не знали. Это было в конце сентября 1944-го. Эшелон тронулся на юг. Проехали Украину, Молдавию и прибыли в Румынию, под Яссы. В дороге питались мы из своей кухни. Там уже чувствовалось приближение фронта.

В пути следования по территории Румынии у меня произошел небольшой казус. Эшелон остановился на каком-то разъезде. Стояли несколько часов. Нам сказали, что стоять будем еще долго. У командира мы вдвоем отпросились за грецкими орехами. Они росли близко, на пригорке. Набрали вещмешок орехов и вернулись к эшелону. Но увы, эшелон уже убыл. Мы по шпалам, где бегом, пешком двинулись догонять эшелон. Нашли мы его на станции Яссы (Румыния). Он уже стоял на парах. К счастью, мы успели. Вместе с эшелоном двинулись дальше на запад, ближе к фронту. 1 октября 1944 года эшелон прибыл на станцию Тимишоара (запад Румынии). Быстро разгрузились и расположились недалеко от станции. Вскоре туда прибыл еще один эшелон: с летучками, автотранспортом и другой техникой, но без боевых машин. Это был штаб полка с тыловыми подразделениями — самоходно-артиллерийский полк, в состав которого мы и вошли. Полк прибыл из Белоруссии на 2-й Украинский фронт.

После разгрузки эшелона и приема пищи нас вывели из города в лес (около 10—15 километров от станции). Там были построены отдельно наши экипажи с боевыми машинами и лич-

ный состав штаба и управления полка. Началось реформирование полка. В экипажи ставили, как правило по два фронтовика и двух необстрелянных.

Я оказался в экипаже с двумя фронтовиками: командир старший лейтенант Докукин и механик-водитель (к сожалению, фамилии не помню). А наводчик и я (заряжающий) были молодые, еще не обстрелянные войной. С этого дня началась моя фронтовая жизнь.

Под Тимишоарой мы простояли сутки и утром 2 октября походной колонной двинулись к реке Тиса. Ночью, на понтонах, форсировали реку и вышли к городу Суботица. Это уже была территория Югославии. Жители нас встретили очень тепло — это были сербы. Приготовили нам хороший обед, угостили вином, предоставили ночлег.

Утром походным маршем двинулись на север в Венгрию на город Сечед. 11 октября 1944 года город был взят. Здесь мы впервые вступили в бой, взяли Сечед, затем Кечкемет. Бои были еще не слишком сильные. 7 ноября 1944 года мы подошли к городу Цеглед, где встретили упорное сопротивление. Завязался тяжелый бой на улицах города. Самоходки шли вплотную за пехотой, как непосредственная ее огневая поддержка. Мы двигались на машинах в направлении к вокзалу по прямой улице. Шли как бы ромбом, одна машина впереди по одной стороне улицы, другая чуть позади — по другой стороне.

От вокзала немцы по нам открыли артиллерийский огонь. Мы тоже открыли огонь по вокзалу и по обнаруженным огневым точкам, и по пехоте. Вдруг снарядом ударило по первой самоходке, ее подбили, и она загорелась. Мы обошли горящую машину и открыли огонь по пушке, находящейся в здании вокзала. Немцы открыли по нам огонь и бронебойным попали в правую сторону самоходки, где находились двигатели. Машина сразу остановилась и загорелась. Вспыхнула сильно, т.к. все было пропитано бензином и маслом. Командир приказал всему экипажу покинуть машину и зайти за дома, в переулок. Туда же отошли остальные самоходки под сильным артиллерийским огнем противника. Там я встретил Бориса Палева. Немного поговорили. Командир нашего экипажа повел нас в штаб полка, где доложил о случившемся. В это время к штабу полка, на скорости, примчалась самоходка, из которой вынесли тяжело раненого моего друга Бориса Палева. Он был ранен осколком в шею

от разорвавшейся мины. Борис скоро скончался в медсанбате. Об этом я потом написал домой, и мама сообщила о его гибели.

К вечеру 6 ноября 1944 года город Цеглет был взят нашими войсками. За взятие Кечкемета и Цегледа многие воины полка были награждены орденами и медалями. Я был награжден орденом Красной Звезды — первая моя награда за боевые действия. Через неделю я был переведен в другой экипаж, где был тяжело ранен заряжающий.

Полк вместе с другими частями с боями продвигался к Будапешту. Бои проходили постоянно, иногда, даже очень сильные. Враг упорно сопротивлялся на подступах к Будапешту. В начале декабря мы подошли к Дунаю на юге, в районе острова Чепель. Ночью на пантонах полк был переправлен через Дунай на остров Чепель и вступил в бой, вместе с другими войсками. Перед нами стоял город Будапешт. Мы заняли рубежи, по правому берегу левой протоки Дуная, и с огневых позиций обстреливали пригород Будапешта. На правом берегу Дуная, около половины декабря (число не помню) был получен приказ на продолжение наступления с форсированием Дуная и выходом на южные окраины Будапешта.

Дунай форсировали ночью на понтонах. Рано утром с боями заняли плацдарм на правом берегу Дуная. Бои были тяжелые, фашисты упорно сопротивлялись, особенно венгерские части, защищавшие Будапешт. Я не помню названия населенных пунктов, которые мы с боями занимали южнее Будапешта, обходя город с юго-запада. Помню только Эрги и Бичке. Продвигались вперед довольно медленно, преодолевая упорное сопротивление врага.

Однажды мы заняли позиции на небольшом плато в 500—700 метрах от противника. Сразу стали копать капониры — укрытия для самоходок. Враг нас обнаружил и открыл по нашим самоходкам огонь. Была подбита, прострелена на вылет, одна самоходка. Командир и механик были убиты, наводчик и заряжающий — ранены. Мы обнаружили, в метрах 700 от нас, немецкую самоходку «фердинанд». Лобовая броня у нее довольно толстая и наша пушка влоб не могла ее пробить. Двум экипажам, в том числе и нашему, было приказано обойти немецкую самоходку и уничтожить ее. Через кукурузное поле мы зашли фашистской самоходке сбоку на расстояние 300-400 метров и сразу же открыли огонь бронебойными и подкалиберными сна-

рядами по «фердинанду». Буквально после 3—4 выстрелов машина врага задымилась. Немцы нас заметили и развернули машину на нас, открыли огонь по нам. Увы, но уже было поздно, и «фердинанд» вспыхнул. Немцы стали выскакивать из машины. Мы стали бить по ним осколочными. Приказ был выполнен — самоходка уничтожена.

После этого, буквально через полчаса или меньше, на нас налетели 14 фашистских самолетов-«мессеров», стали обстреливать нас из пулеметов. Это длилось около получаса, затем самолеты улетели. Мы отошли в лесной массив. Где-то через 30-40 минут все немецкие самолеты вернулись и обрушили на это место, где мы были раньше, бомбы. Но нас там уже не было, и горели только подожженные ими ранее копны кукурузы. К вечеру бои в этом месте затихли, мы отошли на прежнее место и огневые позиции.

Ночью через наши позиции прошел передовой отряд какого-то нашего танкового корпуса и ушел в прорыв.

Мы продолжали вести бои и продвигались вперед, охватывая Будапешт с запада. В конце декабря Будапешт был окружен. Мы вошли с боем в Буду (правобережная часть Будапешта). Это было 30—31 декабря 1944 года.

31 декабря мы расположились на ночлег в одном доме и как могли отметили наступление 1945 года.

Утром 1 января 1945 года мы вновь продолжали наступление, двигаясь медленно с боями в глубь города к Дунаю, спускаясь с крутого берега. Бои в городе были очень тяжелые. Занимали дом за домом. В полку потеряли еще несколько машин. Через несколько дней нас вывели из боя для отдыха и пополнения техникой. Вскоре полк получил новые самоходки для укомплектования до полного штата (21 машина), отремонтировали и почистили старые. Полностью укомплектовали горючим и боеприпасами.

В это время фашисты готовили прорыв из окружения и в конце января или начале февраля, предприняли прорыв извне к своим окруженным бойцам. Мы заняли оборону юго-западнее Будапешта, в 30-40 километрах. Оборона была глубоко эшелонированная. Оборудовано было три оборонительных рубежа на прямой наводке стояли танки, самоходки, артиллерийские орудия, вплоть до 152 мм пушек. Немцы начали прорыв ранним утром, еще затемно, двинув вперед танки. Разгорелся сильный бой, но враг на нашем направлении не прошел, оставив на поле

боя много танков, бронейных машин, другой техники и живой силы. Были потери и с нашей стороны.

В это же самое время немцы попытались прорваться в районе Секешфехервара, с целью выйти к Дунаю и деблокировать свою окруженную в Будапеште группировку.

Наш полк был переброшен в район Секешфехервара вместе с другими частями. В этом районе несколько дней назад шли тяжелые бои, вплоть до февраля.

Однажды наше наступление было остановлено противником. Пехота стала отходить. Местность была открытая. Мы тоже, отстреливаясь, стали отходить вместе с пехотой. И вдруг наша самоходка на поле забуксовала и села на днище. Положение было критическое. Нужно было принимать меры и самим вытаскивать машину из грязи. Под огнем противника при помощи бревна самовыталкиванием мы смогли выползти из топи и продолжали бой. Отошли на 1-2 километра и остановили немцев. Затем провели небольшую перегруппировку. Вошли в небольшой перелесок, точнее, в виноградники. Пехота вновь залегла под пулеметным огнем фашистского бронетранспортера. Наш экипаж получил приказ уничтожить машину противника. С первого выстрела он был подбит и уничтожен. В это время нас засек немецкий танк «тигр», находившийся примерно в километре от нас. Мы открыли огонь по нему, стали делать маневр, чтоб уйти в укрытие, как в это время в левый борт попала болванка, выпущенная «тигром». Машина мигом вспыхнула и раздался чудовищный взрыв. Я не помню, каким образом мне удалось выбраться из машины. Вместе с экипажем, совершенно оглохший, я оказался в окопе, получив легкую контузию. Меня отправили в тыл полка, где я пробыл более двух недель. Слух понемногу восстанавливался. И я вновь был отправлен на фронт, в экипаж, где не было заряжающего.

Фашистские войска на этом участке были разгромлены и мы продолжали наступление. Заняли города Папа, Дьер и другие. В конце апреля мы снова вышли к Дунаю с юга, в районе Братиславы. Она была освобождена. Мы по понтонному мосту форсировали, без боя, т.к. там уже были наши войска. Маршем через освобожденную Вену, она была освобождена 13 апреля 1945 года. Вышли на территорию Чехословакии. За успешные бои в районе Будапешта я был награжден вторым орденом Красной

Звезды. Наши войска, в том числе и мы, продолжали наступление по территории Чехословакии; в начале мая мы подошли к чешскому городу Зноймо. Заняли временную оборону и стали готовиться к дальнейшему наступлению.

7 мая 1945 года, рано утром наши войска начали артиллерийскую подготовку, в которой участвовал и наш полк, ведя огонь по позициям противника. После артподготовки мы пошли на штурм фашистской обороны. Быстро стали продвигаться вперед. Фашисты начали массово сдаваться в плен. Мы быстро продвигались вперед не встречая сильного сопротивления врага. К вечеру вошли в какой-то населенный пункт. Там остановились, пополнили горючие и боеприпасы, поужинали и до утра отдыхали.

Рано утром 8 мая в походно-боевом порядке двинулись вперед. Нас удивило то, что не слышно было стрельбы, и мы быстро, по шоссе двигались вперед. Около полудня мы без боя вошли в чешский город Зноймо и расположились на ночлег.

Утром 9 мая в 4:00 мы узнали о капитуляции Германии. Я в это время еще спал после смены дежурства по охране машины. Меня разбудили и сказали: «Конец войне!!!» Я спросонья не мог сообразить, что происходит. И только когда услышал автоматную стрельбу, побежал к машине. Мы начали без команды салютовать из пушки. Но быстро получили команду «прекратить стрельбу». Куда летели снаряды, мы, конечно, не знали.

После короткой эйфории, был дан приказ на марш. Нас вывели из города на 10—15 километров, выстроили весь полк. Командир поздравил нас с Победой. Всех накормили завтраком. Командир полка зачитал боевой приказ маршем двигаться на Прагу. На больших скоростях в походной колонной мы двинулись на Прагу. Это было утро, 7—8 часов, 9 мая 1945 года.

Навстречу нам двигались сдаваться в плен немецкие войска, по дороге стояла брошенная техника врага. Прошли через чешские города Ййглава, Табор и другие. Население нас встречало цветами, хлебом с солью, подарками. Не доезжая до Праги 30—40 километров, наш полк повернул на юго-запад. Прага была уже освобождена. К исходу дня полк вышел к юго-западной границе Чехословакии с Австрией к городу Домажлице. Остановились в лесном массиве. Всех накормили ужином, выставили боевое охранение и легли отдыхать.

Утром 10 мая получили боевой приказ на задержку рвавшихся на запад немцев. Прошел короткий бой, и к полудню все закончилось.

Так закончились мои военные действия в Великой Отечественной войне. Меня отправили в медсанбат для лечения слуха. Там я был около 20 дней.

Время, когда уже не гремит война

Около двух месяцев мы находились в Чехословакии. Потом полк передислоцировали в Венгрию. В Венгрии мы находились до конца 1945 года. Занимались приведением в порядок техники, орудия, обмундирования. Иногда посылали на работу. Занимались и боевой подготовкой, в основном формально.

В конце 1945 года полк погрузился в эшелон и был отправлен на родину в СССР. Границу переехали с 31 декабря 1945 года на 1 января 1946 года в районе Чопа и въехали на Украину. 2 января прибыли на постоянное место дислокации г. Конотоп Сумской области. Там шли постоянные переформирования. Но мы так и остались самоходчиками. Я был назначен командиром самоходки САУ-76. Мне присвоили звание сержант. После окончания войны командирами САУ ставили сержантов. Еще раньше на фронте в октябре 1944 года меня приняли в комсомол. В начале 1946 года меня избрали секретарем комсомольской организации батальона. Это была нештатная должность. А в мае 1946 года мне предоставили кратковременный отпуск, на 10 суток, не считая дороги. Выписали проездные документы и выдали сухой паек: сухари, консервы, сахар, чай и еще что-то, точно не помню.

Домой добирался поездами через Москву. Приехал где-то в конце мая. Первым меня встретил отец. Я его увидел, когда по горке поднялся к дому Доженковых. Отец ремонтировал забор моей бабушки. Передать чувство радости невозможно. Я встретил всю свою родню.

В конце 1946 года полк перевели в город Глухов Сумской области и преобразовали в отдельный танково-самоходный батальон. Весной 1947 года нас вывели в летние лагеря под Киев на Днепр — в Жишевские лагеря. Я там вступил кандидатом в члены КПСС. Замкомандира батальона предложил мне посту-

пить в военно-политическое училище. Я написал письмо родителям. Отец дал «добро». Так началась другая глава моей армейской жизни, вплоть до увольнения на пенсию в звании подполковника.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Никитин Иван Викторович**, студент 3-го курса факультета ИТТФ кафедры военного обучения Московского энергетического института (технического университета).

**Никифоров
Константин
Степанович**

НА ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ

Родился 25 декабря 1917 года в Ленинграде. Русский. Православный.

С 1937 года в комсомоле. С 1943 года член КПСС. Окончил:

— в 1936 году среднюю школу

— в 1938 году 2 курса Ленинградского Горного Института

В 1941 году Высшее военно-морское инженерное училище имени Дзержинского в Ленинграде.

— в 1951 году Высшие классы инженеров корабельной службы при училище Дзержинского.

Узнал о начале войны, будучи курсантом. В Ленинграде. В звании мичмана.

Участвовал в Великой Отечественной войне на Черноморском флоте. В начале июля направлен в распоряжение отдела кадров Черноморского флота в город Севастополь.

Назначен инженером береговой стационарной батареи (БС) №411 42-го отдельного артиллерийского дивизиона Одесской военно-морской базы, в звании техника-лейтенанта. Командир батареи — капитан Никитенко И.Н. Командир дивизиона — Денненбург А.И. Комиссар батареи — Катков П.Т.

Батарея предназначалась для защиты Одессы с моря. Так как Черноморский флот не имел мощного противника, то в применении батареи на морском направлении не было необходимости. Зато нашу батарею применяли против сухопутных сил противника. Батарея вела непрерывный огонь, поддерживая нашу пехоту.

Моя батарея участвовала в контрбатареинной борьбе, подавляя вражескую артиллерию, которая стреляла по порту Одессы. Нашу 411-ю 180-мм батарею построили всего за два года до войны, и она считалась одной из лучших на Черноморском побережье. Она наиболее часто справлялась с поставленными перед ней боевыми задачами. Огонь батареи корректировал заместитель командира Ишков П.П., который находился на передовых позициях 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, командиром которой был генерал Петров И.Е.

Крупную операцию провела моя батарея по ликвидации скопления вражеских войск в районе Аккермана (Белгород-Днестровский), где противник готовился к форсированию лимана, стремясь зайти в тыл нашим войскам. Расстояние было почти предельным — около 33 километров, но эта попытка была успешно сорвана.

До последнего момента батарея стреляла по вражеским позициям, и даже при эвакуации войск из Одессы она прикрывала отступающие войска, давая возможность для их посадки на корабли.

Состав батареи одним из последних покидал Одессу. У нас на глазах стояли слезы. Жаль было прощаться с этой батареей. И тем более ее подрывать, чтобы она не досталась врагу.

Я следил за устройствами подрыва. Так как ситуация была беспокойная, приходилось проверять их каждый день, чтобы быть уверенным в том, что в нужный момент они не подведут. И если обнаруживалась неисправность, немедленно ее устранять.

Меня вместе с моей командой эвакуировали за 4 дня до подрыва нашей батареи. Это было 12 декабря 1941 года. Нас переправили в Севастополь. Там я получил новое назначение инженером технического отделения Керченской военно-морской базы, где я занимался ремонтом кораблей. Это были катера типа «морской охотник».

Операцию по эвакуации огромного количества войск из Одессы считаю одной из наиболее удачно проведенных (без по-

терь) за всю войну, в отличие, например, от эвакуации из Таллина.

Противник не подозревал о проведении этой операции и появился в Одессе спустя целые сутки.

Мы с Ишковым П. П. добирались в Керчь по крымскому берегу, из Севастополя. Однажды, когда мы проезжали мимо Массандры, шофер остановил машину для долива воды. Через 10 минут он явился с ведром лучшего массандровского вина. Но Ишков П. П. отобрал вино и вылил его, чтобы не допускать пьянства.

В Керчь мы так и не добрались, пришлось вернуться в Севастополь. Потом через кавказский берег добрались до Керченской военно-морской базы, которая располагалась в Тамани. Это был конец 1941 года.

Под новый, 1942 год Керчь была освобождена от немцев. Меня направили в Керчь, где я продолжил заниматься ремонтом кораблей, используя плавучую мастерскую технического отделения.

В мае 1942 года вместе с керченской базой я эвакуировался опять в Тамань. Переправлялись кто как мог. Это было страшным зрелищем.

Когда немцы были уже на подступах к Керчи была дана команда об уничтожении того, чего уже нельзя было спасти и о последующем отходе в порт, где стояли катера. Готовые в любой момент эвакуировать людей. Я попал на один из этих катеров, но люди уходили не только на катерах, но и сейнерах, лодках, бревнах. На этом 18-километровом участке на моих глазах погибло много народа, но помочь им ничем не могли.

Потом я также занимался ремонтом кораблей Керченской военно-морской базы в городах Геленджик, Туапсе, Батуми, Поти. До 1943 года я числился инженером технического отделения Керченской ВМБ.

В 1943 году я был назначен инженером станции безобмوتочного размагничивания СБР-30. Эти станции предназначались для обезвреживания мин, сбрасываемых немцами, которые срабатывали от магнитных полей наших кораблей. На наших кораблях средств защиты от таких мин в начале войны не было. Для разработки методики защиты кораблей от таких мин и применения этого на практике на Черноморский флот прибыли ученые Курчатов Игорь Васильевич и Александров Анатолий Пет-

рович. Моя станция проводила размагничивание в портах Азовского моря: Ейске, Темрюке и других.

Мне хотелось бы отметить, что за все время работы нашей СБР-30 не было ни одного случая подрыва корабля, который был у нас на размагничивании.

Весной 1944 года, когда мы готовились отметить Международный женский день 8 марта, произошел один из эпизодов войны, показывающий героизм наших женщин, проявленный ими во время этой войны. Наша СБР-30 стояла в бухте г. Темрюк в заливе Азовского моря. В бухте находилось несколько бронекатеров Азовской флотилии, которые я должен был размагнитить, так как катера собирались выполнять боевую операцию у крымского берега в условиях небольших глубин. На берегу рядом с бухтой стояла батарея зенитчиков, укомплектованная девушками, как видно по их внешнему виду недавно закончившие средние школы и прошедшими необходимую подготовку для службы в войсках ПВО.

На батареях и на катерах шла обычная жизнь в период затишья боевой обстановки: личный состав занимался тренировкой на своих боевых постах, я находился за пультом на палубе СБР, матросы СБР выполняли мои команды при размагничивании очередного катера. Вдруг над бухтой раздалась команда: «Воздух!» Я прекратил работу по размагничиванию катера, приказал убрать аппаратуру, личный состав СБР отправил на берег, в укрытия, сам остался на СБР. Рев самолетов, падение и разрыв бомб, команды командиров катеров и командира батареи, а также крики девушек запомнились мне на долго.

Я вспоминаю одну нашу стоянку. Моя СБР-30 стояла в Керченском проливе, напротив бухты Опасная. Так вот мачта шхуны упиралась на канаты подвесной дороги построенной немцами. Она тянулась с керченского на кавказский берег.

8 апреля 1945 года я был направлен на Дунайскую флотилию начальником СБР-25, где и встретил конец войны в городе Измаил.

9 мая 1945 года я закончил войну в звании старшего техника-лейтенанта. За весь период войны у меня не было никакого сомнения в нашей победе. В первый отпуск после войны в звании инженера-капитана-лейтенанта вернулся на Балтийское море, где продолжил службу в системе размагничивания кораблей города Лиепая.

Демобилизовался в 1972 году в звании инженера-полковника в Москве в запас и поступил работать в систему министерства Атомной промышленности ЦНИИ АТОМИНФОРМ.

Выслуга у меня 37 лет, 34 из них календарных.

В этой войне в 1944 году где-то под Курском погиб мой брат. Войну он встретил пограничником и прошел весь горький путь отступления до Сталинграда.

Ордена и медали:

Орден Отечественной войны II степени. Приказ от 11 марта 1985 года, №5169533, номер удостоверения 621603.

Орден Красной Звезды №1601467.

Орден Знак Почета №188523.

Орден Мужества. Вручал главком ВМФ адмирал Куроедов. Приказ от 12 июля 2000 года № 47627, номер удостоверения 366268.

2 медали «За боевые заслуги».

Медаль «За оборону Одессы».

Медаль «За оборону Кавказа».

Медаль «За победу над Германией в ВОВ 1941—1945 гг.».

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Новиков Евгений Александрович**, курсант 3-го курса кафедры военного обучения МЭИ (ТУ).

**Оборина
Мария
Наумовна**

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Я родилась 28 декабря 1931 г., г. Горки Могилевской области, БССР. К моменту начала Великой Отечественной войны мы, т.е. наша семья Соколовых, жили в г. Горки Могилевской области в Белоруссии. Отец был военным, работал в военкомате, мать не работала, т.к. нас было четверо детей и с нами еще жили престарелые родители моего отца.

С первых дней войны отец ушел на фронт, а мы должны были эвакуироваться, отцу дали лошадь из военкомата. В это время бабушка очень болела, и мы смогли выехать только 18 июля. В этот день бомбили наш город, город горел. На дороге было огромное скопление наших войск и мирных жителей. Мы попали под бомбежку и растерялись во ржи со взрослыми. Я старшая, мне 9 с половиной лет, со мной сестра — ей 7 лет и брат — три с половиной года. А мама со старшим братом и дедушкой с бабушкой оказались где-то от нас далеко. Нас троих детей подобрал на свою телегу сослуживец отца, он вез своих детей к родителям и завез нас совсем в другом направлении. Мы оказались во Мстиславле, а мама в Монастырщине. Мы были никому не нужны на уже оккупированной территории. Спали в городской пожарке в конюшне, ели только клевер и пили воду из реки.

Мама, доехав до Монастырщины, оствала там, в клубе старшего брата и дедушку с бабушкой с вещами, пересекла два фронта

на лошади и стала нас разыскивать. Это заняло у нее три недели. За время отсутствия мамы все было украдено, и теперь мы все вместе вернулись в свой город. Квартира сгорела, остановились у добрых людей.

В сентябре 1941 г. начинаются расстрелы советских работников, коммунистов, евреев и других неугодных людей. Мы должны были покинуть город, т.к. были в списках (отец член партии). Цель мамы была добраться до Сычевки под Вязьмой. Это ее родина, и там жили ее родители. Мама оставляет дедушку с бабушкой, и мы пешком (лошадь забрали полиции) отправились в путь, который был очень тяжелым, осень была дождливая. Наши ноги были до кровавых мозолей натерты. Идти не было сил, дошли мы до Ленина и вынуждены были здесь остановиться у одной семьи. Как только смогли идти, отправились в путь, на пути мы встретили группу из 5 человек, это были раненные наши солдаты и с ними медсестра, они тоже шли через фронт. Мы соединились, шли как будто семья со своими детьми. Дошли до деревни Батуровщина, остановились передохнуть и там узнали о партизанах. Мы с братом стали связными, ходили по деревням, собирали хлеб и узнавали о расположении немцев. Доходили до Немидова, до Лядов и др. Когда узнали, что Днепр замерз, мы ушли из этого отряда и пошли по направлению к Свечечке. Дошли до деревни Михеевка, она на самом берегу Днепра, но Днепр еще не замерз, чтобы его можно было перейти. Нам нужно было дождаться ледостава. Случилось так, что староста этой деревни — Адам Васильевич — разрешил нам пожить некоторое время в этой деревне. В семье, где мы остановились, было два сына — Миша и Володя Грищенковы. Они были связаны с партизанским отрядом К. Заслонова. Они были подрывниками и связными. Они брали нас с братом на задания. Я все так же ходила по окрестным деревням, собирала хлеб и приносила ценные сведения о расположении немцев. В это время стали отправлять молодежь в Германию. Мы с братом оказались первыми в этом списке от деревни Михеевки. Были еще с нами отправлены на сборный пункт в Ляды Валя Косура, Соня Кокина, Роман (фамилию не помню). Мы там были около 2—3 недель. Когда нас гнали под охраной полицейских, мне удалось упасть в кювет, стреляли, мне попали в колено, рана было не большая. Я пролежала там дотемна, но идти было очень трудно, я днем старалась лежать, а ночами шла, если это можно назвать

ходьбой. По пути оставалась в деревнях на несколько дней и наконец через месяц добралась до деревни Михеевка. Находиться теперь открыто мне было нельзя, иначе бы сожгли немцы деревню и вот с октября 1941 г. по апрель 44-го я в партизанском отряде была разведчицей. Мой путь лежал от Михеевки через Лонницу, Красное, Ляды, Дубровно, Орша, Горки, Рекба, Масалыки и т.д. Я также ходила на минирование железнодорожного полотна к станции Красное, т. к. взрослым было невозможно подносить мины, взрывчатку. Очень был усиленный патруль на путях. Через небольшие промежутки времени отстреляют ракеты, и все освещено как днем. Как только погаснет ракета, быстро короткими перебежками продвигаешься к железнодорожному полотну, чтобы отгрести грунт или положить мину. Патрули тоже ходят вдоль полотна, вот и нужно успеть добежать хотя бы до маленького кустика, чтобы тебя не заметили.

Однажды шли на задание и не заметили, как зашли на минное поле. Приходилось прыгать с кочки на кочку, забыв, что можно наступить на мину. Раздался страшный взрыв: один из наших партизан попал на мину. Он был смертельно ранен, немцы открыли стрельбу, но так как было темно, преследовать нас не стали. Так мы пролежали на морозе несколько часов, пришлось ночью возвращаться обратно, но никто больше не пострадал, к счастью. В совхозе Лонница нам удалось поджечь немецкую конюшню. Как разведчице мне приходилось постоянно добывать сведения о расположении немецких частей, техники, старалась приносить по возможности более точные данные.

Я не совершала героических поступков, но старалась выполнять свои обязанности добросовестно, о чем в партизанской справке указано: «Задания выполняла качественно». Но мы тогда понимали, что вносим свой вклад, как можем, в дело приближения победы над лютым врагом. По полученным данным взрослые партизаны уничтожали живую силу противника и его материальную часть, добывали важные документы, помогали молодежи от угона в Германию. С лишком рано, а я начала в девять с половиной лет, я из детства оказалась в гуще событий взрослой жизни. Где не могли взрослые, там были дети. Теперь я понимаю, с высоты моих лет, что наше детство и юность моих сверстников были такими, что нам должна завидовать молодежь, которая способна на самопожертвования.

Я после войны закончила школу и институт иностранных языков. Всю жизнь воспитывала молодое поколение в духи любви к своей Родине. Работала учителем, завучем, директором школы. Вела большую работу по интернациональному воспитанию. Имею много грамот, ветеран труда, отличник просвещения, орден Отечественной войны II степени, юбилейные медали, дочь полка.

Воспитала двух детей, имеют по 2-3 высших образования, и 4 внука и приемного сына (племянник — сирота).

Отец погиб на фронте в 1941 г. при боях на реке Березине. Старший брат был сожжен немцами. Был ранен, когда прочесывали лес, остался в землянке, был нетранспортабелен.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Крылова Анна Викторовна**.

**Отставнов
Виктор
Александрович**

АВИАЦИОННЫЙ МЕХАНИК

Родился 25.01.23 г. в городе Саратове. Национальность — русский. Вероисповедание — атеист. Член КПСС с 1944 г.

В 1941 г. закончил школу с отличием. Узнал о начале войны 22 июня, в городе объявили по репродуктору.

В августе 1941 г. я был призван в армию и направлен в летное училище первоначального обучения в город Бугуруслан. К концу года меня уже почти подготовили к выпуску. В связи с большими потерями на фронте в авиации в училище были изъяты все самолеты, и оно было расформировано. Меня перевели в военное авиационное техническое училище, которое готовило механиков по авиационному вооружению. Это училище я закончил только в 1943 году старшиной технической службы. В мае 1943 года меня направили на фронт. Боевое крещение принял на Орловско-Курской дуге в 10-й гвардейской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова штурмовой авиационной дивизии, в 167-м гвардейском штурмовом авиационном Старо-Константиновском полку. Дивизия состояла из 90 самолетов. Командир дивизии — Герой Советского Союза и народный герой Югославии генерал Витрук (звание это ему было присвоено за освобождение Белграда). Дивизия состояла из трех штурмовых полков, подчинялась непосредственно Ставке Верховного командования, поэтому ее часто

перебрасывали с одного фронта на другой. Только в период с 1943 года до конца войны мы побывали: на 1-м, 2-м и на 3-м Украинских фронтах.

Нашим полком командовал гвардии майор Васильин. В полку было 3 эскадрильи, по 10 самолетов каждая, и звено управления из 3 самолетов. Все летчики нашего полка, кто остался жив, стали Героями Советского Союза.

У меня на 10 самолетов в подчинении было 10 человек вооруженцев, из них половина ребята 18—20 лет и половина девушек того же возраста.

Экипаж самолета состоял из оружейника, моториста, механика самолета, летчика и воздушного стрелка. Командир нашей эскадрильи был лейтенант Карушин.

По окончании войны в нашей дивизии было около тридцати Героев Советского Союза.

Боевой путь полка с июля 1943 г. и до конца войны проходил по Украине, Молдавии, Западной Украине, Румынии, Венгрии и Югославии. Полк принимал участие в освобождении городов и населенных пунктов.

Боевой путь

Города Орел, Белгород (август 1943). Город Харьков (август 1943). Город Киев (ноябрь 1943). Города Звенигород, Богуслав, Канев; крупные железнодорожные узлы: Обненское, Цветково, Мироновка, Шепетовка (февраль 1944). Города Шумск, Ямполь, (март 1944). Города Горохов, Каменка (июль 1944). Города Станислав, Яссы, Кишинев, Бырлад, Хуши, Форкшаны, Васлуй, Плоешти, Бухарест (август 1944).

В городе Бухаресте стояли на аэродроме, а в это время велись переговоры с королем Михаем. В результате этих переговоров Румыния стала союзником СССР. Наш полк отдыхал здесь целый месяц.

Город Белград (октябрь 1944). Города Капошвар, Пакш, Секешфехервар, Зибер, Веспрен (декабрь 1944).

Боевые действия полк закончил в Венгрии, под городом Секешфехеоваром.

После освобождения был в Будапеште, затем наш полк перебросили в Югославию.

В январе 1945 г. мне было предложено согласиться с офицерской должностью заместителя старшего техника эскадрильи по вооружению, в связи с чем была подготовлена на меня **боевая характеристика**.

«На механика по вооружению 167-го гвардейского штурмового авиационного Старо-Константиновского полка гвардии старшину Отставнова В.А., 1923 года рождения. Уроженец города Саратова. Русский. Кандидат в члены ВКП(б) с 1944 года. Образование общее, 10 классов (окончил в 1941). В 1942 закончил 2-е ленинградское авиационное техническое училище. В Красной Армии с 1941 года. Участник ВОВ с мая 1943 года. Награжден медалью «За отвагу» 02.10.43; орденом Красной Звезды 28.12.44. Обслужил 800 боевых вылетов на самолетах Ил-2.

За время прохождения службы в 167 гвардейском штурмовом авиаполку с мая 1943 года В.А. Отставнов, проявляя знания, умение и организованность, показал себя одним из примерных механиков. В работе проявляет должную инициативу, обходчивость, исполнительность. Успешно обслужил 800 боевых вылетов за что награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды. Не имеет случая невыполнения боевых задач.

Преподает механикам и мастерам по вооружению народной освободительной армии Югославии.

Вывод: должности механика по вооружению вполне соответствует. По своим деловым качествам соответствует продвижению на должность заместителя старшего техника по вооружению авиаэскадрильи.

Командир 1-й авиаэскадрильи 167-го гвардейского полка
Герой Советского Союза
гвардии старший лейтенант *Карушин*.

10 января 1945 г.».

Но война близилась к завершению, а оставаться на военной службе мне не хотелось, и по договоренности с командиром эскадрильи я стал ждать демобилизации.

Поворот судьбы

После Орловско-Курской дуги наградили медалью «За отвагу», хотя такую медаль техникам не давали. За ремонт вооружения во время бомбежек на аэродроме и в ночное время.

В конце 1943 года к нам в дивизию приехали представители Военно-инженерной академии имени Жуковского. Мне предложили ехать учиться в инженерную академию, но для этого нужно было пройти собеседование в штабе дивизии. На следующий день я поехал в штаб. Ехал на грузовике в кузове. В кабине ехал шофер и двое военных. Грузовик направлялся в передвижные авиаремонтные мастерские (ПАРМ), туда перевозили двигатель от самолета. Через 20 минут грузовик попал в аварию. Все, кто находились в кабине, погибли, а мне повезло — я вылетел из грузовика и потерял сознание. Три дня пролежал в санчасти. Комиссия же уехала, так я не попал в академию.

На аэродроме

Между вылетами мы непрерывно что-то делали. Аэродром нельзя было покидать, мы все время там находились. Больше того, за дневное время, когда самолеты делают по 5-6 вылетов, все оружие надо было снять вечером, разобрать и почистить, иначе могут быть отказы. Летчик же летит для того, чтобы стрелять и бомбить, и вдруг у него оружие не работает, отказ, — это как чрезвычайное событие. Зачем же летит человек, когда у него оружие не работает, поэтому оружие должно обязательно работать! В конце дня, с наступлением сумерек, ведь у нас самолеты не летали ночью, все уходит с аэродрома. Мы, специалисты по вооружению, остаемся. Начинаем проверять все вооружение, все нужно снимать, разбирать, чистить, заменять. Боевая готовность была уже в половине четвертого утра, надо было успеть все сделать. Первые вылеты летом начинались в половине пятого утра, а в четыре надо было доложить командиру о боевой готовности эскадрильи.

У нас прямо на аэродроме отрывались землянки, в которых мы спали.

Сейчас вспоминаю, когда в первые дни началось на Курской дуге немецкое наступление, трое суток вообще не спали. Очень тяжелая ситуация была! Надо было постоянно всю материальную часть держать в боевой готовности.

Я с трудом поднимал своих вооружейников: девчонок и ребят. Жили в землянке, выкопанной со ступеньками, на них солома или тюфяки, набитые соломой. Ребята спят, я за ноги их

стаскивал, если не помогало, приносил ведро воды. Иной раз плеснешь на физиономии всем подряд, чтобы разбудить на работу. С ног буквально тогда падали, трое суток не спали, уже качались. Нужно было, конечно, следить за всем этим, держать боевой настрой, поддерживать людей.

Выполняли все, что нужно для боевого обеспечения самолетов. Особенно тяжело было подвешивать пятидесятикилограммовые бомбы. Девушки их подвешивали с помощью лебедки, устанавливаемой сверху возле кабины летчика, а ребята, как правило, вручную.

Мы отвечали именно за вооружение, за ремонт самолета отвечал механик самолета.

Обслуживали либо звено, либо всю эскадрилью.

Когда надо было спешить, я становился на плоскость самолета, опускал вниз лямку парашютную (очень прочная), к ней девчонки прикрепляли за замок бомбу, а потом руками ставил на место. Иногда поднимал руками и стокилограммовую бомбу без посторонней помощи. Мы предпочитали вешать бомбы до 100 килограмм вручную, потому что лебедку нужно долго устанавливать. Тем более на лебедке вдвоем нужно было работать: один ее крутит, а другой смотрит, чтобы трос правильно пошел, не соскочил с ролика и т.д.

Как правило, вооружение состояло из четырех бомб по 50 килограммов, либо 2 бомбы по 50 килограммов, остальные по 25.

На Орловско-Курском направлении были применены так называемые ПТАБы — противотанковые авиационные бомбы кумулятивного действия. Очень эффективны оказались. Эти бомбы привезли к нам за несколько дней до начала немецкого наступления на позиции советских войск. Наша разведка очень хорошо поработала, поэтому мы знали, что немцы будут наступать, знали в какой день — 5 июля. Так оно и вышло. ПТАБ представляла собой небольшую бомбочку, весом 1,5 килограмма, по размеру, примерно, как авиационная бомба 2,5-килограммовая. Называлась она К-1,5-2,5. Задумка ПТАБ К-1,5-2,5 заключалась в следующем: заряд полностью заполнял всю бомбу, диаметром примерно 60 миллиметров, а головная часть в виде вогнутой сферы. Принцип действия: бомбы высыпаются из бомболюка, переворачиваются в воздухе и этот снаряд кумулятивного действия взрывается при ударе о препятствие. Сосредоточенная волна от этой бомбочки пробивала броню толщиной

60—80 миллиметров и поражала танк. Причем этих бомб укладывалось очень много — 150 штук в один самолет.

Зарядишь самолет, закроешь створки бомболюка, затем штурмовик Ил-2 взлетает. Уже в небе над войсками немцев летчик открывает створки бомболюка, и бомбы сыплются, веером расходятся и накрывают танки, машины и другие боевые единицы противника. Поражение было на 100% эффективным. Если наш самолет пикировал на небольшой высоте, в бреющем полете всегда попадал в танки. В результате немцы стали нести колоссальные потери в танках и технике. Многие из них были пресловутые «тигры», которые тогда появились, самоходные орудия «фердинанд». Немцы тогда потеряли более тысячи единиц техники.

Труд для победы в войне

Бои были очень тяжелые. Летчики делали по шесть боевых вылетов в день. Линия фронта проходила недалеко от аэродрома, поэтому самолет улета, возвращался, и минут через 40—50 летел опять в бой. Летчики уходили отдохнуть, получить новое задание, а механики должны были осмотреть всю материальную часть, проверить исправность работы всего вооружения, всего оборудования, связанного с бомбометанием. Затем подвесить бомбы, заложить боекомплект снарядов. Получалось так: у нас две пушки Волкова-Ярцева, которые стреляли вперед, по 75 снарядов. Значит, 150 снарядов надо было положить. Пулеметы ШКАС, по 750 винтовочных патронов, это еще значит надо было уложить 1500 патронов (в лентах), затем зарядить и проверить пулемет, если нужно, то смазать и т.д. Если на самолете еще стрелок воздушный стрелял, у него сзади еще 1 пулемет был, надо туда еще боекомплект доложить. Проверить, все ли работает. После этого мастер по вооружению или младший специалист мне докладывал, что самолет вооружен. Я на всей стоянке обходил все самолеты и докладывал старшему технику эскадрильи по вооружению, а техник эскадрильи докладывал командиру о боевой готовности. Вот такая процедура была.

Сильная мясорубка была на Орловско-Курской дуге. Где-то 3-5 июля начали наступать немцы, а через неделю в нашем полку осталось 6 самолетов, остальные были сбиты или поврежде-

ны. Горячие были дни, мы не спали по несколько суток: меняли пулеметы, чинили, заправляли самолеты бомбами. Но полк быстро доукомплектовывался, получили самолеты, к нам направили летчиков. К 18 июля полк опять был в боевой готовности.

Контузия

Ранений не было, была контузия. Дело было на Украине, после освобождения Киева. Очень мощная бомба рядом взорвалась, пришел в себя только в санчасти. Трое суток ничего не слышал, потом отошел, слух восстановился.

Под немецкими бомбами

Шла операция по освобождению Киева. Мы стояли на аэродроме в Борисполе. Было очень много работы. Мы выполняли ремонт стрелкового вооружения самолетов. В основном из строя выходили пулеметы. Ремонт приходилось выполнять в ночное время, потому что днем снаряжали самолеты бомбами, патронами. Летчики же в это время уходили ужинать, а затем отдыхать. Я как раз был в столовой, часть людей была оставлена на ремонт вооружения. Со мной был оружейник Миша Каплан. Мы поужинали, а на всех остальных взяли котелок с едой. Только дошли до середины летного поля, и тут налетели немецкие «хейнкели», начали бомбить.

Мы никак не могли сдвинуться с места, бомбили очень сильно. Вообще, когда лежишь, кажется, будто бомбы все на тебя летят. Страшно! А у нас тут еще котелок с едой. Тут внезапно Миша говорит: «Давай скушаем все, а скажем потеряли, бомбежка ведь!» Очень сильно сказывалось нервное напряжение, видно Миша перенервничал, тут ведь бомбы рвутся вокруг, а у него аппетит появился. Мы решаем бежать к зенитному расчету, который вел огонь по немецким самолетам. Короткими перебежками, еще немного, вдруг Миша застонал и упал на живот. Ранен! Метров 100 не пробежали до укрытия, но что поделаешь. Подползаю к Мише, котелок не бросаю, помню о своих ребятах.

Ранен Миша в «мягкое место», которое есть у человека. «Потерпи немного!» — говорю. Из раны торчит небольшой ос-

колок. Пробую вытащить его руками, не выходит. Я не растерялся, у каждого механика с собой всегда есть отвертка и пассатижи. Пассатижами легко извлекаю осколок из раны, разрываю рубашку, комкаю ее и ей затыкаю рану. Беру Мишу под руки и ковыляю с ним до укрытия. В это время бомбежка кончилась, «хейнкели» улетели. Нам повезло. В зенитный расчет, к которому мы бежали, попала бомба, пушка вся разворочена, все, кто там находился, погибли...

Налет румынских бомбардировщиков

После освобождения Киева полк находился на доукомплектовании материальной части и летчиками. Началась бомбежка.

Бомбили нас румынские летчики. У них разведданные были, как потом выяснилось, что в четырехэтажном здании живет летный состав полка. На самом деле в этом здании находился технический состав.

Поздно вечером я сидел с друзьями на четвертом этаже, в карты играли. Тем временем румынский самолет шел на бреющем полете и сбросил бомбу, бомба попала во 2-й этаж. Погибло несколько человек технического состава. Отвалилась стена в комнате, где был я с друзьями. Перекрытие было деревянным, это перекрытие стало сползать вместе с нами. Так мы вчетвером и съехали вниз на землю на этом перекрытии, совершенно не пострадав. Все произошло за несколько секунд, даже испугаться не успели. Страх пришел потом — за товарищей в зоне взрыва бомбы.

Мы в окружении

Я, так как был техником, непосредственно в атаки не ходил, но попадали мы и в окружение.

Были мы в Румынии, когда наш передовой отряд, следовавший на новую точку, попал в окружение. Я часто выезжал с передовыми отрядами на новые аэродромы, где готовили все необходимое для самолетов: патроны, бомбы, чтобы самолеты прилетели и ни одного дня не простаивали. Вечер. Фронт ушел вперед. Очень большая группировка немцев осталась в тылу у

наших войск, порядка нескольких тысяч человек. Мы же только разместились на аэродроме, смотрим, на аэродром движутся немцы. Нам повезло, на аэродроме находился отставший артиллерийский расчет с орудиями. У нас ведь были только пистолеты да две винтовки, правда, нашли на аэродроме немецкие гранаты и немного оружия. Вечер и ночь отбивались от немцев, отстреливались. Через сутки подошли наши резервные части, которые ликвидировали эту немецкую группировку. Затем командование сообщило, что нас ошибочно туда послали. В результате нам пришлось передислоцироваться на другой аэродром.

В Белграде

После освобождения Будапешта, наш полк вернулся под Белград. Я служил механиком по вооружению в штурмовом полку, летчики летали на Ил-2. В это время командованием было принято решение все самолеты полка передать югославской армии.

Я, кроме того что был старшим механиком эскадрильи, стал участником подготовки оружейников-югославов: в югославской технической школе два месяца читал лекции для механиков по вооружению. Сербский язык я знал слабо, поэтому в подготовке занятий мне помогал югославский инженер по вооружению Живкович. Чуть позднее (война уже закончилась) мне хотели присвоить офицерское звание младшего лейтенанта, я был приглашен в штаб полка, но отказался от офицерского звания, мне хотелось быстрее закончить военную службу и поступить в институт.

Возвращение с войны

В момент окончания войны я был в Югославии. У нас на каждом самолете стояли радиоприемники, мы конечно слушали что говорят, что в мире творится. Восьмого мая узнали что Германия капитулирует. После 9 мая 1945 года прошло еще несколько дней и мы начали собираться, в Россию. Нас направили на турецкую границу. Всю технику мы оставили югославам, а весь личный состав перебазировался на Кавказ. Приехали мы на аэродром в Кутаиси, там получили новую материальную часть.

Еще когда я только прибыл в армию, я очень хотел учиться, поступил заочно в Саратовский институт механизации (за всю войну закончил в нем 3 семестра).

И как студент 2-го курса был демобилизован.

Жизненный путь после войны

После демобилизации продолжил учебу в Саратовском автодорожном институте, где по окончании второго курса был удостоен сталинской стипендии. В институте я отличался активностью, председательствовал в студенческом научном обществе. После окончания института меня освободили от обязательного тогда распределения на работу. Приехал в Москву, поступил в аспирантуру на кафедру стальных конструкций Московского инженерно-строительного института имени Куйбышева, очень престижная кафедра в те времена. После окончания аспирантуры был направлен в город Саратов для прохождения работы, где 3 года работал старшим преподавателем и заместителем декана строительного факультета. В период преподавания я обнаружил большие пробелы в области «нормирования нагрузок на сооружения». В то время каждый преподаватель должен был заниматься научной работой. Я стал обсуждать эту проблему на ученом совете, никто ничего не смог сказать по этому вопросу, поэтому решили направить тезисы моего доклада в МИСИ, где я выступил с докладом.

В итоге выяснилось, что это направление очень важное и необходимы научные исследования в этой области. В ЦНИИСКе (центральный научный исследовательский институт строительных конструкций имени Кучеренко) в этот момент создавалась специальная научная лаборатория, которая как раз и предназначалась для исследования нагрузок и воздействий на сооружения. Мне предложили в этой лаборатории работать, и я с удовольствием согласился. Так я перевелся на работу в Москву.

Начинал работать старшим научным сотрудником, затем заведующим лабораторией и, наконец, 10 лет проработал заместителем директора по научной работе. Из ЦНИИСКА меня пригласили работать в Госстрой СССР. Там я проработал в должности начальника главного управления научно-исследовательских работ и новой техники еще 10 лет. Ушел на пенсию в 1986 году.

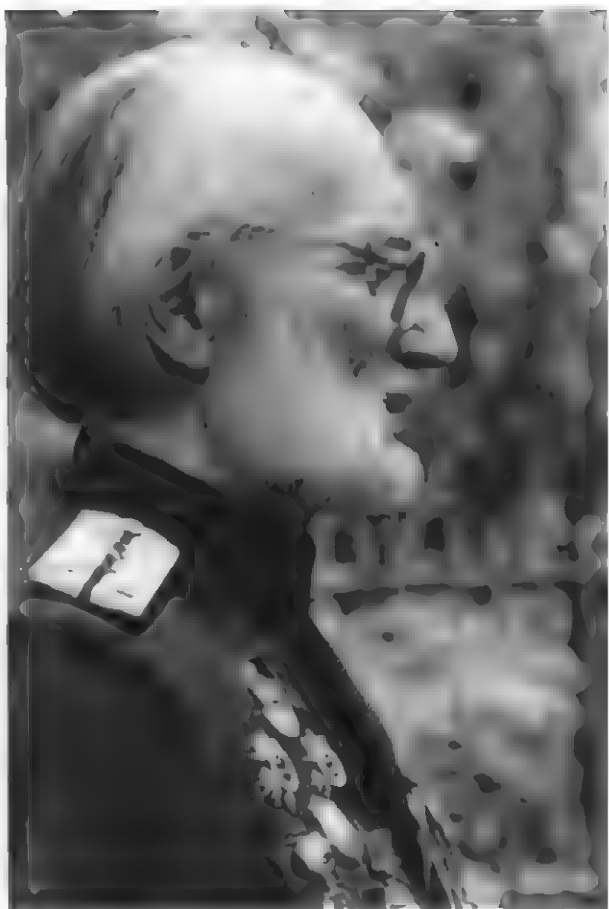
Имею звание «Заслуженный строитель Российской Федерации», также получил премию Совета Министров СССР. В 1997 году награжден орденом Знак Почета. До настоящего времени продолжаю работу в ЦНИИСК им. Кучеренко в должности ведущего научного сотрудника.

Спортивные достижения после войны

После войны занимался спортом. Мастер спорта по спиннингу. Участвовал во множестве соревнований, в том числе на первенство России. Был членом президиума федерации спиннинга Советского Союза. Неоднократно устанавливал всесоюзные рекорды по забросам на дальность и был чемпионом СССР по спиннингу.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Верстаков Валерий Валерьевич**, курсант 3-го курса факультета военного обучения МЭИ (ТУ).

**Павлов
Вячеслав
Николаевич**

САПЕР ОШИБАЕТСЯ ОДИН РАЗ

Я родился в Москве 21 февраля 1925 года. По национальности русский. Неверующий. Состоял в комсомоле. В 1941 году окончил 9 классов. О войне я узнал 22 июня, собираясь в школу. 30 июня отправился под Вязьму строить оборону Москвы.

Боевой путь 743-го саперного батальона

В феврале 1943 года по инициативе трудящихся Урала в городе Троицк Челябинской области началось формирование нашего батальона. Личный состав прибывал из военкоматов и непосредственно с заводов и фабрик из городов Троицк, Копейск, Магнитогорск, Карабаш, Миасс и др. 11 марта 1943 года батальону было присвоено наименование — 743-й отдельный саперный батальон (743 ОСБ).

1 мая батальон получил оружие, шанцевый инструмент и обмундирование. Личный состав принял присягу. 2 мая баталь-

ону было вручено знамя от трудящихся Урала и трудящихся г. Троицка. Формирование батальона было закончено. В состав батальона входили 1-я, 2-я и 3-я саперные роты, инженерно-минная рота, взвод управления и разведки и взвод обеспечения. Командиром батальона был назначен капитан Лукьянов Василий Семенович. Началась боевая подготовка. Батальон формировался в составе 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса (30 УДТК). 17 мая батальон получил наказ трудящихся Урала. В тот же день офицеры, сержанты и рядовые батальона дали клятву трудящимся Урала на верность Родине. 2 июня 743 ОСБ в составе 30 УДТК выехал из Троицка и к 10 июня сосредоточился в танковых лагерях резерва главного командования в районе ст. Кубинка Москов. обл.. Батальон, как и 30 УДТК, вошел в состав 4-й танковой армии (4ТА). 19 июля 743 ОСБ в составе 4-й ТА вошел в состав Западного фронта действующей армии.

Орловская операция 26.7.43-01.10.43 г. 19 июля 1943 года батальон выбыл из Кубинских танковых лагерей и сосредоточился южнее города Середичи. В период с 19 по 26 июля 1943 года батальон выполнил большие работы по оборудованию исходного района. Были отремонтированы дороги, провешены маршруты, построен командный пункт (КП) командира корпуса.

26 июля корпус вступил в бой. 28 июля на пути наступающих танков стала серьезная преграда-река Орс. Из ранее подготовленных элементов 1-я саперная рота батальона под командованием старшего лейтенанта Медведева В.А. в ночь на 29 июля под ураганным огнем противника навела переправу для танков и мост для колесных машин в Дулебино.

30 июля перед батальоном была поставлена задача навести переправу через р. Нугрь в районе Борилово. На рассвете 30 июля группа саперов-разведчиков во главе с лейтенантом Зиминым перешла вброд р. Нугрь, достигла противоположного берега, занятого противником, и определила все необходимые данные. Брод оказался пригодным для прохода танков. В течение 30 июля саперы батальона оборудовали под огнем противника 6 переправ.

10 августа 1-я саперная рота под командованием капитана Медведева В.А. под сильным огнем противника построила мост длиной 26 метров через р. Лубжна в районе Чалищево. Несмотря на то, что мост в течение ночи разрушался несколько раз ар-

тиллерией противника, благодаря самоотверженной работе саперов к утру по мосту прошли танки корпуса.

12 августа инженерно-минной ротой был построен мост через р. Лубна в районе Новинский, который дважды разбивался артиллерией противника, но быстро восстанавливался саперами батальона. Эти работы велись под командованием капитана Губина Федора Павловича, с лета 1944 г. командира батальона.

За время с 26 июля по 1 октября 1943 года саперы батальона построили и восстановили 52 переправы, проложили 1870 п/м гати, оборудовали 13 бродов, сняли и обезвредили 6890 мин противника, разведали 340 км дорог, построили 24 НП и 17 КП командира корпуса, отрыли 4200 кубометров щелей, блиндажей и укрытий, отрыли 4200 кубометров щелей, блиндажей и укрытий. За этот период батальон понес потери в личном составе: убито 22 человека, среди них начальник штаба батальона старший лейтенант Хайдаров Хай Хатыхович, ранено 94 человека, среди них командир батальона Лукьянов Василий Семенович.

Командиром батальона был назначен гвардии капитан Семенов Василий Иванович. 1 октября после боев батальон вместе с 30 УДТК расположился в районе платф. Белобережная (12 км восточнее г. Брянска).

26 октября 1943 г. приказом народного комиссара обороны СССР батальону было присвоено наименование гвардейский и он был преобразован в 131-й гвардейский отдельный саперный батальон (131 ОСБ).

1944 год. 17 января 1944 г. батальон по железной дороге передислоцировался в дер. Бутаевка (22 км южнее Киева), куда прибыл 29 января. Там в составе войск 4ТА вошел в состав 1-го Украинского фронта.

Проскуровско-Черновицкая операция 2.3.44—15.4.44 г. С 22 по 28 февраля батальон передислоцировался в г. Острог Ровенской обл. (2 роты на автомашинах, 2 роты и склады по железной дороге). Саперы батальона сразу же приступили к оборудованию маршрута. За 4 дня в районе Острог-Никополь построили три моста общей длиной свыше 86 м, восстановили 5 мостов общей длиной 122 м, разведали свыше 360 км дорог, проверили и обозначили 63 км дорог, расчистили от снега 16.5 км дорог, построили 2 НП и КП командира корпуса. Наступление началось 2 марта 1994 года в условиях весенней распутицы и бездорожья. Войдя

в прорыв в районе Ямполь, танковые соединения корпуса, а с ними и саперы батальона 6 марта ворвались на станцию Фридриховка, перерезав важную железнодорожную магистраль немцев.

Артиллерия и колесные машины не смогли быстро продвигаться за танками и на этом маршруте оказались далеко позади. Танковым подразделениям и приданной им 3-й саперной роте пришлось в течение трех суток выдерживать многочисленные контратаки противника, стремившегося любой ценой вернуть важный пункт-станцию Фридриховка. Смертью храбрых в этих боях погибли командир саперного взвода гвардии лейтенант Шевцов Семен Петрович и командир отделения гвардии сержант Шкода. Недостатком и большим промахом с нашей стороны явилось то, что подошедшие 1-я саперная рота и инженерно-минная рота не имели ни одной противотанковой мины (ПТМ) и ни одного килограмма взрывчатых веществ (ВВ).

Мины и ВВ были перерасходованы в боях ранее, и потому мы не смогли оказать помощь нашим танкистам в борьбе с немецкими танками. Лишь после того, как наша авиация по воздуху доставила боеприпасы и ВВ, станция Фридриховка была окончательно завоевана и закреплена за нами.

21 марта 10 гвТК начал боевые действия по овладению города Каменец-Подольск.

22 марта в районе Хмелинска 2-я саперная рота под сильной бомбежкой противника восстановила мост для танков. 22 марта три сапера батальона, произведя инженерную разведку моста, расположенного на 1 км южнее города Скалат, разгромила взвод немецких саперов, которые направлялись на взрыв моста. Смелыми действиями наших саперов мост был спасен. Здесь отличились гвардии сержант Чигаков и гвардеец Буряк И.Т. Последняя преграда на пути в Каменец-Подольск была преодолена.

Ночью с 25 на 26 марта 2-я саперная рота построила штурмовую переправу и оборудовала брод через реку Смотрич в районе Польские Фольварки в Каменец-Подольске и участвовала в штурме города. 3-я саперная рота 25 марта при штурме города под огнем противника разминировала Турецкий мост, и сопровождала танки по улицам города. К исходу 27 марта в г.Каменец-Подольске создалось чрезвычайно сложное и опасное положение. Проскуровская и Винницкая группировки противника, стремясь выйти из окружения в южном и юго-западном

направлениях, большой массой войск и техники вплотную подошли к городу и отрезали находившиеся в нем наши части от основных сил. Батальон стал на оборону города. С 27 марта по 3 апреля подразделения батальона производили минирование северной и северо-западной окраин города, заминировали и подготовили к взрыву Турецкий мост, построили более 20 баррикад, заминировали броды через р. Смотрич. Батальон рассредоточился на охрану минных полей, на оборону Турецкого моста и северо-западной окраины города. Взвод гвардии лейтенанта Новикова А. ежедневно отбивал 10—12 атак противника и уничтожил за четыре дня до 120 немцев. Группа саперов засела в районе аэродрома и своим огнем в течение двух суток не давала возможности немцам подбирать боеприпасы и продукты, сбрасываемые им с самолетов. Из инженерно-минной роты батальона 4 раза посылались 29—30 марта в тыл противнику группы саперов-диверсантов. Они установили 7 очагов мин, на которых подорвались 2 танка и автомашина противника. Движение колонн немцев по дорогам севернее Каменец-Подольска было нарушено.

В период с 31 марта по 6 апреля группа под командованием начальника мастерских батальона гвардии старшего лейтенанта Шварцмана И.А. и командира взвода гвардии лейтенанта Брюханова И.М., действовавшая с 62 гвТБр, оказались в окружении в районе м. Езержаны. Эта группа вела активные боевые действия по инженерному обеспечению боев бригады. Были заминированы все дороги, ведущие в село Констанция (1 км южнее м. Езержаны), заминировано в тылу противника. При прорыве немцев в наше расположение саперы смелыми действиями, контратаковав противника, спасли штаб 62 Танковой бригады.

С 6 по 15 апреля подразделения батальона находились на обороне участка фронта Белавиньце-Осовце на р. Стрыпа (восточнее города Бучач Тернопольской области), где саперами батальона было оборудовано 4 НП и 3 КНП, установлено 9 минных полей (460 мин), отремонтировано 4,5 км дорог. За период с 2 марта по 15 апреля батальон понес потери в личном составе: убитыми — 24 человека, ранеными — 51 человек, пропавшими без вести — 8 человек.

Львовско-Сандомирская операция 14.7.44—12.8.44 г. 7 июля батальон сосредоточился в исходном районе Носовце-Нерпиньце. Роты были распределены по танковым бригадам. В период с 7 по 14 июля велась подготовка к наступлению

14 июля на рассвете началась артиллерийская подготовка. 16 июля батальон в районе Бзовица вошел в прорыв (8 км севернее м. Озерна Тернопольской области).

Саперы батальона встретились с большим количеством минных заграждений противника. Минные поля состояли из 6—8 рядов ПТМ. Все улицы, садики и огороды были заминированы. Делая проходы для танков, саперы за два дня сняли 485 ПТМ.

Встретив сильное сопротивление противника, наш корпус изменил маршрут и двинулся по проселочным и лесным дорогам в обход. В связи с тем, что дождем размыло дороги, саперы батальона в течение 18—19 июля обеспечивали проезд автотранспорта по трудным участкам дорог. Особенно нужно отметить участки Нуще — Тростянец Малый. Здесь был самый узкий участок прорыва, который простреливался насквозь артиллерийско-минометным и временами пулеметным огнем. Сильно пересеченная местность и дожди сделали этот участок почти непроходимым. Тысячи транспортных и боевых машин продвигались по одной непрерывно обстреливаемой дороге. Создавались «пробки», саперы батальона всеми способами помогали машинам продвигаться вперед. В течение 19—20 июля 1944 г. на маршруте Якторув — Сивароги — Ляходву — Зацемне — Ганачув — Романув из-за сильных дождей и плохого состояния дорог саперы занимались не только движением автомашин, но и вытаскивали из болот застрявшие танки. 21 июля 1-й саперной ротой был построен мост для колесного транспорта через реку Глина Липа в районе Сивороги под сильным артогнем противника. В этот же день 1-ая саперная рота с 63 гвТБр вошла с юга в г. Львов. 23 июля, в то время как передовой отряд (ПО) корпуса уже вел бои во Львове, противник перерезал дорогу и занял узел шоссейных дорог — село Подъяркув, отрезав ПО от главных сил корпуса. Командир корпуса поставил перед 743 ОСБ боевую задачу: выбить противника из села Подъяркув и С. Солова. Взаимодействуя с подразделениями самоходного полка, три роты 131 ОСБ смелым натиском выбили противника из Подъяркува и Солова, а затем с 19.00. 23 июля и до исхода дня 24 июля обороняли эти пункты, пока не подошли стрелковые части. В этом бою, отбив 4 контратаки противника, саперы батальона нанесли врагу большие потери. Убитыми он потерял 176 солдат и офицеров. Взято в плен — 28 солдат и офицеров, захвачено оружие:

13 пулеметов и до 50 винтовок и автоматов. В этом бою был разгромлен 500-й немецкий штрафной батальон. В боях мы потеряли семь наших бойцов, 30 человек было ранено.

Во Львове саперы 1-й роты разминировали 18 крупных зданий. В течение шести суток они вели бои по очищению города от немцев, участвовали в штурме Оперного театра и товарной станции. 23 июля сапер гвардии ефрейтор Андронов А.С. на юго-западной окраине Львова сбил из винтовки немецкий самолет-истребитель. 27 июля при участии других соединений 1-го Украинского фронта Львов был очищен от немцев. 28—29 июля батальон совершил марш в район г. Самбор (дер. Хлопчицы). В течение 30—31 июля подразделения батальона на подступах к р. Днестр и через р. Днестр восстановили и построили 5 мостов общей длиной 73 м. В ночь на 1 августа 1-я рота под ураганным минометным и ружейно-пулеметным огнем противника усилила для прохода 30 тонных танков мост через р. Днестр в районе Гордыня (вост. г. Самбо).

Работу возглавляли заместитель командира батальона гвардии капитан Огурок Д.В. и командир роты гвардии старший лейтенант Шварцман И.А.

Завязались упорные бои за г. Самбор. Саперы все задания выполняли под сильным огнем противника. В районе Надыбы и Сусидовичи был построен КП Штакора, восстановлено в этом же районе 5 мостов, оборудовано 3 брода для танков, построен объезд с устройством 150 м жердевой выстилки. 5 августа батальон совершил боевой марш в районе Бирча (25 км юг.-запад. Перемышля). 6 августа подразделения батальона оборудовали брод для танков и построили мост для колесных машин длиной 10 м через р. Ступница в районе Бирча. 8 августа батальон совершил боевой марш в районе Фальювка (10 км сев. Санока). В тот же день в районе Володзь-Вера батальон перешел государственную границу СССР — Польша.

8—11 августа подразделения батальона вели ожесточенные бои в населенных пунктах Ендрушковце и Пельня. С 12 по 15 августа батальон совершил боевой марш из района Санок на Зависленский плацдарм по маршруту Санок — Бжозув — Дынув — Ланьцут — Жешув — Соколув — Баранув — Осек — Сатшув. В ходе боев с 14 июля по 15 августа 1994 г. батальон,

обеспечивая действия 10 гвТК на Львовском направлении и выход корпуса на Сандомирский плацдарм, в сложнейших условиях построил и восстановил 28 мостов общей длиной 354 м, 12 переправ и объездов длиной 245 м, оборудовал 21 брод для танков, снял 985 мин противника, отремонтировал 7,5 км дорог, разведал 560 км маршрутов, установил, а затем снял 960 своих мин. При этом объем земляных работ составил 11500 кубометров. Противник потерял 274 человека убитыми, 28 — пленными и один сбитый нашими бойцами самолет. У нас было убито 18 человек и ранено 49; шестеро пропали без вести.

15 августа 1994 года батальон вступил в бой по удержанию Сандомирского плацдарма за Вислой. Действуя в составе ЮгвТК, обеспечивая его в инженерном отношении, подразделения батальона в период с 15 августа по 10 сентября выполнили ряд боевых заданий в районе Стшельце, Сташув, Олесница, Пацанув, Богория, Иваниска. За этот период было построено три моста общей длиной 36 м, восстановлено 6 мостов — 112 м, наведено 2 переправы, оборудовано 4 брода для танков, построено 11 НП, оборудовано 5 КП, где построено 120 землянок и блиндажей общим объемом 5500 кубических метров, отремонтировано 4,5 км дорог, разведано 280 км маршрутов.

Висло-Одерская операция 12.1.45 — 31.1.45 г. 10 сентября после боев батальон расположился в районе Малковска (2 км западнее г. Богория) на Зависленском плацдарме в Польше. 12 января 1945 года, после мощной артиллерийской подготовки по переднему краю противника, батальон вошел в прорыв в районе Ясень (12 км сев. — зап. г. Сташув). Перед наступлением была проделана большая подготовительная работа. Проведено несколько рекогносцировок переднего края обороны противника, проведены маршруты, устроен НП командира 63 гвТБр в районе Ясень. Саперные роты были распределены по танковым бригадам. В ПО действовала 1-я саперная рота. До рубежа обгона пехоты боевые действия корпуса в инженерном отношении обеспечивала 3 ОМИБр. За один день с боями было пройдено около 30 км. На рубеже Хмельник-Пенжхница ПО корпуса был отрезан от главных сил корпуса. 14 января танки встретились с трудной водной преградой — р. Чарна Нида, мосты через которую были взорваны. В течение нескольких часов 2-я саперная

рота и 1-й взвод 1-й саперной роты восстановили мосты (2 пролета — 25 м), а, потом сделали то же самое в районе Токарня, что обеспечило возможность быстрого взятия г. Хенцины. Саперы принимали участие в штурме этого города. Работы по восстановлению моста возглавляли гвардии старший лейтенант Ладога и гвардии лейтенант Рябушко В. М..

В ночь с 14 на 15 января 1945 года 1-я саперная рота, действуя в тылу противника в районе Рыкошин, подорвала 2 железных моста. Это лишило противника возможности увести из Кельце несколько бронепоездов. 16 января в районе Пискожевец на подступах к г. Пшедбуж под ураганным огнем противника 1-я саперная рота устроила проходы через два глубоких противотанковых рва и пропустила танки 63 гвТБр на подступах к г. Пшедбуж. 20 января взвод 2-й саперной роты под командованием гвардии лейтенанта Брюханова И.М. захватил мост 120 м длиной через р. Варта в районе Бурзенин. Мост был подготовлен немцами к взрыву, сержант Ключик снял немецкого пулеметчика, а затем перерезал электрические провода. За несколько минут саперы сбросили в реку 112 зарядов взрывчатых веществ.

Указанный мост сыграл большую роль для 1-го Украинского фронта.

Командующий 4 ТА генерал-полковник Д.Д. Лелюшенко неоднократно отмечал значение захвата моста саперами 131 ОСБ. 20 января в районе Бурзенин саперами 1-й саперной роты под сильным огнем противника был устроен проход для танков через противотанковый ров. 24 января 3-я саперная рота вместе с танкистами 62-й бригады захватила мост через р. Одер в районе г. Штейнау. Саперы быстро приступили к разминированию моста.

Героически отражая контратаки превосходящих сил противника, наши бойцы оставили мост, один пролет которого затем был взорван немцами. При этом смертью храбрых погиб командир 3-й саперной роты гвардии старший лейтенант Зайд Михаил Львович.

24 января вечером командир 1-й саперной роты получил боевую задачу от командира 29 гвМСБр разведать взорванный немцами мост через р. Одер в районе Штейнау и определить объем работ, который нужно провести для того, чтобы по мосту могла бы пройти пехота. Все ранее высланные разведки не возвраща-

лись. Эта боевая задача была поручена гвардейцам ефрейтору Владимирову и Лисицинскому. Под ураганным пулеметным огнем Владимиров и Лисицинский выполнили задачу. Раненые гвардейцы к 12 часам ночи закончили разведку. В ночь с 25 по 26 января 1-я саперная рота, обеспечивая форсирование Одера 29 гвМСТБр по льду, построила штурмовую переправу в районе Тарксдорфа (6 км южнее г. Штейнау) под грузы в 60 тонн.

Саперы батальона произвели разведку реки, разбивку оси моста и опор. Батальону был поручен участок в 30 м, остальные 90 м строили другие части. Работы возглавлял корпусной инженер гвардии майор Ладензон. В 24.00 30 января участок батальона был закончен. Другие части работали до 8.00 31 января. По мосту прошли все тяжелые танки, самоходные установки и другие соединения. Нижнее-Силезская операция 8.2.45 — 22.2.45 г. 2 февраля батальон расположился в д. Ранзен (5 км южнее Штейнау). В тот же день при уничтожении окруженного противника в Штейнау саперы Бойко А.А. и Лысенков фаустпатронами уничтожили два танка противника. В период с 2 по 8 февраля батальон проводил подготовительные работы к последующей операции. Было получено пополнение, приводились в порядок обмундирование и снаряжение. 8 февраля после артиллерийской подготовки батальон в составе ЮгвТК продолжал наступление с Заодерского плацдарма. 10 февраля в районе Андор Польшвиц гвардии сержант Буряк И.Т. выстрелами из фаустпатрона уничтожил танк «Т-IV». В тот же день саперы 2-й роты участвовали в штурме г. Примкенау. 12 февраля саперы 2-й роты вместе с танкистами 63 ГТБр стремительным натиском захватили немецкий аэродром, на котором было 200 самолетов, при этом саперы уничтожили 30 гитлеровцев.

С 11 по 13 февраля саперы батальона под сильным огнем противника, при налетах авиации наводили переправу через р. Бобер в районе Грейзиц (7 км сев. г. Заган). 14 февраля 1-я саперная рота при взятии г. Зорау взорвала железнодорожный узел. С 14 по 17 февраля вместе с танкистами 61 гвТБр обороняла Зорау, уничтожив за это время 18 солдат противника.

18 февраля 1-я рота на подступах в г. Бенау построила 4 переправы длиной 38 м, а при взятии Бенау уничтожила 36 немецких автоматчиков. Ротой командовал гвардии сержант Якушен-

ков С.С. 14 февраля ПО корпуса, а вместе с ней 3-я саперная рота и инженерно-минная рота вышли на р. Нейсе (западная). Ворвавшись на железнодорожную станцию Тейплиц, взвод инженерно-минной роты гвардии лейтенанта Рубизова произвел более 30 взрывов. Враги не сумели увести весь подвижной состав станции. В этот же день взводы лейтенанта Брюханова И.М. и Косарцева при сопровождении трех танков пытались захватить железнодорожный мост через р. Нейсе по автострате Берлин — Бреслау. Саперы вошли на мост и приступили к разминированию его, но немцы произвели взрыв моста. Захват моста не удался. До 21 февраля саперы держали оборону на правом берегу Нейсе.

За период с 12 января по 22 февраля 1945 года батальон нанес следующие потери противнику: убитыми 565 солдат и офицеров, пленными — 94 солдата и офицера; уничтожено: танков и СУ — 4, паровозов — 6, орудий — 4, автомашин — 8. За 40 дней батальон прошел с боями по прямой 500 км (всего 750 км). 22 февраля корпус был выведен из района боев и батальон расположился в дер. Глоккенау (7 км южнее г. Оппельн).

Верхнее-Силезская операция 8.3.45 — 31.3.45 г. 4 марта батальон расположился в дер. Шенфельд (10 км южнее г. Бриг). Здесь началась подготовка к наступательной операции в Верхней Силезии. В период с 4 по 15 марта 1945 года были проведены офицерские рекогносцировки маршрутов и переднего края обороны противника, офицерская разведка р. Нейсе (южная), состоялись специальные занятия офицеров с бойцами по изучению фаустпатронов и мер борьбы с фаустпатронщиками противника. Было проведено провешивание маршрутов, устроен НП в дер. Мерцдорф (на переднем крае). 14 марта батальон опять был готов к наступлению.

15 марта утром началась мощная артиллерийская подготовка. Наступление началось. С первых же шагов наши части встретились с ожесточенным сопротивлением противника. 17 марта части корпуса вышли на берег Нейсе. Перед 1-й саперной ротой была поставлена задача разведать реку, а затем навести штурмовую переправу. Разведку реки производили саперы гвардии ефрейтор Горохов В.А. и Чупахин П.И., которые, раздевшись, по шею в ледяной воде, пробрались на противоположный берег,

произвели необходимый замер реки и установили удобное место для наведения переправы. Затем под огнем противника взвод саперов под командованием младшего лейтенанта Воронцова С.Н. навел штурмовую переправу через Нейсе в районе Ейтриц, по которой прошли пехотные части и захватили плацдарм на правом берегу реки. После захвата плацдарма саперы батальона начали наводить переправу для танков вместе с понтонерами 49 Понтонного батальона. 19 марта инженерно-минная рота батальона находилась в обороне в дер. Проккендорф (7 км юго-вост. Нейсе). Отражая неоднократные атаки противника, минеры не отступили ни на шаг, особенно отличился командир взвода гвардии лейтенант Лукьянов Н.С., который, захватив трофейный гранатомет, уничтожил из него несколько десятков гитлеровцев, пытавшихся во что бы то ни стало вернуть деревню. Обороной командовал командир батальона гвардии капитан Гибун Ф.П.. 19 марта взвод саперов гвардии младшего лейтенанта Воронцова С.Н., находясь в разведке на танках 62 гвТБр в районе Штейнау — Лесталь, участвовал в разгроме отступавшей немецкой колонны. Было уничтожено 500 автомашин, 25 орудий, 100 гитлеровцев, а также взято в плен 250 человек. Саперы уничтожили 60 немецких солдат и офицеров. В тот же день отделение саперов гвардии ефрейтора Ермаченко (3-я саперная рота), действуя на танках 7 гв. Отдельного Мотоциклетного батальона в районе Линдевизе в тылу противника, подорвало семи местах железнодорожный путь, узловую телеграфно-телефонную станцию, уничтожило 30 и захватило в плен 5 вражеских солдат. При взятии г. Нойштадт группа саперов 2-й саперной роты взорвала железнодорожный мост, отрезав немцам путь к отступлению. 26 марта 1-я саперная рота участвовала в штурме дер. Круг (13 км южнее г. Леобшютц). В бою было уничтожено 40 немецких солдат и офицеров, взято в плен 6 солдат. При выполнении операции отличился гвардии младший сержант Павлушин А.А., который лично уничтожил 6 немцев. 29 марта три сапера батальона во главе с гвардии рядовым Бойко А.А., выполняя задачу по захвату языка южнее с. Кондаун, установили на дороге 4 противотанковых мины, захватили в плен гитлеровца, давшего важные сведения о системе обороны противника. В ходе боев с 15 по 31 марта 1945 г., обеспечивая наступление корпуса, подразделениями батальона было уничтожено 260 и взято в плен 250 солдат и офицеров противника.

Мы потеряли за это время убитыми 10 человек, ранеными — 41 человек, пропавшими без вести — 2 человека.

Берлинская операция 16.4.45 — 2.5.45 г. 7 апреля батальон передислоцировался в дер. Лерхенборн в районе г. Любен. 10 апреля 1945 года батальон сосредоточился в дер. Цуклеба (10 км западнее г. Зорау, в Нижней Силезии). Здесь началась подготовка к боевым действиям батальона на Берлинском направлении. С 10 по 16 апреля проводились работы по провешиванию маршрутов, рекогносцировке переднего края обороны противника и маршрутов, устройству НП.

16 апреля после сокрушительной артиллерийской подготовки наши части форсировали Нейсе (западная) и, встречая ожесточенное сопротивление противника, упорно продвигались на запад. Особенно ожесточенные бои развернулись за дер. Рейнтен, в штурме которой принимали участие саперы 1-й роты. В бою за эту деревню смертью храбрых погиб командир отделения доброволец гвардии сержант Обухов.

18 апреля части корпуса вышли на р. Шпрее в районе Биллов. Инженерную разведку реки произвела 1-я саперная рота. При этом отличились командир роты гвардии лейтенант Рябушко В.М. и саперы-разведчики Рябошапка В.Ф. и Михайлов. Затем, по прибытии 159-го понтонного батальона саперы нашего батальона вместе с ним наводили переправу через реку. В тот же день через реку переправились все танковые бригады. После форсирования р. Шпрее части корпуса начали стремительно продвигаться на северо-запад — на Берлин. 23 апреля саперы 2-й саперной роты под командованием гвардии лейтенанта Автаева Г.М. под сильным огнем противника взорвали баррикаду и сделали проход для танков, что обеспечило взятие д. Заармунд и выход корпуса вплотную к Берлину. В этот же день саперы 3-й роты подбили из фаустпатронов немецкий танк. 24 апреля саперы 1-й роты под ураганным огнем противника, неся большие потери, построили штурмовую переправу через канал Тельтов в районе Штансдорф. Постройкой переправы руководил командир 1-й роты гвардии лейтенант Рябушко В.М.. При наводке переправы погиб смертью храбрых корпусной инженер гвардии майор Ладензон. Несмотря на то, что было затрачено много усилий на постройку переправы, переправа не удалась, т.к. противник стянул на этот уча-

сток большие силы, и подразделение пехоты, форсировавшее канал, вынуждено было отступить. 27—28 апреля подразделения батальона построили мост через канал Тельтов на остров Ванзее. С 26 апреля по 2 мая батальон вел бои по очищению острова Ванзее от немцев. 2 мая при разгроме группировки противника в Штансдорф (на южной окраине Берлина) было взято в плен 130 немецких солдат и офицеров. За период с 16 апреля по 2 мая 1945 года подразделения батальона, выполняя боевые задачи по инженерному обеспечению корпуса, нанесли противнику большие потери: убитыми - 401 и пленными 785 солдат и офицеров. Винтовочным огнем гвардии ефрейтор Алабужин сбил немецкий самолет «Хейнкель-126». Кроме этого, уничтожены: 1 танк, 2 СУ, 1 бронетранспортер, 3 пулемета, 14 автомашин. Наши потери за это время: убитыми 20 человек, ранеными 78 человек, пропавшими без вести 9 человек. Пражская операция 6.5.45 — 9.5.45 г. 3 мая после боев батальон расположился в дер. Болендорф, 4 км южнее г. Даме (Германия). 5 мая была прорвана оборона противника в районе Ошатц, и корпус стремительно двинулся на Прагу. Были взяты г. Дебельн, Фруйберг. 8 мая батальон перешел Германско-Чехословакскую границу. Наступление корпуса на короткое время задержали Рудные горы. 8 мая на перевале через горы у населенного пункта Микулов саперам батальона пришлось на себе переносить разную технику. После преодоления Рудных гор танки корпуса, восторженно встреченные чешским населением, начали стремительно продвигаться к Праге. В передовом батальоне танковой бригады, обеспечивая ее продвижение, находился и действовал взвод саперов под командованием гвардии лейтенанта Павлова В.Н. На пути к цели продвижения корпуса саперы производили разведку дорог, устройство переправ через разные препятствия. Разминировали мосты и минные поля, взрывали и разбирали баррикады и завалы, действовали вместе с десантом автоматчиков по уничтожению противника. Прочесывали леса и окружающие дороги горы от вражеской засады. Взрывали железнодорожные узлы. Вместе с передовым отрядом танкового батальона взвод саперов гвардии лейтенанта Павлова В.Н. 8 мая ворвался в Прагу — столицу Чехословакии. 9 мая взвод саперов участвовал в баррикадных боях совместно с чехословацкими товарищами, поднявшими восстание против гитлеровских частей. 9 мая 1945 года Прага была освобождена, и батальон распо-

ложился на сев.-западной окраине Праги, количественный состав батальона остался тот же, что и при формировании.

Изменился лишь качественный состав.

6 февраля 1946 г. батальон был переименован в 131-ю гвардейскую кадровую саперную орденов Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского и Красной Звезды роту.

Боевые действия я закончил в Праге на воинской должности командира взвода в звании старшего лейтенанта. Я был под командованием командира батальона майора Губина Ф.П. После войны остался на Западе в составе оккупационных войск СССР.

Сначала демобилизовался в 1947 году, вернулся в Москву. И поехал на заработки в Эстонию. Работал преподавателем черчения, рисования и военного дела.

По приказу министра обороны взяли обратно в армию в 1951 году. Через 4 года, после подачи нескольких рапортов, уволился в запас.

Награжден:

Орден Отечественной войны II степени, номер ордена 501438, дата и номер о награждении: Орденская книжка Б№822676 А, также многими юбилейными медалями

Медаль «За взятие Берлина», номер медали А№227075, вручена 15 ноября 1945 года командиром 131-го гвардейского саперного батальона Губиным Ф.П.

Днем 9 мая 1945 года в Праге получил осколочное ранение в голову. Был отправлен в чешский госпиталь «Масарикова больница». Лечение проходило в течение одного месяца.

По окончании войны родственники остались живы.

Мать: Павлова Елизавета Никитична

Отец: Павлов Николай Александрович

Мной написано около 500 книг со стихами, но опубликованы они не были.

Стихи написаны в основном о Великой Отечественной войне, о философии, социологии, душе человека. В общем, о том, что волнует меня.

Товарищам — друзьям-однополчанам

Я ветеран четвертой танковой
Традиций славы рядовой
Уральский корпус нашей гвардии
Вел добровольцев службу — строй

Я ветеран российской армии
Отцов традиций часовой
Десятый корпус, наша гвардия
Всегда была передовой

Я ветеран четвертой танковой
Службы военной грозовой,
Бригады танковой атаками
Мостил дорогой боевой.

Я ветеран Советской армии,
Традиций, долга вестовой
Саперы гвардии, десантники,
Пути разведывали в бой.

Я ветеран четвертой танковой
Солдат-гвардеец волевой
Мостил трудом дороги ратные
И обеспечивал их строй.

Я ветеран победной армии
Ее успехов рядовой
Я выполнял заветы Родины
Свободы совести святой.

Я ветеран четвертой танковой,
Традиций чести вековой
Я ветеран гражданской гвардии,
Армии славы трудовой.

Я ветеран Солдатов мира
Свободы духа сын родной
Я ветеран оружия лиры
Пою про солнце, мир живой.

Я ветеран четвертой танковой
Солдатской дружбы огневой
Завет храню боями армии
Теперь на службе трудовой.

Я ветеран России — родины.
Завета песни фронтовой
Храню традиции гвардейские —
Всегда, везде передовой.

В подготовке настоящих воспомина-
ний оказал помощь **Рунов Виталий
Александрович**, курсант 04-311 кафедры
военного обучения Московского авиаци-
онного института (Технического универ-
ситета).

**Паночек
Сергей
Ксенофонович**

В РУССКИХ БРОДАХ

Несмотря на то, что со времени окончания Великой Отечественной войны прошло немало времени, эпизоды боевых действий, маршруты передвижения полка и условия фронтовой жизни хорошо сохранились в памяти ветеранов.

С годами наша жизнь становится острее. На фронте бывало всякое: и горькие потери друзей-однополчан, и радости одержанных побед. На войне, как на войне.

О том времени, о событиях Великой Отечественной должно знать наше подрастающее поколение, которому предстоит развивать и умножать боевые и трудовые традиции нашего народа. Мы спасли человечество от «коричневой чумы» — фашизма, отстояли свою свободу и свободу других народов Европы, отстояли само право на жизнь, труд и счастье. Теперь ваша очередь.

Мои воспоминания касаются не только тех, кто упомянут на этих страницах. Многих боевых товарищей я не мог видеть в бою, но я знаю, что рядом со мною плечом к плечу сражались многие мои земляки, однополчане, уроженцы разных городов и республик. Эти строки посвящаются им всем.

Родился я в мае 1926 года в Одесской области. В армию призван Савранским райвоенкоматом в мае 1944 года. Для во-

енного обучения призывников с образованием 7—9 классов направили в артиллерийский противотанковый дивизион 14-го учебного полка Московского военного округа, который дислоцировался у села Сельцы Рязанской области. В течение двух месяцев нас учили уничтожать танки и бронемашины противника, поражать огневые точки из противотанкового орудия, противотанкового ружья (ПТР) и противотанковой гранатой. Обучали нас бывшие фронтовики, сержанты и офицеры, как правило имеющие награды и ранения. Нашим расчетом командовал сержант Нечаев, ранее участвовавший в форсировании Днепра и освобождении столицы Украины — города Киева.

Мы также изучали устройство и боевые свойства орудия, способы ведения огня. Особенно много внимания уделялось прицеливанию по движущимся танкам и бронемашинам, а также выбору и оборудованию боевых позиций.

Кроме учебы мы занимались заготовкой леса для строительства землянок, дважды батарея несла караульную службу, и один раз мы выполняли работу по кухне. Физические нагрузки, скудный паек по 3-ей норме доводили нас до полного изнеможения, часто происходили головокружения и обмороки. Вот такая трудная и ответственная задача выпала на наш восемнадцатилетний организм, и все эти испытания мы выдержали.

Из нашего села Байбузовка в дивизионе было четыре человека: Сережа Добрый, Миша Завойчинский, Саша Козыровский и я. До конца учебы мы находились в одном расчете и старались держаться вместе.

Одним утром в начале июля дивизион подняли по тревоге, переодели в новое обмундирование, выдали шинели, вещмешки, котелки и сухой паек на три дня. После обеда нас на пароме переправили через Оку, и к вечеру мы были уже в маршевом эшелоне на станции Дивово.

Той же ночью наш эшелон убыл на запад, на фронт. На крышах нескольких вагонов были установлены зенитные пулеметы. Ехали быстро, в пути останавливались только для смены паровоза или для пополнения запасов воды. Чем ближе продвигались мы к фронту, тем заметнее становились следы войны. Разрушенные станционные сооружения, обгоревшие вагоны, трубы сгоревших и разбитых домов. Железная дорога была забита воинскими эшелонами, а навстречу нам шли многочисленные поезда с ранеными.

На рассвете наш эшелон пытались бомбить немецкие самолеты, но, к нашему счастью, бомбы упали в стороне от железнодорожных путей. Утром мы прибыли на конечную остановку. Местность вокруг была лесистой. Через 15—20 минут нас колоннами увели в разные стороны.

Наша колонна — человек пятьсот — через пару часов прибыла в район боевых действий 95-ой стрелковой дивизии. Нас накормили, переписали, разделили на несколько групп и отправили в полки дивизии. Группа, в которой находился я, насчитывала порядка ста человек. Она была направлена в зону боевых действий 161-го стрелкового полка. Здесь уже отчетливо были слышны автоматные и пулеметные очереди, разрывы мин и снарядов. До переднего края оставалось не более 1-2 километров. Нас снова поделили на группы и передали представителям подразделений полка. Нашу группу — 15 человек — передали командиру взвода противотанковых ружей (ПТР) младшему лейтенанту Куреневу.

Командир взвода сказал нам, что прибыли мы очень вовремя, так как после недавних боев из десяти расчетов ПТР во взводе осталось только два. Он привел нас к полковому складу, где мы получили 8 полуавтоматических ружей, карабины, каски, пилотки, противогазы, сухой «НЗ» и боеприпасы. После построения командир взвода назначил меня помощником командира взвода, а Коломийца и Соколовского — командирами отделений. Вооружившись, мы прибыли к боевым порядкам 1-го стрелкового батальона.

Командир батальона капитан Ивакин поздоровался с нами и приказал к вечеру иметь переправочные средства для форсирования реки Березино, которая находилась от нас в двухстах метрах за перелеском. К вечеру мы приготовили сухие бревна и плетеные маты из веток и заняли свои позиции в обороне стрелковых подразделений. Каждому стрелковому взводу придавался один расчет ПТР. Форсирование началось на рассвете, тихо, без стрельбы. Мы действовали под прикрытием утреннего тумана. Речка в месте нашей переправы была неглубокой, однако дно было очень вязким и илистым. Местами глубина была по шею, а ширина реки — до 50—70 метров. Немцы «проспали» нашу переправу, и через 10—15 минут мы были уже на их позициях. Многие фашисты еще в самом деле спали и так и погибли, не

проснувшись. Часть немцев отступила к населенному пункту, но организовать оборону они уже не смогли, так как мы преследовали их до полного освобождения населенного пункта. Через некоторое время мы остановились отдохнуть и привести себя в порядок, а преследование немцев продолжил 241-й полк нашей дивизии. В это время к нам прибыли командир дивизии полковник Артемьев С.К. и командир полка майор Солодовников М.Н. Они поблагодарили личный состав за успешное форсирование реки и разгром немцев у Березино.

После обеда полк возобновил наступление в направлении города Дзержинск. На окраине города немцы окопались и заняли оборону. Увидев наше приближение, они открыли огонь из минометов и пулеметов. Батальоны развернули цепью. Появились первые раненые и убитые. Впервые на наших глазах мина или снаряд разрывали на куски живого человека, осколки отрывали голову или части тела. Конечно, видеть такие эпизоды боя было очень жутко, но главное в бою — не запаниковать, выполнить боевой приказ. Несмотря на неминуемые потери, полк продолжал наступление, ведя огонь на ходу. Вскоре нам на помощь прибыли самоходки, которые подавили огневые точки противника, и мы смогли с криком «ура!» ворваться на немецкую позицию. Завязалась автоматная, пулеметная и рукопашная драка. Немцы бросились убегать, но большинство их было уничтожено. В освобождении города Дзержинск приняла участие вся дивизия: 90-й, 161-й и 241-й стрелковые полки, 57-й арtpолк и 134-й гаубичный арtpолк.

Приведя себя в порядок и передохнув, дивизия продолжала освобождать белорусскую землю от фашистских захватчиков. Отступая, немцы пытались все уничтожить или сжечь. Даже железнодорожные шпалы они рвали специальными крюками, чтобы наши войска не смогли воспользоваться железнодорожными путями. От населенных пунктов оставались в большинстве случаев одни печные трубы. Дивизия была нацелена на освобождение города Гродно.

14 июля начались бои в пригороде. В освобождении Гродно принимали участие несколько дивизий 49-й армии. Город был окружен нашими войсками, и многие немецкие части попали в плен. Организованного сопротивления в городе немцы не оказывали, за исключением отдельных зданий. 15 июля нам уда-

лось прорваться к центру города. Когда мы заходили в дома, до этого занятые немцами, то даже заставляли там остатки поспешно брошенной недожаренной и недоваренной пищи. 16 июля город Гродно был освобожден. В плен удалось взять большое количество фашистов.

После успешных боев за Гродно дивизии была поставлена задача овладеть крепостью Осовец. Это бывшая русская крепость на западной границе Российской империи. Она имела каменные стены высотой 5-6 метров и толщиной 2-3 метра. Вокруг крепости — глубокий ров, заполненный водой. Внутри крепости находились многочисленные ходы сообщения. Стены и башни были превращены в доты с пушками, пулеметами, фаустами и снайперами. 4 августа 161-й и 241-й полки окружили крепость, перекрыли все наземные и подземные проходы. Через репродукторы передавались требования о капитуляции, но немцы капитулировать отказывались и отстреливались.

Большинство огневых точек на стенах и в башнях были уничтожены из противотанковых пушек. Дважды ночью немцев бомбила авиация. 13 августа немцы прислали своих парламентариев, а 14 августа крепость Осовец капитулировала. В плен сдалось более двух тысяч фашистов. За участие в Белорусской операции «Багратион» 95-я стрелковая дивизия получила наименование «Верхнеднепровская» (за освобождение города Гродно), награждена орденом Красного Знамени, а за освобождение крепости Осовец дивизия награждена орденом Суворова. Приказом командира полка мне было присвоено звание сержант. При освобождении города Дзержинск погиб Сережа Добрый и ранен Ефим Мараховский.

20 августа дивизия была выведена на отдых и доукомплектование в район Беловежской пущи. Из нового пополнения во взвод ПТР прибыли рядовые Харчишин, Пимчук, Музычка и Дробит. Все они были призваны из Западной Украины. Вообще в полк прибыло большое пополнение из Западной Украины и Молдавии.

Тактические учения проводились ежедневно. Однажды в сентябре, во время учений, во втором батальоне пропали два солдата, призванные из Западной Украины. Через неделю их задержали как дезертиров. Это были родственники — дядя с племянником. Состоялся показательный суд, и перед строем дивизии их расстреляли.

19 сентября 1944 года 95-я стрелковая дивизия была передана из 49-й в 33-ю армию, которой командовал генерал-полковник Цветаев В.Д., и передислоцирована по железной дороге из станции Хаймувка через Люблин в район Пулавского плацдарма, южнее Варшавы. В октябре — декабре дивизия принимала участие в расширении и углублении плацдарма. В результате боев на участке 33-й армии плацдарм был расширен до 32 километров в ширину и до 12 километров в глубину. Кроме того, полки выводились посменно для проведения учений и приобретения навыков для построения наступления. Отрабатывались вопросы: «Полк в наступлении», «Полк в населенном пункте», «Полк в обороне», «Овладение укрепленным рубежом» и т.д. С 1 января 1945 года вся артиллерия дивизии была сосредоточена на плацдарме.

12 января 1945 года в 5 часов 30 минут началась Висло-Одерская операция по освобождению Польши. После получасовой артподготовки стрелковые подразделения пошли в наступление. Первыми в бой ушли танки и самоходные орудия с десантами на бортах, а затем все остальные. Нашу армию в наступлении поддерживали 9-й танковый корпус и 7-й гвардейский корпус. Перед нашим фронтом оборонялись немецкие 9-я и 17-я армии, 4-я танковая армия и 6-й воздушный флот. Гитлеровцы создали глубоко эшелонированную оборону из семи рубежей с общей глубиной до 500 км. Линии обороны проходили по рекам Нейсе, Варта, Мизеритскому укрепрайону и реке Одер. Оборона немцев перед Пулавским плацдармом достигала 12 километров. Наша дивизия наступала в общем направлении на Зволень, Яниполь, Радом.

Четыре рубежа немецкой обороны были разрушены артиллерией до такой степени, что не осталось ни целых траншей, ни дотов. Оборона немцев была полностью разрушена и парализована. Сплошного фронта у них уже не существовало. Сопrotивление оказывалось только местами. Когда мы входили в Зволень, а затем в Янишполь, немцев там уже вообще не было.

14 января батальон посадили на машины и перебросили в юго-западном направлении километров на 80 с целью преградить путь к отступлению и поспособствовать окружению Кельце-Радомской группировки немцев. Нас высадили у населенного пункта Илжа, был уже вечер. Мы переночевали, а утром выяснилось, что у самого села немцы готовят оборону. Они рыли

траншеи, устанавливали орудия и минометы. Позади них через село протекала речка Илженка с мостом. Мы обошли село Илжу с тыла, чтобы внезапным ударом разрушить планы фашистов. Мы оказались впереди отступающих немецких войск, которые пытались вырваться из окружения. По приказу сверху мы отошли через город Шидловец к населенному пункту Русски-Бруд и остановились у моста через речку Родомка. Отступая, немцы пытались уйти через этот мост, потому что вокруг были топи и болота, для прохода техники другого пути не было.

19 января мы прибыли в село Русски-Бруд и остановились на ужин на окраине села у моста. Речка была небольшая, но берега болотистые, заросшие осокой и камышом. Село находилось на возвышенности, посреди стоял белый костел, несколько кирпичных зданий и школа. Дома в селе были в основном из бревен, одноэтажные.

Начало темнеть. Внезапно по дороге из ближайшего леса появились немецкие танки и бронемашины. Прозвучала команда «К бою!» Подразделения заняли оборону. Земля была мерзлая, окоп выкопать не удалось, а вокруг уже начали рваться снаряды и мины. Начался бой. Немцы пытались прорваться через нашу оборону, не считаясь с потерями. Через час весь снег от немецких трупов стал черным. Подбитые танки перегородили дорогу, казалось, от подбитых машин сама ночь стала темнее, но вскоре все осветилось заревом горящих домов.

Нас было два батальона (около 700 человек), сколько было немцев — неизвестно. Подкрепления в лучшем случае ожидалось не ранее утра. Немцы, бросив свою технику, отошли в лес, а через час вновь начали наступать. Так продолжалось до глубокой ночи. Многие дома горели, немцы поодиночке или мелкими группами в темноте прорывались в село. Местами уже шла рукопашная схватка. На моих глазах Павел Соколовский, спасая расчет ПТР, штыком карабина заколол немца, пытавшегося бросить гранату. В критический момент майор Евтушков возглавил контратаку полка, и враг к мосту не прошел. Утром немцы вновь пошли в атаку, и горстке бойцов пришлось отойти к самому мосту, но в это время к нам подошла помощь: противотанковая батарея, 4 танка и наш батальон.

Бой продолжался до полудня 20 января, но прорваться через мост немцы не смогли. Сзади их поджимала наша соседняя 89-я

дивизия, и деваться им было некуда. В второй половине дня оставшиеся в живых немцы начали сдаваться в плен. В лесу находились их тыловые части с награбленным имуществом. Командир полка разрешил каждому взводу обзавестись повозкой с конной упряжкой для перевозки боеприпасов и другого взводного имущества.

В этом бою погиб мой одноклассник, боевой друг Миша Завойчинский и ранены Павел Соколовский, Захар Запорожец, Виктор Удод и Саша Козыровский. Я был награжден медалью «За боевые заслуги», а Ивану Коломийцу присвоено звание сержант. Весь личный состав полка получил благодарность от командира дивизии.

Ниже я воспроизвожу строки стихотворения командира орудия 161-го стрелкового полка сержанта Шестакова Александра Сергеевича, посвященного боевому подвигу полка в Русских Бродах:

Русские Броды

Село небольшое, в те грозные годы
В тяжелом, неравном бою,
С польским названием Русские Броды
Врезалось в память мою.
Налево лощина с посадкой,
Направо село и костел,
С маршрута, уставший в достатке,
К околице вышел наш полк.
В селе тишина, никого не видать,
— Привал! — команда комбата.
Вторая команда — Обед получать! —
Облегчила душу солдата.
Как только наполнили мы котелки,
Вкусно запахло едой,
Разрывы снарядов все потрясли,
Немцы пошли и начался бой.
Роты в лощину спустились,
Была попытка окопы копать.
Разрывы воздух сгустили,
Враг наседал, пытался прорвать
Кольцо, замыкавшее в Бродах

Нашим стрелковым полком.
Но туман закрывал все подходы,
Спрятала ночь, что таилось кругом.
Мы оказались в Бродах засадой
На вражеском беге в пути,
А главные силы находились сзади,
Они на помощь должны подойти.
Враг прорывался с окруженья на запад,
На запад и полк должен идти.
Вот такая картина внезапно создалась
И предстала у нас на пути!
Темень, ночь, пулеметы строчили,
Орудия били с обеих сторон,
Танки немецкие к нам подходили,
И мы их стреляли в упор.
Пожар озарил село и дорогу,
Колонну фашистских машин.
Раненый зверь, уползая в берлогу,
Разбоя пожитки с собой увозил.
Здесь медлить было нельзя.
Снаряды и пули ложились в цель.
Танки мишенями были не зря:
Наводчики верно держали прицел!
Комбат наш потом восторгался:
«Молодцы, бронебойщики! Я этого ждал!
Машин на поле с десятков остался,
Каждый выстрел себя приласкал!»
Одна из подбитых была легковая,
Внимание нас привлекла:
Уверены были, машина штабная,
С рангом высоким гостей привезла.
Огневые мы ночью сменили,
Зная, что нас немец засек,
Пехота в овраге, мы стали за ними,
На гребне, где хвойный лесок.
Сколько было отбито атак...
А силы врага нарастали.
Собрав пехоту и танки в кулак,
На мост они путь прорывали.
Последние силы под Знаменем Красным
С комбатом и самим командиром полка,
В схватке с врагом, порой рукопашной,

Сдержали мы натиск врага!
К утру кольцо обороны прогнулось,
Но радость врага недолгой была:
К горстке бойцов, что полком называлась,
Помощь с востока к нам подошла!
Обруч железный орудий и танков
Противнику путь преградил,
Навечно пропали вражьи останки
В Польской земле безымянных могил.
Поэтому так Русские Броды врезались в память мою
Селом небольшим на дороге,
В тяжелом неравном бою.
Сейчас те места изменились,
Их нам трудно узнать.
Памятник воинам нашим на братской могиле
Воздвигнут в честь павших солдат!

Похоронив погибших на кладбище в с. Русски-Бруд и отправив в госпиталь раненых, полк продолжил наступление в направлении города Помашув. 23 января мы прошли через город Лодзь. Впереди нас шли танки с десантами на бортах. Мы могли видеть результаты их действий: по обочинам дорог лежали трупы фашистов и множество брошенных фаустпатронов.

24 января мы вошли на станцию города Серадз. Немцы нас здесь не ждали, им не верилось, что они видят своими глазами советских солдат. В основном это были пожилые солдаты, которые сопровождали вагоны с грузами и людьми из концлагерей. Мы открывали вагоны с заключенными. Они плакали и благодарили нас за освобождение.

26 января мы подошли к Мизерецкому укрепрайону. Там была мощная линия обороны из подземных бункеров с железобетонными куполами, из которых выступали стволы орудий и пулеметов. Входные двери были бронированы, они открывались и закрывались с помощью электромеханизма. В глубину бункеры были двух- и трехэтажными, с запасом оружия, боеприпасов, воды и пищи на многие месяцы. Когда мы подошли к ним, большинство бункеров оказалось незанятыми, единственными немецкими солдатами в них были охранники. Они сразу сдались нам в плен и показали нам свое хозяйство.

Нас удивила пища, которая была изготовлена еще в тридцатые годы. Например, хлеб 33-го года выпечки, подогретый на костре, разбухал и становился абсолютно свежим. В бункерах было много нового обмундирования, обуви, маскхалатов. Немцы удивлялись, откуда мы взялись. Им передавали, что бои идут на Висле, а на самом деле мы уже скоро будем на Одере, а то и в Берлине.

27 января мы ночевали в городе Калиш. Немцы никакого сопротивления уже не оказывали. Они убежали из города несколько часов назад. 28 января мы пришли в город Каротошин, а 3 февраля обедали в городе Пешно. 5 февраля дивизия достигла восточного берега реки Одер, против города Фюстенберг. Река разлилась в ширину не менее километра и бурлила вешней водой. От Вислы до Одера мы прошли с боями более 600 километров.

6 февраля дивизия была передислоцирована на правый фланг 33-й армии и заняла оборону против Франкфурта-на-Одере, где немцы имели свой плацдарм на правом берегу Одера. 161-й стрелковый полк занял оборону западнее Куненсдорфа (Куновице), у подножья возвышенности, где немцы заняли оборону. В 1759 году в сражении при Куненсдорфе русские войска Румянцева, Голицына и Суворова занимали позиции, противоположные нашим, и наголову разбили превосходящие силы короля Фридриха II.

С возвышенности 58.0 и 58.7 отлично просматривалась Одерская равнина, но на этот раз оборону на этих высотах держал 5-й горнострелковый корпус СС «Эдельвейс», переброшенный из Югославии, а наша оборона проходила у подножия этой возвышенности. Почему же наша позиция оказалась такой невыгодной?

Оказалось, что на рассвете 1 февраля танковый батальон 8-го мехкорпуса здесь, в Куненсдорфе, столкнулся с передовым отрядом эсэсовцев и вступил в бой. Положение наших войск осложнялось тем, что танкисты торопились побыстрее выйти к Одеру, до которого оставалось 2,5 километра, а горючее в танках закончилось. Едва подтянулись остальные батальоны бригады, как к Куненсдорфу с запада подошли немецкие «Пантеры», а за ними показались цепи эсэсовцев. В воздухе появилась немецкая авиация и подвергла нашу бригаду бомбардировке. Командир бригады полковник А.М.Темник вызвал огонь «катюш», которые били по скоплению фашистов почти прямой наводкой.

Бригада понесла в этом бою самые большие потери за всю Висло-Одерскую операцию.

Вскоре подошли главные силы корпуса, эсэсовцы отступили на километр от Куненсдорфа и заняли оборону на возвышенностях 58.0 и 58.7, а наши полковые подразделения оказались у их подножья.

Вечером 10 февраля мы подошли к Куненсдорфу в районе железнодорожной станции. Взвод бронебойщиков занял кирпичный дом и расположился на отдых на полу в одной из комнат. Пока мы с командиром взвода намечали места для расчетов ПТР, бойцы уснули. Вдруг раздался сильный удар, все здание задрожало. Когда мы выбежали из дома, то увидели в стене большую зияющую дыру, а на полу — неразорвавшийся снаряд. Мы немедленно покинули дом и перешли в другое здание. С наступлением темноты мы с командиром взвода повели расчеты ПТР по подразделениям для занятия боевых позиций. Подразделения, которые мы сменили, сплошной траншеи еще не имели. Стрелковые окопы в отдельных местах соединялись небольшими углублениями для передвижения по-пластунски. Немецкие позиции находились на расстоянии 150—200 метров на возвышенности. Остаток роты ушел на то, чтобы развести расчеты по взводам, указать им основные и запасные точки. Все это происходило вблизи от позиций противника, под обстрелом и при постоянном освещении местности осветительными ракетами. Выбирая место для огневой точки расчета на левом фланге третьей роты у железнодорожного полотна, я чуть было не угодил в окоп к немцам, который они копали на нейтральной полосе. Увидев впереди силуэт человека, я посчитал, что это был командир взвода, который шел впереди меня в 15—20 метрах. Я подошел к нему, но это оказался погибший и окоченевший солдат, который полулежал на кустарнике. Я свернул правее и пошел дальше. Метрах в 10 впереди себя я услышал немецкую речь. Тогда я прилег и увидел, что немцы копают укрытие на нейтральной полосе и тихо разговаривают между собой. Увлечшись работой, они не слышали моих шагов. Тогда я осторожно возвратился назад в свою траншею и доложил командиру взвода о случившемся. Впоследствии это укрытие немцев было уничтожено артиллерийским огнем.

С 10 февраля по 15 апреля 1945 года производилось укрепление оборонительных рубежей и вскрытие огневых средств

противника. С этой целью наш батальон дважды пытался выбить эсэсовцев с высоты 58.7, но этого нам сделать не удалось, а наши потери в личном составе были очень значительными. В марте меня и сержанта Коломийца приняли в комсомол.

В начале апреля мы получили на вооружение немецкие фаусты с инструкциями по их применению. Учились на практике.

Однажды в апреле, около полуночи, немцы предприняли разведку с целью захватить «языка». Благодаря бдительности расчета станкового пулемета старшего сержанта Приходько, который занимал оборону по соседству с расчетами ПТР, немцы были обнаружены и полностью уничтожены. Налетали немецкие самолеты, которые сбрасывали на наши позиции мины и гранаты, а иногда и обыкновенные металлические бочки с сотнями отверстий. Вой от отверстий нарастал с такой силой, что лопались барабанные перепонки. Но больше всего в обороне нас беспокоили немецкие фаустпатроны, которыми немцы обстреливали наши траншеи. От взрыва фаустпатрона погиб номер расчета рядовой Пимчук, выведено из строя ПТР и контужен рядовой Харчишин. В обороне под Франкфуртом погиб рядовой Евстигнеев.

За умелое оборудование огневых позиций для ПТР и активные действия по уничтожению огневых средств противника, личному составу взвода командиром полка майором Мартимьяновым (при мне это уже третий командир полка) была объявлена благодарность. 12 апреля наш батальон был снят с обороны на отдых и переодевание в летнюю форму. 13 мая мы помылись в полевой бане, переоделись, а днем оборудовали землянки. Вечером 13 апреля меня вызвал командир батальона капитан Ивакин на командный пункт. Когда я доложил о прибытии, то увидел, что в землянке находится еще несколько сержантов и старшин. Командир батальона сказал нам по секрету, что завтра утром, в 5 часов, с позиции второго батальона будет произведена разведка боем. Наша задача — во время боя захватить языка и доставить к нему на КП. Для этого он разбил нас на пары. Всего пар было четыре. Я был назначен в пару со старшиной Стаховым. По прибытии во взвод я доложил командиру о полученном задании, но он уже был в курсе.

В 5 часов утра мы со старшиной Стаховым были уже в траншее второго батальона и ждали сигнала о начале атаки. После небольшой полковой артподготовки мы пошли в наступле-

ние, и не просто пошли, а побежали, хотя вокруг нас рвались снаряды и свистели пули, кричали, падали, взывали о помощи наши товарищи. Мы со Стаховым прыгнули в немецкую траншею одновременно. Вижу — передо мной на дне траншеи лежит немец, закрыв голову руками. Я к нему, кричу: «Хенде хох!»

Он начинает шевелиться. Переворачиваю его и пытаюсь надеть на его руки заранее приготовленную петлю из телефонного провода, но в это время немец вдруг выхватил финку и ударил меня в правую руку. Хорошо, что на мне была телогрейка — финка не разрезала руку глубоко. В это время старшина Стахов ударил немца прикладом по каске, и тот повалился на дно траншеи. Мы связали ему руки и потащили к нашей траншее. На обратном пути старшина Стахов был ранен шальной пулей возле самой нашей траншеи, и его унесли санитары, а мне помогли доставить «языка» на КП солдаты второго батальона. Я доложил командиру батальона об успешном выполнении задания и о ранении старшины Стахова. Он поблагодарил меня за выполнение приказа и вручил мне медаль «За отвагу», а от штаба капитан Евстигнеев выписал мне временное удостоверение.

Комбат разрешил мне убыть на перевязку и пообещал, что лично заедет в санбат, чтобы вручить медаль старшине Стахову. В санбате я встретил командира батареи противотанковых орудий капитана Каменева, с которым был знаком еще по боям в Белоруссии. Он предложил мне перейти к нему в батарею на вакантную должность командира орудия. Я не возражал, мы поехали на КП полка и он оформил мой перевод в противотанковую батарею. По прибытии на батарею я был представлен личному составу. В батарее было много знакомых мне по учебе в 14-м учебном полку.

Утром 16 апреля началась Берлинская операция. После получасовой артподготовки стрелковые подразделения пошли в наступление. Нас поддерживал в наступлении 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Наступали мы с плацдарма южнее города Франкфурт, вдоль железной дороги Франкфурт-Берлин. Перед нашей армией было пять оборонительных рубежей противника и два — внешний и внутренний — оборонительных рубежа города Берлин. Практически все здания были превращены в доты, реки и каналы — в неприступные огневые линии. Даже в лесах были устроены завалы, производилось минирование дорог. Наступление продвигалось медленно. Орудия приходилось катать руками

и вести огонь по домам и подвалам, помогая пехоте овладевать укреплениями фашистов. В сутки мы продвигались на 3-5 километров. К 25 апреля мы вышли к реке Шпрее и завязали бой за город Бесков. Бои в городе продолжались несколько дней. Мы штурмом брали квартал за кварталом, дом за домом. 27 апреля город был взят. Немцы отступили на Альт-Шадов.

В результате совместных действий 33-й армии 1-го Белорусского фронта и 3-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта в районе Альт-Шадов были окружены и пленены группировка 9-й немецкой пехотной армии и части 4-й танковой армии. Бои по уничтожению и пленению окруженных войск продолжались до 1 мая 1945 года.

28 апреля в населенном пункте Хоэнбрюп-Витмансдорф немецкий танк пытался раздавить наше орудие своими гусеницами. Подаю команду: «По гусеницам, бронебойным, огонь!»

Выстрел — танк закружился на месте. Экипаж танка пленен. Через некоторое время около орудия разорвалась мина. Меня ранило осколком в грудь и левую руку, а номера расчета Шаповалова в ногу. Доложив командиру взвода о ранении, мы убыли в санбат, а оттуда в госпиталь города Репин. После операции меня перевезли во фронтовой госпиталь города Седлец, около Варшавы.

День Победы я встретил в госпитале. Это было самое радостное известие, праздник со слезами на глазах. За 10 месяцев моего пребывания на фронте из 27 моих подчиненных 5 человек отдали свои жизни ради Победы и 9 человек пролили свою кровь из-за ранений. Всех их я помню пофамильно.

После излечения в госпитале в июле 1945 года я был направлен для прохождения военной службы в город Магдебург, в Германию. Проезжая через Берлин, я побывал у Рейхстага и расписался на его стенах.

За участие в Берлинской операции я был награжден медалью «За взятие Берлина» и «За победу над Германией», а за участие в освобождении польской столицы — медалью «За освобождение Варшавы».

В послевоенный период я проходил службу в армии на должностях: старшина роты, командир взвода, командир батареи, помощник начальника штаба полка, офицер отдела боевой подготовки корпуса, начальник спецотделения штаба Зенитных ракетных войск страны. Окончил 10 классов вечерней школы

при Доме офицеров и Высшее военное училище им. Верховного Совета РСФСР. В 1961 году окончил Университет марксизма-ленинизма (философский факультет). В армии прослужил 32 года. Полковник в отставке.

Мои воспоминания о Великой Отечественной войне имеются в музее 95-й стрелковой дивизии, в местной школе, у друзей-однополчан и в музее Войск ПВО страны (ныне музей Войск ВВС).

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Шестаков Михаил Андреевич**, курсант 3-го курса факультета военного обучения Московского энергетического института (ТУ).

**Пирогова
Мэри
Иосифовна**

ОПЕРАЦИЮ ЗАКАНЧИВАЛИ В ЛЕСУ

Родилась на Украине в городе Николаеве в 1919 году. В 1939 году окончила среднюю фельдшерскую школу в Москве и в звании военной фельдшер была направлена в эвакогоспиталь 18-49 в городе Ленинграде. Там я работала операционной сестрой. В июле 1940 года вернулась в Москву. В 1941 году сопровождала эшелон новобранцев в Польшу. В Польше я пробыла три дня и вернулась в Москву. После возвращения я была вызвана в военкомат, где получила мобилизационный лист. В нем предписывалось в случае всеобщей мобилизации явиться на третий день.

Я вернулась домой, мамы не было дома потому, что она работала в ночную смену. Утром проснулась и, увидев свою маму, сообщила ей что, получила мобилизационный листок. Вскоре к нам вбежала соседка по коммунальной квартире и сказала, чтобы включили радио, и сообщила, что началась война. Двадцать третьего июня в 7.00 пришел посыльный с сообщением немедленно явиться в военкомат. В 9.00 я явилась в военкомат Свердловского района, который находился по адресу Кузнецкий мост, дом 7. Там получила предписание явиться на Рижский вокзал. В 11.00 прибыла на вокзал. На станции было много народу. Всех

нас погрузили в товарные вагоны и отправили в Сиголду. В моем вагоне были в основном девушки — медицинские работники. Но не доезжая Ржева эшелон остановился, люди вышли и пошли к лесу, тут нас и застала бомбежка. Немцы бомбили в несколько заходов, железнодорожное полотно полностью разбомбили. Когда начало темнеть, люди из леса стали возвращаться к эшелону. Нас отправили в Ржев, где разместили на стадионе. Потом отправили опять в Москву на перераспределение, так как дальше ехать было невозможно из-за того, что не функционировала железная дорога.

Мне дали назначение в 34-ю армию 257-ю стрелковую дивизию 948-й стрелковый полк в полковую медсанчасть. В эшелоне я доехала до станции Бологое, где меня выгрузили вместе с другими людьми. Вместе отправились пешком до Себежа, так как часть была пехотной. Через 3 дня узнали, что попали в окружение. Стали пробиваться из него. Мы часто подвергались бомбардировкам, многие терялись и отставали. В пути мы присоединились к 262-му артиллерийскому полку, которым командовал старшина. С этим полком я и вышла из окружения.

После направили на перераспределение в штаб фронта на Валдай и там меня назначили в 27-ю армию 23-ю стрелковую дивизию 117-й стрелковый полк. Войска отходили и под Демьянском стали держать глубокую оборону. В связи с ожесточенными боями было много раненых и приходилось работать без передышки. Так как войска отходили, то госпиталь находился очень близко к линии фронта. Я была свидетелем, как немцы сожгли госпиталь с ранеными. В октябре началось наступление наших войск на Молвотицу. В 1941 году, примерно между Молвотицей и Крестами (Ленинградская область) получила контузию.

В июне 1942 года меня направили в группу ОРМУ (14-я усиленная медрота). Формировали группу в городе Владимире, и направили в 46-й медсанбат, который передали 6-му мехкорпусу под командованием Богданова Семена Ильича, и направили под Сталинград в Абганерово. В Сталинграде шли непрерывные бои. Наши части находились между немцами, которые были в Сталинграде, и немцами, которые шли на помощь. Противника, пытавшегося прорваться к городу, взяли с двух сторон в кольцо, и корпус пошел в контрнаступление. Тяжелые бои происходили в Зимовниках, Котельникове. За эти бои корпус был переименован

в 5-й Зимовниковский гвардейский мехкорпус ордена Суворова. В связи с потерями войск и техники на станции Евдокова нас выводят из боев до июля 1943 года. Начались бои на Курской дуге. Корпус вошел в состав 5-й танковой армии.

После комплектации корпус направили в наступление. В корпусе были танковые, мотоциклетные, саперные и другие части. Началась Курско-Орловская битва. После боев 46 отдельный медицинский санитарный батальон, в котором я служила, отправили на перераспределение в Дергачи. В 1944 меня на самолете направили в Барановичи в 86-ю отдельную роту медицинского усиления в 164-й госпиталь 61-й армии. Начальник — Шмилова Клавдия Александровна. Госпиталь между собой называли «голова», так как там проводились операции людям с черепными ранениями. В 86-й роте я находилась до Дня Победы. 7-го мая 1945 г. ночью неожиданно раздались выстрелы и громкие крики: «Победа!» Потом роту направили в Берлин. Дальше меня отправили во Франкфурт-на-Одере, где я была старшей сестрой госпиталя при оккупационных войсках до октября 1945 года. В октябре отозвали в штаб в группу демобилизации. А в феврале 1946 года меня демобилизовали.

Закончила войну в звании гвардии лейтенант.

Из наиболее запомнившихся случаев

Шла операция. Внезапно приехал командир на мотоцикле и сообщил, что прорвались немцы. Надо было немедленно покинуть госпиталь. Тогда оперируемого завернули в простыню, погрузили в машину и увезли. Операцию заканчивали в лесу.

В Демьянске в отдалении от фронта стояла медсанчасть. Здесь находилось много раненых, которых приносили с поля боя. Им оказывали скорую помощь и распределяли по госпиталям. Около дерева лежал парень. Думали, он умер. Кто-то сказал: «А этого куда хоронить?» Парня стали поднимать, и вдруг он очнулся и произнес: «Я замерз».

Было много случаев, когда приходилось оставлять раненых в землянках с партизанами.

Награждена:
орденом Отечественной войны II степени;
орденом Красной Звезды;
орденом Красной Звезды;
медалями (в том числе за Сталинград (28 августа 1943 года по приказу Д №05762 полковником Шибеевым); за взятие Варшавы (1944 год); за взятие Берлина (1945 год); за победу над Германией (27 марта 1946 года);
почетным знаком СКВВ (9 мая 1970 года).

**Пичков
Борис
Петрович**

ДОРОГА К ПОБЕДЕ

Я родился 1 февраля 1916 года. По национальности я русский и очень этим горжусь, по вероисповеданию — христианин, беспартийный. До войны в марте 1939 года (тогда мне было 23 года) окончил техникум ГУШОСДОР НКВД (Главное Управление Шоссейных Дорог НКВД) в звании младшего лейтенанта по специальности военный техник, таким образом, с этого момента стал военным человеком.

О войне я узнал в день ее начала — в ночь на 22 июня 1941 года. Был я тогда на рыбалке под Москвой недалеко от города Ногинска. Клев был неважный, поймал мало, разве, что кота накормить хватило бы. Собрался, поехал домой, уже стемнело. Вижу, навстречу идет грузовик с потушенными фарами. Я его притормозил, спрашиваю, что случилось. А шофер удивленно отвечает: «Так ведь война началась». Я сел к нему в грузовик, и мы направились в Ногинск. Именно здесь я познакомился со своей будущей женой, с которой прожил в дальнейшем 53 года. Приезжаем — в Ногинске света нет. Из Москвы пришел автобус, который доставил меня в воинскую часть в Реутове, где я приступил к своим обязанностям. Основной моей задачей было формирование воинских частей автомашинами. Мне дали 20 не одетых, необутых только что набранных призывников, совсем

молодых ребят. И вот мы направлялись на завод ЗИЛ, где получали автомобили, а затем шли колонной в Ярославль, Тулу, Калугу и другие города, где были необходимы машины.

С самого начала войны я очень хотел попасть на фронт, но постоянно получал отказ из Центральной Военной Базы НКВД. Говорили, что я здесь нужен. К тому времени четыре моих брата уже воевали на фронте, но меня не брали, несмотря на мое сильное желание. И только в начале февраля 1943 года я добровольцем попал на Центральный фронт под командованием генерала Соколовского в составе отдельного гвардейского Львовского орденов Суворова, Кутузова, Александра Невского и Богдана Хмельницкого 4-го мотоциклетного полка 1-го Украинского фронта. Так я начал свой боевой путь, путь к победе.

Я принимал участие в битве на Курской дуге, участвовал в боях в Польше, воевал на Западной Украине (1944 год), форсировал Одер на своей маленькой лодке и прошел почти всю Германию (Потсдам, Трибен, Айзенштат и другие города), принимал участие в Берлинской операции. Ранним утром 1 мая над поверженным Рейхстагом взметнулось Красное знамя, водруженное разведчиками 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии М. А. Егоровым и М. В. Кантария, действовавшими совместно с политработником лейтенантом А. П. Берестом. 2 мая 1945 года был в Берлине. Немцы сражались с остервенением, защищая каждый квартал, каждую улицу, каждый дом, каждый метр Берлина. Поступил приказ найти и взять Геббельса, скрывающегося в катакомбах под Рейхстагом. Долго мы ходили по сырым тоннелям, освещая себе путь тонкими лучами фонариков, которые как острые лезвия резали тьму подвалов. Но, к сожалению, наши поиски не увенчались успехом, мы так никого и не нашли. К полудню я вернулся в свой полк и увидел картину, которая тронула меня до глубины души. Стоит развернутая наша полковая полевая кухня, и повар раздает кашу голодным немецким старикам, женщинам и детям, которые длинным шлейфом выстроились возле кухни и ждали своей очереди. Это в очередной раз показало мне всю доброту, широту, искренность и бескорыстность души русской.

К этому времени я был командиром взвода в звании старшего лейтенанта и служил в танковой дивизии под командованием генерала Д. Д. Лелюшенко (4-я танковая армия). 4 мая 1945 года мы рванулись в Чехословакию, 8 мая 1945 года участвовали во

взятии Праги. Здесь же в Праге я встретил 9 мая — День Победы. Этот день стал для меня одним из самых счастливых и незабываемых дней в моей жизни. Затем служил в Венгрии, в Австрии и в конце 1946 года демобилизовался в Германии. В первых числах 1947 года я вернулся домой, на Родину. Приехал в Москву, а мне сообщают, что офицеров из НКВД не увольняют, и, таким образом, прослужил я до 1972 года, получив звание майора, пока не случился инсульт. И меня сразу же отчислили. Оправившись, пошел служить по найму в ПВО страны, где прослужил еще 10 лет. Закончил службу я в 69 лет (1985 год) в звании подполковника.

Шла весна 1944 года. В одном из сражений при наступлении наш полк далеко оттеснил немцев, и в их рядах началось замешательство. Но, очухавшись и собравшись, они начали атаковать, пустив вперед танки. Тут подошли наши силы, и завязался бой. В одном из танков нашими ребятами был убит один из членов экипажа (видимо, командир), остальные убежали, бросив танк. Мне был дан приказ взять этот танк и доставить его в наше расположение. Была ночь, шел разгар битвы, я пополз к танку, до которого было метров 200. Немцы то и дело пускали световые ракеты, озаряя небо. Дополз, залез внутрь, закрыл люк, притаился и слушаю. Слышу, приближаются голоса, прислушался — немцы. Все провода в танке висят, оборванные. Я с фонариком начинаю их судорожно соединять (сам же техник, и в электрике понимаю). А снаружи немцы ходят вокруг, стучат по броне, что-то выкрикивают. Видимо пытаются узнать есть ли кто внутри. Я соединил провода и завел танк. Снаружи забеспокоились. Танк тронулся и задом попятился в сторону наших. Немцы закричали и открыли огонь из автоматов, но мощную броню машины им было не пробить. Так задом я и доехал к своим, пригнав вражеский танк.

Также я принимал участие в форсировании Одера. Как раз шло форсирование. Я плыл на маленькой лодке, потому что не хватало мест в понтонах. Кругом рвались фашистские снаряды, поднимая в воздух гигантские столбы воды. Над головами проносились стаи вражеских самолетов, обрушивая на нас сотни бомб, которые, взрываясь, оглушали, ослепляли и окутывали с ног до головы холодными брызгами. Один из понтонов, который плыл недалеко от меня, разбомбили, и те, кто остался в живых и мог грести, отчаянно плыли к берегу. Увидев это, я напра-

вил свою лодку к дымящимся осколкам, которые раньше были понтоном. Несколько человек забрались в лодку, а остальные зацепились за борта. И так под градом вражеской артиллерии мы добрались до берега живыми.

Как-то я вез в наше расположение аккумуляторы для танков на мотоцикле с коляской. Где-то далеко были слышны звуки боя. Вижу, в нашу сторону летит немецкий истребитель и дымится. Вдруг из него выпрыгивает с парашютом летчик и спускается в лесок метрах в пятистах от нас. Подъехали к месту приземления. Увидев нас, он бросил пистолет, снял авиационный шлем, планшет, бинокль и поднял руки вверх. Забрав все эти вещи, мы посадили его в коляску с аккумуляторами, где и без того уже не было места, и продолжили свой путь. Вскоре впереди показалась наша авиационная машина. Я сразу понял, что это за немцем. И действительно, остановившись, они потребовали летчика. Мы отдали им планшет с картами, а немца, сказали, не отдадим, потому что это мы его в плен взяли. Но они настаивали на своем. Тогда мой мотоциклист сказал, что уж больно хороши брюки и куртка летчика, и что если их ему отдадут, пускай забирают немца. Мы сказали немцу раздеться. Забрав обещанные вещи, мы передали летчика и отправились в часть.

За свою жизнь я получил 28 наград, хотя воевал я не за медали, не за ордена. Нет смысла перечислять их все, среди них можно выделить лишь некоторые:

Орден Отечественной войны I степени — получил за взятие Берлина;

Орден Отечественной войны II степени — получил за выслугу лет;

Орден Красной Звезды — 2 ордена;

Орден Красного Знамени — за взятие немецкого танка;

Медаль «За боевые заслуги» — 2 медали;

За время войны участвовал в освобождении Орла, Брянска, Курска, затем было множество городов Польши. А даты операций я уже не помню, старость взяла память.

Во время войны я не получил серьезных ранений, Бог миловал. Было, правда, две контузии. Одну я получил, когда танк, на котором я ехал, наскочил на противотанковую мину. Сознание я не потерял, только все вокруг помутнело, и оглох на некоторое время.

Вторая контузия была сильнее. Вез я тогда боеприпасы на машине, и наша колонна попала под воздушную бомбардировку. Одна из бомб взорвалась впереди в нескольких метрах от моей машины, прямо перед носом. Слава Богу тогда остался жив, но надолго потерял сознание, сутки был в беспамятстве и приходил в себя на несколько минут. Не мог ничего есть, а когда просил попить воды, меня тут же тошнило, и я терял сознание.

На войне я потерял своего старшего брата Пичкова Василия Петровича, который погиб на фронте в конце 1942 года, и лучших друзей Николая Малахова и Николая Смирнова, с которыми я разделял ужасы и лишения войны. Остальные три брата, воевавшие также на фронте, остались живы и вернулись домой.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Леонов Александр Владимирович**, курсант 3-го курса кафедры военного обучения Московского государственного университета природообустройства.

**Пономарев
Михаил
Евгеньевич**

ВОСПОМИНАНИЯ ФРОНТОВИКА-ТАНКИСТА

Я хочу поделиться своими воспоминаниями о юношеских годах в довоенный период и моем участии в Великой Отечественной войне.

Я родился 22 февраля 1923 года в г. Сапожок Рязанской области.

Когда мне было 11 лет, т.е. в 1934 г., вместе с родителями переехал в г. Москву, где и проживаю в настоящее время, за вычетом тех лет, когда служил в Советской Армии, т.е. с 1941 по 1977 год.

До войны окончил в Москве среднюю школу №1.

По национальности русский, вероисповедания православного.

Состоял в рядах КПСС с 1951 по 1990 годы. В период Великой Отечественной войны в декабре 1944 г. окончил ускоренный курс Сызранского танкового училища, после ВОВ в 1957 г. окончил военную Академию химзащиты им. Ворошилова.

Перед началом ВОВ, в июне 1941 г., окончив среднюю школу, успел отпраздновать выпускной вечер. После чего по рекомендации Бюро ВЛКСМ района был направлен пионервожатым в пионерский лагерь под Москвой, где и узнал 22 июня

1941 г. о начале войны. Вскоре получил повестку из военкомата Октябрьского района г. Москвы о призыве и 18-ти летним был призван в армию.

В ночь с 21-го на 22 июля, когда райвоенкомат перевозил нас на вокзал, был свидетелем первой бомбежки Москвы (наблюдал с железнодорожной насыпи на Хуторской улице).

Над столицей впервые летали вражеские истребители. Немецких самолетов в эту ночь прорвалось к Москве незначительное количество и поэтому разрушений и жертв было мало.

Первую военную специальность стрелка бомбардировщика получил в Челябинском авиационном училище. Но перед выпуском, летом 1942 г. командование перебросило нас в Нижний Тагил, где в кратчайший срок (1 месяц) была произведена переквалификация в танковых стрелков-радистов с присвоением воинского звания — старший сержант.

В мае 1942 г. мы получили танк «Т-34» прямо с конвейера Нижнетагильского вагоностроительного завода, который в то время начал выпускать танки для фронта. Там же танковые подразделения были укомплектованы заранее подготовленными экипажами.

Я был зачислен в экипаж стрелком-радистом на танк командира взвода 2-го батальона 179-й отдельной танковой бригады 3-й танковой армии.

В первом бою участвовал летом 1942 года, когда мне было 19 лет, но мы себя чувствовали вполне зрелыми мужчинами. На войне, когда рядом жестокость и смерть юнцы быстро становились взрослыми. Мы уже успели приобрести некоторый боевой опыт, психологическую и моральную закалку. Хочется отметить, что по прибытии на фронт ни в первом бою, ни тем более в последующих боях не было чувства трусости, страха, моральной неуравновешенности или отчаяния.

В бою с врагом было лишь одно осознанное желание сражаться и победить.

Сначала я был стрелком-радистом на танке «Т-34», затем командиром танка и, наконец, командиром танкового взвода.

В составе 179-й отдельной танковой бригады участвовал в боях на Козельском направлении, в освобождении г. Орла, на Воронежско-Харьковском направлении, в Курской битве.

Наш танк «Т-34» был лучшим средним танком Великой Отечественной войны. Он состоял на вооружении Красной Армии от начала и до конца войны.

В ходе войны в его конструкцию были внесены лишь некоторые усовершенствования, а именно:

- на катки были надеты мощные резиновые бандажи, что продлило срок их службы;

- 76-миллиметровая пушка была заменена на более мощную 85-миллиметровую;

- форма башни стала более обтекаемой;

- усовершенствовались оптические прицелы;

- постоянно совершенствовалось качество брони;

- боекомплект к пушке пополнился новыми снарядами, обладающими повышенной пробивной способностью (подкалиберными и кумулятивными снарядами).

В немецкой армии также совершенствовалась бронетехника. В ходе войны были сконструированы новые тяжелые танки «тигр» и «пантера».

На Курской дуге гитлеровское командование возлагало большие надежды на эти новые танки. Гитлеровские части были оснащены в основном этими новыми танками. Всего на Курском направлении было сосредоточено 2700 немецких танков, из них 800 «тигров» и 60 «королевских тигров», которые были оснащены усиленной защитой, они считали их непробиваемыми.

Но надежды гитлеровского командования не оправдались, их новые танки оказались пробиваемыми и отличались низкой маневренностью из-за своей громоздкости (вес свыше 60 тонн).

Если лобовая броня была почти непробиваемой, то вполне уязвимыми были бортовая броня, стык башни с корпусом и сама башня.

В итоге танковых сражений на Курской дуге крупная группировка немецких войск была окружена и уничтожена.

В ходе войны было много опасных и запомнившихся на всю жизнь эпизодов. Вот один из них.

Когда шел бой на Харьковском направлении, я был стрелком-радистом на танке командира роты. Наступление шло успешно, мы быстро продвигались вперед. Но когда командир роты остановил танк, чтобы уточнить боевой порядок роты, я вдруг обнаружил перед собой на расстоянии 600—800 метров немецкую самоходно-артиллерийскую установку «фердинанд». Об этом немедленно по ТПУ (танковому переговорному устройству) я сообщил командиру роты. Мы знали, что из себя представляла САУ «фердинанд». Эта установка имела пушку с

длинным стволом, который заканчивался пламегасителем, и для наводки имела первоклассную оптическую систему.

Мы поняли, что немецкий расчет САУ решил подбить наш танк, чтобы вывести из строя командира роты. САУ стреляла с места, но первый снаряд разорвался чуть позади нас, т.е. с перелетом. Мы знали, что последует второй снаряд, и если он даже не попадет в наш танк, то скорее всего будет недолет и мы окажемся в «вилке» — и уж третий снаряд наверняка поразит нас.

Но командир роты после первого вражеского снаряда командовал механику-водителю: «Вперед!» Командир роты старший лейтенант Фомин отлично стрелял как с места, так и на ходу. Он произвел два выстрела на ходу, и второй снаряд попал в цель. Вражеская самоходная установка задымила и загорелась. Единоборство с ней было выиграно.

Продвижение пехоты, поддерживаемое нашими танками и артиллерией продолжалось. В этом бою мы подбили еще один танк, подавили несколько огневых точек противника. В нашем экипаже были ранены командир орудия и заряжающий.

За успешные действия в этом бою мы были награждены: командир роты — орденом Отечественной войны I степени, а все остальные члены экипажа орденами Красной Звезды.

В ходе Отечественной войны были поражения и потери и в наших танковых войсках. Были случаи, когда и наши танки горели, а танкисты обгорали или погибали. Но в целом наши танковые части успешно выполняли свои задачи и при взаимодействии с другими родами войск выходили победителями.

Я за войну был дважды ранен и один раз горел в подбитом танке, но успел спастись.

Первое тяжелое ранение получил в сентябре 1943 г. и лечение проходил в госпитале в г. Скопине.

Второе ранение получил в апреле 1944 г. и лечение проходил в военных госпиталях на территории Югославии и Венгрии.

Лечение проходило благополучно и после выздоровления в обоих случаях я вновь становился в строй и продолжал воевать.

Однако после войны в 1950 году первое тяжелое ранение помешало мне поступить в Бронетанковую академию, так как после перелома левой руки кости срослись неверно и рука не могла переносить большие нагрузки. Я вынужден был поступить в 1951 г. в военную Академию химзащиты на инженерный факультет, где требования медицинской комиссии были не такие строгие, как при приеме в Бронетанковую академию.

Войну закончил в Австрии в составе 80-го отдельного самоходно-артиллерийского дивизиона который затем вошел в состав 55-го механизированного полка в качестве танкового батальона, где я и продолжал служить на территории Австрии, затем Венгрии, а в 1946 году 55 мехполк был передислоцирован в ТуркВО — г. Катта-Курган Самаркандской области, где я в ходе службы получил звание старшего лейтенанта и должность командира танковой роты.

В 1951 г. был принят и в 1957 году окончил военную Академию химзащиты им. Ворошилова.

После окончания академии продолжал службу в Советской Армии, вначале химиком в войсках, а затем в штабах гражданской обороны Ивановской области и в штабе ГО Таджикской ССР.

Закончил службу в Советской Армии в должности первого заместителя начальника штаба ГО Таджикской ССР в звании полковника и уволен по возрасту в 1977 году.

После увольнения из армии и встречи с боевыми товарищами, с которыми воевал вместе в составе 179-й отд. танковой бригады, вошел в состав Совета ветеранов 3-й танковой армии. С 1980 г. принимаю участие в работе Совета ветеранов как член Совета, с 2001 г. — как председатель Совета ветеранов армейских частей ЗТА, а в 2002 г. избран заместителем председателя Совета ветеранов 3-й танковой армии.

Принимаю участие в героико-патриотическом воспитании молодежи путем проведения уроков мужества, докладов и митингов («линеек») с учащейся молодежью, организации и проведения торжественных собраний по случаю знаменательных дат и событий и в первую очередь связанных с оборонными вопросами.

Делимся воспоминаниями о Великой Отечественной войне с конкретными примерами, которые пришлось пережить в ходе войны.

Центром нашей работы является Музей боевой славы 3-й танковой армии, созданный при 77 ПТУ Северо-восточного административного округа. Музей функционирует с 1970 г. Создан силами ветеранов и с привлечением учащихся ПТУ и реальной помощи директора и преподавателей училища.

Я являюсь участником парадов на Красной площади в честь 50-й годовщины Победы в 1995 году и 55-й годовщины Победы

в 2000 году в составе колонн ветеранов Великой Отечественной войны.

Награжден:

Орденом Отечественной войны I степени №500073, орденская книжка №467659, был получен в послевоенные годы.

Двумя орденами Красной Звезды №1951819 и 3402644, орденская книжка №201101; один из которых был дан за успешные боевые действия на территории Австрии и Венгрии; вторым орденом был награжден за эпизод, описанный выше.

Медалью «За боевые заслуги», без номера, орденская книжка №201101; награжден за операцию по освобождению Киева.

Двадцатью пятью медалями за освобождение и взятие городов и юбилейными медалями.

О публикациях

1) В книге «Нам нужна была победа», изданная в 1997 г., редактор Тимохов И.Л., на стр. 52—54 имеется мой очерк под названием «Воспоминание фронтовика-танкиста».

2) В районной газете СВАО г. Москвы № 8-9 за май 1998 г. напечатана статья под названием «Повезло» с фотографией, о моем боевом пути в годы Великой Отечественной войны.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Пальмов Павел Сергеевич**, студент 3-го курса кафедры военного обучения Московского авиационного института.

**Раздольский
Роман
Григорьевич**

ИЗ ВОСЕМНАДЦАТИ В ЖИВЫХ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ДВОЕ

Родился 21 декабря 1923 года в г. Казань. Национальность — еврей. К религиозным вероисповеданиям себя не отношу. Член КПСС с 1943 года. До того был комсомольцем. В других общественных организациях не состоял.

Перед войной окончил среднюю школу в Ленинграде и 19 июня 1941 года подал документы на поступление в Ленинградское артиллерийское техническое училище (ЛАТУ).

О начале войны узнал 22 июня 1941 года в Ленинграде. В этот день мы, группа одноклассников, получили удостоверения о зачислении нас курсантами ЛАТУ и о предоставлении месячного отпуска. Настроение было бодрое. Первая мысль — проситься добровольцем на фронт. Во-первых, так мы были воспитаны: наша страна самая могущественная, наша армия непобедима. Наш лозунг звучал так: «Чужой земли мы не хотим, но и своей ни пяди не отдадим. Врага будем бить на его территории». Во-вторых, мы были достаточно подготовлены к службе в ар-

мии: умели стрелять из ручного оружия, знали, как бороться с зажигательными бомбами, умели оказать первую помощь при ранении, знали элементарные приемы ведения боя. Всему этому нас обучали в школе. Кроме того, мы участвовали в боевых играх «Юной Армии», названных в последствии «Зарницей». Да еще мы хорошо знали о войне в Испании, а финскую кампанию 1940 года пережили вместе со всеми ленинградцами. Наш самодеятельный коллектив выезжал с концертами в воинские части и госпитали, где мы видели и чувствовали боевую атмосферу.

Через несколько дней после начала войны, 25 или 26 июня 1941 года, нас повесткой вызвали в училище и отправили в лагерь под г. Луга. Там мы прошли курс молодого бойца и вскоре были направлены во второй эшелон обороны. В обороне мы были недолго: чьи-то умные головы военного командования догадались, что потери в бою курсантов, особенно старших курсов, наверняка скажутся на неукомплектованности армии офицерским составом. Нас вернули в Ленинград.

Первая бомбежка Ленинграда, если мне не изменяет память, произошла 9 сентября 1941 года, а уже 10 сентября 1941 года мы выезжали в эвакуацию, в Ижевск. До вокзала, по городу, мы ехали на лафетах орудий. Ленинградцы останавливались и провожали нас, думая, что мы следуем на фронт. Нам было очень обидно и стыдно перед земляками за такой невольный обман.

Забегая вперед, стоит сказать о том, что допризывная подготовка в школе в Ленинграде стала позднее, возможно, одним из факторов выживания на фронте. Если верить статистике, что 97% молодых людей 1923-1924 годов рождения погибли на войне, то именно благодаря школьной военной подготовке и курсу молодого бойца в училище я оказался в числе 3% тех, кто выжил.

Начало боевых действий для меня связано с наступлением нашей армии в июле 1942 года под Ржевом. После окончания училища, в марте 1942 года я был направлен в формирующуюся в то время 139-ю стрелковую дивизию, в г. Чебоксары в должности артиллерийского техника 718-го стрелкового полка в звании младшего воентехника.

После обучения личного состава, экипировки и проведенных маневров, дивизия была отправлена на фронт, где 29 — 30 июля 1942 года вступила в боевые действия.

Мой боевой путь проходил только в Западном направлении. Менялись лишь названия фронтов. Всю войну я прошел в соста-

ве 139-й стрелковой дивизии через следующие населенные пункты: село Харино (август 1942 г.), г. Зубцов (август 1942 г.), г. Киров (август 1943 г.), Безымянная высота (13-14 сентября 1943 г.), г. Рославль (29 сентября 1943 г.), м. Ленино (июнь 1944 г.), р. Проня, р. Днепр (июнь 1944 г.), г. Могилев (28 июня 1944 г.), р. Неман (июль 1944 г.), г. Остроленка (сентябрь 1944 г.), г. Ломжа (сентябрь 1944 г.), г. Пфаффендорф (январь 1945 г.), р. Висла (март 1945 г.), г. Данциг (март 1945 г.), р. Одер, г. Шведт (апрель 1945 г.), г. Грабов (3 мая 1945 г.).

В ходе боев в составе 718-го стрелкового полка (командир полка майор А.П. Моденов) 139-й стрелковой дивизии принимал участие в освобождении города Зубцов Калининской области (20—23 августа 1942 г.). После успешной операции по освобождению города Рославль Смоленской области (29 сентября 1943 г.) дивизии было присвоено наименование Рославльской стрелковой дивизии. Командиром дивизии был полковник И.К. Кириллов, командиром полка — подполковник Е.Г. Салов. Принимал также участие в освобождении г. Могилев в Белоруссии (28 июня 1944 г.) также в составе 718-го стрелкового полка 139-й Рославльской стрелковой дивизии. В бою за город Могилев был убит командир полка Е.Г. Салов.

Боевые действия закончил в городе Грабове на р. Эльба 3 мая 1945 года в составе 354-го артиллерийского полка 139-й Рославльской Краснознаменной Ордена Суворова стрелковой дивизии в должности начальника артиллерийской мастерской полка, в звании старший лейтенант технической службы. Командиром полка был подполковник Макаров, зам. по политчасти — майор Макаров. Полк в шутку называли «дважды макаровский». Моим непосредственным начальником был капитан технической службы Приходько — начальник артснабжения полка.

Был ранен в бою 18 марта 1943 года в грудь, сквозное тяжелое пулевое ранение. Лечение проходил в эвакуационном госпитале в г. Кулебаки Горьковской области. По излечении вернулся в свой 718-й стрелковый полк.

После войны служил в различных частях и соединениях Советской Армии до декабря 1956 года. Уволен в запас в звании капитана технической службы. К 55-летию Дня Победы присвоено звание — майор. После увольнения из армии проживаю в Москве. Последнее место работы — научно-исследовательский

проектный институт «Мосгипрониисельстрой» в должности главного инженера территориальной мастерской.

Награжден:

— орден Красной Звезды (№ 528315 — 1 августа 1944 года. Приказом командира 139 стр. дивизии. Вручал командир дивизии генерал-майор И.К. Кириллов. Награжден за отличное обеспечение боеприпасами в боях за освобождение Белоруссии);

— медаль «За боевые заслуги» (б/н), апрель 1945 год. Приказом командира 354 артиллерийского полка. Вручал зам. командира полка по политчасти майор Макаров. Награжден за бесперебойное обеспечение действий артиллерийских орудий при форсировании р. Одер;

— орден Красной Звезды (№ 3509386), 1951 год. За безупречную долголетнюю службу в Вооруженных Силах СССР. Вручал командир военной базы № 122 полковник Соломатников);

— орден Отечественной войны I степени № 1037670. Указ Президиума ВС СССР от 11.03.1985 года. За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в Великой Отечественной войне);

— медали: «За Победу над Германией», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда»; «30 лет Советской Армии», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «70 лет Вооруженных Сил СССР»; «Жукова», «В память 850-летия Москвы».

Во время войны мои близкие родственники остались живы: отец — Раздольский Григорий Михайлович, рядовой Ленинградского ополчения. Награжден медалью «За оборону Ленинграда»; младший брат — Раздольский Эдуард Григорьевич, рожд. 1929 г., был эвакуирован из Ленинграда в Казань.

Никаких публикаций не имею.

Никаких мемуаров ранее не писал.

С воспоминаниями о войне выступаю в школах, в других учебных заведениях, в воинских частях.

Помогаю в работе музея школы №1268 «Боевой путь 139-й стрелковой дивизии».

Короткие эпизоды с войны

Ощущение боевых действий появилось сразу на марше в районе д. Харино, в июле 1942 года. Наш полк двигался по ровному полю. На поверхности вдоль дороги не видно было ни бугорка, ни ямки, лишь редкие кустики. Неожиданно высоко в небе появились самолеты. Все подняли головы вверх, но опознавательных знаков разглядеть не удалось. Команда «Воздух!» раздалась одновременно с воем падающих бомб. Прятаться было некуда. Все упали на землю. Вой и визг бомб, взрывы, гарь — все это создавало атмосферу обреченности. Мне казалось, что бомбы летят в меня. Раздававшиеся совсем рядом взрывы еще более убеждали в неизбежном конце. Хотелось вдавиться в землю. Но как? Через несколько мгновений я сообразил, что бомбы взрываются ровными рядами справа и слева, повторяя строй самолетов. Я случайно оказался в полосе между зловещими рядами. Затем наступило некоторое затишье, а вместе с ним появилась уверенность в возможности выжить и выполнить свой долг перед Родиной. Это было мое первое боевое крещение.

Наступление на г. Ржев началось для наших войск неудачно. В первый же день, 30 июля 1942 года пошел проливной дождь, который длился несколько суток. Дороги полностью размыло. Танки застряли в грязи. Самолеты бездействовали. Командование лихорадочно перегруппировывало и перемещало полки и дивизии, пытаясь найти брешь в обороне противника. В результате боевые части оторвались от тылов и трое суток не получали довольствия. Мы, служащие подразделения боепитания, были уверены в обеспеченности подразделений боеприпасами, но все же включились в общие мероприятия по поиску своего 718-го стрелкового полка и снабжению его различными видами довольствия. Обозы по 8—12 подвод отправлялись один за другим. Связь была нарушена. Один из таких комплексных обозов повел я в ночь. В какой-то момент услышал тревожный крик. Обоз остановился. Выяснилось, что на одной из подвод

соскочило колесо. Я назначил старшего и распорядился продолжать движение в намеченном направлении и ждать меня на опушке леса. Сам же остался с поврежденной подводой, помогая ускорить ее ремонт. Когда с неисправностями было покончено, то оказалось, что в темном лесу невозможно сориентироваться: крошечная тьма и несколько дорог. Поехали наугад до опушки леса. На условленном месте никого не оказалось. Как позже выяснилось — все обозы постигла одинаковая участь. С рассветом я стал разыскивать потерявшийся обоз. Заметил две подводы. Это оказались подводы предыдущего обоза, который вел начальник продполка. Мы объединились, выставили вымпел, распрягли двух лошадей и отправились на поиски полка. Лишь во второй половине дня нам удалось разыскать полк, но нас ждала встреча с разгневанным голодным командиром полка майором Моденовым. Он кричал, ругался, угрожал принять меры. Закончилось тем, что он приказал арестовать начальника продполка. Мне же приказал немедленно доставить сюда имеющиеся подводы и раздать по подразделениям все, что на них погружено. Я выполнил приказание, кстати, всего подвод оказалось уже шесть (заплутавшие подтянулись, увидев вымпел).

Однажды нас, начальника артснабжения полка и артиллерийского техника, вызвал к себе начальник штаба и поставил задачу: проверить лично обеспеченность батальонов вооружением и боеприпасами и доукомплектовать в случае необходимости. Время, данное нам на выполнение задачи, было ограничено, т.к. намечалась очередная наступательная операция. Он вывел нас на возвышенное место и показал, где сосредоточились наши подразделения. При этом предупредил, что небольшая роща, которая преграждает нам путь, опасна (там могут находиться немецкие автоматчики). В целях безопасности рощу следует обойти. Мой начальник, Валентин Абросимов, сказал мне: «Чтобы сократить время, пойдем через рощу».

— Ты с ума сошел. Убьют и задание не выполним.

— А если пойдем в обход, тоже не выполним задание, и наша судьба будет зависеть от того, как справятся батальоны со своей задачей.

— Валентин, не упорствуй. Пойдем быстрее или побежим. Или ты трусил?

Услышать такое восемнадцатилетнему юнцу, да еще и от сверстника (мы с начальником были одноклассники) было очень обидно. «Пошли», — сказал я. Шли очень осторожно, молча, старались не наступать на сухие ветки. Напряжение нарастало. Вдруг увидели блиндаж, к которому вел траншейный ход. Что делать? Решили так: один с пистолетом и фонариком ползет в блиндаж, другой с автоматом остается наверху. Бросили жребий. Мне выпало ползти в блиндаж. Достал пистолет, попытался сосредоточиться и, не зажигая фонарика, пополз по траншее. На ощупь понял, что добрался до блиндажа. Быстро включил фонарик и готов был немедленно стрелять. Однако блиндаж был пуст. У меня вырвался вздох облегчения. В следующий блиндаж полез Валентин. Рошу миновали благополучно. До батальонов добрались своевременно. Выполнили поставленную задачу и приобрели хороший опыт.

На войне опасно всегда и везде. Конечно, основной риск несут на себе подразделения, действующие непосредственно в атаке и в обороне. Но и другие боевые и не боевые службы несут свою долю опасности, где бы они ни находились. Прежде всего, это артиллерийские батареи и объекты т.н. ближних тылов (штабы, медсанбат, артснабжение и боепитание). Большое значение командование придавало комплектованию частей вооружением. Большие потери оружия в наступательных операциях необходимо было постоянно восполнять, особенно это касалось вооружения поступавших на пополнение маршевых рот. Поэтому в задачу службы боепитания, помимо прочего, входил сбор оружия на поле боя.

Так случилось, что в Зубцовско-Ржевской операции в результате частого перемещения боевых подразделений и постоянной смены направлений по ходу боев образовались большие потери оружия. Артиллерийские и оружейные мастера часто выходили на поле боя во время и после боя и занимались сбором брошенного оружия. Действовали плечом к плечу с санитарями и санинструкторами, помогая им выносить раненых. Кстати, каждого выведенного или вынесенного с поля боя раненого записывали на счет того или иного санитаря, но при условии, что будет вынесено и его оружие. Если приводили раненого без оружия — такого на лицевой счет санитаря не вносили.

Короче говоря, после завершения Зубцовско-Ржевской операции подвели итоги потерь как в живой силе, так в технике и вооружении. Потери были велики. Стали искать виновных. И нашли. Из всех полков самые большие потери вооружения оказались в нашем, 718-м полку. Не вдаваясь в подробности и не выясняя истинных причин, начальника артснабжения Валентина Абросимова арестовали, судили военным трибуналом и присудили 10 лет — стандартный срок. Так как штрафных рот еще не было, его разжаловали в рядовые и послали в стрелковое подразделение соседнего, 609-го полка «искупать вину». Мне было очень жаль ни в чем неповинного человека, но это были законы военного времени. Молодой, восемнадцатилетний офицер, отличавшийся личной храбростью, решительностью и находчивостью, хороший товарищ оказался в роли «козла отпущения». Ответил один за все просчеты и ошибки, которые были в этой довольно неудачной операции.

Забегая вперед, скажу, что он показал себя хорошим бойцом, неплохо воевал. Через какое-то время с него сняли судимость, вернули офицерское звание и назначили начальником артснабжения того же 609-го полка, где он отбывал наказание. Судьба.

Боевые действия на войне сотканы из многочисленных, лишь на первый взгляд, незначительных эпизодов. Один из таких характерных эпизодов произошел в 718-м стрелковом полку в сентябре 1943 года в Калужской области. Наступающим частям преградила путь командная высота немцев. Она играла роль удобного наблюдательного пункта и была хорошо укреплена. Несколько предпринятых попыток захватить эту блокирующую наступление наших частей высоту успеха не имели. Было принято решение: небольшому отряду проникнуть на высоту. Отбрали восемнадцать добровольцев под командованием младшего лейтенанта Порошина. Отряду удалось незаметно подползти к первой траншее противника, забросать их гранатами и захватить первую оборонительную линию. Немцы в панике бежали. Смельчаки воспользовались обстановкой и, преследуя врага, захватили вторую и третью траншеи и, наконец, добрались до сердцевины высоты. Однако немцы быстро пришли в себя, спохватились, что атаковали их малые силы и начали готовиться к

контратаке. Видимо, наши подразделения тоже не верили в столь стремительный успех и где-то промедлили. Их запоздалые действия не смогли развить успех отряда Порошина, и смельчакам пришлось занять круговую оборону. Они смогли отбить несколько контратак противника, поддержанных танками, и сумели продержаться всю ночь, пока почти все не погибли. Из восемнадцати в живых осталось только двое. Один из них, старшина Герасим Лапин, был отброшен взрывной волной в небольшой овражек, поросший кустарником, и потерял сознание. Вероятно, немцы посчитали его убитым и прошли мимо. Он-то и рассказал о подробностях того страшного боя.

Восемнадцать бойцов ценой своих жизней обеспечили продвижение наших частей в заданной полосе. Именно об этом подвиге поэт Михаил Матусовский и композитор Вениамин Баснер написали ставшую известной песню «На безымянной высоте». На братской могиле героев сооружен памятный мемориал. Когда мы ехали на открытие памятника, с нами был и автор слов этой песни Михаил Матусовский. В поезде он написал мало кому известное продолжение этой песни:

Здесь словно чудом сохранилась
С далеких незабвенных дней
Землянка наша в три наката,
Сосна, сгоревшая над ней,

И лес осенний, и высотка, —
Все так, как было в том году.
Мне кажется, что здесь живыми,
Я всех порошинцев найду.

Ошибся, видно, писарь ротный,
Бумажку, выписав свою:
Они и нынче с нами вместе,
И нынче числятся в строю.

Они стоят в своей бессмертной,
В своей нетленной красоте
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Эта песня стала впоследствии гимном 139-й Рославльской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии.

На войне приходилось переживать очень много кровавых и трагических эпизодов, большое число порою бессмысленных жертв. Тяжело воспринимать потерю друзей, которые погибали на твоих глазах. Но спустя много лет в памяти всплывают почему-то чаще светлые воспоминания. Даже в тяжелых условиях войны это была жизнь, и она продолжалась. Мы старались ценить каждое ее мгновение. Была любовь, страсть, человеческие переживания, и даже юмор. Люди при всех тяготах военной жизни всегда оставались людьми.

В начале 1944 года 139-я дивизия держала оборону на р. Проня, в районе г. Чаусы в Белоруссии. На этих позициях мы находились почти полгода. Наладился размеренный быт. Хотя мы постоянно и тщательно готовились к большому сражению по освобождению Белоруссии, это была наша основная работа, находилось время и для досуга. Был даже создан свой коллектив художественной самодеятельности. Его костяк составляли девушки-снайперы, специально прибывшие из Московской снайперской школы. Дело в том, что на нашем участке у немцев появились снайперы, которые очень досаждали нашим передовым обороняющимся частям. Наши девушки отличались большой храбростью и удачно справлялись с задачей блокирования немецких снайперов.

Я участвовал в самодеятельности в качестве аккомпаниатора, играл на аккордеоне. На репетиции и концерты захаживали офицеры и солдаты, свободные от несения боевой службы. Среди них был командир батальона. Капитан Валентин Фатин. Это был смелый, мужественный опытный офицер. В душе он был романтик. В самодеятельности не участвовал, но в кругу офицеров нередко читал стихи Пушкина и Есенина. Особенно он любил Есенина, и я бы сказал, старался в своем поведении подражать ему. Было в Валентине некое ухарство. Так случилось, что нам нравилась одна девушка, Люся Массальская, и между нами установилось какое-то невраждебное соперничество.

Однажды две девушки, Люся и ее подруга Валя Меркулова, ушли на задание. Как рассказала Валя, они заняли скрытую позицию и долго ждали в засаде, боясь двигаться. Наконец, Люся увидела цель. Раздался выстрел. Немецкий снайпер вскинул

винтовку и упал. Видимо, Люся от радости сделала какое-то неосторожное движение, тем самым обнаружив себя, и тут же была поражена другим немецким снайпером. Валя же, наблюдая эту дуэль, не задержалась с выстрелом и, отомстив за подругу, поразила второго снайпера. Но, увы, Люся была убита.

Я не был на похоронах. Не был и Фатин. На другой день он зашел ко мне в блиндаж, и мы помянули Люсю Массальскую по русскому обычаю. С этого момента началась наша дружба с Фатиным. Когда ему приходилось бывать в ближних тылах, он непременно заглядывал к нам. Я тоже не проходил мимо его блиндажа, когда бывал на передовой.

Летом началось наступление. Главным объектом в нашей полосе был г. Могилев. Фатин со своим батальоном сумел первым форсировать Днепр и ворваться в город. Воспользовавшись трофейными грузовиками, он быстро достиг центра города и оказался, как это позже выяснилось, перед штабом двенадцатой пехотной дивизии немцев. Фатин с несколькими автоматчиками проник в штаб и, угрожая гранатой, принудил командование штаба сдаться. В плен были взяты два генерала (командир дивизии Баммлер и комендант укрепрайона фон Эрдмансдорф), 35 офицеров штаба и большое количество солдат. Конвоировать пленных он поручил нескольким солдатам, но эту группу перехватили конвоиры корпуса, которому была подчинена 139-я дивизия. Это породило несколько версий пленения генералов. Лихие вояки постарались воспользоваться сложившейся ситуацией и присвоили заслугу пленения немецкого штаба себе. Таких самозванцев было несколько. Хорошо зная Фатина, я верю ему. Правда, в то время мы не придавали значения этому эпизоду и о подробностях не разговаривали. В наградном же листе Фатина четко сказано о пленении штаба дивизии, за что Валентину и было присвоено звание Героя Советского Союза. К сожалению, наша дружба вскоре оборвалась: Фатин погиб в бою в июле 1944 года.

Бывали в нашей фронтовой жизни и курьезные случаи. Все в тот же период обороны под Чаусами. В германской армии на этом участке появились шестиствольные минометы, которые периодически обстреливали ближние тылы и приводили к тем или иным разрушениям. Но, на мой взгляд, они больше воздействова-

ли на психику, т.к. полет мин сопровождался душераздирающим звуком, болезненно воспринимавшимся человеческим ухом.

Наш блиндаж был построен добротно: просторная площадь, амбразура для проникновения естественного света, четыре массивных наката, покрывающие сооружение сверху. Мы уверовали в то, что наш блиндаж неуязвим для немецких мин.

Однажды ночью я внезапно проснулся от мощного взрыва. В первый момент мне показалось, что в блиндаже взорвалась мина — прямое попадание. Мгновенно представил, что на меня летят все эти толстые бревна перекрытия. Но через несколько мгновений я понял, что никаких обрушений нет. Наступила тишина. Я стал способен соображать. В блиндаже оказались двое: я и артмастер Ромашкин (он дежурил в эту ночь). Первая мысль: где же Ромашкин, и почему темно? Я позвал: «Ромашкин». Тишина. Снова: «Ромашкин, где ты? Что с тобой? Ты ранен?». На ощупь я подобрался к Ромашкину, который лежал в углу. Я помог ему подняться. С трудом открыли входную дверь. Проветрили помещение. Зажгли огонь. Ромашкин пришел в себя. Ему повезло: он не был ранен, лишь ушибся при падении. Вот его рассказ.

Ромашкин действительно дежурил по подразделению. Чтобы чем-то себя занять, он стал читать книгу, увлекся. Коптилка — это самодельный светильник, сделанный из артиллерийской гильзы с зажатым в нем куском ткани, выполнявшим роль фитиля и залитый бензином. Такой светильник выделял много копоти, поэтому и назывался коптилкой. На самом интересном месте коптилка стала «садиться». Ромашкин подтянул фитиль. Так повторялось несколько раз. Наконец, он понял, что бензин в гильзе на исходе, и недолго думая взял канистру с бензином и хотел подлить в гильзу бензин (при зажженном фитиле). Естественно, пары бензина из канистры попали на открытый огонь, и раздался сильный взрыв. Взрывной волной Ромашкина отбросило в угол. От испуга и ушибов он не сразу опомнился. Все закончилось благополучно. Теперь мы со смехом вспоминаем этот «несчастный» случай.

Самым запомнившимся эпизодом был, пожалуй, случай с освобождением в г. Могилеве. Мы, группа с оружейными и артиллерийскими мастерами, переправились через Днепр вместе с артиллерийскими подразделениями и утром 28 июня оказались

на одной из окраинных улиц города. Нас поразило отсутствие людей. Куда же все подевались? В течение короткого времени мы поняли, что за нами наблюдают много пар глаз. Почему? Посовещавшись, мы догадались, что это местные жители, которые боятся выйти из домов. Разгадка оказалась проста. Советские люди, находившиеся долгое время в оккупации, ничего не знали о новой военной форме и никогда не видели ни погон, ни гимнастеров со стойкой и т.д. Тогда мы стали кричать: «Люди, выходите! Мы свои, русские!» Мгновенно распахнулись окна, двери, и на нас хлынула лавина людей. Это был «взрыв» радости. Это был вулкан. Люди бежали к нам с водой, едой, с молоком. Нас окружила плотная толпа. Нас забросала цветами, обнимали, целовали. Это было всеобщее ликование, которое не поддается описанию. Нахлынувшие чувства невозможно было сдержать. На глазах появились слезы радости, слезы счастья. Когда нам, наконец, удалось вырваться из объятий бурлящей толпы, мы двинулись по своему маршруту. Благодарные местные жители еще долго махали нам вслед руками, платками, а мальчишки сопровождали нас почти на всем пути следования. С тех пор прошло почти 60 лет, но эту встречу я не забуду никогда и каждый раз заново переживаю те ощущения радости, которые владели мной в Могилеве.

Одним из ярких событий войны был также выход на границу Восточной Пруссии. 24 января 1945 года все, кто мог, собрались вблизи пограничных столбов: стрелковые батальоны, артиллерийские батареи, штабы батальонов, службы артснабжения и боепитания. Все, независимо от своей принадлежности, томились в ожидании приказа на переход границы. Наконец, этот далеко не торжественный акт произошел очень буднично, без боя. Мы дали символический залп из ручного оружия и пересекли немецкую границу. Но здесь, на чужой земле, мы открыли для себя необыкновенный порядок. Немцы народ организованный и пунктуальный. В деревнях, в населенных пунктах, несмотря на военное время, царило неведомое нам устройство. Дома ухожены, усадьбы рационально распланированы, во всех подсобных строениях проведено электричество. Мы, технический персонал, в первую очередь обратили внимание на то, что в каждой деревне была своя механическая мастерская, чаще автомобильная. Все инструменты разложены по своим местам.

Каждый винтик, болтик, гаечка и т.д. помещены в отдельные коробочки с неременной надписью, а все коробочки — в специальный шкаф метизов. Никаких отходов, никакого мусора — всему отведено свое место. Нас это поразило. Пехотинцев же это благоустройство мало интересовало. Воспользовавшись передышкой в боях, они настроились на веселый лад. Увидев «ди-ковинные» одежды и невиданные принадлежности туалета, а также изобилие всяческих яств, солдаты веселились, балагурили, куражились. Кто-то натянул на себя фрак с манишкой, кто-то примерял цилиндр, да еще украсил его павлиньими перьями, кто-то облачился в меха, горжетки. Армия потеряла внешний вид, дисциплина упала. Так продолжалось дня два, пока не вышел строгий приказ командующего фронтом К.К. Рокоссовского, потребовавшего немедленного наведения порядка. Авторитет Рокоссовского был столь высок, что в тот же час армия вернулась в свой надлежащий строй, и, пожалуй, именно авторитет командующего, а не строгость приказа сыграли в этом главную роль.

Полки привели в надлежащий порядок, и дивизия продолжила свой наступательный поход. Впереди был «польский коридор», главный порт на Балтике г. Данциг и граница центральной Германии.

Берлинская операция началась для нашей дивизии на реке Одер. В середине апреля 1945 года в дивизии был проведен партактив, на котором выступил член Военного Совета фронта генерал Сычев. Смысл его речи сводился к следующему: союзные войска наступают с Запада в направлении Берлина, не встречая серьезное сопротивление противника. Для нас будет большим позором, если мы не опережим их. Настрой был задан умело, и мы приложили все силы для скорейшего и успешного проведения операции по окружению и разгрому вражеской берлинской группировки.

Одер очень неудобная река. Она разделена на два параллельных рукава, как бы на две реки. Общая ширина водного поля достигает 3—4 км. Для переправы использовали все возможные средства: плоты, лодки, понтоны, отдельные деревянные предметы. Где-то переходили в брод. Стремительность наступления диктовала необходимость ближним тылам идти вплотную к передовым подразделениям. 26 апреля 1945 года сложнейшая водная преграда была преодолена. Наши войска прорвали обо-

рону врага, укрепленную на дамбе противоположного берега, и захватили г. Шведт.

Дальнейшее продвижение по германской земле не представляло серьезных трудностей, противник оказывал слабое сопротивление. Все чувствовали приближение конца войны, и делали все возможное для наступления этого момента.

3 мая 1945 года мы вошли в город Грабов, где встретились с союзниками, английскими войсками. Это объединение войск замкнуло кольцо вокруг Берлина. Для нашей дивизии Великая Отечественная война на этом закончилась. Другие части продолжали разгром окруженной группировки до момента безоговорочной капитуляции германской армии.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Журавлев Дмитрий Андреевич**, студент 3-го курса Московского авиационного института.

**Резаков
Константин
Тимофеевич**

КОМАНДИР ПРОТИВОТАНКОВОЙ ГРУППЫ

Я родился 2 июля 1920 года в городе Рошаль Московской области. После окончания десятилетки, поступил в Горьковское училище зенитной артиллерии, после окончания училища был назначен в первый корпус ПВО, штаб которого находился в Чернышевских казармах города Москвы. В сентябре 1939-го я получил предписание в штабе с направлением на должность командира огневого взвода (заместителя командира батареи) в 176-й зенитно-артиллерийский полк, штаб которого находился в Лосиноостровской. В 1940 году был назначен командиром зенитной батареи полка. Генерал-лейтенант артиллерии (в отставке).

С началом Великой Отечественной войны, в должности командира батареи, я принимал участие в отражении налетов фашистской авиации на столицу нашей Родины город Москву. В первом бою принял участие в отражении массового налета фашистской авиации 22 июля 1941 года. До середины октября 1941 года батарея сбила два бомбардировщика Ю-88. Когда нависла угроза захвата сухопутными войсками фашистской армии города Москвы, я в октябре 1941 года был назначен командиром

противотанковой группы, для борьбы с танками противника, в район Красная поляна — Киово, на Рогачевское шоссе. В период со 2 по 5 декабря 1941 года батарея противотанковыми снарядами из 85-мм пушек уничтожила семь танков противника. За это Указом Президиума Верховного Совета РСФСР я был награжден орденом Красной Звезды, которую вручил в Кремле заместитель Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Бадаев. В конце декабря (20-го числа), после разгрома немцев под Москвой, был переведен в штаб 1-го корпуса ПВО на должность старшего помощника начальника боевой подготовки штаба артиллерии. Так как я имел большой опыт, меня назначили туда для обучения войск, обороняющих Москву. В промежутках после несения дежурства на командном пункте (через день по 12 часов в день) выезжал в зенитные артиллерийские полки для проверки и обучения личного состава. После преобразования 1-го корпуса в Московский фронт ПВО, был назначен старшим помощником начальника оперативного отдела штаба артиллерии. В этой должности прослужил до 15 сентября 1942 года. Решением правительства все военные академии были переведены на учебу по программе мирного времени (с довоенными сроками обучения), так как большая потеря кадров с высшим образованием уже после войны могла бы стать серьезным уроном для обороноспособности страны. И 15 сентября 1941 года меня послали на учебу в Артиллерийскую академию имени Дзержинского.

После академии проходил службу в центральном аппарате Министерства обороны (Главном штабе войск ПВО страны, 5-м Главном управлении Министерства обороны) на различных должностях. В 1957 году назначен на должность заместителя начальника штаба зенитной артиллерии Московского округа ПВО. С 1962 года был назначен заместителем Командующего зенитно-ракетных войск МО ПВО с присвоением звания генерал-майора артиллерии, а с августа 1967 года — командующим ЗРВ МО ПВО. В этой должности прослужил до ухода на пенсию в декабре 1976 года. В январе 1972 года присвоено звание генерал-лейтенант артиллерии.

Награжден

- орденом Отечественной войны I степени;
- двумя орденами Красной Звезды;

- орденом Трудового Красного Знамени;
- 20 медалями.

Шестьдесят лет тому назад в ночь с 21 на 22 июля 1941 года немецкая авиация предприняла первый массированный налет на столицу Советского Союза.

Фашистское командование тщательно готовилось к этому удару и рассчитывало не только уничтожить наиболее важные пункты государственного и военного управления, но и подавить моральный дух, волю к сопротивлению нашего народа. В налете должны были участвовать лучшие асы люфтваффе. Перед этим было проведено 89 разведывательных вылетов к Москве. Одному из немецких летчиков удалось сфотографировать Москву. Впоследствии эти фотоснимки с указанием государственных и военных объектов были найдены у экипажей в самолетах, сбитых под Москвой.

Гитлер был уверен в своей военной авиации: «В этой области у нас только один серьезный противник: англичане. Славяне никогда не умели вести воздушные бои. Это мужское оружие, это германский способ борьбы...»

Начальник германского генерального штаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер 8 июля 1941 года записал в своем дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которые в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу по уничтожению этих городов должна выполнить авиация...»

Это будет, по его словам, «народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще». Второму воздушному флоту, усиленному шестью бомбардировочными группами за счет авиации 3-го воздушного флота (в том числе из Франции) была поставлена задача «нанести удар по центру большевистского сопротивления и воспрепятствовать организованной эвакуации русского правительственного аппарата». Фашисты не сомневались в успехе своей акции. Пропагандистский аппарат Геббельса уже готовил материалы о героях люфтваффе и трусливых большевиках. Командующий 2-м воздушным флотом генерал-фельдмаршал А. Кессельринг 20 июля 1941 года перед налетом на Москву провел совещание с командным составом. Он заявил, что русская авиация уже прак-

тически разгромлена и не сможет оказать серьезного сопротивления. Затем генерал направился на аэродром вдохновлять своих воздушных бойцов. « Мои авиаторы, — обратился он к экипажам. — Вам удавалось бомбить Англию, где приходилось преодолевать сильный огонь зениток, ряды аэростатных заграждений, отбивать атаки истребителей. Вы отлично справились с задачей. Теперь ваша цель — Москва. Будет намного легче. Если русские и имеют зенитные орудия, то немногочисленные, которые не доставят вам неприятностей, как и несколько прожекторов. Они не располагают аэростатами и совершенно не имеют ночной истребительной авиации. Вы должны, как это всегда делали над Англией при благоприятных условиях, подойти к Москве на небольшой высоте, точно положить бомбы. Надеюсь, что прогулка будет для вас приятной. Через четыре недели (в середине августа) войска победоносного вермахта будут в Москве, а это означает конец войне...»

Но самоуверенный фашистский генерал-фельдмаршал просчитался. Подвела Гитлера и разведка. Перед началом войны у Германии и СССР было примерно равное количество самолетов — по 10 тысяч. Но у нас было недостаточно новых боевых машин, кроме того в первых боях в приграничье советская авиация потеряла около 2 тысяч самолетов. Но это абсолютно не означало, что средства противовоздушной обороны Советского Союза были сломлены. Что касается авиации ПВО, защищавшей Москву, то немецкая разведка ошиблась при подсчете самолетов в 5 раз. В 6-м истребительно-авиационном корпусе (6 ИАК), защищавшем небо столицы СССР, на 17 июля 1941 года 708 самолетов (немцы считали 144), в том числе более половины — самых современных, не уступающих немецким машинам: МИГ-3 — 220 штук, ЛаГГ-3 — 82 , Як-1 — 117 штук. Авиация ПВО 6 ИАК располагала 133 летчиками, подготовленными для ведения ночного боя.

Советской разведке удалось заблаговременно получить данные о времени первого массового налета фашистской авиации на Москву. Не случайно в связи с этим были проведены командно-штабные учения в Москве, которые завершились 21 июля. Они проводились в особняке на улице Кирова, где размещалась Ставка Верховного Главного командования. Руководил учениями генерал Г. Жуков, при этом присутствовал И. Сталин. Я в то время был командиром зенитно-артиллерийской батареи 1-го корпуса ПВО, защищавшего Москву. Мой хороший товарищ

майор Машенькин в то время работал в штабе 6-го ИАК и в соответствии со своими служебными обязанностями готовил карту для учений. Она оказалась очень большой по размерам. Когда он вошел в кабинет И. В. Сталина, где собрался командный состав, получилась неприятная заминка. Карта не помещалась ни на одну из стен. Иосиф Виссарионович снял напряжение тем, что предложил расстелить карту на полу и вместе с командирами передвигался по ней, изучая расположение аэродромов истребительной авиации.

В войсках не чувствовалось особого напряжения, поскольку заранее были готовы к отражению воздушного налета противника. Что касается зенитной артиллерии, то и тут фашистская разведка допустила промах. Сейчас в средствах массовой информации много материалов о том, что наша армия была не готова к войне и И.В. Сталин не предпринимал необходимых мер к обороне страны. Это далеко не так. Покажу на примере развития ПВО столицы. Так, решением правительства были выделены средства на строительство защищенного командного пункта 1-го корпуса ПВО. Метростроевцы в августе 1940 года приступили к его строительству и, в мае 1941 года сдали в эксплуатацию. КП был сооружен рядом с метростанцией «Кировская» («Чистые пруды») на глубине 45 метров, в два этажа. С этого КП в течение войны командир 1-го корпуса ПВО управлял войсками при отражении налетов воздушного противника. Этот КП был обеспечен всем для жизнедеятельности личного состава в течение месяца, без выхода на поверхность (канализацией, запасом продовольствия, водоснабжением и т.п.). Во второй половине 1940-го и с начала 1941 года личный состав 1-го корпуса ПВО с большим напряжением готовил для всех полков хорошо укрепленные командные пункты. В это же время произошло перевооружение большинства частей с 76-мм пушек на 85-миллиметровые. В каждом полку вместо 15 батарей сделали 25 (в каждой батарее по 4 орудия). В мае 1941 года мы выехали на летнюю лагерную учебу в район станции Петушки под Москвой. Там проводились боевые стрельбы не только по самолетам, но и по танкам. Наши пушки могли поражать цели на высоте почти в 2 раза, превышающей потолок полета самолетов того времени (6000 м).

Моя батарея занимала боевую позицию в районе деревни Бибирево. Самоуверенные немцы первый массовый налет авиации организовали по шаблону, который давал хороший резуль-

тат в Западной Европе. Гитлеровские бомбардировщики ходили на малых высотах — два, три, от силы четыре километра, — будто и мысли не допускали о возможности активного сопротивления с нашей стороны, вспоминал о тех днях известный в последующем летчик-испытатель М. Галлай. Так их инструктировал и генерал — фельдмаршал Кессельринг: «...русские имеют зенитные орудия немногочисленные, ...не располагают аэростатами, ...не имеют ночной авиации...»

Вечером 21 июля 1941 года командиры батарей накормили личный состав ужином и еще раз проверили, все ли готово к ночному бою. Снарядов у нас хватало, в надежности своего орудия мы были уверены. Первую волну немецких бомбардировщиков (около 22 штук) наши посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) обнаружили за 200—250 км от Москвы на рубеже Рославль-Смоленск. Они шли компактной группой в направлении Вязьма — Гжатск — Можайск. Немецкие бомбардировщики встретили ночные истребители ПВО. Им удалось расстроить боевой порядок противника и помешать прицельному бомбометанию. Большую часть своего смертоносного груза они сбросили на поля и леса на подступах к Москве. Прожектористы надежно удерживали в своих лучах вражеские бомбардировщики, а зенитная артиллерия вела непрерывающийся огонь. Представьте себе, что по одному самолету вели огонь одновременно до 4—5 батарей (1 батарея — 4 орудия). Не зря сбитый несколько позже в московском небе немецкий летчик Р. Шик вынужден был признать: «Русские ночные истребители действуют здесь превосходно».

«Ослепленным экипажам чрезвычайно трудно отыскивать цели», — докладывали своим командирам возвратившиеся на свои аэродромы немецкие летчики. По некоторым данным, непосредственно в небе над Москвой удалось прорваться лишь 10 — 12 немецким самолетам, и те сбрасывали свой смертоносный груз не прицельно. Так, в ту памятную ночь нам показалось, что на батарею падает подбитый самолет. А оказалось, что немецкий летчик не стал искать цели и сбрасывать на них зажигательные бомбы, а сразу избавился от целой кассеты (в контейнере до сотни бомб) и дал ходу домой, пока его не подбили. Всего в ночном бою с 21 на 22 июля 1941 года было сбито 22 фашистских самолета, в том числе 12 истребителями и 10 зенитчиками.

Немецкие бомбардировщики нанесли определенный ущерб Москве. Были пожары, на железнодорожной станции взорвалось несколько вагонов, были жертвы среди военнослужащих и мирных жителей. Но ни один существенно значимый государственный и военный объект не пострадал. Поэтому Совинформбюро с полным основанием заявило: « Налет надо считать провалившимся». Для сравнения. Бомбардировки английских и западноевропейских городов имели поражения до 90%.

23 июля газета «Правда» вышла в праздничном оформлении. Народный комиссар обороны Союза ССР И. Сталин объявил благодарность «ночным летчикам-истребителям московской зоны ПВО, артиллеристам-зенитчикам, прожектористам, аэростатчикам и всему личному составу службы воздушного наблюдения, пожарным командам и милиции».

Персонально была объявлена благодарность генерал-майору М. Громадину, командующему московской зоны ПВО, генерал-майору артиллерии Д. Журавлеву, командиру 1-го корпуса ПВО и полковнику И. Климову, командиру 6-го ИАК. Две полосы газеты были отведены под фамилии красноармейцев и офицеров, награжденных орденами и медалями. За оперативность! Там же были отмечены действия москвичей. Например, семнадцатилетний слесарь Вася Зуев и ученица 9-го класса Ольга Чаянова, дежуря на крыше дома, сбросили несколько зажигательных бомб и спасли от пожара помещение. Первая победа над фашистами в небе Москвы имела большое значение не только военное, но и морально-политическое. Она была предвестником успеха в битве под Москвой в декабре 1941 года и окончательного разгрома фашистской Германии.

Уже позже, когда противник подошел близко и, от тактики массовых налетов в ночное время перешел к изнуряющим налетам в течение суток (и днем и ночью) на Москву, то городу воздушная тревога уже не объявлялась, боевые расчеты в зенитных батареях круглосуточно находились при орудиях. При орудиях же были землянки, и боевые расчеты все время суток были неподалеку от орудий и были постоянно готовы вступить в бой с противником. Для личного состава это была исключительно высокая нагрузка, от него требовались высокие физические и моральные качества, которые он и проявлял с успехом.

Следует отметить тесное взаимодействие защитников неба Москвы с жителями столицы. Они помогали нам без всякого принуждения готовить защищенные командные пункты, рыть окопы, откликались на любую нашу просьбу. В городском транспорте командирам всегда уступали места, при просьбе подсказать тот или иной адрес сопровождали до места. Более того, нам на боевые позиции приносили билеты в театры. Так, несмотря на угрозу бомбардировок, 22 июля в Концертном зале им. Чайковского состоялся концерт Государственного ансамбля народного танца Союза ССР. На нем даже присутствовал посол Великобритании. Кстати, несколько позже, когда я уже работал в штабе корпуса, мне пришлось сопровождать по Москве английскую делегацию. Они очень были удивлены тем, что в столице СССР не видно разрушений от бомбардировок.

Конечно, все было не так просто. Нелегко налаживалось взаимодействие между истребительной авиацией, зенитной артиллерией и прожектористами. Были случаи, когда били по своим самолетам. Радиолокаторы в то время только появились на вооружении и указывали лишь наличие воздушной цели, без данных по высоте и дальности. Потом нам в этом несколько помогли своими РЛС англичане. С этим связан тоже один интересный случай: РЛС было немного, а по английским стандартам каждая РЛС полагалась на одну батарею, мы же благодаря техническим доработкам смогли усовершенствовать систему. Координаты воздушной цели от одной РЛС передавались на несколько батарей одновременно, что позволяло одновременно вести точный огонь по одной цели. Потом, когда англичане наблюдали за боем, они были очень удивлены: как же так, ведется обстрел, а РЛС на батарее нет? «Где?» — спрашивали они. «Там», — говорили мы. Они только могли удивленно пожать плечами.

Все мы учились воевать, потому и были потери самолетов не только в огневом бою. Но надо отметить исключительную оперативность высшего военного командования и командования ПВО московской зоны обороны в решении назревших проблем. Очень быстро обобщались как положительные данные боевой деятельности, так и недостатки. 10 июля командующим ВВС Красной Армии генералом М. Громадиным была утверждена «Инструкция истребительной авиации ПВО г. Москвы».

Тщательно анализировался каждый бой с противником и издавались соответствующие приказы. Таким образом были определены зоны боевого применения истребительной авиации ПВО, зенитной артиллерии, порядок действий прожектористов и подразделений аэростатов заграждения.

Когда враг подошел вплотную к столице и наибольшую угрозу стал представлять наземный противник и особенно танки, состав зенитных батарей был выделен на противотанковую оборону. От личного состава зенитных батарей на противотанковой обороне требовалась высокая морально-психологическая подготовка и высокая выучка в борьбе с танками. Надо сказать, что личный состав проявил эти качества, за что некоторые командиры и красноармейцы были награждены правительственными наградами.

С моим переходом в службу МО ПВО начался процесс перевооружения зенитно-артиллерийских полков на зенитно-ракетную технику. В период с 1958 года до ухода на пенсию в 1976 году, мне пришлось четырежды (через каждые 3-4 года) перевооружать полки на новые зенитно-ракетные комплексы. Это перевооружение всегда было связано с формированием частей, обучением личного состава полков, строительством позиций, проведением начальных боевых стрельб и заступлением на боевое дежурство полков. Затем ежегодные выезды на полигон для проведения учебных стрельб по скоростным радиоуправляемым целям.

В октябре 1962 года выезжал во Вьетнам в составе делегации, возглавляемой главкомом ПВО страны, маршалом Советского Союза Батицким П.Ф. , для оказания помощи в организации зенитно-ракетной обороны столицы Ханоя и морского порта Хайфона. До нашего приезда как таковой противовоздушной обороны этих городов не было. Все ЗРК, которые поставлялись из Советского Союза. Вьетнамцы их использовали на территории страны на наиболее вероятных направлениях полета американской авиации, по существу это была охота за самолетами противника. Важным было, как можно больше сбить, а важнейшие объекты оставались неприкрытыми.

В течение месяца октября 1966 года были с вьетнамскими офицерами создана надежная группировка ракетных войск на обороне Ханоя и Хайфона. Организована связь и управление войсками на этих объектах. Когда же американская авиация

осуществила массированный налет на Ханой, то ЗРВ уничтожили 31 бомбардировщик В-52.

Русские войска ПВО были и остаются серьезной угрозой для противника в любых условиях, они гарантируют нам всегда чистое небо над головой и спокойствие на земле.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Клядин Александр Николаевич**, студент 3-го курса Московского авиационного института.

**Романов
Михаил
Яковлевич**

ШТУРМОВИКИ НАД КАРПАТАМИ

Несмотря на тяжелое положение на фронтах Великой Отечественной войны, Верховное командование Красной Армии офицерские кадры, особенно летчиков, подготавливало и вводило в боевые действия рационально, я бы сказал даже экономно. Это можно показать на моем примере. После окончания в сентябре 1941 года Энгельской военной авиационной школы пилотов меня в числе команды 80 человек направили не во фронтовую часть, а в Краснодарское объединенное военное авиационное училище командиров звеньев. И только после окончания этого училища в сентябре 1943 года, я с группой товарищей был направлен в боевую летную часть: 565-й штурмовой авиационный полк (шап) 224-й штурмовой авиационной дивизии (шад).

В этом полку и дивизии я участвовал в боевых действиях шести военных операций: Проскуровско-Черновицкой, Львовско-Сандомирской, Карпатской, Краковской, Моравско-Остравской и Пражской. Вооруженные бронированными самолетами Ил-2, мы наносили противнику большой урон в живой силе и технике. Но враг жестоко сопротивлялся, и мы несли тоже потери.

Шел март сорок четвертого года. Наши войска в те дни вели ожесточенные бои южнее Шепетовки, продвигаясь в направлении Старо-Константинова, Проскурова (Хмельницкого), Каменец-Подольска. Проводилась Проскуровско-Черновицкая операция по окружению и уничтожению немецко-фашистских войск.

Сначала погода была плохая. Низкая облачность позволяла летать на задания только парами. Но начиная с 28 марта погода улучшилась, и создались благоприятные условия для массированного применения авиации в районе Дунаевцев — небольшого городка, километрах в шестидесяти от Проскурова. К этому времени Дунаевцы волею обстоятельств оказались как бы центром окруженной территории противника, зажатого в железном кольце наших войск.

Враг, огрызаясь, как затравленный зверь, стянул сюда все свои силы. Было ясно, что он предпримет отчаянную попытку вырваться из котла.

Это учитывало и наше командование. Врага уничтожали с воздуха. В район Дунаевцев были направлены основные силы авиации 2-й воздушной армии, в том числе и наша 224-я штурмовая авиационная дивизия.

Налеты на гитлеровцев совершались группами по 8—12 самолетов. Участвовали в те дни в боевых действиях и мы — летчики 565-го штурмового авиаполка. Я летал в район Дунаевцев дважды.

Второй вылет мы совершили в составе 12 самолетов 29 марта. Погода на этот раз нам благоприятствовала — солнце, на небе ни облачка. В район цели вышли точно в назначенное время.

Я смотрю вниз. Дорога забита войсками противника. Такого огромного скопления вражеской техники мне еще видеть не приходилось. Танки, самоходные орудия, автомашины с пушками на прицепе, мотоциклы — все это стояло на шоссе и вдоль него в три-четыре ряда и прикрывалось мощным огнем зенитной артиллерии.

Высота 1100 метров. Идем со снижением. Успеваю заметить наш Ил-2, лежащий на «животе» примерно в километре от северной развилки шоссе. Скорее всего, это самолет командира 571-го штурмового авиационного полка подполковника Макарова, который был сбит в этом районе накануне. Зенитки противника неистовствуют. Небо расцвечивается сотнями

ярко-оранжевых вспышек. Волнение достигает предела. Стучит кровь в висках. Мысль одна: только бы выдержать этот кошмар, удержаться в боевом строю группы.

Но вот заканчиваются томительные секунды нашего беспомощного «висячего» положения, и группа «илов» во главе с ведущим капитаном Дахновским пошла, пикируя, в атаку...

Горят машины, танки, орудия... Над дорогой ползет густой дым. Фашисты в ядовито-зеленых шинелях, хорошо заметных на фоне снежной пороши, словно испуганные тараканы, разбегаются в стороны от шоссе...

В те дни летчики 224-й авиадивизии делали по два-три боевых вылета в день — враг по-прежнему не хотел складывать оружия, яростно огрызался и искал возможность вырваться из окружения.

Ранним утром 30 марта мы приехали на аэродром. Я занял в землянке «плацкарту» (на нарах) и крепко заснул. Мне приснился сон: собака порвала в ленточки мои брюки галифе. Разбудила меня команда дежурного по КП:

— Летчиков второй авиаэскадрильи вызывает командир полка!

Подполковник Серигов, как обычно, коротко объявил нам боевой приказ:

Танковые части противника, стремясь выйти из окружения, ведут наступление на позиции наших наземных войск северовосточнее города Каменец-Подольска. Командир дивизии полковник Котельников приказал нанести по этим танкам бомбоштурмовой удар. Первую группу в шесть самолетов поведет лейтенант Мокин в составе летчиков: Огурцова, Ромашова, Курганова, Романова и Гутова.

Взлет! Штурмовики тяжело начали разбег. Я должен был идти ведущим последней пары, но мой ведомый младший лейтенант Федя Гутов не сумел взлететь с аэродрома — брызги грязи буквально залепили фонарь его машины, и я оказался замыкающим группы. «Топаем» по курсу впятером... Минут через двадцать пять среди леса заблестела на солнце извилистая гладь Днестра. Под нами большой город со старой крепостью. Каменец-Подольск? Но разобраться я не успел — заработали зенитные артбатареи противника. Заградительный огонь был настолько плотным, разрывов снарядов было так много, что, каза-

лось, нам не пройти, всех перебьют... Но наш ведущий был пилот не робкого десятка. Он решительно с левого разворота заходит на цель, четыре «ила» повторяют его маневр. Интенсивность зенитного огня не ослабевает, но пока все было благополучно. Хорошо видно, как внизу, по черному полю, ползут в боевом порядке бронированные коробки — немецкие танки. Мы пикируем на них, одновременно ведя прицельный огонь зрсами и из пушек. Вот загорелся один, другой, третий танк... Наши начали работать ПТАБами. Добавил масла в огонь и я.

Но... Вывожу штурмовик из пикирования и неожиданно вижу, что параллельно оси самолета проносится трассирующая очередь. «Мессер»?! Он! Мой стрелок Карп Краснопеев взволнованно докладывает по СПУ, что сзади нас атакует истребитель «Мессершмитт-109». Кто выиграет воздушную дуэль?! Кому повезет?! Застучал крупнокалиберный пулемет стрелка. «Мессер» задымил и, будто споткнувшись о невидимое препятствие, пошел вниз, к земле.

Но досталось и нам. Штурмовик начало сильно трясти — снарядом отбило кусок лопасти винта, в центроплане зияли дыры. К тому же оказалась сорвана часть обшивки крыла, повреждены киль и система, обеспечивающая автоматический выпуск шасси перед посадкой. Естественно, разобрался во всех этих повреждениях я не сразу. Да и не до того было. Требовалось другое — быстро среагировать, принять правильное решение. Самолет мой, сильно поврежденный, потерял скорость и маневренность, поэтому я сразу отстал от своей группы. А нужно было в течение примерно шести минут лететь над территорией окруженного противника, то есть при вероятном обстреле зенитной артиллерией и возможности повторного нападения немецких истребителей.

И вот тут-то мне пригодились знания, которые я получил в военном училище. Помогли также советы летчиков-ветеранов. Облака! Они часто выручают на фронте. Беру ручку управления на себя, набираю высоту. Через 1-2 минуты самолет входит в густую пелену облаков. Лечу на северо-восток с курсом примерно 15 градусов. Спустя некоторое время снизился и понял, что нахожусь над своей территорией. Внизу — большой город. Убедившись, что это Проскуров, беру курс на Старо Константинов и примерно через 10—12 минут уже подлетаю к своему аэродрому.

Самолет был сильно поврежден и плохо слушался рулей управления. Напрягая последние силы, выпускаю шасси аварийной лебедкой. Захожу на посадку. Выравниваю. Выключаю мотор — во избежание случайного пожара. Самолет задевает землю гранями реборд, на которые надевается резина, и вновь идет вверх, второй раз касается земли уже жестче и вновь «козлит». Потом плюхается еще раз, глубоко пропахивает мокрую землю и останавливается. Вижу, бегут к самолету все летчики и техники полка. Подходит капитан Дахновский, обнимает... Говорит:

— А тебя уже похоронили. Летчики доложили, что твой «ил» был сбит над целью истребителем противника. Ну, молодец, что прилетел. Как они тебя отделали! Значит, долго будешь жить.

Восемь снарядных пробоин — столько насчитал в тот день в штурмовике авиамеханик.

В третьей декаде апреля мы продолжали летать группами по 4, 6, 8 самолетов на Тарнополь и в районы Бучач — Подгайцы. 14 апреля город Тарнополь был освобожден нашими войсками. Операция близилась к завершению. Но враг пока не сложил оружия, враг продолжал сопротивляться. На что надеялись тогда немцы, понять трудно, но дрались они, пожалуй, с еще большим ожесточением, чем прежде.

В это время слово «Бучач» среди летчиков произносилось с особой интонацией. Полеты в этот район так же, как за несколько дней до этого полеты на Дунаевцы и Каменец-Подольск, были очень опасны. Противник создал здесь мощный огневой заслон, прикрыв свои войска зенитной артиллерией и истребительной авиацией. Полк нес потери в людях и в материальной части.

Стала заметно ощущаться нехватка самолетов, и в связи с этим группу летчиков срочно командировали в Куйбышев за новыми штурмовиками. Я в эту командировку сначала не планировался. Но на аэродроме Проскуров, куда только что перебазировался наш полк, произошел несчастный случай: взорвался склад боеприпасов, оставленный гитлеровцами. В результате взрыва погибли два неразлучных друга: заместитель командира — штурман 3-й авиаэскадрильи старший лейтенант А.А. Варников и командир звена 1-й авиаэскадрильи лейтенант Н.Я. Нечаев, которые должны были вместе с другими летчиками отправиться за новыми самолетами. Потребовалась замена, выбор пал на меня и еще на одного пилота.

Возвратившись через несколько дней из Куйбышева, мы узнали, что на аэродром с боевого задания не вернулись наш командир звена лейтенант И.Т. Ромашов и летчик младший лейтенант Ф.Г. Гутов. Они летали в район Станислава парой на разведку и уничтожение живой силы и техники противника в качестве свободных охотников. Группами в те дни не позволяла летать низкая облачность. Задание было выполнено, штурмовики возвращались домой.

По радио за полетом следил тогда старший техник полка В.Н. Платонов. Из эфира доносились звуки песни "Не разлука, а нежная встреча смелых ждет на родимой земле". Пел Иван Тихонович. Пел, как всегда, когда возвращался с боевого задания. Но вдруг песня оборвалась. Эфир замолк. Прошло время прилета, а самолеты наших товарищей так и не появились. Произошло что-то трагическое. Сбили истребители или зенитки. Так решили тогда все.

В начале мая наша 2-я авиаэскадрилья три дня подряд была по одним и тем же целям в районе Ходимежа. Затем работали по целям в районе Коломыи, Делятына и Надворны. И снова не все штурмовики вернулись на свой аэродром. При выполнении боевого задания погибли командир 3-й авиа эскадрильи майор С. И. Петров, летчик той же эскадрильи лейтенант В.И. Михайлов, младшие лейтенанты В.Н. Костин и И.К. Ельтищев. Имелись потери и в 1-й авиаэскадрилье.

Война есть война, нас часто посещала не только радость побед, но и горечь утрат. Смешиваясь, соединяясь в наших молодых сердцах, эти два сильных чувства создавали тогда в полковом коллективе особый моральный климат. Разрядка приходила вечером, после боевого дня. Собравшись в столовой за ужином, летчики пели под баян фронтовые песни, среди которых чаще всего звучала наша любимая:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза...

В эти минуты — после жарких боев — мы скорбели о погибших товарищах, вспоминали их черты характера, привычки. Ваня Ельтищев... Голубоглазый блондин, мягкий, скромный... Володя Михайлов... Этаким рубаха-парень, добряк, любивший петь своим бархатным тенором «Бирюзовые вы мои колечки,

раскатились по лугу...» Вася Костин... Наш полковой юморист, которого за интересные и очень смешные рассказы, читавшиеся им с актерским мастерством, мы в шутку называли Василием Теркиным. Ваня Ромашов... Коренастый, физически очень сильный человек. Это про таких, как он, в народе говорят "косая сажень в плечах"...

Нет уже среди нас этих ребят. Они погибли в бою с ненавистным врагом, но и погибнув, остались жить — в нашей памяти, в наших сердцах.

Проскуровско-Каменец-Подольская операция, продолжавшаяся около двух месяцев, закончилась. За активное участие в ней 224-й штурмовой авиационной дивизии было присвоено наименование Жмеринской. Многие летчики, техники, оружейники и другие авиаспециалисты за участие в этой операции были награждены орденами и медалями. Большинство молодых пилотов, в том числе и я, за одиннадцать успешных боевых вылетов получили свой первый боевой орден — Красной Звезды.

В небе Карпат

Карпаты, как естественный рубеж, сами по себе являлись большой преградой, затруднявшей продвижение наступающих войск. Противник же, используя горно-лесистый рельеф местности, создал здесь помимо всего прочего густую и разветвленную сеть оборонительных сооружений в виде опорных пунктов, перекрывавших все дороги, долины рек, выходы к населенным пунктам и проходы в глубину своей обороны.

Из-за ограниченных возможностей использования в горах танков и артиллерии очень остро вставал вопрос об использовании штурмовой авиации — как для разведки и уничтожения резервов противника, так и для непосредственной поддержки нашей пехоты на поле боя.

Но боевые полеты, которые мы выполняли над горами в начале августа 1944 года, имели своей целью не только разведку и удары с воздуха по обнаруженному противнику. Перед летчиками командованием была поставлена еще одна сложная задача — опытным путем определить, в какой степени возможно применение штурмовой авиации в условиях горно-лесистой местности Карпат.

Командир 565-го штурмового авиаполка подполковник В.И. Сериков, разъясняя нам эту задачу, говорил: «Летчикам-штурмовикам никогда не приходилось воевать в горах, у нас нет опыта ведения боевых действий в горной местности. Полеты здесь имеют свои особенности с точки зрения аэродинамики и аэронавигации. Возникающие в результате обтекания склонов гор вертикальные потоки воздуха затрудняют маневрирование самолета. По этой причине, очевидно, придется подходить к цели на больших, чем обычно, высотах, быть осторожнее при пикировании и отходе от цели. Большого умения потребуют полеты в ущельях и в горных долинах».

Первые же вылеты на разведку в горы показали, что командир был прав: рано утром все горные долины и ущелья закрыты туманом, который к 10—11 часам дня начинает подниматься вверх и образует над горными перевалами сильную облачность. Облака в сочетании с густыми лесными массивами на склонах гор сильно затрудняли визуальную ориентировку и ведение разведки войск противника, который использовал эти лесные массивы для маскировки.

Нам приходилось приспосабливаться к новым условиям, менять тактику разведки и удара по цели. Если на ровной местности самым надежным способом обнаружения противника был бреющий полет, то здесь, в горах, пришлось осваивать фотографирование с высоты полторы-две тысячи метров, что давало возможность обнаружить железнодорожные станции, узлы шоссейных дорог, оборонительные сооружения и другие объекты противника. Трудно было? Отвечу честно: трудно. И все же все летчики, первыми летавшие в Карпатах, на вопрос, можно ли использовать самолеты Ил-2 в боевых условиях Карпатских гор, дали положительный ответ.

Операция в целях соединения со словацкими повстанцами началась 8 сентября 1944 года на узких участках линии фронта.

В то время операцию по преодолению Карпат почему-то все мы в полку называли форсированием Карпат. Очевидно, сложность взаимодействия войск разных родов при преодолении водных преград и трудность продвижения их в горах как-то бессознательно расширили в нашем сознании толкование этого слова.

И действительно, данная военная операция была не похожа на другие, проводившиеся на равнинной местности. Здесь не

было, так сказать, классического прорыва линии обороны противника, ввода в прорыв подвижных бронетанковых и механизированных соединений.

Операция по форсированию Восточных Карпат характеризовалась непрерывным прогрызанием оборонительных позиций немцев и медленным продвижением наших войск вперед, в глубь гор.

9 и 10 сентября погода стояла нелетная, но как только она улучшилась, штурмовая авиация приступила к регулярным боевым действиям. Враг в те дни делал по шесть-семь контратак, однако успеха так и не добился. Наши войска хотя и медленно, но все же с помощью авиации занимали одну высоту за другой и продвигались вперед.

11 сентября мне пришлось водить нашу 2-ю авиаэскадрилью в составе восьми самолетов на уничтожение артиллерийско-минометных позиций и живой силы противника в районе населенного пункта Каменне, а на другой день — шестерку самолетов на цели в районе населенного пункта Кулашне, расположенного в двух километрах юго-западнее Чашина.

2-я эскадрилья в это время состояла из опытных, обстрелянных летчиков, таких, как старшие лейтенанты Г.Т. Левин и И.М. Белицкий, лейтенанты С.Л. Плетень, В.Д. Монченко, младшие лейтенанты А.И. Колодин, Н.И. Огурцов, Ю.Я. Годунов, А.С. Сас, В.П. Блудов, М.С. Воронин. Каждый из них уже был награжден орденом Красной Звезды, а Белицкий, Колодин, Огурцов, Плетень и я имели еще и по ордену Красного Знамени. Из ветеранов, которые воевали до 1944 года, в эскадрилье остался один Левин.

Большинство боевых вылетов в эти дни летчиками нашего полка было сделано в поддержку действий наступающих войск 129-й, 155-й и 167-й стрелковых дивизий. Мне пришлось быть участником этих боев в качестве ведущего групп 6—8 самолетов.

В горах для нас, летчиков-штурмовиков, особое значение имело наличие надежной радиосвязи с наземными станциями наведения, которые находились обычно в непосредственной близости от переднего края. Без преувеличения можно сказать, что без хорошо работающей радиосвязи мы не способны были бы успешно поддерживать с воздуха наши наземные войска.

Офицеры-авианаводчики помогали летчикам отыскивать цели, наводили группы штурмовиков на замаскированные тан-

ки, артиллерия, минометы, пулеметы и окопы противника с точностью до десятков метров. В результате, как правило, получался хороший эффект взаимодействия авиаторов с наземными войсками.

Так, например, 7 октября 1944 года мне пришлось сделать два боевых вылета в район населенного пункта Смольник, где велись ожесточенные бои наземных войск 1-й гвардейской армии за овладение Русским перевалом через Карпаты. С высот в районе пунктов Звала — Смольник противник вел ожесточенные контратаки, пытаясь сорвать наступление наших войск на пункты Русске и Бельке Поляна.

Второй раз мы группой в шесть самолетов прилетели в этот район около 17 часов. При подходе с севера к Цисне, где в то время находился авиационный пункт управления (АПУ) во главе с заместителем командира 224-й штурмовой авиадивизии полковником Семеновым, я запрашиваю разрешение нанести штурмовой удар по заданной цели. В ответ слышу по радио:

— «Мотор-3» (мой позывной), наносить удар по этой цели запрещаю. Возьмите курс 212 градусов и идите в распоряжение «Пули-1». Как меня поняли?

— Вас понял. Иду в распоряжение «Пули-1».

Прошло минуты две-три, и рация вновь ожила:

— «Мотор-3», вы надо мной. Я — «Пуля-1». Как меня слышите? Покачайте крыльями.

Я выполняю просьбу авианаводчика. В ответ по рации передают:

— Внимание! Буду наводить вас на цель... Идите прямо... — И через секунд десять — пятнадцать: — Разворот влево на 90 градусов. Достаточно. Цель перед вами. Опушка леса на вершине горы. Оттуда сильно стреляют по нашей пехоте. Атакуйте!

Привычным движением руки ввожу свой самолет в пикирование. Высота гор здесь около 1000 метров. Вижу артиллерийско-минометные позиции, автомашины, солдат и офицеров врага. Прицеливаюсь, нажимаю на гашетки. Выпускаю пару реактивных снарядов, затем даю длинную очередь из пушек и пулеметов. Самолет пикирует, стремительно набирая скорость... До земли 800, 700, 500, 400 метров... Пора! Я вывожу самолет из пикирования и нажимаю кнопку автоматического бомбосбрасывания. Срабатывает безотказно. На врага летят осколочные бомбы. Мои действия и маневр над целью повторяют поочередно

все летчики группы — Блудов, Белицкий, Колодин, Плетень и Огурцов.

Слышу в наушниках шлемофона одобрительный возглас офицера-радионаводчика:

— Молодцы! Здорово! В точку попали!

После пикирования и бомбометания делаю левый разворот, быстро набираю высоту и становлюсь в хвост последнему самолету. Группа за 30 секунд встала в круг над целью для повторных заходов с интервалом между самолетами в 300 метров. Ложусь на боевой курс и снова пикирую с высоты 1900 метров на цель. Выпускаю два реактивных снаряда, стреляю из пушек и пулеметов. Вслед за мной врага атакуют мои товарищи... После восьмого захода прошу у «земли» разрешения идти домой. Однако офицер радионаведения передает просьбу наземного командования сделать еще несколько заходов.

— У нас нечем стрелять, кончились боеприпасы! — отвечаю я.

— Все равно, — настаивает «земля». — Сделайте пару заходов холостых. Пехота атакует позиции врага.

Что ж, надо поддержать пехотинцев. И я снова, в девятый раз, веду свой «ил» на позиции врага. Пикирую как можно ниже, чтобы ревом мотора оглушить противника, деморализовать его психику, прижать к земле. За мной маневр повторяет вся группа. Наша «психическая атака» удастся, немцы больше не стреляют... После одиннадцатого захода с земли передают:

— Все. Уходите. Поработали хорошо. Молодцы!

Мы уходим от цели, и я снова слышу в наушниках:

— «Мотор-3», вам за отличное выполнение боевого задания «хозяин» объявляет благодарность. Слышите? Благодарность летчикам всей группы.

И в самом деле, поработали мы на этот раз неплохо. Когда штурмовики прижали фашистов к земле, наши автоматчики сумели вплотную подойти к окопам противника и в момент ухода самолетов от цели ворвались в них. Ну а наши «илы» уничтожили три автомашины, около двадцати пяти солдат и офицеров противника, подавили огонь трех орудий полевой артиллерии.

Но и мы понесли серьезные потери, лишившись двух самолетов, одного летчика и двух стрелков. Произошло это следующим образом. Через одну-две минуты после отхода от цели, когда я заканчивал маневр сбора группы на «змейке», самолет

моего ведомого младшего лейтенанта В.П. Блудова, который был, очевидно, ранен, врезался в мой штурмовик сверху, отрубив ему винтом хвост.

Все решали тогда доли секунды.

— Стрелок! — кричу по СПУ.— Прыгай!

Бросаю штурвал — он больше не нужен, самолет его не слушается, — левой рукой откидываю назад фонарь и одновременно правой рукой берусь за кольцо парашюта.

Самолет в это время уже вошел в правый плоский штопор и стремительно падал вниз. Я с трудом оторвался от сиденья, перевалился через правый борт кабины и, с силой оттолкнувшись ногами от левого борта, выскользнул из кабины в сторону вращения самолета. Парашют раскрылся на высоте сто метров и через несколько секунд я приземлился на вершине горы, находившейся в трех километрах северо-западнее Русского перевала.

Я оказался в центре небольшой поляны, где меня вскоре отыскивали два пехотинца с лошадью на поводу. Самолет мы нашли в ста метрах от места моего приземления. Он лежал между сломанными деревьями на краю обрыва. Передняя его кабина была сплюснута оторвавшейся приборной доской, фонарь задней кабины был открыт. В ней, уронив голову на грудь, сидел стрелок Карп Краснопеев. Он был мертв. Пехотинцы вытащили его из кабины, положили на лошадь, и мы спустились вниз, к дороге, по которой нескончаемой вереницей шли машины.

Здесь на закате дня, незадолго до наступления горных сумерек, мы и похоронили моего товарища по оружию Карпа Краснопеева, с которым я прилетел из Добрынихи на фронт, сделал более пятидесяти боевых вылетов. И вот его не стало. Трехкратный боевой салют — эта последняя воинская почесть — резанул воздух, и эхо, подхватив его, разнесло далеко по окрестностям.

Мое душевное состояние было тяжелейшим. День, начавшийся так хорошо, закончился трагически. Погиб Краснопеев, погибли летчик Блудов и воздушный стрелок Попов — их самолет после столкновения сначала перевернулся на спину, а потом вошел в отвесное пикирование, упал на землю и сгорел.

После похорон Краснопеева меня отвезли на машине в деревню, где находился наш авиационный пункт управления. Там я переночевал, а на другой день на «виллисе» был переправлен в штаб воздушной армии, оттуда — на базовый аэродром в Перемышль, с которого мы тогда летали на боевые задания.

В газете «Сталинский воин», являвшейся тогда органом политотдела 8-й воздушной армии, в номере от 27 октября 1944 года был опубликован небольшой очерк капитана Н. Смирнова «Летчики помогли взять в плен немецкий штаб». Приведу его здесь полностью.

«Четверка (фактически шестерка) «ильюшиных» отштурмовалась, сделав восемь заходов на цель. Внизу была видна разбитая, исковерканная техника гитлеровцев. Ведущий старший лейтенант Романов, удовлетворенный результатами удара, запросил у станции наведения разрешения закончить работу. Так он делал всегда и всегда слышал неизменные слова: «Работали отлично, идите домой». Но сейчас вместо этого офицер-наводчик попросил: "Сделайте еще два захода, пехота пошла в атаку".

По команде ведущего летчики развернулись и снова пошли на цель. Спустившись до бреющего, они проносились над головами немцев. Воздух содрогался от страшного гула моторов, и перепуганные, оступевшие немцы не понимали, что их атакуют летчики, у которых больше нет боеприпасов. Они старались залезть глубже в землю, не видя того, что делают штурмовики. Никто из фашистов не стрелял.

Советские пехотинцы ворвались в расположение штаба немецкого батальона. Бежать было поздно, и фашистские офицеры сдались в плен.

Во время третьего захода штурмовиков рация наведения передала:

— Молодцы, «ильюшины»! Пехота с вашей помощью заняла высоту и захватила в плен штаб немецкого пехотного батальона.

Через несколько минут от наземников пришла телеграмма, высоко оценивающая помощь летчиков.

С тех пор при появлении штурмовиков пехотинцы Н-ского стрелкового соединения, сражающегося в Карпатах, говорят: «Вот они взяли в плен штаб немецкого батальона».

23 ноября 1944 года, после некоторого затишья, началось новое наступление советских войск в Закарпатье. Наш полк работал тогда очень интенсивно. Мне пришлось в качестве ведущего групп из 5-6 самолетов сделать три боевых вылета в район Михайловце. Полеты эти выполнялись на полный радиус действия самолетов Ил-2, причем весь полет туда и обратно проходил над Карпатскими горами. На пути не было никаких аэродромов

и летных площадок, на которые можно было бы сесть в экстренном случае.

Утром во время первого боевого вылета погода в горах и над целью была хорошая. Небольшая облачность не мешала выполнению задания, скорее наоборот, помогала нам скрываться от истребителей противника и обеспечивала внезапность появления над полем боя. Второй боевой вылет мы совершили уже днем, в более сложных метеоусловиях. Облачность сгустилась, однако была еще достаточно высоко над горами, и наша группа могла нормально выполнять боевое задание.

А вот третий боевой вылет в этот день проходил в очень сложных погодных условиях. Сразу же после города Борислава, исходного пункта нашего маршрута, началась сплошная, постепенно повышающаяся облачность. Горы оказались закрыты. В сложившейся ситуации наша пятерка имела право вернуться на аэродром, но желание помочь наземным войскам было настолько велико, что мы решили продолжать свой полет над облаками вне видимости земли в надежде на то, что в Закарпатье, над целью, погода может быть удовлетворительной.

Самолет Ил-2 к таким полетам не был приспособлен. Его оборудование позволяло выполнять полеты методом визуальной ориентировки, причем только в дневное время. И в данном случае мы сильно рисковали — ориентировку вели по компасу и по времени. Облачность, постепенно повышаясь, подняла нашу пятерку штурмовиков на высоту около четырех тысяч метров.

Мы находились в полете уже более тридцати минут, а земли все еще не было видно. Я начал волноваться. Но, подумав, принял решение: пройти еще гарантийных десять минут и бомбить противника из-за облаков по расчету времени. Через семь — восемь минут наконец-то повезло: слева от меня появился узкий просвет в облаках. Не мудрствуя лукаво, бросил свой «ил» в пикирование, чтобы проскочить через этот просвет к земле. За мной повторили этот маневр все летчики пятерки, и через несколько секунд наша группа была уже под нижней кромкой облаков на высоте примерно 1200 метров над землей.

Быстро восстанавливаю ориентировку. Оказывается, мы вывалились из-за облаков в 10 километрах западнее города Михайловце. Идем на заданную цель с восточным курсом и с ходу наносим по ней бомбоштурмовой удар. А внизу... внизу все затоплено водой, и только белые хаты, словно крохотные остров-

ки, да шоссейные и железные дороги узкими ленточками выступают из ее зеркальной глади. Это после обильных осенних дождей разлились многочисленные реки, берущие начало на южных склонах Карпатских гор.

Спикировав из-за мощных слоистых облаков в Венгерскую низину и выполнив боевое задание, мы повернули на обратный курс. И здесь перед нами встал вопрос: как же мы пройдем через Главный Карпатский хребет, закрытый облачностью?

Да, выполнив свой долг перед пехотой, мы оказались в крайне затруднительном положении. Пробиваться обратно, за облака, трудно, да и горючего не хватит. Летим... Справа от нас Ужгород, Мукачево, Берегово, слева — Карпатские горы. Тянуть больше нельзя, и я принимаю решение: попытаться пробиться через Ужокский или Верецкий перевалы, а если не удастся, то вернуться обратно в Закарпатскую долину и сесть на аэродроме, где базировался в это время 996-й штурмовой авиационный полк нашей дивизии.

Летим... Вершины гор угрюмо и угрожающе торчат рядом, упираясь своими обнаженными головами прямо в облака. Наши самолеты проходят ниже этих вершин, используя горные долины и ущелья. Вот под нами долина горной реки Уж, затем — Лютны, справа видна гора Полонина Ровна, высота которой около полутора тысяч метров. Вершина ее скрыта в облаках. У меня сначала было намерение пройти над Ужокским перевалом, но он оказался закрытым сплошной облачностью. Поэтому решил идти правее, в сторону Верецкого перевала, где метеоусловия были несколько лучше. Прижимаясь к земле, почти на бреющем, миновали главный хребет и через несколько минут выбрались на равнину. Все, мы дома! Зашли на посадку и благополучно сели. В конце пробега у самолетов остановились винты — кончился бензин. Нам здорово повезло.

26 декабря полк перебазировался с аэродрома Стрый на аэродром Заршин, находившийся в 12 километрах западнее города Санок. К этому времени операция по преодолению Восточных Карпат и освобождению Закарпатской Украины завершилась. В результате ее успешного проведения расчеты немецко-фашистского командования на задержку советских войск на Карпатском рубеже полностью провалились.

Дальше были бои с врагом на территории Польши и Чехословакии. 7 апреля 1945 года за 110 успешных боевых вылетов я

был представлен к званию Героя Советского Союза. До конца войны я сделал 129 боевых вылетов. Начав участие в войне старшим летчиком в звании лейтенанта, я закончил войну в должности командира авиаэскадрильи в звании капитана. Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I ст., 12 медалями, в том числе за храбрость чехословацким правительством.

**Рыбальченко
Алексей
Федорович**

ВОСПОМИНАНИЯ ИНВАЛИДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В боях на Курской дуге летом 1943 года я был командиром дивизиона в 18-й минометной бригаде орденов Суворова и Кутузова. За успешные бои я был награжден:

— орденом Отечественной войны II степени (№ 37123, номер орденой книжки — А №209545. Подпись на орденой книжке секретаря Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1946 г. А. Горкина. Орден вручен командиром бригады полковником Репьевым Иннокентием Николаевичем на боевых порядках дивизиона. Награжден за своевременное выполнение дивизионом боевых приказов по уничтожению огневых позиций противника);

— орденом Отечественной войны I степени (№1389430, номер орденой книжки А №522668, награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. «За храбрость, стойкость, мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.).

На фронтах Великой Отечественной войны погибли два моих старших брата: Стефан Федорович рождения 1902 г., он был пулеметчиком, погиб при форсировании р. Кальмиус на Южном фронте летом 1942 г. Так как искать в реке тела погибших во время боя было некому, то брат Стефан считается без вести пропавшим. Сводный брат Беспалов Федор Михайлович, 1913 г. рождения, погиб на территории Польши в 1944 г. Он служил в кавалерии и был ранен в бок и захвачен в плен фашистами. В Польше пленные работали в угольных шахтах, кормили их очень плохо, а раненые не всегда могли подниматься из шахт от изнеможения, поэтому их даже не кормили. И брат Федя написал письмо домой, когда город угольщиков на юге Польши, Катовице, был освобожден Советской Армией от фашистов. В письме он говорит: «Нас подняли из шахт, но многие страшно истощены, так как, обессилив, они не могли подниматься на поверхность. На них уже не выдавались продукты, а кто приносил крохи из нищенского пайка военнопленного в фашистском рейхе, тому грозила смертельная казнь. Мы истощены до последней степени. Даже теплая забота и лечение в наших армейских госпиталях теперь не могут помочь выздороветь».

Вскоре пришло извещение, что брат Федя умер и похоронен в братской могиле в г. Катовице. Но не известно, сохранилось ли это братское кладбище, так как в Польше многие советские памятники и кладбища были уничтожены польскими фашистами.

В живых после войны остались брат Павел Федорович 1908 г. рождения, умер в 1989 г. Он служил в 5-м гвардейском Донском Будапештском Краснознаменном кавкорпусе, звание капитан, начальник химслужбы полка. Брат Максим 1911 г. рождения после службы в погранвойсках на Дальнем Востоке до войны, потом работал всю войну на Московской железной дороге. Брат Григорий, 1913 г. рождения, на фронте воевал в минометном полку, звание младший командир, умер в 1993 г.

Я, Алексей Федорович Рыбальченко, родился 30 марта 1918 г. В 1939 г. окончил Первое московское артиллерийское училище имени Красина, поступил я в него в 1937 г., когда оно находилось в Краснодаре, а в 1938 г. было переведено в Москву. После окончания училища в 1939 г. мне приказом наркома обороны Климента Ефремовича Ворошилова было присвоено воинское звание лейтенант, и я был направлен служить в Сибирский военный округ, г. Татарск. Вскоре наш полк был переведен в Среднеазиатский военный округ, г. Чирчик.

На фронт воинские части из Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии стали перебрасывать в 1942 г. и я на фронт попал только в мае 1942 г. в составе 15-й артдивизии прорыва РГК (Резерва Главного Командования). С мая 1942 г. по июль 1944 г. я воевал на Западном, Калининском, Северо-западном, 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах и на Ленинградском фронте, где под Выборгом в июле 1944 г. был тяжело ранен разрывной пулей в левую ступню и перенес 6 операций, а на Курской дуге был тяжело контужен в голову и, уже будучи инвалидом ВОВ, я перенес воспаление мозга и вынужден был оставить учебу на 4-м курсе исторического факультета МГУ им. Ломоносова. После выздоровления я поступил работать в Издательство иностранной литературы в Москве (позже издательство «Мир») в качестве корректора, так как другой специальности у меня не было, а корректором я работал уже в 1936 г. в газете «За коммунистический труд» — газета Мартыновского района Ростовской области — это в родном селе. В издательстве «Мир» мне присвоили звание «ревизионного корректора» и только в 1991 г. ушел на пенсию. Во время гражданской войны в Ростовской области шли жестокие бои между красными партизанами и белогвардейцами. В нашем селе Большая Мартыновка и в других селах области — Большая Орловка, Малая Орловка, Несмеяновка — были созданы крупные партизанские отряды, но белогвардейцы, имея более вооруженные и крупные части казачества, окружили наше село и партизаны в течение 36 суток вели бои в окружении. Но вскоре на выручку им пришел кавполк С.М. Буденного, который освободил село, и Большеорловский отряд соединился с Мартыновским и его возглавил Ковалев Илья Семенович — полковник, а Ситников Савелий Алексеевич стал его замом, комиссаром отряда стал Зыгин А.И. После освобождения мартыновских партизан из окружения белогвардейцами на Центральной площади Большой Мартыновки состоялся митинг (3-4/8 1919), на котором К.В. Ворошилов назвал борьбу партизан села «Подвигом Мартыновского отряда». Я поэтому назвал свою рукопись о борьбе красных партизан Мартыновского района тоже «Подвиг Мартыновского отряда», но издать свою рукопись я так и не смог, несмотря на пожелание секретаря КПСС Мартыновского района и профессора, пожелавшего написать предисловие к рукописи, так как в области и районе пришли к власти сторонники казачества и о партизанах они не желали слышать ничего. Не

стали печатать и другую рукопись «Краснопартизанское движение в Сальских степях весной и летом 1918 года», подготовленную С.И. Поповым. Приволжское книжное издательство тоже, несмотря на просьбу секретаря Мартыновского РК КПСС Ивана Васильевича Медведева издать нашу рукопись в количестве 15 тыс. экземпляров, не выполнило заказа, как и Ростовское издательство на просьбу И.В. Медведева издать «Подвиг Мартыновского отряда» в 22 тыс. экземпляров ничего не сделало.

Хочется вспомнить один эпизод. Летом 1944 г. в воинских частях на фронте проводился добровольный сбор средств на укрепление РККА. В моем дивизионе я собрал 26869 р. и выслал их в Москву — адрес не помню. Но вскоре в конверте на мое имя пришла телеграмма «лично»

В ней говорилось:

«Передайте личному составу подразделения, собравшему 26 869 рублей на строительство минометов, мой боевой привет и благодарность Красной Армии. Желание личного состава будет исполнено. — И. Сталин».

Вскоре мы получили автотранспорт — грузовые машины, на которых могли быстро перевозить боевую технику, боеприпасы и боевые расчеты в нужном направлении. Лошадей, которые до этого служили нашим транспортом, мы отправили в тыловые части. Так повысилась наша боеспособность и надежда на победу.

Майор запаса. Рыбальченко Алексей Федорович, инвалид Великой Отечественной войны.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Сизоненко Дмитрий Михайлович**, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета.

**Сафонова
Анна
Григорьевна**

НА САНИТАРНОЙ СЛУЖБЕ

Я родилась в деревне Лапино Калужской области в крестьянской семье. До войны я училась в Передельской ШКМ, а в 1939 году закончила Ивантеевский трикотажный техникум. Потом работала мастером-наладчиком трикотажных машин, ответственной по Бюро Рационализации и Изобретательству (БРИЗ) и по совместительству работала секретарем комсомольской организации на Загорской трикотажной фабрике. Там же окончила курсы медсестер, где учились сорок работниц-комсомолок.

О начале войны узнала 22 июня. В тот день проводился комсомольско-молодежный кросс города Загорска. По окончании кросса собрались секретари первичных комсомольских организаций в райкоме комсомола, где был подведен результат соревнований. Позже в райкоме комсомола сформировали партизанский отряд из секретарей первичных комсомольских организаций, на случай, если Загорск будет занят немцами. Выдавали форму и проводили занятия.

Когда мы вернулись на фабрику, увидели большую карту, а главный инженер Казарновский рассказывал о начале войны.

По распоряжению районвоенкомата медсестры, окончившие курсы, сопровождали рабочих Загорска, призванных на военную службу до Павлова Посада, где военкомы отбирали прибывших рабочих по воинским специальностям.

Остальные военнообязанные и медсестры были направлены в Орехово-Зуево, Горький, Арзамас. Так как санитарный поезд был сформирован и уже ушел на фронт, нас вернули до особого распоряжения. 6 февраля я явилась в военкомат с просьбой отправить меня на фронт и получила назначение в ГЛР № 1000 (госпиталь легко раненых), сформированный в Тамбове на второй день после начала войны. Начальником госпиталя был Комаров. Не могу не перечислить персонал, с которым я проходила свой военный путь. Вместе со мной в госпитале работали: Зарицкий, Платонова (учила меня правильно подавать инструменты во время операций), Лебедев, Сергиенко, Коренева, Парфенова, Федотов, Юдина, Ежкова, Иванова, Кононова, Козаков, Бабенко, Щербакова, Авилова, Фиалова, Головлева, Самойлова, Рассадина, Майорова, Наржинская, Красечкова, Кастраметинова, Лазарева, Селещев, Акулов, Андреев, Творогова, Ульянова Пелагея, Сафонова Екатерина, Зверев, Сухоплюев, Ревуненко, Филипова, Прохоренко, Нижникова, Лизунова, Свистунов, Свинокракова, Бушкевич, Шотаева, Шорохова, Егорова, Сарафанникова, Павловский, Фрид, Прошина, Крайнова, Биридзе, Тиханов, Апинг, Рыбалко, Ульянова Галина, Коровин, Бартеньева, Небоженко (начальник штаба), Шокарев, Фессалоницкий, Фрактман, Фиалова, Юшин (комиссар госпиталя). Через некоторое время госпиталь был направлен в распоряжение 11-й (16-й) армии под командованием Баграмяна на Западный фронт.

В Немерзках под Сухиничами мы долечивали больных с газовой гангреной.

В Козельском районе Брянской области в деревне Клюксы, где расположился госпиталь, мы принимали раненых в разгар Орловско-Курской операции. Я работала в первом хирургическом отделении и во время операций стояла у стерильного стола, а также работала палатной медсестрой. В ходе Курско-Орловской операции госпиталь был передан 4-й танковой армии под командованием Лелюшенко. Запомнился случай с Вале

Филипповой. Во время несения охраны объекта ее раненый встал и пошел на нее. Она сказала: «Стой, кто идет?!». После двух предупреждений она выстрелила и убила его. Потом у этого человека нашли капсулы с ядом для отравления водоемов. Этот человек оказался немецким агентом.

В Карачеве работники госпиталя долечивали раненых и лечили больных военных от сыпного и брюшного тифа, т.к. местность была заражена немцами.

Неизгладимое впечатление оставил случай в Дарнице. Мы увидели эшелон после бомбежки с людьми и лошадьми. Мы проехали благополучно, а после нас немцы разбомбили еще один эшелон.

4-я танковая армия передислоцировалась на Украину, где шли бои. В Шепетовке, большом железнодорожном узле, от сильной бомбежки было много раненых из Польши и Венгрии, которые с нами воевали против немцев, мы занимали здание дома пионеров. На следующий день после отъезда в Хворостков было прямое попадание бомбы в этот дом.

Был такой эпизод на Западной Украине в городе Чертков. Строевой командир Котов обучал раненых владению гранатой, которая взорвалась у него в руках.

Далее боевой путь проходил через Тернополь, Ниско, Воля Мальковская, Петракув, Самботель, Никичи.

В Германии в Альтейхенау во время моего обхода я обнаружила у раненого признаки столбняка и немедленно вызвала ординатора. Его срочно перевезли в изолятор, и больного удалось спасти.

9 мая 1945 года начальник отделения, ведущий хирург госпиталя Сулейманов объявил об окончании войны. Я поделилась новостью со своими ранеными. Тогда же, спасая раненого от кишечного кровотечения мы, медсестры, неоднократно сдавали кровь и спасли воина.

Демобилизовалась я в августе 1945г.

Когда ехали домой, перед эшелоном сняли три мины. На Родину возвращалась через Украину. В августе 1945-го я приехала домой.

Во время войны я была награждена следующими наградами: Значок отличника санитарной службы,

Медаль «За боевые заслуги», полученная за участие во Львовско-Сандомирской операции,

Медаль «За освобождение Праги».

Во время войны у меня погибли: дядя Головлев Алексей Егорович, Малолетнев Федор Иванович.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Анашкин Александр Юрьевич**, студент 3-го курса факультета военного обучения Московского авиационного института (Технического университета).

**Сволоков
Анатолий
Иванович**

БЫЛИ ТРИЖДЫ В ОКРУЖЕНИИ

Мой отец был курсантом кремлевской школы ВЦИК, и прошел почти все войны. Он воевал и в первую германскую войну, участвовал в революции, воевал в Польше, в финской и Отечественной войнах. Был не раз ранен в бою, а также был несколько раз отравлен газами.

Моя мать была простой женщиной, занималась хозяйством. Во время беременности она жила в небольшой деревушке, в которой 12 сентября 1920 г. я и родился. Впоследствии мы переехали в Москву на Арбат, где и прожили всю жизнь.

После окончания 9 классов школы я ушел работать слесарем к своему дяде, который был автомобильным механиком и имел маленький гараж возле своего дома.

В 1939 году в возрасте 19 лет меня призвали в армию. По результатам медкомиссии меня направили во флот. Но я не хотел мириться с этим, т.к. с детства занимался машинами и хотел попасть в войска, связанные с машинами, и обратился за помо-

щью к отцу. Отец в это время работал в одном из отделов приемной Ворошилова. При помощи отца я и попал в автомобильные войска.

После призыва меня направили в Наро-Фоминск в автомобильное училище. Но там я проучился недолго, намечалась война с Финляндией, и из училища набирали хороших учеников для направления на войну, в число этих учеников мне удалось попасть. Мы прошли ускоренный курс и сразу после этого начали сдавать экзамены. После чего мне присвоили звание старшины, в котором я и отвоевал три войны.

Я прибыл в часть незадолго до того, как началась Финская война. В ней я потерял две машины, но сам прошел войну без последствий для здоровья. После войны опять возвратился в училище.

В одно из увольнений, утром, когда мы с семьей завтракали, пришло сообщение о начале войны с Германией. Попал я в 3-ю гвардейскую танковую армию, с которой я прошел Украину, Польшу, брал Берлин, освобождал Прагу.

Воевал я в Резерве главного командования в ЗГТА, в которую меня призвали 12 мая 1939 г., под подчинением Рыбалко П.С. В ней я был механиком. Мы исполняли роль штрафников, т.е. если где происходила неувязка, то нас посылали туда. Наш полк числился как дивизия, у нас был свой батальон пехоты, свои разведчики, свои ремонтники, свои саперы, 120 колесных машин, ГСМ, боеприпасы, ремонтные, в общем, было все свое и ни от кого мы не зависели.

Мне доводилось быть в окружении. Происходило это в Брянских лесах, под Тулой. Весь танковый эшелон № 46, в котором я находился, был полностью разбит, не осталось ни одного целого танка, погибло много людей. Мне повезло, и я волею судьбы выжил. Я и мои товарищи были трижды в окружении. Из окружения мы выходили с июля по октябрь. Условия были ужасными: страшный холод, разваливались сапоги и гимнастерка, но мы продолжали идти. Начинали выходить из окружения 12 человек, а пришли всего трое. И наконец мы вышли к своей части. Открылась калитка, и изумленный комиссар вскрикнул: «Старшина, ты жив!». Нас привели в нормальное состояние, вызвали врача. Через неделю я оклемался и встал на ноги.

Химки

5 декабря, когда наш взвод стоял возле Химок, поднялась тревога и мы передвинулись на исходную за Химками. Я в то время был механиком командира полка. В ту зиму был сильный мороз — около 40. Полтора часа мы ждали красную ракету для начала наступления. На каждой машине было по 15—18 человек пехоты. И вот ракета! Началось наступление. Ворвались в первую деревню, часть десантников спрыгнула. Наступление продолжалось, взяли вторую деревню. И только ворвались в третью, прошли примерно 50—100 метров, и мой танк подбили. Очнулся я контуженным. Вокруг была ужасная картина: радист в танке был убит осколком в голову, у танка не было башни, вокруг танка лежали разорванные тела, страшный холод. Я чудом выбрался и три месяца провалялся контуженным, ничего не слыша и не говоря.

Взятие Львова

Стояли мы выстроенные по линии фронта, ждали сигнала к наступлению. Час артиллерия бомбила передний фланг немцев. Поступил приказ к наступлению. Наступали по фронту шириной в 3 километра, а дальше была лощина протяженностью тоже 3 километра. Немцы заманили нас в нее, ударили со всех сторон и разбили почти всех. Атака продолжалась 10 дней, и наконец поступил приказ отступить. А отступить не легче, вокруг все горит, ничего не понятно. И орудия бросать нельзя, их вывозили на руках. Здесь мне тоже повезло выбраться живым.

За всю войну я получил: 5 ранений, 2 контузии, 2 раза горел, 2 раза тонул.

Боевой путь: Финская, Москва, Киев, Житомир, Украина, Польша, Львов.

Награды:

На знамени части три ордена: Житомирский, Львовский, Ченстоховский.

Два красных знамени: Суворова 2 степени, Невского.

9 наград отобрали за непочтение к старшим. Случилось это на выполнении задания. Когда задание было выполнено, мы отступили, чтобы сохранить технику. Майор подумал, что мы убегаем, и набросился на меня. Ну я его и ударил пистолетом. Был трибунал, на котором и сняли награды. Но потом меня оправдали.

С войны я пришел в 1948-м. После войны работал в метро на ртутных выпрямителях.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Стекольников Сергей Владимирович**, студент 3-го курса Московского авиационного института.

**Семенов
Виктор
Николаевич**

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Родился 31 декабря 1922 года в деревне Передельцы Красно-Пахорского района Московской области. Русский, православного вероисповедания, член КПСС с 1943 года.

В 1937 году окончил неполную среднюю школу — 7 классов. В 1940 году окончил ФЗУ завода 213 г. Москва. В 1968 году окончил Криворожское авиаучилище спецслужб Гражданской авиации, по специальности эксплуатация авиаприборов и электрооборудование самолетов, присвоена квалификация — техник-электрик.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года в деревне Передельцы, был выходной день.

Начал участвовать в боевых действиях:

6 ноября 1941 года принял присягу в 31-м запасном арtpолку в должности курсанта. Март 1942-го — эвакогоспиталь (эпидемия тифа).

Июнь 1942 года — станция Санково, Калининская область. Формирование 25-й гвардейской стрелковой дивизии. 53-й гвар-

дейский арtpолк 1-й дивизион, третья батарея, наводчик орудия 122-мм гаубицы.

11 июля 1942 года выехали на фронт на железнодорожной станции Давыдовка, выгрузились из эшелона и походным маршем направились в район боевых действий в излучину Дона селений Селявное — Урыв — Кротоляк, где батарея приняла участие в боевой операции.

8 января 1943 года был зачитан приказ о наступлении. Дивизия прорвала оборону противника и пошла вперед, освобождая села и города: село Солдатское, село Шаталовка, город Старый Оскол, село Скородное, село Алексеевка, город Белгород (февраль 1943), село Казачья Лопань, Чугуев (конец февраля), село Белый Колодец, город Волчанск.

В начале марта в районе Белгород — Харьков немцы приняли контрнаступление, сложилось очень тяжелая обстановка, пришлось с боями отходить. С самолета У-2 был выброшен вымпел, в котором сообщалось отходить через реку Северный Донец в район Волчанска, куда батарея переправилась через Северный Донец и попала в расположение 15-й гвардейской стрелковой дивизии, где была зачислена в 43-й арtpолк 15-й гвардейской стрелковой дивизии. При этом мне было присвоено звание сержанта на должности командира орудия.

5 июля 1943 года началось Курское сражение, где батарея в составе 43-го арtpолка 15-й гвардейской стрелковой дивизии приняла участия в сражении. По тревоге маршем выступили из района Волчанска в район Ржавец — Беленихино.

Военные боевые действия закончил 10 июля в бою на окраине деревни Осинки — получил тяжелое ранение обоих бедер ног с поражением правого седалищного нерва.

Возвращался с войны из госпиталя по месту жительства.

Демобилизовался из госпиталя 5 февраля 1944 года.

Особенно запомнившиеся эпизоды войны.

После взятия г. Белгорода 25-я стрелковая дивизия с боями продвигалась на Харьков. Батарея получила задание — огнем поддерживать пехоту. У одного из хуторов пехота залегла под огнем немецкого опорного пункта, а с правого фланга из насе-

ленного пункта, находящегося на расстояние 1 км, ударили немецкие минометы. Батарея по команде к бою развернула орудие второго взвода и прямой наводкой открыла огонь по батарее минометов, а орудия первого взвода ударили по опорному пункту немцев. Подавив огневые точки немцев, пехота поднялась и пошла в атаку с криком «ура!». Опорный пункт, прикрывавший отход немецкой группировки, был уничтожен.

В этом бою мы потеряли командира второго взвода — гвардии лейтенанта Рублева и двух бойцов из четвертого орудия.

9 июля 1943 года батарея 122-мм пушек гаубиц заняла позиции в районе деревни Осинки на танкоопасном направлении. По соседству занимали позиции другие батареи 76-мм пушки. Рыли укрытия, маскировали огневые точки, ночь прошла в ожидании предстоящей битвы. Наступило утро, взошло солнце, загудело, загрохотало, гул самолетов, гул орудий, ружейно-пулеметный треск. На горизонте огромного ровного поля показались немецкие танки — «тигры» и самоходные орудийные «фердинанды», приближаясь к нашим позициям не открывая огня, около 60 единиц этой лавины. Когда оставалось до позиции батарей 800 метров, прозвучала команда: «Огонь!» Когда загорелись первые немецкие танки, немцы открыли огонь из своих танков и самоходных орудий. Горели танки, гибли орудия и его прислуга. Из своего третьего орудия я вел огонь по танкам, и вдруг меня отбросило, хотел вскочить, но тут же упал. Слышал позади батареи залпы наших гвардейских минометов — «катюш», после чего потерял сознание. Очнулся от запаха нашатырного спирта, санитарка уже перевязывала мне бедра ног, и эвакуировала нас, раненых, с поля боя.

За этот бой я был представлен к ордену Отечественной войны II степени.

Награжден:

— Орденом Отечественной войны II степени №943311. Указом Президиума Верховного совета СССР от 12 июля 1968 года, секретарь Президиума Верховного совета СССР Георгадзе. 26 июля 1968 года орденская книжка № Ж 224532.

— Орденом Отечественной войны I степени №508364. Указом Президиума Верховного совета СССР от 11 марта 1985 года секретарь Президиума Верховного совета СССР.

— Юбилейными медалями и знаками — 16.

Освобождал:

Село Солдатское, село Шаталовка, город Старый Оскол, село Скородное, село Алексеевка, город Белгород (февраль 1943), село Казачья Лопань, Чугуев (конец февраля), село Белый Колодец, город Волчанск.

Ранения:

Получил тяжелое ранение обоих бедер ног с поражением правого седалищного нерва.

Лечение:

Ряд полевых, армейских эвакогоспиталей, затем санпоездом прибыл в Уфа-Юматово — госпиталь, где перенес сложную операцию по сшиванию седалищного нерва в ноябре 1943 года. С 8 января 1944 г. в ЭГ №5913, из которого выписался 5 февраля 1944 года. Всего пролежал в госпитале 6 месяцев 25 дней.

В войне погибли родственники:

брат отца Семенов Василий Петрович (сведений нет) и Семенов Петр Петрович (сведений не имею). Двоюродные братья по матери — Белов Константин Александрович водитель, погиб под Смоленском, Белов Николай Александрович рядовой-пулеметчик, погиб под Смоленском и Белов Александр Александрович моряк старшина II статьи на Балтике.

Остались живы родственники:

старшая сестра Дризо Клавдия Николаевна (1920) — старшина связист, орден Отечественной войны II степени, медали за боевые заслуги, юбилейные медали; младший брат Семенов Константин Николаевич (1924) — Отечественной войны II степени, юбилейные медали.

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений ветеран не имеет.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Богатырев Владимир Николаевич**, студент 3-го курса Московского авиационного института.

**Семенов
Виктор
Семенович**

ЗАДЕРЖАТЬ ПРОТИВНИКА ХОТЯ БЫ НА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ

Родился 4 апреля 1916 года в Москве. Русский. Православный. Член партии.

Учился в школе №57 (в настоящее время — французский колледж), в 1932 году окончил восемь классов и ушел из школы. Высшее образование получил уже только после войны.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года, будучи работником военного завода №32. Вскоре завод эвакуировали в г. Киров. Это и спасло его от вероятной гибели. До этих событий в 1937—1940 годах служил в армии, после демобилизации и попал на военный завод.

Начинал участвовать в боевых действиях добровольцем. Прибыл в пункт формирования соединения (под Калинином) в мае 1942 года. Начинал в звании старшины батальона 65-й танковой бригады, 11-го танкового корпуса (командир корпуса — генерал-майор Шевченко).

Боевой путь: город Орел (42 год, форсировали реку Висла, перейдя большой остров на реке). Зееловские высоты (1945г).

Демобилизовался: лагерь Бухенвальд (май 1946 года). Город Москва (июнь 1946 год). После демобилизации устроился работать в отдел кадров Министерства жилищно-коммунального хозяйства рядовым инструктором (впоследствии был депутатом райсовета, а затем и депутатом Моссовета).

Награжден медалями:

— медаль «За освобождение Варшавы». А №303268. 22 мая 1946 года. Командир 65 танковой бригады, подполковник Соколов. За участие в героическом штурме и освобождении Варшавы;

— медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Щ №165232. 24 мая 1946 года. Командир 65 танковой бригады, подполковник Соколов. За участие в Великой Отечественной войне.

— медаль «За взятие Берлина». А №161838. 4 ноября 1945 года. Командир 65-й танковой бригады Волков. Красноармейского ордена Суворова и Кутузова полка Полковник Тортюев;

— медаль Жукова. Г №0710126. 19 февраля 1996.

Калининский фронт, 1942 год

Когда нас бросили туда по приказу Сталина, мы с боями перекрыли шоссе между городами Белый и Вязьма, возле деревни Владимировка. Во время этих боев командир батальона погиб, разорванный прямым попаданием вражеского снаряда — он высунулся из люка башни своего танка. Имени его я не помню.

Нашей задачей, как нам тогда сообщили, было не дать немцам прорваться на данном направлении. Теперь-то я знаю, что на самом деле нашей задачей было задержать войска противника хотя бы на несколько дней, не давая перебросить их под Сталинград. И даже если бы мы все погибли, то свою задачу выполнили бы.

Но тогда мы не знали об этом и рвались в бой. Когда шло сражение непосредственно за деревню Владимировка, я в одном из сараев убил эсэсовца. Когда я стал обшаривать его в надежде найти трофеи, в дальнем углу зашевелился еще один эсэсовец, которого я не заметил. Он уже поднял одной рукой свой автомат, как в сарай заскочил кто-то из наших советских солдат и застрелил этого немца. Убитый мною эсэсовец, видимо, был каким-то бароном, потому что, обшарив его труп, я нашел красивый кинжал. К, сожалению, я его через своего внука потерял.

Был приказ — не ввязываться в бой

Еще один памятный эпизод был в 1944 году, когда мы уже пересекли границу с Польшей. На реке Висла есть такое местечко, где образуется своеобразный треугольник из городов Краков-Луков, Седлец и Гжель, что стоит на берегу Вислы. Так вот, недалеко оттуда на середине реки есть большой остров. Через него мы и форсировали Вислу.

Переправились на другой берег, отошли метров на 800 и окопались. А дальше мы не пошли. Потому что от Сталина был приказ не ввязываться в бои. Как раз в это время англичанам удалось поднять поляков на бунт против фашистов. А Сталину, понятное дело, это было не нужно. Зачем ему в Польше англичане? Пусть между собой сами разбираются. И мы сидели. Ослушаться приказа не могли. Сталин для нас был как бог. Сказал бы на небеса пойти, и мы пошли бы.

Пока мы там сидели, приключилось несколько случаев. Мы поймали женщин, которые перебежали к немцам. Они были женами советских офицеров. Ну и еще как-то приземлился фашистский «мессер». Я и еще четверо моих товарищей вытащили пилота из кабины и на расстрел отправили.

Освенцим

Был еще такой случай. Когда мы были в Польше, то захватили концлагерь в местечке Освенцим. Что там творилось! У меня даже был понос от расстройств. Бежал в соседний лес со всех ног. Какие гадости там с людьми только не делали. Рассказывать я, конечно, не буду. Не дай бог кому такое повидать.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Ижбараев Антон Сергеевич**, студент 3-го курса Московского авиационного института.

**Сенюрин
Борис
Архипович**

ПЯТЬ СУТОК БЕЗ СНА И ОТДЫХА

Я — москвич, 1923 года рождения. Наша жизнь проходила бескончаемым бегом.

В 1941 году я окончил среднюю школу № 593. В марте 1939 года был принят в комсомол.

О начале Отечественной войны узнали на следующий день после окончания школы.

Призыв РК ВЛКСМ (Краснопресненский район г. Москвы) 29 июня 1941 года к комсомольцам с просьбой поехать строить оборонительные рубежи. Мы, добровольцы, получили короткое предписание — явиться на сборный пункт, имея при себе ложку, кружку, сменное белье, трехдневный запас продуктов, теплую одежду. Московские комсомольцы ехали строить оборонительные укрепления на территории Орловской и Смоленской областей.

Вот и станция Снопоть. Здесь, на реке Десне, по всему берегу нужно было построить укрытия в три, а то и в четыре наката,

вырыть окопы, блиндажи, поставить на пути врага доты, дзоты и надолбы.

Норма земляных работ на каждого — четыре кубометра в день. А ведь многие до этого никогда не держали в руках лопату. Но норму выполнять надо.

Фронт приближался. Решили работать, если потребуется, круглыми сутками. Оборонительные сооружения на всей трассе были закончены на пять дней раньше срока.

Однодневный отдых... И командование дает новое задание. На этот раз — рыть еще одну линию окопов, строить дзоты за противотанковым рвом.

На трассу прибывали воинские части, по дорогам двигались тяжелые противотанковые орудия. Несколько раз над трассой появлялись неприятельские самолеты, сбрасывали бомбы, но работа не прекращалась.

Враг наступал. Возникла опасность окружения. Пришел приказ о выводе молодежи. Выход оставался один — перейти на станцию Сухиничи (шли один день и одну ночь), а дальше переправиться в Москву.

Москва изменилась. Но не потому, что сильно пострадала от непрерывных ночных бомбардировок. Другими стали мы сами. Уходили на оборонительные работы еще переполненные романтическими представлениями о войне.

Верилось, что первые поражения временные, что сегодня-завтра развернется богатырская армия, которая погонит врага без оглядки и будет добивать его «малой кровью, могучим ударом на чужой территории». Все мы были воспитаны на героической романтике гражданской войны. В одной из популярных довоенных песен «Если завтра война» утверждалось, что «помчатся лихие тачанки»... В это искренне верили все. Лишь в одном, но зато главном, не ошиблись авторы песни, сказав, что «как один человек, весь советский народ, за свободную Родину встанет!».

Все рвались на фронт — как угодно, лишь бы винтовку в руки!

Сейчас уже не помню отъезд на строительные работы, но на всю жизнь осталось ощущение значимости этого дня, 29 июня 1941 года. Всех нас связало небывалое чувство единства и долга, хотя тогда мы еще очень плохо представляли цену этого единства и сплоченности.

Кругом были такие же безусые ребята, как и я.

В октябре 1941 года разгорелись ожесточенные бои на всех главных направлениях, ведущих к Москве. Это были грозные дни. С каждым днем усиливались бомбежки Москвы: воздушную тревогу объявляли почти каждую ночь.

16 октября 1941 года многих молодых людей, москвичей, 1923 года рождения, вызвали в районные военкоматы, где мы получили военное обмундирование. Проводы и прощание с родными проходили дома. Я так просил. Мама плача сказала мне: «Береги себя, сынок. Дать в дорогу могу только мясные кубики и четыре банки консервов «Крабы». Тогда было тяжелое время, в магазинах было пусто, на полках стояли одни только «Крабы», а на стенах висели плакаты «Вкусно! Питательно! Купите обязательно!».

Нас, большую группу, пешим порядком отправили на формирование по маршруту Москва — Ногинск — Муром — Арзамас — Космодемьянск — Йошкар-Ола. Эта «прогулка» длилась более месяца. В Йошкар-Оле нас разместили на кирпичном заводе, благо нар для сушки кирпичей было достаточно.

Далее район Йошкар-Олы Сурки. Здесь получили зимнее обмундирование и были готовы к отъезду. Нас погрузили в товарные вагоны и повезли к месту назначения. Мысленно я задавал себе вопрос, готов ли я вести нелегкую службу красноармейца... а если придется идти в бой?.. Жизнь меня уже закалила, и свой долг выполнить я сумею с честью, давал я себе ответ.

Нет! Не дождь, не снег и не морозы остановили фашистские войска под Москвой, а железная стойкость, мужество и героизм советских солдат, за спинами которых был их народ, столица, Родина.

Председатель Совета ветеранов 331-й Брянской Пролетарской, Смоленской, дважды Краснознаменной, ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии товарищ Н. В. Шляпников, полковник в отставке, опубликовал в газете «Волоколамский край» от 19.12.1998 года статью «Им было восемнадцать», где были описаны бои дивизии на Волоколамском направлении. В этой статье упомянута и моя фамилия, красноармейца 1104-го стрелкового полка.

Уже в конце 1941 — начале 1942 года на доукомплектование 331-й стрелковой дивизии было послано несколько маршевых рот. В основном они были укомплектованы москвичами,

призванными в октябре 1941 года. После непродолжительного обучения в запасной бригаде, размещенной в г. Йошкар-Ола, и принятия присяги, их направляли в действующую армию. Среди них было много ребят 1923 года рождения, нам едва сравнялось по восемнадцать, большинство — выпускники средних школ. Молодые воины попали в различные подразделения дивизии, но больше их было в стрелковых ротах. Некоторые участвовали в освобождении Волоколамска, большинство же получило свое боевое крещение при освобождении волоколамских деревень.

Боевые действия проходили примерно так: ночью — марш-преследование отходящего противника, на рассвете — бой с фашистами, засевшими в деревне. Для оказания огневой помощи стрелковым подразделениям подтягивалась полковая артиллерия. Артиллерийские батареи, подготовив данные для ведения огня, производили артобстрел огневых точек противника. Стрелковые подразделения выдвигались на рубеж атаки.

Но на исходе короткого зимнего дня немцы поджигали дома и начинали отход, оставляя небольшие заслоны. После уничтожения нашими подразделениями этих заслонов при свете горящих домов вновь начиналось преследование отходящего противника. И так пять суток без сна и отдыха. Бойцы переносили, казалось, невыносимое физическое и моральное напряжение. На этом этапе наши потери были минимальными, но устоявшие воины буквально валялись с ног.

18 января мы подошли к деревне Большое Сытьково (это уже Шаховской район). Завязался бой. Стрелковые подразделения при поддержке артиллерийского и минометного огня предприняли несколько атак. Немцы упорно сопротивлялись, установив в жилых домах и сараях огневые точки. Тогда часть наших подразделений была направлена в обход. Обойти деревню было чрезвычайно сложно из-за глубокого снега. Все же в темное время это удалось. Немцы, боясь окружения, утром 19 января начали отступление. Бой длился непрерывно двадцать часов. На поле перед деревней остались лежать около двух десятков наших погибших товарищей.

С дивизией я пошел дальше. После трех атак на деревню Малые Палатки (в Смоленской области) 29 января 1942 года был ранен.

После лечения в госпитале 2404 на станции Нахабино 1 мая 1942 года был направлен на станцию Шеховская, где и встре-

тился со своей дивизией. После четырехмесячного пребывания там приказом был направлен в штаб Западного фронта, а оттуда рядовым в Ленинградское военно-топографическое училище, которое находилось на станции Абабково Горьковской области. После окончания училища пребывал в 25-м запасном артиллерийском полку Гроховецкого лагеря, а в августе 1945 демобилизовался по состоянию здоровья.

На этом заканчивается период моей жизни, связанный с боевыми действиями за оборону Москвы.

Награжден орденами Красной Звезды (№3607638Ж №126550 указ 15. 02. 68г.) и Отечественной войны I степени (№511739А № 459419 указ 11. 03. 85г.). Лауреат Государственной премии СССР.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Коричев Антон Валерьевич**, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета.

**Сергеев
Артём
Фёдорович**

**ЭТО ВЫХОДИТ ОПЯТЬ ВАС?
ЭТО ВЫХОДИТ КАК ЗАВОРОЖЕННЫЙ!**

Я родился 5 марта 1921 г. в городе Москве. Русский. Вероисповедание православное. Член ВКП(б), КПСС, КПРФ с 1940 г.

Отец, Сергеев Федор Андреевич (подпольная кличка Артем, которая после революции стала его фамилией) из крестьян Курской губернии. Член большевистской партии с 1902 года, делегат с 4-го по 10 съезд партии. С 6-го по 10 съезд — член Центрального комитета партии. Был председателем Донецкого губернского исполнительного комитета, Председателем Совета Народных Комиссаров Донецко-Криворожской республики, заместителем Председателя Украинского правительства, секретарем Московского комитета партии, председателем Центрального комитета Союза горнорабочих. Погиб 24 июля 1921 года в катастрофе железнодорожного аэровагона на 105 версте дороги Москва — Курск. Похоронен в Москве на Красной площади.

Мать, Сергеева Елизавета Львовна, родилась в городе Либав (ныне Лиепая) в семье ткача-кустаря. С 10 лет работала. Член партии большевиков с 1915 года. Участница харьковского подполья и Гражданской войны. Работала директором санатория, заместителем директора авиационного завода, директором ткац-

ко-отделочной фабрики, во время войны — начальник медицинской части госпиталей на база ВЦСПС. Умерла в 1983 году.

После потери отца я с годовалого возраста жил в семье Сталина до ухода в армию в семнадцатилетнем возрасте.

В 1938 г. окончил 10 классов 2-й Московской специальной Артиллерийской школы. Был солдатом, младшим командиром (сержантом), старшиной, курсантом.

В 1940 г. окончил 2-е Ленинградское артиллерийское училище и стал офицером.

В 1942 г. окончил 3-х месячные высшие офицерские артиллерийские курсы.

В 1951 г. окончил Военную артиллерийскую академию имени Дзержинского.

В 1954 г. окончил Высшую военную академию имени Ворошилова (Академия генерального штаба).

Ушел в отставку с военной службы в 1981 году в звании генерал-майора артиллерии.

* * *

О начале войны узнал в 6 часов утра 22 июня 1941 г., находясь на опытных артиллерийских стрельбах на Софринском полигоне Московского военного округа, будучи в звании лейтенанта командиром взвода 152-мм гаубиц «М-10» образца 1938 г. (тема: стрельба тяжелого орудия с мокрого, топкого болота).

Начал участвовать в боевых действиях как кадровый командир Красной Армии во главе своего подразделения, в составе своего полка. Полк дислоцировался в лагере Алабино Московской обл. (город Москва, ул. Песчаная).

Погрузились на фронт 24—25 июня 1941 г. на станции Москва-Киевская-товарная.

Участвовать в боевых действиях начал 26 июня 1941 г. в звании лейтенанта (командир батареи — лейтенант Артамонов, командир дивизиона — лейтенант Федотов, командир полка — подполковник Печенкин).

С 28 июня командир артиллерийской батареи. Участие в активных боевых действиях с 1 июля 1941 г. (командир полка — капитан Ботвинник Абрам Менделевич).

Мой боевой путь:

Белоруссия — г. Борисов 1,2 июля 1941 (жесточайшая оборона).

Толочин, Крупки, Орша, Горки и всюду жесточайшие бои. Я уже не командир батареи. Орудия разбиты. Тягачей нет.

Я командир стрелковой роты 175-го мотострелкового полка.

13 июля недалеко от города Горки мы оказались в тылу врага.

Сентябрь — декабрь 1941 г. — на излечении после ранения.

Декабрь: Наро-Фоминск, Боровск, бои за отдельные населенные пункты.

Январь 1942 г. — постоянные бои за населенные пункты.

15—21 января: бои за город Верея.

30 января: города Медынь, Мятлево и населенные пункты Шумово, Гусево, Вереево, Фокино, далее населенные пункты: Бикисши, Кукушкино.

31 января. Образцово.

Февраль: Дороховая, Хвощи, Пинязи, Череве, Кувшиново, Поповка, Мятлево.

6 февраля: Семеновское, Извольск, Перепудово.

7 февраля: Мякота, Фроловка. Нацеливаемся на Захаровку (Захарово), впереди её Крапивка.

Февраль 1942-го:

1-го: Образцово.Ухово,

2-го: впереди деревня Хвощи

3-го: убиты начальник штаба полка майор Щеголев, комбат старший лейтенант Пилименко.

4-го: на наблюдательном пункте в церкви перед Пинязи

5-го: на наблюдательном пункте в деревне Пинязи.

6-го: Пинязи (Поповка), Семеновское, Извольск.

7-го: Мякота.

8-го: Фроловка.

13-го: атакуем Захарово. Очень большие потери, среди них много командиров.

15-го: около Захарово танк прошел сквозь наш сарай, убит командир взвода управления.

16-го: я легко ранен в левую руку.

17-го: я ранен в правую ягодицу. Кости целы, ходить тяжело. Отбивали «психическую атаку».

18-го: ранен разрывной. Рука разбита, кости побиты. Далее воевать нельзя: надолго на излечение.

21-го: добрался до Москвы.

Март 1942-го:

6-го: профессор Бакулев делал операцию 1 ч. 50 мин. Сказал: через 3—4 месяца буду здоров, а воевать месяцев через 4—5.

Апрель 1942-го:

20-го: выписан — «ограничено» годен. 1,5 месяца амбулаторное долечивание. Затем в конце мая в начале июня вырвался в полк командиром дивизиона.

Невезенье: через две недели с половиной попало в ногу. Командир полка Ботвинник отправил назад в Москву и сказал, что без документа больше не возьмет. Просил у Щаденко на 3 месяца на учебу в город Семенов. Просил обратно в полк — не вышло.

Декабрь 1942-го. Сталинград.

Февраль. 1943-го. Начальник штаба 266-го армейского артиллерийского полка 62-й армии.

3 июня 1942 г., не закончив лечение после ранений, полученных в феврале, вернулся в свой 35-й гв. артиллерийский полк на должность командира дивизиона, но через 2 недели был снова ранен (довольно легко), был отправлен из полка.

Попытался попасть в 8-й воздушно-десантный корпус на должность командира корпусного минометного дивизиона, но был признан не годным к командной работе. Отправлен на долечивание и на 3 месяца в высшую офицерскую артиллерийскую школу города Семенова (Горьковская область), где прошел курс командиров артиллерийских дивизионов и начальников штабов артиллерийских полков.

После этого в декабре 1942 г. был назначен начальником штаба 266-го армейского артиллерийского полка 62-й армии Донского фронта.

После завершения Сталинградской операции в феврале наш полк из 62-й армии убыл на Северо-Западный фронт, где стал армейским артиллерийским полком 68-й армии. В апреле погиб заместитель командира полка майор Добрунов, и я был назначен заместителем командира полка. В мае полк был преобразован в 211-й гвардейский. В этом же мае 20 числа командира полка Чекалова отправили в госпиталь, где 1 марта 1943 г. он

скончался, а я с 20 мая 1943 г. по ноябрь 1943 г. исполнял обязанности командира полка.

За этот период участвовал в Смоленской операции, в освобождении города Смоленска, ряда населенных пунктов и далее на Оршанском и Витебском направлениях.

В ноябре 1943 г. в виду оргмероприятий был назначен и с декабря 1943 г. командовал 554-м армейским артиллерийским полком 63-й армии Западного фронта.

Участвовал в боях за ряд населенных пунктов, в форсировании реки Днепр, захвате заднепровского плацдарма и освобождении города Рогачев.

За форсирование Днепра полк был награжден орденом Красного Знамени, а за освобождение города получил наименование Рогачевский.

Перед Рогачевской операцией полк был передан в 3-ю армию. По оргмероприятиям был назначен командиром 156-го гвардейского артиллерийского полка 77-й гвардейской стрелковой дивизии 25-го стрелкового корпуса 69-й армии на Радомском направлении.

Участвовал в форсировании реки Висла, в захвате и расширении Завислянского плацдарма.

В октябре — декабре командовал тяжелой гаубичной бригадой 6-й артиллерийской дивизии прорыва 4-го артиллерийского корпуса.

В январе — апреле 1945 г. в должности заместителя командира 140-й армейской пушечной бригады участвовал в составе 31-й армии в Восточнопрусской операции в овладении восточнопрусских городов, в штурме и овладении городом Кенигсберг.

В апреле — мае бригада участвовала в боях в Силезии, Саксонии, а 9 мая — в освобождении города Прага.

Боевые действия закончил 12 мая 1945 г.

После этого я был назначен командиром артиллерийского полка, который был передислоцирован в Венгрию в город Надьканижа.

В августе 1945 г. был откомандирован в Москву, где поступил на учебу в Артиллерийскую академию.

Было множество публикаций в военных и гражданских журналах, в газетах, в книгах, сборниках. Библиографии сейчас привести не могу, т.к. учета не вел.

Имею неопубликованные воспоминания о военном времени, о различных встречах с руководителями военными и государственными деятелями, работниками искусств (состояние готовности различное, объем 25—30 печатных листов).

Имею награды:

— ордена Красного Знамени (№ 257412), Красного Знамени (№ 289939), Красного Знамени (№ 33691), Жукова (№86, Указ президента РФ № 1331), Александра Невского (№ 1034), Отечественной войны I ст. (№ 23528), Отечественной войны I ст. (№ 537546), Отечественной войны I ст., Красной Звезды (№ 27545), Красной Звезды (№ 3152882), «За мужество» (Республика Украина);

— медали: «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги», «За взятие Кенигсберга» и еще 20 различных медалей;

— знаки: «Шахтерская Слава» I, II, III степени, Почетный работник угольной промышленности.

Являюсь почетным гражданином городов: Рогачев (Белоруссия), Фатеж (Курская обл.), Артемовск (Украина), Артем (Приморье), Ратибуж (Польша).

Партизан первых дней войны

Оказавшись 13 июля 1941 г. с остатками своей роты в тылу врага в районе деревни Кривцы (10 км западнее города Горки), мы начали пробираться на свою территорию. После нескольких мелких стычек с немцами от группы осталось 4 человека: старшина Лауэнбург, сержант Ерхов, рядовой Бренер и я.

По маршруту движения мы резали связь (между Любичем и Тимоховцами, на большаке Орша — Витебск, на переезде в дер. Веревойша и в др. местах), разбирали мостики через ручейки и канавки.

30 июля 1941 г. в селе Село (в районе Каспля) мы нашли листовку с обращением командования Западного фронта, призывающем офицеров и бойцов, попавших в тыл врага, организовать партизанские отряды и бить врага с тыла.

Начали организацию небольшого отряда, в котором собралось 16 человек; в том числе младший лейтенант Авдеев (артил-

лерист), лейтенант Кононов (сбитый летчик), политрук Тевелев, сержанты Юранев, Кравченко, Голубев и перечисленные выше. Фамилии остальных не помню, их называли по именам.

Начали действовать отрядом. Резали связь и убивали пришедших для починки линии телефонистов, разбирали мостики через ручейки и маленькие речки, сбивали на лесных дорогах автомобили, мотоциклы и подводы, били мелкие группы немцев, встречавшихся на дорогах.

3 августа 1941 г. в районе Шалатони-Яшино сбили машину «опель-кадет» и убили ехавших в ней двух немцев.

5 августа 1941 г. на большаке Слобода — Демидов сбили подводу, убили немца-возчика и прорвали связь вдоль большака.

6—8 августа 1941 г. в дер. Городище обстреляли группу немцев на южной окраине деревни.

19 августа 1941 г. на трассе Смоленск — Ленинград около деревни Березуги обстреляли стоявшую лагерем немецкую мотоколонну.

12—14 августа 1941 г. в лесу на дороге Зальнево — Коты сбили мотоцикл и убили двух мотоциклистов.

15 августа 1941 г. в лесу на дороге Зеленая Пустошь — Заозерье обстреляли транспорт с немцами.

16 августа 1941 г. в лесу на дороге, идущей на север от деревни Латыщина, сбили три подводы груженные продуктами и крестьянским добром, возчиков убили.

17—18 августа 1941 г. на большаке Желюхово — Климьты обстреляли немецкий конный обоз и порезали связь. На дороге Заозерье — Климьты разобрали 3 мостика. На западной оконечности оз. Щучье убили двух немцев, катавшихся в лодке.

21 августа 1941 г. вели бой с немцами, окружившими отряд на опушке леса около деревни Дегти, и вырвались из кольца. Немцев привели Иван и Николай Шалденковы, жена и дочь Николая Шалденкова.

22—23 августа 1941 г. обстреляли машину на лесной дороге через урочище Гарельник

24—25 августа 1941 г. обстреляли обоз и колонну немцев на дороге Котовщина — Лучаны

26 августа 1941 г. в урочище Гарельник мы встретились с отрядом Алексея Флегонтова. Флегонтов был одет в мокасины, зеленую гимнастерку и фуражку. У него был орден Красного

Знамени старого образца (РСФСР). По рассказам, ему было 54 года. В 1918—1922 гг. он партизанил в дальневосточный тайге против японцев. С ним были его начальник штаба (пожилой капитан) и начальник особого отдела.

Группа Флегонтова состояла в то время из 10—15 добровольцев-москвичей из ОМСБОН (отдельная мотострелковая бригада особого назначения). Некоторые из них работали до войны на трамвайном МОГЭС, по фамилиям помню: Попов, Котелкин, одного по имени Виктор.

По их рассказам, после краткосрочной школы с 1 августа они начали переход за линию фронта. К 18 августу отряд был в немецком тылу. Вооружен отряд был ППШ, маузерами, ТТ, ножами в резиновых чехлах, ручными и зажигательными гранатами. Одеты они были в гражданские костюмы и кожаные армейские сапоги.

В отряде была рация «Северянка» в двух упаковках.

Флегонтов распорядился включить наш отряд в свою группу и назвал его Оперативно-разведывательной группой.

Включив в наш отряд 3—4 своих автоматчиков и местного жителя по кличке Мужик из села Обошное, дав ручные и зажигательные гранаты, Флегонтов поставил перед нашим отрядом задачу разбить немецкие штабы в деревнях Ильино и Оброшное.

29—31 августа 1941 г. эта задача была выполнена. В деревне Ильино были обстреляны, забросаны гранатами и сожжены постройки, где жили немцы, а также оборонительные постройки, сделанные немцами. Показавшиеся там немцы были перебиты.

В селе Оброшное помещался немецкий штаб и стояла воинская часть. Помещение штаба и конюшню забросали ручными и зажигательными гранатами; палатки, где спали немцы, обстреляли из автоматов и винтовок: в селе до утра шла стрельба и слышались крики немцев. Об этой операции было написано в газете «Известия» от 7 сентября 1941 г.

1 сентября, по заданию Флегонтова наш отряд напал на немецкий штаб и кавалерийскую часть, расположенные в деревне Максименки у западной оконечности озера Щучье.

В Максименках забросали гранатами штаб, забросали гранатами и обстреляли из автоматов спавших в палатках немцев. После этого в немецком лагере до утра шла стрельба.

Возвращаясь обратно, около места расположения штаба навалил на засаду. Отряд Флегонтова ушел в сторону и еще дважды натыкался на засады. Встретившийся потом рядовой Бреннер рассказывал, что вечером 1 сентября штаб Флегонтова окружили немцы. Пробившись отдельными группами, его отряд ушел в лес.

Потеряв связь с Флегонтовым, мы продолжали действовать маленькой группой.

4 сентября обстреляли немецкую колонну около деревни Бельня.

5—7 сентября обстреляли баню с немцами в районе хутора Терехова.

В районе Железница я был ранен, и мы четверо (лейтенант Кононов, младший лейтенант Авдеев, рядовой Бреннер и я), оставшиеся от отряда, перешли через линию фронта в расположение наших войск.

Шли по маршруту: Железница — озера Височертские — урочище Пилецкий Мох — станция Кащенко — станция Земцы.

По выходу в наше расположение меня и Бреннера (раненых) положили в санчасть 115-го запасного стрелкового полка, а Кононова и легкораненого Авдеева куда-то направили — не знаю куда.

На следующий день новая пуля настигла меня

Полковая пушка выстрелила, озарив местность красноватым светом и тускло, обрисовав приземистый, угловатый танк. На его броне блеснул ослепительный яркий шарик, от шарика полетели светящиеся брызги, и вдруг все это ушло куда-то направо вверх — рикошет. Снаряд не пробил броню танка.

— Прожигающий! — закричал диким голосом командир орудия.

— Нет у нас, послали на другие орудия, — ответил в темноте солдат.

— Гранатой (то есть снаряд не бронебойный) осколочно-фугасный! — крикнул с отчаянием сержант.

Он понимал свое бессилие, Танк был уже в 200 метрах. Стоит ему на мгновение остановиться, сделать только один

прицельный выстрел — и ни пушки, ни его самого не будет. А если не выстрелит, то все равно через минуту тяжелые гусеницы будут давить орудие и расчет.

Еще выстрел. И снова рикошет.

Со всех ног не пригибаясь под огнем к орудию подбежал солдат. Под мышкой с правой стороны у него торчал снаряд. Он с ходу во все горло крикнул: «Достал, достал, есть снаряд!»

Орудийный замок лязгнул. Командир исчез под щитом.

Танк гремел так громко, что, казалось, все вокруг наполнил своим быстро приближающим и бурно нарастающим лязгом. Танк был уже совсем рядом. Ярko и отчетливо показались в блеске выстрела его грозные очертания.

На его лобовой броне под короткой пушкой снова возник огненный шарик. В мгновение он разросся, показалось, что завертелся, как молния, метнулся — и его будто всосало внутрь танка, оставив множество ярких брызг, которые, разлетевшись в стороны и затухнув, оставили в место себя белое раскаленное светящееся пятно.

Танк задержался, резко развернулся, еще секунду другую куда-то рвался, гремел, но вдруг противно заскрежетал, еще раз дернулся и замер. Его холодивший душу лязг прекратился; от сердца отлегло.

Из железного борта брызнула и полилась тоненькая горячая струйка.

В танке засветилось множество дырочек и щелей из них начало вырываться пламя. Разгоралось, как будто подожгли дом под соломенной крышей

Здорово горело, начало шипеть. Стало светло. Солдаты следили за железными люками; они не открывались, экипаж не выскакивал — значит, струя бронепрожигающего снаряда поразила немецких танкистов. Я решил проползти вперед, чтобы при свете горящего танка пострелять по целям.

Проползли метров 100—150. Любопытно. Ночь, а светло, далеко все видно. Тени пляшут. От огня душа радуется. Горит железный дьявол.

Останавливались, осматривались, переговаривали с радистом.

Видно, не слишком заботились о маскировке, высывались из снега, за тенью своей не следили. Вот нас, наверное, и заметили. А может быть, и не нас двоих заметили, а других.

Народа в снегу немало копошилось. Стремительные белые трассы пулеметных очередей помчались вокруг. Куда они шли на самом деле, бог их знает. Но субъективное ощущение человека несколько не соответствует действительности.

Кажется все трассы — только в тебя, а ты, как в центре притяжения. Со всех сторон концентрируются только на тебе, и ты у них, как в фокусе.

Ткнулся лицом в снег (вся морда мокрая), сверху один зад торчит. Лицо врывается в снег чуть ли не до земли.

Пролетели пули и не свистнули даже. Значит, далеко летели.

Ведь не новичок был на войне. Пуль летало вокруг много. Привык.

На слух реагировали. Зря не кланялся перед ними, когда не надо, не пригибался, а вот трассирующие они действовали всегда, как на новичка.

Что поделаешь, кроме воли и опыта есть еще нервы и инстинкты, которыми нельзя управлять как механизмами, их надо совершенствовать и тренировать.

В общем, ночные трассы очень неприятны, тем более что некоторый обман зрения и большой зрелищный эффект сильно влияют на человека.

Звуки выстрелов, разрывав и другие шумы ночью усиливаются, постороннего видишь вокруг себя гораздо меньше, только яркие вспышки и трассы. А они как светящиеся огненные струи стягивают к тебе стремительно, в мгновение приближаются и вдруг, кажется, не долетев какой-нибудь метр, резко отворачивают и круто уходят в сторону.

Однако, как бы там ни было, но воевать было нужно, несмотря ни на какие световое и прочие эффекты.

Радист рядом, немец впереди, трассы видно, а они, хотя и мучают, но при внимательном наблюдении по трассам можно разобраться, откуда бьет пулемет. Значит и в этой медали есть вторая сторона.

Вот я и разобрался. Нашел два пулемета, приладились на снегу, развернули рацию, настроились.

Полетели наши снаряды и по очереди задавили оба пулемета.

Разбили ли пулеметы? Убили ли пулеметчиков? Сказать трудно. Темно, далеко. Во всяком случае, пулеметы замолчали, трассы прекратились. Свернули рацию, поднялись со снега, по-

шли дальше, внимательно всматриваясь в темноту. Искали новые цели.

От танка мы были в стороне и уже на порядочном расстоянии, казалось, что он нас почти не освещает.

Вдруг кто-то наотмашь резко ударил меня по внутренней стороне левого локтя, там, где косточка выступает. Это ощущение мгновенно изменилось и показалось, что раскаленный штопор, именно широкий спиральный и раскаленный штопор, а не что другое стали ввертывать мне между косточек локтя.

Затем почувствовалось, как уже остывающий штопор вошел между костей, с сильной болью стал их раздвигать, и в локоть ударило электрическим током.

Такое ощущали многие, когда ударялись локтем. Но только я почувствовал электрический удар куда более сильный, настолько сильный, что он распространился по всему телу, ударил в голову, дошел до глаз, отчего показалось, что оба глаза сошлись на переносице и в них мелькнули белые светящиеся острые брызги.

И почти все исчезло.

Весь гром ощущений, который в миг оглоушил и парализовал сознание и тело, прошел вдруг. Прошел, и будто наступила тишина, такая же внезапная как тишина после яркой молнии и оглушительного грома.

Левая рука онемела, и в наступившей тишине появилось ощущение будто рука отсутствует, как будто руки нет совсем.

А затем это онеменение стало сменяться ощущением буд-то между локтевых костей сидит тупой металлический предмет, который быстро разогревается.

И все это то ли в доли секунды, то ли в считанные секунды. Однако за это время я успел сильно вспотеть и уже находиться, не стоя на ногах, как было перед ударом, а уткнувшись и буквально врывшимся в снег.

Постепенно ощущение горячего прошло, но продолжало казаться, будто что-то толстое влезло в локоть, раздвинуло кости и это очень неприятно.

Шоковое состояние, вызванное всем происшедшим и длившиеся секунды, совершенно прошло. Полностью возвратилось чувство реального.

Прежде всего, надо было выяснить состояние руки. Ранее я был уже ранен и потому столь сильный болезненный удар вызвал у меня серьезные опасения.

Радист Бережков копался где-то рядом. Я окрикнул его:

— Бережков, ты жив?

— Все в порядке, жив. Но пристрелялись сволочи здорово. Прямо по нам. Заметили, проклятие. А вы-то что, товарищ лейтенант, там елозите да по снегу крутитесь? Как у вас, в порядке?

— Да не совсем,— ответил я в полголоса.— Меня в руку трахнуло.

— Да, ну. А куда?

— В локоть.

— А здорово, не разрывная?

— Черт его знает. Но рука цела, не отбило.

— В какую руку, в правую?

— Нет в левую.

— Ну, это уже лучше. Будем уходить?

— Нет. С начала тут с рукой разберусь.

— Вам помочь?

— Пока не надо, пожалуй, сам управлюсь.

— А пакет есть?

— В кармане.

— Ну, давайте смотрите, а я вам завяжу.

— Хорошо. Погоди, только дай разденусь сначала и разберусь с рукой.

Надо было во всех отношениях опробовать руку.

Я делал все как-то не совсем осознано, скорее инстинктивно, но в определенном порядке и с определенной целью.

Попробовал пальцы — двигаются без ограничения, только локоть больно. И то хорошо.

Плечо вверх, вниз и в стороны ходит. А вот в локте движение сильно ограничено. Такое ощущение, будто в шарнир попал посторонний предмет и заклинил его. При этом любая попытка сгибать руку в локте вызывала боль и ощущение распираания изнутри, как будто кости раздвигаются.

Надо было срочно обследовать локоть. Все остальное было, безусловно, в порядке. Обшарил левый рукав полушубка. На внутренней стороне дырочка. Ни второй дырочки ни вырванного куска нет. Значит застряло.

Подобрал под себя ноги, встал на колени, правой рукой расстегнул полушубок, вытащил из него сначала правую руку, потом сбросил со спины, осторожно стянул с левой руки, подсунул полушубок под колени, стоять стало мягче и не протаивало. Попробовал гимнастерку, на локте мокрая, горячая, липкая кровь, но немного, совсем мало.

Попробовал засучить рукав. Не получилось, узко, а разрезать жалко.

Расстегнул меховую жилетку, сбросил; расстегнул гимнастерку. Бережнов помог стянуть ее с головы и с левой руки. Холодно, но делать нечего, да и к теплу в то время мы не слишком привыкли. Засучил рукав нательной рубахи.

Кроме обычной белой фланелевой, была еще шелковая трикотажная коричневого цвета.

А зачем шелковая?

В то время часто банится нам не приходилось, от госпиталя до госпиталя. На отдых и формировку мы почти не выходили. А насекомые, короче говоря, вши или «педикулез», как на языке медиков это называлось, у нас водились.

Говорили, что на шелке они хуже держатся, скатываются. Вот и старались. Кто мог из офицеров, заводили себе шелковое белье. У меня, кстати, такая возможность оказалась.

Кое-как засучили и трикотажный рукав. Руку приятно обдало холодом.

Накинул жилет. Все же не так продувает.

Пощупал локоть. Он был скользкий от крови, и казалось, начинал припухать. Вот и пуля. Не осколок, это ясно потому, что при ударе в руку рядом не было разрывов ни мины, ни снаряда.

Попробовал схватить пулю пальцами. Очень маленький кончик, почти только донышко. Липкое и скользкое. Взял кусок снега помял в руке, оттер им кровь, ухватил ногтями кончик пули, нажал как следует пальцами, вдавил их в тело. Почувствовались закраины пули. Дернул было, но выскользнула проклятая, не вытащил. Снова оттер снегом кровь и вытер кусочком бинта. Надавил посильнее, подвигал локтем, сгибал и разгибал. Неприятно, конечно, но что поделаешь не оставлять же пулю если выбросить можно, захватил наконец проклятую получше.

Дернул и вытащил. Выдернул, бросил в снег, и сразу жалко стало. Зачем выбросил эту пулю, была бы память.

В локте тут же почувствовалось облегчение, как после того как занозу или соринку из глаза вытащишь.

Потекла кровь, сильно, струйкой. Раньше пуля, как пробка закупоривала ранку, а тут рана открылась. Но теперь уже все было гораздо проще. Бережной положил один тампон перевязочного пакета на рану, вторым он еще раньше вытирал кровь мне с руки, перебинтовал локоть, оттер, как мог кровь с руки, помог мне одеться, и все было в порядке.

Ранение, вообще-то пустяковое, пуля попала на излете, уже без силы, потому не пробила в мгновение руку и не разбила кости, а медленно влезала, в конце концов застряла и остановилась. А впечатление от этого влезания ослабевшей пули было такое, будто всю руку отбивали напроць. Так во всем бывает: где нет силы, там действуют на эффект.

Подвигая рукой в локте, поработал кистью.

Все действовало безотказно, и хотя в локте было больно, стало совершенно ясно, что все обошлось благополучно и серьезной помехи для продолжения работы нет.

Бережнов протянул мне флягу, я глотнул пару глотков холодной водки, вернул ему флягу, а сам почувствовал, как быстро согреваюсь после раздевания на двадцатипятиградусном морозе.

Эпизод с ранением в руку можно было считать законченным.

Пару часов мы еще покрутились недалеко от сгоревшего немецкого танка, провели три стрельбы, выпустили три десятка снарядов и вернулись на наблюдательный пункт.

В снеговом бдиндажине горел маленький костерик, и мы с Бережным, греясь больше дымом, нежели пламенем, передраемали часок-другой.

То место, что было обращено к костерику, грелось сильнее, а то, что с другой стороны от костерика (на земле или сверху) — дрожь пробирает. Вот и крутились в полудремоте, подставляя одно место теплу, предоставляя все остальное морозу.

Помнится, в детстве, играя с товарищами и неудачно нагнувшись, мы получали «леща» — шлепок пониже спины. При этом шлепнувший говорил: «По натяжке бить не грех, полагается для всех».

Так вот и я в неопиcуемом грохоте разрывов, мин и снарядов, среди постоянного свиста, жужжания и шлепанья пуль, перебегая по залитому кровью снегу, почувствовал, что мне отве-сили пребольно «леща».

Я невольно остановился и выпрямился, но прожужжавшие стремительные трассы заставили меня кинуться головой в снег.

Я не понял, кто меня ударил. Резкая, стягивающая боль проходила быстро, как после шлепка.

Сразу пополз вперед, прокапывая головой и руками дорогу в высоком рыхлом снегу. Некогда размышлять о случившемся и думать, что произошло, время не ждет, да и невидимый немец-стрелок смотрит, ждет, не поднимется ли тот, кто упал после его выстрела.

Сзади по пятам сначала бежал, а теперь полз радист Бережнов.

Надо было срочно найти и накрыть два кинжальных пулемета, которые раскладывали нашу пехоту.

«Неужели в зад попала и застряла внутри. Вот неподходящее место!» — подумал я.

В это время спереди потекло между ног такое же горячее, скользкое, влажное. Стало скользко и неприятно, будто между ног намылили, будто на мокрые кальсоны подливают кипяток.

«Насквозь. Слава богу! Значит, ничего», — подумал я. Зад быстро отяжелел. Правой ногой стало трудно двигать.

Эх, не время! Кто теперь заметит? Ведь во всем дивизионе, кроме меня, остался лишь один офицер — старший лейтенант Кучинский, мой заместитель. Но ведь он бывший председатель райисполкома, а не артиллерист. Он не умеет как следует стрелять батареей, а управлять огнем дивизиона не может вовсе.

На батареях командирами остались гв. младший сержант Синцов да рядовой Степанов. С них хоть и неважные командиры батарей, но кое-как стреляют. Но они последние. А дальше? Дальше огня уже не будет.

Самая изощренная ругань по адресу немцев вырвалась из моих уст. В другое время мне никогда бы и не придумать такое ужасное словосочетание, но тут какой-то нескончаемый поток срывался с моих губ.

— Что с вами, товарищ лейтенант? — крикнул радист, заметив, очевидно, уже неоднократно виденное им изменение в движениях и во всем поведении у раненного человека.

— В пузо вошло, в зад вышло, а может быть, наоборот,— ответил я.

— Вы снова ранены?

Эти простые слова ошеломили меня. Напряжение боя было настолько велико, что после удара пули, тогда еще все мысли были заняты боем, и лишь сейчас, после этих простых и непонятных слов, я начал отдавать себе отчет в том, что произошло со мной: я снова ранен. Снова госпиталя, скитания, перевязки. Опять отдел кадров на Китайском проезде в Москве. Снова добиваться чтобы возвратили в свой полк, а тебя либо в академию учиться, либо в училище преподавать, или в центральный аппарат чиновником — начальству бумаги подавать.

Нет, не пойду. Никуда не пойду. Не хочу. Буду в дивизионе. Буду драться. Ведь без меня дивизион замолчит. Степанов и Сенцов одни не справятся.

А еще одна, третья батарея в дивизионе совсем без комбата. Ею и сейчас уже, кроме меня, командовать некому.

— Бережнов, домой! — крикнул я радисту.

— Вам помочь, товарищ лейтенант?

— Нет, сам доползу.

Не удалось. Не выследил проклятые пулеметы. Дорожки, где снег примят и можно ползти так, чтобы тебя не увидел сидящий сбоку в 200-300 метрах немец, сплошь залиты кровью.

Вот капли одна за одной, как красные бусинки, яркие, яркие, в середине темней, по краям светлей. Вот перемешанный розовый снег. Дальше то, что принято называть лужей крови. «Тут кого-то стукнуло», — подумал я. В снегу глубокая красная проталина неправильной формы. В середине протаяло почти до земли, но в самом центре остался кусочек снега, как красный гребень петуха, узорчатый, чуть-чуть белесый по краям.

Рядом такая же лужа поменьше, а дальше крупные кровавые пятна, немного смешанные ногами. Непроизвольно мне представилось, что произошло;

Там его стукнуло, он лежал, потом зажал рану, кровь все равно лилась. Он уполз. Много убитых. Наших и немцев. Лежат разорванные и просто убитые. Трупы замерзли. Их стараются положить вдоль тропок справа, чтобы сделать некое подобие защитных брустверов от фланкирующего немца...

Засвистели мины и захлопали вокруг, обдавая снежной пылью и отвратительным дымом немецкой (суррогатной) взрывчатки, черным, противным, гадко-удушливым.

Стремительно, с угрожающим шипящим свистом вокруг летят трассы и шлепаются в снег, поднимая снежную пыль и оставляя лунки.

Вот «мой» поворот. Еще немного — и «дом».

А «дом» наш был на выступе рощи под раздвоенной березкой. Слева спереди пехоты. Между ним и немцем никого не было, а было лишь 400 метров снежного поля, холмик да дорожка, вернее, снежная траншея от нас к немцу, которую несколько дней назад немцы заставили прокопать наших деревенских жителей. Под березкой была воронка от снаряда. Нашего или немецкого — я не приметил, когда подбирал это место. Меня это тогда не интересовало.

Края воронки мы углубили до земли. Вместо пола положили одетые в шинели трупы, и свои и немецкие. На них набросали куски шинелей, что срезали с убитых. Обвели сплошной снежной оградкой высотой три четверти метра. Со стороны противника в нее вделали замерзшие трупы, чтобы пули не брали. Противник был у нас справа, спереди и слева спереди, потому это своеобразное блиндирование было почти с трех сторон. Сверху натянули срезанные опять-таки с убитых маскхалаты, присыпали все белым рыхлым снежком, и стало все незаметным — применилось к окружающему.

В сторону противника были сделаны узкие амбразурки. Дверь была дыркой, завешенной плащ-палаткой.

Не надо всему этому удивляться, не надо ужасаться, а главное, не надо возмущаться. Это война.

Хотя на войне мы верили во многие предрассудки, которые были, конечно, в большей мере традиционны, нежели сознательны, однако отбросили массу стесняющих условностей и все приспособляли, из всего извлекали пользу.

Убитые наши товарищи, телами которых мы прикрывались от пуль и защищались от холода, не упрекнули бы нас. Они честно дрались, они хотели бы еще служить своей земле, принести пользу Родине. Смерть оборвала их дела. Мы же дали их телам в последний раз возможность заслонить свою землю и своих друзей от вражеских пуль.

Это неумолимая, ни с чем не сравнимая обнаженная логика войны.

«Дома» в снеговом бдиндажике сидели солдаты совсем оскудевшего, поредевшего взвода управления: телефонист Якунин, разведчик Галка Трофейный — я его «купил» в пехоте за разрушение огневой точки в ледяном блиндаже, израсходовав на это всего три снаряда.

Еще один парадокс войны: человека купили. Да. И такое было. Не за деньги, конечно, не ради корысти. Все только лишь для боя, для победы. И возразить тут нечему и некому.

Артиллерийские батареи были настолько обескровлены, что остававшиеся в строю люди, среди которых многие уже были ранены, не могли обеспечивать боевую работу. Огневые возможности батарей, темп стрельбы снижался, падал, а огонь противника продолжал уносить людей.

Пополнение артиллеристам почти не давали, в то время как пехотные роты пополнялись иногда дважды в день.

Вот тут-то и получалось так. Стреляет немецкий пулемет. Сечет пехоту. Просит командир роты накрыть пулемет, а артиллерист ему:

— Дай связного!

Значит, солдата для связи между ними.

— Да зачем тебе связной? — удивляется ротный. — Мы же и так все время рядом.

А артиллерист ему свое:

— Зачем, зачем? Затем!

Пехотинец в недоумение

— Да я же тебе за вчерашний день уже двух дал.

Артиллерист неумолим:

— А тех уже нет.

И в этом не было обмана. Тех ли двух уже нет или других, но в батарее потери и работать некому.

Ротному приходилось соглашаться, и назначенный им солдат не заставлял себя просить. Он сразу буквально жался к артиллеристам и лишь боялся, как бы начальники не передумали.

Это не было стремлением уйти от опасности, спасти свою шкуру. Артиллерия несла очень большие потери. Но артиллерия как-то солиднее. Она лучше организована. Так всегда было. Таков уж этот род войск. Вот так и «покупали» людей в ту первую военную зиму.

В результате батарея стреляла, пулеметы давила, а старшина батареи зачислял на довольствие нового солдата, а кого-то, того, кого уже не надо было кормить, списывал.

А в роте? Там просто недосчитывались вечером одним человеком больше. Не получал он продукты, на кухне свой котелок не подставлял, в госпиталь его санитары не отправляли и в документах, которые по возможности собирали у убитых, он тоже не значился. Тогда ротный писарь передавал в батальон, оттуда — в полк. И если все было именно так, в штабе полка писарь строевой части записывал: «Пропал без вести», — и посылалось извещение, если было куда послать. И не было во всем этом ничего из ряда вон выходящего — у войны свои законы.

К лету 1942 года такого уже не было, а зимой еще было. Виной в этом были не люди, а война. Тогда еще мы только учились воевать и за год с небольшим неплохо научились.

— Эй, Сорока! — крикнул разведчику вернувшийся со мной и пораньше залезший в снежный блиндаж радист Бережной. — Гони пакет, лейтенант ранен!

— Неужто опять нашего ранило? — воскликнул с тоской Сорока.

— Товарищ лейтенант, — сказал Якунин, как только я всунул голову в дырку-дверь, закрытую плащ-палаткой. — Это выходит опять вас?. Это выходит как замороженный!. Который уже, выходит, раз вас ранят. Других за это время давно поубивало, а вас ни разу не убило, только ранет. Вот счастье-то! Что теперь скажешь на это? Тогда это было счастье.

Бережнов помог мне влезть в наше убежище.

— Спускайте штаны, — сказал он шопотом, в котором чувствовались сразу и печаль о случившемся, и какое-то заискивание, и неуверенное приказание. Ему очень хотелось скорее перевязать мне рану, но он не знал, буду ли я перевязываться.

Давно немытое тело приятно обдало холодом.

Кисло запахла кровь.

Когда обрежешь палец или берут кровь на анализ, она не пахнет. А вот из раны, когда много крови, — пахнет.

Запах кислый, немного дурманивший, но в то же время свежий и ободряющий.

Некоторые вещи и понятия, иногда самые несвязанные между собой, вдруг соединяются в нашем воображении. Вот и

здесь при этом запахе крови в голове возникли два слова: «скользящий запах». Белье... Когда-то, два месяца назад, оно было белое, а теперь темно-серое от грязи и постоянного промокания. Кальсоны были мокрые от крови.

Пропитанный свежей кровью материал, кое-где уже впитал кровь и был просто похож на ярко-красную сырую ткань. Но там, где крови было слишком много, она не могла вся впитаться, там на красном фоне блестели большие темно-красные густые пятна. Они или стояли неподвижно, либо медленно ползли вниз,

Я стоял на коленях без ватника, задрав вверх рубаху.

Тампоном перевязочного пакета стерли кровь. Готом снегом оттерли как следует, чтобы ничего не осталось на теле.

Спереди и сзади были две совсем маленькие круглые дырочки. Из них тоненькими струйками лилась кровь. От нее шел пар.

Кровь была густая и медленно-медленно порциями стекала на бинты, которые держали ниже ранок, чтобы опять не замарать ноги.

Иногда из дырочек надувался пузырек, потом лопался, и новая маленькая порция крови ползла вниз.

Дырочки были темные, почти черные. Сверху немного вогнуты вовнутрь, книзу, наоборот, собирались в маленький выпуклый бугорок, который, пульсируя, направлял вниз новые порции крови.

А кровь лилась вниз, как бы под образовавшейся пленкой, пробегая под ней продолговатым комочком, как мышка под чехлом стула.

Разорвали новый перевязочный пакет. Развели двойной тампон, приложили к ранкам — один спереди, другой сзади. Туго перебинтовали. Сразу стало легче. Как могли вытерли кровь с кальсон, и я снова оделся. Потом прилег и на несколько минут задремал под несмолкаемый грохот разрывов мин и свист пуль, проносившихся беспрестанно под самым нашим наблюдательным пунктом и иногда с гулким ударом впивавшихся в окоченевшие тела, служившие нам защитой.

Некоторые пули ошипывали нашу березку. Некоторые — разрывные — давали сильный хлопок, наподобие резкого выстрела и долго и высоко звенели своими осколочками в морозной воздухе.

Мне некому было доложить о ранении. Командир полка сам был ранен, заместитель и начальник штаба майор Щеголев — убиты.

Я не имел права, морального конечно, бросить дивизион и отправляться в санчасть или в госпиталь. А потому, подремав несколько минут, поел немного снега (вода замерзла, а дым костра демаскировал бы нас). Разведчик дал мне луковицу и кусочек хлеба, которые хранились у него за пазухой, поближе к теплему телу.

Я поел, пошевелил ногой, погнул поясницу и снова отправился искать пулеметы: и те, которые полтора часа назад раскалывали нашу пехоту, и те, которые били пехоту сейчас.

Я снова и снова ходил к командиру роты, ползал в боевое охранение, к большому огорчению потерял радиста Бережного. Его рана оказалась куда серьезнее моей. Он не мог двигаться. Оттащить его назад на НП я не мог — не позволяла правая нога. В ней было мало силы, да и вся правая сторона сильно ныла. Я лишь снял с него радиостанцию, чтобы не пропала, и возвратился в наш «дом» за подмогой. Рядом со мной снайпер убил ударом в голову комиссара 6-го мотострелкового полка батальонного комиссара Орлова в тот момент, когда он хотел мне что-то сказать (до лета 1942 года политсостав имел особое звание, это звание соответствовало майору). Пуля визгнула, потом шмякнула, и Орлов, открыв рот, ничего не сказал.

Я снова ходил. Стрелял, матерился, поднимал солдат пехотинцев, вел их в атаку по «дороге смерти».

На следующий день новая пуля настигла меня.

Разрывная пуля разбила кисть правой руки. Были видны белые кости, вбитый в рану мех от варежки, перебитый нерв — он загнулся вверх и лежал в виде крученой тонкой ниточки, развернувшейся на конце.

Пакета не было, перетянули веревочкой выше кисти, чтобы кровь остановить. Поползли назад. Один солдат-пехотинец, увидев, как здорово идет кровь, дал свой пакет, собрали как смогли кости. Перевязали с большим трудом и уже с помощью солдат дополз до пункта.

Четкость мыслей, необходимая для стрельбы и острота глаза, несколько нарушились. Корректировать огонь пока было невозможно. Рука начинала так болеть, что все остальные мысли

вылетали из головы. Видимо, осколки костей впивались в разорванные мышцы. Рукой нельзя было пошевелить. Повязка насквозь пропиталась кровью. Чтобы меньше беспокоить кисть, к руке привязали палочку.

Появилось головокружение. Солдаты влили в рот холодную водку, но не помогло.

Я не мог больше командовать дивизионом. Это стало ясно и солдатам, и мне.

Позвонил в штаб дивизиона, вызвал на НП заместителя — старшего лейтенанта Кучинского.

Попросил вызвать штаб полка. Но с этим пришлось подождать из-за нового приступа головокружения.

Прошло немного времени: минут 15—20. Вдруг телефонный зуммер. Меня вызывает командир полка. Он только утром прибыл в полк из медсанбата, где неделю лечился после небольшого ранения.

Сам, наверное, еще не снял повязку, но раз звонит, значит уже на ногах.

— Здорово, старший лейтенант, поздравляю с повышением. Я сегодня был в дивизии (т. е. в штабе дивизии), туда из армии звонили — есть приказ о присвоении тебе звания. Я и номер приказа привез. Приходи вечером ко мне на КП, в удостоверение впишем.

Он говорил так быстро, что я, при моем состоянии, даже не успевал ответить.

— Ну а как ты там себя чувствуешь? Мне сказали, что тебя позавчера зацепило немного. Как дела-то? Сам дойдешь, надеюсь, до меня?

Он сделал паузу, я собравшись с силами и мыслями медленно двигая языком и губами, сказал:

— Спасибо, за хорошую весть. Благодарю. Но прошу прощения. Я сегодня сильно заболел (у нас по телефону или радио не принято было говорить «ранен»). Меня, наверное, придется пока заменить.

С заметным беспокойством командир сказал:

— Ну, опять, а сильно, куда? Дойти до меня сможешь? Отсюда повезем на лошади.

— Спасибо, у меня есть ребята, помогут.

— Ну, так давай быстрее. Или фельдшера прислать?

— Нет, спасибо, сами доберемся,

— Тогда давай быстрее.

— Нет, быстро не могу, я Кучинского вызвал, заместителя. Он с огневой придет, и я тогда пойду, а то дивизион передавать некому.

— Ну, давай, не жди, быстрее, а то еще хуже станет. Кучинский и без тебя за дело возьмется.

Потом командир полка еще что-то говорил с телефонистом, но я уже плохо реагировал на их разговор.

Меня укрыли. Наверное, я дремал. Сколько прошло времени, пока пришел Кучинский, я не мог определить.

Мягко растормошив меня, Кучинский говорил что-то хорошее. Кажется, чтобы я хорошо поправлялся, не спешил возвращаться назад, не волновался бы за дивизион. Потом качнулся над самым моим лицом, поцеловал меня в лоб. Я кое-как выполз из нашего снежного укрытия. Двое солдат осторожно подхватили меня, и мы втроем двинулись к КП полка. Сначала ползли по снеговой траншее. Ох, и неприятная была эта прогулка!

Правая рука с привязанной к ней палкой не только не помогала ползти вперед, но, будучи неподвижной, лишь мешала, тем более что ей нельзя было ни до чего дотрагиваться. Бинт полностью напитался кровью. Она больше не впитывалась и капала, пачкая и без того грязный полушубок и оставляя красные следы на снегу.

Левая рука тоже побаливала в локте, а правая нога и особенно бедро отяжелели.

В общем, особый подвижностью я тогда не отличался. Однако, учитывая помощь двух человек и ситуацию, мы стали довольно быстро продвигаться вперед. Ведь свистящие пули и рвущиеся мины хорошо подгоняют. Даже самые малоподвижные и ленивые люди под их воздействием обретают удивительную резвость и проворность.

Проползли метров 150—200, поднялись и пошли, пригибаясь. Но, видимо, рано поднялись — немцы заметили, засвистели пули, вокруг нас стали подниматься фонтанчики снежной пыли, а когда снег оседал, оставались луночки — следы пуль. Отреагировали моментально — повалились в снег и снова поползли.

Загудели мины и захлопали разрывы, будто доска, один конец которой прижат ногой, а другой оттягивается и ударяется об

бетонный пол, покрытый метлахской плиткой, только несравненно сильнее громче. Мы поползли быстрее, но несколько оглушающих ударов заставили остановиться и зарыться в снег до самой мерзлой земли.

Меня что-то сильно толкнуло в бок. Казалось, белая стена сдвинулась в мою сторону и рассыпалась, завалив почерневшим от гари снегом. Все затянуло черным дымом. На секунду парализовало волю и сознание. Почувствовалась могучая, грозная сила и полное бессилие перед ней. Затем, когда дым рассеялся, я левой рукой стал обтирать залепленное снегом лицо. Упало еще несколько мин, метрах в 7—10, не ближе, хотя кажется, что они падают буквально на тебя самого, а вот та самая страшная разорвалась действительно буквально под нами.

Очухались, отряхнулись, окликнули друг друга, попытались отползти по закопченному снегу, но один наш солдат, вместо того чтобы ползти вперед, встал на колени, копал руками снег и медленно перебирал ногами. Он даже не стер с лица снег. Было ясно, что с ним что-то случилось. Надо было ему помочь.левой рукой я оттер с его лица снег. Лицо не выражало ничего определенного, тело слегка дрожало, а взгляд был какой-то и отчаянный и далекий. Я потянул за рукав полушубка, но он не реагировал, а лишь еще немного привстал на коленях, упираясь в снег руками, весь напрягся, как при сильном позыве рвоты.

Так оно и было. Его сильно вырвало кровью и темными сгустками — очевидно, кусками легких. Он сразу сник и опустился на снег. Для него это был конец. Убедившись в этом и не имея возможности взять его с собой, мы перевернули солдата на спину, расстегнули его, вынули документы и все, что лежало в карманах, Галка снял с него трофейный пистолет, пристегнул себе на пояс. Большого сделать было невозможно. Мы двинулись дальше, с трудом проползли еще метров 100—150 до роши, там поднялись на ноги и медленно пошли вперед на КП полка. Шли вдоль опушки — так, чтобы противник нас не видел. Изредка хлопали мины и пролетали пули, но они летели не в нас, и мы на них не реагировали. На пути попался солдат, он шел не по нашей дороге, а поперек нее. Я окликнул его, спросил:

— Ты живой или раненый? — Почему спросил так несурезно, не знаю, но спросил именно так.

Он мне в ответ;

— А что? Ну, живой и не раненый.

— Тогда будь другом, помоги мне дойти.

А Галка ему:

— Слышь, солдат. Помоги нашему гвардии старшему лейтенанту до полкового КП дойти, а то им одним со мной несподручно идти. Они у нас со всех сторон побитые. Поддерживать надо.

Встречному солдату, видимо, не было особой нужды или желания торопиться и он, подумав немного, по-деловому ответил:

— Ну что ж, коли надо, так пойдем. Отчего бы хорошему человеку не помочь, когда он в таком положении, с каждым может случиться. Не заказаны и мы от такого.

Галка стал пояснять солдату, как было дело.

— Мы вдвоем их вели. Там моего напарника по дороге миной убило. Оставили его пока, только документы да вот пистолет взяли, потом похороним и заявим, когда вернемся.

Снова втроем мы продолжали путь. Прошли еще километра полтора. Вышли из роци в сожженную дотла деревню. Ох и дались мне эти километры! Но все же до полкового командного пункта дошли. КП находился в полуобвалившемся погребе, над которым стояла двускатная крыша, покрытая дранкой. В погребок меня, конечно, не опустили, остались наверху, под крышей.

На КП был командир полка Абрам Менделеевич Ботвинник. На его лице поперек носа был свежий шрам от недавнего ранения. Вместе с ним несколько разведчиков, связисты, фельдшер Жерздев, писарь Халявко и еще пара человек.

Тут тоже за последние недели произошло опустошение. Хорошо, хоть командир полка вернулся.

Полушубок с меня не снимали, так как для этого надо было разрезать правый рукав чуть ли не до плеча. На правую руку наверх старых бинтов подложили большой кусок серой ваты, чтобы кровь не капала, подмотали бинты. Рука стала больше походить на бревно.

Затем полы полушубка подняли, опустили штаны, задрали рубашки. Фельдшер посмотрел, в каком состоянии раны на бедре. Подмотал немного бинтов и почистил спекшуюся на одежде кровь.

Очень хотелось пить, и я попросил воды с сахаром. Есть тоже хотелось. Дали гуляш с рисом. Кормили стоя. Оказалось,

что есть мне было довольно трудно. Ел левой рукой. Съел мясо, а рис оставил. Попросил добавку, мне подложили мелко нарезанное мясо. Я его съел с удовольствием и поел немного риса.

Потом снова дали кружку воды и сахарного песка в кулечке из газеты. Я ел сахарный песок ложкой и запивал водой. Я больше ел сахар, чем пил. Много воды фельдшер не давал, чтобы не было лишнего кровотечения.

Пока меня осматривали, поили и кормили, из штаба полка вызвали лошадь с санями. Командир полка еще раз поздравил меня с новым воинским званием и сказал, что соответствующую запись в удостоверение личности мне сделают в штабе.

Несмотря на состояние, мне было очень приятно получить наконец долгожданное звание старшего лейтенанта. Оно долго задерживалось в связи с моим пребыванием в тылу врага. Среди товарищей, успешно начавших войну и оставшихся к февралю 1942 года, я чуть ли ни единственный в довоенном звании.

Мне еще раз пожелали быстрее поправляться, дали массу всяких добрых напутствий, попрощались, и мы прежним составом, т. е. с Галкой, встреченным солдатом (его имени я почему-то не спросил) и с фельдшером Жерздевым, которому командир полка приказал сопровождать меня до медсанбата, двинулись в дальнейший путь.

Метров 50—70 пришлось остерегаться, чтобы нас не обстреляли, а затем зашли в лесок и пошли спокойно. Прошли еще метров 200—300 по лесной проселочной дороге. Там нас поджидал солдат с лошадью и санями-розвальнями. Рядом на снегу сидели двое раненых и просили возницу подвезти их до медсанбата.

Возница довольно важно объяснял им что нельзя — надо старшего лейтенанта отвозить.

Когда меня подвели к саням, солдаты, видя мое состояние, очевидно, постеснялись обратиться ко мне и заковыляли пешком. Я их окрикнул:

— Вы куда, калики переходные, волочетесь, нам же по одному адресу ехать.

— Ну что вы, товарищ старший лейтенант, — сказал один из них и, как мне показалось, другой его одобрил. — Мы вам помешаем, потесним. Вы «тяжелый» (т.е. тяжелораненый), а мы так себе, дойдем.

— Что вы, ребята, — сказал, им я, — как помешаете? Насчет мешать, так нам с вами немцы уже и так воевать помешали, а насчет тесноты, так это же в тесноте, а не в обиде. Садись ребята, поехали, а то в МСБ к ужину опоздаем.

— Да уж какой там ужин, — продолжал тот же раненый — только бы врачи нам раны вовремя обработали, а то еще заражение крови получится. Умереть можно.

Второй, видимо, ни в чем ему не перечил, во всем соглашался.

— Э... нет, ребята. Врачи врачами, они свое дело делают, а повар поваром. Солдату ни без того, ни без другого не годится. Что нам старая воинская премудрость насчет питания харча говорит, кто из вас знает?

Все тот же ответил.

— Ну, о том, что солдат должен быть ближе к кухне.

— Это правильно, — сказал я, — а почему это так?

Солдат подумал немного, но не ответил.

Зато второй раненый, до того не проронивший ни слова, вдруг выпалил:

— А это так, потому что в обороне главное — это харч.

— Правильно. Вот и обсудим наше положение. Мы же с вами в тыл едем, значит, не наступаем, а переходим к обороне от всяких болезнетворных бацилл. Значит, хватит, без ужинов и без обедов посидели, коли на мушку попали; теперь надо режим питания соблюдать.

— Да какой уж там режим, — быстро проговорил солдат, только что обретший дар речи; казалось, он торопится говорить, чтобы наверстать упущенное, — от немца всего километр, сюда не только снаряды, сюда и мины летят,

Пока шел этот разговор, меня уложили посреди саней на сено, накрыли одеялом, сверху положили еще какой-то брезент. Сразу стало так хорошо, так тепло, что, пожалуй, никакой госпитальный комфорт или домашний уют никогда не мог бы доставить столько удовольствия. Это мне казалось верхом удобств.

Раненые солдаты сели сбоку, подобрав под себя ноги, фельдшер, Галка и провожавший меня солдат тоже были стали определять себе место, но пожилой солдат-возница запротестовал и наотрез отказался брать их с собой:

— Куда вас столько! Сани маленькие, лошадь одна, дорога трудная. И лошадь и раненых только измучаете. Нельзя! Боле не возьму.

Фельдшер не очень настаивал. Мой случайный провожатый солдат, обращаясь к вознице, заметил серьезно;

— Ну что ж, мы раненому подмогли, теперь к себе пойдем. Ты раненых вези, папаша, а мы пойдем своей дорогой.

И, обратившись ко мне, продолжал:

— Ну, на том бывайте, товарищ гвардии старший лейтенант. Наше вам, поправляйтесь поскорее фрица добивать. — Он хотел, наверное, пожать мне руку, но руки-то мои были под брезентом. Ему, видно, очень хотелось как-нибудь попрощаться, и он пару раз осторожно погладил по брезенту, провел рукой по моей шапке и еще раз сказал: — Ну, бывайте!

А получилось это у него, видимо от избытка чувств, с запи- нанием: «ббывайте». Повернулся и зашагал назад по заснежен- ной дороге.

Фельдшер, видимо, что-то обдумывал, мявшись с ноги на ногу, а затем, обращаясь к вознице, сказал:

— Ну, ты смотри за гвардии старшим лейтенантом, чтобы чего не вышло. Довезешь до штаба, чтобы все было в порядке. Сильно не гони, на поворотах осторожно. Если что там, вдруг немцы, так пистолет у старшего лейтенанта на поясе. Сам сними его с предохранителя. Умеешь?

— Ну, вроде бы умею, — ответил возница.

— Ну да, ладно. Смотри: вот как, — фельдшер стал приот- крывать меня.

А возница ему сразу:

— Да вы, товарищ гвардии лейтенант, на своем пистолете покажите, чтобы гвардии старшего лейтенанта не открывать, не тревожить

— Нет уж, давай на его. А заодно посмотрим в стволе па- трон... есть... и все как полагается.

Отвернули брезент, подняли одеяло, вынули из кобуры мой пистолет ТТ, разрядили, повертели, проверили, щелкнули не- сколько раз, загнали патрон в патронник. После этого возница сказал:

— Ну, теперь все в аккурат. Все как есть знаю.

— Вот и хорошо, — согласился фельдшер, — а не забу- дешь, если что?

— Что вы, товарищ гвардии лейтенант, солдату об оружии никак забывать нельзя. Если что, так все сделаю по порядку, как положено. Не сомневайтесь.

После всех наставлений фельдшер пожелал мне скорее поправляться, но не спешить, ждать пока все заживет, поправил на мне брезент и, прощаясь, помахал рукой.

Возница тронул было лошадь, но заметив, что Галка примощается на краю саней, крикнул на лошадь: «Прrrr!» — а на Галку:

— А ты куда? Ведь всем было велено не садиться — слезать, а ты едешь. Глухой, что ли? Слазь, говорят. И без тебя лошади тяжело; неловко столько везти.

К удивлению возницы, Галка даже не пошевелился и совершенно серьезно возразил:

— Нет, я никуда не слезу, пока товарища старшего лейтенанта врачам не сдам. Прямо так: из рук в руки. Как увижу, что их взяли, так и назад пойду, а без этого лучше и не думай, не проси. Они не твой командир. Ты тут только на лошади свезешь, куда сказано, а я в ответе. А вдруг на самом деле немец? Так ты думаешь, я тебе, старому, доверю? Да меня за это свои ребята на батарее пришибут, что командира кому-то отдал. Так что ты, батя, понимай, а потом, может, где сани подтолкнуть придется, а где гвардии старшего лейтенанта поднять, где поднести, того гляди, без памяти будут. Так ты что с этими калеками? Их понесешь, что ли? Этих самих, может, тянуть придется, как за дорожку-то растрясутся. Так что тут, батя, не дури! — И уже грозно крикнул на лошадь: — Эй, но, поехали!

Вознице нечего было возразить, тем более что раненые солдаты поддержали Галку. Один заметил:

— Вот это порядок. Правильно! Своего командира, особенно ранетого, никак нельзя бросать.

А второй добавил:

— И доверять другим тоже нельзя. Командира сохранять надо.

Сани дернулись и, переваливаясь со стороны на сторону, заскрипели полозьями. Я лежал на них и ощущал невыразимое блаженство: мягкая солома, теплое одеяло — что могло быть прекраснее? Из этого блаженного состояния меня выводила лишь острая боль в руке да досада на то, что пришлось оставить дивизион и, очевидно, надолго ехать в тыл.

Лошадка то трусила рысью, то шла шагом, и где-то через час, а может, через два мы подъехали к штабу полка. Он помещался в уцелевшем доме сожженной деревни. Галка раскрыл меня, помог встать.

Солдаты быстро расположились в сенях, прямо на полу. Мы были в теплой избе в 5—6 км от противника. Сюда не долетали ни пули, ни мины, лишь снаряды, и то изредка. Все это уже само по себе было большим комфортом и абсолютным покоем для людей с переднего края, а потому, развалившись на полу, солдаты чувствовали себя прекрасно. Тем более что из комнаты доносились звуки патефона, играли наши любимые до войны пластинки: «Парень кудрявый», «Катюша» и «Брызги шампанского».

В комнате, куда я зашел, за столом сидела: машинистка штаба Мария Ивановна и санинструктор Лиза Козюкова. Не знаю почему, но двадцатилетнюю Машу в полку звали Марией Ивановной.

Увидев меня, девушки сразу остановили патефон.

Я крикнул им:

— Здравствуйте, девочки! Зачем музыку прекратили?

А они ко мне и в слезы. Стали, как могли, обнимать, гладить.

— Артемчик, милый, уж и тебя тоже ранило. Ой, у тебя все в крови....Тебе очень больно?

И совсем расквасились. Я на них:

— Что вы, девки, воете? Музыку ставьте, да повеселей, не на похоронах.

А они плачут и свое:

— Ой, как тебя всего побило! Больно тебе, бедному? Ты у нас последний из старых (значит, довоенных) лейтенантов остался. Мы уж думали, тебе все нипочем. А тут такое....

Я стоял на своем, и музыка возобновилась. Однако глаза у девушек оставались мокрыми. Они пытались было снять с меня полушубок, но из-за бинтов на правой руке об этом не могло быть и речи.

Меня усадили на лавку. Лиза выбежала в другую комнату, принесла большой кусок серой ваты, положила на пропитавшиеся кровью совсем сырой красный бинт и хорошо подбинтовала. Затем проверила повязку на животе.

Мария Ивановна вынула из пишущей машинки недопечатанную бумагу, свернула ее, принесла чай, развернула сахар и какое-то печенье.

Зашли офицеры. Их было очень мало. Тяжелые бои и здесь принесли опустошение. За начальника штаба остался недавно назначенный из командиров батарей начальник разведки полка старший лейтенант Сема Гомельский. За всех помощников начальника штаба был начальник химической службы старший лейтенант Ведерников, а всем делопроизводством и строевой частью заправлял наш старый довоенный писарь старшина Холявко. Было еще несколько сержантов, фельдшер да пришедший по какому-то делу начальник продснабжения ветеран полка Коровин. До войны, со дня формирования полка и до начала войны, более 15 лет он был старшиной 4-й батареи.

Сема Гомельский поставил печать в удостоверение личности на звание «старший лейтенант». Мне дали поесть немного мяса, сала, сахара и печенья с маслом. Коровин дал ломтик очень вкусной корейки и луковицу. Накормили Галку и моих раненых попутчиков. Поговорили еще несколько минут, во время которых со стороны старых товарищей, а на войне так можно называть тех, с кем воюешь вместе пару месяцев, чувствовалось такое неподдельное участие, внимание и дружба, что уже это само по себе влияло на мое состояние самым благотворным образом.

Подъехала полупторка «ГАЗ-АА». Девчата засуетились, дали мне еще немножко водки, кусочек черного хлеба с салом.

Сема Гомельский с притворной строгостью напустился на них:

— Вы что нашего друга оккупировали? Небось мы с ним раньше вас знакомы. До войны еще служили, а вы без году неделю как знаете.

- А вы не будьте жадными, — шутя ответила Лиза.

На мне поправили одежду, помогли сойти с крыльца, и все начали нас провожать, говоря уйму самых хороших напутствий.

Около машины девушки опять всплакнули. По очереди целовали меня: и в щеки, и в губы, в общем, куда было можно, там, где не было забинтовано, даже в левую ладонь.

Между нами не было ничего, кроме чистой воинской дружбы, и, наверное, потому наши девушки так искренне и так непосредственно проявляли ко мне свои чувства.

Мне помнится, как в конце января 1942 года, недели за две-три до ранения, дней десять мне ни разу не пришлось попасть ни в дом, ни в блиндаж — все время только на холоде, только на снегу. Я весь замерз, был изнурен морозом и потому бессонницей. На голом снегу или на еловом лапнике в промокшей одежде да в тридцатиградусный мороз не уснешь. Есть было нечего, пища замерзала, В буханку хлеба надо было стрелять, чтобы расколоть и пожевать заледенелые крохи. Даже штыком не разломить было буханку. От всего этого я в какой-то мере отупел и был в довольно тяжелом состоянии.

Однажды я проходил через сожженную деревню мимо полуразрушенного, нетопленного, холодного дома. Туда несколько раньше зашел наш полковой штаб. Не весь штаб, а несколько человек, представлявших оперативную часть.

Как бы ни были тяжелы военные условия, но штабные не испытывали того, чего мы, батарейные или дивизионные стрелки.

Я зашел в дом грязный, холодный, голодный, наполовину отупевший. Увидев мое состояние, девушки, те же Маша с Лизой, схватили меня, сняли верхнюю одежду — полушубок, валенки, ватные брюки, гимнастерку — и уложили на широкую деревянную крестьянскую кровать, покрытую соломой.

Потом сами полуразделись, легли в постель, накрылись сверху и грели меня своими собственными телами. Прижались ко мне, дышали на меня. Они не стесняясь проявляли свое искреннее товарищеское и почти материнское чувство. А я в то время был настолько стеснительный, пожалуй, даже робким, что воспользовался только теплом их тела, а не тем, что они были женщинами. Хотя мне в этом, очевидно, не было бы отказано. И ничего не было бы удивительного. Такова война.

И вот теперь я думаю, что тогда именно потому, что наши отношения никогда не выходили за рамки чистой дружбы, девушки, никого не стесняясь, целовали и обнимали меня на прощанье.

Принесли носилки. Мне помогли лечь на них, укрыли. Открыли задний борт «газика», и я оказался на машине. Около меня расположились еще человек 6 раненых, полковой фельдшер, в/фельдшер 2-го ранга Жерздев и Галка.

Медленно переваливаясь на ухабах, буксуя и застревая в снегу, машина двинулась вперед. Наш полк оставался позади; мы двинулись в тыл.

Начало смеркаться. Фары не зажигали — на войне это не было принято. В воздухе работали вражеские самолеты-охотники.

Урчал мотор машины. При толчках раны давали себе знать.

Раненые одни сидели молча, другие переговаривались, третьи тихо стонали.

Галка следил, чтобы я не вывалился с носилок, чтобы не ударился, избавляя от излишней боли.

Выехали на лесную поляну. Машину остановили. Тут был медсанбат нашей дивизии или другой дивизии, очевидно, все-таки нашей. Вряд ли нас повезли бы в чужой медсанбат,

На небольшой поляне и между деревьями стояли большие санитарные палатки. Ночь была светлая, и они были отчетливо видны.

Открыли борт машины. Раненые стали потихоньку вылезать. Шофер и Галка помогали. Потом они взяли носилки и с чьей-то помощью сняли их с машины.

Я попрощался с ранеными, особенно с теми двумя, с которыми уже несколько часов провел вместе.

Носилки подняли, и меня внесли в тамбур большой санитарной палатки. Там мерцал тусклый свет то ли от коптилки, то ли от небольшой керосиновой лампы. Медленно двигались удивительные тени — это переносили раненых, или они сами ковыляли. Мои носилки поставили на пол. Галка осторожно взял у меня кобуру с пистолетом и прицепил к своему поясу. Мне оружие больше не требовалось. Полковой фельдшер вложил мне за пазуху полушубка «карточку передового района» — мой медицинский паспорт, где были все необходимые данные обо мне самом, о ранениях и оказанной медицинской помощи. После этого фельдшер вышел и через несколько минут привел местного солдата-санитара и, показав ему в мою сторону: сказал:

— Вот это гвардии старший лейтенант, командир дивизиона. Я договорился с врачом обработать его вне очереди. Как будет место свободное, сразу несите в зал на стол.

— Хорошо, так и сделаем, — сказал санитар.

Но таким тоном, что казалось будто он говорил: «Все о своих раненных заботятся больше, чем о чужих, и всем надо в первую очередь или вовсе без очереди. А нам-то все раненые одинаковы. Будет место, подойдет очередь — и внесем куда надо.

С этим он и ушел.

А наш фельдшер сказал Галке:

— Пошли, пора ехать.

Галка было стал возражать, но фельдшер как-никак был офицер. Он настаивал:

— Пора, пора ехать. Теперь твоему старшему лейтенанту все что надо и без нас сделают, а нам надо остальных раненых устроить. И уже, наверное, еще подоспели, новых везти надо.

Фельдшер снова в какой уже раз пожелал мне поправляться, несколько раз дотронулся до моего полушубка и валенок, потом до шапки. Одежда уже не было. Оно осталось в машине. В палатке было достаточно тепло.

Фельдшер потянул Галку за рукав к выходу, но он не пошел, а встал на колени, видимо, чтобы быть ко мне поближе. Подышал мне в лицо, погладил осторожно и сказал:

— Ну, вы уж там, пожалуйста, чтоб все хорошо было. Поправляйтесь, а мы подождем. Напишите нам как и где будете. Мы всей батареей почитаем и тоже о себе опишем и будем ожидать возвращения.

— Хорошо, хорошо, — пообещал я. — Обязательно напишу.

— Тут очень хорошо. Меня сейчас заберут и все будет в порядке. А ты вставай и поезжай. Ребятам скажешь, что довез меня до самых врачей. Так что в безопасности теперь.

Галка постоял еще с минуту на коленях, потом встал, что-то еще говорил вполголоса. Фельдшер взял его под руку, и они вышли.

Итак я остался лежать на носилках в тамбуре большой санитарной палатки медсанбата. Теперь уже полностью оторванный от своего полка. Мне сразу стало тоскливо, как будто оторвалась та невидимая, но всегда осязаемая ниточка, связывавшая меня с моим делом, с моими людьми, с моими боевыми друзьями, с которыми я всегда чувствовал себя как в родной семье и без которых я сразу стал совершенно одинок и почти беспомощен. Повеяло холодом, на душе стало жутко.

Так пролежал я довольно долго. Может быть, час, а может, и намного больше. Рядом со мной стояли еще двое или трое носилок: на них лежали тяжелораненые. Мимо в полумраке туда и обратно проходили люди. Одни шли сами, других вели, третьих несли на носилках.

Внутри палатки двигались более темные фигуры: серые шинели, серые в темных пятнах бинты. Обратно двигались бо-

лее светлые. Бинты на них были белые, но сами они казались более беспомощными и изнуренными после обработки ран, операций и перевязок.

Назад на своих ногах возвращалось меньше раненых, чем приходило, а на носилках выносили больше, чем вносили.

Шло время, шли мимо люди, а очередь до меня не доходила.

Ни санитарам, ни другим медикам было не до меня. Меня никто не замечал.

Судя по разговорам проходивших мимо, были еще госпитальные палатки, куда свозили раненых и где устанавливалась очередь в перевязочную и операционные.

Поток раненных был велик, и очередь, видимо, была большой, наверное, на много часов.

Я позвал проходившего мимо санитаря или фельдшера. Он обернулся и, зацепившись за мои носилки, споткнулся.

— Что вы здесь делаете? — спросил он резко и весьма не приветливо.

— Как что делаю? Ничего не делаю. Лежу, — ответил я примирительно.

— А чего вы здесь лежите? — продолжал он еще более резко.

— Жду. Жду, когда вы меня возьмете и обработаете.

Я попытался смягчить его раздражение.

— Ну что вы здесь ждете! Вы же видите, что медсанбат переполнен. Мы больше не принимаем. Неужели вы этого не понимаете?

Надо было отвечать, хотя в его словах была железная логика.

— Во-первых, я сюда не приехал, а меня привезли. Во-вторых, оттого, что я чего-либо понимаю, здоровей я не буду и переехать в другое место все равно не смогу, а в-третьих, я все же надеюсь, что вы меня приведете в порядок и отправите в госпиталь.

— Ну, вот еще придумал. Все сразу хочешь. Подождать надо, — сказал он уже мягче, но, как будто спохватившись снова стал меня «распекать»: — Да, черт тебя дернул здесь в проходе валяться. Об тебя все ноги обломаешь.

И с этими словами он ушел в глубь палатки.

Слова этого человека, призванного оказывать людям помощь, не учитывая сложившейся обстановки, могли показаться отвратительной черствостью и бездушием.

На самом же деле было не так. Эта была не черствость и бездушие к судьбе раненого бойца, а результат крайнего напряжения, бессонных ночей и безвыходности положения, в котором находился этот человек.

Он отлично все понимал, но помочь мне не мог.

Это его самого раздражало и удручало, и потому внешней грубостью и бессердечностью он скрывал свое бессилие и отчаяние.

Ведь таких, как я, были многие сотни, а их, медиков, было очень мало.

Минут через 10—15 мой случайный сварливый собеседник подошел снова.

— Вот он, — сказал он какому-то второму.

А тот, в свою очередь, как бы не замечая меня, ответил нетерпеливо:

— Ну, давай скорей, скорей!

Я почувствовал, что мне отдернули полушубок, расстегивают ватные штаны, оголяют правое бедро и пришедший тянется ко мне со шприцем.

Вдруг игла, которая была уже нацелена на меня, остановилась:

— Что ты мне ДАЕШЬ? Тут все в крови — ранение.

— Ну, подожди, — последовал ответ.

— Что подожди? — не унимался человек со шприцом. — Я-то подожду, да меня не ждут. Тут тебе не санаторий на три койки. Там можно ждать, а тут «не подожди», а давай быстрее другую ногу.

— Сейчас, сейчас, — заторопился первый санитар.

Судя по этому разговору, для инъекции привел он, видимо, фельдшера, оторвав его от других раненых.

— Что это? — спросил я.

— Противостолбняковая. Надо же тебе хоть что-нибудь сделать, — ответил серьезно и убежденно санитар, который сначала показался таким бездушным.

— Не надо, — сказал я и попытался отстраниться левой рукой. — Меня уже кололи противостолбнячной. Больше не надо.

— Как вам не стыдно, — сказал человек со шприцем. Сказал он это с укоризной и даже с некоторым возмущением. — Бойтесь укола, комариного укуса. Вы... после того, как не боялись, наверное, пуль...смерти, стыдитесь.

— Да меня на самом деле уже кололи. Я не боюсь. Зачем же во второй раз. Это ведь не нужно, — упорствовал я.

А мне уже оголили место на левом бедре, и человек со шприцем продолжал свое:

— Бойтесь укола! Ай, яй, яй, а страшного столбняка не бойтесь? Ведь вам еще несколько часов придется лежать без помощи.

И с этими словами ухватил пальцами мою ногу и воткнул шприц.

— А мне на самом деле противостолбнячную уже делали. Еще вчера, — сказал я таким тоном, что коловший меня, видимо, усумнившись в своей правоте, спросил:

— В самом деле уже кололи?

— Ну конечно. Наш санинструктор, еще вчера.

Однако, дело было сделано, и он, поднимаясь с колен и уже уходя, высказал последнее заключение по данному вопросу:

— А, ладно. Лучше перекланиться, чем недокланяться. От двух доз не умрешь, а от столбняка теперь гарантия.

На вид этому фельдшеру было лет... может 25, а может, 35. Лица в полумраке палаточного тамбура было не особенно видно, но поднимался и уходил он, как старик. Столько усталости было в его движениях и во всей фигуре.

А тот, что его привел, мой более «старый» знакомый, застегнул меня, поправил на мне полушубок, получше подоткнул шапку под голову и, отходя, каким-то надломленным и почти безнадежным тоном сказал:

— Вот видишь, может и зазря, но хоть что-нибудь сделали.

Он, видимо, тоже страшно устал, и показной грубости хватило ему совсем не надолго.

Полежав еще немного времени, я услышал шум у входа в палатку:

— Куда вы везете своих раненых? Раньше чем через 6 или 8 часов мы не можем оказать тяжелым никакой помощи. У нас ужасный наплыв раненых.

— Ну хоть двух примите. Они очень тяжелые. Как же с ними? Это же наши командиры. Нельзя же так! — умолял кого-то, очевидно, привезший этих раненых.

— Я вам сказал, — отвечал, казалось, бесстрастный голос. — Тяжелых — не можем. Легких кое-как обрабатывают са-

ми санитары. Для тяжелых не хватает ни места, ни врачей, ни хирургических сестер. Везите сразу в госпиталь.

— А вдруг не довезем, — не унимался проситель, — ведь мы привезли только двух. Уж их-то как-нибудь возьмите.

А неумолимый с порядка уже изменившимся голосом с досадой продолжал:

— Эх, если бы вас самих было только двое, а то ведь каждые 10 минут вот так же, как и вы, кто-нибудь просит, да еще угрожают кто чем: кто кулаками, кто пистолетом, а кто и трибуналом. Конечно, же, все понимают, что промедление с помощью — смерть. Вот и хотят своих людей быстрее на операционный стол устроить. Да ведь столов от этого не прибавляется.

— Ну, ведь, может, только наших, а уж мы сами посмотрим, чтобы больше никого не привозили, а то ведь умереть могут — они тяжелые.

Просивший буквально молил, сам чуть не плача.

— Кабы была моя воля, а то ведь я не один, сам не решаю, — сказал он уже почти доверительно и продолжал: — Так что вот мой совет: забирайте своих тяжелых и везите в армейский госпиталь. Так должно быть попроще. Там дело вернее.

— Ну что же: ехать, так ехать. Поедем до госпиталя.

В это время я услышал голос моего Галки:

— Так они, может, и нашего старшего лейтенанта еще не перевязали. Пойду поищу их, а то чего доброго лежат без помощи.

С этими словами он вскочил в тамбур палатки и вбежал в операционный зал, проскочив мимо меня.

В палатке было шумно, и я не мог услышать, что там говорили. Через пару минут Галка снова появился, держа в руках металлическую шину, которую прихватил в палатке. Он нашел меня, нагнулся и спросил:

— Товарищ старший лейтенант, ну как ваши дела, болит не очень?

Что мне было ответить?

— Все в порядке, побаливает немножко, да ничего.

— Я сейчас за вами. Мы в госпиталь поедем.

С этими словами он вышел, и было слышно, как с большим удовлетворением говорил:

— Вот не зря я сказал, что мне надо снова сюда ехать. Конечно, здесь наш командир. Лежат, где мы их оставили. Идемте

за ними... — И, уже входя, закончил: — Я как чувствовал и не хотел отсюда ехать, пока сам не увижу, что все в порядке.

И, обращаясь к своему спутнику, продолжал:

— Вот они лежат. И все как было. Давайте мы им шину на руке прикрутим, а то у них там палка привязана.

Галка приехал с фельдшером.

Фельдшер быстро согнул, где надо было, шину, и крепко прибинтовал к правой руке. Они вместе подняли мои носилки и стали выносить на улицу.

Уже на ходу Галка продолжал убежденно доказывать фельдшеру:

— Я же не потому здесь хотел быть, что на НП боюсь. Нет, я за командира боюсь. Их надо прямо врачу в руки отдать и еще посмотреть, чтобы врачи начали все делать. Только так.

В кузове полуторки, куда подняли мои носилки, стояло еще двое носилок и находилось еще человек десять не носилочных раненых, которые то ли сами, то ли по рекомендации фельдшера решили, не оставаясь в медсанбате, сразу ехать в полевой госпиталь, где можно было получить быстрее более полную медицинскую помощь.

Среди раненых я узнал несколько знакомых солдат.

Стало веселее — не один буду в госпитале.

Тех, что лежали на носилках, узнать было трудно. На улице было темно, да еще у одного из-под бинтов, покрывавших голову, был виден лишь один глаз, маленький кусочек лица и место, где находилось отверстие для дыхания. Дышал он с шипением и свистом, тяжело и неровно.

Второй раненый лежал на носилках с неподвижным лицом, обращенным вверх, и иногда хлопал глазами.

Естественно, я захотел узнать, кто это, но оба оказались незнакомыми мне людьми.

Мы ехали без света по ухабам и неровностям фронтовой дороги. Кое-где буксовали.

Легкораненые вылезали из кузова, как могли. Выталкивали машину и она, снова раскачиваясь и переваливаясь, шла вперед.

Через час, а может быть, и больше мы въехали в почти уцелевший лесной хутор.

Машина остановилась.

Фельдшер, сидевший рядом с водителем, пошел, очевидно, в приемное отделение узнать, куда определить раненных.

Когда носилки снимали с машины, были видны освещенные луной крестьянские дворы, рубленые дома со слуховыми окнами под дранковой крышей и длинные сараи, покрытые соломой.

Между деревьями виднелись силуэты больших санитарных палаток.

Ходячие раненные куда-то ушли. Их, очевидно, увели в приемное отделение.

Куда-то, наверное, тоже в приемное отделение, унесли двух моих носилочных попутчиков и меня тоже понесли.

В медсанбате меня не кормили. Времени прошло много, и я почувствовал, что аппетит мой разыгрался не на шутку.

Но делать было нечего. Сначала хирург потом повар. Меня занесли в большую палатку приемного отделения. Фельдшер попытался сдать меня без очереди дежурной медсестре. Та зашикала на него:

— Не видите, сколько раненных дожидаются? Подождите со своим. И вообще вам здесь делать нечего. Привезли — и уезжайте за другими. А с этими теперь наша забота.

— Да я было уже один раз уехал из медсанбата, — оправдывался наш фельдшер, — так мой командир там без помощи и пролежал, пока я еще раз туда приехал и вот вам его привез. Как же я его теперь снова оставляю? Неровен час, еще заражение начнется, пока ваша очередь подойдет. Да вы, милочка, нашего командира хоть запишите да скажите, куда ему дальше положено.

— Да-да, это нам очень нужно, — настоятельно прибавил фельдшер. — Зарегистрируйте, пожалуйста.

Сестра кивнула сидевшему за столом санитару, и тот стал записывать меня в толстый грессбук, задавал при этом нашему фельдшеру кучу вопросов.

Записывалось все по порядку: что-то в строчки, что-то в колонки, сделали какую-то пометку в «карточке передового района», а потом все вместе начали меня раздевать.

Проще всего снимались шапка и валенки. В первую же очередь надо было снять полушубок, но на руке было уже столько набинтовано ваты и бинтов, что сделать этого, не нарушив целостности рукава, было невозможно.

Отмотали немного бинтов — тех, что держали верхние слои ваты и металлическую шину, которую в медсанбате утащил или одолжил, а может быть, выпросил Галка. Теперь уже метод приобретения этой металлической шины установить не удастся. Тем более в этом и надобности-то особой нет.

Убрали сколько было можно пропитанной кровью ваты, оглядели со всех сторон правый рукав.

Санитар взял острый хирургический нож и разрезал рукав до самого локтя.

После этого из целого рукава вытащили левую руку и осторожно стали стаскивать полушубок с правой.

Когда мех рукава проходил над разбитой кистью, было больно. Но на то и рана, чтобы болела.

В общем, за минуту все было сделано.

Потом распустили правый рукав гимнастерки и двух настоящих рубах, верхняя из которых была обычная, табельная из фланели. Она была когда-то белая. Нижняя рубаха была коричневая из шелкового трикотажа — «противовошная». Было принято считать, что на шелке вошь не держится, скатывается. Поэтому мы старались доставать дополнительно шелковое казенное белье.

Сколь шелковое белье неприятно для насекомых, сказать, конечно, трудно, однако мне, например, носить шелковое белье было весьма приятно.

Посмотрели повязку на бедре и на левом локте. Мне очень надоело лежать на носилках, да, кроме того, отлично зная, что под лежащий камень вода не течет, я решил слезть с носилок и по возможности действовать,

Кое-как с помощью Галки и фельдшера встал с носилок. Правая рука сильно болела, в ноге ощущалась тупая боль, а левый локоть побаливал лишь чуть-чуть.

Постоял, прошелся под неодобрительным взглядом санитар по палатке и попросил его показать, где операционная. Санитар на это весьма резко и недовольно буркнул:

— А зачем вам знать, где операционная? Когда ваша очередь подойдет, сами отведем.

Но попробуй ждать, пока «ваша очередь подойдет»! Раны болят, и время идет. А время работало тогда явно против меня.

И если тогда еще можно было все привести в порядок, то потом может уже быть безвозвратно поздно.

Тогда Галка сам вышел на улицу и разузнал, где операционная или перевязочная палатка. Как она официально называлась, я не узнавал. Нас интересовала суть дела, а не название. Потом он быстро собрал носилки и отнес их обратно в машину.

Было ясно, что без этих носилок я тут обойдусь. Если будет надо, в госпитале дадут другие, а полковой службе терять такое дефицитное имущество никак не следовало.

Когда все это было сделано, Галка вернулся и, взяв меня под руки вместе с фельдшером, помог выйти на улицу.

По неширокой дорожке, протоптанной в снегу сотнями ног, мы прошли немного вдоль опушки леса и зашли в другую палатку. Даже тамбур этой палатки был завешан белыми чистыми простынями. Во внутреннем конце тамбура навстречу нам с лавки поднялся угрюмый санитар.

— Вам куда? — сказал он весьма неприветливо и с таким видом, будто хотел гаркнуть: «Куда прешь, чумазый?» — Здесь только «чистых» берут.

Это, очевидно, надо было понимать так, что сюда приводят раненых толи уже без верхней одежды, то ли уже вымытых или после первичной обработки. Ни тому, ни другому, ни третьему, я, конечно, не соответствовал, и вставший санитар, загоразживая вход из тамбура в саму палатку, настойчиво повторял:

— Сюда нельзя, вам сказано!

Он, этот санитар, был стражем порядка и жизненно необходимой элементарной госпитальной гигиены. Но что нам-то было до этого! Нам необходимо было как раз все наоборот.

Наш фельдшер вплотную подошел к неумолимому стражу порядка и голосом, которому придал большую значимость и таинственность, полупшепотом обратился к санитару:

— Сказали... — Он по-особому сложив губы, положив нижнюю на верхнюю и приподняв лицо, оттопыренным большим пальцем показал себе через плечо на выход из палатки. Этот жест означал, что сказали там, куда он показал, вне палатки, где, очевидно, большое начальство, а поднятое лицо со сложенными губами должно было придавать больший вес сказанному. Он повторил: — Сказали обработать немедленно, в первую очередь. Это очень важный человек...

В вашем положении плакать надо, а вы смеетесь

Пока санитар слушал, широко раскрыв глаза, приоткрыв рот и пытаясь разобраться в произносимом, Галка протащил меня мимо него и втолкнул внутрь палатки,

Внутри сразу блеснули яркий свет хороших, видимо, еще довоенных керосиновых ламп «молния» и белизна стен.

За входом слышались шум и ругань санитаров. Он понял, конечно, что его провели, и возмущался, как всякий порядочный служащий, при котором нарушен им же охраняемый порядок.

Я тут же двинулся вдоль стенки палатки и быстро убрался в противоположный угол, где уселся на брезент, покрывавший еловый лапник, положенный с целью теплоизоляции на замерзшую землю.

Тут я был в безопасности. От входа меня не было видно, а разыскать человека в операционной палатке, мешая этим работе хирургов, санитар, конечно, не мог решиться, тем более что для этого надо было оставить свой пост у входной двери без присмотра. Один человек уже и при нем прорвался, а без него целый взвод ворвется. Поди выгони их тогда из палатки!

Как бы там ни было, санитар за мной не пошел, но и Галка с фельдшером проникнуть в палатку тоже не смогли.

Я облокотился спиной о какую-то стойку и осмотрелся. В палатке стояли четыре операционных стола. На столах лежали раненые. Над ними склонились люди в белых халатах.

Они работали сосредоточенно, говорили изредка, вполголоса. Лежащие на столах иногда вскрикивали, иногда стонали, а некоторые лежали неподвижно и ни на что не реагировали. Зато около таких и людей в белом было больше, и разговаривали они между собой чаще и резче.

Через стол лицом ко мне в белом халате, казалось, совсем новом, накрахмаленном, но уже изрядно забрызганном кровью работала молодая женщина невысокого роста. Лет ей на вид можно было дать 25 или 27, не более.

Ее приятное, кругленькое светлое лицо с убранными под косынку волосами казалось совсем свежим, чистеньким и очень привлекательным. В нем чувствовались мягкость и вместе с тем жизнерадостность и оптимизм.

Работала она быстро, четко и, казалось, легко. На раненых смотрела внимательно, ласково. Разговаривала серьезно, немного насмешливо.

В общем, мне она сразу понравилась, и я решил, что пойду обязательно к ней.

Хорошо сказать: «Пойду», а как она меня примет? К каждому столу была своя очередь, которую очень ревностно поддерживали санитары.

Пройти самому, без очереди было невозможно. Только сам хирург или санитар могли, очевидно, нарушить установленный порядок. О санитарях и думать было нечего, а на хирурга можно было возложить кое-какие надежды.

Из своего угла я стал смотреть на эту приятную женщину. Мне нравилось, как она работала, да не только, как она работала, но и какой она была сама.

Я смотрел, видимо, так пристально; что она это почувствовала и заметила меня.

Я ей улыбнулся искренне, от всей души, и когда наши глаза встретились, на ее лице сначала можно было прочесть неожиданное удивление, а потом и она слегка улыбнулась, но быстро отвела глаза и продолжала свою работу.

Я пристально глядел на нее и улыбался.

Она время от времени поднимала на меня глаза, и на ее лице, несколько удивленном, появилась на мгновение едва заметная и, очевидно, только мне веселая улыбка.

Так продолжалось долго, наверное, час или даже больше.

Несколько раз меняли раненых. Одного забирали, другого сразу клали, как на конвейере.

Она все чаще поглядывала в мой угол. Удивление или недоумение на ее лице сменилось любопытством и каким-то дружеским участием. Мое положение было ей, конечно, вполне понятно.

После того как она в очередной раз бросила инструмент, и с ее стала санитар начал забирать раненого, она вдруг отошла от стола и быстро направилась в мой угол.

— Молодой человек, — обратилась она тихим голосом, показавшимся мне очень приятным, — в вашем положении плакать нужно, а вы смеетесь. Ну чему вы радуетесь?

— Как чему радуюсь, — начал я весьма бодро. — Тому, что живу на белом свете, тому, что жизнь хороша, тому, что вас

увидел, тому, что у меня все так хорошо складывается. А вы — «плакать надо»! Пусть кому охота сами плачут, а я себя оплакивать не стану,

— Эх, ты парень веселый, — перешла она на «ты», — но все-таки тебе поплакать, наверное, придется.

— Нет, не заплачу, а то проплачу все царствие небесное, повеселиться не успею да и к вам на стол опоздаю. А так вы меня сейчас к себе возьмете, и все у меня приведете в порядок.

— Доктор, раненый готов, — подошел санитар.

— Ну, подойди, бедняжка, — сказала она тихонько и повернулась к своему столу.

— Да только я не бедняжка, наоборот.

Она снова улыбнулась и очень мягко сказала:

— Да уж ладно тебе. Разбинтуй пока руку, чтобы нам времени не терять. Как увидишь, что я заканчиваю, так сам подходи.

Она было совсем собралась отойти, но еще раз окинув меня взглядом с дружеским участием добавила:

— Боже, какой же ты грязный, весь кровью залит. Ну, давай разбинтовывайся.— И пошла к своему столу.

А я сбросил на брезент накинутый полушубок, снял меховой жилет, спереди сильно испачканный кровью, аккуратно стянул с себя зеленую саржевую гимнастерку с разрезанным рукавом, с дырочками от пуль. В ее зеленых матерчатых петличках были по два зеленых лейтенантских кубика, еще довоенные артиллерийские эмблемы — пушечки. Третьих кубиков, соответствующих моему новому званию старший лейтенант, у меня не было. Тогда они были дефицитны, а вышить знаки различия нитками до ранений я не успел.

Правый, разрезанный почти до локтя рукав был промочен кровью.

На месте левого локтя была дырочка и засохло большое кровавое пятно. Перед гимнастерки я тоже замарал кровью, и лишь две дырочки справа от пули, попавшей в бедро, были чистыми — кальсоны и ватные брюки не пропустили кровь. Нательные рубашки снимать не стал. Правый рукав был разрезан до локтя и не мешал, а левый я просто не мог засучить.

Плохо действовавшими пальцами левой руки, которая изрядно побаливала в локте, начал отматывать бинты с правой кисти.

Кровь, пропитавшая бинт со стороны раны, стала понемногу подсыхать. Бинты слиплись, и, отделяя их, я причинял себе немалую боль.

Чем меньше оставалось бинтов, чем ближе к ране, тем труднее становилось отматывать бинт, было все больнее и больнее.

Наконец рука стала постепенно оголяться, и приятная, очень приятная свежесть сразу ощутилась на открываемом месте.

За этим занятием я время от времени посматривал на «моего» врача и улыбался.

Она тоже иногда поднимала на меня глаза, и в ее понимающем взгляде светилась одному мне заметная улыбка.

Казалось, что между нами установился внутренний контакт и мы участники незримого заговора.

Во мне возникло чувство не только симпатии, но и дружбы к этой женщине. О том же говорил и ее взгляд, который напоминал иногда не взгляд женщины, держащей в своих руках под острым ножом жизнь человека, а взгляд, казалось бы, шаловливой девочки-подростка или совсем молоденькой девушки.

Слипшиеся бинты уже приходилось разделять над самой раной. Это было очень больно.

Чтобы было легче, я делал это очень медленно, но все равно лоб начала покрывать испарина, а левая ладонь стала мокрой от пота.

Открывалась распухшая и потерявшая обычную форму кисть правой руки.

Наконец дело дошло до самой раны. На ней лежал двойной тампон от индивидуального пакета.

Я потянул, и на тампоне стал появляться отпечаток раны вместе с маленькими кусочками, которые приклеились к бинту, тащились за ним и отрывались от самой раны. Стало очень больно и тяжело, почти невыносимо.

Казалось, я тащил не легко отдираемый бинт, а какую-то очень тяжелую, накрепко приклеенную ткань, для отделения которой нужно было большое физическое усилие.

Я взглянул на врача. Она понимающе ответила, на мой взгляд, и печально кивнула. Дескать: «Я знаю, каково тебе, но что же делать? Продолжай».

И я дальше и дальше открывал развороченную кисть руки.

Рана была большая. Как потом определили, 8 см в длину и 5 в ширину. На вздувшейся кисти края раны были припухлыми и округлились, а в самой ране была какая-то мешанина, и из нее струйками текла кровь.

Полусогнутые пальцы руки были безжизненны и неподвижны. В общем, это была картина, которая совершенно не стимулировала ни оптимизм, ни хорошее настроение. Казалось, скорее, вызывала тоску и безнадежную удрученность. С каждым мгновением казалось, что отдирать бинт становилось физически тяжелее.

Каждый миллиметр прилипшего бинта вызывал острую боль и своеобразное ощущение — будто что-то живое тащат из глубины тела.

Казалось, не приклеившийся бинт отрывает с поверхности разрубленных тканей живые кусочки, а будто бы тянет из глубины кисти, а она тянет за собой из всей руки, из локтя, из плеча и будто бы чуть ли не из пупка. Тяжело. Однако терпеть было можно. Бинт медленно отделялся и открывал кисть.

От уровня третьего пальца, где начиналась рана, бинт уже открыл рану до продолжения большого пальца, где кончается кисть и начинаются длинные локтевая и лучевая кости...

Резко и тонко ударило в голову. В глазах блеснуло. Комок бинта выскочил из левой руки.

«По мозгам ударило», — мелькнуло это несколько неблагоприятное выражение, но оно было как нельзя более характерно для ощущения поразившего меня в тот момент.

Снова взял в левую руку конец бинта, попробовал потянуть, но все повторилось, как прежде.

От резкой боли я вздрогнул и закрыл глаза.

«Это нерв, — решил я. — Я тяну за свой собственный нерв. Так вот что такое — «давать по мозгам» и «тянуть жилы».

Третья попытка окончательно сорвать бинт привела к тем же ощущениям и была так же безрезультатна.

Когда зубной врач попадает бором на открытый нерв, даже тогда не так ужасно. Там тебя сверлит другой. У него рука не чувствует ошеломляющей тебя боли, а работает. Но тут действует своя рука. Она парализуется и не в состоянии продолжать. Пальцы непроизвольно разнимаются и выпускают бинт, и происходит это не от твоей слабости, а от колоссальной силы воздействия, которая оказывается сильнее тебя самого. Страшное

ощущение проходило быстро, но, наверное, отражалось на моем лице. Когда я снова открыл и поднял глаза, женщина хирург, видимо, поняла мое состояние. На ее лице показалось сочувственное понимание, и она отрицательно покачала головой.

Было ясно. Она говорила, что попытки надо прекратить. Она сама оторвет бинт. Я больше не трогал приклеившийся тампон. Снятие бинта утомило меня. Я почувствовал сильную усталость и снова прилег на брезент.

Обработка очередного раненого закончилась. Врач, закрыв на мгновение глаза, утвердительно кивнула мне, а затем отрицательным жестом дала понять санитару, что очередного раненого не надо, и подошла ко мне.

— Ну, пойдем оптимист, посмотрим, что там у тебя. Пойдем, пойдем! — Сам голос ее, мягкий и ласковый, казалось, мог вылечить или, во всяком случае, утолял боль.

Я подошел к высокому и узкому операционному столу. Она показала мне на белый стул, стоящий рядом. Я сел.

— Ну, показывай, что там у тебя приключилось?

Осторожно, чтобы не причинить лишней боли и не зацепить ни за что бинтом левой рукой, правую положил на стол.

— А противостолбнячную тебе делали? — спросила она меня.

— Уже три раза.

— То есть как три раза. Зачем? — спросила она недоуменно.

— Так. Мне в карточке передового района наш фельдшер не отметил в первый раз. Потом в медсанбате воткнули. Там мне больше ничего не делали и тоже не отметили. А здесь в приемнике вашем снова укололи. В медсанбате и в вашем приемнике я пробовал возражать — и слушать не стали, воткнули. А вот если бы вы в четвертый раз меня колоть захотели, я бы даже не сознался, что уже кололи.

— А это почему? — посмотрела она на меня вопросительно. — Как понимать?

— Да как вам сказать... Как хотите, так и понимайте. Я думаю, в ваших руках и игла должна ласкать.

— Ах ты, подхалимчик ты эдакий! Ты что это говоришь?

— Истинную правду говорю, Мне же лучше знать. Ведь меня кололи.

— Ну ладно. Вот тебе и на. Здорово получается. Записать забывают, а все колют. Безобразие!

Я возразил:

— Зато теперь всех столбняков накрыло с тройным перекрытием, и они мне больше не страшны. Теперь не мне от них прививки надо, а им от меня. У меня теперь с гарантией.

— Ах ты, оптимистик ты мой, оптимистик. Все тебе шуточки.

— А у нас в роду, как мне покойная бабушка говорила, нытиков не было. Мы все такие.

— Ну, коли все такие, давай показывай, что с тобой наделали.

Я показал взглядом на руку лежащую на белой клеенке, которой был покрыт стол.

— Это я вижу, а с локтем левым что?

— Так, ерунда. Позавчера пуля воткнулась.

— Все у тебя ерунда. Три противостолбнячных сделали — ерунда. Пуля воткнулась — ерунда.

— Да в самом деле ерунда! На излете. Я ее сам вытащил и бросил.

— А может быть, у тебя еще что-нибудь, есть? — сказала она вопросительно и удивленно.

— Бедро прострелено. Это позавчера днем. Но это тоже ничего. Навылет. Завязали. Я еще день воевал.

— Господи, господи. Да какой же ты... — зашептала она удивленно.

— Как все. Солдат.

— Нет, не все такие. Все-то тебе ерунда, все нипочем. Чего же тебе еще надо? Ведь едва жив.

— Как это едва жив? — протестовал я. — Я совсем жив. Только побит немного. С вашей помощью месяц-два подремонтируюсь и опять, как новый, воевать начну.

— Новый, новый, — покачала она головой, — да со старыми заплатами.

— А что? Другая заплата крепче целого держится.

— Ну, давай посмотрим, куда заплаты ставить, что латать будем.

Она взяла меня за левую руку. Взяла мягко. Казалось, даже нежно. Разбинтовала локоть. Бинт бросила на никелированный подносик. Затем взялась за тампон. Когда отдирала его от ранки, стало немного больно, но прикосновения этой ласковой милой женщины были настолько приятны, что я был готов, чтобы она снимала повязки с десяти таких ранок, как эта.

Когда отдиралась марля от ранки на левом локте, я улыбнулся, но непроизвольно сморщил нос. В общем, получился смех сквозь слезы.

Она это поняла и нежно погладила меня по руке. Ох, как это было приятно! Затем обмыла ранку, ощупала, осторожно всунула в нее стеклянный стерженек миллиметра три в диаметре с маленькой шишечкой на конце. Это был зонд, которым она, очевидно, промеряла глубину ранки,

Пройдя сантиметра 2-3, зонд уперся. Вот и вся глубина.

Ощущение было, конечно, неприятное, на лбу выступил пот, и нос непроизвольно морщился.

— Ну, еще чуть-чуть, Секундочку. Сейчас кончу... — И вынула свою стеклянную палочку. — Да, тут действительно ничего опасного, — сказала она, глядя на ранку. — Сейчас помою, смажу и завяжу,

Кусочком марли, взятым пинцетом, смочила перекисью водорода и хорошо протерла вокруг ранки. Затем новым кусочком марли пару раз промокнула ранку, помазала вокруг, приложила марлевую салфетку с какой-то мазью, оклеила сверху кусочком марли, сложенным вдвое, и туго перевязала бинтом.

— Вот, на первую дырочку латочку наложили, — сказала она ласково. — Показывай вторую.

Левой, только что перевязанной рукой я показал на правое бедро.

— Ну, вставай! Я тебе помогу.

Она помогла мне подняться и стала расстегивать толстые ватные штаны, перепачканные грязью и кровью с большим масляным пятном на правом боку.

Недели три назад я получил очередной недельный офицерский доппак — граммов 400 сливочного масла, завернутого в газетную бумагу. Был сильный мороз. Масло было твердое, и я положил его в карман, брюк. Но затем масло понемногу размякло и приняло форму кармана. А я в горячке боевых дел забыл про него. Ночью спал прямо на улице, около жаркого костра. От моего ДП одна бумажка осталась, да большое жирное пятно насквозь от ноги до верхнего зеленого материала ватных брюк.

Врач опустила эти самые ватные штаны, расстегнула совсем серые, а с правой стороны бурые от крови кальсоны. Мне, конечно, было очень неудобно. А она совсем по дружески говорила:

— Ничего, ничего, я же врач, а ты больной...— И опустила все мое вещевое имущество ниже колен, прямо на валенки.

Снова, как накануне, в штабе полка, тело обдал приятный холодок.

Чувствовался запах давно немытого, пропотевшего, много раз промокавшего, пропитанного кровью белья.

Врач разбинтовала мне бедро, перевязанное через поясницу, помыла тело, обмыла ранки, осмотрела их, заклеила, забинтовала и успокаивающе сказала:

— Снаружи ранки хорошие. Должны бы зажить через несколько дней. А вот что там внутри, сказать трудно. Но будем надеяться на то, что ничего важного пуля не повредила. Будем надеяться. Скажи, какое ощущение дает это ранение? Как там внутри: горит, режет, булькает или просто болит?

Я ответил:

— Внутри просто никак. Не болит, не горит. Только общая тяжесть в правой стороне без острых ощущений. Мне кажется, пуля была умная и все важное обошла мимо.

— Ну, ты опять за свои шуточки.

— Нет, я на самом деле. Чего же жаловаться на то, чего нет.

— Если так, то будем надеяться, что и это ранение быстро заживет. Недели две — и следа не останется, коли правда все так спокойно внутри. Значит рука будет нашим главным делом.

— Да, я из-за руки и ушел из дивизиона. Я командир дивизиона, а мне оставить за себя было некого. После правой руки я уже воевать не мог, стал плохо чувствовать.

— А с локтем и бедром мог?

— Да, вполне мог. Я же два дня с локтем и с бедром воевал, а из-за руки сразу пришлось уходить.

— Господи, бедняжка ты мой. Выходит, даже раненому нельзя уходить.

— Нет, на самом же деле, в дивизионе командиров раньше перебили, а новеньких еще не дали. Когда я ушел, управлять огнем стало на самом деле некому. Но я уже тоже не мог. А то бы не ушел. Ведь немцев-то бить надо.

— Ой, ну как же ты так? А вдруг сепсис, заражение, а там гангрена?

— Во-первых, никакого заражения у меня быть не должно. Эта дрянь меня не одолеет. А во-вторых, это же у меня у одного

может случиться, а я за эти два дня немцев, наверное, пару десятков побил. Так что игра стоит свеч, правда?

— А мне бы именно эту свечу было бы очень жаль, — сказала она серьезно и на мгновение задумалась.

— Спасибо на добром слове... — начал было я говорить.

Но где-то на середине фразы, на полуслове меня тряхнуло электрическим током. В глазах блеснуло, и показались острые голубые лучи, вздрогнули и беспорядочно дернулись все мышцы, показалось, что заскрежетали зубы. В общем, дернуло и затрясло не какую-то часть тела или орган, а весь организм.

Это продолжалось мгновение, и ощущения начали быстро спадать,

Я попытался что-то сказать, но звука не получилось, только беспорядочно зашлепал губами.

Хотел посмотреть на врача, но почувствовал, как ее теплые, мягкие губы прижались к моему лбу.

— Миленький, вот и все. Больше так не будет.

Несмотря на почти шоковое состояние, в котором я на тот момент находился, мне показалось, что сказала она это не просто так, а с большим чувством.

Повязки на руке больше не было.

Врач внимательно смотрела на большую рану и покачивала головой.

Затем обмыла вокруг руку, обмыла края раны, промокнула ее марлевой салфеткой, еще посмотрела, взяла стеклянную палочку, что-то потрогала, пошевелила, затем что-то делала металлическим инструментом и все больше и больше качала головой.

Теперь мне не нравилось ее лицо. Вернее, само лицо было по-прежнему очень милым, но выражение было напряженное, озабоченное и даже скорбное. В нем не светилось более ни капли оптимизма.

Она молча выпрямилась, отошла к другому операционному столу, где работал мужчина, несколько старше ее по виду. Он как раз закончил обрабатывать раненого. Стала ему говорить, немного разводя при этом руками.

Поговорив с минуту, они вместе подошли ко мне.

Мужчина внимательно осмотрел руку, попробовал пальцы, потрогал рану металлическим инструментом, и они снова отошли.

Немного повернув голову, я увидел, как, наложив нижнюю губу на верхнюю, покачав головой и разведя слегка руками, он, очевидно, дал понять, что бессилён.

Мне стало ясно, что на этой маленькой консультации мои дела признаны плохими.

С видом боли на лице, как-то согнувшись, подошла ко мне «моя врачиха» и участливо, почти с отчаянием стала говорить:

— Бедненький ты мой. Очень сильное повреждение. Кисть оставлять опасно.

Во мне сразу поднялся протест. Боль в руке, изнурение тяжёлых последних бессонных дней — все отлетело в сторону. Забурлила внутренняя энергия.

— Нет! Я воевать буду. Я немцев бить буду, пока они на моей земле.

Зубы застучали, как при ознобе. Тело охватила мелкая дрожь.

Это не было ни страхом, ни горем, ни подавленностью. Тело дрожало от напряжения, от внутренней силы, от внезапно пробудившейся энергии и протеста.

— Нет! Я солдат. А без руки я воевать не смогу. Меня не пустят снова воевать. А я хочу убивать немцев, я хочу воевать хочу бить, хочу стрелять. А без правой руки я не солдат. Рано мне в отставку, рано в инвалиды.

Это не было ни рисовкой, ни бравадой. Это чувства, охватившие меня в тот тяжёлый и ответственный момент, вырвались наружу.

Затем каким-то сникшим, сиплым голосом с просьбой и надеждой я сказал:

— А может быть, хоть что-нибудь можно сделать, хоть что-нибудь?

Она отрицательно покачала головой.

— Милый, для этого нужен бог, а я ведь окончила всего три курса.

— Знаешь что? — Дрожь прошла, и я сказал это уже снова твердым голосом, почему-то обратившись на «ты». — До бога высоко, а немцы под Москвой, в Юхнове. Самим надо что-либо делать. Давай придумывать.

— Да, я не о том боге тебе говорила. Это у нас в институте до войны профессор был. Это он наш бог. Он все может. А что я? Да и мои коллеги тоже. Кто три, кто четыре курса кончил. На

вас беднягах доучиваемся, и совершенствуемся. А что поделаешь? Опытных хирургов не хватает.

— Тогда вот что, — начал я решительно и твердо. — Сделай, что можешь. Обработай, насколько возможно. Если надо — мучай, сколько хочешь. Я ничего не боюсь, но солдатом все равно буду.

— А вдруг сепсис, — сказала, она будто, робея.

— Так вот! Солдатом я буду, а дармоедом, иждивенцем все равно не буду.

В то время я ничего не представлял себе помимо войны, помимо боя. Я не пытался и даже не хотел себе представить, что сотни тысяч инвалидов, только оправившись, включались в сильную для них напряженную работу, а некоторые даже возвращались на фронт.

Тогда, думая о своей жизни (а задуматься об этом сразу пришлось), я решительно предлагал:

— В общем, или да, или нет. Третьего не будет. Но я все равно поправлюсь. Ты же понимаешь: в 20 лет — инвалид! Да что там. Все равно поправлюсь и, поверь, еще правым кулаком буду фашистам головы разбивать. Им же назло.

Получилось так, что сами обстоятельства, в которые я попал, заставили меня взять инициативу в свои руки и диктовать.

— Ну что же, попробую. Почисти как следует рану, обработай и завяжу. Может, где дальше сумеют что-либо сделать. Рану я как следует простерилизую.

Я был сильно возбужден. Это возбуждение поддерживало меня. Я не мог молчать и продолжал:

— А я хоть 10 госпиталей проеду, но все равно поправлюсь и руку нигде не оставлю. Все равно с ней обратно на войну вернусь.

Она стала возиться с моей кистью. Ощущение от этого было тяжелое. Когда внутри раны пинцет охватывал кость, сразу подташнивало. Странно! Берут за кость на руке, а отдается в желудке. Когда обрабатывались поверхность раны и ее края, то у верхней части раны чувствовалась острая боль впивающихся иголок, а когда касались нижней части раны, ближе к пальцам, — никакой остроты не чувствовалось. Казалось, что имеют дело не с моим живым телом, а с резиной. И я ощущал, как возятся с этой резиной, как ее прокалывают или режут.

Чтобы отвлечь мое внимание от болевых ощущений, врач разговаривала со мной:

— А где ты в школе учился?

Я охотно отвечал:

— В Москве, на 2-м Обиденском переулке в 32-й школе, а в 10-м классе во 2-й артиллерийской спецшколе. Она около зоопарка была.

— А когда окончил?

— В 1938 году.

— И я тоже в 1938 году, — как будто обрадовалась она.

«Вот те раз! — подумал я. — Закончила вместе со мной, а на вид намного старше».

— А сколько тебе лет? — задал я вопрос, с которым обращаться к женщинам, кажется, совсем не учтиво.

Но что поделаешь — молодость, война, да и мое положение в тот момент... О корректности или приличии я не подумал, да и она не смутилась, не зажеманничала, а просто и непосредственно ответила:

— Двадцать один.

— Да ну? — удивившись, я ляпнул еще большую бестактность. — А я думал, что больше — лет 26—27.

Но она очень просто и немного печально, сочтя, очевидно, мои слова вполне естественными, ответила:

— Здесь работа не молодит. Хорошо, что пока еще сорока не дают. Все может быть.

— А ты где училась? — начал спрашивать я.

— В Замоскворечье, а потом во 2-м Московском мединституте. Но я уже сказала. Всего три курса. Теперь доучиваюсь на живых людях... — И, чуть задержавшись, печально добавила: — А от этого иногда бывает так тяжело.

— Тем, кого лечишь? — зачем-то вставил я.

Но она так же просто и печально продолжала:

— Они, может, и не догадываются. Думают, что так и надо. А вот я все понимаю, и иногда хочется плакать, кричать, убежать от этого стола, быть медсестрой, а не хирургом. Но нельзя. Ни того, ни другого, ни третьего.

— Какая ты хорошая! — сказал я, даже не подумав. Просто сами чувства выразил в слух.

— Ах, да что там «хорошая»! — возразила она с сожалением. — Если бы я только умела все делать так, как нужно.

— Да ты и так делаешь все так, как нужно, — пытался подбадривать я. — И еще лучше, чем другие. А потом научишься совсем хорошо.

— Какой там «как нужно», — не соглашалась она. — Да и учусь-то на живых людях. На жизни, на здоровье...

И сказала это она так печально, с отчаянием, что я не выдержал, чтобы не успокоить:

— Ну, не горюй, не печалься. Все будет хорошо.

— Да ты что? — посмотрела она с удивлением мне в глаза. — Никак сам меня успокаивать взялся? Бедный! Милый!

— А я не бедный, — сказал я упрямо.

— Ну, вот я и заканчиваю, — сказала она.

Обернула в последний раз бинт вокруг руки, сделала маленький узелок и обрезала ножницами белые кончики. Затем салфеткой вытерла мне пот со лба, погладив при этой ладонью по лицу, и помогла подняться на ноги. Вместе с девушкой-санитаркой помогла одеться, застегнула и повела к выходу.

Когда вышли в тамбур палатки, сказала санитарке:

— Проводишь в домик. Иди вперед, сейчас догоню.

Санитарка вышла.

— Спасибо тебе, спасибо, — говорил я от души.

— Какое там спасибо! За что? Я ведь, по существу, ничего не сделала. Только очистила и перебинтовала. Если будут у тебя силы, постарайся быстрее добраться до Москвы. Там, может, кто-нибудь сумеет помочь. А в полевых госпиталях мало надежды, чтобы помогли. Если и есть хороший хирург, так условий нет необходимых. В Москве тоже нелегко найти, кого надо. Ну иди, иди! Выздоровливай. Будь счастлив, милый!

Она легко вытолкнула меня на улицу, нежно обняла, прижалась и крепко поцеловала в губы.

— Милый, прощай, извини меня! — Всклипнула и исчезла в палатке.

Больше на собственные чувства времени не было. Раненые ждали.

Я сделал несколько шагов. Ко мне подошла санитарка. Она ждала.

Почему я не спросил, как звали эту милую женщину, вернее, девушку, которая только что с таким желанием, мужеством и нежностью помогала мне? Почему не узнал ее адрес и где ее снова найти?

Видимо, по своей неопытности, застенчивости, неумения обращаться с женщинами, из-за условий и состояния, в котором находился.

Так жаль! Я больше никогда ее не видел. А почему она оказала мне столько внимания? Почему была со мной так нежна? Почему поцеловала? Это не было ее обычным отношением к раненому. В этом я уверен.

Как жаль, что больше никогда ее не встретил!

Санитарка помогла мне дойти до рубленной пятистенной избы.

— Здесь у нас раненые, которые уже обработанные, живут. До эвакуации. Ждут, пока их дальше в тыл повезут.

— А сколько времени они здесь живут? — задал я вопрос, наиболее меня интересовавший.

— Да кто как, какие дня четыре, а какие неделю, а какие прямо тут, только в другом доме, в команду выздоравливающих переводятся — нам помогают, по хозяйству работают, а потом их выписывают обратно на фронт.

Эх, а разве там, где был этот госпиталь, не фронт? — думается теперь. Да и тогда в тылу так думали, а вот для людей, находившихся в 20 км от переднего края и не раз при резких колебаниях фронта, при прорывах противника оказывавшихся в самом пекле, это был не фронт?

Моя невольная собеседница оказалась весьма словоохотливой. Она быстро выпалила все, что знала, на мой вопрос, но потом сбавила темп и значительно тише закончила:

— Ну а которые уже на опушке леса, так тем вечная память.

«Э... э... — подумал я. — Видно, если тут самому не постараться, так можно не только без руки остаться, но еще и в «вечную память» попасть. Придется убираться отсюда «собственным попечением». (Есть такое понятие в военной службе.)

Мы взошли на крыльцо, на котором стояло несколько раненых. Они курили махорочные самокрутки и негромко разговаривали. Очевидно, делились впечатлениями о жизни, о службе, о собственной судьбе.

Прошли в дверь. В сенях, где толпилось много народу, меня записали в регистрационную книгу, задали несколько вопросов, но на мой вопрос «когда меня отправят в тыл?» ответили не обнадеживающе:

— Когда очередь дойдет! — И показали на большую, освещенную керосиновой лампой горницу, которая отделялась от

сений дощатой перегородкой, не доходившей до потолка сантиметров на 40.

Там на полу вповалку лежали раненные. Между ними, едва находя место куда поставить ногу, ходила санитарка.

Кто-то спал, подложив шапку вместо подушки, подстелив под себя шинель и шинелью же накрывшись. Кто-то сидел озираясь по сторонам. Кто-то стонал, кто-то звал:

— Санитар, санитар!

Стоял теплый запах разных лекарств, крови и больного человеческого тела.

Войдя в комнату, первым делом я спросил:

— Когда можно поесть? Кормить когда будете?

— Завтра, — ответил мне монотонным голосом пожилой санитар, вошедший вслед за мной. — Ужин уже кончился. Завтрак с 8 до 9 утра.

— У вас ужин уже кончился, а у меня-то еще не начинался. Я есть хочу!

Санитар совершенно невозмутимо и безучастно продолжал:

— В каждом монастыре есть устав — со своим уставом в монастырь не ходят.

— А я есть хочу! — настаивая я.

— Вот и позавтракаете, — отвечал мне санитар.

В общем, этот пожилой санитар тут был ни при чем. Его дело было раздавать пищу, которую в положенное время он получал в полковой кухне, а накормить человека в неурочное время было весьма сложно. Кухня готовилась к очередной варке.

Конечно, можно было бы добиться куска хлеба с чем-нибудь, но у меня начинала сильно болеть рука и становилось не до еды.

Кое-как нашел место, где раненные лежали не так плотно.

Постелил на пол мой драный полушубок и кое-как лег, слегка раздвинув лежащих. Один из них просто потеснился, подвинулся в сторону, а другой громко застонал. Очевидно, я причинил ему боль или, пробудив от полусабытья, вернул к реальным ощущениям.

Однако, несмотря ни на что, надо было устраиваться.

Я положил шапку под голову и задремал, но скоро проснулся. Рука сильно болела, и лежать неподвижно было совершенно невыносимо. Когда я переворачивался — опять потревожил соседа. Он стал вскрикивать. Сначала тихо-тихо, а потом все

громче и громче. Пришлось остаться в довольно неудобной позе. Раненый тоже затих.

Боль в руке настолько усилилась, что не только о сне, но и о том, чтобы лежать спокойно, не могло быть и речи. Однако каждым своим движением я тревожил соседа, вызывая, очевидно, у него сильные боли. Он вскрикивал, Мне надо было как-то отвлечься от боли в руке, иначе мое положение становилось нестерпимым.

Я встал и стал переступать с ноги на ногу.

Чтобы стоять двумя валенками на полу, места было достаточно, а главное, я никому не мешал и не причинял страдания.

Когда я начал топтаться на месте — это вышло непроизвольно, — тупая тяжелая боль в правом бедре начала отвлекать от невыносимой острой боли в руке. Инстинктивно я стал топтаться энергичнее. Это усилило тупую, но вполне переносимую боль, и почувствовалось общее облегчение, как будто острота боли с одного места распределялась по всему телу.

Я топтался и топтался, переступая с ноги на ногу.

Санитарка, обеспокоенная или удивленная моим поведением, спросила, в чем дело, почему я встал ночью и не ложусь.

Я отвечал, что так мне удобнее, лучше, и она не стала переспрашивать и надоедать.

Бедняга мой сосед, из-за которого я встал, иногда стонал, вскрикивал, потом затихал. Вдруг он начинал глубоко дышать. Через несколько минут дыхание со свистом или с хрипом срывалось и становилось неравномерным, прерывистым, а потом снова успокаивалось и приходило в норму.

Я все время смотрел на него, чтобы как-нибудь не задеть ногой, не потревожить и не принести ему лишних страданий.

Вначале, когда я еще лежал, а он так болезненно реагировал на движения, я пытался заговорить, но его состояние было настолько тяжелым, что из этого ничего не вышло.

Я не знал, сколько было времени. Быстро или медленно оно проходило, но оно шло. Протекали часы, а я все топтался, поворачиваясь лицом то в одну то в другую сторону.

От всего этого нога и рука болели так, что этой болью было наполнено все тело, включая голову и, наверное, уши и нос и кончики всех пальцев.

Ощущение было такое, будто черепная крышка готова оторваться и подлететь вверх от давления, которое ощущалось в голове.

Боль была не только во мне, но заполняла для меня весь мир.

Я уже больше ничего не видел, не слышал и ни о чем другом не мог думать.

Как только я переставал топтаться, в ноге и в животе становилось легче, но боль в руке настолько обострялась, что становилось совершение невыносимо. Голова ходила из стороны в сторону, вся комната и лежащие на полу раненые колебались, и я боялся, чтобы не упасть.

Из рта рвался крик-стон. Я его подавлял, зажимал зубы. Крик превращался в стон. Я его глотал и лишь дышал с хрипом, изредка бормоча ругательства, причем так тихо и невнятно, что, кроме меня самого, их, кажется, никто не мог разобрать. Со стороны слышался только хрип, но явно не простудного характера. Он скорее походил на kloкочущий храп.

Под утро мой бедный сосед успокоился. Сначала я не придал этому значений.

Мое сознание слишком было наполнено собственной болью и переживаниями. Но потом это спокойствие стало меня беспокоить. Я пригляделся — казалось, он не шевелится. Потихоньку опустившись на колени, я откинул шинель, которая почему-то оказалась накинутой на лицо раненого.

Глаза были закрыты, грудь не колыбалась. Лицо было безжизненным, губы оказались совсем холодными, а лоб лишь чуть теплым.

Сомнений не было. Я много раз видел, как умирали люди.

Крикнул санитар. Подошла санитарка. Я показал жестом. Она нагнулась, посмотреть и тихо с глубокой печалью сказала:
— Отмучился бедняга.

Потом привела фельдшера и еще одного санитар. Один взял покойного под коленки, другой — под руки, и его вынесли.

Это печальное, хотя вполне обыденное для войны явление отвлекло меня. Если до этого боль поглощала все мои мысли, и они, если так можно сказать, были целиком внутри моего тела, то теперь собственная боль на какое-то время осталось где-то сзади, на втором плане, а мысли были вокруг этого умершего от ран солдата.

Около меня стало больше свободного места, боль перестала быть такой невыносимой, она притупилась, но лечь я не мог. То ли не желал приобрести место за счет умершего солдата (эта моральная сторона, безусловно, имела место), то ли просто боялся, что, когда перестану топтаться и лягу, рука снова очень заболит.

Как бы там ни было, но я не ложился и протоптался до утра, пока не начали разносить завтрак.

Мне принесли большую старую фаянсовую тарелку с вышербленными серыми краями. В тарелку был налит желтоватый суп, похожий не бульон с пшеничной крупой, со следами мяса и жира. К супу был кусок черного хлеба. Предложенную ложку я не взял, а вынул из галинища валенка мой старый испытаний «литровый» алюминиевый черпачек, потом встал на колени, поправил, чтобы тарелку поставить на пол, и через минуту или две, даже не успев почувствовать вкус супа стал просить добавку.

Просьбу пришлось повторить несколько раз. В результате мне принесли еще немного желтого супа.

Госпиталь, очевидно, не был рассчитан на такое количество раненых.

На войне бывает нехватка не только в оружии и боеприпасах, но и в госпиталях и койках (а за койкоместом белье, врачи, медперсонал, продукты, медикаменты, транспорт). Случается так, что в артиллерии нет снарядов — нечем стрелять, а в госпиталях некуда принимать раненых — исчерпана коечная емкость. Аналогию можно продолжить. Редко может случиться, чтобы не было ни одного снаряда. Не нами придумано, а давно известно, что без снарядов артиллерия хуже обоза третьего разряда (это обоз с малоценным хозяйственным имуществом). Так вот, когда артиллерист говорит, что у него нет снарядов, это значит, что снаряды есть, но их очень мало, и потому расход снарядов резко сокращают и орудия сидят на голодном пайке, однако если припрет и очень надо — стреляют.

Когда не хватает койкомест в госпитале, т. е. нет свободных и нет возможности раненых направить в другой госпиталь или в другой госпитальный район, то приходится класть раненых теснее на нарах, или по двое на койку, или на пол. Порции приходится сокращать. Врачам, всему медицинскому и обслуживающему персоналу больше работать, меньше отдыхать и спать, меньше уделять времени каждому больному и оказывать лишь самую необходимо помощь А хирурги иногда по двое суток не

отходили от операционных столов. Им давали взбадривавшие средства, если надо, поддерживали под руки, они работали, пока не падали. Госпиталь работал — принимал, обрабатывал, содержал и эвакуировал раненых

Такое бывало, когда выдыхалось крупное наступление, тогда поток раненых был особенно велик.

Во время описываемых событий — в половине февраля 1942 года — как раз заканчивалось контрнаступление под Москвой. Потому было так тяжело.

Содержание госпитальных мест не дешево и не просто. Это требует больших средств. А в средствах во время войны, как известно, избытка не было. Их всегда недоставало. Средства надо было распределить рационально или, как принято говорить, необходим был оптимальный вариант распределения государственных затрат на оружие, боеприпасы, военную технику, на содержание медицинской службы и всех медицинских учреждений, Увеличить расходы на медицину — значит, сократить на вооружение и боеприпасы, а меньше оружия — больше потери, больше раненых.

Вот потому-то нельзя было обеспечить всех раненых и в любое время всем необходимым.

Медицинское обеспечение рассчитывалось не на пиковый, а на средний поток раненых.

Приходили санитары и фельдшер, одних раненых уносили, других приносили или приводили, кого-то вызывали, кто-то сам приходил.

С утренним обходом пришел врач. Каждого, кто мог говорить, он опрашивал о самочувствии. Об остальных докладывал фельдшер или медсестра.

В общем, жизнь госпиталя шла своим чередом.

Съев две порции, я почувствовал прилив сил и жажду деятельности, которую направил, естественно, на скорейшую «эвакуацию в глубь страны», как было тогда принято говорить. Я несколько раз спрашивал:

— Когда будут эвакуировать?

Но получал один и тот же ответ:

— Когда очередь подойдет!

Наплыв раненых был очень большим. Госпиталь переполнен. Транспортных средств не хватало. Потому надежды на бы-

струю плановую эвакуацию не было, надо было действовать «собственным попечением».

Прежде всего я присмотрелся к обстановке, прислушался к разговорам.

Поначалу никаких благоприятных симптомов не чувствовалось. Однако через полчаса или час стало кое-что вырисовываться. В том числе и то, что должны отправлять одну грузовую машину с тяжелоранеными.

Такое упустить нельзя

Я кое-как натянул полушубок, выбрался из хаты на улицу. К дому подъезжала полупторка ГАЗ-АА.

Через несколько минут стали выносить раненых и осторожно укладывать их в застланный соломой кузов. Пока я крутился около машины, выяснил, что у водителя нет помощника, а ехать в такой рейс ему одному трудно. Мало ли что по дороге случиться может! Дорога не шоссейная, вся в рытвинах, за ночь замело, застрять можно.

Я тут же предложил свои услуги и помощь, объяснив, что езжу на машине неплохо, почти пять лет, имею любительские водительские права, что нужно, сделаю, если надо, подтолкну. В результате я оказался в кабине рядом с водителем. Пришлось поднатужиться, потерпеть и сделать вид, что влезаю в машину легко и ловко.

Ох и дорого стоили мне эти «ловкость» и «легкость»!

Зубы сжал, чтобы не охнуть. Когда влезал, глаза сами зажмурились от боли и слезы выступили, но водитель ничего не заметил и, как мне показалось, был доволен, что получил помощника. Раненых уложили, пересчитали, проверили, записали в толстую тетрадь. Подняли и закрыли на засовы борта машины. Кто-то, очевидно старший на погрузке раненых, крикнул водителю:

— Пошел!

Водитель достал из под своего сидения заводную ручку, подошел к машине спереди, с характерным звуком вставил эту ручку в гнездо, как следует прокрутил. Мотор сначала только тяжело урчал, потом несколько раз фыркнул, но не завелся.

Водитель крикнул мне:

— Подсос вытяни!

Я кое-как левой рукой вытянул монетку подсоса, т.е. обогащения горючей смеси. Опять не завелась. Тогда водитель командовал:

— Опережение поставь пораньше немного, только совсем немножко!

Он, очевидно, боялся, чтобы я не поставил слишком раннее зажигание и чтобы при вспышке заводную ручку не отбросило бы назад. Это опасно. Может ему перебить руку.

Я опять-таки с трудом передвинул гашетку опережения зажигания, которая размещалась на рулевой колонке около кнопки сигнала.

Сейчас машины более совершенны, и регулировка опережения зажигания, т.е. установка зажигания, производится лишь изредка с помощью ключа и отвертки, а далее регулируется автоматически. А раньше регулировалась постоянно водителем.

Снова водитель заработал заводной ручкой. Сначала ничего, а потом двигатель — пых-пых-чих — и заработал.

— Молодец, помогаешь! — крикнул мне водитель и продолжал заниматься своим шоферским делом.

Мотор заурчал громче. Водитель сел в кабину, машина пару раз дернулась и поехала вперед, покачиваясь, переваливаясь и подпрыгивая.

У меня отлегло от сердца. Я все боялся, как бы при погрузке не спросили водителя, кто я такой, откуда взялся и на каком основании залез в кабину. Но санитары не обратили на меня внимания — то ли не заметили, то ли подумали, что я в этой машине приехал.

Дорога была тяжелая. Машина часто буксовала, но водитель довольно искусно преодолевал препятствия.

Проехали несколько километров. Попали в канаву. Машина взад-вперед, взад-вперед, еще несколько раз взад-вперед. Ничего не получается. Наша полуторка все глубже зарывается. Водитель — мне:

— Вылези, подтолкни!

Я, естественно, сделать этого не могу и во всем признался водителю. Он выругался, но, естественно, сделать уже ничего не мог, отправлять меня обратно было поздно. Тогда водитель еще

подергал машину. У него опять ничего не вышло — застрявшая машина из канавы не вылезала. Тогда он уже полупросительно сказал мне

— Ну ладно, ты хоть за баранку поддержишь, а я подтолкну.

Я в ответ:

— Не могу. У меня одна только левая нога рабочая и та болит, нажимать не могу.

Водитель снова начал ругаться. Матерился, матерился во все адреса: и в адрес дороги, и в адрес войны, и немцев, и в основном, конечно, в мой. Но видя, что никакие ругательства все равно не помогут вытащить машину, поглядел на меня укоризненно и сказал:

— Это же только преступники могут делать такое.

Пришлось ему разъяснять, что это не преступление, а желание снова и быстрее воевать, иначе его самого могут вместо меня в огонь послать.

Водитель остановился на минуту, задумался над тем, что я сказал, кажется, понял суть произошедшего и успокоился. Затем, что-то ворча про себя невнятное, по-моему опять ругательства, но уже не в мой адрес, он вылез из машины, взял пристегнутую к борту машины лопату, откопал колеса, прочистил колею, наломал соснового лапника, подостлал его под задние колеса, сунул лопату в кабину мне под ноги, влез в кабину, подергал вперед-назад машину, снова сильно тревожа этим раненых, и выехал. Поехали.

Еще три-четыре раза застревали. Все повторялось примерно так же — с бормотанием проклятий (но уже в мой адрес). Разница лишь в том, что подстилал он в колею под колеса не только сосновый лапник, а еловый или ветки березовые или осиновые, смотря какие деревья росли по дороге.

Через два или три часа подъехали к большому рубленому одноэтажному дому, какие бывают обычно на небольших железнодорожных станциях или разъездах.

Разгрузились.

Я поблагодарил водителя. Попросил извинения, а он, приняв мое бывшее разъяснение, совершенно серьезно, хотя и не без матерка, ответил:

— Какого ты... еще винишься тут, а то и впрямь меня с винтовкой в атаку погонят, а мне то уж пятьдесят второй. Так

что будь здоровый. Дай тебе бог. А я не взыщу! — И, сделав паузу, несколько приглушив голос, добавил: — Да: вот еще что... На меня обиду тоже не имей. Это ведь все так, от души. Война ведь.

На том и разошлись.

Перед домом, к которому мы подъехали, было большое низкое крыльцо, всего одна ступенька от земли. Пол у крыльца был сделан из толстых широких досок, уже сильно потертых, с большими щелями. Односкатная пологая крыша крыльца лежала на шести толстых тесаных столбах-опорах. Внутри крыльца по краям — широкие лавки. А в дом вела большая, обитая драгой клеенкой дверь.

Сразу за дверью большое помещение — прихожая. Теперь это принято называть холл. Хотя в холле принято ощущать какую-то хоть малую парадность, которой не было и в помине, там поместилось то ли все приемное отделение, то ли одна регистратура. Раненых быстро осматривали, записывали, определяли по комнатам — госпитальным палатам.

В середине задней стенки приемной комнаты была широкая дверь, она вела в коридор, который шел справа налево вдоль всего дома посередине. По обе стороны коридора были комнаты, в каждую из них вела отдельная дверь. Такое строение принято называть домом коридорной системы.

Меня повели по коридору налево. По правой стороне была большая длинная комната с двумя неширокими двустворчатыми окнами. Вдоль стен были сооружены трехэтажные деревянные неструганые нары, застланные соломой. Первые два яруса были уже полностью заняты. Мне определили место на третьем ярусе, куда надо было забираться по приставной деревянной лестнице. Забраться туда я не сумел, да и особенно не пытался.

За дорогу я здорово устал, меня растрясло, все болело. Надо было бы отлежаться, но я спешил сначала узнать, когда будут отправлять дальше.

Вышел в коридор. Стал расспрашивать. Зашел снова в приемную.

Все, что сумел узнать, это что эвакуируют через несколько дней, если повезет, а вернее, через неделю.

Узнал о транспорте: отвозят в сторону Москвы на автобусах.

Выходило, что рассчитывать на плановую эвакуацию нельзя. За это время руки не будет. Надо опять как-нибудь проскочить в первый же очередной транспорт.

Вернулся в свою палату. На третьи нары не полез. Даже пытаться не стал. Спасибо, помогли залезть на второй этаж нар. Там один раненый со мной обменялся и полез наверх на мое место. Лег. Полушубок под себя, шапку под голову. Вздремнул. Отдохнул немного.

Проснулся от шума. Громко разговаривали об эвакуации раненых. Сразу прислушался, насторожился. Точно. Готовится транспорт.

На нарах, что напротив моих, на первом ярусе сидел, свесив ноги, сильно забинтованный, по следам обмундирования летчик. Он был сильно взволнован. Его настойчиво уговаривал фельдшер:

— Вы подлежите эвакуации. Почему вы не хотите ехать?

— Да не могу я ехать! — отвечал раненый.

Фельдшер продолжал:

— Вы в списках на очередной транспорт и обязаны эвакуироваться. Надо подчиняться.

— Сказал же вам: не поеду! — слышалось в ответ раздраженно. — Как я могу его оставить? — показал летчик на лежавшего рядом с ним раненого, укрытого одеялом, который был, очевидно, в очень тяжелом состоянии. — Это мой командир-летчик. Я штурманом с ним летал. Я без него не поеду, а он нетранспортабельный (т.е. не подлежащий перевозке до определенного улучшения состояния).

Фельдшер, очевидно, не мог понять связи между тяжелым состоянием и невозможностью эвакуации одного и нежеланием уезжать другого. Он продолжал настаивать;

— А вы при чем? Вас отправляют. Собирайтесь!

Даже со стороны чувствовалось, что между этими людьми глухая стена взаимного непонимания совершенно различный подход к вопросу, который сейчас занимал их обоих: один не мог оставить беспомощного друга, а другой не мог понять, что же общего может быть между двумя ранеными, которым предписаны совершенно разные режимы, несовместимые по месту.

— Не поеду я без командира. Сказал вам, вот и все! — стоял на своем раненый.

— Да тут нет никаких командиров, — настаивал фельдшер. — Тут экипажами не отправляют, ни танковыми, ни самолетными. Тут нет среди вас ни начальников, ни подчиненных, тут все равны по чину, только по ранениям разделяются. Раненых здесь сортируют и индивидуально отправляют.

Даже такая, с точки зрения фельдшера, вполне доказательная тирада не внесла никакого сближения в позиции сторон.

— Сказал вам по-русски: не поеду без командира! Не оставлю я его. Вот и все! Нас зенитка подбила. Самолет горел. А у меня спереди парашютную сумку порвало, с парашютом вместе. Он из-за меня не прыгал, стал самолет сажать. И вот едва жив остался, меня спасая. Он меня не бросил. А теперь я его не брошу?

— Да вы-то ему зачем? — доказывал фельдшер. — Сам-то вы какой побитый! Вас еще оперировать, наверное, нужно.

— Не надо...

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Крамарь Юрий Тимофеевич**.

Оргкомитет по изданию 5-го тома воспоминаний о войне
«От солдата до генерала» в составе:

руководителя Оргкомитета — президента Академии исторических наук Шоля Евгения Ивановича,

членов Оргкомитета от Академии исторических наук — Вураки Андрея Федоровича, Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Кирсанова Виктора Николаевича, Красногорского Василия Ивановича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Смирнова Геннадия Викторовича, Шиманкина Владимира Васильевича, Шишкина Николая Константиновича и

членов Оргкомитета от Московской общественной организации ветеранов войны — Слухая Ивана Андреевича, Наливалкина Дмитрия Алексеевича, Абламонова Петра Федоровича,

члена Оргкомитета от Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда Вооруженных сил и правоохранительных органов Черкасова Николая Павловича

**выражает благодарность за участие в организации
подготовки рукописей воспоминаний:**

преподавателям факультетов военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) — полковнику Пустовалову Геннадию Ивановичу, подполковникам Араеву Сергею Ивановичу, Гладилину Николаю Александровичу, Корневу Олегу Ивановичу, Лопань Александру Викторовичу; Московского государственного горного университета — подполковнику Попову Игорю Аркадьевичу, майору Нурматову Андрею Владимировичу; Московского государственного строительного университета — подполковникам Ковалеву Владимиру Владимировичу, Дроботу Юрию Николаевичу, Шевченко Юрию Анатольевичу; Московского государственного университета природообустройства — подполковнику Колесниченко Николаю Викторовичу; Московского государственного агроинженерного университета им. В.П. Горячкина — полковнику Ганкову Алексею Сергеевичу; Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского — подполковнику Фросину Юрию Николаевичу; Московского энергетического института (технического уни-

верситета) — полковникам Бузыкину Георгию Андреевичу, Саврасову Дмитрию Анатольевичу; Московского государственного лингвистического университета — подполковнику Кабенкову Сергею Юрьевичу, а также профессору кафедры истории Московского авиационного института (государственного технического университета) Боечину Владимиру Петровичу и мастеру Профессионального училища №5 г. Москвы Миловой Ольге Владимировне.

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА
Воспоминания о войне
Том 5

Редактор Б.А.Петров
Художник М.А.Зосимова
Набор и верстка А.А.Кувшинников
Корректор А.Н.Борисова

ООО «Алгоритм–Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 929-93-02

Сдано в набор 14.04.05. Подписано в печать 25.04.05.
Формат 60х84/16. Офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 19. Тираж 850 экз. Заказ

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ГУП ордена «Знак Почета» Смоленской областной типографии
им. В.И.Смирнова. 214000, г.Смоленск, проспект им. Ю.Гагарина, 2.